

34392
~~1/24~~
~~83~~ Р 15
188
Владиміръ Андерсонъ.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И СЕКТАНТСТВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКАГО РЕЛИГИОЗНАГО РАЗНОМЫСЛІЯ.

Поморство.

Едосѣвщина.

Филпповщина.

Странничество.

Австрійское согласіе.

Единоѡріе.

Стригольничество.

Жидовство.

Хлыстовщина.

Скопчество.

Духоборчество.

Шалопутство.

Шундизмъ.

Пашковщина.

Хилиазмъ.

Іоаннитство.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО

Р
15
188

Р
15
188

Въ книжномъ складѣ В. И. ГУБИНСКАГО.

Очерки современной психологіи. Этюды о выдающихся писателяхъ нашего времени. Сочин. П. Бурже, пер. Э. К. Ватсова. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Характеры или нравы этого вѣка. Сочиненіе Жака Лабрюйера. Съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сент-Бева. Переводъ съ французскаго. Спб., 1890 года ц. 1 р. 50 к., 317 стр.

Современная германская психологія. Опытная школа. Соч. Профессора Т. Рибо. Переводъ съ франц. Спб., ц. 1 р.

Соціально законы. Личное творчество среди законовъ природы и общества. Соч. Габриэля Тарда, перев. Л. Оболенскаго. Спб., ц. 40 к.

Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени въ популярномъ изложеніи. Соч. Фр. Кирхнера. Переводъ съ нѣмецкаго В. Вольфсона, съ дополнительною статью «Исторія русской философіи» В. В. Чуйко. Спб. 2 издан., 393 стр., ц. 1 р. 20 к.

О воспитаніи умственнымъ и нравственнымъ. В. Г. Бѣлинскаго. Состав. А. Н. Сальниковъ Спб. 158 стр., ц. 50 к.

Геронизмъ. Соч. Арманъ Репо. Прямѣры героизма и нравственной энергіи въ исторіи вѣхъ времёнъ и народовъ. Съ 25 рисунками. Перенелъ съ французскаго и пополнилъ примѣрами-русского героизма В. Д. Владиміровичъ. Спб., ц. 1 р.

Опытъ общей психологіи. Популярное пособіе при изученіи психологіи. Соч. Шарля Рише, профессора медицинскаго факультета въ Парижѣ. Пер. П. Федоровой. Спб., ц. 65 к.

Основы общедоступной психологіи и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Седдл. Переводъ съ англійскаго, подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Изд. 4 ое Спб., ц. 1 р. 35 к.

Радости жизни. Соч. Д. Леббока. Перев. съ 14-го англійскаго изд. М. И. Ловцовой съ предисловіемъ А. Михайлова. Спб. 3-е изд., ц. 90 к.

Идеалы жизни. Умѣнье жить разумно и съ пользою, соч. сэра Дж. Леббока Перев. съ англійскаго М. Ловцовой. Спб. 1902 г. 302 стр. 2-е изд., ц. 75 к.

Чтенія объ искусствѣ. Сочиненіе знаменитаго ученаго И. Тона, переводъ А. Н. Чудинова, 5-ое исправленное изданіе, 414 стр., Спб., ц. 1 р. 50 к.

Исторія культуры. Соч. Фр. Гельвальда, при участіи профессоромъ: Гааза, Бюхнера, Лефманна, Хорна, Гольма, Гейне, Ш—амъ—Рина, Л. Гейгера, Филиппова и др. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Съ рисунками, перев. подъ редакцію д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898 г. Томъ 1-й, ц. 1 р. 50 к.—Томъ II, Автентичная культура, ц. 1 р. 50 к.—Томъ III-й. Новѣйшая культура, ц. 1 р. 35 к.

Историческіе и религіозные этюды. Соч. знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана. Подъ редакцію В. В. Чуйко. Изд. 4-е. Спб., ц. 1 р.

Реформы въ политической экономіи. Соч. Тарда. Перев. Л. Оболенскаго. Спб., ц. 35 к.

Происхожденіе семьи и собственности. Соч. извѣстн. учен. П. Тардъ, пер. съ франц. Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности но теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ. Спб. Цѣна 50 к.

Происхожденіе чловѣка и половой подборъ, соч. Ч. Дарвина, Переводъ д-ра М. Филиппова, съ многочисленными рисунками. Спб., ц. 2 р.

Жизнь послѣ смерти. Научные и моральные выводы философіи. Соч. Леона Денп. Перев. съ французскаго. 2-е изд. 1898 г. 320 стр., ц. 1 р.

Этика, наука о нравственности. Автора книги «Исторія философіи», —Фр. Кирхнера, доктор философіи. Перев. подъ редакцію Л. Оболенскаго. 2 изд. Спб., ц. 80 к.

Популярная астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ д-ра Клейна. Перев. съ нѣмецкаго, послѣднее изданіе. Спб. съ многочисленн. рисунками, 2 изд. ц. 1 р.

Избранныя мысли и афоризмы Вольтаганъ Гете, ц. 20 к.

Мысли и афоризмы Байрова, Шиллера и Берне, ц. 25 к.

Мысли Цицерона. Перев. Гюнсбурга, ц. 15 к.

Мысли и афоризмы Спенсера, перев. М. Модель, ц. 30 к.

Свѣтлы русской мысли. Толстой, Достоевскій, и В. Соловьевъ. Мысли, афоризмы и парадоксы. Спб., ц. 50 к.

2-й томъ Герценъ, Шелгуновъ, Михайловскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и Писаревъ. Спб., ц. 30 к.

Мысли Паскаля Перев. Гюнсбурга, ц. 15 к.

Мысли и афоризмы Вольтера. Перев. Гюнсбурга, ц. 30 к.

Для чего страданіе? Шарбонелли, ц. 6 к.

~~1883~~
Владиміръ Андерсонъ.

P 15
188

Старообрядчество и Сektанство.

§ 1² / 81.34

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКАГО РЕЛИГИОЗНАГО РАЗНОМЫСЛІЯ.

Поморство.

Федосѣвщина.

Филипповщина.

Странничество.

Австрійское согласіе.

Единоѣріе.

Стригольничество.

Жидовство.

Хлыстовщина.

Скопчество.

Духоборчество.

Шалопутство.

Штундизмъ.

Пашковщина.

Хиліазмъ.

Юаннитство.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ. Краткій очеркъ религіозныхъ вѣроисповѣданій. Сочиненіе Англійскаго евангелиста В. Д. Пракса, переводъ съ послѣд. изд. М. Ловцовой 187 стр. цѣна 50 к. 1904 г. Религія Индіи, Джаннизъ, Буддизмъ, Зороастризмъ, Конфуціанство, Таоизмъ, Шинтоизмъ, Магометанство, Иудаизмъ, Христіанство, Церковь Апостольскаго вѣка. Церковь первыхъ шести вѣковъ. Римско-католическая церковь, Греческая церковь, Протестантскія церкви. Лютеранская церковь, Англиканская церковь, Просвитеріанская церковь, Баптисты, Индепенденты, Методисты, Квакеры, Сведборгіанизмъ, Секта Ирвингіанъ, Унитаризмъ, различныя другія секты.

НРАВСТВЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ С. СМАЙЛЬСА.

Т. I. Умъ и энергія. „Жизнь и трудъ“ (Life and labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакціею Д. А. Коробчевскаго. Характеристики пѣтъ жизни великихъ людей. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: Люди и благородные люди Великіе люди—великіе работники. Великіе юноши. Великіе старцы. Родословная таланта и генія. Литературный вслугу. Изланиныя мозговая работа. Здоровье. Пристрастіе. Городская и сельская жизнь. Одниокіе и женатые. Подруги. Закатъ жизни. Послѣднія мысля великихъ людей.

Т. II. Самообраззіе умственное, нравственное и практическое, съ дополнит. статью „Русскіе дѣятелі“ (Самодѣтельность).—Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. 400 стр. ц. 1 р. 25 к.

Т. III. Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой. 8-е изданіе. Вліяніе семьи.—Товарищество и примѣры.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и пизнство.—Общество книгъ.—Вліяніе брака.—Школа жизни. Ц. 1 р.

Т. IV. Вѣщій труженникъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда, 3-е изданіе съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Т. V. Долгъ. Нравственныя обязанности человѣка. Переводъ С. Майковой. Содержаніе: Долгъ.—Совѣтъ.—Честность.—Правдивость.—Мужество.—Терпѣніе.—Героизмъ добрыхъ дѣлъ.—Человѣколюбіе.—Гуманное обращеніе съ животными и лошадьми въ особености.—Отвѣтственность.—Послѣдній конецъ. 2-е изданіе. Спб. Цѣна 1 руб. 50 коп.

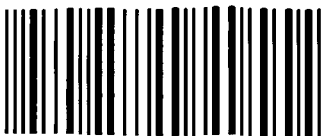
Т. VI. Бережливость. Переводъ Сысоевой. Спб. 3-е изд. 1904 г. Ц. 90 к. Цѣль этой книги побудить людей употреблять свои средства на достойныя цѣли, а не растрачивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ прихотей. Въ стремленіи къ этой цѣли встрѣтятся человѣку много враговъ: праздноствіе, легкомысліе, тщеславіе, пороки, невоздержность. Послѣднія—самый худшій изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книгѣ приведено много примѣровъ, показывающихъ, что одинъ изъ лучшихъ способовъ состоятъ въ возбужденіи старыхъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

Т. VII. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Спб. Ц. 1 р.

Т. VIII. Биографіи промышленныхъ дѣателей, С. Смайльса, пер. съ англійскаго Н. Мазуренко. 300 страницъ. Спб. 1902 года. Ц. 1 р.

Смайльсъ писалъ для всѣхъ грамотныхъ людей своего отечества, любящихъ послушать добрыя практическіе совѣты отъ умнаго и образованнаго человѣка; всею душою онъ желаетъ людямъ возможно большаго матеріальнаго благосостоянія, душевнаго спокойствія, чистой совѣсти и счастья во взаимной любви къ своимъ ближнимъ, родиѣ и человѣчеству,—счастья въ сознаніи честно исполненнаго долга и ясно бознанной опредѣленной цѣли жизни. Всѣхъ этихъ величайшихъ благъ, по мнѣнію автора, человѣкъ можетъ достигъ только тогда, когда онъ, прежде всего, будетъ надѣяться на себя самого, разовьетъ и укрѣпитъ въ себѣ характеръ, будетъ честно трудиться, будетъ дорожить своимъ временемъ и разумно бережливо дорожить приобрѣтенною трудомъ копейкою. Эта мысль положена въ основаніи всѣхъ сочиненій Смайльса.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская ул., 34.

2007060696

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Русскій расколъ! Какъ мало, повидимому, и какъ много, дѣйствительно, говорится въ этомъ словѣ. Грубѣйшее невѣжество, борода, кафтанъ, ссора съ приходскимъ священникомъ и бумажная война съ чиновникомъ, оканчивающаяся золотымъ миромъ — вотъ и все. Нѣтъ, это не совсѣмъ все. Мы такъ привыкли къ своей землѣ русской, что и не замѣчаемъ, какъ громадны размѣры всего того, что въ ней дѣлается и творится, въ добрѣ или злѣ. Русскій расколъ! Возьмите его въ трехъ его главныхъ развѣтвленіяхъ, забывая даже на время объ его мелкихъ, впрочемъ, вовсе немелкихъ, отросткахъ, и вы имѣете значительную массу, равную Испаніи. Сама эта численность уже заслуживаетъ вниманія. Потомъ подумайте, какъ широки его дѣйствія. Отъ Риги до Казани, до Ледовитаго океана, до Чернаго моря и Кавказа, а потомъ почти сплошною массою до Тихаго океана и до границъ Китая. Теперь, когда наступаетъ и непременно наступитъ, въ силу историческихъ развитій, не только русскихъ, но и всемірныхъ, время болѣе широкой и полной жизни народной, подумайте, какъ важно значеніе такой многочисленной и такъ широко дѣйствующей массы. Какъ важенъ, для внутренней русской исторіи, а по воздѣйствію и для исторіи другихъ народовъ, вопросъ, сколько въ этой массѣ ковкости или упругости, сколько способности къ организациіи или склонности

къ призванію внѣшней силы для своей опеки, иначе, сколько стремленія къ просвѣщенію или оттолкновенія отъ него. Пусть этотъ расколъ по своимъ основаніямъ и признаемъ мы, въ большей части его формъ, не имѣющимъ въ себѣ будущности: это относится только къ его, такъ сказать, догматической замкнутости, но вѣдь онъ, даже исчезая, оставитъ по себѣ поколѣнія, приготовленные особеннымъ образомъ, оставитъ особенное настроеніе въ умѣ милліоновъ, а эти то приготовления, это то настроеніе умовъ и составляютъ дѣйствительныя историческія силы“.

Такъ выразился сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ А. С. Хомяковъ, обращая особое вниманіе общества любителей россійской словесности, предсѣдателемъ котораго состоялъ, на докладъ В. Безсонова о раскольничьихъ пѣсняхъ, рельефно выдвигающихъ богатство нашей народной мысли, полной глубокихъ и разительныхъ контрастовъ по чередованію величаваго спокойствія съ порывами страстной энергіи.

Всегда оставаясь въ рамкахъ строго сознаннаго православія, въ высшей степени лояльно настроенный, А. С. Хомяковъ своимъ рѣзко врѣзывающимся въ суть вещей умомъ, не могъ, конечно, не цѣнить мощнаго значенія многомилліонной массы, въ своихъ колебаніяхъ перекинувшей за бортъ церкви и истосковавшей въ усиліяхъ достигъ спасительнаго берега, чуть замѣтные контуры котораго видятся за пленкою ненавистнаго тумана.

„Мы удивляемся твердости рыцарей храма, безропотно погибшихъ за свои убѣжденія, а никогда не думаемъ о собратіяхъ нашихъ, которые несутъ на чужбинѣ тяжкій крестъ за свободу совѣсти. Исторія нашихъ религіозныхъ выходцевъ достойна изученія и ждетъ еще своего безпристрастнаго лѣтописца“, — докладывалъ императору Александру II князь Н. А. Орловъ, въ своей запискѣ о расколѣ, полной самыхъ

гуманитарныхъ тенденцій въ защиту тѣхъ „милліоновъ, которые, лишенные всѣхъ правъ, терпѣливо и покорно сносятъ свою участь“, образуя въ то же время явленіе, гдѣ высказался оригинальный типъ Россіи, обнаружилась черта, положительно невысказанная на западѣ, особенности, дающія самыя точныя понятія о національномъ характерѣ русскаго общества, взлелѣявшаго антицерковный протестъ не въ кельѣ ученаго монаха, не въ школѣ, а въ избѣ крестьянина, за лавочнымъ прилавкомъ, откуда и пошелъ подземный корридоръ подъ величественнымъ зданіемъ оффиціальной церкви,— какъ картинно повѣствуетъ французъ Леруа-Болье, сходясь по существу съ сухо и дѣловито оброненнымъ мнѣніемъ нѣмца Гакстгаузена.

Дать обстоятельную исторію нашего раскола, понимаемаго, по толкованію высоко-компетентнаго А. С. Пругавина, какъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-этическихъ и религіозно-бытовыхъ протестовъ русскаго народа, значитъ, другими словами, рѣшиться на созданіе многосторонней энциклопедіи русскаго духа, съ его перекрещивающимися стремленіями къ всечеловѣчеству. Грандіозная задача требуетъ и гигантскихъ силъ.

Вотъ почему лицо, работавшее надъ настоящею книжкою, не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на присваиваніе своему труду эпитета „исторіи“, т. е. прагматическаго проникновенія въ корень вопроса, а, поразившись радужными переливами умственнаго и душевнаго всполоха „темнаго люда“, просто постаралось, по мѣрѣ скромныхъ силъ, хотя бы и грубо, набросать ходъ событій, бережно остерегаясь неосмотрительнымъ прикосновеніемъ оскорбить полныя достоинства идеи.

Вездѣ, гдѣ только было удобно, пишущій эти строки придерживался принципа непосредственнаго текстуальнаго означенія читателя съ сужденіями авторитетныхъ изслѣдова-

телей раскола, дѣлая это sine ira et studio, иными словами, сѣясь подняться на высоту безпристрастія, откуда можно было бы добру и злу равнодушно внимать.

Если авторъ окажется виновнымъ въ недостиженіи малой, имъ намѣченной цѣли, то онъ просить снисхожденія, ибо, стоя близко къ сокровищницѣ литературнаго богатства, собраннаго въ Императорской Публичной Библиотекѣ, онъ, по слабости критическаго зрѣнія, былъ ослѣпленъ развернушеюся передъ нимъ Голкондою, и еле успѣвалъ подбирать драгоцѣнныя блески по указаніямъ глубокоуважаемыхъ В. П. Ламбина, И. А. Бычкова и проф. А. П. Карташева, которымъ—вкупѣ съ Н. П. Роговицкимъ, содѣйствовавшимъ устраненію нѣкоторыхъ затрудненій—приносить низкій поклонъ, а преподавателю русской литературы Н. Д. Соколову выражаетъ теплую благодарность за его весьма полезныя замѣчанія.

В. А.

Противоцерковныя теченія на Руси до патріарха Никона.

Адріанъ и Дмитръ.

Въ Никоновской лѣтописи подь 1004 годомъ мы встрѣчаемся съ первымъ исторически засвидѣтельствованнымъ фактомъ открытаго неудовольствія противъ православной церкви, хотя и выраженаго въ единичномъ случаѣ.

«Влѣто . . . —записалъ современникъ митрополитъ Леонтій—посаді втемницу инока Андреяна скопца. Укоряше бо сей церковныя законы и епископы и презвитеры и ѿноки: и помале исправися, приѣде впокояние, и впознаше истины, якоже и многимъ дивитися кротости его, и смиренію и умильнїю».

Отрицающая дѣятельность монаха продолжалась недолго, своевременно пресѣченная энергичными мѣропріятіями автора цитируемаго сообщенія.

Двадцать одинъ годъ спустя примѣръ Адріана нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ нѣкоего Дмитра. О послѣднемъ мы знаемъ еще меньше. Правда, историкъ Татищевъ склоненъ видѣть общность направленія Адріана и Дмитра, равно неудовлетворенныхъ тѣми формами, въ какія вылилась наружная, обрядовая сторона христіанства, принятаго нами изъ православной Византіи. Насколько предположеніе почтеннаго историка соотвѣтствуетъ истинѣ—вопросъ, на который нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта, за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было данныхъ, такъ или иначе освѣщающихъ личность Дмитра. Зная, впрочемъ, прямо дѣтское состояніе тогдашней культуры и всего умственнаго развитія русскаго народа, съ извѣстною достовѣр-

ностью можно остановиться на миѣниі, что оба протестанта, о которыхъ идетъ рѣчь, были простыми распространителями одной изъ многочисленныхъ анти-православныхъ сектъ, зарождавшихся на Востокѣ и занесенныхъ къ намъ чрезъ посредство Византіи или Болгаріи, странъ, съ которыми древняя Русь поддерживала постоянныя сношенія. А если мы дадимъ себѣ трудъ заглянуть въ исторію церкви, то увидимъ, что какъ разъ въ это время греки сильно увлекались ученіемъ такъ называемыхъ богомиловъ, называвшихся иначе манихеями, месалианами и павликіанами.

Богомилы учили, что происходитъ вѣчная борьба между Господомъ Богомъ и злымъ божествомъ Сатанаиломъ, первороднымъ сыномъ Творца. Сатанаиль, возгордившись своимъ могуществомъ, возмущилъ противъ Бога часть небснаго воинства, но за то былъ изгнанъ съ неба и поселился на землѣ, обязанной ему своимъ окончательнымъ устройствомъ.

Пока мы имѣемъ дѣло съ простымъ изложеніемъ событій, знакомыхъ намъ по первымъ главамъ Библіи, но далѣе вмѣшивается цвѣтистая восточная фантазія.

Сатанаиль, оказывается, пытался создать человѣка, но успѣлъ лишь въ отношеніи плоти, оставшейся безжизненною, потому что темный Духъ не смогъ вдохнуть въ нее безсмертную душу. Но милосердный Творецъ міра, сжалился надъ недоконченнымъ созданиемъ Сатанаила, и одарилъ его душою. Но вскорѣ зависть снова омрачила Сатанаила, желавшаго безраздѣльно властвовать надъ человѣкомъ. Онъ старался отвратить его многочисленное потомство отъ Бога и съ этою цѣлью чрезъ Моисея далъ свой законъ. Человѣчество, забывшее истиннаго Бога, страдало на протяженіи 5500 лѣтъ, пока Господь не почувствовалъ скорбь о бѣдствовавшихъ людяхъ и «отрыгнулъ» Слово, Ангела великаго совѣта, называвшагося Миха. Слово вошло въ Дѣву Марію и родился отъ Нея Иисусъ. Миха поборолъ на землѣ Сатанаила, лишилъ его имя священнаго окончанія *иль*, которое и присоединилъ къ Своему. Затѣмъ Михаилъ вознесся на небо и снова заключился въ Богѣ-Отцѣ, а духъ Святой, сопутствовавшій Михаилу при Его земномъ служеніи, породилъ двѣнадцать апостоловъ.

Такова форма, въ которую богомилы облекали взаимоотно-

шенія между тремя Божественными ипостасями—Богомъ-Отцомъ, Богомъ-Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ.

Богомилы упорно отрицали правдоподобность чудесъ, творившихся Спасителемъ въ многообразныхъ случаяхъ надъ челоукомъ и природою, указывая, что сказанія евангельскія слѣдуетъ понимать всегда иносказательно, глубже вникая въ ихъ смыслъ. Въ вопросахъ о признаніи вѣшней, обрядовой стороны религіи богомилы также кореннымъ образомъ расходились съ ученіемъ православія, отвергая совершеніе брака, питаніе убоиною. Обрядъ крещенія богомилы замѣняли простымъ возложеніемъ рукъ и теченіемъ Евангелія отъ Іоанна.

Таинство приобщенія, иконопочитаніе, богослуженіе въ храмахъ, молитвословіе—кромѣ Молитвы Господней—церковная іерархія и монашество—все это богомилами изгонялось.

Вообще, богомилы дошли до крайнихъ предѣловъ въ своемъ протестѣ, доведя его до грубыхъ извращеній въ практикѣ, рекомендуя своимъ послѣдователямъ даже скопчество, какъ лучшее средство для спасенія души.

Въ чистомъ своемъ видѣ богомилство, нѣкоторое время удержалось у насъ исключительно благодаря всегдашнему расположенію славянской природы къ дуалистическому представленію о Божествѣ, какъ раздѣляющемся на два начала: доброе и злое. Взглядъ этотъ красною нитью проходитъ чрезъ всю славянскую миеологию, сохранившись даже при знакомствѣ нашихъ предковъ съ христіанствомъ. Секта богомиловъ находила себѣ сочувствовавшихъ въ Россіи почти до злополучнаго XIII столѣтія, когда нахлынувшее на насъ злое татарское бѣдствіе надолго захлестнуло всякое движеніе мысли, хотя бы и направленной по ложному пути.

Споры о постѣ въ среду и пятницу.

Въ XII столѣтіи русское общество не мало волновали часто возникавшіе споры о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, если въ среду или пятницу, т. е. дни постные, придется какой-либо праздникъ.

Въ 1157 году этотъ вопросъ вызвалъ такія волненія въ Ро-

стовѣ, что его жители изгнали изъ города епископа Нестора, запрещавшаго своей паствѣ скоромиться въ постные дни. Дѣло доходило даже до князя Андрея Боголюбскаго, осложнившись еще тѣмъ, что нѣкій попъ Федоръ, племянникъ смоленскаго епископа Мануила, сталъ на сторону недовольныхъ ростовцевъ, всячески оспаривая грѣховность поста въ праздникъ. Несторъ соглашался разрѣшить скоромное лишь для случая Рождества Христова и Богоявленія, буде они случатся въ спорные дни. Федоръ же требовалъ такого исключенія и для всей Пятидесятницы. За Нестора вступился самъ константинопольскій патріархъ Лука Хризвергъ, аттестуя изгнаннаго епископа «яко и смысломъ исполненна и разумомъ удобренна, и словомъ почтенна, и добродѣтелию свѣтяща, и житіемъ украшенна». Подстрекатель же, попъ Федоръ, по мнѣнію патріарха, заслуживаетъ осужденія уже тѣмъ, что дерзнулъ проповѣдывать безъ подлежащаго разрѣшенія своего епископа; самое ученіе его идетъ въ разрѣзъ съ установленіями Св. Отцовъ.

Вообще, патріархъ высказался совершенно опредѣленно, давъ такое наставленіе сомнѣвающимся: ¹⁾. «Если въ среду или пятокъ случится Господскій праздникъ Рождества Христова или Богоявленія, то мірянамъ разрѣшается мясо, а инокамъ молоко, масло коровье, сыръ и яйца. Если праздникъ Рождества Богородицы, Успенія, Срѣтенія Господня или Преображенія—то инокамъ и мірянамъ разрѣшаются масло деревянное, овощи, рыба и вино. Если праздникъ Благовѣщенія, то, когда случится до Вербной недѣли, разрѣшаются масло, овощи и вино; на Страстной недѣлѣ, до великаго пятка масло и вино; въ самый великій пятокъ—одно вино. Если случится какой-нибудь изъ праздниковъ Предтечевыхъ, праздникъ Петра и Павла, Иоанна Богослова, или какого-нибудь другаго нарочитаго Святаго, то разрѣшаются, съ благословенія мѣстнаго Епископа, масло деревянное, овощи, рыба и вино. Если праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, — разрѣшаются масло де-

---

¹⁾ См. Никон. Лѣт. ч. II, стр. 179—188. Впрочемъ, Карамзинъ (III т. прим. 28) и Татищевъ (ки. III, прим. 499) сомнѣваются въ достовѣрности посланія патріарха, считая его поддѣлкою, сдѣланною уже въ Россіи.

ревянное и вино. Въ двѣнадцать дней отъ Рождества Христова до Крещенія, въ недѣлѣ о Мытарѣ и Фарисеѣ, въ недѣлю Сыропустную, въ недѣлю Свѣтлую, въ недѣлю послѣ Троицына дня и отъ Свѣтлой недѣли до Пятидесятницы, поста, «иже до девятаго часа, не соблюдаемъ, но аще снѣдь сыра и масла кровяго и мяса отмаемъ, стыдѣниемъ Апостольскаго правила; но масло деревянное и другая къ симъ и рыбы ядимъ». Ослушникамъ предлагаемаго правила патріархъ грозилъ суровымъ церковнымъ наказаніемъ: «сія уставляемъ повѣлениемъ и властію Святаго Духа, и уставомъ и словомъ великаго Архьерѣя Спаса нашего Иисуса Христа, и аще еще не исправитца, таковая творя, прельщая люди, отнѣдь убо того во отсечение святія церкви и внепричастія всякоя святыни вводимъ по двадесять осмому святыхъ Апостолъ повеленію; не токможь того, но и единомысленники и споспѣшники и сопричастники его вся, послушающихъ чреззаконныхъ его поученіи».

Во время пререканій ростовцевъ съ Несторомъ, епископскую кафедру занялъ Леонтій, сначала противъ желанія князя и народа. Леонтію приходилось даже нѣсколько разъ удалиться изъ Ростова, но, наконецъ, онъ утвердился. Леонтій въ спорномъ вопросѣ пошелъ куда дальше Нестора, не освобождая отъ поста ни въ какіе праздники. Противъ Леонтія высказывался даже величайшій авторитетъ того времени Св. Кирилль Туровскій. Леонтій искалъ суда въ Константинополѣ, но и тамъ косо взглянули на не въ мѣру ретиваго епископа. Въ кievскомъ Патерикѣ мы наталкиваемся на похвалу игумену кievо-печерской лавры Поликарпу, подвергнутому въ 1168 г. церковному суду за запрещеніе употреблять сыръ, молоко, масло и яйца въ Господскіе праздники и дни, посвященные воспоминанію о болѣе извѣстныхъ святыхъ, если бы они пришли въ среду или пятницу. Снова поднялось дѣло, опять пошли распри на этой почвѣ, волновавшія всю южную Русь, для прекращенія которыхъ пришлось созвать въ Кіевѣ соборъ духовенства. Съѣхались около 150 епископовъ, игуменовъ, монаховъ, но единомыслія между ними не было. Защитники Поликарпа ссылались на уставъ Федора Студита; все же, наконецъ, большинство склонялось къ осужденію Поликарпа.

Въ началѣ XV столѣтія псковичи обратились къ митрополиту Фотію, сомнѣваясь, какъ поступать съ постомъ въ двѣнадцатидневный промежутокъ между днемъ Рождества Христова и Богоявленіемъ. Митрополитъ отвѣтилъ, что въ первые одиннадцать дней можно употреблять молоко и мясо, но наканунѣ Богоявленія совершенно возбраняется все скоромное, не исключая и рыбы.

Обсуждали вопросъ о постахъ и на Стоглавомъ Соборѣ. Положено было слѣдовать имѣющимся на этотъ счетъ уставамъ, начертаннымъ Святыми отцами.

Мартинъ.

Въ 1149 году пришелъ въ Россію нѣкій Мартинъ, сынъ армянскаго священника. Къ намъ онъ попалъ послѣ немалыхъ приключеній. Еще двадцатилѣтнимъ юношею Мартинъ, покинувъ родителей, отправился въ Римъ. Пробывъ тамъ семь лѣтъ Мартинъ, перебрался въ Константинополь, а оттуда уже въ Россію.

Извѣстенъ сталъ Мартинъ съ тѣхъ поръ, какъ написалъ книгу подъ многообъщающимъ заглавіемъ; „Правда“, гдѣ онъ доказывалъ, что православіе представляетъ уклоненіе отъ истиннаго христіанства, сохранившагося еще до извѣстной степени у грековъ, передавшихъ намъ свою религію уже въ искаженномъ видѣ. Мартинъ дѣятельно распространялъ свое ученіе, признанное послѣдующимъ Соборомъ смѣсью ересей латинскаго происхожденія съ уклоненіями, возникшими на востокъ, главнымъ образомъ на родинѣ Мартина — въ Арменіи. Напримѣръ, слѣды востока ясно сказываются въ такихъ пунктахъ ученія Мартина, безусловно якобы осужденныхъ русскимъ духовенствомъ:

1) Въ Иисусѣ Христѣ имѣется лишь одно естество.

2) Рождество Христа было безплотно. То есть, это надо было понимать такъ, что видимая плоть Иисуса, зарожденная еще на небѣ, окончательно вочеловѣчилась чрезъ посредство Дѣвы Маріи „пройдя, какъ чрезъ каналъ“.

3) Тайнство литургіи должно совершать исключительно на чистомъ винѣ, не разбавленномъ водою.

Разбивалъ Мартинъ и другія уклоненія церкви. По его мнѣнію:

1) Суббота безусловно день постный.

2) На просфорахъ вырѣзывается не просто крестъ, а распятіе.

3) Проскомидія упраздняется.

4) Литургія служится на прѣсномъ хлѣбѣ.

5) Тайнство Св. Крещенія совершается безъ помазанія крещаемого св. Миромъ.

6) Творя крестное знаменіе, руку должно полагать сперва на лѣвое плечо, а потомъ на правое.

Болѣе интереса представляетъ та часть ереси Мартина, которая представляетъ продуктъ измышленія самого Мартина, уча, что:

1) Всякое Псалмопѣніе совершается съ лицомъ, обращеннымъ на Западъ, а не на Востокъ.

2) При таинствѣ св. крещенія слѣдуетъ ходить вокругъ купели по направленію движенія солнца, придерживаясь этого правила при хиротоніи и вѣнчаніи.

3) На вечерняхъ и обѣдняхъ съ кадиломъ, евангеліемъ и великимъ выносомъ выходятъ изъ алтаря чрезъ южныя ворота.

4) Имя Іисуса Христа пишется и произносится: Исусъ.

5) Аллилуія возглашается дважды, а при третьемъ разѣ прибавляется славословіе.

6) При постройкѣ церковей алтари непременно обращаются на югъ.

Митрополитъ кievскій Константинъ обратилъ серьезное вниманіе на ересь Мартина, грозившую внесеніемъ разлада въ умы православныхъ, и, какъ средство для предупрежденія возможныхъ смуть въ 1157 году въ Кіевѣ открылся соборъ духовенства, занявшійся уясненіемъ толкованій Мартина. Особенно ревностнымъ защитникомъ чистоты православія выступилъ самъ митрополитъ. Мартинъ не могъ выставить достаточныхъ доводовъ для поддержки своего ученія, но все же раскаялся не желалъ. Патріархъ Константинопольскій, взяв-

пій на себя окончательный приговоръ, опредѣлилъ предать анаѳемѣ закоренѣлаго еретика, что было выполнено въ Кіевѣ. Это крайнее средство воздѣйствовало на Мартина. Онъ согласился торжественно отречься отъ своихъ положеній, кромѣ первыхъ двухъ, изложенныхъ нами. На этомъ Мартинъ стоялъ крѣпко, не поддаваясь никакимъ увѣщаніямъ. Тогда отправили Мартина уже въ Константинополь предъ патріарха. Въ концѣ концовъ Мартина сожгли на кострѣ.

Такъ увѣряетъ о существованіи Мартина и о созывѣ собора противъ него наша старая церковная историографія, слѣдую указаніямъ извѣстнаго Питирима архіепископа Нижегородскаго, ревностнаго миссіонера противъ раскольниковъ при Петрѣ Великомъ. „Это соборное дѣяніе—съ грустью констатируетъ высоко-авторитетный историкъ проф. Е. Голубинскій, (Исторія русской церкви, Изд. II. Т. 1, стр. 795)—есть ни что иное, какъ прискорбнѣйше неудачная и чрезвычайно неискusstная выдумка, сдѣланная съ цѣлю привлеченія раскольниковъ къ православію и, къ сожалѣнію, попущенная, если не больше, такимъ разумнымъ человѣкомъ, какъ Петръ“. Съ 1718 г. было оно напечатано нѣсколько разъ отдѣльною книжкою, въ послѣднемъ году дѣяніе было напечатано въ видѣ приложенія къ Питиримовой Пращицѣ, гдѣ и разсказывается мнимая исторія его открытія, къ которой справедливо или несправедливо приплетается св. Димитрій Ростовскій „Поученія митрополитовъ Михаила и Θεопемпта—говоритъ далѣе проф. Голубинскій—на которыя ссылается „дѣяніе“, столько же существовали когда-нибудь, сколько и оно само“.

Словомъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ практикѣ католическаго церковнаго обихода, создавшаго знаменитыя „лже Исидоровскія декретали“, имѣвшія цѣлю мотивировать притязанія папъ на свѣтскую власть. Питиримъ, какъ человѣкъ, знакомый съ ними и ихъ несомнѣннымъ въ свое время вліяніемъ на массы, попытался использовать авторитетъ церковныхъ соборовъ древней Руси, и, помѣстивъ въ ересь Мартина пункта, заимствованные изъ старообрядческой догмы, получилъ такимъ образомъ осужденіе послѣдней. Побужденія у Питирима были, вѣ всякаго сомнѣнія, самыя безкорыстныя, и осуждать его, поэтому, не приходится.

Стригольники.

Начиная со второй половины XIV столѣтія жизнь русскаго народа вдругъ дѣлаетъ порывистые скачки впередъ, словно силясь наверстать проведенные въ тяжеломъ полуснѣ годы мрачной татарщины. Начинаетъ повсюду пробуждаться здоровое чувство національнаго самосознанія, выразившееся въ яркомъ историческомъ фактѣ освобожденія отъ позорныхъ узъ хановъ-завоевателей и постепенномъ стягиваніи самостоятельныхъ мелкихъ государственныхъ единицъ къ центральному ядру — Москвѣ.

Русскіе люди, сперва робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, оглядываются вокругъ себя, ежеминутно натываясь на неурядицы, нагроможденные за періодъ полнѣйшей умственной спячки, зачастую даже поддерживавшейся извнѣ чисто искусственными мѣрами.

На Руси начинается броженіе, сперва совершенно лишенное опредѣленныхъ очертаній и внутренней формы, неясное, безъ обозначенной цѣли, но затѣмъ, оно какъ то инстинктивно выбирается на ровный путь и бурною волною катится впередъ, всюду подмывая устои крѣпости и мертвеннаго отношенія къ дивнѣйшему свойству человѣка — способности вѣровать и молиться, то-есть хранить въ душѣ источникъ вѣчнаго утѣшенія и надежды.

Движеніе, о которомъ идетъ рѣчь, было вызвано и поддерживалась дѣятельностью такъ называемыхъ стригольниковъ.

Оно сразу стало на жизненную почву, имѣя дѣло съ предметами, доступными пониманію даже и той части общества, къ которой можно примѣнить нынѣшнее понятіе людей неинтеллигентныхъ.

Именно въ этомъ и была вся трудно поборимая сила стригольничества, составлявшая коренную разницу между нимъ и всѣми, раньше возникавшими религіозными протестами, имѣвшими въ виду чаще всего тонкости богословскихъ выраженій, такъ называемыя догматическія истины, которыя, въ сущности говоря, не могутъ особенно привлекать къ себѣ человѣка дюжиннаго, не владѣющаго способностью отвлеченнаго мышленія. И оттого

всѣ неудовольствія, возникавшія въ средѣ русскаго народа, или, вѣрнѣе, въ передовыхъ людяхъ его, не переходя въ массу, замирали.

Стригольники же перевели дѣло на болѣе твердыя и общепонятныя основанія, постоянно выдвигая на видѣ нестроенія церковной жизни, довольно яркія ея уклоненія отъ истинно христіанской нормы, что и давало ихъ мнѣніямъ особую устойчивость.

Отвергая укоренившееся въ тогдашней Руси пониманіе смысла христіанства, стригольники тѣмъ самымъ возбуждали вопросъ о переоцѣнкѣ религіозной морали, какъ неправильно толкуемой заинтересованными слоями общества, изъ соображеній чисто земныхъ. Такимъ образомъ стригольничество касалось и соціальныхъ взаимоотношеній, а это, въ свою очередь, придавало вопросу особую остроту. Но стригольничество ломало старое зданіе, кивая на его неустойчивость, давало щедрые совѣты относительно необходимости его переустройства, все сводя на постоянное отрицаніе, лишненное положительной теоріи. И въ этомъ его слабая сторона. Какъ историческій фактъ стригольничество, заслуживаетъ полнаго вниманія къ сыгранной имъ немаловажной роли двигателя общественной мысли, столь нуждавшейся на первыхъ шагахъ въ толчкѣ.

Чтобы понять обстановку, среди которой зародилось и созрѣло стригольничество, слѣдуетъ вызвать въ памяти общую картину культурныхъ условій, въ которыхъ жила современная ему Русь.

Мало веселаго увидимъ мы.

Начнемъ съ „верховъ“. Трудно вѣрить въ наши дни, что герой Куликовской битвы, князь Дмитрій Іоанновичъ Донской былъ не грамотенъ! А, между тѣмъ, это несомнѣнно, и исторически подтверждается.

Многія грамоты XVI вѣка лишены въ нужныхъ случаяхъ подписей князей и бояръ, отговаривавшихся незнаніемъ грамоты. Литературы не было и въ поминѣ. Даже образованность сводилась къ простой „книжности“, и та шла не дальше умѣнія читать священное писаніе и книги, необходимыя при совершеніи богослуженія. Вообще, занятіе грамотою считалось дѣломъ, подходящимъ лишь особѣ духовнаго званія, а никакъ не мірянину.

Но вотъ въ томъ то и было горе, что духовенство, сословіе, которое, уже по своему предназначенію, должно было идти въ головѣ умственнаго движенія, само находилось въ крайне печальномъ состояніи.

Новгородскій архіепископъ Геннадій, человѣкъ энергично борвшійся съ стригольниками, а потому, не особенно расположенный поддерживать всѣ ихъ обвиненія, съ горестью печалуется московскому митрополиту Силуану (въ концѣ 15 столѣтія), что „ставленники, хотящіе въ дьяконы и попы ставиться; грамотѣ мало умѣютъ“.

Далѣе тотъ же владыко рассказываетъ такъ: „приведутъ ко мнѣ мужика, я велю ему апостоль дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтырь,—и по тому едва бредеть... Я прикажу учить его ектеньямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться. Вотъ теиерь у меня побѣжали четверо ставленниковъ — Максимка да Куземка, да Афанаська, да Емельянка-мясникъ“.

Нравственное состояніе духовенства прямо таки ужасаетъ. Стоглавый соборъ, засѣдавшій въ Москвѣ въ 1551 г. удостоверяетъ, что попы и церковные причетники въ церквахъ всегда пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ. Попы въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя. Ввиду сихъ прискорбныхъ случаевъ соборъ установилъ должность особыхъ протопоповъ, обязанность которыхъ должна была заключаться въ наблюденіи за сохраненіемъ духовными особами хотя бы внѣшняго приличія. Впрочемъ, отцы собора тутъ же спохватились и сдѣлали оговорку: „а которые протопопы сами учнутъ упиваться“ — о такихъ „священникамъ увѣщаты святителямъ“.

Не лучше дѣло обстояло и въ монастыряхъ. Въ дѣянїяхъ того же Стоглаваго Собора имѣются указанія на то, что „во всѣхъ монастыряхъ пьянственное питіе безмѣрное среди игуменовъ, чернецовъ и мірскихъ поповъ“. „По кельямъ индѣ женки и дѣвки небрежно приходятъ, а робята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ невозбранно, и по селамъ и по міру всюду ѣздятъ съ чернеци безъ дозору“.

Бывали и такіе факты: „старецъ въ лѣсу келью поставить и церковь срубить, да и пойдетъ по міру, съ иконой, — просить на сооруженіе, а что собереть, то и пропеть.

Къ своимъ обязанностямъ священники относились болѣе чѣмъ халатно: „совершаютъ службу только черезъ пять—шесть недѣль, даже черезъ полгода, а то вовсе одинъ разъ въ годъ“.

Естественно, что духовенство, призванное къ роли посредника между человѣкомъ и Богомъ, не могло внушить пастѣвъ ни малѣйшаго уваженія.

Паства была предоставлена всецѣло самой себѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отъ нея требовалась матеріальная поддержка.

При такомъ положеніи вещей взаимныя отношенія между пастырями и пасомыми сводились къ простой формалистикѣ, простому, чисто юридическому, посредничеству въ извѣстныхъ проявленіяхъ житейскаго уклада, требующихъ оффиціального засвидѣтельствованія, такъ что священникъ изображалъ почти чиновника.

Ясно, что скрытаго неудовольствія противъ духовенства въ народѣ таилось не мало, и неудивительно, что искра, зароненная стригольниками, скоро вспыхнула яркимъ пламенемъ, охвативъ весь сѣверо-востокъ Руси, т. е. ея относительно культурный центръ.

И вотъ около 1371 года въ Псковѣ, „младшемъ братѣ“ господина Великаго Новгорода началъ свою дѣятельность нѣкій дьяконъ Карпъ, положившій основаніе секты противъ церковниковъ, сильно таки замутившихъ тогдашнюю Русь.

Карпъ былъ „стригольникъ“. Это значитъ, что онъ построгалъ новопоставляемыхъ дьяконовъ. Духовенство, при своемъ рукоположеніи, подстригало волосы на темени, подобно тому какъ это принято и по сейчасъ въ обиходѣ римско-католической церкви. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обрядъ совершался при посвященіи въ первый чинъ духовной іерархіи, то-есть дьякона. Обыкновенно, эту церемонію начиналъ самъ епископъ крестообразнымъ выстриженіемъ волосъ на головѣ поставляемаго, а доканчивало постригъ лицо, избравшееся изъ среды духовенства. Ему-то и присваивалось названіе стригольника.

Немудрено, что Карпъ, по роду своей службы, постоянно находившійся при поставленіи въ духовный чинъ, хорошо былъ ознакомленъ съ закулисною стороною обрядности, къ которой принадлежало и широко практиковавшееся тогда взиманіе платы за поставленіе, что оправдывалось необходимостью различныхъ расходовъ при особомъ священнослуженіи, во время котораго производился самый актъ рукоположенія. Вопросъ о законности такихъ поборовъ уже и раньше неоднократно поднимался въ средѣ вѣрующихъ, но обыкновенно, смущающихся успокаивали ссылкой на примѣръ Иисуса Христа и Апостоловъ, не уклонявшихся при посвѣщеніи домовъ нѣкоторыхъ іудеевъ, какъ напримѣръ, мытаря, Маттея, Марѳы, принимать отъ нихъ дары и угощенія.

Къ этому прибавляли слова Апостола: „да не завяжеша рта вола верхуща“. Позднѣе, уже въ разгарѣ дѣятельности Карпа, епископъ суздальскій Діонисій, по порученію константинопольскаго патріарха, весьма подробно объяснялъ новгородцамъ всю разницу между *мздою* и *проторями*.

Карпъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для агитатора. Онъ обладалъ основательною по тому времени начитанностью; твердости характера и смѣлости, какъ видно изъ отзывовъ его современниковъ, несговорчивому дяку тоже не стать было занимать. Задумано-сдѣлано.

Карпъ громко протестуетъ противъ церковныхъ поборовъ, указывая на ихъ полное противорѣчіе съ духомъ истаго христіанства. Его проповѣдь не могла придтись по вкусу представителямъ іерархіи, лично заинтересованнымъ въ сохраненіи обличаемыхъ безсребренникомъ-дякономъ обычаевъ.

Карпа лишили сана. Онъ не унимался. Его проклинали и отлучили отъ церкви. Тогда Карпъ задумалъ создать свою церковь, на новыхъ уже началахъ, вытекающихъ изъ его убѣжденій.

Вокругъ Карпа постепенно собрался кружокъ недовольныхъ клириковъ, затѣмъ къ нимъ постепенно присоединялись и многіе свѣтскіе люди, подходившіе по своимъ взглядамъ къ типу современныхъ намъ свободомыслящихъ. Не слѣдуетъ забывать, что стригольничество началось въ Псковѣ, этомъ своеобразномъ свободномъ государствѣ, рѣзко отличавшемся

своимъ вольномыслиемъ отъ прочей Руси, строго консервативной, если употреблять опять-таки выраженіе нашего времени.

Отъ отрицаній стригольниками взиманія денежной платы, понятенъ естественный переходъ къ полному непризнанію ими авторитета и самаго духовенства, какъ запятнаннаго смертнымъ грѣхомъ—симоніей.

Константинопольскій патріархъ Антоній, разбиравшій ученіе стригольниковъ, вполне опредѣленно говоритъ, что еретики „оклеветали всѣ вселенскіе соборы, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, игумновъ и поповъ“. Такимъ образомъ вся духовная іерархія была разомъ объявлена стригольниками совершенно незаконною.

„Глаголять стригольници“—говоритъ далѣе тотъ же Антоній,—„о нынѣшнихъ святителяхъ и о попахъ: недостойны тѣхъ службы, яко имѣніемъ взимають у христіанъ подаваемое имъ приношеніе и за живыя и за мертвыя“... Но стригольники, конечно, не могли ограничиться этими обвиненіями. Не щадятъ они красокъ и въ характеристикѣ нравственнаго облика пастырей: «сіи учителя піаницы суть, ядятъ и піють, съ піаницами взимають отъ нихъ и злато и сребро, и порты, отъ живыхъ и мертвыхъ“...

Соблюдая должную послѣдовательность стригольники отъ частныхъ перешли и къ общему, указывая на несостоятельность всей обрядовой стороны православія. Свои мнѣнія Карпъ излагалъ такъ, что „недостойтъ надъ умершими пити, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душу умершаго“...

„... Недостойни суть пресвитери по мздѣ поставляеми, недостойно отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещенія отъ нихъ принимати“.

Стригольники указывали на недостовѣрность священнаго преданія, указывали, что подъ христіанскою Церковью слѣдуетъ понимать лишь такую, гдѣ въ полной силѣ сохраняются исключительно Евангелія и Апостольскія Посланія. Теорія стригольниковъ выясняется намъ изъ обличеній патріарха Антонія, не упускавшаго случая ратоборствовать съ стригольниками. „Вы, стригольници, умалаете христіанъ тѣмъ словомъ,

еже Христось рекль Апостоламъ — „не имѣйте влагалища, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ“. Не рискуя ошибиться, изъ этого можно заключить, что стригольники наши усвоили начала коммунизма, т. е. ученія, отрицающаго всякую собственность, какъ протiwоестественность. Подобные выводы на Руси были новостью, вещью, всего вѣрнѣе, до того неслыханною; немудрено, что люди обездоленные, голытьба, т. е. многочисленный классъ населенія, сталъ прислушиваться къ диковиннымъ людямъ, столь близко принявшимъ къ сердцу интересы бѣдняковъ. Существенной перемѣны въ своемъ положеніи, они конечно, ожидать не могли, но съ нихъ было достаточно и того открытія, что богатство—вещь негодная Богу, предусмотрѣнная даже Священнымъ Писаніемъ.

Стригольники въ своемъ ученіи всюду придерживались буквальнаго толкованія Евангелія, въ чемъ помогала имъ недюжинная начитанность. Слова Апостола Павла о предоставленіи права ученія всякому желающему мірянину, они облекли въ дѣйствительность, выбирая изъ своей среды лицъ, на которыхъ и возлагалась обязанность совершать молитву, замѣнявшую упраздненное ими церковное богослуженіе, противъ котораго они любили приводить текстъ: „Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“.

Уклоняясь отъ таинствъ, принятыхъ въ православной церкви, стригольники удержали таинство покаянія, да и то предписывая каяться въ землю, а не священнику. Короче говоря, стригольники заявили себя рѣшительными врагами всякой обрядности, въ какой-бы формѣ послѣдняя ни проявлялась.

Надо отдать справедливость стригольникамъ: слово и дѣло у нихъ шли рука объ руку. Въ особенности ярко выставлялось практическое пренебреженіе имущественными благами, что особенно изумляло сторонній народъ, мало по малу привыкавшій видѣть въ стригольникахъ людей, дѣйствительно, не совсѣмъ-то отъ міра сего.

Далеко опережали они законное духовенство и своими познаніями въ Священномъ Писаніи, что при всякомъ сравненіи выставляло священство не въ особенно выгодномъ свѣтѣ. Патріархъ Антоній не можетъ не погоревать по этому поводу, замѣчая: „если бы не отъ книжнаго писанія глаголали, кто-бы

послушалъ ихъ: еще бо нѣчто и дивнѣ того реку: и бесерменове... отъ книгъ глаголютъ, но не подобаетъ внимати имъ“.

Не могъ пройти незамѣченнымъ строго аскетическій образъ жизни стригольниковъ, среди которыхъ строгій постъ считался необходимымъ условіемъ.

Патріархъ Антоній указывалъ, что „фарисеи тацѣ же бѣша: постишася дважды на недѣли, весь день не ядуще,... таковы-же бѣша и вся еретици, постници, молебници и книжници, лице-мѣрници, предъ людьми чисти творящесь“.

Какъ уже сказано, начало дѣятельности Карпа-стригольника было въ Псковѣ. Оттуда онъ перенесъ ее въ болѣе обширный и многолюдный пунктъ, служившій долгое время культурнымъ ядромъ сѣверо-западной Руси — въ Новгородъ. Первые шаги здѣсь Карпа почему-то оказались неудачными: новообращенныхъ было мало.

А вскорѣ для Карпа дѣло окончилось и совсѣмъ плохо. По почину новгородскаго архіепископа надъ Карпомъ и его ближайшими помощниками былъ наряженъ судъ, приговоромъ котораго всѣ, придерживавшіеся мнѣній стригольниковъ, были отлучены отъ общенія съ православною церковью. А въ 1376 г., новгородцы, возмущенные стойкостью стригольниковъ, подъ воздѣйствіемъ какого-то попа бросили въ Волховъ самого Карпа и дьякона Никиту.

Но и такими мѣрами смирить стригольничество не удалось, ибо казнь Карпа, окруживъ его и прочихъ пострадавшихъ, ореоломъ мучениковъ, только способствовала большей популярности ихъ ученія.

Все дѣло припяло, наконецъ, такіе угрожающіе для церкви размѣры, что пришлось обратиться за разрѣшеніемъ смущавшаго всѣхъ вопроса о еретичествѣ стригольниковъ къ высшему духовному авторитету для тогдашней Руси, именно къ константинопольскому патріарху. Послѣдній написалъ увѣщательную грамоту. Суздальскій епископъ Діонисій, получивъ отъ патріарха полномочіе на борьбу съ стригольничествомъ, дѣятельно распространялъ патріаршее увѣщаніе, но все же утѣшительныхъ результатовъ не видѣлось.

Московскій митрополитъ Кипріанъ, занявшій каѳедру въ послѣднихъ годахъ XIV вѣка, отправился самъ въ Новгородъ,

и тамъ, вмѣстѣ съ прїѣхавшимъ въ ту пору вилеемскимъ митрополитомъ Михайломъ и полоцкимъ архіепископомъ Теодосіемъ, при ближайшемъ участіи мѣстнаго владыки, образовалъ помѣстный соборъ для рѣшительнаго искорененія стригольничества.

Выпущенъ былъ цѣлый рядъ посланій, грамотъ, разъясненій по поводу всевозможныхъ спорныхъ пунктовъ, на которые опирались стригольники. Казалось, что ересь начинаетъ стихать. По крайней мѣрѣ, о ней ничего не слышно до начала XV в., когда стригольничество снова выплываетъ на свѣтъ, и опять въ Псковѣ и Новгородѣ. Но на этотъ разъ не надолго. Видимо, жизненности было уже мало, энергія у стригольниковъ притупилась, или возможны какія-либо болѣе коренныя, неизвѣстныя намъ причины, но фактъ тотъ, что стригольничество постепенно умирало.

Въ 1427 г. митрополитъ московскій Фотій отправилъ въ Псковъ двѣ грамоты, поднявшія до извѣстной степени въ псковичахъ духъ усердія къ православію. Произведены были многочисленныя аресты, благодаря которымъ всѣ болѣе или менѣе передовые еретики были изъяты изъ обращенія.

Официально стригольничество прекратило свое существованіе. Но движеніе, вызванное единомышленниками Карпа, опиравшееся на простой здравый смыслъ, съ теченіемъ времени претворилось въ новыя формы, завистѣвшія отъ извѣстнаго прогресса мысли и культуры, навѣсило новый ярлыкъ, и снова побрело по Руси, лукаво нашептывая въ уши православному люду, про вѣковѣчную правду, которая стоитъ передъ глазами всякаго, стоитъ только взглянуть въ нее...

Жидовствующіе.

Знакомымъ повѣтъ на насъ отъ записи, сдѣланной въ пятнадцатомъ вѣкѣ „неумудствующимъ лукаво“ лѣтописцемъ. Онъ рассказываетъ намъ, что на православной Руси появились странные люди съ такими же странными рѣчами. Они задавали богохульные вопросы: „какъ можетъ Богъ на землю сойти и отъ Дѣвы родитися, яко человекъ? Давался и отвѣтъ

сейчасъ же: „но ни есть тако; яко пророкъ бѣ подобенъ Моисею, а не равень Богу Отцу“.

Безхитростный историкъ сообщаетъ намъ, что люди, говорившіе это, „не вѣроваху, еже отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы рождеству Его, ни воскресенію Его, ни на иконахъ писаному образу по человѣчеству Господа Іисуса Христа Сына Божія не поклоняхуся, ни Пречистыя Образу, ни Святымъ Его угодникамъ, но хуляще и ругающесе глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣческихъ, уста имуть и не глаголютъ, и прочее; подобни будутъ творящіи и вси надѣющіеся на мя; и такоже божественную службу совершающе ядше и пивше, и тѣло Христово ни во что не вмѣняюще, яко простъ хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино“¹⁾).

То были жидовствующіе, прямые продолжатели дѣла стригольниковъ, сумѣвшіе далеко раскинуть сѣть своихъ ученій, и, благодаря талантливости многихъ своихъ членовъ, властно поднявшіе голосъ, въ защиту своего ученія, бороться съ которыми было не такъ то легко, въ силу многихъ условій, благоприятствовавшихъ еретикамъ.

Исторически зарожденіе у насъ ученія жидовствующихъ сложилось такъ.

Въ 1470 году пріѣхалъ въ Новгородъ братъ кіевскаго князя - намѣстника, Михаилъ Олельковичъ, или Александровичъ. Его пригласила къ себѣ литовская партія въ Новгородъ, съ цѣлью держать въ тревогѣ Москву. Это станетъ вполне яснымъ, если вспомнить, что въ Новгородѣ всегда существовали два политическихъ теченія, боровшихся между собою съ переменнымъ успѣхомъ. Одни тянули на сторону великаго князя Литовскаго, сосѣда Новгорода, у котораго всегда находили себѣ пріютъ и поддержку всѣ недовольные русскими порядками люди. Литва обѣщала при этомъ Новгороду свою могущественную помощь противъ все усиливающихся притязаній „собирателей земли русской“ на старую вольность „господина Великаго Новгорода“. Другіе, по нынѣшнему, консерваторы, всецѣло стояли на сторонѣ единовѣрной Москвы. Между обѣими партіями шла постоянная вражда, на-

¹⁾ Собр. русскихъ лѣтописей. Т. IV, стр. 158—159.

водившая порядочную муть въ отношеніяхъ новгородцевъ между собою, лишая ихъ такимъ образомъ должнаго единства и сплоченности, что въ концѣ концовъ и привело къ политической смерти Новгорода, какъ оригинальнаго республиканскаго государства въ московской монархіи.

Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ пріѣхалъ въ Новгородъ и нѣкій еврей Схарія.

Это былъ, по обрисовкѣ Юсіфа Волоцкаго—„діаволовъ со-судъ, и изученъ всякому злодѣйскому изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же, и со астрологи живши въ градѣ, нарицаемомъ Кіевѣ“.

Схарія принадлежалъ, по своимъ убѣжденіямъ, къ особой вѣтви еврейства—караимству.

Караимами назывались и называются евреи, совершенно отрицающіе такъ называемый Талмудъ, т. е. сборникъ религіозныхъ и нравственныхъ поученій, приспособленныхъ къ различнымъ случаямъ жизни, свято почитаемый самою многочисленною категоріею евреевъ-талмудистами. Караимы опираются исключительно на Ветхій Завѣтъ. Совершенно независимо отъ талмудизма и караимства существовала каббала. Последней придерживались іудеи, воспитанные на религіозно-философскомъ ученіи, пытавшемся согласовать религіозныя преданія съ рациональнымъ складомъ мышленія, т. е. въ основаніе оцѣнки каждаго предмета ставящимъ его способность подчиненія научному объясненію.

Какъ разъ въ эпоху переѣзда въ Россію Схаріи, еврейство переживало періодъ своего сильнѣйшаго умственнаго обновленія. О немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, ибо оно несомнѣнно отразилось на многихъ пунктахъ ученія жидовствующихъ, начавшагося распространяться на Руси съ легкой руки Схаріи. Новое теченіе среди еврейства выразилось въ введеніи въ основаніе всякой мысли, всякаго образованія, преобладающаго элемента наукъ естественныхъ, точныхъ, иными словами, разсматривающихъ явленія съ точки зрѣнія критической повѣрки, путемъ осязательнаго опыта. При такихъ взглядахъ несомнѣнно должно было измѣниться и все міровоззрѣніе еврейства, особенно въ теологической своей части, т. е. въ объясненіи мірового механизма исключительно Промыс-

ломъ Божіимъ и Его хотѣніемъ. Нѣкоторыя изъ такихъ воззрѣній отразились и на ученіи жидовствующихъ. На такихъ началахъ и строилась на Руси теорія жидовствующихъ.

Схарія былъ по тому времени человѣкъ далеко не заурядный. Кромѣ основательнаго знакомства съ философіею, Схарія былъ хорошо начитанъ въ области богословія, какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго.

И вотъ Схарія начинаетъ мало-по-малу пропагандировать новое ученіе. Сперва къ нему присталъ какой-то попъ, именемъ Денисъ, за нимъ другой Алексѣй. Тамъ пріѣхали изъ Литвы земляки Схаріи, Іосифъ Шмуйло - Скорявый и Моисей Ханушъ.

Кружокъ жидовствующихъ становится все шире и шире. Количество еретиковъ разрастается. Попъ Алексѣй привлекъ къ жидовству своего зятя Ивана Максимова, его отца попа Максима, а Денисъ обратилъ протопопа Софійской церкви Гавріила и Григорія Тушина. Оба послѣдніе, пользовавшіеся въ Новгородѣ большимъ вліяніемъ, познакомили съ ученіемъ жидовствующихъ высшіе круги новгородскаго общества, среди котораго жидовство пріобрѣло широкую популярность.

Теоретическая сторона ученія жидовствующихъ выясняется намъ изъ „Просвѣтителя“, принадлежавшаго перу яраго борца съ ересью, извѣстнаго поборника православія Іосифа Волоцкаго. Она представляется въ такомъ видѣ. Богъ Отецъ не имѣетъ ни Сына ни Святого Духа, равно какъ и не существуетъ Святой Троицы. Все относящееся въ Священномъ Писаніи къ слову и Духу, слѣдуетъ понимать въ прямомъ смыслѣ. Сынъ Божій, о которомъ вѣщали пророки, долженъ быть таковымъ не по существу, а по благодати.

И этотъ Мессія еще не родился.

Исусъ же Христосъ не Богъ, а простой человѣкъ. Погибнувъ на крестѣ смертію, онъ не можетъ болѣе воскреснуть.

Настоящій Мессія будетъ Сыномъ Божіимъ по благодати, какъ Моисей, Давидъ и пр. Воплощеніе Божіе въ человѣка совершенно не вызвано было настоятельною въ томъ необходимостию.

Если Исусъ Христосъ былъ не Сынъ Божій, а обыкновен-

ный человекъ, то такими же людьми должно считать и всѣхъ Его апостоловъ.

Изображеніе на иконахъ Пресвятой Троицы—дѣло, совершенно неугодное Богу. Начало его слѣдуетъ искать въ ошибочномъ пониманіи библейскаго текста, который буквально гласитъ, что „Авраамъ бо пріять и учреди Бога съ двѣма ангелома“.

Всякому вѣрующему человекѣу всячески слѣдуетъ уклоняться отъ почитанія всѣхъ вообще иконъ, креста, евангелія, Тайнъ Христовыхъ, мощей и храмовъ. Не соблюдающіе этого явно нарушаютъ волю Божью, переданную людямъ чрезъ Моисея въ запрещеніи поклоняться какому бы то ни было творенію рукъ человѣческихъ. Это же приказаніе Божіе подтверждается и во Второзаконіи (6,13): „Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши“.

Идея монашества, сильно пришедшая по душѣ православному человекѣу, нашла себѣ сильное порицаніе въ ученіи жидовствующихъ. По словамъ „Просвѣтителя“, жидовствующіе обвиняли монаховъ въ произвольномъ искаженіи естественнаго образа жизни, освященнаго даже и такими высокими и безспорными нравственными авторитетами, какъ пророки.

При этомъ жидовствующіе прибѣгали къ ловкимъ приемамъ, ссылаясь на примѣръ самого Іисуса Христа, постоянно искавшаго сообщества, а не избѣгавшаго его. Если—говорили жидовствующіе—Іисусъ Христосъ, въ Котораго вы, православные, вѣруете и котораго считаете истиннымъ Сыномъ Божіимъ, не пожелалъ стать отшельникомъ, то по какому праву Его послѣдователи, называющіе себя христіанами, идутъ въ разрѣзъ велѣніямъ Учителя? Моисей, несомнѣнно, имѣлъ въ виду монашествовавшихъ, изрекая имъ грозное осужденіе: „проклятъ всякъ, иже не возстановитъ сѣмени во Израили“ (Второзак. 25, 5—9).

Вотъ въ краткихъ словахъ важнѣйшіе пункты ученія жидовствующихъ, какъ намъ передаетъ Іосифъ Волоколамскій въ своемъ знаменитомъ твореніи „Просвѣтитель“. Правда, Іосифъ всецѣло отразилъ свою богато одаренную натуру, смѣло и стойко борющуюся съ ненавистною ересью; въ силу этого въ его полемическомъ изложеніи ученія жидовствующихъ попадаетъ немало противорѣчій и недоговоренностей, которыми и

изрядно затемняется истинный смысл и характеръ дѣятельности еретиковъ.

Такъ напримѣръ въ первыхъ четырехъ „словахъ“ ¹⁾ ясно указывается, что послѣдователи Схаріи совершенно отказывались признавать основныя истины христіанства, всецѣло проповѣдуя еврейство въ его чистомъ, не обезображенномъ посторонними вліяніями, видѣ. А уже 5-е „слово“ указываетъ, что сомнѣвались въ одномъ лишь явленіи св. Троицы Аврааму, и свою теорію о грѣховности изображенія ея на иконахъ строили на разногласіяхъ между великими авторитетами церкви по этому вопросу.

Вообще, касательно догматики жидовства, „Просвѣтитель“ даетъ свѣдѣнія самыя противорѣчивыя. И такія неточности, разсыпанныя по всему творенію современника движенія жидовствующихъ, невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности изложенія ереси, столь ярко выразившейся въ духовно жизни русскаго народа XV вѣка.

12 декабря 1484 г. архіепископомъ новгородскимъ былъ назначенъ чудовскій архимандритъ Геннадій, личность крупная, съ рѣзкой волей и неуклонностью заявившая себя въ борьбѣ съ еретическимъ движеніемъ.

Узналъ новый новгородскій владыка о существованіи въ Новгородѣ ереси случайно: четверо тайно жидовствующихъ въ пьяномъ видѣ проболтались о своихъ взглядахъ. Довели объ этомъ до свѣдѣнія Геннадія. Послѣдній не замедлилъ донести московскому митрополиту Геронтію. Тотъ, не совсѣмъ ладившій съ Геннадіемъ, не торопился браться за сыскъ, къ тому же еще побаиваясь великаго князя; оказалось, что пока дѣло шло, ересь перекинулась уже въ Москву и привилась даже среди ближайшихъ къ великому князю Іоанну III людей, ссориться съ которыми митрополиту не было никакой охоты.

Донесеніе Геннадія о вредной сектѣ положили въ Москвѣ „подъ сукно“. Но Геннадій, взявшись за искорененіе ереси, не желалъ сдаваться, и обратился за посильнымъ содѣйствіемъ

---

¹⁾ По содержанію весь „Просвѣтитель“ можно раздѣлить на двѣ части: историческую въ 15 „словахъ“ и чисто полемическую, охватывающую 16 „словъ“.

къ своему хорошо знакомому епископу сарскому Прохору, жившему въ ту пору въ Москвѣ.

Геннадій, изложивъ ходъ дѣла, убѣдительно просилъ Прохора взяться за князя и повліять на него, въ смыслѣ необходимости серьезной и энергической борьбы съ ученіемъ жидовствующихъ, часть отъ часу становившихся все смѣлѣе и безотвѣтственнѣе въ распространеніи своего ученія. Теперь еретики уже чувствуютъ твердую почву подъ ногами. Ихъ общество насчитываетъ въ своей средѣ такихъ видныхъ московскихъ дѣятелей, какъ симоновскій архимандритъ Зосима, дьяки Истома и Сверчокъ; близкое участіе въ ихъ судьбахъ принимаетъ симпатизирующій новому движенію одинъ изъ выдающихся умовъ дореформенной Руси, близкій сердцу Іоанна III думный дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ. Черезъ нихъ то жидовство проникаетъ въ высшіе слои общества, невѣстка великаго князя Елена прислушивается къ увлекательному толкованію свободомыслящихъ послѣдователей умнаго еврея Схарін. Наконецъ, дѣло доходитъ до того, что самъ „собираетель“ Руси, оказывается, благосклонно относится къ подпольной работѣ еретиковъ, по видимому, поставившихъ главною цѣлью борьбу съ духовенствомъ, чего Іоаннъ III, какъ тонкій политикъ, не могъ не одобрить. Кто знаетъ, быть можетъ въ головѣ Іоанна III не разъ бродила мысль о возможномъ обращеніи въ государственную собственность громаднѣйшихъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, въ цѣляхъ пополненія финансовъ, столь необходимыхъ при тогдашнемъ растроеномъ состояніи казны. Да и личнымъ наклонностямъ Іоанна, человѣка съ необузданною волею и размахомъ, не въ духѣ скромныхъ богобоязненныхъ князей, ученіе жидовствующихъ о свободѣ человѣка, растяжимость ихъ понятія о грѣхѣ, соответствовали какъ нельзя болѣе.

Не будь новгородскаго владыки Геннадія, ересь возросла бы до такихъ размѣровъ, что борьба съ нею могла оказаться бы прямо не по силамъ ревнителямъ строгаго православія.

Но Геннадій не дремалъ. Въ январѣ 1488 г. онъ обратился съ посланіями къ находившимся въ ту пору въ Москвѣ епископамъ Нифонту Суздальскому и Филоою Пермскому, усердно прося ихъ, „чтобы они потщились тому дѣлу исправленіе учи-

пяти, занеже како нынѣ продлилося то дѣло обыскъ ему не крѣпко чинится... еретикамъ ослаба пришла, уже наругаются христіанству“.

Мало-по-малу ересь совершенно водоизмѣнилась въ своемъ внутреннемъ содержаніи, перейдя въ полнѣйшее отрицаніе всѣхъ истинъ, дорогихъ сердцу всякаго христіанина. Жидовство впитало въ себя, такъ сказать, всѣ извѣстныя тогда теченія сомнѣвающагося ума, претворивъ ихъ въ своеобразную систему.

Іосифъ Волоколамскій, долго и дѣятельно работавшій надъ изученіемъ ереси, прямо сознается, что въ учении жидовствующихъ заключаются *ереси многи*. Геннадій тоже отказывается видѣть въ новгородскихъ еретикахъ просто уклонившихся послѣдователей Моисеева закона: „обрѣтохъ здѣ“—говоритъ онъ по словамъ „Просвѣтителя“—еретиковъ жидовская мудрствующихъ; покрытыжъ суть онихъ еретихъ клятвенною укориною, маркіанскія глаголю и мессалианскія... и како ихъ спроси, и онъ говоритъ: азъ де православный христіанинъ, а того своего дѣла запрелся. Ино то въ нихъ не одно Иудейство. А что ни есть ересей мессальянскихъ, то все они мудрствуютъ, жидовскимъ десятословіемъ людей только прельщаютъ, яко нестующе мнятся“.

Посланіе Геннадія къ двумъ епископамъ не осталось безъ воздѣйствія. И Нифонтъ и Филооей принялись за давленіе на князя. Пришлось тому уступить, созвать иѣчто въ родѣ малаго помѣстнаго собора, куда и было представлено на разсмотрѣніе все дѣло о новгородскихъ еретикахъ.

Соборъ порѣшилъ поручить Геннадію произвести основательный розыскъ, наблюдая, „чтобы христіанство въ возмущеніи не было, а церковь Божія безмятежна была“.

Полномочіе то Геннадію было дано, правда, но дѣло тормозилъ московскій митрополитъ Геронтій, несомнѣнно, сочувствовавшій необходимости искорененія зловерной, съ точки зрѣнія приверженцевъ Іосифа Волоколамскаго, ереси, но нерѣшительный. Послѣдній, вѣроятно, мало ошибался, давая Геронтію, такую характеристику, что „самъ же (Геронтій) убо христіанская мудрствуя, о прочихъ же ни мало попечеса, погибающимъ, увы мнѣ, Христовымъ овцамъ еретическимъ ученіемъ,

или грубостью одержимъ, или не радяше о семь или бояшася державнаго“.

Какъ бы то ни было, но ревностно начатое разслѣдованіе не повлекло за собою ошутительныхъ практическихъ результатовъ, такъ что Геннадій горько жаловался ростовскому архіепископу, что въ Москвѣ „положили дѣло ни за что“.

Вскорѣ Геронтій умеръ.

Вожаки жидовствующихъ еще за девять лѣтъ до смерти митрополита весьма дальновидно перенесли главную свою дѣятельность въ Москву.

Здѣсь ловко и смѣло работали двое агентовъ жидовствующихъ, пользовавшіеся вдобавокъ благосклонностью Іоанна III. То были попъ Алексѣй, самимъ великимъ княземъ назначенный въ протопопы въ Успенскій соборъ, да попъ Денисъ, занимавшій священническое мѣсто въ Архангельскомъ соборѣ. Оба они „таяхуся, якоже зміевъ въ скважинѣ“, пропагандировали чрезвычайно осторожно, сумѣвъ захлестнуть своимъ ученіемъ даже людей, доселѣ очень стойкихъ въ отеческой вѣрѣ.

Такимъ образомъ выходило, что Геннадій старался срубить вѣтви ереси въ Новгородѣ, слишкомъ поздно дознавшись, что корень растетъ въ Москвѣ, къ тому же въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бороться съ нимъ не такъ то легко и безопасно.

За смертью Геронтія освободилась митрополичья каеэдра. Ея занялъ „свой человекъ“ жидовствующимъ—симоновскій архимандритъ Зосима, пазначенный великимъ княземъ, котораго уже, несомнѣнно, успѣли „обойти волхвованіемъ“.

Геннадій былъ совершенно устранилъ отъ участія въ духовномъ соборѣ, созваннаго ради приличія для избранія новаго митрополита. Положеніе владыки стало все болѣе щекотливымъ. Пытались даже все свалить съ больной головы на здоровую, затребовавъ отъ Геннадія такъ называемаго исповѣданія вѣры, что, обыкновенно, практиковалось при рукоположеніи епископа въ санъ. А въ примѣненіи этой мѣры къ себѣ Геннадій не могъ не усмотрѣть явной обиды.

Теперь еретики, пользуясь тѣмъ, что на каеэдрѣ въ Москвѣ сидитъ ихъ ставленникъ, опираясь на полную безнаказанность, смѣло подняли голову, дойдя при этомъ до совершенно неизвинимыхъ крайностей. Такъ, напримѣръ, нѣкій жидовствующій

подъячій, именемъ Алексѣй Костинъ, въ пьяномъ, правда, видѣ, забрался въ часовню „да снявъ съ лавицы икону Пречистыя, на нее скверную воду спускалъ и инныя иконы вверхъ ногами переворачивалъ“.

Долго Геннадій терпѣлъ ересь, но, наконецъ, ему стало положительно не въ силу сносить дерзость еретиковъ, и онъ рѣшилъ обратиться съ открытымъ посланіемъ къ митрополиту, поставивъ весь вопросъ на строго-официальную почву, чтобы тѣмъ лишитъ еретичествующаго Зосиму прибѣгать къ какимъ бы то ни было уверткамъ.

Геннадій поименно перечисляетъ извѣстныхъ ему наиболѣе опасныхъ гонителей православія, указывая на долгъ митрополита, какъ пастыря, и его великую отвѣтственность, какъ блюстителя чистоты христіанства въ русскомъ государствѣ.

Ту же мысль Геннадій подробно развилъ въ другомъ посланіи, обращеннымъ къ нѣсколькимъ епископамъ.

Зосиму приперли, какъ говорится, къ стѣнѣ. Ему не оставалось ничего другого, какъ согласиться на внесеніе въ ближайшій имѣющій быть соборъ вопросъ о еретичествѣ, и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. 17 октября 1490 года открылся соборъ.

Геннадій не получилъ приглашенія на соборъ, несмотря на все свое желаніе присутствовать на немъ. На соборѣ мнѣнія архипастырей по поводу назначенія наказанія упорствующимъ еретикамъ раздѣлились, перевѣсъ остался, наконецъ, на сторонѣ митрополита, рѣшительно воспротивившагося смертной казни еретиковъ. По словамъ историка Татищева митрополитъ прямо заявилъ, что „достойтъ еретиковъ проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, зане мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшніа обращати къ покаянію“.

Къ подобному взгляду Зосимы присоединились и пользовавшіеся громаднымъ уваженіемъ народа подвижники Нилъ Сорскій и Паисій Ярославовъ, отнесшіеся къ ереси съ точки зрѣнія глубокаго проникновенія истинно-христіанскимъ всепрощеніемъ.

Не мало, конечно, среди соборныхъ судей было лицъ, сочувствовавшихъ движенію „жидовствующихъ“, но напоръ строго-православной части общества былъ настолько силенъ, что явно

выступить на защиту еретиковъ было не совсѣмъ то безопасно.

Въ концѣ концовъ рѣшеніе собора свелось къ тому, что были обвинены: протопопъ Гавріилъ, священники Денисъ, Максимъ, Василій, дьяконы Макарій и Самуилъ, чернецъ Захаръ и дьякъ Самсонка въ томъ, что они старались развратить чистую и непорочную вѣру въ Бога, въ Троицу славимаго, и погубить православное христіанство, отвергая Божество Иисуса Христа, Его воплощеніе отъ Пресвятой Дѣвы Маріи и воскресеніе, считая Его пророкомъ, подобнымъ Моисею, а не равнымъ Богу Отцу; ругались святыми иконами, называя ихъ, навазнѣ съ идолами, дѣломъ рукъ человѣческихъ; совершали литургію по принятіи пищи и питья; ни во что считали Тѣло и Кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи, держались больше ветхаго завѣта и праздновали пасху по іудейски; въ среду и пятокъ ѣли мясо и молоко, и совершали другія еретическія дѣла и многихъ простыхъ людей прельстили своими ересями.

Еретики были всѣ преданы церковному проклятію, произнесенному надъ ними съ особою торжественностью, по плану, выработанному торжествующимъ Геннадіемъ. Ересь была открыто осуждена, но практическихъ результатовъ было немного. Всѣ наиболѣе вліятельные и потому опасные еретики, дѣйствовавшіе съ большею осторожностью, избѣгли преслѣдованія, временно, впрочемъ, прекративъ свою пропаганду, въ ожиданіи лучшаго для нихъ времени. А послѣднее было уже не за горами.

Наступалъ 1492 г. Его Русь ожидала со страхомъ и трепетомъ. Издавна съ востока, главнымъ образомъ изъ Византіи, дошло къ намъ повѣріе, что въ 1492 году, съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ наступитъ и конецъ міра. Такъ думалъ не только простой народъ, но и многіе ученые богословскіе авторитеты Византіи, исходя изъ туманно мистическаго толкованія чиселъ, означавшихъ имена Моисея, Иисуса Христа и Креста. Такая мрачная увѣренность въ неминуемомъ близкомъ страшномъ судѣ была настолько велика и непоколебима, что даже пасхалинъ—то-есть календарныя обозначенія празднованія Св. Пасхи—были доведены до 1492 г., за которымъ, по свидѣтельству Геннадія, писался полный тоскливаго описанія стихъ: „здѣ страхъ,

здѣ скорбь; аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и по конецъ явился въ неже чаемъ и всемірное Твое пришествіе“ И чѣмъ ближе дни подходили къ роковому году, тѣмъ все болѣе и болѣе „о семъ многимъ сомнѣніе бысть“ Припоминали между прочимъ люди книжные слова Соломона „даждь часть седьмымъ же и осьмымъ“, приводили мнѣніе Никифора Каллота—историка XIV в.—„глаголется же, яко седми тысящъ лѣтъ будетъ приходъ Іисуса Христа“.

Предположеніе о связи между седьмой тысячью лѣтъ и наступленіемъ конца свѣта, основанное, въ сущности, на произвольномъ и ошибочномъ толкованіи нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ святоотеческихъ твореній, вѣками вращая въ умы, наконецъ, получило характеръ какого-то, самую церковь освященнаго, новаго пункта исповѣдыванія христіанства. И поэтому, когда тяжелый 1492 годъ миновалъ вполнѣ благополучно, то жидовствующіе и не преминули воспользоваться новымъ оружіемъ противъ истинности православія. Еретики, притворяясь немало изумленными, наивно задавали и безъ того смущенному люду коварные вопросы: „какъ же это? семь тысячъ лѣтъ окончились, и пасхалія изошла, а Христосъ не приходитъ? Стало быть, всѣ ваши священныя книги завѣдомо толкуютъ ложь и вѣрять имъ нельзя?“.

Вотъ теперь то понемногу сталъ снимать съ себя маску смиренія и самъ ставленникъ жидовствующихъ—митрополитъ Зосима—человѣкъ—по отзыву Іосифа Волоколамскаго „и объядайся, и уповайся и свинскимъ житіемъ живый“. Зосима открыто принялся за пропаганду, и „обрѣтая приснѣйшихъ, напоялъ ихъ ядомъ жидовскимъ“. Свой отрицательный взглядъ на православіе Зосима проводилъ въ жизнь самымъ рѣзкимъ образомъ, складывая, на примѣръ, иконы и прочія принадлежности богослуженія въ нечистыхъ мѣстахъ (?!).

Вѣрнѣе всего, что Зосима не былъ фанатикомъ новаго ученія, а просто теорія жидовствующихъ, удѣлявшая не мало мѣста свободѣ человѣческой воли, давала болѣе простора его неуравновѣшеннымъ наклонностямъ. Но имъ широко пользовались дѣйствительные сторонники жидовства, люди, счи-

1) Рукопись бібліотеки Спб. Дух. Акад. № 1421. стр. 129.

тавшіе себя глубоко убѣжденными въ великомъ смыслѣ „освободительнаго движенія“ въ области духа человѣческаго, люди, не смотря на свои заблужденія, стоявшіе головою выше своихъ малокультурныхъ соплеменниковъ. Они то и группировались, главнымъ образомъ, вокругъ дьяка Курицына. Кружокъ Курицына, изображавшій что-то вродѣ центральнаго комитета, велъ пропаганду умѣло, чѣмъ и объясняется не малый успѣхъ ученія жидовствующихъ. Излюбленнымъ приѣмомъ каждаго агитатора, уже искусившагося въ полемикѣ, были своеобразныя толкованія Св. Писанія. Немудрый русскій человѣкъ не могъ не послушать рѣчистаго толкователя Словъ Христа, и къ концу XV вѣка „только бысть смущеніе въ христіанѣхъ, якова же никогда не быша отнели же солнце благочестія начатъ возсіяти въ Русской земли“.

При такомъ положеніи вещей, несомнѣнно представлявшемъ крупную опасность для православія на Руси, архіепископъ Геннадій, долго искавшій себѣ надежныхъ соратниковъ въ борьбѣ съ упорнымъ врагомъ, наконецъ, нашелъ дѣятеля, не побоявшагося выступить противъ жидовствующихъ. Новый борецъ православія далеко оставилъ за собою самого Геннадія. То была личность, что называется, историческая, и разъясненіе характера ея дастъ возможность легче выяснитъ себѣ эпоху, въ которой широко развернулось движеніе жидовствующихъ.

Здѣсь разумѣется Іосифъ Волоколамскій.

Говоря о послѣднемъ, обыкновенно, припоминаютъ и его полную противоположность, одновременно съ нимъ работавшаго, старца Нила Сорскаго. Оба они стоятъ, безъ сомнѣнія того, чтобы на нихъ остановиться болѣе подробно.

Іосифъ Волоколамскій — въ мѣрѣ Санинъ — родился въ 1439 или въ 1440 году. На восьмомъ году его отдали въ ученіе въ монастырь. Сохранилось извѣстіе, что уже въ раннихъ лѣтахъ Іосифъ отличался начитанностью. Юноша Іосифъ уже разсуждаетъ на тему о скоротечности земной жизни. Окончивъ монастырское ученіе, Іосифъ возвратился къ отцу—вотчиннику изъ Волоколамска, — но очень скоро его стало сильно тянуть къ монастырской жизни. Особенно привлекалъ его своимъ строгимъ уставомъ монастырь Пафнутія Боровскаго, и туда то направился юный любитель аскетической жизни. 20 лѣтъ отъ

роду Іосифъ принялъ монашество, и ровно 18 лѣтъ пробылъ въ монастырѣ Пафнутія. Такимъ образомъ ко времени вызова его Геннадіемъ ему было лишь 40 лѣтъ.

Что такое представлялъ собою Іосифъ?

Его нельзя назвать человѣкомъ широко образованнымъ, хотя бы и въ предѣлахъ XV в. „Еллинская хитрость“ и „чернокнижное волхвованіе“ совсѣмъ не привлекали къ себѣ Іосифа. Онъ ненавидѣлъ ихъ всѣми силами своего ума, сердца. Всѣ помыслы Іосифа сводились исключительно къ вѣрѣ, въ ней черпалъ онъ свои силы, она давала смыслъ и направленіе всей его жизни и дѣятельности. Слово Божіе—единственный его авторитетъ. „Все что не отъ Писанія—любилъ повторять Іосифъ—то отъ діавола“. И такое отношеніе къ свѣтской мудрости, презрѣніе къ ея выводамъ, указаніямъ правового характера, имѣло своимъ послѣдствіемъ вполнѣ понятную неспособность разобраться въ вопросахъ хотя бы каноническихъ, гдѣ постановленія вселенскихъ соборовъ и поправки къ нимъ византійскихъ императоровъ, имѣли въ глазахъ Іосифа одинаковую цѣнность и важность. Богословъ-самоучка—Іосифъ изучалъ св. Писаніе самостоятельно, изучалъ ревностно, и остался вѣренъ буквѣ... духъ остался гдѣ-то вдалекѣ. Суровый идеалъ, созданный еврейскою Библией, ея грозные образы ветхозавѣтныхъ обличителей-пророковъ, были, навѣрное, ближе душѣ Іосифа, нежели примирительное направленіе Евангелія, съ его постоянною проповѣдью любви, кротости, мягкости и снисхожденія.

Іосифа Волоколамскаго прямо характеризуетъ названіе „цѣльной натуры“. Ярко огненными буквами постоянно пламенѣлъ предъ нимъ созданный имъ символъ вѣры—уклоненій отъ него онъ не вѣдалъ.

Православіе составляло для Іосифа святая святыхъ души, но въ пониманіи его задачъ и характера служенія его идеѣ, Іосифъ не смогъ шагнуть впередъ вѣка. Отсюда, станеть, пожалуй, понятна нѣкоторая двойственность въ поступкахъ Іосифа. Строгій аскетъ не покажется страннымъ въ роли материалиста-игумена, дѣятельно заботившагося о приращеніи монастырскаго имущества, для каковой угодной, по мнѣнію Іосифа цѣли, имъ широко практиковалась система принятія до-

брохотныхъ вкладовъ мірянъ „на поминъ души“. Къ однимъ Іосифъ требуетъ примѣнять предписанія евангельской любви въ полномъ ея объемѣ, другихъ же, безъ всякаго мучительнаго сомнѣнія, какъ еретиковъ, совѣтуетъ послать на костеръ. И это не расшатанность убѣжденій, а стойкое служеніе дѣлу церкви, ярая защита ея интересовъ, хотя, можетъ быть, неправильно, съ точки зрѣнія XX вѣка, понимаемыхъ.

Словомъ говоря, Геннадій передалъ дѣло преслѣдованія въ руки, надежнѣе и пригоднѣе которыхъ найти трудно было.

Сила воли, стойкость, убѣжденность, талантъ личности, столкнулись съ правильно организованнымъ обществомъ; столкнулись двѣ идеи, встрѣтились два міровоззрѣнія, съ различными цѣлями и направленіями. Млѣла мысль, рвавшаяся на просторъ, ломались цѣпи...

Живое то было время. „Нынѣ и въ домѣхъ и въ путехъ и на торжищахъ, иноци и мірстіи, и вси сумняся, вси о вѣрѣ пытають, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ни отъ еретиковъ и отъ отступниковъ Христовыхъ“.

Первымъ письменнымъ памятникомъ открытаго участія Іосифа въ борьбѣ съ жидовствомъ, можно считать посланіе его къ Нифонту, епископу суздальскому, относящееся къ 1493 г. Въ немъ Іосифъ первымъ мѣропріятіемъ противъ еретиковъ считаетъ необходимость поставленія новаго митрополита, уже чисто православнаго и искренняго сына своей церкви. Нынѣшній же митрополитъ—„скверный и злобистый волкъ въ пастырской одеждѣ“.

Посланіе Іосифа, написанное смѣло и страстно, не прошло незамѣченнымъ. Митрополитъ Зосима устыдился обличеній Іосифа и снялъ святительскій санъ.

На его мѣсто соборъ іерарховъ выбралъ игумена Троице-Сергіева монастыря, Симона. Но великій князь, прежде всего политикъ, боявшійся видѣть рядомъ съ собою хотя тѣнь власти, даже и въ лицѣ духовенства, все по прежнему симпатизировалъ жидовствующимъ, а съ такимъ настроеніемъ Іоанна III новопоставленный митрополитъ Симонъ не желалъ не считаться.

Но что было неудобнымъ для осторожнаго и недалекаго Симона, того не убоился Іосифъ, уже извѣстный на Руси игу-

мель неслыханной строгости монастыря, не знавшій трепета предъ земными владыками, тонкій психологъ къ тому же, задѣвшій чувствительную струнку государя. Прежде грозный Іоаннъ III съ годами, что пазывается, размякъ. Вся тяжелая работа его по утверженіи единовластія на Руси пришла къ давно желанному концу, собирательная дѣятельность великаго князя увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, всѣ враги уже сломлены, опасныхъ соперниковъ за власть нѣтъ— всѣ они убиты, умерли, казнены—смута вездѣ залита кровью, все подчинилось отцу будущаго Грознаго — а годы уже старческіе... Жить осталось мало, почти видна могила, грѣховъ— не перечесть. Страхъ смерти, и неизбѣжность судилища Господня все чаще и чаще заглядываютъ въ душу уже износившагося князя. Чѣмъ замолить грѣхъ? Какъ омыть грѣховную душу? И вдругъ страшная мысль, новая, забытая, разомъ встаетъ во всей своей силѣ, наводитъ еще болѣе тоску...

Іоаннъ кается. „Я зналъ новгородскихъ еретиковъ“—говорить онъ Іосифу,— „и ты прости меня въ томъ“. Но Іосифъ, какъ служитель оскорбленной Іоанномъ церкви, можетъ простить его лишь тогда, если онъ усерднымъ искорененіемъ ереси загладитъ тяжкій грѣхъ общепія съ врагами Христовыми.

Мало но малу Іосифу удалось добиться отъ великаго князя приказаніе ѣхать въ Новгородъ и другіе города, для сыска еретиковъ. Но у князя осталось еще одно сомнѣніе: „какъ писано, нѣтъ ли грѣха казнить еретиковъ?“ Іосифъ успокаиваетъ совѣсть Іоанна, приведя слова изъ писанія Павла къ евреямъ: „аще кто отвержется закона Моисеева при двою или тріехъ свидѣтелѣхъ, умираетъ, кольми наче иже Сына Божія поправъ и Духа благодати укоривъ...“

Но казнить еретиковъ Іоаннъ все еще не рѣшался, боясь къ старымъ грѣхамъ прибавить новые.

Въ вопросѣ о преданіи еретиковъ казни Іосифъ встрѣтилъ самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны иного рода лицъ, во главѣ съ отраднѣйшимъ явленіемъ древней Руси—преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ.

Іосифъ Волоколамскій и Ниль Сорскій—два полюса въ области мысли вообще, и религіозной въ частности. Они знаме-

пують два теченія, рѣзко отличаясь между собою, приче́мъ одно— ставитъ въ символъ своего исповѣданія букву закона, другое во всемъ ищетъ духъ, животворное начало. И тепло́мъ, сердечностью, отзывчивостью вѣтетъ отъ людей, радостно понявшимъ *смыслъ* великихъ завѣтовъ Христа, обращающаго свои слова къ труждающимся и обремененнымъ непосильною ношею міра сего.

Вотъ почему челове́чество всегда съ благодарностью вспоминаетъ о носителѣ кристалльной идеи Сына назаретскаго плотника, въ рваномъ рубищѣ, съ непокрытою головою, разъяснявшаго цѣль жизни, учившемъ, что надлежитъ дѣлать чтобы достигнуть высшаго духовнаго равновѣсія, именуемаго счастьемъ, въ благороднѣйшемъ опредѣленіи этого понятія. И къ числу такихъ то душъ, жадно воспріявшихъ сѣмена ученія Христа, и принадлежитъ и нашъ Нилъ Сорскій.

Свѣдѣнія біографическія о Нилѣ до-нельзя скудны. Единственное извѣстіе о его происхожденіи сообщаетъ намъ только что Нилъ „бѣ родомъ отъ великаго града Москвы“. Родился онъ около 1433 г.; принадлежалъ, вѣроятно къ крестьянству. По крайней мѣрѣ, Нилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій вскользь говоритъ о себѣ, называясь „поселяниномъ“. Мірское имя его было—Майковъ, или—говоря словами одной записи о соборѣ 1503 г.—*по реклу Майковъ*. Рано попалъ въ монастырь. Кругозоръ Нила несомнѣнно расширило путешествіе его на Востокъ, во время котораго онъ посѣтилъ Афонскую гору и Царьградъ. Последнимъ обстоятельствомъ въ сильной степени объясняется присущая Нилу склонность къ созерцательной жизни, обязанная своимъ рожденіемъ Востоку съ его особенностями.

Возвратившись съ Востока, Нилъ, около рѣчки Сорки, на мѣстѣ пустыннымъ, дикомъ и мрачномъ, основалъ свой скитъ. Видъ этого мѣста съ перваго разу даетъ понятъ о томъ, чего здѣсь искалъ святой. Первоначально Нилъ жилъ здѣсь отшельникомъ, но скоро стали возлѣ него селиться и другіе; Нилъ разрѣшалъ жить съ нимъ только на томъ условіи, чтобы живущіе „хранили заповѣди Божія и творили преданія св. отецъ“. Такъ было положено начало Нило-Сорской пустыни. Нилъ Сорскій постоянно проповѣдовалъ аскетизмъ, понимая его, какъ внутреннее самоуглубленіе, какъ необходимость по-

стояннаго наблюденія за искорененіемъ дурныхъ инстинктовъ, путемъ немедленной самокритики. И въ переработкѣ грѣховной души тщательнымъ очищеніемъ ея отъ всевозможныхъ наростовъ—Нилъ видитъ прямое и единственное предназначеніе иночества. Все міропониманіе Нила, его воззрѣнія на духовный подвигъ человѣка, воплощѣны изъ его основныхъ положеній. „Напрасно,—говоритъ Нилъ Сорскій,—„думаютъ, что дѣлаетъ доброе дѣло тотъ, кто соблюдаетъ постъ, метаніе, бдѣніе, псалмопѣніе, и на землѣ лежаніе, онъ только согрѣшаетъ воображая, что все это угодно Богу; суетно трудится и тотъ, кто имѣя слезы и проливая ихъ, думаетъ, что дѣлаетъ доброе, а тѣмъ болѣе, если превозносится этимъ предъ другими, не имѣющими слезъ... Ни чтеніе молитвъ, ни прилежное богослуженіе, ни иные какіе труды, не ведутъ сами по себѣ къ спасенію безъ внутренняго дѣланія... Всякій можетъ вкушать хорошую пищу, но только съ воздержаніемъ. Лучше съ разумомъ пить вино, нежели съ преозорствомъ воду. Будемъ знать, что пища и питье сами по себѣ ничего не значатъ, но все заключается въ вѣрѣ, сопровождаемой любовью и дѣлами. Если всякому дѣланію послѣдуетъ вѣра, то нельзя осуждать пьющаго и ядущаго съ вѣрой; ибо только то грѣхъ, что не отъ вѣры. Безмѣрный постъ и воздержаніе приносятъ еще болѣе вреда, чѣмъ яденіе до сытости, потому что отъ него внутренній фарисей воспитуется...

Иноческій уставъ Нила былъ составленъ сообразно съ выстраданнымъ имъ взглядомъ на природу человѣка. Изъ видовъ иноческаго житія Нилъ рекомендуетъ скитскій, какъ наиболѣе соответствующій, по его мнѣнію, идеалу монашества. Нилъ былъ кромѣ того ярымъ безсребникомъ, окончательно отвергавшимъ владѣніе монахами или монастыремъ какого-либо имущества. Такую точку зрѣнія совершенно не раздѣлялъ Іосифъ Волоколамскій, указывавшій на то обстоятельство; что „аще у монастырей сель не будетъ—како честному и благородному человѣку постригися, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять па митрополію, или архіепископа, или епископа и на всякія честныя должности? А какъ не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ иноковъ—вѣрѣ поколѣбаніе будетъ“. Нилъ возражалъ, что святыми отцами намъ особенно строго заповѣдано, чтобы мы

приобрѣтали себѣ пищу и все нужное отъ праведныхъ трудовъ своего руководѣля и другою работою. Собираніе же имѣній—по насилію и отъ другихъ трудовъ—совсѣмъ намъ не на пользу. Какъ можемъ мы, обладая всѣмъ этимъ, исполнить заповѣдь Господню: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти отдаждь и срачицу. Идеи Нила Сорскаго о внутреннемъ христіанствѣ,—или выражаясь его подлинными словами—„умномъ дѣланіи, дѣятельно развивалъ и обобщалъ ближній его ученикъ инокъ Вассіанъ Косой, въ мірѣ князь Патрикѣевъ, насильно постриженный Іоанномъ III. Вассіанъ по своей манерѣ писать подходилъ болѣе всего къ теперешнему типу популяризатора-публициста отвлеченной теоріи. Всѣ писанія Вассіана проникнуты ироническимъ тономъ и рѣзкостью, совершенно отличными отъ смиренія его учителя.

Малу-по-малу среди духовенства и вообще тогдашней интеллигенціи ясно опредѣлились два теченія, двѣ партіи: „іосифляны“—и сторонниковъ Нила Сорскаго. На сторону послѣдняго стало все передовое, мыслящее, прогрессивное—примѣняясь къ современнымъ намъ терминамъ, поскольку вообще Русь XV—XVI столѣтій можно считать способною къ воспріятію понятій гуманизарности,

Различіе во взглядахъ Іосифа и Нила особенно ярко сказалось въ вопросѣ о казни еретиковъ. Неумолимый Іосифъ, не видѣвшій предъ собою ничего, кромѣ надвигающейся грозной опасности вѣками освященнымъ церковнымъ традиціямъ и порядкамъ, доказывалъ, что „грѣшника или еретика руками или молитвою убити есть едино“. Но съ такимъ толкованіемъ христіанскихъ идей не могъ согласиться Ниль. „Некающихся еретиковъ велѣно заточать. Грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися и приде спасти погибшихъ“.

На приводимые „іосифлянами“ примѣры гнѣва Господня бѣлозерскіе иноки обители Нила указывали, что „еще жъ ветхій завѣтъ тогда бысть, намъ же въ новый благодать яви Владыка христолубивый союзъ, еже не осудитъ братъ брата“.

Въ концѣ концовъ Іосифъ взялъ верхъ. Онъ постарался подѣйствовать на молодого князя Василія Іоановича, наслѣдника великокняжескаго престола. Зная склонность Василія, сына византійской принцессы Софіи Палеологъ, считать себя прямымъ

носителемъ преданій римскихъ императоровъ, Іосифъ ловко воспользовался слабою стрункою Василія, постоянно указывая на примѣры императоровъ Константина Великаго, Юстиніана, Θεодосія — ревностныхъ защитниковъ чистоты православія. Сынъ оказалъ давленіе на одряхлѣвшаго отца — и въ результатѣ — духовный соборъ въ 1504 г. Наступила пора полного торжества для Іосифа. Ересь была осуждена безповоротно въ лицѣ даже самыхъ знатныхъ еретиковъ. Теперь оставалось только дать основательную острастку поколебавшемуся народу. Такъ и сдѣлали. Примѣнили совѣтъ, данный когда-то Геннадіемъ Іоанну въ дѣлѣ истребленія еретиковъ слѣдовать поучительному примѣру „благочестиваго испанскаго короля“. Еретиковъ главныхъ сожгли на кострахъ, другихъ, отрѣзавъ языки, сослали по дальнимъ городамъ въ заточеніе.

Ересь стала постепенно замирать. Но Іосифъ не могъ забыть заступниковъ еретиковъ, главнымъ образомъ, сильно досадившаго ему Вассіана Косого. Бѣлозерскихъ старцевъ обвиняли даже въ сочувствіи ереси. Долго тянулась вражда между тѣми и другими, не мало было извѣтовъ и доносовъ, наконецъ, уже въ княженіе Василія Іоанновича, Вассіанъ былъ оффиціально обвиненъ въ ереси и, заточенный въ монастырь, заморенъ тамъ „іосифлянами“, по свидѣтельству извѣстнаго князя Курбскаго. Іосифъ могъ со спокойной душой считать ересь искорененною, иначе, зная его упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, становится непонятною сдѣланная имъ характеристика великаго князя Василія Іоанновича, въ которой онъ прямо говоритъ, что „государь оныхъ скверныхъ новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, иже жидовская мудрствующихъ, до конца низложилъ, православную и истинную, и непорочную христіанскую вѣру, поколебавшуюся и изнемогшую отъ еретическихъ ученій, утвердилъ“.

Матвѣй Башкинъ.

Въ 1554 г. знаменитый наставникъ юнаго Іоанна IV, священникъ Сильвестръ, прозналъ отъ протопопа благовѣщенскаго собора Симеона, что нѣкій Матвѣй Башкинъ, исповѣдавшійся

у него въ великомъ посту, наводитъ на своего духовника немалый соблазнъ своими странными рѣчами. Симеонъ разсказалъ, что Башкинъ, несомнѣнно, христіанинъ, ибо „вѣритъ во Отца и Сына и Св. Духа и поклоняется образу Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ чудотворцамъ и всѣмъ святымъ, на иконѣ изображеннымъ“, но высказывалъ свое порицаніе духовенству. Между ними завязалось знакомство, они навѣщали другъ друга, и Матвѣй постоянно допытывался у Симеона разрѣшенія, мучившихъ его вопросовъ.

Башкинъ часто говорилъ смущенному Симеону, не могшему разрѣшить его сомнѣнія, что „во апостолѣ-де написано: весь законъ въ словеси сказывается: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себѣ; аще себѣ угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдены будете, а мы-де христовыхъ рабовъ у себя держимъ, а у насъ-де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ поряднія *), а на иныхъ полнія; а я-де благодарю Бога моего, у меня-де ино было кабаль полныхъ, то-де все изодралъ, да-держу-де своихъ добровольно, добро-де ему—онъ и живетъ, а не добро—и онъ куда хочетъ, а вамъ отцамъ пригоже посѣщать насъ почасту, и о всемъ показывать“.

Эти, да и другія подобныя толкованія, показались Симеону противными церковному ученію. Когда Симеонъ чистосердечно сознался Башкину, что онъ не можетъ пояснить ему темныя мѣста Евангелія, Башкинъ съ горечью сказалъ: я самъ знаю, тебѣ некогда объ этомъ вѣдать, въ суетѣ мірской ни день, ни ночь покоя не знаешь“. Все это показалось Симеону „развратнымъ“.

Сильвестръ не преминулъ донести о „патаніи“ Башкина царю. На Москвѣ стали поговаривать, что существуетъ не одинъ Башкинъ, что вокругъ него образовался цѣлый кружокъ людей, которые и „испражняютъ Владыку Нашего Христа, пепщуютъ Сына Божія быти, и преславныя дѣйства о таинствѣ, и о литургіи, и о причастіи, и о церкви, и о всѣхъ православныхъ въ вѣрѣ христіанской“.

По настоянію митрополита Макарія, Іоаннъ приказалъ арестовать Башкина, его сообщниковъ — двухъ братьевъ Борисо-

*) Фальшивыя.

выхъ, и какихъ-то Игнатія да Өому. Пришлось созвать соборъ. Башкину и его товарищамъ предъявили цѣлый рядъ обвиненій, касавшихся отрицанія будто бы еретиками догматовъ православія, и кощунственнаго отношенія къ таинству евхаристіи. Но такъ какъ Башкина и прочихъ допрашивали „съ пристрастіемъ—т. е. подъ пыткой—то мудрено ли, что Башкинъ „бѣсу преданъ бысть и языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаша на многіе часы“. Всѣ подсудимые несли такую же околесицу; выяснилось, наконецъ, что они не поклонялись иконамъ.

Въ дѣло впутали бывшаго троицкаго игумена Артемія и дьяка Висковатаго. Артемій уже раньше былъ въ подозрѣніи, какъ человѣкъ не совсѣмъ строго-православнаго образа мыслей. А тутъ его недруги воспользовались судомъ надъ Башкинымъ, вызвавъ Артемія, для присутствованія на соборѣ, имѣя въ виду подловить его.

Такъ оно и вышло. Башкинъ, оговаривая всѣхъ и cadaго, упомянулъ и Артемія. Артемій предпочелъ скрыться, но былъ пойманъ и привезенъ въ Москву. Устроили очную ставку Башкина съ Артеміемъ. Судьи старались вывѣдать мнѣніе послѣдняго касательно заблужденій Башкина, но тотъ всячески избѣгалъ давать прямые отвѣты. Ничего вполнѣ опредѣленнаго не выяснилось, но все же Артемія сослали въ соловецкій монастырь.

Въ приговорѣ суда Матвѣй Башкинъ и его соумышленники были изображены, какъ „безбожные еретики и отступники православныя вѣры, хулы глаголившіе на Господа Іисуса Христа,... нѣдце же еще и другихъ поучаютъ на сіе злочестіе; къ симъ же честное и святое тѣло Господа Нашега Іисуса Христа и честную и св. Его кровь ни во что жъ полагають, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняють...“

Вскорѣ возникло дѣло дьяка Ивана Висковатаго. Послѣдній въ своихъ религіозныхъ сужденіяхъ касался, главнымъ образомъ, вопроса о правильности тогдашняго иконописанія. Призванный къ духовному допросу Висковатый повинился, что нѣкоторыя иконы немало смущаютъ его своимъ неправильнымъ освѣщеніемъ евангельскихъ событій и лицъ. Висковатый порицалъ, напримѣръ, манеру изображать Спасителя съ сжатыми руками, что, по мнѣнію дьяка, означаетъ, будто Христосъ не очистилъ человѣчество отъ первороднаго грѣха. Точно также дьякъ

усматривалъ западничество въ образѣ Христа, прикрытаго крылами ангеловъ, ибо „слыхалъ многаяжды отъ латынъ въ разговорѣ, яко тѣло Господа нашего Иисуса Христа укрываху херувими отъ срамоты. Греки его пишутъ въ портъкахъ, а онъ портъковъ не нашивалъ“. Касаясь изображенія Бога Отца, Висковатый, рѣшительно заявлялъ, что безплотныя существа не подобаетъ писать на иконахъ.

Изъ исповѣди, написанной Висковатымъ въ формѣ защитительной рѣчи, и составленной въ уступчивыхъ выраженіяхъ, выясняется, что всѣ сомнѣнія Висковатаго не носятъ въ себѣ рѣшительно ничего еретическаго, а просто человѣкъ сбился въ сложныхъ вопросахъ догматики.

Но представители духовной власти косо взглянули на попытки свѣтскаго человѣка толковать о дѣлахъ церковныхъ. Это ясно сквозить въ пренебрежительномъ обращеніи первенствующаго члена суда къ дьяку: „ты о томъ мудрствуешь и говоришь не гораздо, понеже не велѣно вамъ о божествѣ и о божьихъ дѣлахъ испытovati. Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены, не разроняй своихъ списковъ“. Это же полное нежеланіе церковниковъ допускать мірянъ къ обсужденію богословскихъ пунктовъ, исполнѣ ясно, въ опредѣленной формѣ, было подтверждено въ окончательномъ приговорѣ по дѣлу Висковатаго, заканчивающемся характернымъ наставленіемъ: „всякъ человѣкъ убо долженъ есть вѣдати свой чинъ и не творить себе пастыря, овча сый и глава да не мнитъ нога сый, но повиноватися отъ Бога преданномучину и уши свои отверзати на послушаніе благодати приѣмлющихъ учительская слова“.

Висковатаго подвергли трехлѣтнему покаянію.

Попалъ подъ судъ и архимандритъ суздальскаго ефѣмѣанскаго монастыря Теодоритъ, извѣстный просвѣтитель лопарей. Теодорита уже давно не долюбивали за строгость. Подчиненные ему иноки неоднократно жаловались на своего игумена высшему духовному начальству, при чемъ выражали довольно курьезную претензію, что Теодоритъ не разрѣшалъ въ подвѣдомственномъ ему монастырѣ „не токмо женъ, а ни скота единого отпюдь женскаго полу имѣти“. Враждовалъ съ суровымъ монахомъ и суздальскій епископъ, уличенный Теодоритомъ въ

корыстолюбіи и пьянствѣ. Враги его воспользовались его знакомствомъ съ осужденнымъ еще раньше еретикомъ Артеміемъ и подвергли Θεодорита немалому поруганію.

Наконецъ, послѣднимъ лицомъ, фигурировавшимъ въ процессѣ Башкина и его единомышленниковъ былъ Кассіанъ, епископъ рязанскій и муромскій, превратившійся, совершенно неожиданно для себя, изъ судьбы въ подсудимаго. Кассіану, за неимѣніемъ другого, вѣнили въ вину его мягкосердечіе, выразившееся въ подачѣ голоса за обвиняемыхъ. Къ тому же Кассіанъ не желалъ признать полную авторитетность Іосифа Волоколамскаго. Озлобленное духовенство успокоилось, наконецъ, видя, что еретикъ-епископъ подпалъ подъ неслыханный гнѣвъ Божій: отъ неизвѣстной причины у него повернулась голова лицомъ назадъ.

Θеодосій Косой.

О Θеодосіи и его ученіи мы знаемъ только изъ дошедшей до нашего времени рукописи черноризца онежской новгородской пустыни Зиновія, ученика извѣстнаго Максима Грека.

Зиновій рассказываетъ, что однажды къ нему понавѣдались три знакомыхъ ему человѣка, монахи Спасова монастыря Герасимъ да Аванасій, и иконописецъ Θεодоръ. Они то и рассказали ему, что нѣкій Θеодосій излагаетъ новое ученіе. А привлекало оно ихъ тѣмъ, что было ясно и нехитро даже и не для смышленнаго человѣка. Достигалъ Θеодосій такого успѣха тѣмъ, что толковалъ мѣста Священнаго писанія, имѣя постоянно предъ собою текстъ, на который можно сослаться. Это то послѣдователи Косого и цѣнили, а остальные пастыри— „ложніи учителя епископы и попы, понеже учать книги въ руку не держати; самъ же Косой посему истинна учителя себе сказуетъ, понеже въ руку имѣяй книги и тыа разгибаа комуждо писанна давъ самому прочитати“.

Зиновій доказывалъ, что Косой не можетъ быть истолкователемъ истины, указывая на его „подлое“ происхожденіе.— Кто онъ?— „Рабъ единого отъ слугъ царевыхъ“. Основываясь на прошломъ Косого, и, приводя примѣръ византійскихъ императоровъ, ссылаясь на слова самого Соломона, Зиновій всячески

утверждалъ, что „законы градскіе отмещуть отъ рабовъ даваемая свидѣтельства, но повелѣваютъ рабовъ на судища представляти ко взысканію межи прящихся быти послухами“.

— Да гдѣ же это видано — изумляется Зиновій, — чтобы рабъ былъ учителемъ? Но новообращенные указываютъ, что Косой не рабъ: онъ уменъ и храбръ, ибо бѣжалъ отъ своего хозяина на его же собственномъ конѣ, слѣдовательно, онъ достоинъ свободы. А когда Зиновій вздумалъ укорить „ееодосійцевъ“ покражей коня — тѣ ловко указали на евреевъ, при удаленіи изъ Египта тоже захватившихъ имущество египтянъ. Косой, несомнѣнно, отличался большой изворотливостью и отвагою, что видно изъ отзыва о немъ со стороны знававшихъ его: „аще имать Косой разумъ здоровъ и вѣсть истину: всѣхъ учитель изряденъ“.

Бѣжавъ изъ рабства, Косой укрылся въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Но оттуда его, уличенного въ ереси, потребовали въ Москву и заточили. Косой обманулъ стражу, ушелъ въ Литву и женившись на вдовѣ-еврейкѣ, дѣятельно занялся распространеніемъ своего ученія. Косой рѣшительно отвергалъ божественное происхожденіе Иисуса Христа, какъ единороднаго Сына Божія. „Какъ это понять — задаетъ вопросъ Косой — что въ Символѣ Вѣры объ Иисусѣ говорится: рожденна не сотворенна — если самъ Апостолъ Петръ говоритъ, что Иисуса Богъ сотворилъ а не родилъ. Неприлично для Бога происходить изъ женской утробы“. Да и апостолъ Павелъ свидѣтельствуесть въ этомъ же смыслѣ: единъ Богъ, единъ ходатай Богу и чловѣкомъ *чловѣкъ* Иисусъ Христосъ. Самая идея искупленія представлялась Косому искусственнымъ произведеніемъ православія а потому для спасенія души совершенно бесполезною. — Что такое смерть чловѣка, какъ не самое естественное, природою освященное, общее для всякаго дыханія, событіе? Вѣдь умираютъ же и рыбы и гады, а тѣ такія же творенія Божіи, какъ чловѣкъ.

Христіанскій догматъ объ искупленіи и обновленіи чловѣка крестною смертію Христа, еретики отрицали указаніемъ на то, что чловѣкъ отнюдь не измѣнился, благодаря сошествію на землю Христа: былъ чловѣкъ прежде смертенъ, такимъ же и остался, толку никакого не вышло. Вообще

въ христіанскомъ ученіи объ искупленіи Косой видитъ полнѣйшую непослѣдовательность: Богъ сотворилъ міръ, не воплощаясь, а для исправленія порчи ему оказалось необходимымъ принять образъ человѣческой? Гдѣ же тутъ всемогущество Божіе? Такъ же относится Косой и къ иконописанію. Оporою ему служили слова пророка Давида: „идолы, языкъ, серебро и золото—дѣло рукъ человѣческихъ, очи имуть и не видятъ, уши имуть и не слышатъ, ноздри имуть и не обоняютъ, уста имуть и не глаголятъ, руки имуть и не осязаютъ, ноги имуть и не ходятъ“. Есть великая заповѣдь Господня: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія—что прямо относится къ иконамъ. А погому первобытная, истинно христіанская церковь и не знала иконопоклоненія, появилось оно лишь со времени шестого вселенскаго собора. Къ нимъ смѣло можно примѣнить слова пророка Іереміи объ идолахъ: „запертыя ключами отъ воровъ и отъ руки кощунства, ночныя птицы и нетопыри безбоязненно скользятъ по неподвижнымъ головамъ и лицамъ, потускнѣвшимъ отъ дыма и очи ихъ полны праха, занесеннаго и поднимаемаго ногами входящихъ въ ихъ храмы“. Православные только именуютъ себя таковыми, а на дѣлѣ идолослужители. Поклоняться мощамъ—великій грѣхъ. Тѣло умершаго не должно служить предметомъ поклоненія, а потому Антоній Великій порицалъ обычай египтянъ не зарывать покойниковъ. Даже снятаго съ креста Христа—и того погребли подъ землю. Когда же православные говорили, что они почитаютъ не мертвыхъ, а живыхъ, познавшихъ жизнь вѣчную—еретики тотчасъ же ссылались на апокалипсисъ Іоанна Богослова. гдѣ ясно сказано: „всегда поклонися Іоаннъ ангелу, ангелъ же възбрани Іоанну поклоненіе“.

Вообще Косой совершенно отказывался признавать святость всей обрядовой стороны христіанства, видя въ ней лишь «произвольное примѣненіе лукаваго ума человѣческаго».

Вотъ христіане почитаютъ крестъ Христовъ, а того не принимаютъ во вниманіе, что крестъ ненавистенъ Богу, какъ орудіе смерти Его Единороднаго Сына.

Косой сурово обличалъ представителей духовной іерархіи, — „идольскихъ жрецовъ“ — по его выраженію. Евангеліе говорить: „не входящая въ уста скверняютъ человѣка“ а священ-

никъ запрещаетъ вкушать мясо. Толкують противъ женитьбы, какъ будто Апостоль никогда не называлъ такихъ лицемѣровъ „сожженными своею совѣстью“. Всѣ ихъ заботы не идутъ далѣе пѣнія, да каноновъ, не заповѣданныхъ Евангеліемъ, такъ что заботиться о выполненіи основной евангельской заповѣди любви къ ближнему нѣтъ и времени. По отношенію къ такъ называемымъ ими еретикамъ принимаютъ самыя жестокия мѣры, умышленно не понимая смысла Христовой причты о плевелахъ сельныхъ. Даже кающихся не прощаютъ, и опять таки идутъ въ разрѣзъ положительному велѣнію Божію: „аще кто седмдесятъ кратъ седмицею согрѣшитъ тебѣ братъ твой и обратится глаголя: каюся,—остави ему“. Ужъ па что великъ авторитетъ Василія Великаго, а и тотъ отказывается видѣть въ епископахъ духъ кротости, находя только плотское мудрованіе.

Дальнѣйшая судьба Θεодосія тонетъ въ туманѣ нашей исторіографіи, и мы ничего не можемъ сказать объ успѣхахъ его ученія въ массахъ.

Θеодосій заканчиваетъ собою анти-церковное движеніе до никоновскаго исрїода, ставившее себѣ задачею изытаніе дѣла религіи изъ исключительнаго вѣдѣнія клира и предоставленіе каждому мірянину права расходованія своего духовнаго богатства по собственному усмотрѣнію и наклонностямъ. Все древнерусское „еретичество“ безусловно являлось прототипомъ позднѣйшаго сектанства, намекомъ на желательность освободительной реформации въ сферѣ компетенціи религіи, но общія условія быта и вѣка не дали возможности преждевременно зароненному сѣмени дать какіе-либо плоды. Между Русью XVI столѣтія и Западною Европою того же періода лежала глубокая пропасть, и никогда нельзя забывать, что взлелѣвшая „ересь Лютера“ Германія была достаточно къ тому подготовлена работою столповъ гуманизма—Эразма Роттердамскаго, Рейхлина и Гуттена; — уже кончили свою проповѣдь Виклефъ и Гуссъ, мощною волною прокатилось глубоко народное таборитство, и догоралъ флорентійскій костеръ, сжегшій Саванароллу. Европа восхищалась античнымъ міромъ, переживая „эпоху возрожденія“, а мы едва высвободились изъ-подъ „тяжкихъ татарскихъ

задовъ“, и захлебывались въ домашнихъ спорахъ, не желая никого и ничего знать.

Стихло движеніе „первосектантства“, захирѣвъ въ своей „кружковщинѣ“—трудно поборимомъ злѣ русскаго общества, и стало внимательно прислушиваться къ все усилившемуся ропоту неудовольствія также религіозно настроенной, но не изъ тѣхъ же религіозныхъ побужденій исходившей части русскаго народа, выкинувшей тотъ же стягъ, съ лозунгомъ: „прочь отъ церкви“, но призывавшей не къ открытому небу — храму Бога Вездѣсущаго—не къ мистически безхитростному молению—„трое васъ, трое насъ, Господи иомилуй насъ“,—а къ благоговѣйному лобызанію памяти прошлаго, оскверненной якобы дерзновеннымъ посягательствомъ московскихъ церковниковъ, вступившихъ въ союзъ съ «княземъ тьмы“, и готовыхъ отнять то, „чѣмъ Русь крѣпка и свята стала“ — ея „старый обрядъ“.

Старообрядчество.

Исторія исправленія богослужебныхъ книгъ.

„Братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте.—Аще кто же речеть, вѣстели вы философію, и ты ему рцы: сллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очима не видѣхъ“—

Такія мудрыя правила запоминали русскіе люди вплоть до конца XVII столѣтія, когда, наконецъ, вѣками копившееся невѣжество не выдержало бодрой струи западнаго вѣтра, сквознякомъ продувшей сонное русское государство, черезъ окно, прорубленное непосѣдой—сыномъ „тишайшаго“ царя. Русскіе люди XV и XVI в. старательно чурались заморскаго чудища, пменуемаго наукою, порожденнаго „люторскою“ или „лагинскою“ ересью. Просвѣщеніе было сильно не по сердцу тогдашнему „истинному русскому чловѣку“. Встрѣчаясь съ соб-

лазномъ познакомиться съ нимъ, православный, вѣрующій въ Бога и твердо слѣдующій отеческимъ велѣніямъ, тотчасъ же принимался шептать про себя, затверженное имъ съ дѣтства, поученіе: „богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію, а се душевнѣи грѣси учиться астрологiи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелестъ тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобъ впадаетъ въ прелести различныя; любяи простоту паче мудрости; величайшаго себе не изыскай и глубочайшаго себѣ не испытай; а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи“.

Русскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ его образованнаго класса, „книжныхъ людей“ считалъ себя избранникомъ Божиимъ, полностью перенявшимъ его откровенія, и въ силу этого возлюбленнымъ. Уже слагались повѣрія о „третьемъ Римѣ“—Москвѣ,—задачею которой являлось образованіе мірового государства, въ которомъ слились бы всѣ христіанскія земли подъ мощною рукою московскаго владыки. Русь гордилась своимъ правовѣріемъ, гордилась, что не „испроказились“, какъ Визангія, нѣкогда давшая ей христіанство.

Такъ называемый принципъ націонализма, или иначе сказать, стремленіе къ обособленности, въ смыслѣ сохраненія своихъ особенностей, какъ народа со всѣми его характерными чертами, неизбѣжно долженъ былъ особенно сильно проявляться въ стремленіи сохранить старину. При отсутствіи умственныхъ силъ, которыя могли бы сдерживать такія наклопности въ предѣлахъ разумности, любовь къ старинѣ, къ традиціи, выражалась очень печально, въ формѣ полнѣйшаго застоя.

А такъ, какъ кругъ отвлеченнаго мышленія тогда ограничивался одними религіозными вопросами, то и на нихъ „буквоѣдство“—по современному термину—рутинерство—положило видимый и неизгладимый отпечатокъ. Добраться до смысла религіи русскій человѣкъ не могъ: нехватало знанія, способности разобратъся въ матеріалѣ. Религія существовала лишь въ молитвословіи, обрядности, каждая мысль имѣла драгоцѣннѣйшее значеніе, такъ что, напримѣръ, лѣтописецъ подъ 1476 г. занесъ, повидимому, немаловажное для его времени

происшествіе, что „нѣкіе философы начали пѣть: о Господи помилуй; а другіе просто Господи помилуй“.

При такомъ упорномъ стараніи отстоять дорогую старину, богослужебная книга, которой пользовались и въ церкви и дома—пріобрѣтала характеръ священной, лишь пастолько, насколько она сохраняетъ свою неприкосновенность, отсутствіе какихъ-либо измѣненій. Греческія книги, какъ издѣлія западныхъ типографій, авторитетомъ никакимъ не пользовались, у себя дома книгопечатаніе еще не было налажено какъ слѣдуетъ, и все дѣло распространенія книгъ находилось исключительно въ рукахъ переписчиковъ. Перепись превратилась въ ремесло, при которомъ спѣшность работы играла видную роль; описки, недописки попадались сплошь и рядомъ; съ такой испорченной книги писалась копія. прибавлялся еще рядъ ошибокъ, и такъ дальше и больше. Уже первоначальный переводъ церковно-богослужебныхъ книгъ съ греческаго на славянскій дѣлался не важно. Переводчики обыкновенно плохо знали или тотъ или другой языкъ, почему и случалось, что каждый переводчикъ работалъ по своему разумѣнію, а отсюда получалось, что одна и та же книга переводилась различными словами, отчего мѣнялся и самый смыслъ.

Лучшіе русскіе люди, передовые умы того или другого времени, сознавали всю плачевность такого положенія вещей, и старались, по мѣрѣ силъ, внести какое-либо улучшеніе въ установленіе точнаго текста богослужебныхъ книгъ. Такъ, на-примѣръ, благодаря стараніямъ митр. Феогноста (1328—1353) Русь получила болѣе или менѣе точный Требникъ, митр. Алексѣй (1354—1378) свѣрялъ славянскій переводъ Новаго За-вѣта, митр. Кипріянь (1378—1400) также много работалъ надъ большимъ мѣстомъ русскаго богослуженія.

Но вотъ въ XVI в. вопросъ объ окончательномъ исправленіи книгъ начинаетъ пріобрѣтать характеръ насущной потребности. Двинулъ все дѣло извѣстный Максимъ Грекъ.

То былъ ученый афонскій инокъ. Его пригласилъ въ Москву великій князь Василій Іоанновичъ, поручившій ему приведеніе въ порядокъ своей библіотеки. Когда Максимъ справился съ этимъ, то получилъ уже извѣстность, какъ знающій человекъ. Изъ Москвы его не отпустили, а предложили пересмотрѣть

богослужебныя книги. Погрѣшностей Максимъ отыскалъ не мало, нѣкоторыя выраженія были внесены искусственно, съ цѣлью, очевидно, придать оттѣнокъ, удобный еретическому толкованію. Но указанія Максима были встрѣчены очень неодобрительно, особенно партіей „іосифлянъ“, съ которою Максимъ сразу сталъ въ натянутыя отношенія, тогда какъ ученики Нила Сорскаго питали къ Максиму живѣйшія симпатіи. Вассіанъ Косой, со свойственной ему манерою выразаться сильно, говорилъ даже, что старыя неисправленныя книги „отъ дьявола писаны, а не отъ святого Духа, и по нимъ мы Бога только хулили, а не славили“.

Указывали, что по книгамъ—неправильнымъ на взглядъ Максима Грека—молились и спасались древне-русскіе чудотворцы и подвижники, что Максимъ имъ „немало досаждаеть“.

И, въ концѣ концовъ, подъ давленіемъ митр. Даниїла, нелюбившаго Максима за его объясненія, на того созвали соборъ.

Главнымъ пунктомъ обвиненія Максима въ еретичествѣ выдвинули допущенную имъ въ Тріоди выраженіе объ Иисусѣ Христѣ: „*стдѣвъ* одесную отца“, тогда какъ нужно было сказать: „*стдѣтъ*“. Затѣмъ Максима обвиняли, что плотъ Христову онъ назвалъ описуемою. Напрасно Максимъ доказывалъ, что употребить въ настоящемъ случаѣ противоположное понятіе—было бы чистѣйшимъ безсмысліемъ—его не слушали, указывали на нѣкоторыя мѣста, говоряція повидимому, противъ дѣвства Богоматери, и окончательно осудили его „аки хульника и св. писанія тлителя“.

Сосланный въ Волоколамскій монастырь, Максимъ, черезъ шесть лѣтъ тяжкаго тюремнаго заключенія, сопровождавшагося пытками дымомъ и холодомъ, снова былъ вызванъ на судъ, гдѣ у него допытывались, на какомъ основаніи въ Символѣ Вѣры, въ ученіи о св. Духѣ онъ вычеркнулъ слово... „истиннаго“.

Максимъ, истомленный, больной, павшій духомъ, могъ только слезно молить о прощеніи. Умеръ онъ въ 1566 г. въ Троице-Сергіевой лаврѣ, куда его перевели изъ Тверскаго Отрочь-монастыря, на давно желанный покой.

Бывшій въ 1551 г. Стоглавый соборъ, въ видахъ преду-

презденія на будущее время новыхъ ошибокъ при перенесываніи книгъ, постановилъ: „протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ досматривать, чтобы писцы писали книги съ добрыхъ переводовъ, и при этомъ исправляли, а потомъ продавали; а которые будутъ продавать книги неправленныя, тѣмъ возбраняли бы съ великимъ запрещеніемъ“.

Но пользы изъ этого постановленія не вышло никакой, потому что и протопоны не были въ силахъ отличить исправленную книгу отъ порченой.

На слѣдующій годъ царь Грозный открылъ въ Москвѣ первую типографію, и притомъ исключительно для печатанія богослужебныхъ книгъ. Но первая печатная книга Апостоль, названная „переводомъ семидесяти двухъ богомудрыхъ толковниковъ“, пелишенная также многихъ ошибокъ, не могла служить хорошимъ образцомъ. Да и типографщики не могли похвастаться ученостью; такъ, напримѣръ, одинъ изъ первыхъ справщиковъ былъ запѣвалой, пользовавшійся извѣстностью въ качествѣ толковаго пѣвца. Немудрено, что напечатанный такими справщиками Уставъ, распоряженіемъ патріарха Филарета былъ всюду отбираемъ, какъ добавленный совершенно произвольными замѣчаніями. Еще до Филарета трудился надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ прендобный Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіевской лавры въ сотрудничествѣ съ старцемъ Арсеніемъ Глухимъ и священникомъ подмосковнаго села Клементьева Иваномъ Насѣдкою. Отнесли эти справщики къ своему дѣлу добросовѣстно. Сидѣли надъ работою полтора года безъ отдыха, сравнивали съ греческимъ текстомъ. Исключены были двѣ молитвы предъ литургіею, въ которыхъ священникъ отпускалъ себѣ свои грѣхи; въ во дводсятой молитвѣ: „самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ“ — справщики выкинули слово „огнемъ“, какъ позднѣйшаго происхожденія, и потому лишнее.

Такія же поправки коснулись многихъ молитвъ, утратившихъ свой первоначальный смыслъ. Опять нашлись усердные не въ мѣру ревнители благочестія, которые возстали на Діонисія за отрицаніе имъ правильности тогдашняго обряда погруженія зажженныхъ свѣчъ въ воду, во время Богоявлен-

скаго освященія воды. На Діонисія взвели обвиненія, что тотъ не признаетъ св. Духа, „яко огонь есть“.

Соборъ 1618 г. тоже отнесся къ такимъ справщикамъ неодобрительно. Діонисія отлучили отъ Церкви, заточили въ Новоспасскій монастырь, тамъ его морили голодомъ, дымомъ, истязали водили по улицамъ въ цѣпяхъ, но патр. Филаретъ пересмотрѣлъ дѣло и справщики были торжественно оправданы, и получили выраженіе благоволенія отъ царя Михаила Феодоровича. Тѣмъ не менѣе выкинутое справщиками слово „огнемъ“ долго еще печаталось въ книгахъ, пока наконецъ, въ 1625 г., патріархи александрійскій и іерусалимскій грамотой предписали уничтожить спорное слово. Умный Филаретъ уже систематически наладилъ дѣло исправленія, образовавъ особую комиссію изъ знакомаго уже Арсенія Глухого, Антонія Крылова, и Ивана Насѣдки. Но крупнаго успѣха Филаретъ не достигъ уже потому, что въ Москвѣ были далеко не всѣ греческіе подлинники. Даже и при этихъ неудобствахъ, все же были исправлены Требники изданій 1624 и 1625 гг. Служебникъ и Слѣдованная Псалтырь 1627 г., и церковные уставы 1632—33 гг.

При слѣдующемъ патріархѣ Іосафѣ положеніе измѣнилось опять къ худшему. Самъ Іосафъ непосредственно не стоялъ за дѣломъ исправленія, которое велось недружно, вслѣдствіе чего и явилось „многое нѣкое разногласіе“. Книги Филаретовскаго исправленія подверглись вторичному пересмотру, вызвавшему значительныя различія между тѣми и другими изданіями. Особенно отразилось это на Потребникѣ 1639 г. Чинъ крещенія по Потребнику разныхъ изданій не одинаковъ, есть разница въ обрядности, напримѣръ, въ поднятїи и опусканїи рукъ при формулѣ отреченія отъ сатаны. Были и добавленія. Въ Иноческій Потребникъ съ Номокакономъ (1639) внесли ученіе о семи просфорахъ и „Соборное изложеніе“ патр. Филарета о перекрещиванїи католиковъ и другихъ уже крещеныхъ—обливаніемъ. Въ Мірскомъ Потребникѣ (1639) внесена статья, запрещающая бритье бороды и усовъ.

Значительно ускорилъ вялый ходъ дѣла патр. Іосифъ

Тенерь книги правила: протопопъ Михаилъ Роговъ, ключарь Иванъ Насѣдка, старецъ Савватїй, міряне Игнатїй Мар-

тепьяновъ и Захарій Афанасьевъ—общее наблюденіе принадлежало архимандриту Андроньевскаго монастыря Сильвестру, и его помощникамъ Захарію Новикову и Силъ Григорьеву. Новые справщики издавали книги, тщательно провѣренныя, въ нихъ заботились уже и о грамматической чистотѣ языка, такъ что съ этой стороны вышедшія подѣ наблюденіемъ этихъ справщиковъ книги считаютъ вполне основательно лучшими старопечатными московскими изданіями. Теперь уже стали вносить въ богослужебныя и учительныя книги разныя мнѣнія, получившія надлежащее узаконеніе на Стоглавомъ Соборѣ. Такъ, на примѣръ, въ прежнихъ изданіяхъ при возгласахъ „аллилуіа“—всегда прибавлялось „аллилуіа“ трижды, что одинаково благопріятствовало и трегубой и сугубой „аллилуіѣ“. Въ изданіяхъ же времени Іосифа печатается: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже“. Еще до него была напечатана отдѣльная статья о двуперстномъ сложеніи при крестномъ знаменіи, гдѣ основанія для двухперстія, изложенныя Стоглавомъ, были дополнены и изложены, даже иногда въ ущербъ смыслу. Но видимо справщики сознавали, что задача ихъ еще далеко не исчерпана. Въ „Кормчей“—последней книгѣ, изданной при Іосифѣ (1650), предисловіе говоритъ: „воззри, аще нечѣстность еси, обрящещи ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквѣхъ святѣхъ книгу? Но вѣмъ, яко неудобъ обрѣсти возможеши“.

Кое-что было, конечно, достигнуто, довести же до конца мысль Максима Грека, безъ соблюденія его основнаго правила провѣрять съ греческими подлинниками—сказалось невозможнымъ. И людей пригодныхъ для этого не находилось, да и не думали о совѣтѣ перваго справщика книгъ, жестоко пострадавшаго за свою попытку освѣтить лучемъ мысли темныя дебри суевѣрія и невѣжества.

Начало новому направленію положили два ученыхъ монаха Кіево-Братскаго монастыря Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій. При ихъ содѣйствіи ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича—Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, поклонникъ просвѣщенія и самъ человекъ, основательно ученый, основалъ въ окрестностяхъ Москвы монастырь, гдѣ бы желающіе могли обучаться греческому языку, столь необходимому для

духовенства. Такъ возникло ученое Ртищевское общество, въ своихъ задачахъ поставившее, между прочими заботу о правильномъ переводѣ богослужебныхъ книгъ. Но имъ издавъ былъ лишь „Шестодневъ“, а потомъ дѣло почему то заглохло, не давъ осязательныхъ результатовъ.

Нужно было явиться человѣку недюжинному, сильному, съ большимъ вліяніемъ, такимъ же кругозоромъ, который взялъ бы на себя трудную и неблагодарную задачу, разомъ покончить съ упрямствомъ и тупостью „іосифлянъ“, своимъ ругинерствомъ мѣшавшихъ каждому благому начинанію, если только оно шло напротивъ сѣдой староны, за которую цѣпко держалась партія приверженцевъ столь любезнаго имъ стараго порядка, консерваторы, что ли, въ узкомъ смыслѣ слова. И Русь, жалкая, мужицкая Русь, выдвинула изъ своей среды знамени-таго патріарха Никона, безъ оглядки взявшагося за дѣло реформы, не побоявшагося злобы враговъ, грѣха смертнаго, геенны огненной, которыми обыкновенно пугали еретиковъ-справщиковъ. Все это онъ поднялъ на свои плечи, все вынесъ; не вынесла церковь, старые мѣхи не выдержали новаго випа — и получился новый грандіозный фактъ, названный старообрядчествомъ.

Патріархъ Никонъ.

Патріархъ Никонъ, въ мірѣ Никита, былъ сынъ простого крестьянина нижегородской области, слѣдовательно, представитель здоровой черноземной породы, быть можетъ, неладно скроенный, но крѣпко сшитый. Рано выучившись грамотѣ Никита, 12 лѣтнимъ мальчикомъ ушелъ въ монастырь, и здѣсь скоро обратили вниманіе на его строго-подвижническую жизнь и рѣзко проявляющуюся силу воли. 20 лѣтъ Никонъ женился, подъ вліяніемъ родственниковъ, и получилъ санъ священника, но черезъ десять лѣтъ, потерявъ своихъ дѣтей, уговорилъ жену постричься въ монахини, а самъ тоже принялъ монашество въ Анзерскомъ скиту на Бѣломъ морѣ. Черезъ пять лѣтъ онъ не поладилъ съ тамошней братією изъ-за постройки церкви, и переселился въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ его и

выбрали игуменомъ. Въ 1615 г. Никонъ пріѣхалъ въ Москву за сборомъ, случайно сдѣлался извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу, поправился ему, и сразу попалъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Съ этого времени Никонъ быстро пошелъ въ гору.

Около царя Алексѣя Михайловича существовалъ особый кружокъ ревнителей благочестія, къ которому принадлежало не мало людей, выдающихся по своимъ нравственнымъ. Одинъ изъ членовъ этого кружка, Степанъ Вонифатьевъ, былъ духовникомъ царя. Его другъ Иванъ Нероновъ, проповѣдникъ Казанскаго собора, пользовался громаднымъ успѣхомъ среди москвичей, толпами ломившихся послушать талантливаго священника.

Сюда же имѣлъ доступъ и столь извѣстный въ послѣдствіи протопопъ Аввакумъ.

Кружокъ преслѣдовалъ чисто идейныя цѣли, пытаясь внести единеніе въ отношенія между пастырями и паствою, сдѣлать необходимыя измѣненія въ церковной службѣ, одухотворить ее, чтобъ она получила болѣе живой характеръ и могла привлекать сердца молящихся. Уже эти благія начинанія приходились не по нутру извѣстной части московскаго общества, такъ что приходилось членамъ кружка выслушивать непріятныя жалобы въ родѣ того, что „заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, и людей въ церкви учите, а мы людей прежде сего въ церквахъ не учивали, а учивали ихъ втайпѣ. Бѣса, вы всѣ, ханжи, въ себѣ имате“. Никонъ горячо поддерживалъ стремленія кружка.

Послѣ Новоспасскаго монастыря Никонъ получилъ новгородскую кафедру. Тамъ онъ пріобрѣлъ еще болѣе довѣріе царя, усмиривъ крупный бунтъ новгородцевъ.

Въ это то время Никонъ и обратилъ серьезное вниманіе на недостатки нашихъ богослужебныхъ книгъ. Еще болѣе натолкнулъ Никона на мысль объ исправленіи книгъ пріѣхавшій въ 1649 г. въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ неоднократно указывалъ Никону на крупныя разногласія въ русскихъ обрядностяхъ, которыя и могли рано или поздно вызвать церковную неурядицу. Особенно поражало патріарха

„зазорное новшество“ замѣченное имъ только въ Россіи—двуперстіе.

На эту тему Никонъ началъ бесѣдовать съ царемъ, настоятельно указывая ему на всю путаницу въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ, и на его долгъ, какъ православнаго царя. Тотъ подѣлился мыслью Никона съ своими воспитателями, бояриномъ Морозовымъ и духовникомъ Степаномъ Вонифатьевымъ, вполнѣ ставшими на сторону Никона. Тогда царь отправилъ старца Арсенія Суханова на Востокъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ, какъ человѣкъ знающій греческій языкъ, и бывшій уже въ Палестинѣ, описалъ всѣ обряды Св. Земли, а тѣмъ временемъ Кіевскому ученому Епифанію Славинецкому было поручено перевести съ греческаго языка на славянской литургію Св. Іоанна Златоуста. Сухановъ уѣхалъ. Какъ разъ въ Москву пріѣхалъ назаретскій митрополитъ Гавріилъ. И онъ также сурово отнесся къ русскимъ обрядамъ, особенно къ двуперстію. Патріархъ Іосифъ былъ между двухъ огней. Путаницы въ обрядности слишкомъ давали себя знать, нужно было принимать энергическія мѣры, но привязанность къ старому благочестію все же не позволяла ему примкнуть открыто къ новому теченію. Дрогнуло сердце старика—патріарха, когда онъ прослышалъ, что аѳонскіе монахи, найдя у одного старца книги московской печати, и уличивъ его въ двуперстіи, созвали соборъ, на которомъ и двуперстіе и богослужебныя книги торжественно были объявлены еретическими. Умеръ Іосифъ и царь Алексѣй Михайловичъ настоялъ, чтобы патріаршья кафедра досталась его любимцу новгородскому владыкѣ Никону. Долго отказывался Никонъ, и согласился лишь послѣ того, какъ всѣ, не исключая самого царя, дали обѣщаніе слушаться его какъ отца. Царь еще болѣе привязался къ Никону, и даровалъ ему титулъ „великаго государя“, до Никона принадлежавшаго только патріарху Филарету, родному отцу царя Михаила Ѳеодоровича. Никонъ пользовался громаднѣмъ вліяніемъ, простиравшимся до того, что въ отсутствіе государя оберегалъ царское семейство и правилъ государствомъ. По отношенію къ боярамъ Никонъ постоянно выказывалъ большую строгость. Доставалось и духовенству. Не даромъ его прежній другъ протопопъ Іоаннъ Нероновъ съ горечью говорилъ суро-

вому патріарху: „государевой власти не слыхать, а отъ тебя всѣмъ страхъ“.

Ставъ патріархомъ, Никонъ рѣшилъ самъ ближе познакомиться съ положеніемъ дѣла объ исправленіи книгъ. Долго и кропотливо работалъ Никонъ въ патріаршей библіотекѣ, сличалъ тексты, какъ умѣлъ, вдумывался въ ихъ смыслъ, и, наконецъ, пришелъ къ безповоротному убѣжденію, что дальше дѣла оставлять такъ нельзя.

И вотъ Никонъ приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мечты—внести стройность и единообразіе въ обрядовую сторону богослуженія. Первымъ начинаніемъ его въ этой области было введеніе живой проповѣди, которая прекратилась вѣка два тому назадъ, замѣненная уже готовыми поученіями, составленными на различные случаи. Никонъ же обратилъ вниманіе на единогласіе, вмѣсто котораго, для сокращенія службы, практиковалось такъ, что сразу говорило нѣсколько, одинъ возсылалъ молитвословія, другой пѣлъ, третій читалъ Евангеліе. Объ этомъ говорилось еще на Стоглавѣ, но вывести было не такъ то легко. Улучшенію же подверглась и старая манера церковнаго пѣнія, при которой растягивали гласныя—такъ что вмѣсто „Спасо“ пѣли „Сопасо“, вмѣсто „помолимся“ „помолимися“. Никонъ рѣшительно высказался противъ такого искаженія смысла священныхъ пѣснопѣній. Вводилось пѣніе гармоническое, по нотной системѣ, вмѣсто прежнихъ „крюковъ“.

Нововведенія коснулись и иконописанія. Прежнія, латинскаго письма, иконы, которыя легко можно было найти на Руси, Никонъ приказывалъ отнимать, подъ угрозою анаемы.

Въ 1662 г. возвратился въ Россію Арсеній Сухановъ и представилъ царю и патріарху „Проскинитарій“—обстоятельный докладъ обо всемъ видѣнномъ, раздѣленный на 46 главъ. Арсеній подробно повѣствуетъ о разницѣ въ обрядахъ у насъ съ греками. Такъ Арсеній указываетъ, что на Востокѣ не приято причащать богоявленскою водою, что въ великую субботу съ плащаницею ходять вокругъ церкви противъ солнца, просфоръ особенныхъ за царя и патріарха нѣтъ. Священникъ начинаетъ вечерню, стоя на клиросѣ, а не передъ царскими вратами. Аллилуія говорится иногда трижды, иногда дважды, съ

прибавленіемъ словъ: „слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ“, или „Упованіе наше, слава Тебѣ“. Каѳізмы читають иногда обратившись лицомъ на западъ, такимъ же образомъ читають и Евангеліе на утрени и литургіи. Во время обѣдни, при патріаршемъ служеніи патріарха, послѣ омовенія рукъ, въ началѣ „Херувимской“, воду не разносятъ молящимся, какъ это принято на Руси, при великомъ выходѣ ограничиваются преклоненіемъ колѣнъ, отнюдь не ложась на полъ лицомъ внизъ. Арсеній сообщаетъ, что греки совершенно не чуждаются общенія съ латынскими, поддерживаютъ знакомство даже представители высшаго духовенства того и другого вѣроисповѣданія. Не уклонились отъ зоркаго глаза Суханова и многія послабленія церковнаго устава, такъ, напримѣръ, даже патріархъ іерусалимскій по постнымъ днямъ ѣсть сахаръ.

„Проскinitарій“ заинтересовалъ вполслѣдствіи раскольниковъ, которые упорно желали видѣть въ немъ яркаго обличителя „еллиства“, столь близкаго сердцу патріарха Никона. Сложился даже взглядъ, что Сухановъ и былъ посланъ на Востокъ лишь съ цѣлью сравненія правовѣрія русскаго съ греческимъ, и, разумѣется, оказалось, что православіе въ перво-бытной чистотѣ сохранилось лишь на Руси, не запятнавшей себя постыдною и поганою, „латинскою прелестью“. Не такъ думалъ патріархъ. Еще сразу по вступленіи въ патріаршество Никонъ, какъ уже сказано, ревностно предался изученію обширной патріаршей бібліотеки. Тутъ почерпнулъ Никонъ немало новаго и интереснаго. Отыскалась подлинная, подписанная восточными патріархами, грамота объ учрежденіи въ Руси патріаршества. И говорилось въ ней, между прочимъ, что русскій патріархъ долженъ быть во всемъ согласенъ съ восточными. Къ грамотѣ прилагался и символъ вѣры, въ которомъ въ 8 чинѣ значилось только: „Господа“ (το Κυριον), и не было слова: „истиннаго“. То же было изображено въ символѣ вѣры, начертанномъ по-гречески на саккосѣ, привезенномъ въ Москву еще митрополитомъ Фотіемъ, то есть за 250 лѣтъ назадъ.

Константинопольскій патріархъ Аѳанасій, пріѣзжавшій въ Москву, неоднократно указывалъ Никону на укоренившіеся у насъ еретическія уклоненія, широко примѣнявшіяся тогда,

особенно на поразившее его дуперстное сложеніе. И подь его настойчивыми указаніями на многія весьма важныя ошибки въ обрядности, Никонъ серьезно рѣшился отбросить, наконецъ, всю непоколебимую увѣренность въ непогрѣшимость Руси въ дѣлѣ исповѣдованія христіанства, и дѣятельно отмести соръ, вѣками накоплявшійся, причемъ за образецъ взять исключительно греческую церковь, слѣдовать ея толкованію, оставивъ совершенно въ сторонѣ мысль о возможности исправленія богослужебныхъ книгъ лишь путемъ ихъ сравненія съ древне-славянскими памятниками.

Собственно, ломка началась уже пемного раньше. Еще до знакомства съ Аванасіемъ, именно предъ наступленіемъ великаго поста 1653. Никонъ разослалъ по московскимъ церквамъ особую „память“, въ которой предлагалось во время чтенія молитвы св. Ефрема Сирина полагать только четыре земныхъ поклона, вмѣсто прежнихъ двѣнадцати, поясныхъ же поклоновъ дѣлать двѣнадцать, креститься же только тремя перстами, а отнюдь не двумя. Недобрую молву вызвало новое патріаршее распоряженіе среди духовенства; нѣкоторые прямо говорили: „видимъ, яко зима хоцетъ быть“; а пр-топомъ Юрьевца Поволжскаго, Аввакумъ, вмѣстѣ съ пр-топомъ Даниломъ изъ Костромы, подали особое мнѣніе по этому поводу самому царю.

Эти лица принадлежали къ упоминавшемуся уже у насъ „кружку ревнителей благочестія“, были даже дружны съ Никономъ, отчасти обязанному своимъ избраніемъ царскому духовнику Стефану Воинову. Но затѣмъ взгляды ихъ разошлись. „Кружокъ“ уиорно стоялъ на почвѣ націонализаціи, всѣ непорядки русской церкви основывая исключительно на уклоненіяхъ отъ старины, совершенно раздѣляя указанный нами уже взглядъ объ идейномъ значеніи русскаго государства въ міровой христіанской семьѣ. Ртищевская школа, во главѣ которой стоялъ кіевскій монахъ Епифаній Славинецкій, „въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ и искуснѣйшій въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ“, уже порядкомъ подорвала авторитетъ кружка, все образованіе членовъ котораго не шло дальше начитанности св. Писанія. Никонъ, съ его широкимъ кругозоромъ, не долго былъ единомышлен-

никомъ Неронова, Вонифатьева и другихъ. Ясный умъ указывалъ, что правда не здѣсь, не среди грузныхъ московскихъ протопоповъ, и онъ совершенно сталъ на сторону новаго теченія.

Началась открытая борьба. Выступили два направленія, новизна бросала вызовъ старинѣ, отживающей порядокъ не желалъ сдаваться безъ боя. Крутой Никонъ, видя предъ собою намѣченную цѣль, тоже не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія отказаться отъ нея только изъ-за трудностей.

Какъ разъ въ іюлѣ 1653 года, въ Москву поступила жалоба муромскаго воеводы на протопопа Лонгина, будто тотъ хулить иконы и ликъ Спасовъ. Іоаннъ Нероновъ, одинъ изъ вожаконъ партіи, враждебной Никону, выступилъ защитникомъ Лонгина, указывая на явную нелѣпость обвиненія и на беззаконіе Никона, своевольно отдавшаго протопопа „за пристава“. Во время спора ясно обнаружили главные пункты неудовольствія противъ Никона. „Прежде сего,—говорилъ Нероновъ Никону,—ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ Стефану часто пріѣзжалъ, и о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитахъ, и которые боголюбцы посланы государемъ къ блаженныя памяти къ патриарху Іосифу, чтобы ему поставити, по его государеву совѣту, въ митрополиты, и въ архіепископы, и епископы, и пыхъ въ архимандриты, игумены и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, и при поставленіи ихъ не говорилъ: анакіосъ, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, а протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь; доселѣ ты намъ другъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ“. Укоряли Никона и за его покровительственное отношеніе къ грекамъ: „Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи ихъ пріемлешь. Нынѣ у тебя и святыето люди: гречане и изъ малыя Руси“.

Никонъ не стерпѣлъ всѣхъ этихъ обидъ. Воспользовались довольно рѣзкими выраженіями Неронова по адресу духов-

наго собора, разбиравашаго дѣло Лонгина, и „за великое безчиніе“ протопопа сослали въ Каменскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ. А потомъ и Аввакума сослали въ Тобольскъ. Но Никонъ еще не сломилъ своихъ прежнихъ друзей, а теперешнихъ враговъ: изъ ссылки Нероновъ писалъ царю посланія противъ патріарха, горько жалуясь, что „не правилами святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ онъ, патріархъ, осудилъ мя; но своея ради страсти, зане правду ему рекохъ, свободя душу его отъ вѣчныхъ бѣды. Онъ же сихъ ради возненавидѣлъ мя и не точію мене, но и братію всю христовыхъ рабовъ, и во враги ему быхомъ, правду предъ нимъ глаголюще всегда“.

Никонъ видѣлъ, что вести дѣло исправленія обрядности ему одному будетъ трудно, что больше авторитета придастъ соборное постановленіе. Въ 1654 г. въ палатахъ царя Алексѣя Михайловича состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ „тишайшаго“. Присутствовало на немъ пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ, одиннадцать архимандритовъ и игумновъ и тринадцать протопоповъ.

Патріархъ указалъ собору всѣ замѣченныя имъ неправильности въ книгахъ, молитвословіяхъ и обрядахъ, кромѣ двуперстія, касательно котораго самъ царь колебался, да и Никонъ не былъ еще основательно убѣжденъ. Причиною созванія собора Никонъ выставилъ протоколъ константинопольскаго собора 1593 г., въ которомъ рекомендовалось „потреблять всякую новину“ въ церковныхъ чинахъ, дабы не было соблазна благодаря имъ. Перечисляя такія „новинны“, вошедшія въ обиходъ русской церкви, Никонъ отмѣчалъ и отсутствіе ихъ въ обрядности Византіи. Почти по всѣмъ вопросамъ соборъ постановилъ исправить погрѣшности, согласно греческихъ старыхъ уставовъ. Пунктъ о „поклонахъ“ вызвалъ разногласіе. Особенно высказывался противъ мнѣнія патріарха епископъ коломенскій Павелъ, человекъ, близко стоявшій къ Неронову и Аввакуму. Упорство Павла не осталось безнаказаннымъ: послѣ собора Никонъ лишилъ несговорчиваго епископа кафедры и сослалъ въ отдаленный монастырь, гдѣ тотъ и лишился разсудка.

За разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ Никонъ обратился

къ константинопольскому патріарху Паисію. Отвѣтъ получился очень торжественный, облеченный въ форму посланія, подписанный, кромѣ патріарха, двадцатью восемью іерархами константинопольской церкви.

Въ посланіи указывалось на возможность существованія какихъ-либо обрядовыхъ различій между отдѣльными церквами, которыя, однако, сущности православія поколебать не могутъ.

„Вижу изъ грамоты твоего преблаженства,—писалъ царьградскій святитель,—что ты сильно жалуешься на несогласіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ, замѣчаемое въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь, не вредятъ ли разные обряды нашей вѣрѣ. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ опасеніе: ибо мы имѣемъ повелѣніе апостола бѣгать только еретиковъ, по первомъ и второмъ наказаніи, какъ развращенныхъ. (Тит. 3, 11), равно и раздорниковъ, которые, хотя кажутся согласующимися съ православными въ главныхъ догматахъ, имѣютъ, однакожъ, свои особенныя ученія, чуждыя общему вѣрованію церкви. Но если случится какой-либо церкви разниться отъ другой въ нѣкоторыхъ уставахъ, не необходимыхъ и несущественныхъ въ вѣрѣ, т. е. касающихся не главныхъ членовъ вѣры, а вещей маловажныхъ, каковы: время служенія обѣдни или какими перстами долженъ благословлять священникъ и т. п., то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія между вѣрующими, лишь бы только непреложно сохранялась одна и та же вѣра. Церковь наша не отъ начала приняла весь тотъ уставъ чинопослѣдованія, какой содержитъ нынѣ, а мало-по-малу. Прежде, какъ говоритъ св. Еулифаній Кипрскій, „читали въ церкви одиннадцать псалмовъ, а потомъ больше, и имѣли разныя степени постовъ и мясояденія“. Далѣе Паисій говоритъ: „а о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы говорите, что они не согласуются съ вами ни касательно книгъ и литургіи, ни касательно крестнаго знаменія, и отвергаютъ наши молитвы, какъ будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божія, и что будто бы на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ другіе іереи, отвѣчаемъ: все это суть признаки

ереси и раскола, и кто такъ говорить и вѣруеть, тотъ чуждъ православной нашей вѣрѣ... Блюдитесь крѣпко отъ такихъ волковъ: подъ образомъ исправленія, желая, повидимому, исправить недостатки церковные, они желаютъ привнести въ нее свои ядовитыя плевелы“.

На вопросъ, о правильномъ перстосложеніи Паисій отвѣчалъ: „всѣ мы имѣемъ древній обычай, по преданію, креститься тремя первыми перстами, сложенными вмѣстѣ, во образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ Которой открыта намъ тайна воплощенія, и мы научены славить единого Бога въ трехъ лицахъ, Отца и Сына и Святого Духа и да распинаемся на крестѣ вмѣстѣ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ, Сыномъ Божиимъ, сошедшимъ съ небесъ и вочеловѣчившимся, и пострадавшимъ плотію ради нашего спасенія. Представляется это благословнымъ, потому что совокупленіемъ трехъ перстовъ мы воспоминаемъ таинство св. Троицы, и когда изображаемъ на себѣ крестъ Господа, то воспоминаемъ Его страданіе и воскресеніе, и ими, и ради ихъ призываемъ отъ Бога помощь“. Но еще до полученія грамоты отъ Паисія, Никонъ, опираясь на постановленіе собора 1654 г., приступилъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ. Палатный дворъ для этой цѣли былъ переданъ въ полное распоряженіе Никона. Къ дѣлу исправленія книгъ, въ основаніе котораго былъ положенъ новый переводъ съ греческаго языка, были привлечены чудовскій старецъ Евѣимій, старецъ Арсеній Грекъ, іеромонахъ Епифаній Славинецкій и архимандритъ Иверскаго аѳонскаго монастыря Діонисій. Все это были люди, прекрасно знакомые съ греческимъ языкомъ и греческими обрядами.

Въ 1655 г. прибыли въ Москву два патріарха: антиохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ. Ихъ-то присутствіемъ Никонъ и воспользовался для разсмотрѣнія своихъ нововведеній. На соборѣ, созванномъ въ томъ же году, было утверждено постановленіе собора 1655 г. объ исправленіи книгъ, примѣнительно къ греческимъ. Разматривали вновь исправленный „Служебникъ“, который по напечатаніи былъ разосланъ по церквамъ и монастырямъ для руководства. Новый „Служебникъ“ значительно отличался отъ прежнихъ изданій. По нему, напримѣръ,

священнику и діакону предписывается выходить на литіи не царскими вратами, а сѣверными; при благословеніи хлѣбовъ, священникъ, взявъ хлѣбъ, не благословляетъ имъ прочіе хлѣбы, какъ это дѣлалось прежде, а рукою дѣлаетъ на немъ знаменіе креста, при проскомидіи предлагалось употреблять пять просфоръ, а не семь, изображая при этомъ на нихъ четырехконечный крестъ со словами І. С. Х. С. Н. І. К. А., чего прежде не было. Измѣненія коснулись и многихъ выраженій, частью измѣненныхъ, частью и вовсе опущенныхъ.

Окончательное рѣшеніе собора по вопросу о перстосложеніи, было объявлено народу въ очень торжественной формѣ. 12 февраля 1656 г., въ день празднованія памяти Мелентія, патріарха антиохійскаго, Никонъ служилъ заутреню въ Чудовомъ монастырѣ. Присутствовалъ самъ царь и патріархи. Никонъ читалъ мѣсто въ Прологѣ, гдѣ говорится о Мелентіи. Тамъ имѣется сказаніе, что когда Мелентій, присутствуя на одномъ соборѣ, созванномъ противъ арианъ, показалъ три перста, то такое сложеніе осталось безъ всякаго небснаго знаменія, а когда сложилъ два, а третій согнулъ, то „изыде отъ него огонь, яко молнія“. Это сказаніе приводилось прежде, да и теперь еще толкуется, какъ неоспоримое доказательство богоугодности двуперстія. Никонъ, желая разъ навсегда разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, громко спросилъ патріарха Макарія, что, по его мнѣнію, должно означать знаменіе. Тогда Макарій объяснилъ, что Мелентій показалъ три первыхъ пальца отдѣльно, а затѣмъ ихъ соединилъ, чтобы указать на единосущіе св. Троицы, и это толкованіе подтвердилось даннымъ съ неба знаменіемъ. Въ наступившей вскорѣ засимъ недѣлѣ православія, когда совершался чинъ православія, Макарій во всеуслышаніе заявилъ предъ царемъ и присутствовавшимъ многочисленнымъ народомъ, что всякій православный христіанинъ долженъ креститься тремя первыми перстами, всякій же, поступающій иначе—еретикъ, и потому подлежитъ отлученію отъ церкви. Созванный въ слѣдующемъ году духовный соборъ, совершенно согласился съ доводами восточныхъ іерарховъ, и подтвердилъ отлученіе двуперстниковъ.

Тѣмъ временемъ исправленіе книгъ шло своимъ чере-

домъ. Издана была „Скрижаль“, составленная греческимъ іеромонахомъ Нафанаиломъ и переведенная на славянскій языкъ Арсеніемъ Грекомъ. Въ нее вошли творенія восточныхъ авторитетовъ по спорнымъ вопросамъ, возбуждавшимъ сомнѣнія на Руси, причемъ собраны были всѣ имѣвшіяся доказательства противъ различныхъ заблужденій. За „Скрижалью“ были изданы: Каноникъ, Часословъ, Служебникъ, Трїодъ постная, Евангеліе напрестольное, впервые раздѣленное на главы и стихи, Апостолъ, Ирмологіи и Псалтирь Слѣдованная. Изданныя книги тотчасъ же рассылались по Руси, причемъ приказывалось старыя книги отбирать, а эти-то мѣры и вызвали впоследствии толки, что уничтоженіемъ старыхъ книгъ обижаютъ древнихъ молитвенниковъ земли русской, спасавшихся по тѣмъ книгамъ, которыя теперь признавались неправильными. Разгоралась искра, не замедлившая потомъ перейти въ страшный пожаръ, полымемъ охватившій всю Русь.

Начало раскола.

Реформы Никона проводились среди глухого неудовольствія народа, встрѣчали самое сильное противодѣйствіе со стороны многочисленной партіи, ненавидѣвшей крутого патріарха, къ тому же пользовавшагося безграничнымъ вліяніемъ на слабохарактернаго царя Алексѣя Михайловича. Роптали почти всѣ; Никонъ являлся еретикомъ для почитателей родной старины, косо смотрѣвшихъ на новшества „греческой прелести“; духовенство, бояре, не могли спокойно переносить его властнаго, не терпѣвшаго ни малѣйшаго противорѣчія, характера. Даже ближнія къ царю лица, родственники „тишайшаго“, и тѣ ежеминутно нашептывали на ухо тому, что патріархъ-де заслоняетъ высокій авторитетъ помазанника Божія.

На бѣду Русь постигали несчастія, одно другого горше. За страшною моровою язвою, положившею въ могилу не мало народа, напалъ неурожай, появился голодъ. Стали указывать на карающую десницу Божию. А за что прогнѣвался Господь на бѣдную, неповинную Русь? Все за грѣхи нечистивца-патріарха,

вонь и знаменія небесныя пошли; солнечное затменіе, да небывалая комета съ хвостомъ. Слухи и вѣсти, какъ змѣи, ползали по всей землѣ. Нѣкая Степанидка, и братъ ея Терешка имѣли даже по сему случаю особое видѣніе Пресвятой Богородицы и мученицы Параскевы. Сохранившіяся даже до нашего времени выраженія: „ніконіанство, никоніанская церковь“, ясно показываютъ, что вся ненависть ревнителѣй стараго благочестія направлена была главнымъ образомъ на самого патріарха. Это же убѣжденіе въ виновности Никона сквозитъ и въ многочисленныхъ челобитныхъ, гдѣ повсюду встрѣчается одна и та же просьба къ царю „да Никона отставить“. Вся реформа, проводившаяся Никономъ, сливалась въ мнѣніи народа во едино съ личностью патріарха. Никонъ рѣкомендовалъ слѣдовать въ дѣлахъ церковныхъ авторитету грековъ. Но со времени паденія Константинополя и неудачной флорентійской уніи слово „грекъ“ въ устахъ правовѣрнаго русскаго стало означать человѣка, склоннаго къ латинству этой „мерзкой, богоотступной прелести“. Хуже латинства для русскаго человѣка нельзя было себѣ и вообразить. Въ „Кормчей“ за повеленіе св. отцовъ выдавалось, на примѣръ, требованіе не ѣсть съ латиняниномъ изъ одной посуды. Отвергнутые, оскорбленные Никономъ прежніе справщики книгъ, не упустили случая внушать народу убѣжденіе, что „Никонъ совершенно возлюбилъ мерзкую ересь римскую и равещъ съ папою Петромъ Гунявымъ, яко вѣру православную съ латинью соедини, и явно есть христіанскій гонитель и папешскій ревнитель“.

И мало по малу, враги реформатора-патріарха достигли своего: между Никономъ и царемъ пробѣжала черная кошка. Алексѣй Михайловичъ, за время польскаго похода, значительно возмужалъ, окрѣпъ характеромъ въ невзгодахъ военной жизни, да и отвыкъ немного отъ патріарха. Постоянныя нашептыванія тоже не могли пройти безслѣдно, и Никону вскорѣ пришлось горькимъ опытомъ удостовѣриться, что звѣзда его меркнетъ. 6 іюня 1658 года надъ Никономъ разразился ударъ. Въ этотъ день Москва торжественно встрѣчала грузинскаго царевича. Патріарха обошли приглашеніемъ во дворецъ, а его представителя, присутствовавшаго на церемоніи, одинъ изъ придворныхъ даже побилъ палкою. 8 іюля, въ праздникъ Казан-

ской иконы Божьей Матери, царь не посѣтилъ обѣдни, служившейся патриархомъ; 10 іюля царь уже прямо оповѣстилъ Никона о своемъ неудовольствіи противъ него. Тогда Никонъ, отслужилъ литургію, и пѣшкомъ отправился на подворье Воскресенскаго монастыря, а черезъ три дня уѣхалъ въ самый монастырь, прекративъ всякія занятія церковными дѣлами. Черезъ нѣсколько времени временное управление церковью, за отказомъ патриарха, перешло въ руки крутицкаго епископа Питирима, непримиримаго врага гордаго Никона. Партія противниковъ начатыхъ было реформъ, окончательно брала верхъ. Подъ ея давленіемъ возвращены были въ Москву многія лица, сосланныя Никономъ за противодѣйствіе его планамъ. Прибылъ изъ Сибири и протопопъ Аввакумъ. Съ этого времени и начинается видная роль послѣдняго въ движеніи части народа къ заброшенной старинѣ, и постепенно Аввакумъ становится душою и вдохновителемъ раскола перваго періода. Фигура Аввакума ярко и эффектно выдѣляется на общемъ мрачномъ фонѣ односторонняго фанатизма, лишеннаго отпечатка таланта. Расколъ окрѣпъ, организуясь около Аввакума, давшаго ему окончательное идейное обоснованіе, выработавшаго положительную теорію, которая и должна была склеить обрывки формулированій зарождающагося направленія среди русскихъ людей. А что личность Аввакума представляетъ явленіе крупное въ исторіи русской мысли, то этого не рѣшаются оспаривать даже завзятые недоброжелатели юрьевскаго протопопа. Поэтому будетъ далеко не лишнимъ нѣсколько остановиться на характеристикѣ Аввакума.

Аввакумъ родился около 1620 г. въ селѣ Григорьевѣ Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Отецъ Аввакума, священникъ, „прилежаше питія хмѣльнаго“, зато мать была женщина глубоко и искренно религіозная, „постница и молитвенница“, какъ болѣе всего и опредѣлялось тогда благочестіе истаго христіанина. Несомнѣнно мать оказала сильное вліяніе на мальчика, благоговѣнно смотрѣвшаго на аскетическую почти жизнь родительницы, ея заботы о загробномъ спасеніи. Съ ранняго возраста Аввакумъ, постоянно слыша наставленія о грѣховности натуры человѣческой, и о необходимости искупленія ея побѣдою надъ своими страстями, начинаетъ привы-

коть къ самоуглубленію. Аввакумъ старательно учится. Судя по его позднѣйшей дѣятельности проповѣднической, нельзя никомъ образомъ сомнѣваться въ обширной начитанности Аввакума, отлично знакомаго съ русскою литературою, какъ оригинальною, такъ и переводною. А если принять во вниманіе характеръ тогдашней книги, постоянно толковавшей о тщетности всего земного, о лукавствѣ міра и необходимости отказаться отъ свѣтской жизни, гдѣ все—порокъ и соблазнъ, то легко понять, какія сѣмена могли западать въ душу впечатлительнаго, и, можетъ быть, нервнаго юноши, склоннаго къ всевозможнымъ экзальтированнымъ порывамъ.

По совѣту матери, всегда послушный во всемъ, Аввакумъ женился на своей односельчанкѣ, въ надеждѣ, что кроткая и набожная жена будетъ ему вѣрною „помощницею ко спасенію“. Семейная жизнь Аввакума не обманула его чаяній; жена совершенно подходила по складу и убѣжденіямъ своему молодому мужу. По смерти матери Аввакумъ переселился въ село Лопатицы, гдѣ, двадцати одного года отъ роду, былъ рукоположенъ въ дьяконы, а черезъ два года въ священники. Аввакумъ высоко ставилъ предназначеніе пастыря душъ человѣческихъ, беспощадно подавляя въ себѣ всѣ слабости, которыя, по его мнѣнію, не могли уживаться съ саномъ священника.

Былъ случай, что къ Аввакуму пришла на исповѣдь падшая дѣвица. Голосъ молодой крови далъ себя почувствовать, и тогда Аввакумъ, чтобы смирить себя, зажегъ три свѣчи, и, укрьпивъ ихъ около аналоя, держалъ надъ ними правую руку, мужественно перенося боль.

Аввакумъ самымъ ревностнымъ образомъ относился къ отправленію своихъ обязанностей, всячески стараясь внести большую стройность въ обрядъ, и тѣмъ побудить народъ возможно болѣе вникать въ смыслъ богослуженія. Интересно то обстоятельство, что уже въ молодости Аввакумъ обнаруживалъ склонность къ нервозности, дававшей благодарную почву для всевозможныхъ галлюцинацій. Аввакумъ самъ признается, что имѣлъ видѣнія дьявола,—чуть не общая черта многихъ замѣчательныхъ людей. Аввакумъ не задумывался вступаться въ неправо дѣло, не щадя подчасъ самого себя. Одинъ изъ „начальниковъ“ отнял дочь у вдовы, а когда Аввакумъ

вздумалъ указать ему на всю беззаконность его поступка, то тотъ подстрекнулъ черпъ, и Аввакумъ былъ нещадно избить. Прихожане тоже не долюбивали строгаго священника, не желавшаго сокращать церковныя службы, въ угоду слабостямъ молящихся. Дошло дѣло до того, что всякими способами у Аввакума отняли все имущество и даже выгнали изъ прихода. И вотъ Аввакумъ, съ женою и только что народившимся сыномъ бредеть въ Москву—за защитою. Тамъ онъ поправился царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и протопопу Казанскаго собора Ивану Неронову. Это были все лица видныя, и имъ не стоило труда добыть царское утверженіе Аввакума въ отобранномъ мѣстѣ.

Въ селѣ Аввакумъ опять скоро не поладилъ. Пришли въ село какъ то скоморохи, Аввакумъ не стерпѣлъ „бѣсовскаго навожденія“ и выгналъ тѣхъ, изломавъ ихъ музыкальные инструменты. Крестьяне взволновались такимъ самоуправствомъ. Надумали обратиться къ проѣзжавшему въ ту пору боярину Шереметеву. Важный сановникъ припаялся упрекать Аввакума въ излишней строгости, и, въ заключеніе, просилъ благословить его сына. На бѣду юный московскій франтъ, слѣдуя всеильной модѣ, закрадывавшейся изъ-за рубежа, былъ обрить, и Аввакумъ, забывъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, принялся громить боярина за „блудолюбивый образъ“. Въ результатѣ—побои.

Мало по малу положеніе Аввакума въ Лопатицахъ стало невыносимымъ. По ходатайству московскихъ знакомыхъ Аввакума назначили протопопомъ въ Юрьевецъ - Поволжскій. Нравъ Аввакума не измѣнился. Суровый аскетъ-протопопъ, громившій подвластное ему духовенство за незначительное отношеніе къ святости церковной обрядности, постоянно указывавшій на необходимость слѣдовать идеалу христіанства, въ смыслѣ подавленія въ себѣ всѣхъ человѣческихъ похотей, контролировавшій даже помыслы, не могъ внушить особой къ себѣ любви. Разразилось настоящее возмущеніе противъ Аввакума, чуть не убили, едва военною силою удалось отбить его отъ народа.

Весь избитый, истерзанный, Аввакумъ тайкомъ, ночью опять бѣжалъ въ Москву. Здѣсь онъ и остался. Съ того времени начинается его тѣсное общеніе съ кружкомъ, собрав-

шимся вокруг Вонифатьева и Неронова. Тутъ были костромской протопопъ Даніилъ, муромскій—Логинъ, дьяконъ Московскаго Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ и суздальскій попъ Никита. Вліяніе этого кружка простиралось даже на самаго царя. Сюда же примыкалъ и тогдашній митрополитъ новгородскій—Никонъ.

Завязалось знакомство Аввакума съ „тишайшимъ“. Благодетиваго царя пемало покорялъ строгій образъ жизни протопопа, соединившійся съ богатымъ запасомъ сердечной нѣжности по отношенію къ другимъ. Царь не мало удивлялся рѣдкимъ подвигамъ Аввакума, его способности молиться. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи Аввакумъ представлялъ нѣчто незаурядное. Каждый вечеръ Аввакумъ, послѣ цѣлаго ряда молитвъ, при потушенномъ огнѣ, впотьмахъ совершалъ 300 поклоновъ, 600 молитвъ Иисусовыхъ, да 100 Богородицъ.

Аввакумъ принималъ также участіе въ исправленіи книгъ при патріархѣ Іосифѣ. Но, разумѣется, справщики въ духѣ приверженцевъ русской старины, чувствовавшіе глубокое и непреодолимое отвращеніе къ научному опыту Запада, не смогли существенно пзмѣнить старыя грѣхи. При своемъ узкомъ, одностороннемъ, образованіи, справщики многого не могли уразумѣть, но какъ люди самолюбивые, не желали сознаться въ своемъ бессиліи. Довольно неудачною оказалась и дѣятельность Аввакума, порядкомъ таки напутавшаго, даже по отзывамъ его ближайшихъ единомышленниковъ. Но ни разу Аввакумъ не сознался въ своей ошибкѣ: фанатическое убѣжденіе въ правотѣ своихъ взглядовъ, искренно и чистосердечно продуманныхъ, начинаютъ все болѣе и болѣе ярко выражаться въ характерѣ будущаго апостола раскола. Совершенно новое теченіе въ дѣлѣ церковныхъ реформъ, обнаружившееся въ патріаршество Никона, сразу обострило отношеніе между „нероновцами“ и „никоновцами“. Завязалась борьба. Нероновъ палъ. Его услали въ вологодскій Спасо-Каменскій монастырь. За отсутствіемъ его, водворился въ роли главара „охранителей“ Аввакумъ, страстно принявшійся обличать еретика—„латинянина“. Гроза обрушилась и на него. По приказу патріарха протопопа арестовали, и, закованнаго въ кандалы, отвезли въ Андроньевъ монастырь, но трехдневная

голодовка не могла сломить упрямство Аввакума, текстами изъ Св. Писанія отвѣчавшаго на всѣ попытки образумить его. Личное свиданіе Никона съ Аввакумомъ убѣдило Никона въ непоколебимости протопопа. Никонъ рѣшился лишить Аввакума сана, но, подъ вліяніемъ царя, Аввакумъ отдѣлался одною ссылкой въ Тобольскъ.

Весь кружокъ Аввакума подвергся разгрому, многіе пали духомъ и смутились. Но не поддался Аввакумъ. Въ Сибири онъ устроился сперва довольно счастливо, благодаря симпатизированію со стороны тобольскаго епископа Симеона, недолюбливавшаго Никоновской новизны. Аввакумъ получилъ даже приходъ, и тутъ то ему открылось обширное поле для пропаганды, тѣмъ болѣе воспримчивое, что въ Сибирь Аввакумъ явился въ ореолѣ мученика идеи, борца за чистоту и непорочность православія.?

Теперь личность протопопа совершенно сформирована. Аввакумъ—весь одинъ порывъ къ Богу, къ религіи. Православіе для него и цѣль и смыслъ жизни. Впѣ его—для Аввакума нѣтъ ничего. Громадная сила воли Аввакума, его убѣжденія, способность увлекать окружающую среду своимъ огненнымъ краснорѣчіемъ, изъ ряду выходящею строгостью жизни, напоминавшею древнихъ подвижниковъ, не могли остаться незамѣченными. Къ нему стекаются послѣдователи. По городамъ и селамъ идетъ вѣсть о чудномъ протопопѣ, страдающемъ за вѣру; изъ устъ въ уста передаются чудовищные рассказы, что въ далекой Москвѣ продана вѣра христіанская, продана самимъ патріархомъ, что Русью завладѣваетъ поганая латинщина.

Но враги Аввакума не дремали. Приказано было препроводить его еще дальше—на Лену, а затѣмъ и въ Даурію, въ качествѣ священника при отправленной туда развѣдочной экспедиціи воеводы Пашкова. Власть воеводы была безгранична и Аввакумъ терпѣлъ не мало, если вспомнить его положеніе полу-арестанта. Аввакума и били, и въ кандалы заковывали, и голодомъ морили, разлучали съ дѣтьми; испытывалъ онъ ужасныя мученія отъ холода, почти лишенный одежды—но духъ былъ твердъ. Во всѣхъ своихъ мученіяхъ Аввакумъ постоянно видѣлъ промыслъ Божій, испытующій крѣпость человека, предназначеннаго для великой цѣли.

Шесть лѣтъ тянулась такая почти животная, безправная, тяжелая жизнь Аввакума, ежечасно рисковавшаго погибнуть отъ рукъ грубаго, жестокаго воеводы, всячески старавшагося взять изморомъ желѣзнаго протопопа. Шесть лѣтъ длилась борьба Аввакума со всѣми невагодами—и, наконецъ, окончились мученія. Аввакуму разрѣшили вернуться въ столицу. Патріаршій престолъ былъ уже пустъ. Отношенія между царемъ и Никономъ были самыя холодныя. И вотъ враждебная удалившемуся патріарху партія, желая, такъ сказать, воздвигнуть стѣну между Алексѣемъ Михайловичемъ и его любимымъ когда то другомъ, добилась возвращенія въ столицу всѣхъ сосланныхъ противниковъ Никона. Аввакумъ двинулся въ Москву. Твердая увѣренность царила въ его душѣ, что правое дѣло, за которое онъ такъ страдалъ, ваяло, наконецъ, верхъ. Но уже по дорогѣ Аввакумъ узналъ, что хотя Никонъ и не у дѣлъ, но начатыя имъ реформы все же не заброшены, кое что въ этомъ направленіи дѣлается, несмотря на сильное противо-дѣйствіе. Тоскливое сомнѣніе заползло въ душу измученнаго протопопа. Истомился онъ, на рукахъ была семья—впереди опять предстоялъ тяжелый подвигъ — борьба съ ересью Никона. То былъ по истинѣ трагическій моментъ, когда воля Аввакума заколебалась, готовая уступить тяжелымъ обстоятельствамъ. Впервые, быть можетъ, Аввакумъ понялъ, что придется бороться съ надвигающейся новизною, противъ которой его силы оказываются слабыми. Аввакумъ повѣдалъ тяжелую думу своей женѣ, безпредѣльно преданной ему и совершенно проникнутой его убѣжденіями. И женщина оказалась характера не женскаго.

„Жена, что сотворю—(ломалъ руки Аввакумъ)—зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!“ „Господи помилуй!—отвѣчала ему Настасья Марковна, что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ тя и съ дѣтьми благословляю: держай проповѣдать слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволить—живемъ вмѣстѣ; а когда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ, и насъ не покинетъ. Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай блудни еретическую“.

Среди духовенства, боровшагося съ реформами Никона,

паступило разногласіе. Одни, какъ, напримѣръ, Нероновъ, подчинились авторитету великихъ патріарховъ, вполне одобвившихъ нововведенія Никона, другіе твердо считали еретиками всѣхъ спокойно относившихся къ старинѣ, не признавая никакихъ толкованій на этотъ счетъ. Аввакумъ появился какъ разъ во время. „Яко онала пріяша меня“. Царь, сославшій Аввакума только подъ давленіемъ со стороны Никона, не могъ не цѣнить такого благочестиваго человѣка, какъ Аввакумъ. Вообще, Алексѣй Михайловичъ во всей исторіи съ Никономъ и раскольниками обнаружилъ нѣкоторую раздвоенность характера, много вредившую и его репутаціи и ходу дѣлъ. Болѣе всего онъ не терпѣлъ всякихъ волненій, выбрасывавшихъ его изъ обычной колеи. Человѣкъ съ извѣстною эрудиціею, съ ясно смотрящимъ на дѣло умомъ, „типайшій царь“ не могъ не видѣть всю сираведливость и цѣлесообразность начатой Никономъ цѣрковной реформы. Но Никонъ принялся за дѣло черезчуръ ужъ ретиво, не церемонясь съ стариной, разстаться съ которою Алексѣй Михайловичъ, высоко уважавшій традиціи, не могъ, волненія народныя непріятно дѣйствовали на его впечатлительную душу самъ Никонъ недостаточно сдерживалъ свои размахи—и палъ. Во имя реформы нужно было удалить наиболѣе закоренѣлыхъ противниковъ ея—Аввакумъ, тотъ самый Аввакумъ, котораго такъ очень почиталъ царь—ѣдетъ въ дальнюю ссылку. Нѣтъ Никона, некому постоянно нашептывать о вредности раскольниковъ, — царь не прочь вызвать Аввакума. Алексѣй Михайловичъ постоянно пытался сгладить шероховатости въ взаимныхъ отношеніяхъ двухъ направленій, вести новое дѣло мирно, безъ осложненій, но это совсѣмъ не удавалось ему. И поэтому получается странная картина. Царь, съ вѣдома котораго шесть лѣтъ мучился Аввакумъ, совершенно размякъ при первомъ же свиданіи съ протопопомъ, всегда изумлявшимъ его своимъ благочестіемъ, „Государь—говоритъ Аввакумъ—меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ, и слова милостивыя говорилъ; здорово ли-де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ. И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говоря: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впередъ, что изволить Богъ. Онъ же, миленькой, вздохнулъ,

да и пошелъ, куда надоти ему. И иное кое что было, да что много говорить. Прошло уже то.

Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, и въ походѣ мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а самъ говоритъ: благослови-де-меня и помолись обо мнѣ. И шапку въ иную пору мурманку, снимая съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ. А изъ кареты выскочитъ бывало ко мнѣ. Какъ мнѣ царя того не жалѣть?“

Аввакумъ не могъ никакъ примириться съ тѣмъ, что свѣтская власть такъ снисходительно относится къ попыткамъ Никона нарушить цѣлость православной вѣры. Аввакумъ выпустилъ въ Москвѣ цѣлый рядъ обличительныхъ посланій, въ которыхъ доказывалось, что попы „во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латини, и законы и уставы у нихъ латинскіе, руками машутъ, и главами киваютъ и ногами топчутъ, какъ-де обикло у латинниковъ по органамъ“. Книжные же справщики въ духѣ Никона „попираютъ стадо христово злымъ ученіемъ и образы пѣсенно носятъ отступническіе, а не природные наши словенскаго языка, и они же не церковнее чада, діаволя, родилися ново, отъ Никонова ученія, понеже не вѣруютъ во Христа вочеловѣчевшася, и еще же исповѣдаютъ и не воскресша и царя несовершенна на небеси со Отцемъ быти, и Духа Святаго не истинна глаголють быти“.

Видя, что отъ его увѣщаній взглядъ правительства на реформы Никона не мѣняется, убѣждаясь все болѣе въ томъ, что неудовольствіе на Никона со стороны царя и аристократіи вызвано главнымъ образомъ самою личностью властолюбиваго и почти всегда несдержаннаго патріарха, а взглядъ его на необходимость ломки существующихъ церковныхъ обычаевъ раздѣляется верхами московскаго общества, Аввакумъ рѣшилъ итти напроломъ. Черезъ довѣреннѣйшаго ученика своего, юродиваго Теодора, онъ подалъ царю челобитную, въ которой умолялъ „взыскать старое благочестіе и на престолѣ патріаршескій пастыря православнаго учинить, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика“. Приводился даже рядъ именъ лицъ вредныхъ, по мнѣнію протопопа, для религіи.

Челобитная произвела во дворцѣ впечатлѣніе самое невыгодное для ея автора. Непреклонность Аввакума ясно показывала,

что онъ не желаетъ внять увѣщаніямъ царя смириться, а прямо припираетъ, что называется, „тишайшаго“ къ стѣнѣ. Аввакумъ становился уже опаснымъ для общественнаго спокойствія. Какъ на грѣхъ Аввакумъ подалъ второе прошеніе въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ, въ которомъ громилъ уже все московское духовенство, какъ разсадникъ ереси. Терпѣніе Алексѣя Михайловича лопнуло: Аввакуму было послано краткое, но красно-рѣчивое оповѣщеніе: „власти на тебя жалуются: церкви ты де запустошилъ; поѣдь въ ссылку опять“.

29 августа 1664, проживъ на свободѣ въ Москвѣ всего полгода, онъ со всей семьей двинулся въ далекій Пустозерскъ.

Съ дороги протопопъ шлетъ царю просьбу такого содержания: „Христіолюбивому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу бьетъ челомъ богомолецъ твой, въ Дурехъ мученой протопопъ Аввакумъ Петровъ. Прогнѣваль, грѣшной, благоутробіе твое отъ болѣзни сердца неудержаніемъ моимъ, а иніе тебѣ, свѣтъ государь, и солгали тебѣ на меня, имъ же да не вмѣнитъ Господь Богъ въ грѣхъ. Помилуй, равноапостольный государь-царь, робятишекъ ради моихъ умилосердися ко мнѣ. Съ великою стужею доволокъся до Холмогоръ; а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества стало невозможно ѣхать, потому что путь пужной, на оленяхъ ѣздить. И смущаюся, грѣшникъ, чтобъ робятишки на пути не примерзли съ стужи“. Царь внялъ мольбамъ и заступничеству бывшаго протопопа Неронова, нынѣ уже монаха, и разрѣшилъ остаться Аввакуму въ Мезени. Тамъ жилось Аввакуму относительно сносно.

Между тѣмъ неудача Аввакума въ борьбѣ съ реформами произвела нѣкотораго рода расколъ въ средѣ его единомышленниковъ, болѣе осторожные изъ которыхъ были недовольны излишнею, по ихъ мнѣнію, ретивостью протопопа, столь портящею общее дѣло. Аввакуму пришлось работать по двумъ направленіямъ: поддерживать духъ своей партіи и бороться съ новымъ церковнымъ теченіемъ. За такую работу провелъ онъ полтора года послѣдней ссылки, а затѣмъ неожиданно-негаданно суждено было оборваться всей дѣятельности агитатора-протопопа.

Въ церковно-общественной жизни, послѣ ухода Никона, не-

строение продолжалось. Временно управлявший патриаршеством крутицкий митрополитъ Питиримъ, выдвинутый враждебною Никону партією, былъ слишкомъ зауряденъ, чтобы унять всѣ раздоры. Реформы Никона, не доведенныя до конца, только вышвырнули народъ русскій изъ его вѣковой колеи. Простая сермяжная Русь глухо мутилась, не усваивая себѣ всю суть преобразованій патриарха, верхи общества не сходились во взглядахъ на устройство церкви, царь тоже не могъ придумать какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ. Послѣ многихъ споровъ и предположеній, выдвинулась, наконецъ, на первый планъ старая идея созыва собора, который бы и разсудилъ всѣ запутанныя дѣла государства, обладая, конечно, достаточнымъ для этого авторитетомъ въ глазахъ недовѣрчиваго русскаго человѣка. И вотъ, въ февралѣ 1666 г. въ Москву съѣхались съ разныхъ концовъ Руси представители бѣлаго и чернаго духовенства. Пригласили и двухъ патриарховъ восточныхъ: александрійскаго и антїохійскаго. Доставлены были въ Москву и „блядословный“ Аввакумъ, во главѣ цѣлой группы убѣжденныхъ своихъ сторонниковъ, рѣшившихъ не итти ни на какія уступки и твердо стоять за „правое дѣло“. Къ тому времени литература въ духѣ Аввакума достигла уже порядочныхъ размѣровъ. Дѣятельно осуждали всѣ нововведенія вятскій епископъ Александръ, суздальскій попъ Никита, составившій обстоятельную челобитную, въ которой всесторонне разбирались всѣ недостатки новаго перевода „Скрижали“; дьяконъ Благовѣщенскаго собора Федоръ Ивановъ, „дьявольскимъ навожденіемъ въ тяжкое приде безуміе и неистовство, якоже дерзнути ему аки ехиднину рожденію, чрево матери своея терзати: ибо излева ядъ зміннъ отъ устъ своихъ, и отригну слово злословное и ложное на пачальнѣйшія правители святыя восточныя католическія церкви, на святѣйшія патриархи греческія.. забывъ, окаянный, яко ихъ благословіемъ и ученіемъ вся селенная, аки четирма рѣками райскими, окропляется, оживляется и угобжается.. Наипаче же похули символъ благоисправленный, и святого аллилуїа утроение, такожде и первыхъ перстовъ во знаменованіи крестномъ сложение, якоже вся по преданію святыхъ отецъ благочинно-исправимая благодатію пресвятаго, и отъ боготворящаго Духа, а не

прелестей сатаниною развратишася, яко онъ богомеракій хульникъ, и слѣпый вождь и безумный певѣжда, на святѣйшаго Никона патріарха клевететь!“

Романо-Борисоглѣбскій попь Лазарь тоже указывалъ на заимствованія Никономъ отъ инославныхъ вѣроисновѣданій. Немалымъ вниманіемъ пользовалась и книга архимандрита Сниридона Потемкина.

Сильная партія сторонниковъ благочестія давно уже окончательно сформировалась и при дворѣ. Видное мѣсто въ пей придется отвести фанатической послѣдовательницѣ Аввакума боярыньѣ Θεодосіи Морозовой. До самозабвенія преданная мысли о погибающемъ православіи, Морозова вся отдалась пропагандѣ, дѣйствуя и словомъ и примѣромъ. Видная аристократка, находившаяся въ родственныхъ отношеніяхъ съ царствующею династіею, Морозова вела аскетическій образъ жизни, превративъ обширныя хоромы въ страннопріимное убѣжище, переполненное всякаго рода нищими, юродивыми, и тому подобнымъ людомъ. Аввакумъ „не выходя“ жилъ у нея, повѣряя слѣпо вѣровавшей въ его святость Морозовой всѣ свои самыя затаенныя думы, постоянно встрѣчая съ ея стороны живѣйшую готовность на всякія жертвы за „вѣру Христову“. Здѣсь собирались и такія видныя лица тогдашняго общества, какъ бояре Иродіонъ Строгановъ, Иванъ Воротыцскій, княгиня Евдокія Урусова и многіе другіе.

Пропаганда велась совершенно открыто и свободно. Дошло до того, что нѣкоторые смѣльчаки бѣгали по улицамъ за царскою повозкою, крича: „добро-бы, самодержавный царь, на древнее благочестіе встунить“. „Старовѣры“, какъ можно уже теперь называть приверженцевъ „старой вѣры“ устроили даже нѣчто въ родѣ собора, на которомъ было постановлено: „пиконіанское крещеніе не вмѣнять за истинное, такъ какъ церкви осквернены мерзостію антихристовою“. Ходили по Россіи Богъ вѣсть откуда взяшіеся темные слухи о различныхъ видѣніяхъ. Нѣкій волжанинъ Дмитрій видѣлъ бѣсовъ, привѣтствовавшихъ Никона какъ „любезнаго брата“. Неурядица шла полная. Священники совсѣмъ сбились съ толку. Въ каждой церкви служили по своему. Вѣрующіе перестали даже посѣщать храмы, въ своихъ сомнѣніяхъ „отлучипася церков-

наго входа и молитвъ и покаянія о грѣсѣхъ и принятія тѣла и крови Христова лишенная“. И тѣ восемь лѣтъ, которыя русская церковь провела по удаленіи Никона, безъ главы, по всей справедливости слѣдуетъ считать началомъ великаго русскаго раскола. Народъ рѣзко разбился на два лагеря; какъ въ томъ такъ и въ другомъ были и убѣжденные люди, немало насчитывалось и запутавшихся въ хитрыхъ толкованіяхъ богословскихъ взглядовъ на различныя стороны сложной обрядности.

Долге терпѣть такого хаоса понятій, грозившаго участи церкви, не приходилось, и при новомъ патріархѣ Іосифѣ соборъ 1666 года ребромъ поставилъ лично всѣмъ вызваннымъ расколоучителямъ цѣлый рядъ вопросовъ такого рода: „Святая и апостольская восточная церковь истинная ли есть и въ ней совершаемыя божественныя тайны—тайны ли суть, и чины ея истинны ли суть, и великій *государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ православенъ ли и благочестивъ ли, и святѣйшіе вселенскіе патріархи: константинопольскій, александрійскій, антиохійскій іерусалимскій, и великій господинъ святѣйшій Іосифъ патріархъ Московскій и всеа Русіи и пресвященные митрополиты и архіепископы и епископы, и весь преосвященный соборъ православный ли и благочестивъ ли, и пастыріе ли и учителя ли суть всѣмъ православнымъ христіанамъ и новоизданныя и исправленныя книги со старыхъ греческихъ и харатейныхъ книгъ славянскаго языка святы ли и честны и правы ли мпятъ быти, и о символѣ святыхъ нашея православныя вѣры, и о трегубой аллилуіи и о сложеніи первыхъ тріехъ перствъ во изображеніи честнаго креста Господня и о четвероконечномъ крестѣ и о всемъ, еже исправлено и напечатано въ повонсправленныхъ печатныхъ кпигахъ, право ли мнѣ быти?“*

Православіе церкви Аввакумъ призналъ, утверждая лишь, что все вновь введенное Никономъ,—„не согласуетъ“. Ядовитый, крючковатый вопросъ о благочестіи царя Аввакумъ также ловко обошелъ, безусловно согласившись съ чистотою намѣреній царя, который, по его мнѣнію „простою своею душою принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка,

книги, чая ихъ православно, не рассмотря плевель еретическихъ въ книгахъ, впесенныхъ ради браней, поняль тому вѣры“... И тутъ же Аввакумъ обнаружилъ немалыя діалектическія способности, ободривъ царя, невольно нагрѣшившаго, что „праведникъ аще падеть не разбѣтсѣ, яко Господь подкрѣпляетъ руку его“.

Восточныхъ патріарховъ Аввакумъ сурово обличалъ, заявивъ, что у нихъ „не крестятся, но обливаются по-римски“, а потому ихъ авторитетъ для нашего православнаго челоувѣка болѣе чѣмъ сомнителенъ.

По одиночкѣ были допрошены всѣ выдающіеся расколотучители. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Аввакумъ и, Лазарь, и слышать не хотѣли объ отреченіи отъ своихъ взглядовъ, другіе, болѣе слабые, и, быть можетъ, не такъ убѣжденные, сдались на увѣщанія собора и согласились съ его доводами. Не обошлось при этомъ, конечно, и безъ лицемѣрія. Никита Пустосвятъ и дьяконъ Феодоръ Ивановъ, повидимому, совершенно раскаявшіеся, униженно просили соборъ о прощеніи, а въ послѣдующихъ событіяхъ ихъ неискренность не замедлила выясниться.

Послѣ разбора раскольниковыхъ дѣлъ соборъ издалъ „Наставленіе“, въ которомъ изложены были всѣ заблужденія раскольниковъ.

Рѣшеніемъ собора Аввакумъ былъ разстриженъ и заключенъ въ монастырь св. Николая, куда бывшаго протопопа и отправили самымъ секретнымъ образомъ, подъ конвоемъ стрѣльцовъ, изъ опасенія, чтобы народъ не отбилъ пострадавшаго Аввакума.

Популярность Аввакума все росла и росла. Его необыкновенная стойкость и упорство въ защитѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ не могли не вызывать симпатій.

Несмотря на соборныя осужденія старовѣрческихъ убѣжденій, носителемъ которыхъ былъ Аввакумъ, народъ все же никакъ не могъ видѣть въ немъ грѣшника только за то, что протопопъ не могъ отказаться отъ вѣры въ освященныя вѣками традиціи. Особой ереси въ ученіи Аввакума простолюдинъ не могъ найти. Осужденные учителя вѣдь утверждали, въ сущности говоря, что иконы, предъ которыми молились

подвижники земли русской, богослужебныя книги, употреблявшіяся ими же—все это предметы, достойныя всякаго почитанія и уваженія. И такія мнѣнія, весьма вѣроятно, раздѣлялъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Что-то скребло на сердцѣ у „тишайшаго“. Растриженный съ его же согласія протопонъ оставался по-прежнему богоугоднымъ человѣкомъ, ради котораго онъ ѣздилъ даже въ монастырь, и тутъ-то сказалась слабая черта характера царя, выразившаяся въ томъ, что вѣнценосный посѣтитель не могъ набраться храбрости открыто навѣстить своего бывшаго друга, а только „около темницы походилъ, и посто-навъ, опять пошелъ изъ монастыря“. Съ теченіемъ времени строгость надзора за узникомъ стала ослабѣвать, къ нему получили доступъ желающіе получить утѣшеніе отъ „Божьяго человѣка“. Опять носились слухи о чудесныхъ вещахъ, случавшихся вокругъ арестанта. За достовѣрное передавали, что Аввакуму въ тюрьмѣ явился самъ Христосъ съ Богородицею и убѣждалъ не падать духомъ. Началось броженіе, пока еще смутное, но правительство встревожилось и рѣшило пресѣчь всякое общеніе Аввакума съ внѣшнимъ міромъ. Его перевели въ Пафнутевъ Боровскій монастырь, игумену котораго были даны самыя опредѣленныя указанія касательно обращенія съ арестантомъ. „Вы-бъ его, Аввакума,—говорилось въ наказѣ,—приняли и велѣли посадить въ тюрьму и приказали его беречь накрѣпко съ великимъ опасеніемъ, чтобы онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова-бъ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать, и никого къ нему пускать не велѣтъ“. И опять-таки слово упорно не сходилось съ дѣломъ. Осужденный, ошельмованный разстрига заставлялъ преклоняться предъ собою тюремщиковъ-монаховъ. Духовное оружіе Аввакума ломало оковы, брало верхъ надъ окружающею средою. Особая атмосфера, окружавшая Аввакума, его стальная энергія, закаленность характера, импонирующе дѣйствовали на приставленное къ нему начальство. Въ крохотной, темной кельѣ-казематѣ горѣло яркое пламя, далеко разсыпавшее искры по необъятной Руси.

Аввакумъ, лишенный свободы, семьи, вырванный изъ жизни, потерявшій возможность открыто, явно бороться за свои идеи, страдалъ, но страдалъ гордо, ни разу не обнаруживъ

послѣдней слабости. Никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью для него быть не могло. Все росло и крѣпло въ душѣ его могучее сознание своей угодности Богу, горячее стремление пострадать до конца за оскорбленную вѣру. Весь народъ, со всѣмъ и его помыслами воплотился въ Аввакумѣ. Онъ какъ бы хотѣлъ искупить его малодушіе, своею кровью заплатить за его избавление отъ мукъ адовыхъ, — непремѣннаго слѣдствія дьявольскаго соблазна „волка-патріарха“.

17 іюня 1667 г. судьба Аввакума окончательно опредѣлилась. Въ этотъ день онъ стоялъ въ Москвѣ предъ наѣхавшими восточными патріархами. Всѣ попытки патріарховъ наставить Аввакума на путь истинности, не привели ни къ чему — Аввакума сломить нельзя было.

„Богъ отверзъ мнѣ уста и посрамилъ ихъ Христа, — говоритъ объ этомъ допросѣ Аввакумъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: что-де ты упрямъ? вся-де наша Палестина — и Серби и Албанцы, — и Валахи, и Римляне и Ляхи, — всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь въ своемъ упорствѣ и крестися пятію персты! — такъ не подобаетъ. И я имъ о Христѣ отвѣтилъ сице: Вселенстін учителяіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіанамъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія татарскаго Махмета. И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, Божіею благодатию, самодержжество. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь не мятежна. Никонъ волкъ съ дьяволомъ предали трема персты креститца, а первые наши пастыри, якоже сами пятію персты крестились, такоже пятію персты и благословляли по преданію святыхъ отецъ... И патріархи задумались, а наши, что волченки, вскоча, завыли и плевать стали на отцевъ своихъ, говоря: глупы-де были и несмыслены наши русскіе святые, не ученые-де люди были, — чему имъ вѣрять! Они-де грамотѣ не умѣли! О, Боже Святій! Како претерпѣти святыхъ своихъ толика досажденія! Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало. Побранилъ ихъ, колко могъ, и послѣднее слово реклъ: чистъ есмь азъ, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше одинъ творяіи волю Божію, не-

жели тми беззаконныхъ. Такъ на меня и пуще закричали: возми, возми его!—всѣхъ насъ обезчестилъ! Да и толкать и бить меня стали: и патріархи сами на меня бросились: чело-вѣкъ съ сорокъ, чаю, было,—велико антихристово войско со-бралось! И я закричалъ: стой, не бейте! Такъ они всѣ от-скочили. И я толмачу-архимандриту говорить сталъ: говори патріархамъ: Апостоль Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ, и прочая; а вы убивше чело-вѣка, какъ литургисать станете“.

Такое самообладаніе Аввакума ошеломляюще подѣйствовало на черезчуръ увлекшееся духовенство.

Аввакумъ ни мало не робѣлъ предъ сильнымъ міромъ, отъ котораго теперь много въ его жизни зависѣло, онъ, на-противъ, словно задался цѣлью вывести своихъ судей изъ терпѣнія.

„А я отошелъ къ дверямъ, да набокъ повалился: посидите вы, а я полежу,—говорю имъ. Такъ они смѣются: дуракъ-де протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ. И я говорю: мы уроды Христа ради! вы славны, мы же безчестны! вы сильны, мы же немощны. Потомъ наки пришли ко мнѣ власти и про алли-луія стали говорить со мною. И мнѣ Христосъ подалъ: по-срамилъ я въ нихъ римскую ту блядь Діонсіемъ Ареопаги-томъ... И Евѣмій,—торжествующе прибавляетъ Аввакумъ,—чудовской келарь, молвилъ: правъ-де ты, —нечего-де намъ больше такъ говорить съ тобою. Да и повели меня на цѣпь“.

Такъ же безрезультатны оказались всѣ увѣщанія собора, обращенныя къ прочимъ подсудимымъ: протопопу Никифору, священнику Лазарю, дьякону Теодору и монаху Епифанію.

Но царь все же не хотѣлъ отказаться отъ мысли какими-либо мѣрами подѣйствовать на Аввакума. Съ этой цѣлью онъ отправлялъ къ нему различныхъ лицъ, всяческимъ способомъ стараясь заставить его покориться патріархамъ. Былъ у него и извѣстный проповѣдникъ того времени, ученый монахъ Симеонъ Полоцкій. Богословскій диспутъ между ними отли-чался немалою страстностью: „зѣло было стяжаніе много: разошлись, яко пьяны, не могъ и поѣсть послѣ крика“. Ближній бояринъ царскій, Артамонъ Матвѣевъ, пробовалъ пустить въ

ходъ угрозы, но Аввакумъ не струсилъ: „Не грози мнѣ смертію, не боюсь тѣлесныя смерти,—но развѣ грѣховныя“.

Аввакуму съ товарищами указано было ѣхать въ Пустозерскъ. Но передъ отъѣздомъ явились къ ссыльному „комнатные люди“ и говорили ему „царскій глаголь“: „протопопъ, вѣдалъ я-де твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу-де твоего благословенія и съ царцею и съ чады: помолися о насъ“.

Московскій соборъ 1667 года окончательно установилъ точку зрѣнія на положеніе русской церкви. Всесторонне было разобрано и дѣло патріарха Никона. Самъ бывший патріархъ подвергся строгому порицанію за надменность и своевольный уходъ съ престола. Положили лишить его сана и сослать въ Оеранонтовъ монастырь. Предпріятіе же дѣло Никона встрѣчено было сочувственно, что и излагалось въ особомъ „Изрѣченіи“—второй части общихъ постановленій Собора. Въ немъ весьма опредѣленно указывалось: „если кто не послушаетъ нашего повелѣнія и не покорится святой восточной церкви и сему священному собору, или начнетъ прекословить или противиться намъ, мы такого противника, данную намъ властію, если будетъ священнаго чина, извергаемъ и предаемъ проклятію, а если будетъ отъ мірскаго чина, предаемъ проклятію и анаемѣ, какъ еретика и непокорника и отъ Церкви Божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ“.

Относительно же спорныхъ обрядовъ, вызвавшихъ все раскольничье движеніе, и утвердившихся большею частью въ XVI вѣкѣ послѣ одобренія ихъ на Стоглавомъ Соборѣ, и внесенныхъ затѣмъ въ старопечатныя книги, соборъ 1667 г. высказался въ томъ смыслѣ, что сужденія Стоглава, не посовѣтовавшагося съ вселенскими патріархами, и порѣшившаго дѣло „неразумно, простотою и невѣжествомъ“—недѣйствительно, и потому самый соборъ „вмѣняется не въ соборъ, какъ и не былъ“. „Житіе преподобнаго Ефросина“—„соннаго мечтанія писателява“,—любимѣйшаго авторитета старообрядцевъ, было признано „живымъ писаніемъ на прельщеніе блачестивымъ людямъ“. Въ третьей книгѣ соборныхъ дѣяній патріархи Иансіи и Макарій подробно дали свое толкованіе о

правильной аллилуйи, о крестномъ знаменіи, о св. Символѣ вѣры и о молитвѣ Иисусовой.

Главнымъ пунктомъ обвиненій противъ расколоучителей служила вовсе не ихъ приверженность къ старымъ обрядамъ, а оскорбленіе новоисправленныхъ: — „писали хулы на св. символа исправленіе, на сложеніе перстовъ при крестномъ знаменованіи, хульными словеси обзывали тройное аллилуйа, оклеветали священники московскія, аки невѣрующія во Христа вочеловѣчившася, укоряли священный соборъ, вся неправославными нарицая, называли неправославными и восточныхъ патріарховъ“.

Книги, положенныя при первыхъ пяти патріархахъ отнюдь не были признаны еретическими, и потому неправославными.

Кромѣ главныхъ обрядовъ постановленія собора касались и болѣе мелкихъ. Крестные ходы, напримѣръ, было предложено совершать противъ солнца; исправленный при патр. Никонѣ „Служеникъ“ былъ признанъ совершенно отвѣчающимъ своему назначенію, равно какъ и „Скрижаль“. Вопросъ о преслѣдованіи упрямыхъ раскольниковъ былъ разрѣшенъ соборомъ въ томъ смыслѣ, что нежелашіе подчиняться указаніямъ церкви подлежали уже свѣтскому суду.

Соборомъ оффиціально было признано существованіе многочисленной категоріи русскихъ людей, отдѣлившихся отъ церкви въ ея преобразованномъ видѣ, и образовавшихъ свое собственное религіозное общество, съ особенными обрядами и формами пониманія христіанства.

Русь *раскололась*.

Казнь расколоучителей. Возмущеніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Возмущеніе раскольниковъ въ Москвѣ.

Постановленія собора 1667 г. произвели на раскольниковъ впечатлѣніе явной несправедливости, и у нихъ сложился свой взглядъ на церковную и свѣтскія власти, соединившіяся въ противоборствѣ съ расколомъ.

Церковь въ ея исправленномъ видѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ подверглась критикѣ, какъ еретическая, самое общеніе съ которою заражаетъ тяжкимъ грѣхомъ. „Не подобаеть утверждали раскольники, — православнымъ христіанамъ ни благословенія стѣ никоніанъ пріимати, ни службы, ни крещенія, ни молитвы, ни въ церкѣви съ ними не молиться, то же въ дому; еретическихъ книгъ не читати, чтенія и пѣнія еретическаго не слушати“.

Впрочемъ, житейскія условія путемъ практики выработали своего рода сдѣлки между убѣжденіями и необходимостью. Навстрѣчу такимъ нуждамъ пошелъ тотъ же Аввакумъ; щадя людскую слабость, онъ далъ цѣлый рядъ совѣтовъ, клонившихся къ тому, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. „Если—наставлялъ Аввакумъ—затащатъ въ церковь, то молитву Ісусову воздыхая говори, а пѣнія ихъ не слушай; образу Спасову вмѣстѣ не кланяйся, но когда они престанутъ отъ молитвы, тогда кланяйся“.

„Если въ праздники попъ придетъ въ домъ съ крестомъ, и освященною водою, и въ дому бывъ, водою помочить, и ты послѣ него вымети метлою, ребятамъ вели отъ него спрятаться, а самъ съ женою ходи тутъ и виномъ его пой, а самъ говори: прости, недостойны къ кресту. Онъ кропитъ, а ты рожу то въ уголь воротн, иль въ мошну въ тѣ поры полѣзь, да денги ему давай, а жена за домашними дѣлами поди, да говори ему... не время мнѣ. Да какъ нибудь, что собаку отживите его. А хотя и омоютъ водою того, душа бы твоя не хотѣла... Аще нужда привлечетъ на исповѣдь идти къ никоніанину, то ты ему сказки сказывай“. Наставленія эти очень характерны. Ими ясно опредѣлялось отношеніе раскольниковъ къ господствующей церкви: явное вѣроисповѣданіе старообрядства отнюдь не вмѣнялось въ обязанность, разъ получались какія либо практическія отъ этого неудобства.

Взглядъ раскольниковъ на свѣтскую власть въ еретическомъ государствѣ вылился въ опредѣленное ученіе о наступленіи на землѣ царства антихриста. Въ основу его легла старая легенда о признакахъ конца міра. Второе пришествіе Христа должно было предвариться особыми странными собы-

тіями, какъ, напримѣръ, появленіемъ различныхъ лже-Боговъ, войнъ, народныхъ бѣдствій.

Въ болѣе древнія времена по христіанскому міру было особенно распространено такъ называемое „хиліастическое“ ученіе, то есть повѣріе, что міръ можетъ существовать лишь тысячу лѣтъ по Рождество Христово. На смѣну его явилась теорія о таинственной связи между Римомъ и всею землею, покоившаяся на толкованіи нѣкоторыхъ евангельскихъ мѣстъ. Послѣ паденія Рима, стали толковать, что Евангеліе имѣетъ въ виду второй Римъ, христіанскій, то есть Константинополь. Но взятіе турками Византійской столицы разрушило легенду. Ее перенесли на Москву — третій Римъ, какъ наслѣдницу греческихъ императоровъ.

Раскольниковство ввело новую догадку о близкомъ наступленіи второго пришествія и наступленіи власти антихриста, судя по патріарху Никону. Старецъ Авраамій прямо указывалъ на Никона, какъ на несомнѣннаго антихриста, исходя изъ тѣхъ соображеній, что: 1) „Пророкъ глаголитъ, яко отъ сѣвера лукавство изыдетъ“. 2) Св. Кириллъ полагалъ, что происхожденіе антихриста будетъ не царское. 3) „Ипиолитово Слово“ пророчествуетъ, что антихристъ создастъ въ Іерусалимѣ новый каменный храмъ. Всѣ эти признаки какъ нельзя болѣе подходятъ къ Никону-прельстителю. Высчитали даже и срокъ. Сатана связанъ (какъ говоритъ Евангеліе) на 1000 лѣтъ, по считать лѣта слѣдуетъ со времени сошествія Христа въ адъ. Такимъ образомъ къ 1000 лѣтъ слѣдуетъ прибавить апокалипсическое имя антихриста „666“ и 33½ (земная жизнь Христа). Такимъ образомъ въ концѣ XVII вѣка и настанетъ роковая минута.

Долго раскольники не желали примириться съ своимъ положеніемъ. Ихъ стремленія къ возвращенію старыхъ церковныхъ порядковъ выражались между прочимъ въ цѣломъ рядѣ посланій, въ формѣ челобитныхъ, адресованныхъ на имя Алексѣя Миханловича и его ближайшихъ преемниковъ. Аввакумъ страстно умолялъ царя загладить свой невольный грѣхъ никоніанства и возвратитъ землѣ русской ея старинное благочестіе. Особенно характерно въ этомъ отношеніи его 6 посланіе, отправленное изъ Пустозерска“

„Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ— молилъ ссыльный, разстриженный протопопъ—многожды писахомъ тебѣ прежде и молихомъ тебя, да примѣритися къ Богу и умилитися въ раздѣленіи твоёмъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба: помилуй единородную душу свою и вниди паки въ первое свое благочестіе, въ немже ты порожденъ еси, съ прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители свои, и съ прародители, и съ нами богомолцы своими во единой святой купели ты освященъ еси, единыя же Сионскія церкви святымъ сосецъ ея иелестнымъ млеко́мъ воспитанъ еси съ нами, сичѣтъ единой православной вѣрѣ... Почто по духу братію свою тако оскорбляеши? Что есть ересь наша, или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, якоже блядословятъ о насъ никоніаны. порицають раскольниками и еретиками въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ, а индѣ и предтечами антихристовыми! Не постави имъ, Господи, грѣха сего; не вѣдятъ бо, что творятъ, бѣдніи. Ты, самодерже, судъ подымеши о сихъ всѣхъ, иже таково дерзновение имъ подавый на ны. Не вѣмъ ни слѣду въ себѣ ереси коихъ, — пощади насъ, сынъ Божій—отъ такова нечестія и впредь!—ниже раскольства!..

Аще мы раскольники и еретикъ: *то и вси святіи отци наши и прежніе цари благочестивіи и святѣйшіе патріарси таковы суть.*

Аввакумъ, видимо, прямо добивается „мученическаго вѣнца“. Онъ открыто объявляетъ царю: „елико ты насъ оскорбляеши больше, и мучишь и томишь: толико мы тебя больши любимъ царя, и Богомолимъ до смерти твоей“.. Немного далѣе Аввакумъ довольно оригинально пытается подѣйствовать на впечатлительнаго царя пересказомъ своего пророческаго сна: нѣкогда миѣ молящуся о тебѣ съ горькими слезами, отъ вечера и до полуночи зѣло стужающу Божеству, да бы тебѣ исцѣлиться душею своею и живу быти предъ нимъ и отъ труда своего, азъ многогрѣшній, падохъ на лицѣ своемъ, плакахся и рыдахъ горько, и отъ туги великія забыхся лежахъ на земли и видѣхъ тя предъ собою стояща или ангела твоего умиленна подпереться подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовался и началъ тя лобызати и обимати съ умиленными ласки. И ви-

дахъ на брюхѣ твоємъ язву зѣло велику. исполненну гноя многа и убоявся вострепетахъ душою своею, и положихъ знакъ на войлокъ свой, на немже молитва и поклоны творю и начяхъ язву на брюхѣ твоємъ слезами моими покропляти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твою, и видѣхъ спину твою згнившую паче брюха и язвы больши первыя явися. Мнѣ же такъ плакавшуся, руками своими сводящу язву твою спинную, и мало мало сошлася, и не вся исцѣлю. И очутихся отъ видѣнія того, не усунихъ тя всего здрава до конца.

Нѣтъ, государь, больше покинуть плакать о тебѣ: вижу не исцѣлить тебя“.

Но звѣзда Аввакума уже закатывалась. Его челобитныя, то просительныя, то обличительныя не достигали цѣли. О своей личности протопопъ, казалось, совершенно забылъ. Свое и безъ того тяжелое заключеніе онъ умудрился еще усугубить различными аскетическими ухищреніями, отказался отъ всякой одежды, изнурялъ свою плоть, и все же бодръ былъ духомъ. Что ему лишенія, холодъ, голодъ, когда онъ владѣеть входомъ къ небесному раю. Онъ горделиво обращается къ царю: „ты владѣешь на свободѣ живучи одною русскою землею, а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное сидѣніе небо и землю“. И несмотря на разобщеніе его съ окружающимъ міромъ, онъ умудрился исписывать крошечные клочья бумаги, попадавшіе въ его казематъ. Ихъ переписывали, и такая подпольная высокоцѣнившаяся литература, ходила по Руси. За 14 лѣтъ сидѣнья въ Пустозерской ямѣ Аввакумъ написалъ очень много; кромѣ своего „житія“, ему принадлежатъ 7 толкованій псалмовъ, 9 догматическихъ сочиненій, и 42 писанія. Вчитываясь въ нихъ, проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ недюжинному популяризаторскому таланту Аввакума, его мѣтко брошепной фразѣ, поразительной образности стиля, приноровленнаго къ пониманію простого малоразвитаго люда ¹⁾).

¹⁾ Напрямѣръ, въ сочиненіи: „Списаніе и собраніе о божествѣ и о твари, и какъ созда Богъ человекѣи“ Аввакумъ такъ передаетъ исторію грѣхопаденія первыхъ людей:

„И позавидѣ дѣяволъ чести и слава Адамин, восхотѣ у Бога украсти.

Какъ бы сознавая всю поконченность своей дѣятельности и близкіе расчеты съ жизнью, Аввакумъ съ еще большею силою громилъ пороки и отступленія, „никоніанъ“ отъ истинной церкви.

Иконописцы новаго направленія пытались было познакомиться Русь съ итальянскою школою живописи, сильно дѣйствовавшею на православный людъ своимъ тяготѣніемъ къ землѣ, стремленіемъ дать болѣе осязательную, жизненную форму тѣмъ или другимъ идеямъ. Аввакумъ, воспитанный на преклоненіи передъ старыми, византійскими образцами, съ ихъ строгими, застывшими шаблонами, совершенно лишенными чувственныхъ тоновъ, не могъ переносить заморскихъ тенденцій.

„Пишуть фразы—неистовствуетъ Аввакумъ со своею обычною грубоватою и прямолинейностію въ выраженіяхъ—образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чреватую. брюхо на колѣни виситъ. Да пишуть иконописцы Христа на крестѣ раздутова: толстехонекъ стоитъ и ноги у него, что стулики.. Лице одутловато, уста червонныя, власы кедровыя, руки и мышцы толстыя, персты надутыя, такъ и у ногъ бедра толстыя и весь, яко нѣмчинъ брюхатъ, и толстъ учиненъ“.

Вообще, по мнѣнію Аввакума, ересь Никона окончательно растлила церкви. Иноки! Развѣ это иноки? Смотрите, они

вниде во змія, познаша звѣря,—и оболга Бога къ Адаму, рече: завистливъ Богъ, Адаме, не хоцеть васъ быти таковыхъ, какъ самъ; аще вкусите отъ древа, отъ него же вамъ ясти заповѣда, будетс, яко бози. Онъ же, отказалъ, помня заповѣдь зндителеву. Змія же отклоняся отъ Адама, приде къ Евѣ,—ноги у нея и крылья были, хорошіи звѣрь, красной была, докажетъ не своровала. И рече Евѣ тѣ же глаголи, что и Адаму.. Она же, послушавъ зміи, приступи къ древу. вземъ грушъ и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣніемъ, и добро и снѣдь,—смоковь красная. ягоди сладкіе, слова между собою льстивыя.

Паки Вожія: *и вкусиста Адамъ и Ева* отъ древа, отънего же Богъ заповѣда, и *однажистася*. О, миленькія! Приодѣти стало некому! Ввелъ диаволь въ бѣду, а самъ и въ сторону. Лукавый хозяинъ накормилъ, напоилъ, да и з двора спихнулъ: пьяный валяется на улицѣ ограбленъ, никто не помилуетъ. Паки Впблія: Адамъ же и Ева сшиста себѣ листвіе смоковничнос отъ древа, отъ него же вкусиста, и прикрыста срамоту свою. и скрыстася, подъ древо возлегоста. Проспалися бѣдныя съ похмѣлья, анъ и самихъ себя соромъ: борода и усъ въ блѣвотнищѣ, а отъ г...на въ мотылѣхъ, со здоровыхъ чашъ голова кругомъ идеть и на плечахъ не держится...

„Богомъ преданны, скидали съ головъ, и, волосы расчесавъ, чтобъ бабы любили ихъ, выставляя рожу всѣ, да препояшутся по титькамъ, воздѣвши на себя широкій жупанъ... На женскую подкисейку платишко положилъ, да я-де су инокъ Христовымъ страстямъ пособникъ... Іоаннъ Предтеча подпоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ услонымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, даже брюхо то и не толстѣеть. А ты, что чреватая женка, не повредить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешься по титькамъ. И въ твоёмъ брюхѣ то не меньше ребенка бабья накландено бѣды той, ягодъ мигдалнихъ, и ренскова и романей и *зодожъ различныхъ и ренскова*, какъ ево подпоясать“...

Православіе погнѣбло на Руси безвозвратно „Отвергли никоніане вѣчную правду церковную, не восхотѣли пятію персты, по преданію святыхъ отецъ, креститися, но нѣкако странно тремя персты запечатлѣшася въ сокровищи всегубителя,—глаголю, печатію запечатлѣшася антихристовою, въ ней же тайна тайнамъ бѣ: змій, звѣрь и лжепророкъ. Всякъ, тремя персты знаменяся, не можетъ разумѣти истины, омрачаетъ бо у такового духъ противніи умъ и сердце его“. Прогнѣвалъ народъ Бога и нечестивымъ произношеніемъ аллилуйи.

„Мерзко Богу четверичное воспѣваніе лицевое: аллилуйа, аллилуйа, слава тебѣ Боже! Да будетъ проклятъ лице поюще. Зло и проклятіе се мудрованіе Богомъ и святыми“.

Въ 1681 г. Аввакумъ самъ произнесъ себѣ послѣдній приговоръ. Запало ему въ голову отпирать царю Θεодору Алексѣевичу прошеніе, пересыпанное горькими укоризнами по адресу покойнаго государя, чье преступное малодушіе, какъ выражался уже психически свихнувшійся отъ долгаго заключенія Аввакумъ— и поддерживало великое шатаніе земли русской. Тонъ посланія былъ по-прежнему строптивый. Послѣ первыхъ строкъ, вопли спокойныхъ и трогательныхъ, Аввакумъ, какъ бы желая заглушить свою слабость, даетъ волю необузданному фанатизму, и настойчиво требуетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ „еретикамъ“. Но Аввакумъ не рассчиталъ. При дворѣ уже устанавливался новый курсъ, пахло западомъ, настойчиво пробивавшимся сквозь преграды вѣковой косности, представителемъ которой считался Аввакумъ, не желавшій знать.

ни реформы, ни общенія съ иноземцами, полезность которыхъ почти оффиціально заявлялась московскимъ царемъ. Теперь добродушнаго „Михайловича“, постоянно заступавшагося за Аввакума, не было въ живыхъ и „за великія на царскій домъ хулы“ приказано было съечь и Аввакума и его товарищей по несчастію. 1 апрѣля того же года Аввакумъ погибъ на кострѣ, въ послѣдній разъ наказавъ собравшейся многочисленной толпѣ молиться, слагая двоеперстіе, чтобы не погибнуть отъ Божьяго наказанія.

Страдальческая смерть Аввакума осятила его образъ въ памяти потомства. Мужество, непоколебимость Аввакума, выдержанныя до конца, казались лучшимъ аргументомъ его правоты и святости дѣла, имъ защищавшагося. Ревностно старалась злопамятная Москва затереть всяческіе слѣды упряма, прибѣгая къ крутымъ репрессіямъ. Семья казеннаго протопопа была разсѣяна по Сибири и увидѣла свѣтъ уже долго спустя лишь благодаря заступничеству князя Бориса Голицина — фаворита Петра Великаго. Сынъ Аввакума, темный мужикъ Иванъ, показался особенно подозрительнымъ радетельству и довелось ему *познакомиться съ начинавшимъ тогда входить въ моду Алексѣевскимъ равелиномъ*, отъ котораго бѣднягу не избавило его клятвенное обѣщаніе, что онъ „отца своего Аввакума за православнаго не пріемлетъ, и вѣнчаетъ его за сущаго святой церкви противника и всѣхъ злыхъ дѣлъ его отрицается“. Равелинъ принялъ Иванъ Аввакумова, видимо, дружелюбно, ибо 7 декабря 1720 г. узникъ „будучи въ С.-Петербургской крѣпости за карауломъ, умре“.

Погибъ Аввакумъ, заточены по тюрьмамъ его ближайшіе сподвижники, изъяты, стало быть, изъ обращенія самые зловредные смутьяны, но тѣмъ не менѣе движеніе вовсе не стихаетъ, наоборотъ, идетъ въ ширину и глубину, подвергаясь цѣлому ряду дробленій, и не теряетъ свою жизненность до нашихъ дней, запавъ въ души десяти милліоновъ коренныхъ русскихъ людей.

Оффиціальная исторіографія пытается увѣрить насъ, что расколъ староябрядчества вызванъ исключительно слѣпою, а стало быть, неразумною приверженностью къ неправильно истолкованнымъ догматамъ православія и виѣшней, обрядовой

стороны его, значительно отошедшей отъ соотвѣтствія съ духомъ церкви. Но нѣкоторые пытливые историки давно уже не удовлетворяются подобнаго рода вразумленіемъ. Неужели — задають они себѣ вопросъ, — оттого, что одни крестились двумя перстами, читали старопечатныя книги, восьмиконечный крестъ и пѣли сугубую аллилуію, а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе, служеніе по исправленнымъ патріархомъ Никономъ книгамъ, почитаніе четырехконечнаго креста и тройную аллилуію, неужели только отъ этого десять милліоновъ народа откололись отъ прочей массы русскаго населенія, чуждаются ея, посылно избѣгаютъ общенія съ нею?

Со стороны догмы и пониманія сути церковныхъ уставовъ, справедливость была на сторонѣ московскихъ соборовъ, осудившихъ расколоучителей и признавшихъ цѣлесообразность реформъ. Если старообрядцы этого не понимали, тогда остается предположить, что милліоны раскольниковъ отличаются не только невѣжествомъ, но и полною бездарностью. Такое заключеніе было ошибочнымъ. Въ предводителяхъ раскола и даже въ массѣ ихъ послѣдователей исторія выводитъ предъ нами людей даровитыхъ, начитанныхъ, ловко и съ тактомъ ведущихъ свои дѣла, часто тонкихъ дипломатовъ. Это ли невѣжественная среда? Это ли сборище людей, не могущихъ понять, что не все хорошо, что старо и что ошибки должны быть исправляемы ¹⁾).

„Всѣ они были лучшими выразителями своей эпохи, имѣли одну цѣль; очистить и возвысить обрядовой культъ, затертый индифферентистами XVII столѣтія, распространить христіанскія идеи какъ можно шире въ массахъ, стряхивающихъ съ себя мало по малу языческую оболочку и начинавшихъ прислушиваться къ голосу проповѣдниковъ, говорившихъ о Богѣ мира, любви, долготерпѣнія, о единомъ Богѣ, вѣчномъ, всемогущемъ. Жилось такъ тяжело, земное устроенье двигалось быстрѣе назадъ, чѣмъ впередъ; моры и голодовки и страшныя знаменія разстраивали нервную систему, создавали въ дѣтски-сильномъ воображеніи людей XVII в. пугающіе образы грядущаго и страшнаго горя злосчастья. А въ это время — глухого

1) В. Андреевъ „Историческія судьбы раскола“. „Всем. Трудъ“ 1870.

молчанія представителей официальной церкви являлись Аввакумы, Нероновы, и, презирая страданія и побои, добродушно смѣясь надъ злобными всыншками толпы, у которой эти люди разрушали всѣ ея привычки, говорили о раѣ и адѣ, о необъяснимомъ блаженствѣ въ какомъ-то будущемъ, далекомъ мірѣ, — блаженствѣ, которое обѣщалось всѣмъ огорченнымъ, страдающимъ, задавленнымъ... Толпа ихъ слушала, возмущалась, если эти пылкіе проповѣдники новыхъ истинъ уже слишкомъ рѣзко и грубо посягали на обычный складъ ихъ жизни и нравовъ, била ихъ перѣдко „смертнымъ боемъ“. Но въ нихъ была сила вѣры, ихъ рѣчь была такъ жива, такъ понятна и сулила такъ много нравственнаго успокоенія, что за ними снова шли, ихъ слушали снова, и побои только увеличивали ихъ нравственный авторитетъ ¹⁾. „Перечтите біографіи Неронова и Аввакума и вы сразу уловите тамъ особая нотки, по которымъ при извѣстной вдумчивости можно ясно представить себѣ общую грустную гамму душевнаго настроенія, сквозь которую нѣтъ нѣтъ да и прольется чисто гражданскій мотивъ. Вспомнимъ, что эпоха зарожденія раскола совпадаетъ съ уничтоженіемъ земскихъ народныхъ правъ. Утвержденіе московскаго единодержавія естественно подводило бытовья условія народа подъ одинаковыя формы. Что прежде было особенностью, то теперь становилось отступленіемъ отъ нормы, выдѣленіемъ изъ общаго правила. Мѣстное отличіе теперь мало по малу начало превращаться въ расколъ. Разнодержавіе допускало разномысліе по церковнымъ и гражданскимъ вопросамъ; единодержавіе вводило единеніе и однообразіе, такъ что мѣстная особенность если она не уступала выработаннымъ въ нравственномъ центрѣ формуламъ, дѣлалась уклоненіемъ отъ нихъ, расколомъ.

„Окончательное объединеніе Россіи въ гражданскомъ и церковно-административномъ отношеніи, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ земщины, завершившаяся полнымъ закрѣпощеніемъ крестьянства—вотъ гдѣ надобно видѣть источникъ раскола. Второстепенныя причины его истекали изъ главныхъ. Онѣ были: устраненіе прихода отъ выбора священника, назначав-

¹⁾ П. Харламовъ. „Церковные идеалы и религіозныя идеи раскола“ „Страна“ 1880, № 57.

шагося съ этого времени правительствомъ и ставшаго изъ выборнаго челоуѣка административнымъ лицомъ; устраненіе крѣпостнаго сословія отъ священства, давшее возможность даровитымъ людямъ изъ крѣпостныхъ становиться во главѣ раскола; вмѣшательство гражданской и церковной власти въ частныя, семейныя дѣла, рѣзко противорѣчившее прежнимъ правамъ земской общины, и т. п.

Все это чувствовалось тѣмъ живѣе, что религіозные вольнодумцы XIV в. занесли изъ Новгорода въ Москву великій, прогрессивный принципъ совѣсти и мысли. Они первые попытались сдѣлать массу участницей религіозныхъ вопросовъ и не безслѣдно. Религія сдѣлалась народнымъ дѣломъ, изъ храма вышла на площадь, подверглась обсужденію и изслѣдованію,—другой вопросъ,—какова была качественная цѣнность подобнаго изслѣдованія. И если поборникъ ортодоксіи Іосифъ Волоколамскій обнаруживалъ своего рода грусть по поводу того, что „на улицахъ вси сумнятся, вси о вѣрѣ питають“, то Аввакумъ, наоборотъ, радовался развитію критическаго, т. е. проникновеннаго отношенія къ вѣрѣ. „Не дивися ты тому, что нѣтъ согласія между вѣрными—писалъ онъ одному изъ своихъ учениковъ. А что противятся другъ другу,—пускай такъ. Тамо истина и правда больше сыскиваются. Пускай грызутся о Христѣ, яко долбли псы и яко вранове о трупѣ“.

Первымъ и самымъ важнымъ своимъ требованіемъ расколъ поставилъ глубоко демократическій принципъ общенароднаго участія въ дѣлахъ церкви, независимость областныхъ епископовъ отъ центральнаго владыки, и равенство всѣхъ служителей церкви въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ. Это уже не обрядъ, не слѣпая погоня за буквою, а нѣчто изъ явленій высшаго порядка, непосредственно связанныхъ съ духомъ истаго, внутренняго гуманизма, подсказывавшаго Аввакуму и Неронову необходимость громкаго протеста противъ насильственнаго хозяйничанья въ чужой душѣ, противъ поддержанія нравственнаго авторитета примѣненіемъ силы и власти. „Явившись сначала, какъ порывъ душевнаго движенія, съ массой второстепенныхъ, невыработанныхъ и отрывочныхъ идей и положеній, расколъ—какъ проявленіе религіозно-нравственной народной массы,

свою творческую, реформаціонную силу, обратилъ,—къ скорбію—не на выясненіе путей и средствъ, которыми можно было бы добиться удовлетворенія своихъ желаній, а на анализированіе деталей своихъ доктринъ. Въ этомъ слабость раскола, не позволившая развернуться ему тѣмъ размахомъ, на который онъ безспорно способенъ. Мятущаяся душа русскаго челоувѣка въ своей скорби не смогла точно и опредѣленно формулировать своихъ стремленій, ибо ее раздирали требованія земли и неба. Израсходовавъ запасъ активности на противодѣйствіе соединенному нападенію бюрократіи свѣтской и духовной, расколъ остановился на пассивномъ сопротивленіи вновь появившимся вѣяніямъ, и запутался въ мистическомъ ученіи объ антихристѣ, которое—по мнѣнію—С. М. Соловьева—является при сильныхъ общественныхъ движеніяхъ, при важныхъ общественныхъ перемѣнахъ и борьбахъ, когда челоувѣку—христіанину такъ естественно обращаться къ апокалипсическимъ представленіямъ и спрашивать себя: не сбывается ли? не предъ глазами ли нашими знаменіе второго пришествія и кончины вѣка? Не нужно распространяться про то, какую силу имѣютъ апокалипсическія представленія надъ людьми, которые имѣютъ религіозную начитанность, и у которыхъ наука не умѣряетъ еще излишней живости воображенія“.

Сильный и мощный толчокъ раскольничьему движенію дало возмущеніе братіи высокочтимаго Соловецкаго монастыря, сообщавшее ему немалый авторитетъ „Возмущеніе соловецкихъ монаховъ во второй половинѣ XVII вѣка имѣетъ весьма важное историческое значеніе. Это, съ одной стороны явленіе небывалое ни въ Соловецкомъ монастырѣ, ни въ русскомъ монашествѣ, ни даже въ русской церкви... До этого случая въ продолженіе многихъ столѣтій русская церковь и русское гражданское правительство всегда находили и привыкли видѣть въ монашествующихъ лучшихъ себѣ помощниковъ... Но вотъ въ то самое время, когда они можетъ быть болѣе всего нуждались въ помощи иночествующихъ, соловецкіе монахи не только не изъявляютъ готовности помогать имъ, но являются непокорными ихъ распоряженіямъ, противодѣйствуютъ, вступаютъ въ кровопролитную съ ними борьбу. Съ другой сто

роны, соловецкое возмущеніе своею необычайностью и своими основными мотивами произвело въ русскомъ народѣ такое впечатлѣніе, которое не можетъ забыться и до сихъ поръ.“ Дѣло въ томъ, что оно случилось какъ разъ въ то самое время, когда лишь только зарождался нашъ расколъ, т. е. когда большая часть русскаго народа, сосредоточивъ все свое вниманіе на церковной реформѣ, начатой Никономъ, колебалась въ выборѣ путей спасенія, предлагаемыхъ съ одной стороны Никонамъ, съ другой—Аввакумомъ съ товарищами. Соловецкіе монахи, для которыхъ, по народнымъ представленіямъ, чистота вѣры и спасеніе души цѣль жизни и дороже всего на свѣтѣ, стали на сторону Аввакума. Выборъ ихъ сразу разрѣшилъ сомнѣнія многихъ изъ благочестивыхъ людей, до сихъ поръ еще колебавшихся и они послѣдовали примѣру соловецкой братіи“.

Казненные въ 1676 г. нѣкоторые монахи были причислены старобрядцами къ лику святыхъ, а ихъ извѣстная челобитная, поданная въ 1667 г. царю Алексѣю Михайловичу, приобрѣла значеніе чуть ли не катихизиса старообрядчества, почитаемаго еще и нынѣ. Слѣдуетъ помнить, что благодаря пропагандѣ соловчанъ старообрядчество завоевало себѣ наше сѣверное поморье, плотно осѣвъ въ знаменитой Выговской пустыни.

Въ возмущеніи мирныхъ иноковъ, взявшихся, однако, за оружіе, слились два элемента—религіозный и политическій, при чемъ второй проявился лишь тогда, когда за приведеніе монаховъ въ лоно церковное, прибѣгли къ мѣрамъ гражданской власти.

Рѣшительное отвращеніе монаховъ къ „никоновщинѣ“ во многомъ основано на личной неприязни между патріархомъ и иноками, имѣвшими много поводовъ быть недовольными Никономъ, еще въ бытность того митрополитомъ Новгородскимъ, т. е. непосредственнымъ наблюдателемъ за Соловецкою обителью, находившейся въ подсудности отъ строгаго Никона. Въ Соловки давно уже ссылали весь безпокойный элементъ, почему либо мозолившій глаза Москвѣ, но считавшійся неудобнымъ для простой тюрьмы. Такіе подневольные монахи постепенно сживались съ обителью, на ихъ жизнь добродушные

иноки смотрѣли сквозь пальцы, понимая ихъ тяжелое положеніе и, можетъ быть, даже иной разъ сочувствуя имъ. Никонъ же ревниво относился къ своей обязанности „царева ока“ и строго слѣдилъ за недопущеніемъ ссыльнымъ какихъ-либо послабленій. Естественно, что постоянные разносы Никона не могли расположить къ нему лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ отъ него, и потому, старательно агитировавшихъ противъ зоркаго и несговорчиваго митрополита. Горько обидѣлъ монастырь Никонъ и тѣмъ, что пріѣхавъ въ монастырь, якобы погостить, онъ увезъ оттуда въ Москву мощи извѣстнаго митрополита Филарета, нѣкогда много потрудившагося для Соловокъ. Отошли отъ монастыря нѣкоторыя его доходныя статьи—опять оказался замѣшаннымъ Никонъ. Ясно послѣ этого, что Никонъ стоялъ бѣльмомъ въ глазахъ у братіи, всю свою враждебность къ его личности перенесшей и на его начинанія.

Черезъ своихъ людей на Москвѣ соловецкіе монахи знали о всѣхъ тонкостяхъ нововведеній Никона; извѣстно имъ было и несочувствіе многихъ къ „грековщинѣ, и потому, еще въ 1658 году обитель, по внушенію игумена архимандрита Ильи, особымъ приговоромъ рискнула отказаться отъ вновь исправленнаго и доставленнаго служебника, мотивируя свою уклончивость рѣшимостью умереть въ православной вѣрѣ и „латинской службы не принимать“. Но Никона уже не было на патриаршемъ престолѣ, въ правительственныхъ сферахъ наблюдалось нѣкоторое колебаніе относительно дальнѣйшаго веденія церковныхъ реформъ, и суемудріе монаховъ прошло незамѣченнымъ. Умеръ вскорѣ Илья и его мѣсто, по выбору монастыря, занялъ іеромонахъ Варфоломей, человекъ въ обители извѣстный и тѣмъ между прочимъ, что „жилъ незазорно и пьянаго питья не пилъ“. Долгое время Варфоломей пытался лавировать между опасеніемъ прослыть ослушникомъ царской воли, склонявшейся на сторону нововведеній Никона, и давленіемъ братіи, упрямо „загорившей“ всякія новшества. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, монахи раздѣлились на два лагеря: меньшій, умѣренный, и значительно большій — чисто-старообрядческій, строгій до фанатизма въ соблюденіи всѣхъ существовавшихъ до Никона подробностей церковнаго ритуала.

Въ 1666 году Варфоломея вызвали въ Москву для присутствованія на соборѣ, созванномъ въ дѣляхъ разсмотрѣнія дѣла Никона. Въ отсутствіе настоятеля положеніе Соловецкаго монастыря обострилось до крайности, въ силу полного разногласія между братією, такъ что келарь вынужденъ былъ, наконецъ, обратиться за помощью къ самому царю. „Помилуй насъ, нищихъ твоихъ государевыхъ богомольцевъ — писалъ онъ въ своей челобитной, — освободи свое государево богомолье отъ мятежниковъ, и вели намъ дать свою, великаго государя, грамоту, чтобъ намъ опальныхъ людей и своихъ старцовъ, которые мятежь чинятъ и безчинно живутъ, смирать, чтобы въ твоёмъ государевомъ богомольѣ безмятежно было, а намъ бы, твоимъ государевымъ нищимъ богомольцамъ, отъ мятежниковъ и опальныхъ людей, отъ ихъ крамолъ и набѣговъ, отъ тебя, великаго государя, въ обидѣ не быть“.

Московскія власти къ этому времени начинали уже со вниманіемъ относиться къ рѣзко-оппозиціонному настроенію соловецкой братіи. Въ монастырь наряженъ былъ архимандритъ Сергій „ради неповинующихся нынѣшнему святыхъ книгъ отъ греческаго исправленію, послышиму въ насъ, и непріемлющихъ елико въ словесѣхъ и чинѣхъ“. Миссіи приданъ былъ внушительный характеръ, архимандрита сопровождалъ даже отрядъ вооруженной охраны. Отношеніе разворчавшихся монаховъ къ визиту неожиданно наѣхавшаго ревизора выясняется изъ донесенія Сергія въ Москву: „а какъ пріѣхали мы въ Соловецкій монастырь и они (монахи) отвели намъ только двѣ кельи, гдѣ стоятъ, и тѣ кельи малы; а гдѣ церковное и великаго государя сыскныя дѣла дѣлать, и они никакія кельи на то дѣло не дали и приставили ко всѣмъ намъ свои караулы, съ бердышами и палками“. Гости слышали и такія непривѣтливыя рѣчи, „что годитца-де ихъ побить каменьемъ, посланы они-де отъ антихриста прелщати насъ“. И это все — несмотря на заблаговременно доставленный въ Соловки царскій указъ, которымъ повелѣвалось подъ опасеніемъ „быть въ жестокомъ наказанѣ и въ дальнихъ ссылкахъ“, повиноваться архимандриту Сергію „во всемъ безъ всякаго прекословія“. Миссія Сергія осталась безрезультатною: „сыскать все въ правду“ ему не удалось, ибо монахи вели себя уклончиво и прямо-таки,

временами, лживо. Но едва только Сергій выбрался изъ монастыря, какъ отцы вновь совершили произволь, самовольно, безъ санкціи государя, назначивъ на должности келаря и казначея двухъ рядовыхъ монаховъ, въ сущности совершенно этого не заслуживавшихъ, но выдвинутыхъ крайнею „революціонною“ партією, захватившею теперь въ свои руки всю власть надъ монастыремъ.

Варфоломей, сидѣвшій все еще въ Москвѣ, окончательно сталъ ненавистенъ соловчанамъ своею видимою уступчивостью московскимъ вѣяніямъ, и они рѣшились, наконецъ, на совершенно отчаянный шагъ, отправивъ приказы по всѣмъ монастырскимъ владѣніямъ, что Варфоломей уже не считается болѣе главою обители, а потому всякія дальнѣйшія обязательства по отношенію къ нему теряютъ свою силу. Московское правительство, не видя конца ссорѣ соловецкаго настоятеля съ братіей и ничего въ ней не понимая, вняло, наконецъ, многочисленнымъ ходатайствамъ монаховъ и удалило Варфоломея отъ его поста, выбранъ на который онъ былъ его теперешними врагами, извѣрившимися въ его правотѣ. Уступая настойчивости братіи, Москва предполагала чрезъ это успокоить монастырь, безъ чего нельзя было и думать о водвореніи тамъ новыхъ церковныхъ порядковъ. Ошиблись и тѣ, и другіе. Монахи разсчитывали видѣть у себя настоятелемъ ихъ же архимандрита Никанора, любезнаго имъ и проживавшаго въ Москвѣ, человѣка большого ума и рѣшительнаго характера, имѣвшаго много связей съ Соловецкимъ монастыремъ и извѣстнаго своею ревностью къ старинѣ. Никаноръ послѣ визита Сергія въ Соловки былъ вызванъ въ Москву, смирился тамъ и отказался отъ старообрядчества, сохранивъ, однако, въ душѣ непоколебимую вѣрность завѣтамъ братіи Соловецкаго монастыря. Мечты его о настоятельствѣ не сбылись, и на мѣсто Варфоломея попалъ бывший строитель московскаго подворья, старецъ Іосифъ. Хотя Никаноръ и Іосифъ, оба подъ давленіемъ Москвы, примирились съ никоновскимъ православіемъ, но въ истинныхъ чувствахъ перваго соловчане были увѣрены, тогда какъ второй не внушалъ имъ довѣрія. Явился новый игумень. Далеко на встрѣчу ему вышла монастырская депутація и сразу же задала прибывшему вопросъ: съ чѣмъ вы пріѣхали, и какъ у насъ

служить будете: по старому или по новому. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ принять съ честью, братія рада будетъ ему, какъ Богу, а если онъ приверженецъ новизны, то онъ въ монастырѣ не нуженъ, „сиди въ кельѣ, какую дадутъ, и ничего не вѣдай, до указа великаго государя.“ Оказалось, что Іосифъ имѣетъ съ собою требуемый братією документъ, предписывающій ему служить по новоисправленнымъ книгамъ. Чтеніе грамотъ отложили до монастыря. Во время заутрени, когда Іосифъ сталъ читать свои вѣрительныя грамоты, написанныя въ неудобномъ для монаховъ духѣ, разыгралась шумная и непристойная сцена. Монахи засадили Іосифа и его спутника по кельямъ подъ строгимъ карауломъ. А тутъ подоспѣлъ и Никаноръ, котораго Москва имѣла неосторожность отпустить въ Соловки на покой, и послѣ выраженного имъ братіи раскаянія въ вынужденномъ у него въ Москвѣ отступничествѣ, фактически очутился во главѣ управленія монастыремъ, отправившемъ царю пространную челобитную, написанную съ кажущеюся рѣшительностью: „аще ли ты, великій государь, помазанникъ Божій, намъ въ прежней, святыми отцы преданной, въ старой вѣрѣ быть не благоволишь и книги перемѣнить извѣлишь, милости у тебя, у государя, просимъ: помилуй насъ, не вели больше того къ намъ учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будемъ прежней своей православной вѣры перемѣнять, и вели, государь, на насъ свой мечъ прислать царской и отъ сего мятежнаго житія переселить насъ на оное, безмятежное, и вѣчное житье, а мы тебѣ, великому государю, не противны“... Такимъ смиреніемъ и героическою готовностью пострадать за „правую вѣру“ дипломаты въ рясахъ думали смягчить сердце „тишайшаго“ царя.

Восемь челобитныхъ, одну за другою, отправилъ монастырь на имя царя, съ особенною яркостью выставивъ въ послѣдней всѣ свои обвиненія противъ никоніанства и весь арсеналъ своихъ доводовъ за святую необходимость блюсти вѣру отцовъ. Въ смыслѣ аргументаціи монахи ровно ничего новаго не дали, лишь перефразировавъ и дополнивъ писанія Аввакума, Неронова и другихъ расколоучителей. Пробовали сперва образумить протестантовъ, ударивъ ихъ по карману. „За противность — гласилъ царскій указъ отъ 27 декабря 1667 года—

ко святой, соборной и апостольской церкви, и за непослушание къ намъ, великому государю, того Соловецкаго монастыря вотчинныя села и деревни, и соляные и всякіе промыслы, и на Москвѣ и на городѣхъ со всякими заводы и съ запасы, указали отписать на насъ, великаго государя, и изъ тѣхъ сель и деревень и отъ всякихъ промысловъ денегъ и хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ и всякихъ покупокъ съ Москвы и изъ городовъ въ тотъ монастырь пропускать не велѣли "... А московскій духовный соборъ, въ полномъ своемъ составѣ, всѣхъ „непокорниковъ“ предалъ анаемѣ.

Стрѣлецкій сотникъ Чадуевъ, доставившій въ монастырь царскій указъ, получилъ въ свою очередь „отписку“ къ царю, съ оправданіемъ высылки монахами назначеннаго царскимъ изволеніемъ игумена Юсіфа въ „сказку“, съ прежними изъясненіями взглядовъ братіи на истинное православіе.

Дипломатія оказалась безсильной и рѣшено было принять противъ автономной обители карательныя мѣры. Въ 1668 г. началась семилѣтняя осада Соловецкаго монастыря. Теперь борьба приняла характеръ явно политическій. Монахи въ глазахъ правительства сдѣлались несомнѣнными государственными преступниками, презирающими царскую власть. Съ своей стороны солдовчане свою прежнюю враждебность къ церковной іерархіи перенесли на личность царя Алексѣя Михайловича отступившаго отъ отеческихъ преданій. „Съ нимъ — думали монахи — вступить въ борьбу за вѣру не только не будетъ особеннаго грѣха, напротивъ, можетъ вмѣниться отъ Бога въ особую добродѣтель“.

Оружія монахамъ нечего было занимать: на стѣнахъ обители и по башнямъ стояло девяносто пушекъ, въ оружейной палатѣ хранилось большое количество холоднаго оружія, въ пороховомъ погребѣ были припасены бочки съ порохомъ, при всемъ этомъ монахи достаточно умѣли постоять въ ратномъ дѣлѣ, вдоволь напрактиковавшись въ ожиданіи предполагавшагося нападенія шведовъ, да и въ числѣ монаховъ можно было считать не мало отставныхъ воякъ. Первый періодъ осады монастыря, ведшійся подъ руководствомъ Игнатія Волохова, ни сколько не подвинулъ дѣло впередъ въ виду преподанныхъ тому изъ Москвы инструкцій только „всемѣрно тѣснить“ мона-

ховъ. Вдобавокъ Волоховъ перессорился съ безмѣстнымъ настоятелемъ Іосифомъ, номинальнымъ игуменомъ осаждаемаго монастыря, и оба они порядкомъ надоѣли Москвѣ своими кляузами другъ на друга. Въ 1672 г. Волоховъ былъ отозванъ, и замѣненъ стрѣлецкимъ головою Іевлевымъ. Между тѣмъ, даже и слабая осада монастыря была большимъ соблазномъ для русскаго народа, и особенно поморья, гдѣ всюду бродили соловецкіе выходцы и распространяли слухи о царѣ - гонителѣ, о духовныхъ и гражданскихъ властяхъ — слугахъ антихристовыхъ и объ истинныхъ мученикахъ-герояхъ—осажденныхъ монахахъ. Голодные и забытые московскими воеводами поморы жадно вслушивались въ подстрекательныя рѣчи и готовы были къ возстанію противъ правительства. „На черномъ соборѣ“ отъ 28 декабря 1673 г. было постановлено „за великаго государя богомолье отставить“. Этимъ монахи желали, конечно, выразить свое мщеніе царю, и начали про него „говорить такія неистовыя слова, которыхъ не только написать, но и слышать страшно“. Въ средѣ возставшихъ опять произошелъ расколъ. Нашлось не мало робкихъ, испугавшихся послѣдней мѣры. Пошли распри между „молящимися“ и „немолящимися“, но численный перевѣсъ все же былъ на сторонѣ послѣднихъ. Наконецъ, терпѣніе царя истощилось, и онъ рѣшилъ принять самыя рѣшительныя мѣры, передавъ осадное дѣло стольнику Ивану Мещеринову, которому теперь было наказано, чтобы онъ „надъ соловецкими ворами чинилъ всякій воипскій промыселъ со всякимъ радѣніемъ неотложно, чтобы ихъ воровство и мятежъ искоренить вскорѣ“.

Пошла отчаянная пушечная пальба. Толстыя стѣны монастыря, не развалившіяся почти два вѣка спустя отъ ядеръ англійской эскадры, бомбардировавшей обитель въ 1854., съ успѣхомъ держались подъ огнемъ старинной московской артиллеріи. Монахи бились отчаянно. Архимандритъ Никаноръ безпрестанно ходилъ по башнямъ, кропилъ освященною водою пушки, подбадривая монаховъ стоять до конца.

Нѣсколько разъ Мещериновъ вынужденъ былъ снимать осаду монастыря по недостатку боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ. Въ 1674 году, снабженный всѣмъ необходимымъ, имѣя подъ своимъ началомъ до тысячи стрѣльцовъ, Мещериновъ вплотную окружилъ монастырь.

Нашелся среди монаховъ и предатель, быстро облегчившій москвичамъ ихъ задачу. Въ ночь на 9 ноября къ Мещеринову явился чернецъ Теокистъ и повѣдалъ, „что-де можно надъ соловецкими ворами промыслъ учинить отъ Ануфріевскія церкви и ратныхъ людей ввести въ Соловецкій городъ окномъ, которое подъ сушиломъ у Бѣлой башни, за часъ до свѣту или въ отдачу ночныхъ часовъ, потому что-де воры въ то время съ караула и съ башенъ и со стѣнъ сходятъ въ кельи, а остается-де на башняхъ и по стѣнамъ только по одному человѣку“.

По разработанному плану стрѣльцы ворвались въ монастырь и овладѣли имъ послѣ короткѣй, но горячей схватки. Отпраздновавъ побѣду торжественнымъ молебномъ въ Преображенскомъ соборѣ, стольникъ принялся чинить судъ и расправу. По словамъ того же Теокиста, Мещериновъ „иныхъ воровъ перевѣшалъ, а многихъ чернецовъ, выволоча за монастырь на морскую губу, живыхъ заморозилъ“. Вообще, когда въ началѣ 1676 года въ монастырь прибылъ новый настоятель архимандритъ Макарій, Мещериновъ выдалъ ему „роспись за своею рукою“ только о 14 уцѣлѣвшихъ чернецахъ „сидѣльцахъ“. Въмѣсто казненной, убитой и разсаженной по тюрьмамъ братіи, монастырь былъ населенъ новымъ составомъ, набраннымъ изъ другихъ обителѣй.

Для старообрядчества соловецкій бунтъ не прошелъ безслѣдно. Практика монастырскаго сидѣнья выработала рядъ доктринъ, обусловливавшихъ, какъ увидимъ потомъ, существованіе такъ называемаго безпоповства и положившихъ начало такому тяжелому явленію въ исторіи раскола, какъ самосожиганіе.

За монахами сдѣлали попытку (1682) возстать за „поправное православіе“, московскіе стрѣльцы, составлявшіе въ то время нѣчто въ родѣ гвардіи московскихъ царей.

На престолѣ сидѣлъ слабый духомъ и тѣломъ сынъ „тишайшаго“ Феодоръ Алексѣевичъ, во многомъ схожій на Феодора Іоанновича, унаслѣдовавшаго Іоанну Грозному.

Пользуясь слабостью центральной власти и раздорами въ царскомъ семействѣ, раскольники умѣло начали снова возбуждать въ народѣ участіе къ временно затихшимъ толкамъ о вѣрѣ; а тутъ

еще какъ разъ скончался царь, фактическая власть въ государствѣ перешла въ руки сестры покойнаго царя умной и энергичной царевны Софіи Алексѣевны, сумѣвшей съ помощью закупленныхъ стрѣльцовъ, добиться регенства надъ подраставшими братьями—царями Иоанпомъ и Петромъ Алексѣевичами. Московскимъ преторіанцамъ благодарная Софья воздвигла даже памятникъ съ лестной для нихъ надписью, что они „сражались за домъ Пресвятой Богородицы“.

Ихъ то и привлечь на свою сторону стало первою задачею раскольниковъ, расчитывавшихъ „въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновить, въ ней же російскіе чудотворцы Богу угодные и прежніе великіе князи, благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настанія Никонова патріаршества пребывали“. Между стрѣльцами были такъ же, какъ и въ прочихъ сословіяхъ, ревнители „старого благочестія“, а главное, самъ начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій былъ тайнѣ жаркимъ послѣдователемъ протопопа Аввакума, нерѣдко даже находившаго въ его домѣ убѣжище въ годину бѣдствій. На третій день послѣ Кремлевскаго погрома, когда еще дымилась кровь, пролитая на Красной площади, на совѣтѣ стрѣльцовъ было положено написать челобитную отъ лица всѣхъ полковъ съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта отъ властей, „за что они возненавидѣли старыя книги, и возлюбили новую латиноримскую вѣру, по своей волѣ, а не по Божьей сотворенную“. Челобитную составилъ уважаемый раскольниками инокъ, Сергій „твердый адамантъ, искусный въ ученіи“. Всѣ обѣщались единогласно постоять за православную вѣру; „за тлѣнное было головы свои положили, а за Христа-свѣта, чего не умереть“. Въ челобитной была выражена и просьба къ царямъ и патріарху, чтобъ было разрѣшено общенародное преніе о спорныхъ вопросахъ. Среди общаго толка, кого избрать представителемъ интересовъ старой вѣры, произнесено было имя суздальскаго попа Никиты, извѣстнаго у противной стороны подъ прозваніемъ Пустосвята.

Надѣясь на покровительство стрѣльцовъ, старообрядческіе агитаторы заклинали народъ всячески уклоняться отъ никоніанскихъ священниковъ, грозя загробнымъ проклятіемъ. И „на-

родъ внималъ проповѣдникамъ со страхомъ и трепетомъ и страшился дѣйствительно погубить душу“.

5 іюля Никита Пустосвятъ, отслуживъ молебенъ, двинулся съ своими на торжественный диспутъ, сопровождаемый стрѣльцкими выборными и громадной толпою народа. Раскольники расположились за Архангельскимъ соборомъ, устали налои, разложили на нихъ старыя книги и иконы, зажгли свѣчи. Никита поднялся на подмости и принялся поучать народъ. Патріархъ, увѣдомленный о волненіи, поднятомъ старообрядцами, въ цѣляхъ успокоенія велѣлъ раздать напечатанную повинную Никиты, въ которой тотъ, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, отрекался отъ своихъ мнѣній, но охотниковъ читать ее нашлось очень, очень немного. Тогда правительница Софья, рѣшившаяся выставить себя сторонницею новыхъ обрядовъ и, надѣясь, что привязанность къ ней стрѣльцовъ возьметъ верхъ надъ ихъ склонностью защищать Пустосвята, приказала открыть пренія въ Грановитой Палатѣ, въ своемъ присутствіи. Туда и отправились выборные. Софья встрѣтила „совопросниковъ“ очень немилостиво. Никита повѣдалъ, что цѣлью ихъ посѣщенія является ходатайство о возвращеніи къ упраздненнымъ церковнымъ обычаямъ, а на замѣчаніе патріарха, что вовсе не дѣло „простолюдинамъ“ вмѣшиваться въ религіозныя дѣла, отвѣчалъ дерзостью. Въ челобитной, поданной и прочтенной Никитою попалось нѣсколько неосторожныхъ выраженій относительно сомнительности православія царей Алексѣя Михайловича и Θεодора Алексѣевича, сильно оскорбившихъ Софью, что та и не замедлила высказать. Диспутъ принялъ совершенно безпорядочный характеръ, всѣ кричали разомъ, другъ друга не слушая. Софья распустила собраніе. Раскольники толпою сбѣжали внизъ по Красному Крыльцу и, поднявъ руки съ двуперстнымъ знаменіемъ, кричали: „вотъ такъ, вотъ такъ!“. На посыпавшіеся вопросы о результатахъ споровъ, расколоучители только твердили одно: „побѣдохомъ, перепрехомъ“.

Между тѣмъ Софья приняла всяческія мѣры воздѣйствія на стрѣльцовъ, отъ которыхъ зависѣлъ въ данный моментъ весь церковный вопросъ. Она плакала, просила, увѣщевала, пустила въ ходъ лестъ и, наконецъ, очаровала стрѣльцовъ, приказавъ вы-

катить изъ дворцовыхъ погребовъ стоявшія тамъ бочки съ медомъ. Православное воинство не устояло противъ послѣдняго соблазна, и, махнувъ рукою на скучную догматику, въ предвкушеніи угощенія, изъявило полную готовность поддержать радушную царевну. Пошелъ отчаянный кутежь, и, подъ трескъ выламываемыхъ бочекъ, состоялся скорый и грозный судъ падъ коноводами раскольничьихъ беспорядковъ. Никита Пустосвять поплатился головою, его ближайшіе едипомысленники были разосланы по монастырямъ, и активное выступленіе расколотыхъ учителей окончилось для нихъ полнѣйшею неудачею.

Въ 1685 г. былъ обнародованъ правительственный указъ „о наказаніи разсѣвающихъ и принимающихъ ереси и расколы, любопытный, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ, въ сущности говоря, вплоть до самаго недавняго времени, за извѣстными послабленіями, вызванными условіями времени, служилъ отраженіемъ и мѣриломъ оффиціальныхъ воззрѣній на расколъ, давая цѣлую программу прямыхъ и косвенныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію старообрядчества и, вообще, взглядовъ, несогласныхъ съ указаніями господствующей церкви. „Буде—гласилъ указъ,—кто явится еретикъ и раскольникъ, въ какомъ развратномъ ученіи и въ противности и въ раскольствѣ и во всякомъ плевосѣянніи на святую церковь, а въ церковь Божию не приходятъ, и въ дома свои ни съ какою потребою священниковъ не пускаютъ, и на исповѣдь къ священникамъ не приходятъ, и Святыхъ Таинъ не причащаются, и межъ христіанъ чинятъ соблазнъ и мятежь: и такихъ людей на Москвѣ и въ городахъ спрашивать, и пытать накрѣпко, у кого они учились и кто съ ними единомышленники и товарищи; и на кого станутъ говорить и тѣхъ оговорныхъ людей имать и спрашивать и давать имъ межъ себя очныя ставки; а съ очныхъ ставокъ тѣхъ оговорныхъ людей потому жъ съ языка пытать и розыскивать накрѣпко и которые съ пытокъ учнутъ въ томъ стоять упорно жъ, а покоренія святой церкви не принесутъ, и такихъ за такія вины, по трикратному у казны вопросу, будетъ не покорится, сжечь; а будетъ у смертной казни придетъ во обращеніе и вины всѣ свои принесутъ съ правами и нелестнымъ показаніемъ и обѣщаніемъ отъ тѣхъ своихъ злодѣйствъ престати и вѣрить по преданію святыя церкви: и.

такихъ отсылать для исправленія истиннаго покаянія, на Москвѣ къ святѣйшему Патріарху, а въ городни ко архіереямъ; и буде по свидѣтельству такіе противники пришли въ истинное покаяніе, и по исповѣди сподобилися пріятія Святыхъ Тайнъ, и такихъ освобождать съ поручными записми. А буде такіе люди, хотя избыть смерти, обратятся лестно, а послѣ явятся въ прежнихъ своихъ злобахъ и по правому свидѣтельству будутъ уличены: и такихъ казнить смертью безъ испытанія. А будетъ тѣ люди учнутъ говорить въ томъ своемъ воровствѣ на кого нибудь, а тѣ люди станутъ бить челомъ, что за ними никакова еретичества и раскольства и церковной противности нѣтъ, и станутъ приносить о себѣ во оправданіе какое свидѣтельство: и о тѣхъ людѣхъ сыскивать отдати ихъ духовнымъ, и приходскимъ священники и окольными людьми; а о допросѣ ихъ, духовныхъ и приходскихъ церквей священниковъ посылать памяти на Патріаршъ дворъ, а окольными людьми и иными свидѣтельства розыскивать, и указъ читать до чего доведется въ тѣхъ приказахъ, въ которые они приведены будутъ; а которые раскольники прелестію своею простолюдиновъ и ихъ женъ и дѣтей приводятъ къ тому, чтобъ они сами себя жгли, а такихъ воровъ по розыску за то ихъ воровство, что отъ ихъ прелести люди жглись, сжечь самихъ. А которые простолюдины, невѣдущи Божественнаго писанія, разговаривали о вѣрѣ и вступили не въ свои дѣла къ церковному разврату, чего на нихъ не положено, а по розыску явится и о церкви хотя что малая противность: и такимъ чинить наказаніе, смотря по винамъ, и освобождать на поруки, чтобъ имъ впредь въ такія дѣла не вступаться и быть въ послушаніе церковномъ, подѣ паствою отцовъ своихъ духовныхъ; а въ которыхъ по розыску противности не явится, и такихъ освобождать безъ поручныхъ записей.

„А которые всякихъ чиновъ люди раскольщиковъ у себя держали, творя къ нимъ милость, а сами прелестнаго ихъ ученія не держались, а вѣдая про нихъ, не извѣстили, и видя въ нихъ раскольства и церковную противность, не поймали и не привели или отъ того съ нихъ имали какія взятки, или которые люди учнутъ приходить про нихъ провѣдывать или приносить питье или яству или принесутъ отъ кого какія письма

подсылкою, а по розыску въ томъ, что они того прелестнаго ученія не держались, очистятся: и такимъ за утайку тѣхъ воровъ чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ, а иныхъ смотря по дѣлу ссылатъ; а которые что приносили съ собой съ проста и въ томъ очистятся, и тѣмъ чинить наказаніе, бить батоги; а которые раскольники отъ неразумія, или въ малыхъ лѣтахъ, стоятъ въ упрямствѣ только въ новоисправныхъ книгахъ, что будто перемѣчено или въ крестномъ знаменіи или во святой молитвѣ, и такимъ чинить наказаніе, бить кнутомъ, и давать на поруки, дворцовыхъ сельъ крестьянъ тѣхъ же сельъ прикащикамъ и крестьянамъ, а монастырскихъ въ монастыри властямъ, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, а для наученія отдать духовнымъ, и смотрѣть за ними пятидесятскимъ и десятскимъ, и сосѣдамъ, чтобъ они впредь такъ не чинили и въ церкви Божіей приходили и ученія отъ отца своего духовнаго слушали и съ раскольники не знали и въ дома свои ихъ не пускали; а буде впредь тѣ же раскольники объявятся въ такой же злобѣ, и на нихъ извѣщать, а по извѣстамъ чинить чего доведется; а которые люди, ходя по деревнямъ мужеска и женска полу, которые въ совершенныхъ лѣтѣхъ, также и дѣтей ихъ, которые въ совершенныхъ и малыхъ лѣтахъ перекрещивали прежде святое крещеніе нарицали неправымъ, а перекрещиванье вмѣняли въ истину; и такихъ воровъ, которые перекрещивали, хотя они церкви Божіей и покаяніе принесутъ и отца духовнаго принять, Святыхъ Таинъ причаститься желати будутъ истинно, и ихъ исповѣдать и причастя, казнить смертію безъ всякаго милосердія. А которые люди ходили къ раскольникамъ и сами у нихъ перекрещивались и носили дѣтей своихъ крещенныхъ, которые въ малыхъ лѣтахъ; а иныхъ и въ возрастѣ перекрещивать, а прежде святое крещеніе вмѣняли въ неправое крещеніе: и тѣмъ которые перекрещивались буде они въ томъ учнутъ виниться безъ всякія противности, чинить наказаніе, бить кнутомъ и отсылать ко архіереямъ, кто чей епархіи, а имъ о исправленіи ихъ чинить по правиламъ Святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; а которые покоренія въ томъ приносятъ не учнутъ и станутъ въ той своей прелести стоятъ упорно и вмѣнять то въ истину, а прежде святое крещеніе нарицать неправымъ, и тѣхъ казнить

смертію; а которые люди въ церковной противности учинились нежданѣ, и въ распросы учнутъ церкви Божіей приносить покореніе, что они чинили то отъ невѣденія, или отъ какого принужденія, а извѣститъ несмѣли, а иныхъ никого тому не учили, и въ томъ вины свои объявятъ совершенно и общаются съ клятвою впредь того не дѣлать, и такихъ посылать для исправленія на патріаршѣ дворѣ, а послѣ исправленія отдавать ихъ подъ паству отцамъ ихъ духовнымъ за поруками, а отцамъ ихъ духовнымъ надъ ними смотрѣть накрѣпко, чтобъ они впредь къ церкви Божіей приходили и церковнаго расколу у себя не имѣли и съ раскольщики не знали и въ домъ къ нимъ не ходили и къ себѣ ихъ не пушали, и ученія ихъ плевосѣятелей и хульниковъ на святую церковь отнюдь не слушали. Въ томъ же указѣ написано: а у которыхъ людей будутъ виняты раскольники, а жили у нихъ съ поруками, а они про расколъ ихъ не вѣдали, а тѣ записи будутъ не записаны, и на такихъ имать пени по 5 рублевъ; а у которыхъ жили безъ порукъ, и на тѣхъ имать противъ татиной и разбойной статьи по 50 руб. на человѣка, и у которыхъ жили хотя и съ порукою, а они про расколъ ихъ вѣдали, а не извѣстили, и тѣмъ чинить наказаніе, бить кнутомъ и ссылать; а поручикамъ, буде они про расколъ вѣдали жъ, чинить тожъ, а которые ругались не вѣдая, и тѣхъ свобождать и въ вину имъ не ставить; а которые люди за расколъ будутъ сосланы въ города, и въ тѣхъ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ приказывать надъ ними въ тѣхъ слободахъ, гдѣ они жить учнутъ, старостамъ, и пятидесятскимъ и десятскимъ надсматривать, чтобъ отъ нихъ церковной противности и расколу не было, а буде они объявятся или втай учнутъ держаться расколу или съ раскольники учнутъ знаться, и тѣмъ ворами чинить указъ по Уложению. А на которыхъ людей стануть говорить въ расколѣ языки, и тѣ люди въ то время отъ сыску ухоронятся, или гдѣ будутъ въ отъѣздѣ, а ворами и разбойникамъ будетъ указъ учиненъ, а тѣ люди объявятся собою, или сысканы будутъ послѣ, и въ томъ учнутъ запираяться, а очныхъ ставокъ дать будетъ не съ кѣмъ: и такихъ по раскольничьимъ рѣчамъ спрашивать и разыскивать про нихъ обыскными сосѣдями и отцами духовными; и буде по розыску очистятся, и ихъ освидѣтельствовавъ.

отцами духовными подлинно, свободжать на поруки; а буде въ чемъ будутъ обличены, и ихъ пытать и по пыточнымъ рѣчамъ указъ чинить, по вышеписаннымъ статьямъ, до чего доведется. У богохульниковъ и еретиковъ и у раскольщиковъ, у которыхъ объявятся дворы и помѣстья и вотчины и лавки и иные промыслы и заводы, также и у тѣхъ людей, у кого жили, и у поручиковъ, которые ручались вѣдая, сосланы будутъ въ ссылки, и тѣ ихъ дворы и помѣстья и вотчины и лавки и заводы отписывать на Великаго Государя, и продавать по оцѣнкѣ съ большею наддачею для того, что по такимъ сыскнымъ дѣламъ на прогоны и посыльнымъ людямъ въ жалованье Его Государскія денежныя казны исходить не малое число“.

Указъ однимъ почеркомъ пера поставилъ раскольниковъ совершенно впѣ закона, лишивъ ихъ возможности гласно исповѣдывать свои убѣжденія и загнавъ въ подполье.

Событіе чисто церковное мало по малу стало пріобрѣтать уже значеніе гражданское, воспринявши въ себя элементъ противогосударственный, благодаря чему за расколомъ и сохранилась репутація оппозиціонной политической организаціи, охватившей низы недовольнаго народа. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ раскола, развитіе противоправительственнаго принципа въ расколѣ протекаетъ въ двухъ періодахъ, изъ которыхъ первый фактически характеризуется мятежемъ соловецкихъ монаховъ и внушительно начавшеюся, но позорно закончившеюся, политической демонстраціею московскихъ стрѣльцовъ, а второй начинается воцареніемъ Петра. Кровавое подавленіе безпорядковъ, рядъ совершенныхъ казней, весь терроръ, пагубный правительствомъ на раскольниковъ не могъ, конечно, вызвать у нихъ особенно теплыхъ чувствъ къ суровой власти. Отраженіемъ общаго настроенія раскольниковъ того времени можетъ служить эпосъ, чаще всего проникнутый чувствомъ преклоненія предъ муками раскольниковъ и негодованія на жестокосердое начальство. Сплошь и рядомъ звучать нотки совѣмъ не вѣрноподданческаго характера. Уже одинъ изъ первыхъ расколуучителей, дьякопъ Федоръ, послѣ преклоннаго собора 1667 г. вынесъ совершенно опредѣленное заключеніе, что „во время се нѣсть ни царя, ни святителя. Единъ бысть православный царь на земли остался, да и того

невнимающаго себѣ западни еретицы, яко облацы темни угасили христіанское солнце и свели во тьму многія прелести и погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый путь правды . . . . .“ „Невидимый змій проклятый діаволь и сатана, входитъ во избрѣтвенная своя сосуды, въ двоицу окояныхъ человекъ—царя и патріарха и бываетъ нечистая троица—еже видѣ Богословъ Іоаннъ въ трехъ нечистыхъ духахъ—змія, звѣря и лживаго пророка. Исполить же святой и прочіи исповѣдницы Христовы истолкована змѣя въ діавола, звѣря въ антихриста, сирѣчь царя лукаваго, мучителя лживаго пророка, духовнаго попа и тако бываетъ тронца пребеззаконная, пречистѣй и пресвятѣй Троицѣ противница.“

Окончательную обоснованность теоріи раскольниковъ о подчиненности русской государственной власти внушенію діавола, создали реформы „перваго русскаго интеллигента“ Великаго Петра, глубоко уязвившаго самолюбіе національнаго консерватизма, утратившаго всякую вѣру въ уваженіе царя къ идеаламъ его подданныхъ. Чего еще лучше оставалось ждать? „Тишайшій“ государь Алексѣй Михайловичъ допустилъ опутать себя греко-латинскою прелестью Никона, и презрѣлъ завѣты старыхъ молитвенниковъ земли русской, а его сынъ весь отдался нѣмцамъ. Московское царство начинаетъ рушиться, преобразуется въ всероссійскую имперію. Старыя формы государственной и общественной жизни отпадаютъ одна за другою. Всѣ порядки, условія быта, выработаннаго вѣками, сломаны, чтобы дать мѣсто новымъ вѣяніямъ, порожденнымъ чужою волею, чужимъ умомъ. Политика, руководившаяся прежде инстинктомъ національной обособленности, теперь запечатлѣвается характеромъ новаторства и заимствованія. Вся сущность петровскихъ реформъ заключалась въ насильственномъ привитіи народной жизни иноземныхъ началъ. Но извѣстно, что расколъ въ области религіи отстаивалъ не что иное, какъ именно сохранность своего, чисто русскаго, прогестуя противъ иноземщины. Власть въ глазахъ народа выставила себя антинациональною, лишившись какой бы то ни было популярности. Систему Петра консервативный народъ, за исключеніемъ малой горсти, совершенно отрицалъ. Сила энергіи, ума на сторонѣ Петра, за нимъ обаяніе мощи духа, у народа—одна религія, худая ли хорошая,

все равно, но въ ней привыкъ онъ черпать всегда и бодрость и смѣлость.

Раскольники ратуютъ за родную старину—вали къ нимъ. Всѣ народныя движенія, возникавшія въ началѣ Петрова царствованія и задавленныя его умѣніемъ подчинять себѣ волю другихъ, возникали подъ знаменемъ раскола. Заговоръ стрѣльцовъ, организованный въ 1705 г., и чуть было не пошатнувшій тронъ Петра, выставилъ лозунгомъ своимъ необходимость перебить всѣхъ пѣмцевъ, добиться старой вѣры и возможности не носить заморскаго богопротивнаго платья, не брить бороды. Едва справились со стрѣлцекою бѣдою, на югѣ Россіи вспыхнулъ новый пожаръ, поднятый донскимъ атаманомъ Кондратіемъ Булавиннымъ, разославшимъ по всѣмъ казачьимъ станицамъ прокламаціи, въ которыхъ предлагалось „всѣмъ старшинамъ и казакамъ за дѣло Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру встать и умереть за одно, ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, а злые бояре и нѣмцы вводятъ въ насъ еллинскую вѣру и отъ истинной христіанской вѣры отвратили“.

Слѣдуетъ помнить, что хотя Россія никогда не знала клерикализма, за то глубоко была проникнута принципомъ теократическаго устройства государственности. Изстари государственныи интересъ сливался въ одно нераздѣльное цѣлое съ интересами церкви. Самое гражданское законодательство сложилось подъ вліяніемъ каноническихъ постановленій. Государство строилось во вкусѣ церкви и вопросы гражданскаго устройства разсматривались съ точки зрѣнія церковныхъ авторитетовъ. Въ „Соборномъ изложеніи“ 1649 года лучше всего отразился духъ старой, допетровской Россіи. Въ этомъ законодательномъ кодексѣ важнѣйшею задачею считается собрать тѣ статьи, „которыя написаны въ правилахъ святыхъ отецъ, апостолъ и пристойны къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ“. Юридическія понятія о правдѣ и преступленіи сплошь и рядомъ выяснялись мѣстами св. писанія и правилами вселенскихъ соборовъ. Самъ царь смотрѣлъ на свой санъ съ чисто религіозной стороны, представляя себя намѣстникомъ Божиимъ, охраняющимъ въ подвластномъ ему народѣ вѣру и благочестіе. Преслѣдуя одинъ и тѣ же цѣли, направляясь къ однимъ

и тѣмъ же идеаламъ, власть духовная и свѣтская постоянно шла рука объ руку, вполне искренно сочувствуя взаимнымъ начинаніямъ.

Петръ завелъ иное. Облюбованный имъ полицейско-бюрократическій режимъ омертвилъ русскую церковь вовсе, превративъ ее въ огромную канцелярію „вѣдомства православнаго исповѣданія“. Безспорный религіозный индифферентизмъ Петра безжалостно отбросилъ мистическій покровъ, распростертый до тѣхъ поръ надъ палладіумомъ власти. Наружно, онъ конечно, не порываетъ связи съ церковью, по прежнему фигурирующею во всѣхъ правительственныхъ актахъ, но изъ преданнаго сотрудника, превратившеюся въ оробѣлаго подчиненнаго. Съ Стефаномъ Яворскимъ сошли въ могилу традиціи вышшаго духовенства былыхъ временъ; мѣсто „печальниковъ“ государевыхъ заступила коллегія чиновниковъ „Духовнаго Регламента въ рясахъ, начатая жизнерадостнымъ, угодливымъ, но умнымъ Теофаномъ Прокоповичемъ, постоянно готовымъ церковнымъ авторитетомъ декорировать нововведенія своего вѣщепноснаго друга.

Странно ведетъ себя „благочестивѣйшій“ государь, очень странно. Пляшетъ въ „машкерѣ“, куритъ богопротивный табакъ съ голландскими шкиперами, самолично своею высокою персоною участвуетъ въ „мерзкихъ позорищахъ“, колющихъ глаза истаго православнаго человѣка. Почему бы это? И вотъ по необозримымъ равнинамъ государства російскаго, по городамъ и селамъ, урочищамъ и весямъ, несетя страшная, леденящая умъ и сердце православныхъ, молва, разомъ разрѣшившая всѣ сомнѣнія: на престолѣ „третьяго Рима“ въ вѣнцѣ и бармахъ Владиміра Мономаха сидитъ „антихристъ, жидовинъ изъ колѣна Данова“, вознамѣрившійся извести на землѣ благочестіе.

Ученіе о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, было общимъ отвѣтомъ старообрядческаго народа на его реформы. Это былъ выводъ русскаго ума изъ всѣхъ дѣйствій Петра. Хотя инициатива этой доктрины безспорно принадлежала расколу, потому что послѣдній уже давно проповѣдовалъ о пришествіи антихриста, но это не помѣшало легендѣ сдѣлаться популярной и въ средѣ православнаго населенія, потому что она какъ нельзя болѣе соответствовала его національнымъ предрасудкамъ. Отголоски подоб-

наго мнѣнія мы встрѣчаемъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ тогдашняго общества. Предсказанная апокалипсисомъ ола-сности и бѣдствія послѣднихъ временъ сильно дѣйствовали на воображеніе людей, жившихъ исключительно религіозными убѣжденіями и рѣшавшимися для блага и спасенія гибну-щихъ душъ проповѣдывать открыто противъ царя-антихриста.

Іюня 28 дня 1700 года въ преображенскомъ приказѣ, въ-давшемъ особо важныя уголовныя и политическія дѣла, пѣв-чій дьякъ Ѳеодоръ Коранецъ извѣтомъ показалъ: „Того де числа пришедъ къ нему въ домъ зять его Патріаршей пло-щади подъячій Аѳонасій Алексѣевъ съ женою своею Ѳеклою, и сказали: живутъ они въ Кисловкѣ у книгописца Гришки Талицкаго и слышалъ отъ него про Государя всякія непри-стойныя слова, чего и слышать невозможно; да онъ же Гришка рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ, хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ“.

„... А по статейнымъ спискамъ показано: Гришка Талиц-кой въ распросѣ и съ розысковъ внился въ томъ: составилъ онъ воровскія письма, будто настало нынѣ послѣднее время и антихристъ въ міръ пришелъ, а антихристомъ въ томъ же своемъ письмѣ, ругаясь, писалъ Великаго Государя, также и ныня многія статьи ему Государю воровствомъ писалъ и наро-дамъ отъ него отступитъ велѣлъ и слушать Его Государя и всякихъ ему податей платить не велѣлъ. Онъ же Гришка о томъ же послѣднемъ времени и о антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, а на тѣхъ же доскахъ хотѣлъ печатать листы и для возмущенія къ бунту и на Его жь Государево убійство, тѣ листы хотѣлъ отдавать въ народъ безденежно“.

Талицкій составилъ двѣ „тетради“, 1) „О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтахъ отъ созданія міра до скончанія свѣта“, 2) „Врата“, гдѣ и изложилъ сдѣланныя имъ розысканія, доказывавшія, что Петръ Первый—восьмой царь, т.-е. антихристъ. Тамбовскій епископъ Игнатій, проѣздомъ чрезъ Москву, услышалъ о Талицкомъ, пригласилъ его къ себѣ, и, слушая чтеніе его произведеній, умилялся, плакалъ, и подарилъ автору пять рублей.

Пропаганда Талицкаго шла очень успѣшно, пока онъ не нарвался на доносчика, выдаващаго его страшному оберъ-

инквизитору князю Ромодановскому. Талицкаго арестовали и стали пытать. Послѣ безконечныхъ допросовъ обвиняемый и одинъ изъ его ближайшихъ друзей былъ приговоренъ къ смертной казни *копченіемъ*. Извѣстно, что Талицкій не выдержалъ послѣднихъ мукъ и принесъ повинную, но помилованія, конечно, не получилъ. Нашлись у Талицкаго и другіе послѣдователи.

„По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, (слушавъ изъ тайной канцеляріи выписки и доношенія) приговорили: старца Варлаама, а по обнаженіи монашества Василія Савина, сына Левина, (который напередъ сего былъ капитаномъ) казнить смертью, сжечь въ Москвѣ, для того, что въ нынѣшнемъ 1722 году марта въ 19 числѣ, пришедъ онъ, Левинъ, въ городъ Пензу и кричалъ всенародно злая слова, а именно бунтовныя, касающіяся къ Превысокой персонѣ Его Императорскаго Величества и вредительныя государству, и въ тайной канцеляріи по распросамъ его Левина и по розыскамъ явилось, что не токмо на Пензѣ, но и прежде того отцамъ своимъ духовнымъ на исповѣди, и на Пензѣ въ Предтечевскомъ, да въ Симбирскомъ въ Жадовскомъ монастыряхъ игуменомъ и начальному своему отцу старцу Іонѣ и въ Сараяскомъ уѣздѣ, въ церкви всенародно, также ѣдучи изъ Санктъ-Петербурга въ Пензенскій уѣздъ дорогою тѣ же злыя слова онъ, Левинъ, разглашалъ явно; къ тому же показалъ онъ распросомъ, что и впредь де ежели ему означенную вину его отпустить и отъ смерти свободятъ то-де имѣлъ онъ намѣреніе, чтобъ во всѣхъ градѣхъ и на путѣхъ кричать и тѣ злая слова произносить, дабы народъ къ бунту возмутить и по оному всему вышеозначенное его злое намѣреніе показалось не отъ чего иного. но токмо отъ природныя его злобы къ возмущенію простого народа, чѣмъ бы ему кого въ напрасную злобу и въ горестъ привести, которое свое злое намѣреніе и въ дѣйство уже онъ произвелъ, то есть показалъ онъ въ распросѣхъ своихъ, будто тѣ злая свои слова сказывалъ... что-де вѣру православную христіанскую онъ оуждаетъ и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тѣло и кровь его не приѣмлетъ, а святыя иконы называетъ идолами, и ежели де его допустить, то онъ ихъ исколетъ, и тѣмъ онъ, Левинъ,

показалъ себя не только злымъ порицателемъ Его Императорскаго Величества Высокіе персоны и злодѣемъ къ народу, но и богохульникомъ и иконоборцемъ...

„Артикуль двадесятый: „кто противъ Его Величества особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, опытіи пмѣсть живота лишень быть и отсѣченіемъ головы казненъ, и по означенной уложенной статьѣ и по военному артикулу вышеобъявленную казнь ему, Левину, учинитъ и приговорили: а прежде той казни вырѣзать ему языкъ, попеже которымъ удомъ прежде злобу онъ проносилъ, тотъ удъ прежде и казнь воспріиметъ, а для всенароднаго вѣденія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ соженъ, выставить листъ съ надписаніемъ тѣхъ его злыхъ винъ...“

Такъ же трагически завершилась проповѣдь на ту же тему современника обоихъ казненныхъ—Самуила Выморкова.

То былъ сынъ тамбовскаго дьячка, одаренный натурою необыкновенно впечатлительною, страшною, умомъ, постоянно работавшимъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ сомнѣній. Молодой дьячекъ вѣчно копался въ книгахъ, всюду отыскивая ихъ и съ особенною любовью изучая книгу Ефрема Сирина. Близко сошелся онъ съ нѣкимъ монахомъ Саввою, часто бесѣдовавшимъ съ нимъ объ антихристѣ и т. п. Все болѣе и болѣе сталъ онъ задумываться, и ревностное чтеніе старопечатной литературы окончательно свернуло его мысли на несомнѣнное превосходство старыхъ церковныхъ порядковъ. Не мало смущало его и то обстоятельство, что въ силу новаго духовнаго регламента, на ектеніяхъ, вмѣсто „царя Петра Алексѣевича“ стали возглашать теперь „императора Петра Великаго“. Рѣшился Самуиль уйти отъ грѣха въ монастырь. Развелся съ своею тоже молодою женою и поступилъ въ Трегуневу обитель. Одинъ изъ братіи монастыря, монахъ Филаретъ, совсѣмъ сбиль и безъ того поколебавшагося Самуила, рассказавъ ему, что Петръ—не царскій сынъ, а Лефортовъ, подмѣненный царицею-матерью, родившею на самомъ дѣлѣ дочку. Иеромонахъ Никаноръ, въ отвѣтъ на повѣданія ему Самуиломъ тревожныя опасенія плохо успокоилъ его, выра-

зивъ предположеніе, что Петръ не самъ антихристъ, а только предтеча его.

Наконецъ, Самуиль рѣшился и собственноручно написалъ „хулительное письмо“, нѣчто въ родѣ воззванія къ духовенству о томъ, что оно повинуется не государю, а антихристу. „Увѣдалъ я,—писалъ Самуиль,—отъ свѣтлыхъ писаній, что попущеніемъ Божиимъ, принялъ область антихристъ прельстити весь міръ, зане умножися нечестіе вездѣ и повсюду злая содѣвается“. За подобную пропаганду Самуила на первыхъ же порахъ въ монастырѣ отодрали, а потомъ даже и на цѣпь посадили. Подобралъ себѣ Самуиль среди монаховъ маленькую компанію сочувствующихъ, и тайкомъ бѣжали всѣ они изъ обители, надѣясь найти мѣсто, гдѣ бы укрыться отъ антихриста. Но скоро въ душѣ Самуила свершилась новая эволюція, зародившаяся подъ влияніемъ направленнаго противъ раскольниковъ сочиненія нижегородскаго епископа Пителима „Пращицы“.

Многое разомъ представилось Самуилу въ новомъ свѣтѣ, и, послѣ долгихъ думъ, онъ сознался себѣ въ своихъ заблужденіяхъ и рѣшилъ возвратиться въ монастырь, хорошо зная, что за самовольную отлучку его ожидаетъ суровое наказаніе. Игумень отнесся къ Самуилу снисходительно, и зажилъ онъ спокойно, всегда паставляя сомнѣвающихся въ православіи. Такъ бы все и окончилось, если бы на его бѣду, не подоспѣлъ царскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ молодымъ монахамъ явиться въ Москву для обученія. Столица и погубила воспримчиваго Самуила, постоянно пламенѣвшаго, готоваго во всемъ различать правду отъ неправды.

Приглядѣвшись къ строю тамошней жизни, Самуиль не могъ не присоединиться къ оппозиціи старо-православнаго духовенства, рѣзко недовольнаго дѣятельностью особо приближенныхъ къ императору іерарховъ, Θεодосія Яновскаго и Θεофана Прокоповича, главныхъ якобы виновниковъ тѣхъ бѣдствій, которыя тогда претерпѣвала наша церковь. „Θеофанъ ученьемъ, а Θεодосій смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ явно началъ всю святую церковь бороть и всѣ ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное люторство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма отъ нихъ было

печальное время. Учали быть вездѣ противу благочестія, без-опасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло, и такъ тогда поносима и воничтожаема была святая цер-ковь, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ, суевѣріемъ—называемо было, и кто въ нихъ въ ерети-кахъ былъ пуцій пьяница, и нахаль, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочести ваго человѣка, кто же хотя мало постникъ, или воздержникъ и бого-мольный человѣкъ, то у нихъ званъ былъ раскольниковъ и лицемѣромъ, и ханжей, и безбожникомъ и весьма недобрымъ человѣкомъ... Во всемъ государствѣ часовни разорили, иконы свя-тыя изъ нихъ безчестно вынести велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо вмѣсто молитвъ и псалмопѣ-нія, и каноновъ табакомъ торговать и бороды брить понустили, чудотворныя иконы, отовсюду забравъ, на гнойныхъ телѣгахъ, подъ скверными рогожами, явно, во весь народъ, увозили, все-цѣлое монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе мо-настыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танци и на карты съ товари-щи, употребляли, молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли.

Такія изобличенія всѣхъ современныхъ еретичествъ неми-нуемо долженъ былъ слушать молодой Самуилъ, вращаясь среди нагнанныхъ отовсюду въ школы послушниковъ, еще болѣе отъ всякихъ довольно таки темныхъ монаховъ, слоняв-шихся по Москвѣ. И вотъ, мало по малу опять возмущается духъ Самуила, болѣе и болѣе раздувается потухшая искра ненависти, которую онъ носилъ въ сердцѣ своемъ противъ главнаго, по его мнѣнію, виновника всей смуты—Петра.

Сталъ онъ отставать отъ ученія, задумываться надъ старымъ проклятымъ вопросомъ, и, страдая подъ „назидательною ло-зою“ учителей, только ожесточался и опять таки противъ „ан-тихриста“.

Умеръ Петръ, и скоро пришла къ Самуилу тяжелая для него вѣсть, что жена его вторично вышла замужъ. Нервная система Самуила пошатнулась. Опять оказался виноватъ по-

койный государь, разрѣшившій женамъ монаховъ полную свободу дѣйствій. Самуилъ впалъ въ какое-то пѣступленіе; духъ его былъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Для Самуила было теперь одно ясно, что *для покоя въ совѣсти своей*, ему необходимо написать осужденіе во слѣдъ оставившему міръ предтечѣ антихриста.

И вотъ хватается Выморковъ за перо, пишеть, чертитъ, рветъ на клочки, чтобы написать вновь.

И пришла на умъ Самуилу несчастная мысль написать императрицѣ Екатеринѣ письмо „съ нѣкоторыми хуленіями“ про ея покойнаго супруга, указать ей, на великій соблазнъ для народа, созданный „Духовнымъ регламентомъ“ Петра.

Идея почему-то осталась невыполненною, а вмѣсто предполагавшагося посланія императрицѣ, Самуилъ написалъ нѣчто еще худшее, именно „проклятіе во слѣдъ нисшедшему во адъ антихристу“ такого содержания:

„Злочестивый, уподобившійся самому антихристу, мерзости запустенія, стоящей на святѣ мѣстѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывай соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордвостномъ безуміемъ надменный держатель в. у. п. б. п. всескверный и. ¹⁾ со всѣми своими

¹⁾ Всероссийскаго царства, попущеніемъ Божиимъ, Петръ прескверный императоръ.

бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ. Писано лѣта Господня 1725, мѣсяца февруаря въ 9 день“.

Положилъ Самуилъ письмо на подоконникъ. Въ келью вошелъ іеродіаконъ Герофей Оглобля, подошелъ случайно къ окну, увидалъ письмо, прочелъ его и... донесъ.

Далѣе начинается обычная исторія. Тюрьма, допросъ, пытка. Впрочемъ, Самуилъ и не думалъ заператься. Подробно, шагъ за шагомъ раскрылъ онъ предъ слѣдственной комиссіей длинную стезю своихъ сомнѣній, и по своей неподдѣльной искренности перечислилъ всѣхъ лицъ, съ которыми когда либо бесѣдовалъ на преступныя темы, не утаивая мельчайшихъ подробностей.

14 августа 1725 г. за кронверкомъ (уже въ Петербургѣ) въ присутствіи небольшой команды гвардейскихъ солдатъ,

Самуилъ Выморковъ сложилъ на плахѣ свою безпокойную голову.

А Герофей Оглобля „за усердное показаніе“ получилъ жалованья 50 рублей.

Раздѣленіе раскола на „согласія“.

Итакъ, въ мірѣ царствуетъ антихристъ; онъ всюду; все осквернено его прикосновеніемъ, его тлетворнымъ дыханіемъ, его присутствіемъ. Церкви—храмы антихриста, духовенство и свѣтская власть его служители и исполнители его велѣній. Благодать улетѣла на небо и истинной церкви не стало. Благодать не освящаетъ таинствъ и не сообщаетъ имъ болѣе врачующей силы. Нѣтъ ни одного истинно-православнаго епископа, который могъ бы передать по преемству отъ апостоловъ благодать совершенія таинствъ. А безъ таинствъ жить нельзя. Что же дѣлать вѣрующимъ? Страшно жить безъ таинствъ, но также страшно и умирать безъ нихъ. Остается одинъ исходъ: въ ожиданіи несомнѣнно скораго Христова втораго пришествія нужно обойтись безъ нѣкоторыхъ таинствъ „по нуждѣ“ совершать самимъ только тѣ, которыя, по церковнымъ обычаямъ, въ крайнихъ случаяхъ позволительно совершать безъ участія священника.

Люди послѣдовательные, какъ это всегда водится, пошли дальше, додумавшись до сомнѣнія въ цѣлесообразности какого-бы то ни было таинства. Получается дробленіе, разномысліе, кучка людей отпадаетъ, составляя новую фракцію, дающую затѣмъ новые отростки.

Это явленіе замѣчалось въ расколѣ уже съ самаго начала, не мало огорчая Аввакума. „Затекаете во многомъ мудрованіи своемъ,—сѣтовать тотъ,—и уже другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите другъ съ другомъ, глупцы, отъ гордости, что черви капустные, всѣ пропадете“.

Расколъ въ идейномъ отношеніи представлялъ вначалѣ ужасную путаницу воззрѣній. То же происходило и по отношенію къ социальному положенію протестантовъ. Противъ Никона, противъ его реформъ были озлоблены всѣ,—особенно

боярство. Многіе представители боярства дружили съ расколуучителями, давали имъ у себя пріютъ, укрывали отъ преслѣдованія, заявляли свою солидарность съ ихъ убѣжденіями.

Когда расколъ безповоротно совершился, когда на протестантовъ обрушились гоненія и кары, когда послѣдовательные приверженцы, „набывая мукъ“ стали уходить изъ центровъ къ окраинамъ,—всѣ кому недурно жилось на своихъ мѣстахъ, кому сдѣлалось жаль своего положенія въ обществѣ, своей домашней заведенной рутины, своихъ капиталовъ, оглянулись назадъ. Никона не было. Реформы шли своимъ чередомъ. Но отъ нихъ вѣдь они были не въ убыткѣ, а скорѣе въ барышахъ, и кромѣ того надъ отщепенцами висѣло пугающее проклятіе вселенскихъ патріарховъ. И вотъ все сытое довольное жизнью, городское населеніе выдѣляется изъ общей массы протестантовъ. Наболѣе практическіе люди раскаиваются въ своихъ заблужденіяхъ и возвращаются въ лоно церкви.

Люди съ болѣе сильнымъ религіознымъ настроеніемъ, но не настолько убѣжденные, чтобы жертвовать своимъ матеріальнымъ положеніемъ, не настолько смѣлые и подвижные, чтобы стать выше обрядовой внѣшности, отрѣшиться отъ старинной рутины, сѣли между двухъ стульевъ. Они не возвратились къ церкви, но и не стали отрицаться. Усомнившись въ ортодоксальности „Никоновой церкви“ они, однако, не отринули ни одной обрядовой мелочи, напротивъ, на мельчайшимъ соблюденіи этихъ мелочей основали свою систему. У нихъ главнымъ образомъ сосредоточились всѣ укоризны церкви за ея будто бы неуваженіе къ восьмиконечному кресту, семи просфорамъ, двуперстію, за несоблюденіе точнаго количества поклоновъ и пр. Такъ явились собственно „старообрядцы“, послѣдователи „бѣгствующаго священства“, потомъ и бѣлокропичкой іерархіи. Поповцы сразу явились какъ аристократія въ расколѣ. Съ отдѣленіемъ этой части расколъ демократизировался, и вмѣстѣ съ религіозными вопросами напуталъ себѣ на шею неподходящее количество для него неразрѣшимыхъ вопросовъ соціальныхъ, которые онъ принялся рѣшать съ апокалиптической точки зрѣнія. Обозначилась безпоповщина. Общимъ принципомъ ея тоже было собственно не отрицаніе

церкви, какъ общества вѣрующихъ во Христа, а лишь отрицаніе іерархіи церковной и признаніе за каждымъ вѣрующимъ права не прибѣгать къ посредничеству священниковъ. Безпоповскимъ расколъ сталъ еще при первыхъ расколоучителяхъ, когда отношенія между протестантами и церковью настолько обострились, что стороны, взаимно бранясь еретиками, стали отказываться не только отъ религіозныхъ, но и чисто мірскихъ отношеній между собою. Не даромъ говорятъ, что протоноія Аввакумъ былъ первый безпоповецъ. „Которые люди въ никоніанскіе храмы не ходятъ и съ ними не соединяются, и не молятся—писалъ онъ—тѣи добръ творятъ, не подобаетъ бо благочестивому съ нечестивыми соединяться, по писанному: каѣ есть часть вѣрному съ невѣрному, кое общеніе свѣту съ тьмой?

Еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе и се писано есть: лучше не молитися, нежели злѣ помолитися, и умереть не причастився, нежели неправеднаго агнца приобщитися“. „А исповѣдатися почто идти къ никоніанину; исповѣдуйте другъ другу прегрѣшенія по апостолу и молитесь другъ за друга, да исцелѣете. А младенцевъ причащайте истиннымъ запасомъ тѣла Христова искусенько, и мірянинъ причащай ребенка, Богъ благословить.

Да и взрослымъ еще нужда привлечетъ и причаститься безъ попа можно. Еще мужескъ полъ, еще женскъ, въ нынѣшнее огнеопальное время, со исповѣданіемъ и прощеніемъ другъ ко другу тѣла и крови причащайтесь. Но все это признается только „по нуждѣ“. „Нельзя, дѣтки, безъ пона,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—велика вамъ нужда отъ лихомановъ, да что же, свѣти мои, дѣлать станемъ? Гдѣ же дѣться? Живыя могилы нѣтъ. Когда живы были еще попы, посвященные до Никона, горе не такъ еще было велико. Но вотъ, когда стали они вымирать, когда „никоніанское освященіе“ поповъ стало обычнымъ фактомъ, сдѣлалось чрезвычайно важнымъ рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ къ церковной іерархіи вообще. Здѣсь то выдѣлилась робкая поповщина и поставила правиломъ, что обходиться безъ церкви и таинствъ нельзя, что священниковъ можно принимать и отъ господствующей церкви, но съ условіемъ ихъ отреченія отъ ересей.

Нѣтъ причастія у поповцевъ,—добываютъ его; къ крохамъ

старого, тщательно сохранявшагося, причастія, припекають тѣсто и приобщаются. Причастіе носятъ при себѣ, иногда пересылаютъ его въ выдолбленныхъ орѣхахъ и т. п. Исповѣдуются у простого мірянина, тотъ записываетъ грѣхи на бумажку и пересылаетъ попу. Поповъ мало, явились странствующие попы, переѣзжавшіе съ мѣста на мѣсто въ ящикахъ, прикрытые рогожами. Любопытно, что поповщина и безпоповщина разбилась по Россіи по законамъ исторической этнографіи, Московская Русь, центральная, схватилась за поповщину, не найдя въ себѣ достаточно рѣшимости оторваться отъ забитаго ей въ голову преклоненія предъ пластью. Но окраины, особенно сѣверь, носившій на себѣ слѣды древне новгородскаго сводомысля, не стали упорно держаться обрядностей. У Москвы ничего не было кромѣ „древляго благочестія“, Новгородъ вспомилъ, вскормилъ стригольниковъ жидовствующихъ, сохранилъ память о Матвѣе Башкинѣ. Сѣверь мужественно боролся за выборное начало во всѣхъ проявленіяхъ церковно-общественной жизни. Мы знаемъ, напримѣръ, что новгородскіе владыки Арсеній и Θεодосій не были вовсе посвящены высшею церковною властію; народный выборъ, въ глазахъ новгородцевъ, имѣлъ, очевидно, болѣе вѣса, нежели митрополичья санкція. Пока духовнымъ отцомъ сѣверянина былъ выборный попу, онъ довольствовался имъ. Когда назначеніе священниковъ перешло въ руки власти, онъ отступилъ въ расколъ, и отказался отъ назначенныхъ ему священниковъ, даже не спрашивая лучше или хуже они прежнихъ. „Въ безпоповщинѣ всякій естественно считаетъ себя учителемъ, — говоритъ извѣстный историкъ раскола преосвященный Макарій, — и вотъ какой-нибудь полуграмотный дячекъ, и чернецъ, и бродяга и бѣглый солдатъ и вовсе безграмотный пастухъ и даже баба Акулина выдумываютъ свои жалкіе толки и выдумываютъ свои согласія“. Да въ этомъ то и кроется самая важная опора безпоповщины. Куда не проикла бы рѣчь просвященнаго пастыря, тамъ охотно прислушивались къ словамъ немудрящаго на видъ человѣка, говорившаго грубымъ, но жгучимъ языкомъ, простыми, и понятными образами.

Расколоучители, стоя близко къ массѣ, умѣли давать ей лицу самодѣятельности, втягивая въ кругъ религіознаго мы-

шленія, хотя односторонняго, хотя туманнаго, но отвлекающаго отъ гибельной спячки. Тамъ, гдѣ принадлежащій къ господствующей церкви безпрекословно воспринималъ догматику, уже надлежащимъ образомъ для него переработанную, естественно мыслительный процессъ обозначался медленнѣе, нежели у „отщепенца“, готоваго ежеминутно ринуться въ богословскій диспутъ о правильности той или другой детали православія.

Безпоповщина.

Поморскій толкъ Выговская пустынь.

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріеми мя,
Съ усердіемъ въ ты убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ.
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.

„Отъ хорошей жизни не полетишь“,—это старая истина, проводившаяся на Руси давнымъ давно всѣми тѣми, кому неволю было отъ сложившихся общественныхъ порядковъ. Допекали ли русскаго человѣка притѣсненія власть имущихъ, чинили ли имъ разореніе разбойники или непріатели, наступалъ ли страну неурожай или какое-нибудь другое стихійное бѣдствіе,—онъ снимался съ насиженнаго мѣста и брелъ, куда глаза глядятъ, гдѣ земля была пчья, въ лѣса и болота, въ широкія степи, и селился тамъ, ведя борьбу съ суровою природою.

Къ этому же средству пришлось прибѣгнуть и раскольникамъ, для которыхъ соціально-экономическій гнетъ усугублялся еще и тяжестью душевной.

Послѣ цѣлаго ряда правительственныхъ мѣръ направленныхъ противъ раскольниковъ, жить тѣмъ въ предѣлахъ вліянія Москвы не было никакой возможности. Вдали отъ городовъ, отъ „щепотниковъ“, раскольникъ чувствовалъ себя спокойно, не видя предъ собою страшнаго призрака дыбы или хомута

не чувствуя надобности платить оброка помѣщику или попу. Колонизаціонный раскольниковскій потокъ устремился одновременно по всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта, на сѣверъ и югъ, востокъ и западъ. На сѣверѣ раскольники наполнили лѣса Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, основавъ здѣсь тысячи скитовъ и деревень. Въ 1684—85 г.г., какъ говорится въ одномъ указѣ, „изъ разныхъ волостей и погостовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне и бобыли въ расколѣ бѣжали, безвѣстно, за свейскій рубежъ“, поселившись большею частью въ Копорьѣ, по побережью Финскаго залива. На востокъ раскольники разошлись по Поволжью, въ степяхъ Саратовской, Самарской и Астраханской губерній, заняли многія мѣста вокругъ Оренбурга, перешли черезъ Уралъ и появились въ Сибири, Забайкальѣ и Алтаѣ. Но югъ раскольники двинулись очень рано; колонизовавъ Кавказъ, Закавказье, оттуда перекинувшись въ Турцію. Съ береговъ Дона раскольники по теперешней Новороссіи дошли до Молдавіи, Валахіи, и Австріи. Въ Новгородъ-Сѣверской области раскольники заселили Стародубскіе лѣса, гдѣ образовали семнадцать свободъ и куда сошлось болѣе 50,000 человекъ. За польскимъ рубежомъ такимъ же центромъ стала знаменитая Вѣтка, вмѣщавшая въ себя въ дни своего процвѣтанія до 40,000 жителей. Изъ Польши раскольники перешли въ Восточную Пруссію, сохранившись и до нынѣ. Наконецъ, раскольники заняли нѣкоторыя мѣстности Прибалтійскаго края, напримѣръ, пространство между озеромъ Пейпусъ и рѣкою Эмбахъ, Ригу и др. Переходя за предѣлы Московскаго госрдарства, раскольники не забывали и удобные для нихъ пункты внутри Россіи. Такъ заселились лѣса волоколамскіе, брянскіе, чернораменскіе, керженскіе.

Перечисленные факты могутъ дать хотя приблизительное понятіе о громаднхъ размѣрахъ раскольничьей колонизаціи, и о томъ важномъ значеніи, которое она имѣетъ въ исторіи русскаго народа. Раскольниковскій писатель Иванъ Алексѣевъ, авторъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ имѣлъ полное право сказать, что „сидевыми народы (раскольниками) пустыя мѣста и звѣропаственныя паселяхуся, и вмѣсто деревъ людей умноженіе показася, трава и терніи растущія въ вертоградѣ и садовія обратишася, грады вторіи показашася населеніемъ че-

ловѣкъ“. Громадныя пространства дикой, ни къ чему, казалось, негодной земли, культивированы, превращены въ плодородныя луга и пашни. Страшно много труда положено было на борьбу съ природою, дикими звѣрями и туземными обитателями, и нужно было имѣть всю раскольническую ревность о вѣрѣ, чтобы вынести эту борьбу при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при постоянныхъ помѣхахъ со стороны „никоніанъ“. Невольно приходится изумляться той силѣ, которую расколъ обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ и благодаря которой десятки милліоновъ десятинъ прежде дикихъ земель сдѣлались доступными пользованію русскаго народа и тѣмъ увеличили его общее богатство. Это мирное, культурное завоеваніе, совершенное расколомъ, безъ сомнѣнія несравненно важнѣе многихъ завоеваній, сдѣланныхъ при помощи оружія.

„Въ раскольничью организацію, въ общины, созданныя раскольниками на окраинахъ государства, стремились всѣ, тѣ кто не укладывался въ рамки создававшагося тогда государственнаго строя новой Россіи. Раскольничья колонизація представляла собою предохранительный клапанъ, въ который выходили невмѣщавшіеся въ государственной машинѣ пары. Только существованіемъ такого клапана, только возможностью для всѣхъ недовольныхъ существующими порядками уходить въ пустыню и устраивать тамъ жизнь по своему желанію, и объясняется тотъ фактъ, что такая радикальная ломка государственныхъ и общественныхъ порядковъ и обычаевъ, какая совершена Петромъ I не встрѣтила особенно сильнаго сопротивленія со стороны народа и не сопровождалась катаклизмами. Отвлекая недовольные элементы въ свои общины, расколъ тѣмъ самымъ далъ возможность Россіи развиваться въ то огромное государство, какимъ оно является теперь. Наконецъ, нужно отмѣтить еще одно значеніе раскольничьей общины. Какъ извѣстно, ко времени появленія раскола, старинное русское областное самоуправленіе и общинные порядки находились подъ сильнымъ давленіемъ централизаціонныхъ стремленій московскаго правительства и его бюрократическихъ замашекъ. Дальнѣйшая исторія Россіи только усилила бюрократизмъ и совершенно сгубила, даже изъ памяти народной вычеркнула областное самоуправленіе. Совсѣмъ не то было въ расколь-

ничьихъ общинахъ. Находясь внѣ вліянія центральной власти или откупаясь отъ нея деньгами, раскольничьи общины не только жили старинною общинною жизнью, но и развивали ее сообразно новымъ условіямъ времени. вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльныя общины группировались по мѣстностямъ и толкамъ въ союзы, управлявшіеся свободно выбранными по общинамъ лицами. Отдѣльные союзы нерѣдко также соединялись и образовывали федераціи. Отсюда то сильное развитіе общности у раскольниковъ, которое подмѣчено всѣми современными изслѣдователями раскола. Здѣсь же заключается объясненіе вышшаго уровня политическаго развитія раскольниковъ сравнительно съ остальною массою русскаго народа“.

Громадный вредъ раскольничьей колонизаціи, особенно на сѣверѣ, принесло широко практиковавшееся въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII самосожиганіе раскольниковъ, вырвавшее изъ среды ихъ тысячи жертвъ мрачной идеи о спасительности добровольной смерти. Мысль о возможности достиженія царства небеснаго путемъ мученическаго наложенія на себя рукъ явилась въ умахъ еще перваго поколѣнія раскольниковъ. Еще знаменитый Аввакумъ старательно рекомендовалъ самосожженіе. „Боишься печи той—писалъ онъ.—Дерзай, плюнь на нее, не бось.

„До печи страхъ—отъ, а какъ въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорись, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ. Емлютъ души тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу, а онъ, надежа, и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную. Но уже къ тому бываетъ тяжело, но яко восперенна; туда же со ангели летаетъ,—ровно яко птичка попархиваетъ,—рада: изъ темницы своей вылетѣла. Темница горитъ въ печи, а душа, яко бисеръ, и яко злато чисто, взимается со ангели выпрь во славу Богу и отцу“. Эта же идея легла въ основу ученія такъ называемыхъ „запациванцевъ“ и „морельщиковъ“. Мы имѣемъ длинный рядъ зарегистрированныхъ фактовъ массоваго самосожиганія, при чемъ очень часто гибло разомъ по сотнѣ людей, отдавшихъ дань могучему фанатизму, манившему ихъ „діадемою“ мученичества, угоднаго Богу. Къ тому же правительство все болѣе и болѣе запуская свои щупальцы, стремясь сломить ускользавшихъ отъ него

раскольниковъ. Формировались карательные отряды, неутомимо дѣйствовавшіе мечемъ и тѣмъ же огнемъ.

Въ началѣ 18 столѣтія правительство, отвлекаемое иными заботами, какъ-то поостыло къ преслѣдованію колонистовъ-раскольниковъ, и именно въ это то время и возникли всѣ наиболѣе крупныя поселенія раскольниковъ, игравшія ту или другую роль въ исторіи безпоповщины въ частности и раскола вообще.

Мѣстность между сѣвѣрною губою Онежскаго озера и Онежскою губою Бѣлаго моря прорѣзывается рѣкою Выгомъ, впадающею въ Выгоозеро. Здѣсь то и возникла знаменитая Выговская пустынь, обусловившая существованіе одного изъ наиболѣе рельефныхъ толковъ безпоповщины, именно — поморскаго. Пионерами раскольничьей колонизаціи на сѣверѣ были разнаго рода „старцы“, бѣжавшіе изъ монастырей внутренней Россіи послѣ „перемѣны благочестія“, и „не токмо пустыни и болота, но и окрестъ лежащія грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвѣтивше“.

Самыми замѣчательными изъ нихъ были Игнатій Соловецкій и Корнилій, изъ которыхъ первый считался „сосудомъ полнымъ мудрости“, умницею, который „книжныя премудрости, яко губа воду въ себѣ почерпне“. Главное ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что своею ревностною и продолжительною работою въ пользу раскола они воспитали и образовали цѣлое поколѣніе дѣятелей, создавшихъ впоследствии Выговское общезжитіе, игравшее первенствующую роль въ исторіи безпоповщины, какъ, напримѣръ, Давида Викулина, братьевъ Андрея и Семена Денисовыхъ, Петра Прокофьева и др. Со всѣми ими старецъ Игнатій „бѣсѣдовалъ отъ священнаго писанія“, всѣхъ ихъ „просвѣтилъ ученіемъ своимъ“, всѣхъ ихъ „наказомъ непорочному благочестію и страхомъ Божиимъ воспита“. Проповѣдь же Корнилія носила чисто практическій характеръ. „Праздный да не ястъ, и проклятъ есть тунеядецъ“, говорилъ онъ, показывая примѣръ трудолюбія и полного ригоризма въ личной жизни, проникнутой при томъ духомъ чистаго альтруизма. Старцы,—не только сейчасъ названные,—не могли, конечно, не возбуждать удивленія и уваженія со стороны населенія, постепенно привыкшаго обращаться со своими горестями и

нуждами къ отзывчивымъ, добросердечнымъ старцамъ. И къ нимъ отовсюду шелъ народъ. Шли изъ ближнихъ селъ, изъ дальнихъ мѣстностей. Одни приходили только послушать старца, другіе оставались временно пожить съ нимъ, наконецъ, третьи, кому не особенно сладко жилось на родинѣ, оставались здѣсь навсегда. Такимъ образомъ у каждаго старца образовалась паства, вокругъ его кельи строились избы— и основывалось поселеніе.

Въ 1692 г. въ Поморьѣ появился талантливый юноша, Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышецкихъ, одаренный недюжиннымъ организаторскимъ даромъ, который и помогъ ему ничтожную въ началѣ Выговскую пустынь превратить въ большой полу-городъ, полу-монастырь.

Преданный расколу до фанатизма и задавшійся цѣлью поднять его, Андрей Денисовъ высоко стоялъ надъ массою тогдашнихъ раскольниковъ своимъ широкимъ умомъ и чрезвычайною любознательностью. Обладая обширнымъ, по тогдашнему, образованіемъ, Денисовъ отличался и недюжиннымъ краснорѣчіемъ, такъ что „языкъ его пресладкій, чудившійся орфеова баснословимыя цѣвницы показася, не бо горы и каменіе привлечаше къ себѣ, но каменосердныя челоувѣки отъ земли на небо славно влечаше“.

Семья Андрея состояла изъ отца, младшаго брата Семена и сестры Соломоніи. Отецъ Андрея тоже вполне сочувствовалъ старымъ порядкамъ, но въ предѣлахъ „житейскаго благоразумія“. Тайно молодой Денисовъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома, съ пламенною мечтою чѣмъ-нибудь поработать на пользу гонимой вѣры, пустившей крѣпкіе корни въ душѣ глубоко-религіознаго юноши. Въ Поморьѣ Андрей близко сошелся съ тамошнимъ старожиломъ Данилою Викулинымъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ и учредилъ общину для ближайшихъ единомышленниковъ, число которыхъ постепенно увеличивалось. Въ 1695 году было положено начало Даниловскому монастырю.

Въ это время община состояла изъ сорока челоувѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Номинальнымъ главою общины считался старецъ Викулинъ, въ дѣйствительности же истиннымъ вождемъ общины былъ Андрей Денисовъ. Скром-

ный въ своихъ требованіяхъ, трудолюбивый Андрей постоянно подавалъ примѣръ другимъ. При своемъ миролюбіи онъ постоянно старался, чтобы въ общежитіи, число членовъ котораго росло со дня на день, царило тихое согласіе. Уваженіе, которымъ Андрей пользовался среди раскольниковъ, было чрезвычайное. Какъ восторженно-религіозный человѣкъ, Андрей въ настоящей, земной жизни видѣлъ лишь переходную ступень къ будущей, загробной жизни. Настоящая жизнь въ его представленіи являлась лишь средствомъ, которымъ человѣкъ заготавливаетъ себѣ будущее существованіе. Идеаломъ поэтому земного прозябанія Андрей считалъ жизнь монашескую, строго подвижническую. Въ такихъ то правилахъ первоначально и протекала дѣятельность общины, принявшей весь укладъ монастырей первыхъ вѣковъ христіанства. Но, разумѣется, не всѣ могли выдерживать безусловно аскетическій режимъ, и пришлось дѣлать уступки запросамъ слабаго духа. Основываясь на томъ, что со времени Никоиа православная іерархія прекратилась, а новое поколѣніе священства незаконно, совершать браки не можетъ, Андрей, какъ и другіе ревнители благочестія, въ брачномъ сожитіи видѣлъ одинъ блудъ, отъ котораго желательно всячески воздерживаться. Но, такъ какъ борьба съ плотью не всякому оказывалась по плечу, то пришлось членовъ общины разбить на двѣ части: „могшіе вмѣстить“ остались въ скитахъ, подчиненныхъ безусловно схимническому режиму, съ абсолютнымъ воздержаніемъ, смиреніемъ, непрерывными церковными службами, а семейные и „новожены“ могли вести обычный свѣтскій образъ жизни.

Благодаря примѣрному трудолюбію общинниковъ, ихъ самой разнообразной дѣятельности, направленной на земледѣліе, рыбную ловлю, звѣриный промыселъ, мастерства и, главнымъ образомъ, на торговлю, Выгъ, особенно его ядро—Даниловъ съ Лексою, стали очень богатыми населеніями, разбросанными на нѣсколько верстъ. Всѣ избытки Выгъ обращалъ исключительно на благотворительныя цѣли. Водилось правило всѣхъ входящихъ кормить и поить безъ разбору. Въ неурожайные годы на Выгъ тянулось все сѣверное обнищавшее крестьянство, жило тамъ цѣлую зиму, и возвращалось домой, надѣленное съѣстными припасами и сѣменами для посѣва. Широкая бла-

готворительность Выга, увеличивая его славу въ раскольничьемъ и православномъ мірѣ, была одною изъ главныхъ причинъ, привлекавшихъ сюда все новыя партіи колонистовъ, благо всѣ формальности для новичковъ ограничивались признаніемъ съ ихъ стороны правильности двуперстія.

Выгъ сыгралъ громадную роль въ исторіи раскола, ставъ религіознымъ, умственнымъ и экономическимъ центромъ безпоповщины, лишь въ самомъ концѣ XVIII вѣка уступивъ мѣсто московскому Преображенскому кладбищу. За Выгомъ сохранилась репутація раскольничьей академіи, воспитавшей цѣлый рядъ крупныхъ фигуръ раскола. Выгорѣцкія школы славились по всей Россіи. Получавшіе въ нихъ продуманное образованіе, въ выдержанномъ тонѣ старообрядческой доктрины, разсыпались потомъ по различнымъ угламъ и дѣлались чтецами, уставщиками и руководителями раскольничьихъ общинъ. Отсюда же разсылались пѣвцы, иконописцы, книги и иконы. Заботясь о великолѣпнн Выга Андрей, а за нимъ его присыны, собирали старинныя иконы, кресты, евангелія и т. п. Такимъ образомъ на Выгѣ образовалось богатѣйшее собраніе русскихъ церковныхъ рѣдкостей, специально ради которыхъ налаживались туда паломничества изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей.

Миссіонерство практиковалось выговцами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Сами Денисовы постоянно разъѣзжали по дѣламъ Выга, повсюду насаждая расколъ, поддерживая его, улаживая споры и раздоры между „толками“ и создавая новыя организаціи. Надо отдать справедливость рѣдкому усердію поморцевъ, для пользы агитаціи не стѣснявшихся изображать изъ себя профессиональных нищихъ, рабочихъ, разносчиковъ и т. п. Внутренній распорядокъ Выгорѣнья безспорно заслуживаетъ нашего живѣйшаго вниманія, какъ любопытный образчикъ религіозно-соціальной коммуны, построенной на самыхъ цѣлесообразныхъ началахъ, обстоятельно регламентированныхъ въ „Уложеніи“ Андрея Денисова.

Отдѣльныя поселенія Выгорѣлья связывались между собою федеративнымъ принципомъ, сохраняя внутреннюю автономію въ предѣлахъ осуществленія общей пользы. Во главѣ федераціи стоялъ „киновіархъ“, или, проще говоря, старшій, большакъ, на-

блюдавшій за общимъ порядкомъ и подчинявшійся въ то же время „собору“ выборныхъ представителей постоянныхъ обитателей Даниловской обители. Всѣ должности по общежитію, какъ административныя такъ и хозяйственныя—нарядникъ, казначей, келарь, староста, столъники, гостинщики, больничные, писаря и др.,—замѣщались исключительно по выбору на общихъ собраніяхъ, и такъ какъ не были сопряжены съ какими-либо выгодами, то на нихъ попадали люди, прошедшіе всѣ стадіи личнаго труда, зачастую самаго тяжелаго. Уже тогда выгорѣцкіе русаки провели въ жизнь позднѣйшія теоріи западныхъ социалистовъ о распредѣленіи и необходимости разнообразія работы. Соблюдалась послѣдовательность въ смѣнѣ занятій, при условіи, предоставленія каждому индивидууму возможности въ полной мѣрѣ проявить и развитъ врожденныя способности.

Красною нитью черезъ все „Уложеніе“ проходитъ тенденція объ умѣренности и отреченіи отъ завистливаго чувства, порождаемаго комфортомъ и излишествомъ. Вопросъ о „священной собственности“ испарился какъ-то самъ собою; съ тонкою деликатностью, совершенно замалчивалась разница о правѣ на „мое“ и „твое“. Единственное личное имущество выговца было его носильное платье, все остальное—общее. Въ идеѣ созданія общины уже коренился намекъ на прекращеніе частныхъ матеріальныхъ взаимоотношеній, такъ что каждый вновь вступающій „собственникъ“ первымъ долгомъ вносилъ въ общину свое достояніе, отказываясь добровольно отъ всякихъ правъ на него. Возникновеніе и расцвѣтъ Выгорѣчья совпадаютъ съ эпохою царя преобразователя. Казалось бы, что отъ „перваго русскаго интеллигента“, поклонника западной культуры, расколъ могъ ожидать для себя мало хорошаго... Но въ „Виноградѣ Россійскомъ“ находимъ строки, совершенно противоположнаго характера. Андрей Денисовъ съ чувствомъ тихаго удовлетворенія отмѣчаетъ, что „Великому Петру монаршескую приѣмлющу область, гоненія и бури утишишася, всюду муки о староцерковномъ благочестіи преставаху царскимъ милосердіемъ“. Дѣло въ томъ, что какъ ни отрицать, но Петръ по существу былъ глубоко индифферентенъ къ религіозному буквоѣдству, мало считаясь съ тонкостями церковной догматики, смѣло имъ, во многихъ случаяхъ, вѣжливо отодвинутой въ сторону. На-

чиная „петербургскій періодъ“ реформированной русской жизни первый славянскій императоръ вовсе не думалъ связывать себя отсталыми воззрѣніями „благочестивѣйшихъ“ хранителей православія, понимавшихъ его въ духѣ ненавистнаго Петру напыщеннаго, застывшаго византизма. Вѣчно кипѣвшій энергіей умъ „царя плотника“ по своему утилитарному направленію ненавидѣлъ косность и вялость, всюду разыскивая людей столь привлекавшей его „американской складки“. Приглядываясь къ своимъ подданнымъ Петръ не могъ не замѣтить выгодно отличавшей раскольниковъ, особенно поморянъ, ихъ практической дѣловитости. Отъ своихъ помощниковъ иностранцевъ Петръ слышалъ только лестные отзывы о работоспособности раскольниковъ, особенно сказавшейся въ дѣлѣ оборудованія горныхъ заводовъ въ сѣверномъ краѣ, многимъ обязаннаго усердію и познанію тамошнихъ старожиловъ раскольниковъ. Благосклонность Петра, давашаго весьма существенныя льготы выговцамъ, всего вѣрнѣе, дала бы еще болѣе ощутительные для раскольниковъ результаты, если бы не ихъ огромная тактическая ошибка, плутовавшая „старая“ идеи въ злополучную аферу царевича Алексѣя Петровича.

Сильно раздраженный Петръ предпринялъ противъ раскола рядъ суровыхъ мѣръ, въ родѣ обложенія ихъ двойнымъ подушнымъ окладомъ и др. А посылая въ 1718 г. Ржевскаго въ Нижній Новгородъ для содѣйствія тамошнему владыкѣ извѣстному расколоторцу Питириму, императоръ между прочимъ предписывалъ ему „учителей раскольниковъ, буде возможно, вину сыскавъ кромѣ раскола, съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на галеру“. И тутъ Андрею Денисову удалось въ значительной степени ослабить тяжесть упавшихъ на расколъ бѣдъ. Пустивъ въ ходъ всѣ свои петербургскія связи, подавъ самому Петру нѣсколько дипломатически написанныхъ челобитныхъ, въ тонѣ безусловнаго вѣрноподданничества, Андрей Денисовъ достигъ извѣстнаго ослабленія репрессій противъ выговцевъ, сохранившихъ даже свой укладъ.

Въ 1722 г. спокойствіе поморянъ было нарушено не особенно то пріятнымъ для нихъ визитомъ іеромонаха Неофита, командированнаго на Выгъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ, вѣ-

роятно, по почину преосв. Пятирима, хотя инструкція, данная Неофиту носить характер терпимости, свойственной лишь Петру, а никакъ не нижегородскому архіерею, не отличавшемуся мягкостью.

Неофитъ явился на Выгъ во всеоружіи официальной учености, и рѣшилъ разомъ припереть „еретиковъ“ къ стѣнѣ, задавъ имъ 106 казуистическихъ вопросовъ. Но не съ Андреемъ Денисовымъ было бороться Неофиту. Не даромъ тотъ всю свою долгую жизнь цѣликомъ посвятилъ изученію богословскихъ и этическихъ тонкостей; плодомъ котораго и появились прогрессившіе среди раскольниковъ „Поморскіе отвѣты“, своего рода религіозная энциклопедія безпоповщины вообще и поморскаго согласія въ частности. Эффектъ получился полный. Императоръ ничего не возразилъ противъ отвѣтовъ, молчаніемъ обошли ихъ виднѣйшіе іерархи „пиконовской“ церкви, а раскольничья литература обогатилась классическимъ памятникомъ старообрядческой доктрины, не имѣющимъ ничего себѣ подобнаго среди другихъ писаній различныхъ учителей и начетчиковъ. Всѣ „Отвѣты“ проникнуты духомъ миролюбія и желаніемъ перенести вопросъ на чисто академическую почву, по мѣрѣ возможности избѣгая неосторожнаго обостренія щекотливаго вопроса о преимуществахъ того или другого исповѣданія православія.

Выговцы не имѣютъ ничего противъ „словеснаго препирательства“, преклоняясь предъ тѣмъ, что „еже убо Всепресвѣтлѣйшее Императорское Величество повелѣ, еже святѣйшій правительствующій синодъ присуди, яко имѣти тебѣ (Неофиту) съ нами о *происшедшемъ несогласіи* тихое, кроткое и безопасное разглагольство, яко принужденіе не творити насильна въ произвольной вѣрѣ“. Они, бѣдные, къ этому не привыкли. „Сіе всеблагодатное императорское милосердіе, сіе прекроткое царское человеколюбіе ублажаютъ вся пустынные жительства, горы восхваляютъ, холмы возблажаютъ, пещеры воспрославляютъ, вся дебренная мѣста жителями своими благодарными гласи усердно благодарствуютъ“. Они, собственно, хорошо не уяснили себѣ, чего, именно, отъ нихъ „грубыхъ“ угодно, отъ чего отучить хотятъ, въ чемъ они виновны. „Не новины какія затѣяхомъ, не догматы своемышленные нововнесомъ, не за своевольныя

преданія утверждаемъ, но готовая древлеправославныя церкви преданія содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ службу Богу приносимъ, еже есть въ готовѣй древлеправославнѣй церкви пребываемъ“. Обвинить раскольниковъ въ еретичествѣ по меньшей мѣрѣ преждевременно: „всѣмъ сердцемъ нашимъ и умомъ и устами исповѣдуемъ и славимъ, покланяемся и почитаемъ и вѣруемъ въ Пресвятую пребезначальную, въ пресущную и единосущную Троицу, нераздѣльную и трипостастную, равносильную и непостижимую; въ безначальнаго и нерожденнаго Отца Бога истиннаго, и въ собезначальнаго Сына Бога истиннаго, отъ отца рожденнаго, и въ Духа Пресвятаго Господа истиннаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго: въ того единаго трисоставнаго и присносущнаго, трисвѣтаго и всемогущаго, въ Троицѣ славнаго Бога вѣруемъ, тому покланяемся, того прославляемъ, на того уповаемъ на наше спасеніе. Также вѣруемъ, и прославляемъ и исповѣдуемъ единаго отъ тоя всепѣтыя живоначальныя Троицы, собезначальнаго и соприсносущнаго Сына и Слова, благоволеніемъ Отца и содѣйствомъ Святаго Духа, воплотившагося, распята и погребена, и воскресшаго и вознесшагося на небеса. Проповѣдуемъ и славимъ того единаго Христа, Сына Божія и Сына человѣка, во дву совершеноу естеству, въ Божествѣ и человѣчествѣ, въ единомъ же составѣ православно славословимаго. Тако со священными богословцы вѣруемъ, во святую Троицу и воплощеніе Сына Божія исповѣдуемъ. Тако православно каѳолическую вѣру исповѣдуемъ, и вся евангельская и апостольская заповѣданія всевѣрно приедемъ, святоотеческая наказанія благоговѣнно почитаемъ, святыхъ соборовъ преданіи и поученія всепокорно лобызаемъ. Вся таинства церковныя, содѣваемая, по преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, всевѣрно исповѣдуемъ и благоговѣнно приедемъ и почитаемъ. И аще чего за нужными случаями не можемъ получить, обаче всевѣрно вѣруемъ и желаемъ и исповѣдуемъ и въ тѣхъ случаяхъ тако пребываемъ, якоже древліи святіи во времена нужная пребываху“.

Послѣ такого приступа, указывающаго на непоколебимую увѣренность поморянъ въ своемъ истинномъ православію, излагается рядъ положеній, общихъ не только для выговцевъ, но и

для всей безпоповщины. Изложимъ ихъ по порядку. *Перстосложеніе* „Яко вещь сложенія перстовъ на крестное знаменіе, отъ грекъ съ крещеніемъ въ Россію пріятая, изъявляется на святыхъ пконахъ, яже Владиміръ отгуду принесе, и отъ извѣстныхъ святыхъ мужей писанія, яко двѣма перстома, а не трема исперва пріяше россияне креститися: о чесомъ во отвѣтѣ изъявился. Троеперстное же сложеніе неидѣже до Никона, въ Россіи слышася, ниже во святыхъ писаніяхъ, ниже на образахъ святыхъ древлецерковныхъ зрится. Но въ лѣта Никона патріарха утвержденіе троеперстнаго сложенія предлагается: еже намъ не есть достовѣрно. Премножайшими свидѣтельства, святороссійское и восточное православіе, еже двѣма перстома, а не трема знаменоватися объявляется. Сиче священныя старопечатныя московскія книги утверждають, сиче бѣлороссійскихъ премудрыхъ учителей, книги показують, сиче древлевое точнаго православія, сербовъ и волоховъ, старопечатныя книги засвидѣтельствують: сиче древлеписанныя и харатейныя святыя книги объявляютъ: сиче чудотворныхъ иконъ греческихъ и россійскихъ согласіе научаетъ; сиче восточныхъ святыхъ учителей повелѣнія просвѣщаютъ, сиче древлецерковныя святыхъ запрещенія утверждають, сиче княземъ Владиміромъ принесенное греческое иконописаніе объясняетъ, яко князь Владиміръ и вся Россія пріяша отъ восточныя церкви и содержаша даже до Никона патріарха, двѣма персты креститися и благословити“.

Тонко обошли поморцы разставленную имъ Неофітомъ ловушку въ вопросъ: аще ли же мните быти ересь а не православіе троеперстное сложеніе, скажите кака я ересь, и гдѣ о томъ обрѣтается въ писаніи, что ересь. „Что намъ о ономъ троеперстномъ сложеніи трудится много, что оно есть — отвѣтствовали выговскіе старцы — его же Христось благословеніемъ своимъ намъ не даде. А еже трема персты знаменоватися святіи отцы и святіи апостолы не придаша намъ, сего пріяти боимся. А еже въ древлеправославнѣй церкви положенная запрещенія на пезнаменующихся двѣма персты, сего преступити трепещемъ“.

Неофітъ не отставаль: „Благочестивый государь нашъ императоръ Петръ Великій, самодержецъ всероссійскій, и святѣйшій

правительствующій синодъ вѣрно со упованіемъ надежду имѣють спасеніе получить: вы же всомняете ли за православныхъ, или причитаєте къ нѣкакимъ еретикомъ“.

Предъ выговцами лицомъ къ лицу стало страшное обвиненіе въ *crimen laesae majestatis* (оскорбленіе величества). Отвѣтъ послѣдовалъ самый смиренный со ссылкой на слова Христа о раздѣленіи кесарева отъ Божія.

„Симъ спасительнымъ его наказаніемъ и ми грубіи научаемся, яже въ богослуженіи и въ богоугожденіи надлежатъ благочестіе таинства, церковная уставохраненіе, спасительная дѣла, воздавати все вѣрно Богуви, тако и отъ его вседержащія Божія десницы поставленному и славою и честію вѣнчанному всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему императору, всемилостивѣйшему нашему государю должная честь и покоренія, благодаренія и всевѣрная служенія всеусердно воздавати. Мы аще внесенныхъ отъ Никона новопреданіяхъ сомнѣваемся но не сомнѣваемся о Богопоставленномъ самодержавствіи Богохранимаго и Богопомазаннаго самодержца. И вопрошаемыхъ таковыхъ словесъ произносить ужасаемся“.

Какъ видно изъ этого, теорія объ антихристѣ на практикѣ принимала уклончиво оппортунистическій характеръ, предписывавшій не вступать въ напрасныя пререканія съ силою и властью, а внѣшнимъ образомъ уступать имъ.

Сугубая аллилуія. „Книги древнія елико святыхъ всероссійскихъ митрополитовъ, елико великихъ чудотворцевъ, руками ихъ писанныя, елико древнехаратейныя обрѣтаемъ, во оныхъ славословіи трегубаго аллилуія обрѣсти не возмогохомъ. Чего ради не мнимъ быти въ древлесвидѣтельствоваанныхъ книгахъ трегубое аллилуія. И преподобный Максимъ Грекъ трегубое аллилуія латинскимъ чиносодержаніемъ нарицаеть... Святіи всероссійстіи митрополиты, Кипріанъ, Фотій и прочіе велиции чудотворцы въ своихъ писаніяхъ указуютъ глаголати сугубы, а не трегубы аллилуія“.

О иконахъ. „Измѣненіе живописанія святыхъ иконъ, преданнаго отъ самихъ апостолъ, изобрающаго подобіе первообразнаго, еже неизмѣнно въ древлероссійской церкви до лѣтъ Никона патріарха хранимо бяше по древнимъ обычаемъ церкви. Нынѣшніи же живописцы, тое священное преданіе измѣнившіе,

пишуть иконы не отъ древнихъ подобій святыхъ чудотворныхъ иконъ греческихъ и російскихъ, но отъ свое разсудительнаго смысленія: видъ плоти Спаса Христа и прочихъ святыхъ одовлѣвають, и въ прочихъ начертаніяхъ не подобно древнимъ святымъ иконамъ имѣюще, но подобно латинскимъ и прочимъ, иже въ бібліяхъ напечатана и на полотнахъ маліована. Сія живописательная новопзданія рождаютъ намъ сомнѣнія сихъ ради: Понеже святіи апостолы и святіи отцы, изображаючи на святыхъ иконахъ, яко Спаса Христа и Пречистыя Богоматере, тако и святыхъ образа благоговѣйно, во умѣренной тонкости умиленнымъ подобіемъ писаху. И священный, иже при Макаріи митрополитѣ, стоглавный соборъ во главѣ своихъ завѣщаній повелѣваетъ иконописцамъ святыя иконы писати по образу и по подобію, смотря на образъ древнихъ живописцевъ, и запрещаетъ, чтобы отъ самосмысленія своими догадками сверхъ древняго ничего не затѣвали“.

Доказавъ аналогичными ссылками на старину и ея авторитетовъ, всю неправильность якобы послѣ-николовскаго церковнаго ритуала, „Поморскіе отвѣты“ логически не могли обойти вопроса о значеніи іерархіи и возможности обходиться безъ нея, т. е. такимъ образомъ изложитъ credo поморскаго толка, стало быть, всеі безпоповщины.

Вопросъ Неофита былъ поставленъ достаточно ясно:

„Или помышляете точію въ васъ быти церкви и православію, а индѣ нигдѣ же, и се словесемъ Христовымъ и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ писаніямъ зѣло противно: и аще вамъ мнится быти не противно, то скажите о семъ отъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, что и *кромяъ церкве и кромяъ архіерея и іереевъ вся тайны церковныя и отъ простолюдиновъ непосвященныхъ могутъ совершатися и православная вѣра и безъ священства будетъ утверждатися*“.

Выговцы отвѣчали такъ:

„Якоже вѣра святая и православная не въ стѣнахъ заключается, и не въ неразсудномъ сложеніи святыхъ богодухновенныхъ писаній святоцерковнаго преданія, тако и святая каеоллическая церковь не стѣнами и столпами утверждается, но вѣрою православною житіемъ благочестивымъ ограждающися сіяеть.....Аще въ гонительныя случаи вѣрніи мнози священни-

ковъ не имяху, аще при апостолѣхъ помѣстомъ священниковъ не баше, аще рукоположеніи по апостолу въ чинахъ церкви, во апостольствѣ, учительствѣ и пророчествѣ отъ Бога положишася. *Убо во время нужды гонительныхъ случаевъ церковь и въра православная можетъ и кромѣ священства, кромѣ видимыхъ церквей быти.* Тѣмже иже древлецерковное благочестіе лобызающіи, и за гоненіе или иныхъ ради винъ благословныхъ не имуще рукотворенныхъ церквей, не имуще священниковъ, нуждныя случаи таинъ дѣйствуютъ (не гордости ради и киченія, но спасенія ради душъ своихъ) не противятся словесемъ Христовымъ, и святымъ апостолъ и святыхъ отецъ, но и зело соглашаются: яко таяжде дѣйства, таяжде нуждныя случаи, яже отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и повелѣнная и дѣйствовавшая совершаютъ, и во время пуждное совершаютъ“.

Установивъ возможность для себя, какъ гонимыхъ, обходиться безъ священства, выговцы высказали и свои взгляды на таинства.

„Аще во святой церкви и семь таинъ исповѣдается, яже посредства вѣчнаго блаженства суть, обаче не единообразно, ниже вся кому, ова бо суть во спасеніе нуждныя, яко крещеніе и прочая, ова же ко спасенію, яко миро, еже священникомъ крещающимъ прилично есть на крещеніи, яко печатствующее крещеніе, кромѣ же священника или при священницѣ, по скудости крещенія, тайна можетъ и безъ мира совершиться, и спасеніе челоуѣческое, по нуждѣ можетъ и безъ миропомазанія; твердо и извѣстно есть“.

„Иныя по нуждѣ заповѣди, тѣ же есте двѣ: крещеніе и покаяніе, ею же кромѣ нѣсть лѣтъ спасенія получитьи... Аще и нѣсть достойно кромѣ нужды діакономъ и чернецемъ и бѣльцемъ, и женамъ крещати, по смертной жаждѣ или гладу нудящу, можетъ Давиду уподобься діаконь или бѣлецъ крещеніе сотворити, якоже и твориша нѣцыи въ первоначаліе церкви: крестилъ Филиппъ діаконь евнуха, крестилъ Ананій Павла, крещашу и ученицы Христова, еже ему странствовавшу въ мірѣ, не у бывше священницы... И простіи, по нуждѣ крещающіи и согласно святымъ мужемъ и святымъ правиломъ творящіи, не суть безбожніи и противніи Богу, но благочестивы и

богобоязненны суть яко согласная и любезная Богу и святымъ творять и дѣйствуютъ“.

„Якоже тѣлесныя недуги и согнїтія врачевати хотящїи ищутъ врача не сего, иже врачевскими ризами одѣвается, иже имя врачевское носить, но иже искусъ врачеванїя знаетъ, иже врачевская былія имать, иже силу врачеванїя в дѣйствѣ показываетъ. Тако и душевная язва и согнїтія требуютъ врача добродѣтельными блистающа, искусъ знающа святаго писанїя, вѣдуща боренїя и прелести бѣсовскїя, знающа коеждо язвѣ подобное врачеванїе приносить, а не именемъ единымъ похваляющася, имже ничтоже можетъ пользоваться исповѣдающагѡся.

„Сего ради святїи отцы лучше искусному иноку, паче не искуснаго священника повелѣша исповѣдати, якоже преднаписанная помоканона правила свидѣтельствують“.

„Гдѣ емлете святую евхаристїю—допытывался Неофитъ,—и бываете ли причастники тайнѣ сей?“.

Въ отвѣтъ поморцы, перомъ Андрея Денисова, обстоятельно развили глубокую теорїю о „невѣщественномъ“ причащенїи посредствомъ душевнаго желанїя, ни на шагъ при этомъ не отступая отъ излюбленной имъ аргументировки фактами изъ практики святоотеческой.

„Христось Спаситель нашъ пречистыми уста своими глаголетъ, ядай мою плоть и пїяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ,

„Сїя словеса Христа Бога нашего, елико всякаго достовѣрства и благоговѣйнаго почитанїя достойна суть, толико и прїлежнаго во тїапїи исполненїя требовательна, во еже всякому всегда причастнику быти животворящїя плоти и крове Господни во освященїе души и тѣла, въ наслѣдіе живота вѣчнаго, о чемъ вси вѣрующїи Христу и наипаче всѣмъ сердцемъ спаситися ревнующїи *огненальное желанїе* присно являти усердствуютъ. Обаче во святѣй каволической церкве, якоже причащающихся устроенїе, трегубо раздѣлено обрѣтается, тако и словеса святыхъ отецъ о семъ разсуждающа являються, еще же и новопечатная книги явственнo сїя опредѣляютъ.

„Первїи суть, иже уста и сердцемъ въ чистѣмъ совѣсти прїемлютъ животворящее тѣло и святую кровь Христову, по преданїю св. отецъ и св. апостолъ, и се сугубно, овїи во святѣй

церкви на святѣй литургіи причащаются, ови же отъ священника православнаго взявше часть животворящихъ таинъ у себе держать и егда восхотятъ причащаются, ибо дотолѣ сіе таинство цѣло есть, доколѣ видѣ хлѣба и вина цѣло пребываетъ. Таковы быша въ скитахъ и пустыняхъ отцы, во Александріи же и Египтѣ простіи людіе, на мнози имуще причащеніе въ дому своемъ каждо и егда хотяху причащавшася собою, яко Василій Великій свидѣтельствуеть.

„Вторіи, иже благословныхъ ради винъ не имущіи гдѣ причаститися, еже устами вкусити животворящихъ и пречистыхъ Таинъ, обаче вѣру теплую и усердное желаніе о семъ показываютъ, добродѣтельными свое житіе украшающе, *таковіи чрезъ вѣру и усердіе духовнѣ причащаются* плоти и крови Христови.

Такова бѣше преподобная Марія Египетская мѣз лѣтъ въ пустыни живуци, и святыхъ Таинъ не причащающіи, чрезъ добрая дѣла присно благодать Божія причащавшася, и *Христа внутри себе имаше...* Сице мнози святіи пустынницы (слѣдуетъ перечень именъ) далече отъ вселенныя живуще, церкви и священниковъ не имуще, устами святыхъ Таинъ причаститися не имуще, обаче вѣрою и желаніемъ и, житіемъ добродѣтельнымъ присно оныхъ благодать въ себѣ имяху...

„Вся собранія и службы, праздниці, и причащенія и жертвы, сего ради быша, яко да очистится человекъ отъ грѣхъ своихъ, и вселится Богъ въ оны. *Отстоитъ душа богоносная отъ всякія любви церковей зданныхъ и жертвъ видимыхъ, и соборъ множества и праздникъ человеческихъ и ниже въ горы сей, ни въ Иерусалимѣхъ желаетъ поклонитися Богу, внутри бо иматъ въ себя Бога, внутри Духъ истинный огонь, внутри жертвенникъ чисту совѣсть, внутри очистилище грѣхомъ духовную слезу, внутри вышній Иерусалимъ радостную слезу, прочее яко духовнѣ духовными очами духовныя жертвы приноситъ.*

„Третіи суть единими токмо устами причащающіи, иже недостойны ко святому приходятъ, иже скверными грѣхи окаяны, иже въ смертныхъ грѣхахъ погрязши и не очистившіи, которіи не токмо не получаютъ благодати Божія, но паче большее осужденіе примуть. Приемлющіи же дѣйствіе Тайны святыя, си есть, приумноженія благодати

Божія безъ причащенія, сіи суть, иже имѣють огнепальное желаніе сердца, желаніе причаститися, но не могутъ, или нѣкоея ради тяжкія болѣзни, или иныхъ кѣихъ благословныхъ вишь, или не имѣють на сіе помощника себѣ, пріемлють же точію дѣйствіе тайны святыя за свое благоусердное желаніе и духовнѣ сицевѣи причащаются глаголются. Не усомнѣвайтесь, не изнемогайте умомъ вашимъ благоговѣйніи и Бога любящїи души, воистину вѣруйте, яко равную мзду и благодать и милость у Бога обрѣтаете за сицевую ревность и намѣреніе духовное, якобы воистину уже причастилися, и намѣреніе бо сицевое неизрѣченнѣ благоугодно есть Господеви, свидѣтельствующу о семъ учителю церкви иппонійскія семи словесы: вѣруй, и вкусилъ еси и причастился еси“.

Методъ доказательства, какъ видно изъ изложеннаго, пріимнялся безпоповщиною исключительно діалектической. Нисколько не отрицая какъ принципа таинствъ, такъ и института церковной іерархіи, безпоповцы весь вопросъ о щекотливыхъ пунктахъ тренія между старообрядчествомъ и официальной ортодоксіею, свели къ force majeure, къ признанію положенія вынужденности, не отъ нихъ зависящей, имъ огорчительной, но фактически неустранимой.

Тонъ „Отвѣтовъ“ безусловно умиротворительный. Религіозная догма объ антихристѣ въ лицѣ Петра не мѣшала, однако, выговцамъ тщательно подчеркивать свою лояльность по отношенію къ личности монарха, а стало быть и вообще императорскому правительству, т. е. дѣлать уступки силѣ. И въ этомъ отношеніи выговцы не представляли пикакой опасности для практическаго Петра. Вунтовать не бунтуютъ, подати, даже и двойныя, платятъ безъ понужденія, активнаго сопротивленія не оказываютъ — значить, элементъ терпимый. Въ тридцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія положеніе раскольниковъ значительно измѣнилось. Престолъ перешелъ къ старшей линіи дома Романовыхъ, и Анна Іоанновна считала своею священною обязанностью поддерживать старыя традиціи „хранителей православія“. Чуть ли не случайно изъ скромнаго курляндскаго городка перенесенная въ столицу громадной имперіи, чувствуя, быть можетъ, что тронъ подъ нею не особенно то надеженъ, Анна съ болѣзненнымъ самолюбіемъ отно-

силась къ вѣшнему престижу своего имени и своей власти. Никогда, пожалуй, столько людей не пострадало въ Россіи по обвиненію или даже простому подозрѣнію въ неосторожномъ отношеніи, хотя бы мысленномъ, къ титулу монархини. Провѣтавшая при Биронѣ „тайная канцелярія“ ревностно отыскивала крамолу, пытаясь даже забраться въ сердца російскихъ людей. Доносы и подметныя письма подорвали, наконецъ, и Выгорѣчье. „До правительства дошли свѣдѣнія“, что въ легализированной Выговской общинѣ на самомъ дѣлѣ обстоитъ не все благополучно, оказывается содѣйствіе разнаго рода бѣглымъ, и что всего страшнѣе—совершенно упразднена молитва за государыню. Въ 1739 г.—уже по смерти Андрея Денисова, въ общину нежданно—негаданно нагрянула слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ чиновника Самарина, задавшаяся цѣлью выяснить вопросъ объ игнорированіи „молитвъ за царя“. Выговцамъ предстояло категорически высказать свой взглядъ на этотъ щекотливый предметъ. Рѣшеніе, принятое наиболѣе умѣренною частью общины, во главѣ съ Семеномъ Денисовымъ, было, конечно, самое благоразумное и даже единственно возможное при сложившихся обстоятельствахъ, но тѣмъ не менѣе оно подорвало репутацію Выга, какъ палладіума — „безпоповщины“ и произвело въ ней новый расколъ.

Выгъ, внеся „моленіе“ *) въ свои служебники, тѣмъ самымъ отрекался отъ краеугольнаго камня безпоповщинской теоріи, бойкотировавшей никоніанскую власть и переставалъ служить выразителемъ ея задушевныхъ стремленій. Образовалось умѣренное меньшинство—поморяпе—и непримиримое большинство—еодосѣвцы, филипповцы и др. Все обвиненіе выговцевъ въ забвѣніи старыхъ завѣтовъ благочестія зиждилось на ихъ несходительномъ отношеніи къ міру. Свой политическій оппортунизмъ выговцы формулировали такъ:

„О иновѣрныхъ властяхъ по псалтирю въ прочихъ указанныхъ мѣстахъ и о обращеніи ихъ молить. Моли убо прежде всѣхъ творити моленія за царя и проч. (слова Апостола). Но аще речеть кто, яко не за всѣхъ, но за вѣрнихъ: егда глаго-

*) То былъ извѣстный тропарь „Спаси Господи люди твоя“.

летъ за царей, не быша тогда благочестивіи царіе и пр. Ни яко же на небеси, никто же есть лукавъ, тако ниже на земли да будетъ, но всѣхъ въ страхъ свой провлецы, вся ангелы сотвори, аще и врази наши и супостаты. Сице намъ Божественнаго Писанія повелѣвають молиться о еллинахъ же и еретикахъ, паче о вразѣхъ, да и ти въ разумъ истинный прїидуть и вѣру обратятся. Мы за его императорское величество Бога молимъ, по рѣченному Псалмопѣвцемъ; Господи, спаси царя, и услыши ны, и всякаго блага его благолюбивому величеству доброхотно желаемъ. Мы и прочихъ градоправителей и военачальниковъ должны не судить, но честно почитати. *Прежде бывшіе наши отцы за иновѣрныхъ властей такового богомолія не употребляху, но на благочестивыя лица они солоняху*“.

Собственно говоря, политика, была, по выраженію П. Н. Милюкова,—последней каплей переполнившей чашу неумолимо предъявляла свои права, неустанно борясь съ буквою теоріи, не желавшею приспособливать свои требованія къ запросамъ реальныхъ условій. Религія упрямо откращивалась отъ грѣховнаго міра, дѣлая видъ; что его требованія для нея не играютъ никакой роли, но съ безпощадною ясностью выдвигалась настоятельная необходимость занять то или иное положеніе къ все болѣе усложнявшимся формамъ общежитія во всѣхъ его проявленіяхъ. Примѣняя терминологию нашихъ дней пришлось бы выговцевъ назвать прогрессистами старообрядчества, сохранивъ эпитетъ реакціонеровъ за ихъ противниками.

Кардинальный догматъ безпоповщины, признавая сохранившимися только два таинства—крещеніе и покаяніе, отрицалъ таинство брака, выводя отсюда необходимость безбрачной жизни. Но догматика одно, а практика другое. Получилось вопіющее противорѣчіе. Религіозный фанатизмъ, что тамъ ни говори, кульминаціоннаго пункта своего вдохновеннаго напряженія долго выдержать не могъ. Аскетизмъ ослабѣлъ. Принципы строгаго дѣвства, воздержанія отъ брака и семейной жизни, ставшіеся какъ *conditio sine qua non*, въ эпоху эсхатологическихъ чаяній о скорой кончинѣ міра, подпавшаго подъ власть антихриста, мало по малу теряютъ свою обязательность. Первые поморцы постоянно указывали на желательность устранить вся-

кое соприкосновеніе между „сѣномъ и огнемъ“, но вѣковѣчные фізіологическіе порывы ломали всѣ плотины, устраивавшіяся безплотными умами „отцовъ“ безпоповщины.

Вопросъ о бракѣ сдѣлался для безпоповцевъ центральнымъ пунктомъ, сосредоточившимъ на себѣ всю мучительность разлада между душою и плотью. Поморцы отказывались жить прошлымъ. Они покорно примирились съ фактомъ, признали, что наступаетъ сѣрое прозаичное время, чуждающееся проявленія какихъ-либо эксцесовъ отвлеченнаго происхожденія. Поморцы не могли конечно всецѣло отказаться отъ своего основнаго ученія о пришествіи, но за то прибѣгнули къ варианту его, въ болѣе успокоительномъ духѣ. Они допускали, что антихристъ подчинилъ себѣ Русь, но власть его понимали „духовно“ а не „чувственно“, т. е. переносили ее не на личности а общее положеніе вещей.

Запаталась теорія, и потеряла прежнюю стройность и единство вся система безпоповщины, предъ которой обрисовалось уже нѣсколько путей. Предстояло разобратъся кому куда идти. Съ новыми мыслями о старыхъ предметахъ появились и инедѣятели на прежней нивѣ.

Федосѣвщина. Преображенское кладбище.

„Феодосій Васильевичъ, бывшій дьячекъ Новгородской губерніи, Крестецкаго яма, основатель церкви, подъ названіемъ своего имени, Федосѣева, мужъ благочестивый, даровитый, твердой памяти и славный буквалистъ, торжественно поправшій никоніазмъ и мгновенно учинившійся пылкимъ и разительнымъ ревнителемъ благочестія. Онъ неустанно стараясь въ подвигахъ вѣры, утвердилъ и просвѣтилъ правовѣріемъ новгородскую страну, озарилъ симъ Польшу и прочія страны въ Россіи, пожертвовавшій за таковыя великія доблести своею жизнію Іову, митрополиту новгородскому. Онъ не разъ состязался съ Андреемъ (Денисовымъ) киноіархомъ о тайнѣ брака, и вездѣ его побѣждалъ откровеніемъ и мудростію, паче же своей апологіей, не разъ боролся съ буйнымъ изувѣрствомъ своей лжебратіи, желая устроить единство своей и поморской

церкви. Его вѣдѣніе святаго Писанія, примѣрная жизнь и твердая начала истинъ удостоили быть собесѣдникомъ славныхъ вельможъ, другомъ знатныхъ особъ и громкой славы во всѣхъ концахъ Россіи. Онъ былъ примѣрный мужъ въ подвигѣ благочестія, твердаго духа и неустрашимый казней міра, рѣдкій любитель церковнаго благочестія, читатель кротости и попутатель надмѣнія. Неразумная ревность его учинила съ Поморскою церковью раздоръ, а міролюбіе его убѣдило паки оной попать и быть ему не разъ въ Вигориціи на загражденіе того. Онъ скончался въ Новгородѣ мученически отъ руки Іова митрополита Новгородскаго 1711 года, іюля 23, отъ рожденія своего 50 лѣтъ. Онъ былъ росту средняго, худощавъ, лицомъ бѣлъ, и мало продолговатъ, или круглъ, брада окладистая и большая, украшенная сѣдинами, взоръ веселый и пріятный, осѣненный смиреніемъ и набожностію“.

Старообрядческая историографія даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о возникновеніи „Федосѣвщины“, обязанной своею идеею „достохвальному Феодосію“, доблести котораго мы только что перечислили изъ источниковъ, безусловно симпатизировавшихъ поморью.

„Сего убо Феодосіева согласія начала наименованіе влечется отъ нѣкоего Феодосія Васильева, бывшаго по внѣшнему состоянію, дьячка Крестецкаго Яма, области Новгородской подчиняющагося; въ томъ убо сего рожденіе произведется, въ немъ же при церковныхъ догматъ бы исперва усердный служитель, потомъ позна отъ пѣккихъ христіанъ, тогда въ тѣхъ странахъ кроющихся, лучи древняго благочестія и отвержеса ревностно новолубныхъ преданій, и бываетъ послѣдователь древняго закона и нѣскольکو въ оныхъ краяхъ пребысть и, за ради тогда подлежащаго гоненія, уклонися съ братомъ и чада своими въ Польскую державу. Идѣже, по тицанію своего ученія, собра общежительство отъ стекшихся отъ Россійскаго тоненія христіанъ, въ немъ же пребывая, учаше благочестію и житію добродѣтельному своихъ послѣдователей, точію за необысканіемъ конечныхъ, въ нѣкихъ обычаехъ не покоряющихся правдѣ, *погрѣшительнымъ являшеся, яже по священнически поручни три крещеніи имѣти, еже священническая молитва при рожденіи и исповѣди, и погребеніи читати, еже настоятельствующихъ по*

нуждѣ нуждными епископами нарицати, еже новолюбную тайну брачную опривдати, еже торжественное брашно сквернымъ, противъ Апостольскихъ гласовъ именовати, еже и титулу Никоно-латинскую на крестахъ имѣти и опривдати, еже аллилуйныхъ поклоновъ въ прочіе посты не содержать, и прочая многая несогласная чиносодержанія, коя убо не соизвѣстившіяся съ священнымъ Писаніемъ и со оставшимся отъ древняго благочестія обычаемъ упорны содержаше. И тако жительствуя съ своими въ Польскомъ Государствѣ, понужденъ бысть отъ нихъ, ово же и самъ возжела, посѣтити, тогда возблиставшую Выгорѣцкую сію обитель, основанную на Соловецкихъ выходцахъ и уставахъ, паче же на всемъ древнемъ преданіи, которую убо и посѣти тогда и много преудивися твердости тѣхъ, благочестію и жестокости житія, лѣпотному чиноукрашенію, идѣже онъ съ Выгорѣцкими отцы много бесѣдовавъ о благочестіи! мирно, такожде и обычаевъ содержаніи, при чемъ и о нелѣпотномъ своемъ дѣйствѣ, еже въ поручняхъ тогда зазрѣнъ бысть и исправить обѣщася, и о иномъ глаголаша къ пользѣ общества, а потомъ въ мирпомѣ соидѣ паки въ Польскіе край ко своей обители отѣха и тамъ, собравъ свою братію, предложи зазрѣніе Выгорѣцкихъ пустынножителей о семъ неполезномъ обычаѣ, еже въ поручняхъ крестити и прочіе оныхъ пустынно жителей доводы. Слышащіе же мнози, потерпѣлови быша и начаша смущатися о воспріятомъ отъ него крещеніи и о прочихъ, чего ради мнози, отлучившеся его общества, отъидоша во нынѣшныя страны. Онъ же и прочіи отъ сего пріяша вину недоброхотства и вражды къ Выгопустыннымъ жителямъ, паче же сего ради въ раздоръ нашаша преклонятися; ибо изъ Выгорѣцкаго жительства выѣха въ Новгородъ, для проповѣди благочестія, и иныхъ нуждъ, многоразумный и премудрый мужъ, Леонтій Феодосіевичъ, который ради сего многаго разума и преизящнаго вѣдѣнія, не помалу возлюбленъ бысть новгородскими христіанами, къ которымъ учитель Феодосій съ прочими наставники пріѣзжаше, отъ чего оными наставники зѣло бысть ненавиствуемъ и возненавидѣлъ, зане въ вѣдѣніи священныхъ Писаній ихъ много превосходяше. Многоаху же пряхуся съ нимъ о нововодной титулѣ, и о прочихъ не сослагательныхъ вещахъ, иже по премногу праведными доводами отъ онаго противу сраща-

хуся, чего ради, не терпяще между собою онаго зрѣти, пріѣхавше, наустипа учителя Феодосія, да учинить съ Поморскими пустынножителѣи раздѣль, полагающе оныя вышеизъявленные вины, паче же за высокопоставляемую отъ нихъ титу, ея же ради и Христорбцами, Іудеями, поморцевъ нарицаху. Учитель же Феодосій, ово самъ ревностно по сказанной титулѣ, разжигаяся, ово же своими, подгнѣщаемъ, весь подвижесе къ несогласію оныхъ, поемъ съ собою шесть старѣйшинъ, и потекъ къ Поморскимъ краямъ, уже не мирными ногами, и приде въ Выгорѣцкое общежительство въ лѣта 7214 (1706). Отцы же Выгорѣцкіи радостными сердцами его пріяша съ пришедшими и честь ему подобающую воздаша (въ то время благо мудрому Андрею съ братомъ Симеономъ не прилучившимся въ общежительствѣ быти, по нѣкихъ ради братскихъ потребъ во внутренныя Россійскія предѣлы отѣхавшимъ) и потомъ вину пріѣзда ихъ увѣдоша, что пріѣхаша не ради согласія, но ради мятежей и раздоровъ не христіанскихъ, чего ради отъ отецъ увѣщеваемы быша оныхъ не полезностей не производити. . . . И тако много бесѣдовавше и съ обѣихъ сторонъ доводствующе, согласія въ словесѣхъ отѣдъ возимѣти не возмогаша . . . . И егда же Феодосіи исхождаше изъ обители, напутствовавъ бысть отъ отецъ потребными и провождаемъ съ честію; онъ же егда дойде до монастырскихъ служителей, пасущихъ скоты, ту остановися со своими, изъемши изъ влагалищъ отеческая брашна, повергше трудникомъ, приглашающе, яко не хошутъ пріяти снѣди отъ не послушающихъ ихъ проповѣди и потомъ начаша иззуватися своихъ обувей, и оными трясти, стоя прямо къ обители, глаголюще сице: „Прахъ, прилѣпшій къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ во свидѣтельство ваше“, и еще страшнѣйшее сего прорекши се: „Не буди намъ съ вами имѣти общенія нивъ семь, ни въ будущемъ вѣцѣ“, и тако съ тѣмъ намѣреніемъ въ раздорномъ духѣ поидоша въ путь свой“.

Послѣдователями Феодосія, рѣшительно отколовшимися отъ поморскаго толка, признаннаго ими еретическимъ, послѣ цѣлаго ряда редакціонныхъ и по существу поправокъ, былъ выработанъ уставъ, любопытный тѣмъ, что большая часть его пунктовъ охватываетъ вопросы житейскаго порядка, стара-

тельно заботясь о возможнѣйшемъ изолированіи „древле православнаго“ отъ просто православнаго, зараженнаго тлетворнымъ дыханіемъ антихриста. Чисто догматическая часть „устава“ рекомендуетъ „вѣровати и поклонятися животворящему Кресту Христову съ надписаніемъ титули о славѣ Ісусь Христовѣ, еже сие І. Н. Ц. І., или на дщицѣ написанномъ ІС. ХС. ¹⁾ за едино почитати и поклонятися“.

Тутъ же чуть-ли не впервые едосѣвцами заявленъ протестъ противъ термина „раскольникъ“. „Никоніане вѣру христіанскую раскольническою нарицають и христіанъ раскольниками именуютъ, и подъ оное именованіе мнози христіане подписалися раскольниками именоватися, и сіе ихъ подписаніе, а намъ христіанамъ неприлично; и сиевыхъ къ себѣ въ моленіе не пушати, и себѣ имъ во оправданіе не имѣтъ, и отъ всѣхъ христіанъ о семъ прощеніи имъ просити и полагати 300 поклоновъ“.

Далѣе слѣдуютъ соображенія этическо-наставительнаго характера.

„Христіанамъ пищу въ домѣхъ своихъ устраивать и симъ питатися; аще ли по нуждѣ dospѣтое на торгу покупаетъ кто, и за что полагати поклоновъ сто, ащемъ же кромѣ нужды дерзнетъ кто купити, и таковой сотворитъ поклоновъ сто до земли при соборѣ“.

„Въ воскресные дни, и въ праздники великіе за торгомъ не ѣздитъ и не ходитъ, такоже и на конскихъ ристаніяхъ не ѣздитъ; аще ли великая нужда позоветъ, и за то полагати поклоновъ сто до земли“.

„Юношамъ и дѣвицамъ, такоже и женамъ въ воскресные дни, и прочіе праздники господскіе и богородичные, и въ нарочитыхъ святыхъ празднуемыхъ, по киршамъ и въ лѣсъ за ягодами и за грибами, и по чужимъ деревнямъ не ходити, но честно сія дни провождать съ моленіемъ и почтеніемъ. Аще ли обрящутся тако мотающіися, и праздники святыя не почитающіи, да творятъ таковіи триста поклоновъ до земли“.

¹⁾ Противъ „четырёхсоставнаго“ догмата о Крестѣ, поморцы сильно возставали, говоря что „первобытное Пилатово написаніе злѣ и на хулу писано, какъ означающее вину Спасителя. Пилать бо на дщицѣ написа: Ісусь Назоряннъ, Царь Іудейскій“.

„Среды и пятки ядущихъ по дважды, а прочіе дни по трижды, сицевымъ по первомъ и второмъ наказаніи налагать по триста поклоновъ до земли“.

„Піющіи горѣлое вино и пиво отъ жидовскихъ рукъ и отъ невѣрныхъ, на сицевыхъ налагать постъ двѣнадцать дней, и на кійждо день до сто поклоновъ“.

„Въ бани христіанамъ съ мірскими и съ новоженами отнюдь не входить, и изъ единыхъ сосудовъ во оскверненной водѣ съ ними не мыться; но имѣти христіанамъ сосуды особные“.

„Растящихъ власы и носящихъ малахаи и шляпы запрещать п въ моленіе не пущать“.

„Поющихъ пѣсни бѣсовскія и играющихъ въ карты и въ варганы, и въ дуды, и бранящихся матерны, и пляшущихъ и яйцами катающихъ, и на качеляхъ качающихся, да творять сіи вси пятьсотъ поклоновъ до земли“.

„Духовнымъ лицамъ отнюдь не торговать, и въ тяжбы и въ свары съ простыми людьми не входить, и подъ иновѣрный судъ отнюдь не ходить“.

„Юношамъ рубахъ красныхъ и штановъ каламянковыхъ, а дѣвицамъ сапоговъ красныхъ и платковъ красныхъ и въ подвязкахъ золотыхъ на моленіи отнюдь не стоять, и поясами чтобы не подпоясывалися, и тѣмъ бы православныхъ не соблазняли“.

Любопытно, что еедосѣвщина, порвавшая связь съ поморьемъ изъ за послабленій, допущенныхъ якобы послѣднимъ въ точкахъ соприкосновенія теоріи съ практикою, сама любитъ обходиться довольно таки неуволимою казуистикою.

Въ принципѣ, напримѣръ, отвергая доброжелательное отношеніе къ никоніанской власти, еедосѣвцы въ то же время умудряются фактически поддерживать его, подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, словомъ, исполнять обще гражданскія повинности. Возникаетъ вопросъ о податяхъ. Еедосѣвцы даютъ такую реплику: „за что даемъ дань—не за службу, не за вѣру ихъ, но за обладаніе и за имущую власть по попущенію святаго Бога. Дабы никто не имѣлъ на насъ гнѣва, во еже до конца обидѣти: аще требуетъ врагъ злата—дадите, аще ризу—дадите, аще почести—дадите, аще вѣры хоцетъ отъяти—мужайтесь всячески. Мы въ послѣднее время живемъ и потому

всяку дань даемъ всякому просящему, дабы не предалъ врагъ на муку, или бы не заточилъ въ незнаемое мѣсто“.

Мирно уживаются Ѳедосѣвцы и съ финансовымъ матеріализмомъ, казалось бы, не совсѣмъ то свойственнымъ идеалистическому міровоззрѣнію. „Портреты и литеры царскія на златѣ и сребрѣ были и не безъ ума: каковъ царь, таковъ портретъ и на деньгахъ и литера. И Христось вопросы: чіе лице указуя сребренникъ. Отвѣщама: Кесарево—возладите убо Кесарева Кесареви, а Божія Богови. Виждь отъ сего и разумѣй—деньги не касаются вѣры, непротивны закону, аще кто съ разумомъ имѣеть ихъ. Злато и серебро Богомъ сотворены: продать, купить, и милостыню сотворить, свѣчу и масло купить въ жертву Богу и на всякую потребу. Многіе святые куплю творили; зри о томъ въ прологахъ и четминяехъ“.

По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1821 года выяснилось, что Ѳедосѣвцы: 1) не имѣють священства; 2) брака—тоже; 3) женатымъ предписываютъ разлучаться; 4) терпятъ блудную жизнь; 5) дѣтоубійство не считаютъ преступленіемъ (?); 6) за государя не молятся; 7) мѣстныхъ властей не уважають; 8) общую присягу считаютъ еретическою и антихристовою; 9) военной службы не терпятъ; 10) побѣгъ изъ нея считаютъ допустимымъ.

Поморцы имѣли свою штабъ-квартиру на Выгѣ, Ѳедосѣвцы создали ее на московскомъ Преображенскомъ кладбищѣ; первые отца и главнаго наставника себѣ нашли въ Андреѣ Денисовѣ, у вторыхъ былъ Илья Ковылинъ, „московскій купецъ, славный членъ Ѳедосіанской церкви сей столицы, рѣдкій буквалистъ и твердой памяти. Мужъ даровитый, смѣлый, предприимчивый и примѣрной ревности благочестія, не разъ торжественно поражавшій лжемудріе никоніазма въ глазахъ вельможъ и обожателей его, не разъ побѣждалъ явныя заблужденія старообрядцевъ и слѣпоту нѣтовщины. Онъ былъ общій и отличный покровитель всѣхъ церквей старовѣрства отъ владыкъ міра и насилія іерархій его, тщательный строитель великолѣпнаго и огромнаго зданія въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ, пожертвовавшій оному своимъ имуществомъ на вѣчное его существованіе до трехъ сотъ тысячъ рублей. А при сихъ важныхъ отличіяхъ былъ рѣдкій собиратель священныхъ

предметовъ древности и предковъ своихъ твореній, соборовъ и мысленій догматизма и преданій. Милость его къ страждущимъ за благовѣстіе Православія и угнетаемымъ бѣдствіями міра озаряла всѣ пути его и возносила до небесъ. Отличная его слава за доблести гремѣла по всей Москвѣ и раздавался звукъ ея въ Петрополѣ, Ригѣ, Астрахани, Нижнемъ и прочихъ странахъ благочестія. Онъ жилъ въ мірѣ не для себя, а для церкви и ближнихъ. Словомъ, это былъ единственный человекъ ради церкви и ея созданій. Разительное его краснорѣчіе, живая память, ясный и пріятный тонъ въ убѣжденіи истинъ, плѣпляли каждаго въ послушаніе ему и обращали на него глубокое вниманіе. Впрочемъ, при всѣхъ таковыхъ доблестяхъ, онъ былъ, къ общему сожалѣнію, отличный бракоробецъ и читель постыднаго галилейства, любитель пышной жизни и другой не нравственности по предмету удовольствованія тѣла. Онъ имѣлъ важный и сановитый видъ, ростъ его былъ высокій, корпусъ красивый, лицо бѣлое, продолговатое, взоръ веселый и пронзительный, брада окладистая, долгая и кругловатая, украшенная сѣдинами; на лбу и верху главы его время изгладило всѣ власы у него. При первомъ на него взорѣ каждый замѣчалъ, что онъ, есть человекъ отличный и рѣдкій въ церкви патріархъ, а въ мірѣ владыка міра. Онъ скончался въ Москвѣ благочестно и погребенъ славно, 1809 года въ августѣ, отъ рожденія своего 78 лѣтъ“ .

Въ 1771 году Москву постигло страшное несчастіе,—морозная чума, въ короткое время повысившая смертность до небывалыхъ размѣровъ. Уцѣлѣвшее населеніе въ паническомъ страхѣ бѣжало изъ опустѣвшей столицы, тѣмъ не мало озаботивъ правительство, опасавшееся, что ужасное повѣтріе будетъ разнесено повсюду; къ тому же полиціи почти не существовало, предохранительныхъ мѣръ не принималось. Тогда зажиточный купецъ Илья Ковылинъ, ревностный едосѣвецъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками подалъ московской администраціи оффиціальное заявленіе такого содержанія: „мы, нижеподписавшіеся, въ означенномъ отъ насъ противъ Преображенскаго въ земляномъ валу мѣстѣ для содержанія больныхъ больницу построимъ, съ тѣмъ, что какъ для караула, и смотрѣнія за больными, такъ равно и вывозу въ оную забо-

лѣвшихъ изъ домовъ, людей надежныхъ довольное число опредѣлимъ, и тѣхъ больныхъ и помянутыхъ опредѣленнымъ снабжать платьемъ, обувью, и довольною пищею содержать будемъ сами, а если сего исполнять не будемъ, то подвергаемъ себя, чему будемъ по закону достойны, въ чемъ и подписуемся“ Ковылинъ былъ извѣстенъ за человѣка безусловно благонамѣреннаго, предложеніе его пришлось какъ нельзя болѣе кстати, разрѣшеніе было дано и Ковылинъ приступилъ къ осуществленію своего плана. На дорогѣ изъ Москвы едосѣвцы устроили карантинъ, всюду загородили заставами и принялись за благотвореніе. Употреблены были всякія средства, чтобы пропитать голодныхъ, призрѣть и успокоить старыхъ, слабыхъ и больныхъ. „Молва о прокормленіи на ковылинскихъ заставахъ живо облетѣла всю Москву; голодные и изнуренные страхомъ исполняли правила о семи поклонахъ передъ трапезою и послѣ нея, безъ чего никто къ столу не допускался, участвовали при служеніяхъ Ильи Ковылина, который въ особенномъ шалашѣ предъ древними иконами, отправлялъ молебствія, вечерни, всенощныя, при чемъ не оставлялъ поучать, что бѣдствіе язвы и голода произошло отъ никоновской вѣры. „Вотъ какъ Богъ ополчился противъ враговъ своихъ, преступниковъ православія, щепотниковъ, и какъ ихъ караетъ. Можетъ ли на нихъ сходить Духъ Святой, когда ихъ маковицы заросли волосами, бриты бороды, обезчещенъ образъ Божій, тогда какъ царь Давидъ за бритье пословъ его воздвигъ войну“.

Легко понять, какъ относился народъ къ сострадательнымъ раскольникамъ, видя, съ одной стороны, что мертвые погребаются безъ христіанскихъ обрядностей, безъ напутствія православнаго священника, боявшагося заразиться, а рядомъ съ этимъ, у Ковылина все идетъ „благочестно“, опасно больные видятъ у себя наставника съ теплымъ словомъ, погребеніе сопровождается христіанскимъ благолѣпіемъ. Сравненіе и на этотъ разъ не говорило въ пользу господствующей церкви, и сыграло огромную агитаціонную роль. Число едосѣвцевъ, тайныхъ и явныхъ, росло со дня на день, инстинктивно тяготѣя къ Преображенскому. Эпидемія уже прошла, но впечатлѣніе отъ дѣятельности Ковылина и его помощниковъ осталось. Пріютившимся подъ гостепрjemнымъ кровомъ очень уже не хотѣлось уходить

оттуда, благо Ковылинъ и не думалъ просить ихъ пожаловать вонъ, и постепенно сьорганизовалось уже постоянное общежитіе, носившее безусловно монастырскій обликъ. Всѣмъ общинникамъ тщательно и систематически внушалось, что вѣнчать можетъ только священникъ, а такъ какъ вся церковная іерархія отравлена пиконіанствомъ, то и браки, ею благословленные, — просто блудное сожителство, противное Богу и достойное вѣчнаго мученія въ огненномъ озерѣ; расторженіе брака и посвященіе себя Богу можетъ искупить отъ этого, неминуемаго въ противномъ случаѣ, наказанія.

Къ воцаренію императора Александра I Преображенское кладбище уже затмило собою захирѣвшій Выгъ, считаясь теперь богатѣйшею общиною „древняго благочестія“, въ однихъ пріютахъ котораго проживало болѣе трехсотъ человѣкъ, да около 3000 прихожанъ считалось по всей Москвѣ.

Въ 1808 г. Ковылинъ, чрезъ своихъ чиповныхъ благопріятелей, подалъ императору „всеподданнѣйшее“ прошеніе, въ которомъ говорилось, что „московскіе старообрядцы, желая доставить призрѣніе безпокровнымъ, старымъ и бѣднымъ своего общества, приняли намѣреніе соорудить богадѣлennyй домъ, и повергая планъ содержанія ихъ къ престолу Его Императорскаго Величества, просятъ утвердить оный своимъ Высочайшимъ Именемъ“. Я почитаю — заключаетъ Ковылинъ, — себя щастливымъ въ преклонности дней моихъ, которые Богу угодно было продлить, чтобы я ходатайствовалъ у Монарха-отца о дѣлѣ, столь пріятномъ его чадолюбивому сердцу и столь полезномъ, для безпомощнаго чловѣчества“. И на это разрѣшеніе послѣдовало, благодаря близкимъ связямъ богатѣйшаго Ковылина съ гллубко презираемой имъ въ душѣ администраціею, поторопившейся завѣрить въ Петербургѣ, что „образъ правилъ ихъ (федосѣевцевъ) всегда состоялъ въ совершенной тишинѣ и согласіи и при безпрестанномъ занятіи въ приношеніи усердныхъ молитвъ Создателю міра“.

Въ прошеніи указывалось затѣмъ, что федосѣевцы, какъ вѣрноподданные сооего монарха, находя себя достойными по горячей любви къ нему его благоволенія, ходатайствуютъ объ освобожденіи кладбища отъ зависимости синода, и дать право кладбищу распоряжаться по собственному желанію завѣщан-

ными ему различными лицами движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Просьба эта успѣха не имѣла, но за то Ковылину, чрезъ посредство своихъ вельможныхъ благопріятелей, удалось достичь крайне важнаго для нихъ высочайшаго повелѣнія исключить изъ метрическихъ книгъ по московскимъ приходамъ всѣхъ старообрядцевъ. Но Ковылинъ не удовольствовался ограничительнымъ характеромъ указа, и, пустивъ въ ходъ вліяніе князя Куракина, могъ утѣпиться расширеніемъ правъ, данныхъ москвичамъ и на остальныхъ еедосѣвцевъ. „Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Преображенское кладбище обязапо своимъ существованіемъ Ковылину. Разсматривая его дѣйствія, можно признать, что Ковылинъ, при ничтожномъ своемъ образованіи, владѣлъ въ высокой степени хитростію; не имѣя просвѣщенія, не создавъ поваго раскола, но извлекая таившійся до него изъ мрака, придавъ ему новую форму, своими стараніями представилъ его смѣлымъ и дерзкимъ противникомъ православной церкви. Изъ грубаго по ремеслу кирпичнаго заводчика онъ достигъ связей съ вельможами своего вѣка, проникъ ихъ слабости и умѣлъ пользоваться ими весьма благоразумно; не составляетъ ли это его въ ряду знаменитыхъ европейскихъ основателей расколовъ“ *).

Но за этимъ холодно оффиціальнымъ признаніемъ педюжинности Ковылина, при ознакомленіи съ нѣкоторыми фактами, можно вывести нѣчто поучительное.

На сторонѣ Ковылина были двѣ могучія, никогда не теряющія своей мощности силы: умъ и деньги. Вѣчно па сторожѣ, вѣчно готовый отразить всѣ нападенія противъ дорогого его сердцу Преображенскаго кладбища,—этой временной magna charta libertatis раскола,—съ вкрадчивою улыбкою на безкровныхъ губахъ, миллионеръ-фанатикъ глубоко и страстно презиралъ дешевую человѣческую натурашку, готовую податься даже мимолетному соблазпу. И Ковылинъ имѣлъ па такое чувство полное нравственное право. Закупивъ почти всю московскую администрацію, посыпавъ золотымъ пескомъ запылившуюся іерархическую лѣстницу, видя, что самые строгіе охранители „незыблемыхъ устоевъ гражданственности“, куда-то прячутъ свои

*) В. Кельсиевъ., „Сборн. прав. расп. о расколѣ“. Лондонъ. 1860. В. 1, стр. 29.

„убѣжденія“ при видѣ раскрывающейся мощны бородатаго плебея, „достоуважаемый Илья Алексѣвичъ“, подавляя невольное брезгливое ощущеніе, ad majorem Dei gloriam водилъ дружескую компанію съ знатью, кормилъ лукулловскими обѣдами, чуть ли не купалъ ее въ шампанскомъ, и саркастически ухмылялся, съ наслажденіемъ любясь грустною картиною перепившихся „никоніанъ“.

19 августа 1809 г., истощенный продолжительнымъ и суровымъ постомъ, Ковылинъ умеръ. Несмѣтная толпа, во главѣ съ московскимъ комендантомъ, провожала прахъ заслужившаго общія симпатіи старца. Нечего и добавлять, что похороны завершились обильнѣйшими поминками.

И послѣ смерти Ковылина хорошо налаженная организація продолжала существовать, умѣло обходя всяческія препятствія, становившіяся поперекъ ея пути.

Попрежнему Преображенское кладбище являлось лидеромъ всей едосѣвщины, играя роль связующаго центра, но нельзя не признать что умственная работа всей партіи постепенно теряла свою остроту, способность подходить близко къ животрепещущимъ вопросамъ раскола, создавшую ей временную гегемонію среди раскольничьихъ фракцій, и едосѣвцы сплошь и рядомъ размѣнивались на мелочи, затрачивая не мало мыслительной энергіи на разрѣшеніе такихъ схоластическихъ софизмовъ, какъ, напримѣръ, въ родѣ инцидента 1817 года, возникшаго по слѣдующему поводу. Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ при произношеніи молитвы „Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“, едосѣвцы и вообще всѣ старообрядцы, налагаютъ двуперстіе на лѣвое плечо какъ разъ при словахъ: „Сыне Божій“, и никогда имъ раньше въ голову не приходило, что, какъ извѣстно, на лѣвомъ плечѣ постоянная резиденція сатаны, искушающаго человѣка чрезъ нашептываніе въ лѣвое ухо, и, стало быть, сблизжать имя Божіе съ дьяволомъ совсѣмъ уже неудобно. Нежданно-негаданно появившееся сомнѣніе скоро вызвало уже немалый соблазнъ. Провинціальной едосѣвщины разрубить этотъ гордіевъ узелъ оказалось не подъ силу, пришлось обратиться къ компетенціи Преображенскаго кладбища, одинъ изъ наставниковъ котораго, Гпусинъ—личность довольно таки неразъясненная, предложилъ старо-

обрядчеству держать руку на животѣ, а крестить лѣвое плечо уже по окончаніи молитвы, взявъ при 'этомъ на себя миссію испросить у Господа Бога простить грѣхъ прежняго невѣдѣнія, что, въ сильной степени, отзываетъ или непростительною наивностью, или вѣрнѣе,—шарлатанствомъ.

Благополучно пережило Преображенское кладбище эпоху политическо-общественной неустойчивости царствованія Александра Благословеннаго, мистика въ душѣ и споткнулось, наконецъ, на николаевскомъ режимѣ, подозрительно настроенное воображеніе котораго не смогло примириться съ фактомъ существованія *status in statu*.

Первую серьезную непріятность общинѣ причинили такъ называемыя „Отеческія завѣщанія“, составленныя однимъ изъ видныхъ дѣятелей кладбища и попавшія въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Текстъ „завѣщанія“ носилъ явно крамольный отгѣнокъ, весьма неосторожно афишируя запечатанныя въ сердцахъ раскольниковъ общія догмы безпоповщины. Говорилось тамъ, что „отъ лѣта по Рождество 1667 установленная Богомъ царская власть и начальствующая упразднилась и наступило царствованіе антихристово“, что „бракъ отняся и запретися“, а потому „младенцевъ, отъ христіанъ брачующихся, не крестить“ и т. д. Изъ сего усмотрѣно было, что правила едосѣвщины «ведутъ къ беспорядкамъ, къ разврату и къ дѣтоубійству». 18 апрѣля 1847 года послѣдовало непріятное для раскольниковъ высочайшее повелѣніе:

„Для учрежденія въ богадѣльномъ домѣ, находящемся на Преображенскомъ кладбищѣ порядка, на точномъ основаніи указа 15 мая 1809 г., о сказанномъ домѣ послѣдовавшего, подчинить оный вѣдѣнію попечительнаго совѣта заведенія общественнаго призрѣнія въ Москвѣ, въ число городскихъ благоугодныхъ заведеній, состоящихъ подъ личнымъ Его Величества направленіемъ и предоставить ему немедленно принять тотъ домъ въ свое завѣдываніе и устроить порядокъ управленія, соблюдаемый въ другихъ подобныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, приводя сіе въ исполненіе не вдругъ, но постепенно, дабы быстрымъ измѣненіемъ прежняго порядка не охладить усердія раскольниковъ къ добровольнымъ приношеніямъ въ пользу своихъ беспомощныхъ единомышленниковъ, такъ

какъ сіе благотворительное заведеніе содержится исключительнo таковыми приношеніями, а затѣмъ приведя въ извѣстность все имущество, доходы и вообще способы сего заведенія, представить соображенія о дальнѣйшемъ онаго содержаніи попечительнаго совѣта“. Правительственное дознаніе выяснило, что „Преображенское кладбище, съ его богадѣльнымъ домомъ есть ничто иное какъ религиозное и политическое, раскольниками самовольно устроенное учрежденіе, которое по всей Россіи усваиваетъ безпоповщинской сектѣ характеръ отдѣльнаго общества и заправляетъ дѣлами этой секты по всему государству; что оно имѣетъ огромные денежные способы, коими старшины распоряжаются на распространеніе раскола“. 19 марта 1854 года митрополитъ московскій Филаретъ поставилъ въ извѣстность оберъ-прокурора о новомъ теченіи въ расколѣ.

„Обращенное правительствомъ вниманіе на прекращеніе безпорядковъ на такъ называемомъ Преображенскомъ кладбищѣ, (которое подъ видомъ богадѣльнаго дома, заключало въ себѣ людей, чуждыхъ православной церкви, содержащихъ и распространяющихъ ученія, сколько противныя церкви, столько же предосудительныя въ отношеніи къ правительству и общественной жизни), для разсудительныхъ послѣдователей преображенскихъ наставниковъ, сдѣлалось случаемъ къ такому движенію умовъ, по которому они начали сознавать неправильность своего положенія въ отношеніи къ вѣрѣ и получили расположеніе къ соединенію съ св. церковью“.

Быстро пошло дѣло „очищенія“ безпоповщинской твердыни, и черезъ два года извѣстный витія оффиціальной церкви архіепископъ Херсонскій Иннокентій, посѣтивъ знаменитое нѣкогда кладбище, теперь превратившееся въ заурядный погостъ, имѣлъ возможность констатировать, что „теперь тутъ отъ возсіявшаго весенняго солнца ледъ ожесточенія растаялъ и явилась свѣжая нива, удобная къ пріятію сѣмянъ здраваго ученія, теперь тутъ, вмѣсто вѣковой вражды, водворилось благое начало единства съ церковью православною и взаимной любви Христовой, такъ что тѣ, кои составляли собою язву на тѣлѣ церкви, скоро могутъ составлять одно изъ лучшихъ ея украшеній“.

Исторія Выговской пустыни и Преображенского кладбища, думается, поучительная уже въ томъ отношеніи, что достаточно убѣдительно доказываетъ всю шаткость идеи измѣнить условія соціального быта путемъ перехода отъ индивидуалистическихъ основъ къ коммунальнымъ, понимаемымъ въ смыслѣ религиозно-этического идеала. Процессъ разложенія подобнаго организма всегда одинъ и тотъ же. Воодушевление, вызванное отвлеченнымъ экстазомъ, является слишкомъ ненадежнымъ ферментомъ общежитетской солидарности. Неносильныя задачи, внушенныя страстнымъ порывомъ вверхъ, по ту сторону ощущаемой реальности, таятъ въ себѣ самихъ растлѣвающихъ начала, гибельныя для равновѣсія плоти и духа. И Выгъ и Преображенское погибли отъ одной причины—неразсчитанности силъ, находящихся въ распоряженіи человѣка. Явная ненормальность постановки вопроса объ аскетическомъ уклоненіи отъ брака, не могла снособствовать жизненности коммуны здоровыхъ, сильныхъ людей, подпавшихъ гипнозу плѣнительной мысли о возможности подчиненія запросовъ крови ригористической слѣпотѣ доктрины о всевластїи духа.

Да и не одинъ бракъ подорвалъ безпоповщину, подорвала вся ложность ея теоретической концепціи, созданной застывшими старческими головами.

Филипповщина.

25 декабря 1827 года въ Угличѣ, въ домѣ тамошняго кунца Ивана Васильевича Выжилова человѣкъ десять наиболѣе видныхъ послѣдователей лѣваго крыла безпоповщины, называвшіе себя „филипповцами“, собравшись изъ разныхъ сторонъ, по случаю многихъ замѣченныхъ мудрованій и нехраненія отеческихъ преданій, постановили:

„Возрадѣмъ свое православіе содержати и яко же желаемъ своимъ душамъ спасенія, также наипаче усердно и о прочихъ спасеніи старатися.

„Сверхъ опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также 106 Поморскихъ статей, содержать и хранить слѣдующее:

„Въ воскресные дни, Господскіе и Богородичные праздники и равно въ дни великихъ святыхъ, христіанамъ не работать, не торговать ничѣмъ и никакого дѣла не дѣлать, а приходити на общее моленіе и слушаніе Божественнаго писанія.

„Внѣшнихъ въ вѣру принимать со искусомъ и исповѣданіемъ Правыя вѣры и житія по писанію, и святаго крещенія скоро не сподоблять. У кого изъ приходящихъ къ вѣрѣ окажутся малыя дѣти, принимать ихъ съ тѣмъ, буде согласятся и дѣтей съ собою въ вѣру привести, а безъ того не принимать.

„Приходящихъ къ намъ отъ Ѳедосѣевыхъ и Монастырскихъ (Поморцевъ) принимать съ четырехдесятинымъ постомъ, а кто изъ нихъ находится въ явныхъ нѣкоихъ качествахъ, то по разсужденію налагать постъ и болѣе продолжительной; родителей ихъ не поминать, также и иконъ отъ нихъ не брать.

„Новоженовъ принимать, съ тѣмъ, чтобы они разошлись.

„Староженовъ принимать, съ совѣтомъ тоже разойтись.

„Отъ внѣшнихъ младенцевъ въ крещеніе принимать, если родители ихъ дадутъ обѣщаніе съ младенцемъ не сообщаться и прочаго совокупленія не имѣть, въ среду и пятокъ поститься, въ Никоніанскую церковь на свадьбы и позорища не ходить, и тамъ не крестить; младенца отдавать на охраненіе христіанамъ; буде же они свой обѣтъ преступятъ и вiovъ принесутъ младенца, то не принимать, доколѣ не вступятъ въ соглашеніе, если крещеннаго младенца осквернятъ,—хранителей его наказывать, оскверненныхъ же младенцевъ не отпѣвать и не поминать.

„Отъ новоженовъ, безъ развода, младенцевъ не крестить и приисовъ въ церковь на службу не вѣзывать.

„Тѣхъ отцовъ и матерей, которые сына женятъ или дочь отдадутъ замужъ, на покаяніе не принимать, доколѣ не расторгнутъ брака.

„На тѣхъ родителей, кои женятъ или выдадутъ замужъ мірскихъ дѣтей и будутъ прикладывать къ тому свое попеченіе, накладывать двѣ четырехдесятиницы, или два поста.

„Всѣмъ духовнымъ правителямъ быть безпорочными и знающими св. Писаніе, имѣть имъ духовныхъ отцовъ и духовнаго

дѣла касаться по избранію братства, съ благословеніемъ духовныхъ отецъ.

„Иконникамъ безъ благословенія отеческаго дѣла сего не касаться, иконы писать съ древнихъ образцовъ, иновѣрнымъ иконъ не писать и не продавать, жить цѣломудренно подъ смотрѣніемъ отцовъ духовныхъ и безъ совѣту ихъ ничего не дѣлать, ходить каждый годъ четырежды на исповѣдь.

„Настоятелямъ при своихъ кельяхъ зазорныхъ лицъ не держать, также и всѣмъ христіанамъ женскаго полу въ работницы не нанимать и единокелейно не жить.

„Свѣчи работать для христіанъ, а иновѣрнымъ не продавать.

„Въ праздники и на поминки къ иновѣрнымъ и несогласнымъ съ нами не ходить, снѣднаго и напитковъ отъ нихъ не вкушать.

„Входя во внѣшніе дома, иконамъ ихъ не кланяться.

„Платья необычнаго не носить, какъ-то: халатовъ съ отворотами, тулуповъ съ воротниками, сапоговъ смазныхъ, картузовъ, малокрылыхъ шляпъ, жилетовъ и разной пестряди рубашекъ и прочихъ разнообразныхъ матерій, сарафановъ, непристойныхъ черевиковъ, цвѣтныхъ платковъ, особенно во время собранія въ молитвенномъ домѣ.

„Чаю не пить и пряниковъ не покупать.

„Въ стриженіи власовъ всѣмъ соблюдать христіанскій обычай; затылка высоко не выстригать и шеи не брить.

„Вина и прочаго хмѣльнаго питія не употреблять, по нынѣшнему горькоплачевному времени и по обѣщанію нашему жить цѣломудренно и соблюдать чистоту.

„Такожде по причинѣ разсѣянія людей освященныхъ—мяса не принимать.

„Всѣмъ христіанамъ, какъ мужескому, такъ и женскому полу на мірскія бесѣды и прочія сонмища и гульбища, христіанамъ не приличныя, не ходить.

„Христіанамъ въ наслѣдство имѣнія внѣшнимъ не оставлять, хотя и дѣти будутъ.

„Христіанамъ въ банѣ съ мірскими не мыться, также и въ печахъ не париться.

„Крестное знаменіе каждому налагать истово, кланяться

низко, посты поститься по уставу, во все лѣто среду и пятокъ ѣсть однажды въ день и когда слѣдуетъ класть поклоны земные, равно и понедѣльникъ поститься,

„Въ молитвенныхъ домахъ, гдѣ бываетъ общее собраніе, мужескому полу съ женскимъ безъ преграды и безъ завѣсы не молиться и вмѣстѣ не пить, также и въ домахъ безъ преграды не спать.

„Отцамъ духовнымъ при крещеніи и покаяніи отнюдь денегъ не брать.

„Денегъ въ ростъ и ломбардъ не давать.

„Каждый годъ одинъ разъ духовнымъ отцамъ собираться, гдѣ означено будетъ, любовно совѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ, другъ друга любовно подкрѣплять, отеческихъ чиноположеній не опущать.

„Въ помощь духовнымъ отцамъ для исправленія усмотрѣнныхъ недостатковъ, избирать выборныхъ, а для наблюденія надъ женскимъ поломъ избирать старушекъ, и что за кѣмъ окажется, возвѣщать отцу духовному или выборному; женскому полу однимъ вездѣ не шататься.

„Для наблюденія надъ всѣмъ симъ, пынѣ же избрать выборныхъ трехъ человекъ соборныхъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно посѣщали страны и надсматривали, выполняется ли по всѣмъ странамъ, а гдѣ усмотрятъ упущеніе, сообщать о томъ, чего сами рѣшить не могутъ, собранію отцовъ духовныхъ.

Таково было окончательно сложившееся ученіе филипповскаго согласія, пошедшаго отъ бывшаго стрѣльца Филиппа, впоследствии „духовнаго отца“ Выговской пустыни. Послѣ подчиненія выговцевъ самаринской комиссіи, Филиппъ откололся отъ Поморья и поселился съ собравшимися вокругъ его единомышленниками на рѣкѣ Умбѣ. Провѣдали о немъ власти, отправили воинскую команду, но Филиппъ сжегъ себя съ семидесятью наиболѣе преданными ему изувѣрами. Его преемникъ Терентій повысилъ число жертвъ фанатизма до девяноста, да почти столько же переселилъ въ лоно Авраамово третій вожакъ, старецъ Матѣей.

Съ ихъ почина самоубійство вошло въ практику ревностныхъ приверженцевъ филипповщины, видѣвшихъ въ этомъ

вѣрное средство уберечь свою душу отъ мірскаго соблазна и захвата антихристомъ.

Первоначально филипповщина пустила свои корни въ извѣстномъ торговомъ селѣ Кимрахъ Тверской губерніи, а уже отсюда въ концѣ восемнадцатаго столѣтія перекинулась въ Москву. Долго скитались филипповцы по Россіи, пока не нашли себѣ прочнаго пристанища. Организациія ихъ шла медленно, и только тогда мало по малу стала приходить въ порядокъ, когда почти совсѣмъ стихли преслѣдованія раскольниковъ. Отсюда—аскетизмъ гораздо дольше существовалъ между филипповцами нежели между поморцами и еедосѣвцами. Еедосѣвцы и поморцы распропагандировали купечество и зажиточное крестьянство, агитациія филипповская обратилась къ мѣщанству и крестьянству,—т. е. полу-пролетариату. Прежде чѣмъ основаны были въ Москвѣ Преображенское кладбище и Покровская часовня—о послѣдней рѣчь будетъ впереди—еедосѣвщину и поморство уже составляла компанія богатыхъ буржуа, заправлявшими всѣми общинными дѣлами.

Когда исторія застала филипповцевъ въ Москвѣ, ихъ матеріальное положеніе было совсѣмъ таки неважнымъ.

На первыхъ порахъ проявленія филипповщины въ Москвѣ были очень скромны: общественныя собранія для молитвы составлялись лишь тогда, когда пріѣзжали кимрскіе монахи. Но репутація „крѣпкихъ христіанъ“ сохранялась за филипповцами, а когда поправились ихъ дѣла, то и вся сдержанность покатила по торной дорожкѣ.

„Терпимость екатерининскаго правительства создала весьма благопріятную почву для сближенія съ міромъ самыхъ крайнихъ партій раскола. Но чѣмъ примиреніе было легче, чѣмъ компромиссъ становился соблазнительнѣе, тѣмъ онъ долженъ былъ казаться болѣе опаснымъ настоящимъ радикаламъ безпоповщины. Правительственное снисхожденіе къ расколу представлялось имъ новымъ искушеніемъ, предназначеннымъ для того, чтобы предать людей въ руки „сына погибели“. Жертва этого искушенія была на лицо: еедосѣвцы запутались въ тѣ же мірскія сѣти, въ которыя раньше ихъ попали поморцы. Естественными обличителями еедосѣвцевъ являлись теперь самые строгіе изъ безпоповцевъ—филипповцы. Съ точки зрѣ-

нія безпоповщинскаго идеала, филипповцы имѣли полное основаніе упрекать едосѣвцевъ, что тѣ не смѣшались пострадать за вѣру, не стремятся къ мученической смерти, не разрываютъ съ мірянами, а, напротивъ, ради корысти и наживы заводятъ съ ними торговыя сношенія и семейныя связи, изъ страха муки платятъ имъ дары и налоги. И защищаясь противъ этихъ обвиненій, едосѣвцы припуждены были прибѣгнуть къ тому же авторитету, который выставляли противъ ихъ собственной нетерпимости поморцы. И они принимались доказывать, что „чувственный“ антихристъ еще не пришелъ, что его „ни на какое лицо пельзя указывать“. Имъ, какъ и поморцамъ, такое толкованіе давало возможность заключить если не окончательный міръ, то хотя бы перемиріе на неопредѣленный срокъ съ существующимъ гражданскимъ строемъ.

„Въ сущности, однако, и сами филипповцы не менѣ едосѣвцевъ нуждались въ этомъ перемирії. Они могли сколько угодно, напускать на себя внѣшнюю суровость, щепетильно воздерживаться отъ всякаго общенія съ православными, даже выражать готовность пострадать за вѣру при первомъ открытомъ столкновеніи съ властями, но отъ всего этого суть дѣла не измѣнялась. Разъ они продолжали, все-таки, жить въ обществѣ, они поневолѣ должны были подчиниться нѣкоторымъ условіямъ общежитія, представлявшимся, съ строгой точки зрѣнія, дѣломъ антихриста. Это противорѣчіе слова съ дѣломъ, не могло не тревожить людей съ чуткою совѣстью; за грѣхъ общенія съ міромъ совѣсть требовала искупленія: и вотъ отъ времени до времени, жертвы этихъ душевныхъ мукъ то искали въ глухомъ лѣсу голодной смерти, то удивляли міръ какимъ-нибудь громкимъ протестомъ съ прямою цѣлью вызвать преслѣдованіе начальства. Вѣроятно, не мало совѣстливыхъ душъ нашли личное удовлетвореніе въ подобномъ исходѣ, прежде чѣмъ одному изъ нихъ, одаренному отъ природы не только чуткою совѣстью, но и сильнымъ умомъ, и энергической волей и, наконецъ, обширными познаніями не удалось сплотить небольшую кучку одинаково настроенныхъ въ отдѣльное общество и найти выраженіе ихъ личному настроенію въ стройной системѣ“ *).

*) П. Миллюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“, часть 2, стр. 89.

Странники.

«Ничто не можетъ воспретити
 Отъ странствованья отлучити.
 Пищи тако не алкаю,
 Странствоваться понуждаюсь.
 Не такъ жаждою смущаюсь
 Скитатися понуждаюсь.
 Всему міру въ смѣхъ явлюся,
 Токмо странства не минуся
 Бѣжи, душа, Вавилона,
 Постигаи спѣшно Сіона,
 Тецы путемъ къ горню граду.
 Плачи душе, о томъ времѣ,
 О грѣховномъ своемъ бремѣ
 Како будещи отвѣщати,
 На судѣ страшномъ предстати.
 Уже часъ дне сокращается,
 Смертный день приближается».

Въ этихъ немудрыхъ стихахъ сказалось цѣлое направле-
 ніе раскола, ставшее на крайнемъ его лѣвомъ флангѣ, въ дог-
 матъ возведшее пассивное сопротивление антихристу въ лицѣ
 іерархіи и администраціи російской державы путемъ укло-
 ненія отъ подчиненія его законамъ, что достигалось постоян-
 нымъ нахожденіемъ въ бѣгахъ, передвиженіемъ съ мѣста на
 мѣсто, безъ какой бы то ни было осѣдлости.

Какъ и всѣ почти старообрядческія фракціи, согласіе стран-
 никова или бѣгунова получило свою оформленность въ эпоху
 чудовищныхъ контрастовъ русской жизни, судорожно бив-
 шейся подъ напоромъ искусственно вводимой „заморщины“.
 главною прелестью и преимуществомъ которой считалась разра-
 ботанность и всеобъемлемость полицейско-бюрократическаго
 режима. „Петербургскій періодъ“ нашей исторіи довершилъ
 дѣло московскихъ „собирателей“, подчинивъ движенія громад-
 ной государственной машины, указанію центральныхъ канце-
 лярій, мало справляясь съ истинными потребностями Россіи,
 величіе и процвѣтаніе которой цѣлыхъ почти сто лѣтъ пони-
 малось въ смыслѣ расширенія географическихъ границъ. Мы
 только что цитировали мнѣніе нашего извѣстнаго историка
 П. Н. Милокова о „терпимости екатерининскаго правитель-
 ства“. Но вѣрнѣе будетъ опредѣлить систему сѣверной Семи-

рамыды, какъ желаніе мягко постлатъ, не особенно то заботяся объ удобствѣ дальнѣйшаго. Вышній эффектъ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ обходился сермяжной Россіи ой какъ недешево. Горемычная масса податного народа, среди которыхъ особенно процвѣталъ расколъ, стономъ стонала, — но всѣ ея вопли, — по словамъ князя Щербатова — не были слышны среди столичной роскоши. Народъ совершенно не зналъ правительства, и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостнаго права, развившагося до своего апогея и проч. Толстый слой приказной бюрократіи, созданной табель о рангахъ и воспитанной канцелярской безнаказанностью, задавилъ собой подлый людъ, отданный отъ „финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“ въ безконтрольное распоряженіе всевозможныхъ ландратовъ, ландрихтеровъ, ландкомиссаровъ, оберъ-комендантовъ и т. п. продуктовъ нелѣпо понятой западно-европейской цивилизаціи.

Всѣ сословія, кромѣ „достохвальнаго шляхетства“, были нестерпимо ограничены въ своихъ даже гражданскихъ правахъ. Не видѣлось рѣшительно никакого просвѣта; одно безначаліе, деспотическое давленіе и своеобразное „внѣзаконіе“. Все смутило народъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству, единственному спасенію въ безвыходно-тяжеломъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было неудержимое, непрерывное, повсемѣстное, особенно на юго-востокъ и западной граициѣ. Бѣгство составляло путь спасенія, единственный способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мірѣ. То были цвѣтушія времена бродячей Руси. „Бѣжали земскіе люди отъ міра, изъ земской общины, потому что духъ антихристовъ, возвѣялъ на міръ. помутить миръ, разрознить членовъ общины, сдѣлать общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потому что она убивала лучшія производительныя силы, въ самой ихъ свѣжей мощи и жизненности. Бѣжали земскіе люди отъ податей и повинностей. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. И собирались эти бѣглые въ разныя шайки, согласья, скопища. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ „воровскія компаніи и чинились вмѣ-

сто царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, собирались больше полустолѣтїя, чтобы произвести наконецъ пугачевщину. Другіе обладая нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученїями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно собирались въ свои мирныя общины. Какъ разъ въ эпоху разочарованїя пугачевщиной, показавшаго невозможность для физически-неорганизованныхъ массъ бороться съ мощью правительства, и возникло раскольничье согласіе странниковъ или бѣгуновъ. Оно прямо и твердо стало на землѣ, даже говорило о владѣнїи землек, рѣками и усадьбами въ пользу народа. Оно указывало путь спасенїя не мистическій, не отвлеченный, а чисто земной, при томъ уже указанный народной исторїей путь бѣгства, странничества, скрѣтїя. Бѣгство было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденїемъ отъ всякихъ сдержекъ и тяжестей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ, не созерцательнымъ, а реальнымъ, практически-жизненнымъ, дѣятельнымъ, демократически-оппозиціоннымъ отрицанїемъ всякой крѣпостности и помѣщичества и ревизско-податной и казенно-церковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самоисключенїемъ изъ списка подданныхъ крѣпостныхъ, служилыхъ рабовъ имперїи сыновъ церквей. Равнымъ образомъ, не надѣясь, подобно пугачевщинѣ, трянуть Москвою, ниспровергнуть неурядившїйся политическій и церковный порядокъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило принципъ постепеннаго и постояннаго, личнаго и общесогласнаго, отрицанїя этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовки простаго народа къ политической борьбѣ, посредствомъ странствующей пронаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ. Братся—подобаетъ съ антихристомъ—говорили бѣгуны, но до времени открытой борьбы съ нимъ братся нельзя, а подобаетъ только братся противленїемъ его волѣ и неисполненїемъ его законовъ, а когда придетъ время открытой брани съ нимъ, тогда всякъ, иже убиенъ будетъ, получить вѣнецъ, какой не получалъ никто изъ мучениковъ“.

Въ восьмидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтїя въ глухихъ лѣсахъ Костромской губернїи скрывался нѣкій Евѣимїй, дезертировавшїй изъ военной службы, подъ влїянїемъ цѣлой

сумятицы душевной, обострившейся въ религіозную экзальтацію. Евѣимій былъ знакомъ съ многими старцами филипповскаго толка, научившими его не молиться властей, отвергать всякую какъ гражданскую такъ и военную службу. Побывалъ Евѣимій и въ Поморьѣ, но не поладилъ съ тамошними наставниками и перебрался временно въ Москву съ своею вѣрною спутницею и единомышленницею крестьянкою Ириною Федоровою. Не найдя и тамъ себѣ успокоенія среди учителей Преображенскаго кладбища, Евѣимій, окончателно обдумавшій начала новаго вѣроученія, впервые выступилъ съ своей проповѣдью въ селѣ Сонникахъ Ярославской губерніи. Сперва проповѣдь носила, конечно, нѣсколько необработанный характеръ, указывая лишь на основные принципы „бѣгунства“, но съ теченіемъ времени и съ развитіемъ теоретическихъ основаній вылилась въ нѣчто оформленное, съ чѣмъ, конечно, можно и не соглашаться, но оспаривать которое, какъ религіозно-этическій тезисъ, на чисто реальной почвѣ,—затруднительно.

Катихизисъ „бѣгунства“ Евѣимій изложилъ въ такъ называемомъ „Цвѣтникѣ“, главныя положенія котораго таковы:

„Апокалипсисный звѣръ есть царская власть. Икона его—власть гражданская, тѣло—церковная.

„Приде и послѣдній врагъ Божій—чувственный антихристъ, на великороссійскую сѣдѣ державу, поплѣни вся храмы Божій, пусты сотвори вся церкви Христовы.

„Кто убо сей скверный, чувственный антихристъ? не иного мню, развѣ Петра перваго, врага же Божія послѣдняго; о немъ бо ясно св. Кириллъ Іерусалимскій рече: во имя Симона Петра имать веѣсти гордый князь міра сего—антихристъ.

„Въ началѣ бо указныхъ повелѣній своихъ рече: мы, Божію милостію, Императоръ, понеже съ нимъ въ еретическомъ провозглашеніи и дьяволъ провозглашается.

„Начатіе скверная печати онаго чувственнаго антихриста, налагаемой на тѣлѣхъ человѣческихъ (Апок. XII. 9) отъ начатія онымъ императоромъ народныя описи знаменаетъ быти. Понеже до сей описи челоуѣцы свободни быша. Онъ же, описавшійся народъ въ грудѣ собра, хотя его во власти своей удержати но реченному Ипполитомъ (Рим. папою): Антихристъ соберетъ расточенные люди.

„И по реченному: тогда беззаконный вознесется сердцемъ и собереть бѣсы въ образѣ челоувѣчѣ и сотворитъ изъ нихъ себѣ пачальники, будетъ жестокъ, наглъ, лють, яръ, нестроевъ, страшенъ, ненавистенъ, мерзокъ, мучитель, лукавъ, воззоветъ гласомъ крѣпкимъ: кто силенъ, якоже, азъ кто Богъ велій, раавѣ мене, и чувственнїи бѣси его, по Ипполиту, возлагають повсюду: царь велій явился... приидите, водите крѣпость его и силу, сирѣчь: діавола власть полная, егда сей врагъ поплѣни послѣднее наслѣдіе Божїе Россійское царствїе, тогда наречеса царь быти всей земли, его же разсылщики чувственнїи бѣсы проповѣдаша крѣпость и силу величества полномощную; новый Богъ даетъ вамъ вино, богатство многочисленное, и честь, роскошное и славное житїе, плоти угодное, а не путь Господень указываетъ пужный и прискорбный, ведущій въ царствїе Небесное, но законъ новый, расслабляющїи, плотолюбивый, пьянственнїи, раскольнїи, свинскїи.

„Того ради не повелѣно оному льстецу и гонителю по-виноватися, и покорятися волѣ его; слушаая бо повелѣнїи онаго чувственнаго антихриста, слушаетъ самага Сатаны.

„Спасется лишь непокоривыйся мучителю, до самага дне суднаго непокоривымъ быти Антихристу повелѣно. Святыи Кирилль Іерусалимскїи не могущимъ противъ врага стати бѣгство проповѣдуетъ имѣти, глаголя: страшливїи да бѣгутъ, того ради достоитъ таитися и бѣгати, или же съ нимъ на брань вступати. Таковое антихриста одержанїе являетъ быти въ опись пародную, егда императоръ описалъ всѣхъ челоувѣкъ и *раздѣлилъ ихъ на разныя чины, имъ же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе, комуждо ихъ, и откуда и дань потребовася отъ умершихъ.* И самъ раздѣленїемъ яко язычниковъ содѣя, другъ на друга ратоборствовати, межи бо яко границы чуждымъ землямъ устави, аще комуждо глаголати свое. *Сей же глаголь св. Златоустъ проклятїи и сквернїи нарицаетъ; глаголь: „мое“ отъ діавола, рече, ведесе,—вся вамъ общая сотворилъ есть Богъ.*

„Отнынѣ-же, егда такъ удержаша врагомъ челоувѣцы при имѣнїяхъ своихъ, яко же лукавїи неусыпно тщанїе возымѣша, какъ большая собрати и сего ради оттолѣ пачаша бывати обманы, неправыя мѣры, неистовыя вѣсы, и во всякую вещь

неудобные примѣсы, родишася божбы и клятвы, жаждательства имѣнія, ненависть, зависть, вражда, и драки и междоусобная брани до свирѣпства, обиды до грабительствъ, все сіе онаго ради запрещенія и раздѣленія: кому оный императоръ много, кому мало, иному же ничего не давъ, токмо едино рукодѣліе имѣти повелѣ.

„Оный же императоръ введе и почти сіи нечистоты, сирѣчь три страсти: стяжаніе богатства, самолюбіе и сластолюбіе.

„И здѣ еще разумны вонмите вещь: егда бо оный императоръ умасли елинскіе и латинскіе и прочіе языческіе законы уста меняти, яко се: брады брѣти, платье нѣмецкое носити, и табакъ посомъ пити, и устами курити, и со псы изъ единыхъ сосудовъ ясти, и всякую давленину и звѣроядину употребляти, и прочая тако поганская дѣяти, а древніе останки благочестивыхъ обычаевъ до конца истребити, — исполнися реченное: и гладъ будетъ великъ.

„Тогда убо прежде сего ону преимуществую надъ всѣми власть упраздни, сирѣчь патріарше лице отстави, яко хотяще въ намѣреніяхъ оныхъ языческихъ дѣлѣ ему препятствовати, и состави синодъ, сирѣчь собраніе къ разсужденію совокупи: четырехъ бо екзарховъ, поборниковъ себѣ, въ такое же присутствіе тогда избра, папежскаго отрода, сущихъ обливанцевъ и табачниковъ и усоподѣкателей.

„Нѣсть того видѣти въ писаніи, егда бо познавъ истину человекъ, у нечестивыхъ властей своихъ спрашивались, да позволятъ имъ вѣру Христову имѣти, по содѣяша бо вѣру во Христа раболѣпну. Имя бо Христово преславно, и свято пачеже и Христоименито есть; сего ради и мы Христовы люди нарекохомся. Самъ Богъ пророкамъ бѣгати заповѣда, глаголя: бѣжите отъ среды Вавилона, сирѣчь міра сего. Сего ради и Христосъ Сынъ Божій въ послѣдніе дни, не оглядыаясь назадъ, яко жена Лотова, отъ прелести міра бѣгати повелѣ.

„Наконецъ, бѣжавъ отъ Антихриста, должно перекреститься (непремѣнно въ рѣкѣ). Всѣ бо иже во имя сатаны погружаются, облакаются въ стыдъ и срамоту и кто въ антихристову купель слазять, — не водой измывается, но яко въ калъ главня омочается и выходитъ изъ нея и скверный и смрадный“.

Малосодержательно, голословно было ученіе Еввѣимія, но

оно послужило плодотворнымъ сѣменемъ для послѣдующаго развитія догматики бѣгуновъ, породивъ нѣсколько религіозно политическихъ твореній дальнѣйшихъ реформаторовъ. Исходнымъ путемъ согласія бѣгуновъ стало село Сопѣлки Ярославской губерніи, гдѣ, по смерти Евѣмїя, поселилась его ближайшая ученица, Ирина Ѳедорова, дѣятельно распространяя начатое дѣло.

Для каждаго вновь вступающаго бѣгуна первой обязанностью было обречься на странствованіе. Но изъ строгой обязательности странствованія и необходимости его для пропаганды неминуемо вытекала необходимость убѣжищъ, пристаней для укрыательства странниковъ. И вотъ согласіе бѣгуновъ раздѣлилось на два, равно необходимыхъ и полезныхъ ad maiorem sectae gloriam разряда: на жилowychъ, мірскихъ, то есть пристанодержателей и собственно странствующихъ. Первые, принадлежа большею частью къ зажиточному крестьянству и купечеству, ведутъ жизнь осѣдлую, ничѣмъ не выдавая свою принадлежность къ бродячему люду. Дома ихъ обыкновенно имѣютъ всевозможные укромные уголки, подполья, скрытые чердаки для секретнаго проживанія странствующихъ. Бѣгуны имѣли подробнѣйшія свѣдѣнія о пристаняхъ число которыхъ, по нѣкоторымъ уберніямъ доходило до нѣсколькихъ сотъ. Составлялись спеціальныя маршруты, иной разъ и прямо таки фантастическіе. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія старообрядчество изрядно колыхнула Богъ вѣсть откуда появившаяся вѣсть, что древнее благочестіе во всей своей неприкосновенности сохраняется на дальнемъ востокѣ, „на Бѣлыхъ Водахъ, въ Опонскомъ государствѣ“. Въ этотъ то призрачный Сіопъ и кинулась было волна страннической эмиграціи. Раскольничьи географы успѣли составить путеводитель для желающихъ побывать въ благословенномъ краѣ, которымъ изъ европейской Россіи надлежало итти „на Екатеринбурхъ, на Томскъ, на Барнаулъ, вверхъ по рѣкѣ Катурнѣ на Красной Ярѣ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устьба. Во Устьбѣ спросить станнопримца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Снѣговыя горы: оныя горы на 300 верстѣ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня, въ той деревнѣ часовня, настоятель схимникъ Іоаннъ. Отъ той обители есть ходъ 40 дней съ роздыхомъ, чрезъ Кижисскую землю, потомъ

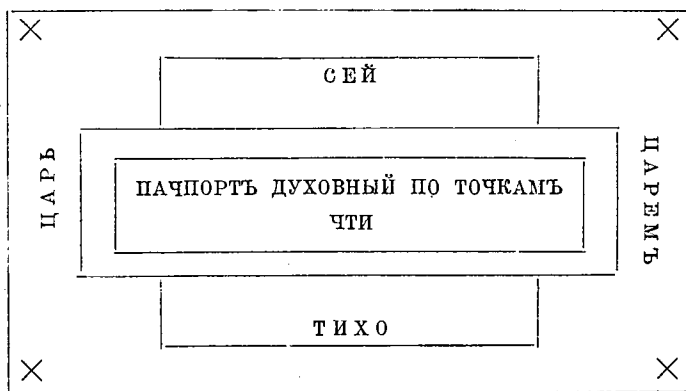
четыре дни ходу въ Татанію, тамъ Опоньское государство; живутъ въ губѣ океана-моря: мѣсто, называемое бѣловодіе и озеромъ Ловомъ, а на немъ 100 острововъ, а на нихъ горы, а на горахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкви, православные христіане. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И въ ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, разсѣдлинны каменные, а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бъ всѣ китайцы были христіане, то бъ и не единая душа не погибла“.

Запасшись на дорогу маршрутомъ, странники иногда имѣли при себѣ и самодѣльные паспорта, т. е. удостовѣренія о принадлежности извѣстнаго лица къ согласію. Документы эти были различныя, папримѣръ:

„Господь защититель живота моего: кого утрашуся?

„Господь спаситель мой: кого убоюся? Отпустилъ мя, раба своего, великій господинъ града Вышняго, чтобы не задержали бѣсы раба Божія нигдѣ. А кто страннаго пріять будетъ бояться, тотъ не хочетъ съ господиномъ моимъ знаться; а кто мя, вѣры ради гонитъ, тотъ явно себя съ антихристомъ въ геенну готовить. Аминь“.

Приведемъ другой образчикъ подобной вѣрительной грамоты, но уже нѣсколько таинственнаго смысла.

„Сей пачпортъ духовный по точкамъ чти тихо: царь царемъ“.

И бредеть себѣ такой бѣгунъ по необъятной шири русскихъ степей, да поетъ подъ носъ традиціонный стихъ:

„Паспортъ у насъ града вышняго Ерусалима,
 Убѣжали мы на волю отъ худого господина,
 Отпустилъ насъ другой господинъ—
 Богъ вышній единъ!
 Гдѣ бы намъ не жить,
 Только бы Господу служить!
 Онъ насъ къ себѣ призываетъ
 И свои руцѣ къ намъ простираетъ,
 И грѣхи наши не вспоминаетъ,
 Но токмо цѣловати насъ желаетъ,
 Въ одежду свѣтлую насъ облакаетъ,
 Въ сапоги наши ноги обуваетъ
 И тельца упитаннаго закаляетъ,
 И съ собою за трапезу посаждаетъ,
 И ангеламъ радоватися повелѣваетъ,
 Глаголя: „Радуйся, небесная сила!
 Азъ обрѣтохъ пропавшаго сына моего жива.
 ...Онъ умилными словесами утѣшаетъ,
 Но грѣшить намъ это не мѣшаетъ,
 Мы гласу его не внимаемъ
 Свою волю всегда сотворяемъ;
 Но потщимся Его гласу внимати—
 И получимъ много всякой благодати—
 Такъ пойдѣмъ же путемъ правымъ по Христѣ,
 Чтобъ не держали бѣсы рабовъ божіихъ нигдѣ.
 Бѣсы насъ сѣтями прельщаютъ
 И потомъ нагихъ въ геену опускають...
 Мы же ни града, ни села не знаемъ,
 Но къ нерукотворному граду путешествовать желаемъ“.

Но любопытно и здѣсь отмѣтить общую, присущую всѣмъ раскольничьимъ фракціямъ, черточку: инстинктивное тяготѣніе къ централизаци, проявившееся даже въ бѣгунствѣ, самый дробительный характеръ котораго долженъ былъ, казалось, вносить сепаративныя тенденціи. И дѣйствительно, хотя каждый бѣгунъ, и составлялъ отдѣльную ячейку, автономную единицу, тѣмъ не менѣе глаза всѣхъ бѣгуновъ были постоянно устремлены на Сопѣлки, какъ исходный путь развитія всѣхъ обла-

стныхъ пристаней, какъ средоточіе наибольшаго страпническаго населенія. Совокупность всѣхъ единицъ—мѣстныхъ общинъ, или пристаней, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію или союзъ согласія бѣгуновъ, скопцентрированный оксло Сопѣлокъ. Каждая отдѣльная пристань пользовалась своимъ самобытнымъ совѣтомъ и судомъ, рѣшенія котораго, въ особо важныхъ случаяхъ переносились опять таки въ высшую инстанцію сопѣлковскихъ „отцовъ“.

Изъ характерныхъ черточекъ бѣгунства слѣдуетъ указать на эмансипацію женщины, допускавшейя къ занятію должностей наставницъ, что шло въ разрѣзъ общему реакціонному взгляду старообрядчества на женскій вопросъ. Въ 1812 году нѣкій Василій Петровъ, изъ филипповскаго согласія перешедши къ странникамъ, сдѣлалъ попытку особо подчеркнуть раціоналистическую сторону теоріи странниковъ, попыткою развить ученіе объ общности имущества и отрицаніемъ необходимости исповѣди. Петровъ доказывалъ даже полную бесполезность таинствъ въ дѣлѣ спасенія, ибо Богъ при смерти грѣшника невидимо для постороннихъ глазъ пріемлетъ исповѣданіе грѣховъ умирающаго, таинственно съ нимъ сообщается и освящаетъ его. Особаго успѣха проповѣдь Петрова не имѣла, ибо послѣдній совершенно игнорировалъ антихриста, безъ чего никакъ не могли обойтись раскольники.

Болѣе существенную поправку въ теорію странничества внесъ бывшій оедосѣвецъ Иванъ Ѳедоровъ, настаивавшій на томъ, что грѣшно брать въ руки деньги, покупать продающійся казенный хлѣбъ, соль, и т. п., какъ продуктъ антихриста. Такимъ образомъ, сокративши свои насущныя потребности до крайности, страннику приходилось удовлетворять свои надобности исключительно собственными силами. На повѣрку же оказалось, что при существующемъ и доселѣ соціально-экономическомъ строѣ, обойтись безъ посредства денежныхъ знаковъ куда какъ затруднительно. Пришлось въ силу этого прибѣгнуть къ фикціи, т. е. всю матеріальную часть, необходимую для существованія странника возложить на страннопрімцевъ, подведя послѣднихъ подъ категорію своего рода кандидатовъ въ истинные члены согласія, временно якобы не порвавшихъ еще связь съ міромъ. Постепенно образовалось нѣчто въ родѣ іерархіи,

младшее мѣсто въ которой отведено было страннопріимцамъ, далѣе слѣдовали рядовые братья и сестры, руководимые старшимъ чиномъ-наставниками.

Членъ согласія, принявшій крещеніе (въ рѣкѣ, или новомъ чанѣ, налитомъ дождевою водою) уходитъ тотчасъ же въ лѣсъ, выдерживая тамъ испытаніе, въ смыслѣ извѣстнаго самосозерцанія, и, найдя въ себѣ достаточно силъ, постригается въ иночество и тѣмъ оканчиваются всѣ еіо отношенія къ міру. Онъ объявляется самовольно отлучившимся, уничтожаетъ свой паспортъ, бросаетъ всѣ заботы о своихъ государственныхъ повинностяхъ и куда-то исчезаетъ.

Въ пятидесятихъ годахъ одинъ изъ странническихъ руководителей Никита Семеновъ, авторъ „Малаго образа ересей, или 30 ересей“ жестоко обрушился на прочія старообрядческія согласія, выставивъ противъ нихъ тридцать обвиненій, нѣкоторою новизною изъ которыхъ являются тѣ пункты, въ которыхъ говорится, что всѣ не-странники:

1) Жертву даютъ діаволу строеніемъ храмовъ, даяніемъ на строеніе храмовъ и прочія потребности.

2) Въ человѣческое имя нареклись и нарицаются до днесь, противно св. Писанію.

3) Старовѣрами и старообрядцами нареклися, и сіе не отъ Божія Духа, понеже вѣра Христова ничтоже имать, но присно юнѣеть и христіаномъ нѣсть инихъ именѣ, кромѣ Христова; того ради вѣру непотребною нарекли. Вѣтхая вѣра—законъ жидовенъ, а новая вѣра—христіанъ.

4) Въ начальство *поступаютъ съ присягою и многое противъ закона обѣщаются исполнять съ цѣлованіемъ Евангелія и Креста* яко благочестивой власти служить вѣрою и правдою, и въ томъ будучи, случается, и прочихъ къ нечестію приводятъ; *своихъ единоверцевъ въ война отдаютъ.*

5) Городскіе жители въ праздничные и табельные царскіе дни планки запаляютъ и свѣчи сальныя на окнахъ, вкупѣ съ нечестивыми позорище творятъ, а за позорищи проклятіе.

6) Кровь животныхъ ядятъ въ сахарѣ и колбасахъ“.

Въ полемической литературѣ странники, при всемъ своемъ ригоризмѣ, не чуждались и юмора. Сохранилась до насъ одна довольно, въ сущности, беззлобная сатира на представителей

господствующей церкви и всю сытую, ни о чемъ не заботящуюся буржуазію, столь песимпатичную для пролетарскаго духа странниковъ.

„Пришла газета съ того свѣта, въ нынѣшній вѣкъ смотри всякъ человѣкъ; правда сгорѣла, истина охромѣла, добрую совѣсть закопали, смиреніе погамп попралл; славолюбіе епископомъ стало, сребролюбіе всѣми обладало; въ первыхъ предстали сатанѣ монахи и чернецы-пьяницы и подлецы; привели священника—озорника, болтушку, плута и мотушку; сатана главою потрясъ, испустилъ громкій гласъ: при церквахъ вы пребывали, а волю мою совершали, табачищемъ носы набивали; вино и пиво пили, ровно воду въ ротъ свой лили, безъ памяти напивались, и какъ свиньи валялись, о себѣ и стадѣ своемъ не пеклись, чтобы души ихъ спаслись; только приносы ихъ собирали, а должныхъ молитвъ не возсылали; назывались богомолы и утѣшители, а были злы, какъ мучители; затѣмъ явился гордые купцы и бояре—господа: сатана рюхнулъ по своему: а, честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда; накормлю я вашу жадную душу: стоплю олово, смолу и сѣру, какъ сладкую грушу; наполню ими непасытны ваши глотки, вмѣсто сладкой водки. Наконецъ, пришли нищіе духомъ, съ голоднымъ брюхомъ; сатана ихъ не взлюбилъ и немпого говорилъ: зачѣмъ вы глухие, пришли, иль на небо пути не нашли. Вы о грѣхахъ день-ночь болѣли, и въ адѣ себѣ мѣста готовить не умѣли; здѣсь всѣ мѣста заняли люди не простые, богатые толстые: господа вельможи, что мнѣ всегда угожи, и нищіе ухватили свои кошель въ Царствіе Небесное побрели“.

Элегическое настроеніе странничества отразилось въ его излюбленномъ духовномъ стихѣ: „не могу пребыть безъ рыданія! до конца тонетъ благочестіе, процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе: духовный законъ съ корепія ссѣченъ, законъ гражданскій въ конецъ истребленъ, вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе, лихоимцы всѣ грады содержатъ, немилосердіе въ градахъ первіе, на мѣстахъ зміи приставники, духъ антихристовъ возвѣя на насъ... не могу пребыть безъ рыданій“.

Окончательное развитіе догматика странничества получила въ такъ называемыхъ „Разглагольствованіяхъ тюменскаго странника“, написанныхъ въ духѣ строгаго порицапія „смущеннаго

жидовскаго собранія, то есть господствующей церкви, противъ которой несомнѣнно якобы направлена 18 глава Апокалипсиса, говорящая: „изыдите изъ нея людіе мои, да не причаститесь грѣхомъ ея и отъ язвъ ея да не вредитесь“. Кромѣ положеній общихъ со всею безпоповщиною, имѣется различіе въ вопросѣ о причащеніи. Отвергая причащеніе на томъ основаніи, что такъ какъ они одни сыны истинной христіанской церкви, то для нихъ одного желанія приобщиться—достаточно, „Тюменскій странникъ“ прибавляетъ: „принимаю на каждый день тѣло Христово и безсмертнаго псточника вкушаю, сирѣчь каждый день трапезу поставляю и въ показанное время обѣдаю. Законнику свято есть: кую пищу не поставитъ, хотя быше и зеліе крѣпко, и то въ тѣло и кровь Христову обращается, а беззаконнику и богопротивнику вся пища обращается въ уголь горящій, и червь кипящій и въ смрадъ зловонный изъ адова сокровища“.

Исходя изъ такого понятія церкви странники составили своеобразное, дуалистическое міросозерцаніе. Съ паденія благочестія въ Россіи вселенная раздѣлилась на двѣ половины: Божью и сатанинскую:

Въ міръ Божьемъ:

1) Богъ, истинный творецъ всея твари, зиждитель, вседержитель, пастырь, руководитель и всему міру хранитель и спаситель.

2) Духъ истинный, святой, животворящій.

3) Градъ небесный, Сионъ, вышній Іерусалимъ, и райскія свѣтлицы въ немъ.

Во градъ небесномъ:

- 4) Благовѣрные.
- 5) Благочестивые.
- 6) Священники.
- 7) Благочинные.
- 8) Попы.

Въ міръ сатанинскомъ.

1) Противникъ Божій, антихристъ, діаволъ, санъ погибельный, седмиглавый, змій древній, клеветникъ, истовый пакостникъ, судія сатанинъ, титанъ преисподній.

2) Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный.

3) Великій градъ падшій, темный Вавилонъ и адова темница въ немъ.

Въ Вавилонъ:

- 4) Зловѣрные.
- 5) Злочестивые.
- 6) Люты демоны.
- 7) Злочинные.
- 8) Пустопопы, кони сатанины, только во адѣ посятъ души къ отцу своему діаволу.

- 9) Благородные.
10) Слуги Божіи.
11) Столпы Божіи.

- 9) Злородные.
10) Слуги дѣволовы.
11) Столпы дѣволовы, какіе столпы, такія и стѣны.
12) Праздники табельные, сирѣчь табашные.

Остается упомянуть о замѣчательномъ пунктѣ ученія странниковъ, касающемся „Новаго Іерусалима“. Странники чають „перваго воскресенія, утверждая, что близко то время, когда Христось на бѣломъ конѣ прійдетъ съ небеси, сотворитъ брань съ антихристомъ и что въ это время всѣ странники будутъ въ рядахъ его воинства; тогда всѣ примутъ часть въ первомъ воскресеніи и „будутъ іереи Богу и Христу и воцарятся съ нимъ на тысячу лѣтъ“. Тысячелѣтнее царство будетъ на землѣ обновленной, о которой говорится въ XXI главѣ Апокалипсиса. „Новый Іерусалимъ для жилища странниковъ спущенъ будетъ Богомъ съ небеси на то мѣсто, гдѣ моря нѣсть къ тому“. Странники видятъ здѣсь мѣстность около Каспійскаго моря, почему и совершаютъ туда очень часто паломничества.

Въ 1854 г. по Высочайшему повелѣнію въ Ярославской губерніи былъ организованъ особый „секретный совѣщательный комитетъ“ для сужденія о степенн вредоносности согласія странниковъ. Запрошенный по сему предмету извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ отозвался, что виною распростра-ненія странничества въ настоящее время является „добрая мысль кроткаго правительства—никого не преслѣдовать за мнѣнія о вѣрѣ“, въ данномъ случаѣ совершенно недопустимая, „ибо ученіе странничества не только противно ученію православної церкви, но и отвергаетъ верховную власть, и законы, и исполненіе общественныхъ обязанностей. Слѣдовательно, живущіе по сему ученію рѣшительно отказываются отъ того, чтобы приносить какую-либо пользу государству, а стремленіе причинять оному вредъ и растройство. Поэтому, по справедливости, слѣдуетъ заключить, что такіе люди сами себя лишаютъ права пользоваться благодѣянїями государства, и оно, по закону возмездїа (sic)—въ правѣ, а по закону самохраненія,—даже обязано дѣйствовать къ уничтоженію такой секты“. Касаясь этической стороны странничества почтенный іерархъ высказалъ полное свое недоумѣніе „могутъ ли люди, которые

рѣшили не уважать законовъ церкви и государства, постоянно уважать правила, выдуманная бѣглымъ мѣщаниномъ 'и бѣглымъ солдатомъ.“

Секта была признана „вредною“ и для пресѣченія ея были назначены всѣ имѣющіяся на сей предметъ средства церкви и власть.

Согласіе „пріемлющихъ бракъ“.

Монинская часовня.

Всѣ, упоминавшіяся нами до сихъ поръ значительныя развѣтвленія безпоповщины, теоретически рѣшительно отвергаютъ таинство брака, невозможное и преступное, по ихъ мнѣнію, за отсутствіемъ законно посвященнаго и православно молящагося духовенства. Единственные поморцы пошли было на компромиссъ, придумавъ тактику закрытыхъ глазъ, чѣмъ и вызвали дробленіе въ средѣ безпоповщины, но дѣла впередъ не продвинули. Вопросъ о бракѣ былъ для раскола очень и очень щекотливъ, непосредственно соприкаясь съ столь ненавистнымъ безпоповщинѣ пунктомъ о прекращеніи іерархіи. Старообрядцы наткнулись на препятствіе, обойти которое съ помощью казуистическаго толкованія текстовъ оказалось затруднительно. Съ первою попыткою самостоятельнаго рѣшенія „гордіева узла“, выступилъ одинъ изъ передовыхъ едосѣвцевъ, Иванъ Алексѣевъ, написавшій изслѣдованіе „О тайнѣ брака“, построенное на фактахъ изъ практики древне-христіанской церкви. Послѣдняя, — какъ установилъ это, Алексѣевъ, не повторяла таинства брака надъ прозелитами, т. е. всецѣло одобряла самый институтъ, мало заботясь о его внѣшней формѣ. Бракъ, какъ справедливо думаетъ Алексѣевъ, разнится отъ прочихъ таинствъ уже тѣмъ, что въ немъ передача благодати вовсе не связывается съ обрядностью, — тезисъ, подтверждаемый „Большимъ Катехизисомъ“, по толкованію котораго бракъ есть тайна, которою женихъ и невѣста отъ чистой любви своей въ сердцѣ своемъ... согласіе между собою и обѣтъ творять“.

„Дѣйственикъ“ — т. е. лицо производящее тайну, — есть самъ Богъ, положившій въ природу живыхъ существъ потребность

плодиться и множиться. Эта-то завѣщанная Богомъ потребность и составляетъ сущность таинства. Священникъ есть только свидѣтель отъ христіанской общины, а церковная церемонія— „общенародный обычай“, скрѣпляющій гражданственность брака, „чинъ“ его, появившійся уже въ „законѣ писанномъ“, тогда какъ бракъ положенъ въ основу „естественнаго закона“, опредѣившаго всякія каноническія нормы. Алексѣевъ вполне резонно указывалъ на невозможность ссылаться на примѣры изъ предшествующей жизни. „Нужно знать—говорить онъ—что отцы наши жили далеко отъ міра, проходя пустынное и скитское житіе, потому и въ бракѣ не нуждались,—не глушаясь имъ, а не желая смущать мѣсто и пустыню превращать въ міръ. Мы же посреди міра живемъ и во всѣхъ соблазнахъ міра пребываемъ. Послѣдователи Алексѣева, какъ водится, оказались радикальнѣе своего учителя, и рѣшили, что вообще никакого вѣнчанія не требуется. Самъ Алексѣевъ поколебался зайти такъ далеко, и остановился на полпути. Тогда въ дѣло вмѣшался новый факторъ безпоповщины—московская Покровская часовня поморскаго толка, сооруженная усердіемъ купца Мони́на, по имени котораго и все согласіе безпоповцевъ, пріемлющихъ бракъ, стало называться монинскимъ.

Основателемъ часовни, а за нею и всего согласія, былъ нѣкто Василій Емельяновъ, тоже бывшій едосѣвецъ, разошедшійся съ единомышленниками Ковылина изъ-за моленія о царѣ. По мысли его и Гавріила Скачкова, въ Москвѣ, въ пику едосѣвцамъ, и было учреждено филиальное, такъ сказать, отдѣленіе Выгорѣчья.

Но съ своими патронами — поморскими старцами, Емельяновъ скоро не поладилъ своею проповѣдью о бракѣ, ниспровергавшею оффиціальную доктрину поморцевъ. Старообрядчество ясно видѣло всю тлѣнность буквы закона, но порвать съ нею все же было выше его силъ. Рухнулъ бы фундаментъ безпоповщины, чего допустить, конечно, было тоже невозможно.

Всю церемонію бракосочетанія Емельяновъ свелъ къ молебну Спасителю и Богородицѣ. Новаторство Емельянова, его санкція брака, пло совершенно въ разрѣзъ старой безпоповщинской тенденціи всемірно содѣйствовать прекращенію рода человѣческаго, подъ властью антихриста погрязшаго въ сквер-

нах грѣховныхъ. Пришлось Емельянову ѣхать даже на верховный судъ выговскихъ старцевъ, вынудившихъ у него (1792г.) обѣщаніе не защищать безсвященнословныхъ браковъ, но, возвратившись въ Москву, Емельяновъ не могъ рѣшиться отказывать въ вѣнчаніи приходившимъ къ нему безпоповцамъ.

Апологетику брака и выработку брачнаго устава принялъ на себя даровитый Гавріиль Скачковъ, который

„Спасительна ума, премудрости любитель,
Чтилъ вѣру, чинъ, законъ, неправды обличитель,
Сей дѣвству честь принесъ, супружество почтилъ,
Закономъ дѣвства нѣтъ, писаньемъ изъяснилъ“.

Трудами Скачкова Монинская часовня, пріютившая подъ своимъ кровомъ до нѣсколькихъ сотъ призрѣваемыхъ, скоро достигла прочнаго благосостоянія, и немалого авторитета среди безпоповцевъ, очень своевременно выдвинувъ положеніе, что „оженившіеся не согрѣшаютъ, бракъ чистъ, ложе не скверно и неблаженно“. Вообще, часовня, просуществовавшая до 1836, своею терпимостью и миролюбіемъ представляетъ въ исторіи раскола очень симпатичное явленіе, служа яркою представительницею такъ называемаго прогрессивнаго теченія, поскольку послѣднее вообще возможно въ расколѣ съ его вѣчною охранительною тенденціею.

Въ извѣстномъ „Уставѣ брачномъ правовѣрнаго старовѣрчества“ *) умный и дальновидный Скачковъ съ своими единомышленниками имѣлъ достаточно гражданскаго мужества указать на прежніе недочеты старообрядчества и достаточно ясно мотивировать свои новшества, внесенныя въ практику безпоповщины.

„Съ самаго начала—какъ родилось въ Россіи священное имя „старовѣръ—говорится въ только что упомянутомъ произведеніи,—и до истеченія осьмагонадесять вѣка, такъ старовѣрство угнетаемо было проклятымъ тиранизмомъ и постыднымъ предразсудкомъ, соединеннымъ съ суевѣріемъ что едва могло возникать на стези откровенія и природы въ разсужде-

*) Составленъ въ 1803 г.

ни шестой тайны. А все это потому, что нѣкоторые ученые, есть ли же ихъ можно назвать таковыми, проповѣдавши о сей жизни трагическимъ образомъ и облекшись по большей части въ трауръ, почитая его истукапомъ, и представляя себѣ оное дѣйствіе въ видѣ священной роли, брали особенно каждая оружія клятвъ и поражали всякаго, противящагося ей. Тогда невѣжество надъ ихъ сердцами торжествовало, премудрость попираема, и обожаемъ былъ хаосъ; нѣкоторыя особы, познавша нѣсколько съ Откровеніемъ и натурою брачною, погрѣшность замѣчали, вадыхая и удивляясь слѣпотѣ ожесточенныхъ сердець. Но сами напротивъ того, мало отступая отъ водворившейся въ душѣ ихъ постыдной мѣты; поелику не имѣли въ виду положительныхъ истинъ сего предмета, а потому и не было, какъ рѣшительнаго исповѣданія о сей тайнѣ, такъ и священнаго чина или порядка, совершающаго оную публично въ молитвенномъ храмѣ; по сей самой причинѣ въ истинномъ даже старовѣрствѣ брачное совершеніе существовало во многовидномъ и преглупомъ безобразіи относительно до религіи и наружностей. Не смотря на такія плачевныя разстройства, стыдъ и позоръ всѣмъ внѣшнимъ, содрогались вздыхали, будучи царское священіе, языкъ святъ, находился у всѣхъ почти исповѣданій въ крайнемъ презрѣніи, поношеніи и яко овощномъ хранищѣ; для того пророчески сказать: „Ревность дому твоему, Господи, снѣсть мя“. Призвавъ въ помощь Всевышняго Бога, рѣшились всѣ оныя постыдства въ истинныхъ сочленахъ ослабить и пресѣчь, и образовать сей предметъ разумомъ, благочиніемъ и непоколебимостью, почему, сообразуясь со временемъ и нравами людей, издали на первый разъ сей „Брачный Уставъ“, дабы церковь сохранить отъ всѣхъ нелѣпостей, Творца своего восхвалять и прославить, совершающей же четѣ милость Божію получить, а труждышнимся въ священномъ семъ изданіи вящшей благодати сподобиться, и, по заглаженіи всѣхъ продерзостей противъ своего виновника жизни, наслѣдовать превыспреннія небеса, и во вѣки вѣкомъ съ Создателемъ оныхъ царствовать“.

При заключеніи брака даются взаимныя обѣты:

„Весильнаго, Преблагаго и Премилосердаго, въ тріехъ ипостасяхъ прославляемаго, Бога милостію, щедротами и челоувѣ-

колюбіемъ, находяся мы въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, по его же Всемогущаго Господа и Творца нашего благоволенію и родителей нашихъ любовнымъ благословеніемъ, сродниковъ и пріятелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ, и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ къ другу согласію вступать (имя рекъ) съ дѣвицею (имя рекъ) въ законнобрачное сожитіе, которое сохранять мы должны законно и соблюдать во всю жизнь нашу ненарушимо, нераздѣльно и во всемъ честно, какъ повелѣваетъ Божій законъ.

„Но кто изъ насъ какое преступленіе учинить, вѣрность не сохранить и обѣщаніе свое премѣнить, или въ наученія странная уклонится и бракъ законный обезчеститъ, и яко незаконный, по ученію бракоотложителей вмѣнять будетъ, или рождаемыхъ дѣтей во иное согласіе крестить понесетъ, то сицевый явственно покажетъ себя противникомъ истины и нарушителемъ Божія закона, за что и будетъ самъ отвѣтствовать праведному суди, Господу Богу на страшномъ Его судѣ.

„И что все сіе изреченною мною, какъ устами, такъ я исповѣдую и сердцемъ истинно, неложно и справедливо, въ томъ я увѣряю васъ моею чистою совѣстію и и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго Креста Господня“.

Весь чинъ брачнаго молитвословія состоитъ въ томъ, что настоятель подходитъ къ брачующимся и спрашиваетъ жениха громко: „охотою ли и безъ всякаго понужденія берешь сію рабу Божию?“ Женихъ отвѣчаетъ: „охотою и безъ всякаго принужденія“. „Въ вѣчную ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?“ Отвѣчаетъ: „въ вѣчную и нераздѣльную“. „За самый ли истинный бракъ вмѣняешь сіе священное обстоятельство?“ Отвѣчаетъ: „За самый истинный“. То же спрашивается и у невѣсты. Покончивъ съ опросомъ настоятель провозглашаетъ четѣ: „господа новобрачные! для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій Крестъ“. Тѣ, подходя къ Кресту, двукратно поклопаясь, цѣлуютъ правую ногу Спасителя, и опять перекрестясь, кланяются до земли и возвращаются на свое мѣсто. Пѣвчіе поютъ псаломъ 122: „Блаженн вси боящіеся Господа“ на шесть пріемовъ седьмымъ голосомъ. Настоятель прочитываетъ, „Аминь“, „Царю Небесный“, „Трисвятое“, „Слава“, „Пресвятая Троица“,

„Господи помилуй“ „Отче нашъ“, „Господи, услыши молитву мою“.

Такіе „сводные“ или „безсвященословные“ браки особенное распространение среди непоповщины получили въ царствованіе императора Николая Перваго, ставъ уже обычнымъ явленіемъ у „поморцевъ“ и найдя себѣ много сторонниковъ между едосѣвцами, прельстившимся существовавшею у монинцевъ регистраціею браковъ, что придавало имъ вѣдѣнную форму законности, за которую такъ страстно мечется все старообрядчество. Запрещеніе монинцамъ вести брачныя кпиги, послѣдовавшее подѣ эгидою „желѣзной власти“, при своей нецелѣсообразности, сильно пошатнуло „брачное“ теченіе въ непоповщинѣ и сильнымъ толчкомъ отбросило ее отъ чуть-чуть наладившагося было совмѣстнаго съ господствующею церковью пути. Начиналось соглашеніе съ признанія брака, а могло вѣдѣ окончиться и болѣе существеннымъ, но близорукіе церковныя политики и тутъ не сумѣли тактично отнестись къ непоповщинѣ, и безъ того значительно уклонившейся отъ своей первоначальной точки зрѣнія.

Поповщина.

Бѣглопоповщина. Вѣтка и Стародубье. Дьяконовщина.

Какъ мы уже видѣли, однимъ изъ основныхъ мотивовъ внутренней исторіи старообрядчества сдѣлался мучительный, чисто гамлетовскій вопросъ: быть церковной іерархіи, или не быть—и имъ такъ или иначе опредѣляется большинство явленій старообрядческой жизни, получающей ту или другую окраску.

Вопросъ объ іерархіи, какъ опять мы уже знаемъ, хронологически связанъ съ зарожденіемъ раскола. Изъ высшихъ чиновъ духовенства на сторону раскольниковъ открыто всталъ лишь одинъ епископъ Павелъ Коломенскій, да и то временно. Изъ священнаго писанія и святоотеческихъ произведеній начитанные старообрядцы хорошо знали, что безъ епископа Церковь существовать не можетъ. „Благовѣстникъ“ и книга „Маргаритъ“ — своего рода справочники тогдашняго богослова,

вполнѣ опредѣленно указывали, что трехчинное устройство церковной іерархіи должно сохраниться въ православіи до скончанія міра. Старорукоположенные священники до—Никонова посвященія вымирали одинъ за другимъ, и для созданія новыхъ кадровъ второго чина, умѣренные раскольники рѣшили прибѣгнуть къ компромиссу, начавъ принимать къ себѣ бѣглыхъ никоновскихъ священниковъ „въ сушемъ ихъ санѣ“. Еще первые расколоучители старались распутаться въ отношеніяхъ къ служителямъ господствующей церкви, какіе изъ нихъ могутъ съ грѣхомъ пополамъ считаться истинными священниками, и отъ какихъ слѣдуетъ отказаться окончательно.

Протопопъ Аввакумъ на вопросъ, предложенный нѣкимъ Іоанномъ, какъ смотрѣть на поповъ, рукоположенныхъ отъ прежнихъ святителей, но соблазвившихся „отъ Никона богоотступной прелести“—отвѣтилъ такъ: „они отъ простоты погрѣшиша, страха ради мучительскихъ запрещеній сплцемѣрпша в малѣ, и отъ таковыхъ можно всякую святыню примати, а которые поны отъ Никона отступника ставлены, паче же отъ 1666 г.—православнымъ христіанамъ нынѣ не подабаеть ихъ благословенія примати, ни службы, ни крещенія, ни молитвъ, ни въ церкви съ ними не молиться, ниже въ дому“. Его ближайшій продолжатель діаконъ Феодоръ разрѣшалъ „по нужи отъ старыхъ рукоположенцевъ примати обратившихся паки на истину“ также, сурово относясь къ „новичкамъ“.

Къ окончательному рѣшенію касательно приѣма бѣглыхъ поповъ главари раскола такъ и не пришли, расходясь между теорією, указывавшею имъ на грѣховность общенія съ никоновскими ставленниками, и практикою, опредѣленно требовавшею необходимость сохраненія церковной іерархіи, безъ которой теряется смыслъ церкви. Каждый попъ до-никоновскаго постава цѣнился необыкновенно высоко. Вокругъ такого уцѣлѣвшаго памятника исчезнувшаго благочестія собиралась община людей, не имѣвшихъ въ себѣ достаточно мужества, ясно и категорически сказать, подобно безпоповцамъ, что при наступившихъ обстоятельствахъ и нашествіи антихриста прежнее церковное едипеніе съ Богомъ невозможно и слѣдуетъ искать иныхъ путей. Умѣренная часть старообрядчества не дерзала прпмиряться съ такимъ выводомъ, стоя на томъ, что „скорѣ

солнце отъ теченія своего престанетъ, чѣмъ церковь Божія будетъ безъ вѣсти“. Нѣтъ, безъ іерархіи обойтись невозможно, нужно только поразмыслить откуда брать поповъ. Первое въ этомъ направленіи практическое указаніе дала такъ называемая Вѣтка—островъ въ нынѣшней Могилевской губерніи, въ рукавѣ р. Сожи—быстро сдѣлавшаяся довольно крупнымъ центромъ бѣглопоповщины. О возникновеніи ея раскольничья исторіографія даетъ слѣдующія свѣдѣнія.

„Нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія налѣтанія (преслѣдованія раскольниковъ) совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъйти въ стародубскіе предѣлы (бывше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаеме и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣкоихъ напастьехъ укрываше). И угодно всѣмъ бысть то совѣщаніе: оставивше жительство своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство, всѣмъ сущимъ съ нимъ показа и на прошенія ихъ къ атаману Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто, парицаемое Понуровку. И тамо всѣ пришедшіе съ Козмою, числомъ 20 поселишася при рѣцѣ Ревнѣ въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тая, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; какъ страшныхъ прещеній не могуще носити, многіе народы оставляюще свои природныя мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. И по сихъ прійде еще нѣкій попъ изъ Бѣлева, именемъ Стефанъ, такожде якоже и Козма, имѣя на себѣ крещеніе и постановленіе старое, мужъ великія ревности благочестивыя исполненъ, взыскуя себѣ тихаго и безмолвнаго житія всякаго покоя тѣлеснаго и славы бѣгая. Тѣмъ временемъ службу по обычаю простыхъ для собрапія творяше, литургіи же никакже касаяся, и ниже прочихъ таинъ дѣйствоваше, овая же тако ненавидя, яко аще бы кто къ нему отъ таковыхъ крещенъ пришелъ, не второ крестя, на общеніе не пріимаше. Новорукположенцовъ за освященныя не вмѣняше и дѣтемъ о нихъ впредь запрещаше. И сперва сей Стефанъ въ Залишевѣ живяше, и потомъ въ заселенную съ сыномъ его Димитріемъ въ

слободу Митьковку на жительство преиде. И сія вся поселенія въ стародубскомъ полку въ царство царя Алексѣя Михайловича бѣше. Живущу же Стефану въ Митьковкѣ, прииде указъ о новорожденномъ сему царю сынѣ Петрѣ Алексіевичѣ въ Стародубѣ, идѣже быти на той часъ сыну Стефанову случися и слыша чтимый сей указъ, умершу царѣ Алексію Михайловичу, на мѣсто его дщерь Софія Алексіевна скипетръ примши царства великороссійскаго. И сія слышавше таковыхъ слободъ стародубскихъ населеніе, повелѣ послати къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику указъ—на кой часъ уже не оный Гавріилъ, но Симеонъ полковникъ въ Стародубѣ бѣше въ коемъ указѣ повелѣвая, дабы такіе забѣглые народы или ласкою или крещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили. Такову же указу разгласившуся, ревнителіе древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ рааспяшася. Слабѣйшіе же, не хотяще стяжанія и домовъ лишитися, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ въ томъ пребывающу, утишися таковая зѣльность гоненія и бысть тишина. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на нихъ возстающу, обще всѣ совѣтъ положиша отъйти въ Польшу. И тако усвоѣтовавше поидоша и поселишася въ области пана Халецкаго. при рѣцѣ Вѣткѣ. И сице усилившися, на молитву кійждо со своими въ храмѣхъ простыхъ собирахуся и пѣніе церковнаго чина кромѣ литургіи совершаху. Гоненію же въ Великороссіи на старовѣрца належашу, мнози оставляюще своя отечества, течаху въ оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствовалие паче утѣшенія своихъ мѣсть со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственныя мѣста населяхуся, и въ мѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и терніи растущая въ вертограды и садовія обратишася.. *)

Черезъ нѣсколько времени Стефанъ скончался, „при смерти дѣтямъ своимъ духовнымъ ни очемъ тако наказаваше, точію о семъ, да блюдутся новинъ и древнія церкви преданія опасно

---

*) Обычное въ раскольничьихъ писаніяхъ подчеркиваніе пользы, приносимой старообрядческими скитами и трудолюбіемъ ихъ обитателей.

да соблюдутъ. И глагола, да всячески отъ новаго рукоположенія сохранятъ себе, и да изволятъ тако умрети, нежели отъ тѣхъ коего дѣйства пріятниками быти“.

Но возлѣ Вѣтки уже притаился соблазнъ. „Прииде къ нимъ черный попъ Юсафъ и постави внизъ по пути при рѣцѣ келію и пребываше въ той келіи уединенъ, проходя безмолвное житіе, Бяше же въ народѣ веліе сомнѣніе о немъ и злословіе на него мещуще, паряцаху его не Юсафомъ, но Асапомъ, вины ради сея, яко сей попъ аще и стараго бяше крещенія, обаче о рукоположеніи подзоръ имяше“. Юсафъ былъ келейникомъ священника Іова, который „имяше веліе дружество“ съ тверскимъ архіереемъ, стараго крещенія и рукоположенія, но служившаго по новымъ книгамъ. Къ нему-то Іовъ и послалъ Юсафа, прося посвятить того по старымъ книгамъ, что тотъ и исполнилъ,

Всего въ Вѣткѣ было пятеро „правильныхъ“ поповъ: Козма, Стефанъ, Іовъ, Досіеѣй и Юсафъ, но съ теченіемъ времени всѣ они разбрелись по Руси, и Вѣтка осталась безъ священства. Тогда на сцену появилось новое лицо: іерей Θεодосій, пострадавшій было за „старину“, но официально покаявшійся что, конечно, не помѣшало ему сохранить прежній образъ мыслей. Случился Θεодосій по близости Вѣтки и тамошніе жители послали звать его на священствованіе. „Соизволи прошенію ихъ Θεодосій, преиде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтства возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возсеающее, ликующе купно и веселящесе, на вступленіи того вси увядшіи печалію, весело хождаху“. Θεодосій то и провелъ первый въ Вѣтку „новопоставленцевъ“, вызвавъ на помощь себѣ изъ Рыльска своего брата „бѣглаго“ попа Александра, а за нимъ виѣдрился и другой попъ Григорій, тоже „новаго“ постановленія. „И съ сими двома, безъ діакона, Θεодосій освяти церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, въ нюже антиминсъ положенъ бяше старый. На толикую убо славу новосвященную церкви, вси пароды во всѣхъ страхахъ радости исполнишася, на нюже отсюду приходяще людіе, видѣти толикій храмъ церкви желающе, его же ради и паче людіе, оставляюще дома, въ толикій путь труда воспріимаху. Откуда без-

численными народы наполнился вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явился“.

Съ теченіемъ времени и расширеніемъ условій совмѣстной жизни въ Вѣткѣ увеличивались и нужды ея жителей. „Яко толико множеству стекшуся народу, мирское житіе преходящимъ, велія наста пужда въ тайны брака“, и для удовлетворенія такой надобности пришлось увеличить штатъ священнослужителей, конечно, при томъ, изъ „новичковъ“, такъ какъ „старые“ іереи уже повывелись. Слѣдуетъ замѣтить, что Вѣтковское общечитіе носило чисто мірской характеръ, благочестиваго, правда, оттѣнка, но безъ всякой примѣси аскетизма, чѣмъ и объясняется относительная слабость вѣтковцевъ въ дѣлѣ соблюденія завѣтовъ строгихъ наставниковъ раскола. Фактъ пріятія въ Вѣткѣ бѣгствующихъ отъ оффиціальной церкви хотя кореннымъ образомъ подрывалъ первоначальную раскольничью доктрину, по которой „никоновщина“ разсматривается, какъ сплошная ересь, зараженная „скверною антихриста“, но былъ предрѣшенъ практически и совершился подъ вліяніемъ свѣтскаго строя вѣтковскихъ общинъ, при которомъ священноначаліе было необходимо. Ревностные послѣдователи раскола въ его безпоповщинской вѣтви не могли простить Ѳеодосію его попустительство новизнѣ, говоря, что онъ „единъ порокъ имѣя, поворукоположеннымъ дверь отверсти и начало подати онымъ священнодѣйствовать“.

Твердо памятуя обычай предковъ, что приходящихъ отъ великороссійской церкви должно перекрещивать, будь они миряне или лица духовнаго званія, и бѣглопоповцы первое время принимали „бѣгствующее“ священство первымъ чиномъ, т. е. подъ крещеніемъ. Но нашлись скептики, утверждавшіе, что послѣ перекрещиванья попъ совсѣмъ лишается духовной благодати. Тогда придумали новый чинъ средній между первымъ и третьимъ, т. е. крещеніемъ и миропомазаніемъ, такъ что обрядъ крещенія сводился къ простому хожденію вокругъ купели, а при помазаніи миромъ не снимали одежды. Подобный компромиссъ тоже оказался недолговѣчнымъ, въ силу своихъ оппортунистическихъ такъ сказать, стремленій, и постепенно привился уже третій чинъ, т. е. простое отреченіе отъ никоніанства. Введенъ послѣдній, какъ есть вѣроятіе думать, около 1706 г., потому

что какъ разъ въ это время на Вѣткѣ выступилъ съ своимъ ученіемъ діаконъ Александръ, который въ числѣ уклоненій вѣтковцевъ отъ обычаевъ предковъ и самовольныхъ ихъ нововведеній, между прочимъ выставлялъ именно то, то они незаконно помазывали своимъ собственнымъ миромъ. До 1764 г. Вѣтка служила главнымъ центромъ всей поповщины и изъ нея разсылались попы по всему раскольничьему міру, „пріемлющему священство“.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи поповщины XVIII столѣтія составляютъ заботы старообрядцевъ о приобрѣтеніи епископа, такъ какъ по ученію православія, Церковь Христова должна сохранять три чина священства. Вѣтковцы не думали отыскать „древлеправославнаго“ епископа, а просто рѣшили удовлетвориться принятіемъ епископа, который бы согласился послѣдовать примѣру переходящихъ въ расколъ священниковъ. Не малое количество русскихъ поповцевъ жило въ пограничной Молдавіи, единовѣрной намъ, и туда то и были направлены взоры старообрядцевъ, возмечтавшихъ о собственномъ архіереѣ. Раскольники имѣли доступъ къ яскому митрополиту Антонію, тепло и сочувственно относившемуся къ непоколебимымъ сынамъ стараго православія и потому не нашедшему повода отказать имъ въ убѣдительной просьбѣ—посвятить имъ епископа. Ему было уже представлено оффиціальное прошеніе отъ вѣтковской общины, но почему то дѣло затормозилось, и въ слѣдующемъ, 1731 г., вѣтковцы хлопотали у самого молдавскаго господаря, дабы тотъ повліялъ на митрополита въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Дѣло могло окончиться очень благопріятно для вѣтковцевъ, не напорти всего дѣла цареградскій патріархъ Паисій, запрошенный Антоніемъ по поводу ходатайства вѣтковцевъ. Паисій научилъ такъ обусловить посвященіе епископа, что вѣтковцамъ оставалось въ сущности цѣликомъ, присоединиться къ господствующей церкви, на что, конечно, вѣтковцы не могли согласиться, и вопросъ остался открытымъ.

Прошеніе вѣтковцевъ, полностью до насъ сохранившееся, имѣетъ за собою огромную историко-догматическую цѣнность, всесторонне излагая доктрину поповщины и ея взглядъ на уклоненія никоніанства въ ересь, стоя въ этомъ отношеніи

наравнѣ съ уже цитированными нами „Поморскими отвѣтами“ и „Окружнымъ посланіемъ“, о которомъ рѣчь будетъ впереди.

„Великороссійскаго царства, православія греческаго—бють челомъ вѣтковцы, съ сознаниемъ своего достоинства—восточныя церкви сынове, обитающіи въ Польскомъ королевствѣ, Покровскаго монастыря въ мѣстности, смиренный игумень Власій и прочіи священноиночествующіи и народы православніи многія тысящи, къ вашей всеблаженнѣйшей вселенской паствѣ въ сокрушеніи сердечномъ и со источники многихъ слезъ неводныхъ . . . . . *) отъ великороссійскихъ новосѣдальныхъ синодовъ ложно на насъ наносимыхъ оглашеній, предъ вашимъ великопастырствомъ смиренно припадаемъ и изгнанія нашего и клеветъ не повинныхъ азъ объявляемъ, яко предъ самѣмъ Богомъ на страшномъ Его судѣ стояще, сице предъ вашимъ вселенскимъ правительствомъ въ супликѣ нашей доносимъ, кромѣ всякаго прилогу лукаваго, вѣры нашея образъ извѣствуемъ, яко имѣемъ мы вѣру греческую отъ вашего престола константинопольскаго великимъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ пріятую; чины и уставы церковныя неотмѣнно содержимъ, якоже древле въ книгахъ греческихъ пріяхомъ, како древніи греческіе патріархи православніи и прочіе церковныя учителя насъ научиша и писаніи своими утвердиша, въ этой вѣрѣ доселѣ пребываемъ; тако главные артикулы каѳолическія церкви, сице и прочія церковныя догматы соблюдаемъ, и вашу богословію вселенскихъ государей нашихъ патріарховъ безъ премѣненія содержимъ, сице въ обители нашей, якоже и у васъ, пѣніе церковное совершаемъ и безкровное приношеніе, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, повседневно въ церкви святѣй приносимъ и вѣрніи народи во вся святые посты, по обычаю христіанскому, тѣлу и крови Христовой причащаются, и наконецъ въ жизни своея всякій христіанинъ, въ навершеніе покаянія своего, образъ монашескій и схимонашескій приемятъ, съ воспріятіемъ тѣла и крови Христовой, жизнь свою при обители нашей оканчиваютъ. Тако истинно о православной вѣрѣ нашей безъ всякаго прилогу вашему вселенскому пастырству доносимъ и въ свидѣтельство на нашу совѣсть самого Бога представляемъ,

*) На этомъ мѣстѣ подлинникъ испорченъ.

а чужого еретическаго ученія ненавидимъ. Аще и мало что отъ православнаго святыхъ отецъ преданія подвиглъ бы кто, отвращаемся, о чемомъ наше содержаніе вѣры по главизнамъ здѣ предъ вашимъ вселенскимъ пастырствомъ явлено показуемъ.

„Первое. Никейскаго собора перваго отеческую богословію въ Триипостасномъ божествѣ Отца и Сына и Святаго Духа едино существо и естество исповѣдуемъ; Арія еретика мудрованіе, противное православію отецъ святыхъ собора Никейскаго разсѣцающаго пребезначальную Троицу Отца и Сына и Святаго Духа въ три существа, проклинаемъ; тако вѣруемъ, якоже никейстїи отци насъ научиша; на семъ святыхъ отецъ исповѣданїи настоимъ.

„Второе. Савелія еретика, мудрствующаго въ трїехъ ипостасѣхъ единому лицу быти и сліяніе въ трїехъ ипостасѣхъ мудрствующаго, проклинаемъ и во Святѣй Троицѣ три лица неслитно и нераздѣльно исповѣдуемъ.

„Третье. Македонія еретика, хулившаго Святаго Духа и не единосущна Отцу и Сыну глаголющаго, яко извѣстнаго богохульника, отвращаемся, и Святаго Духа Отцу и Сыну единосущна и сопрестольна глаголимъ.

„Четвертое. Несторія еретика, похулившаго Пресвятую Богородицу и Господа нашего Ісуса Христа въ два сына раздѣляющаго, сего врага Божїя отмѣщаемся и Пресвятую Богородицу, сущую Богоматерь, исповѣдуемъ, и Христа Сына Божїя съ воспрїятїемъ плоти во двою существу и во единѣмъ составѣ вѣруемъ.

„Пятое. Евтихія еретика, Господа нашего Ісуса Христа во едино естество сливающа и смѣшающа, проклинаемъ, и Господа нашего Ісуса Христа во двою естествѣ и въ единѣмъ составѣ несмѣстно и нераздѣльно исповѣдуемъ.

„Шестое. Сергія и Тирра и прочихъ еретиковъ, въ Господѣ нашемъ Ісусѣ Христѣ едино дѣйство и хотѣніе мудрствующихъ, ненавидимъ и исповѣданію святыхъ отецъ послѣдуемъ, по воплощенїи въ Господѣ нашемъ Ісусѣ Христѣ два хотѣнія и двѣ воли, естественнѣ, нераздѣльно во единомъ составѣ и лицѣ Христовѣ быти мудрствуемъ.

Древнїя преданїя святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яже

восточною церковію намъ преданы, тыя усердно соблюдаемъ, и ихъ догматовъ держимся, въ нихъ пребываемъ и премѣнители не смѣемъ, понеже вѣру, книги, патріарховъ и прочій весь чинъ апостольскій и обычай церковный пріяша отъ вашего константинопольскаго престола и въ вашей восточной церкви отъ православныхъ учителей научихомся. Въ которой православной вѣрѣ мнози Господеви Богу угодиша и чудеса прославленіи прославишася.

„Вновь умышленныхъ новыхъ преданій, несогласныхъ съ святою восточною церковію, латинскихъ и лютеранскихъ, иже богословію древнюю премѣнили, о схожденіи Святого Духа отъ Отца и отъ Сына преложили, и прочее преданіе святѣхъ премѣнили,—о постахъ и объ опрѣсночномъ служеніи и о постриженіи брадъ и прочемъ ихъ новосмысленіи, которое противуствуетъ древнему греческому преданію, весьма того премѣненія не приемлемъ“.

Послѣ перечисленія цѣлаго ряда уклоненій реформированной церкви отъ отцовскаго благочестія, всячески соблюдаемаго старообрядцами, претерпѣвающими за сіе бѣдствія отъ церковныхъ и гражданскихъ властей вѣтковцы непосредственно приходятъ къ самому вопросу о духовной іерархіи, сѣтуя, что „мы—дескать—нижайшіи великросіискіи, иногда, въ знатномъ нашемъ мѣстѣ Вѣтцѣ—идѣже и монастырь Покрова Богородицы, во ономъ монастырѣ и съ прежними отцы пребываніе имѣемъ.. Но точію во священнѣй тайнѣ церковной единаго вышняго члена въ совершеніе, рекше епископа, не имѣемъ, и сіе воистину не отъ презрѣнія нашего, но ради недовольнаго имѣнія во иноземствѣ обывателей нашихъ, и о семъ лишеніи члена сего обитель наша и многочисленный народъ отъ езуитовъ и прочихъ иновѣрныхъ, яко немущіе пастори, поношеніе и укоризну страждемъ. И того ради, во исполненіе седми тайнъ церковныхъ, въ прошломъ 1730 и въ нынѣшнемъ 1731 годахъ въ столичномъ градѣ Яссахъ всея Молдавіи преосвященному митрополиту и экзарху сиравскому и всего поморія архіерею, и всепресвѣтлѣйшему и благочестивому государю мы, смиренніи, обитатели наша и отъ всѣхъ скитовъ и отъ всѣхъ обывателей нашихъ многочисленнаго народа доношенія, листъ просительный подали, а въ про-

шеніи написано, о еже бы преосвященный митрополитъ властію отъ первоначальствующаго архіерея Христа Сына Божія данною, апостольски ревнуя о спасеніи чловѣческомъ, во исполненіе нашего православія епископа намъ обители нашея иконома Павла, работавшаго Господеви въ монашествѣ въ оной обители лѣтъ съ тридесять, посвятилъ и престоломъ епископскимъ въ нашей обители на защищеніе отъ уни вѣчно благословилъ, и во исполненіе таинствъ церковныхъ насъ сотворилъ дабы родъ христіанскій, святія восточныя церкви сынове, въ польскомъ королевствѣ живущіи, не погрязновены были западныхъ расколовъ напоеніемъ, но при греческой вѣрѣ право, юже мы пріяли отъ Андрея Первозваннаго, пребывали.

„Тѣмже сего ради возобновленіе въ наше исправленіе, яко къ верховнѣйшему пастырю и вселенскому правителю святія восточныя церкви, столпу и свѣтилу всего міра, въ сокрушеніи сердца нашего, и со источникомъ слезъ, капающихъ нынѣ, припадаемъ: Божественною благодатію бѣдныхъ насъ и оклеветанныхъ напрасно, помилуй, спостражди о нашемъ спасеніи, якоже пастырь нашъ, иже кровь свою пречистую излія и душу свою за гонимыхъ и содержимыхъ въ адскихъ челюстяхъ положи, сице и ваше апостольское пастырство, якоже Христосъ о насъ сотвори, ко просвѣщенію народа нашего правовѣрнаго властію отъ Христа Сына Божія надъ вселенною волѣ данною, даруй намъ святителя, о еже просвѣщаль бы родъ христіанскій божественными тайнами и настоятель былъ бы во общей обители нашей и прочимъ скитскимъ отцемъ, иже западныхъ расколовъ весьма себя хранятъ, а за православіе отеческаго преданія души свои полагаютъ. Въ сицевомъ посвященіи иконома Павла, ваше вселенское пастырство просимъ, апостольскую ревность: не остави насъ сирыхъ въ прошеніи нашемъ, возобнови божественнымъ священноначальствомъ насъ, понеже безъ епископа священныя тайны не могутъ въ исполненіе пріити. О чемъ Діонисій Ареопагитъ сказуетъ: діаконъ, рече, служитъ, іерей же священствуетъ, архіерей же литургисаетъ и дарованія Богу воздаетъ, и вязати и рѣшити грѣхи власть имѣетъ. Ибо вашимъ вселенскимъ пастырствомъ восточныя церкви православіе въ насъ да утвердится, западныя же расколы молитвами вашими да истребятся и тако въ Троицѣ сла-

вимый Богъ въ соборѣ нашемъ пропѣтъ и превозносимъ будетъ во вѣки, аминь“.

Какъ уже сказано вѣтковцы потерпѣли полную неудачу. Для греческаго патріарха, съ его традиціонною, заискивающею предъ русскимъ правительствомъ, политикой, вовсе не представлялось желательнымъ вызвать по отношенію къ себѣ неудовольствіе, что не замедлило бы ощутительнымъ образомъ отразиться на карманѣ патріаршемъ, неоднократно пополнявшемся изъ оффиціальныхъ русскихъ источниковъ, почему осторожный патріархъ и повелѣлъ себя уклончиво, приведя въ свое оправданіе рядъ богословскихъ тонкостей. Пришлось вѣтковцамъ удовлетвориться священникомъ и утѣшиться значеніемъ ихъ обители въ распространеніи бѣглопоповщины, семьдесятъ слишкомъ лѣтъ черпавшей свои силы отъ вѣтковскихъ учителей, пока, наконецъ, этотъ оплотъ поповщины не былъ уничтоженъ по повелѣнію императрицы Екатерины II. Первенствующее мѣсто въ поповщинѣ перешло къ Стародубю—мѣстечку въ нынѣшней Черниговской губерніи. Во главѣ стародубской общины сталъ попъ Михаилъ Калмыкъ—приверженецъ діаконскаго толка, почему ясно, что и въ Стародубѣ „бѣгствующихъ“ священниковъ не перемазывали миромъ. Слѣдовательно, мы видимъ, что принятіе „бѣгствующаго“ священства третьимъ чиномъ, будучи введено, въ началѣ XVIII ст., подъ вліяніемъ дьяконовцевъ, укоренились затѣмъ въ Вѣткѣ и Стародубѣ, сдѣлавшись общимъ догматомъ поповщины вплоть до такъ называемаго „перемазанскаго“ собора 1779 г., нанесшаго сильный ударъ „діаконскимъ“ тенденціямъ, т. е. стало быть и третьему чинопріему. Начинается исторія новаго фактора въ жизни поповщины, „перемазановщины“, свившей себѣ гнѣзда въ Москвѣ, именно на Рогожскомъ кладбищѣ и поволжскомъ Иргизѣ. Кладбище открыто было въ 1771 г. и предназначалось, какъ и Преображенское, для погребенія чумныхъ мертвецовъ. Быстро разросшись, обеспеченное въ матеріальномъ отношеніи, кладбище насчитывало около семидесяти тысячъ прихожанъ. При кладбищѣ были постоянные дежурные священники изъ „бѣгствующихъ“, которые и совершали желающимъ всяческія требы. Первое время рогожцы находились въ единомысліи

съ первенствующею въ поповщинѣ стародубскою общиною и пригласили себѣ отъ нея священниковъ. Но долго такое положеніе не просуществовало, плохо гармонируя съ все разрастающимся богатствомъ кладбища и рогожцы изъяснили претензію на гегемонію. Первые поползновенія въ этомъ направленіи обнаружилсь въ 1779 г., когда рогожцы съ своимъ попомъ Василиемъ чебоксарскимъ стали толковать, что священниковъ, отходящихъ въ расколъ отъ синодской церкви должно помазывать миромъ, а такъ какъ послѣдняго у нихъ не оказалось, то разсудивъ, что „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“, недолго колеблясь, рогожцы изготовили свое собственное миро и освятили его сами. Но такой смѣлый въ отношеніи разрыва съ церковными традиціями поступокъ сильно встревожилъ старообрядчество, проникнутое духомъ строгаго уваженія къ старо-православному ритуалу. Стародубе, въ лицѣ двухъ своихъ сильнѣйшихъ дѣятелей, попа Михаила Калмыка и инока Никодима, разразилось громомъ обличеній неопозволительныхъ новшествъ рогожцевъ, отвѣтившихъ на всѣ обвиненія трогательно написаннымъ отъ лица яко бы церкви посланіемъ, въ которомъ истые православные всячески усовѣщивались не пугаться поступка рогожцевъ, дерзнувшихъ сварить миро для нуждъ старообрядческой паствы. „Плачется и рыдаетъ, егда помышляетъ мать наше всеобще-союзно любящая животная церковь, по апостолу, глаголющему, зачалу 182-му сицѣ: „братіе, вы бо есте церкви Бога жива, служеніе благотвореніе и спасеніе. И егда видитъ, раздирателей своихъ наказуетъ. И егда помышляетъ: како представуть на судъ Божій и како явится, съ неподобными, суду Божию, предъ лицемъ Божиимъ како вселятся въ полки святые? Какъ пребудуть со страдальцы Христовы святыми, конъ въ вѣрѣ Христовѣ божественнымъ миромъ посвящаются и како сего печати дара святаго духа повершенію къ водруженію и присвоенію къ Богу и ко ангеломъ его святымъ воспріятія лицающесея. И како нынѣ пребудуть приходящіе къ правовѣрнѣй церкви безъ воспріятія духа благодати, по катихизису краткому глаголющему сицѣ: по миропомазаніи бо воспріятія духа святаго благодать бываетъ; и посему како остаются безъ повершенія благовѣрнаго мира, безблагодатными пребывати? Аще и съ примѣшаніемъ

масла священническими руками за скудость благовѣрнаго мира, по Матѳея іерусалимскаго книгѣ, составъ, но все за благовѣрной же миръ благодатной состоитъ и пріемлется, а вы его нонѣ повершительности благодатной гнушаетея: плачеть дѣтей своихъ отъ того отторгающихся.

„Что я вамъ чрезъ благодатное присвоеніе къ Богу и ко ангеломъ его согрubiла? Что я вамъ, наипаче просвѣщеніемъ моимъ, чрезъ миръ святой досадила? Что я вамъ ко укрѣпленію духа святаго и къ присвоенію, пополненія воспріятія духа благодати, миропомазаніемъ остудила“.

Рогожцы не остались одинокими. Выраженія сочувствія „перемазановщинѣ“ получались съ разныхъ концовъ старообрядческой оѣдлости. „Діаконовщина“ все чаще и чаще стала именоваться „новомышленіемъ, душегубнымъ ядомъ“, говорилось, что необходимо „остаться при прежнихъ узаконеніяхъ, какъ на Вѣткѣ, такъ и въ нашихъ, по сіе время наблюдаемыхъ, принятыхъ отъ прежнихъ нашихъ священниковъ, обхожденій обрядочестей, ибо они принимали съ миропомазаніемъ какъ священниковъ, такъ и простолюдиновъ, и священство отъ нихъ было неотъемлемо“.

Споры „діаконовцевъ“ съ „перемазанцами“ угрожали внести новое дробленіе въ старообрядчество, расколовъ поповщину на два новыя согласія. И вотъ тогда-то для разрѣшенія спорнаго вопроса рѣшено было собрать соборъ „первостатейныхъ, сѣдиною цвѣтущихъ людей“, дабы установить, наконецъ, золотую истину и допытаться, кто „въ чувственныя сердца наши таково терніе всѣялъ“. Рѣшеніе вынесъ состоявшійся въ 1779 г. московскій соборъ, категорически ставшій на сторону перемазановщины. Твердо и съ сознаниемъ своей правоты отстаивалъ Никодимъ положеніе діаконовщины, вразумляя своихъ упрямыхъ оппонентовъ, что послѣ вторичнаго миропомазанія перешедшихъ въ старообрядчество изъ великороссійской церкви священниковъ, необходимо надъ ними совершать и хиротонію, такъ какъ прежнее рукоположеніе теряетъ свою силу. „Кривосказатель“ Никодимъ убѣдилъ, однако, немногихъ, а большинство соборянъ присоединилось къ мнѣнію „предѣленія“, указавшаго „по древле установленному обычаю древнихъ отецъ нашихъ, въ тая времена жившихъ и досто-

славную память по себѣ намъ оставившихъ; тѣмъ мы послѣдоваша и со изъясненіемъ правилъ съ миропомазаніемъ приходящихъ отъ еретиковъ, какъ священниковъ, такъ и простыхъ, съ святыми согласно, и едино чиноположеніемъ въ православіе къ пріятію утвердиша сице“. Аргументировалась сентенція собора рядомъ ссылокъ на правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и соборное же изложеніе Филарета патріарха, предписывавшаго вновь приходящихъ въ православіе неукоснительно перемазывать. Слѣдуетъ замѣтить, что по толкованію отцовъ перемазанскаго синклита всѣ лица, входяція въ составъ оффиціальной синодской церкви подведены были подъ категорію арианъ и т. п. еретиковъ, чинопріемъ которыхъ былъ дѣйствительно опредѣленъ миропомазаніемъ.

Рѣшеніе собора получило силу въ большей части общинъ поповскаго согласія, къ нему присоединились и Петербургъ съ Москвою, равно какъ и иргизскіе монастыри, имѣвшіе тѣмъ большее значеніе, что имъ именно правительствомъ разрѣшено было имѣть своихъ собственныхъ священниковъ, конечно, переходящихъ изъ ново-православія, и изъ Иргиза уже командировавшихся по другимъ общинамъ, невольно, благодаря этому подпадавшимъ подъ гегемонію Иргиза. Послѣдній-то и далъ рѣшительный перевѣсъ перемазановщинѣ. Въ 1782 и 84 г. въ Иргизѣ состоялись два собора, на которыхъ торжественно были утверждены рогожскія обрядности перемазыванія. Послѣднее слово по сему вопросу произнесено было тамъ же, на соборѣ 1805, когда подверглась тщательной разработкѣ вся регламентація возможныхъ случаевъ перехода въ старообрядцевъ лицъ духовнаго званія, формулированная въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Аще кто придетъ отъ великороссійской церкви священникъ или діаконъ... къ нашей православной церкви, а оные крещены въ три погруженія и посвящены отъ великороссійскаго русскаго архіерея, который архіерей и самъ крещень тожь въ три погруженія; таковыхъ подобаетъ принимать по 2-му чину, т. е. по чистомъ его раскаяніи и проклятїи ересей, да помазуетъ св. миромъ, якоже новокрещеный и потомъ всякъ во своемъ чину да пребываетъ. А если же кто придетъ отъ священнаго чина посвященный отъ русскаго епископа,

и приходящіе крещены обливаніемъ таковыхъ приедемъ, яко же еллиновъ и подобаетъ совершенно крестить и потомъ священнодѣйствія оныя лишаются и вмѣняются за простолудинъ. Если же кто придетъ отъ священнаго чина, который крещень въ три погруженія, а посвященъ архіереемъ, который крещень обливаніемъ, то таковыхъ приедемъ по 2-му чину, т. е. подъ проклятіемъ ересей и святымъ миромъ помазуются, а священнодѣйствія совершенно лишаются и приемятся яко же прости. Если же который отъ священнаго чина бывъ при нашей православной церкви и отступитъ самовольно и приступить къ ереси, а потомъ покается чистымъ сердцемъ, такового принять по 3-му чину съ проклятіемъ ересей и дать ему за преступленіе заповѣдь, а священнодѣйствія всего лишень да будетъ и имѣть его за простолудина, но токмо въ сидѣннн давать ему почестъ и благословить ему трапезу. Аще же кто отъ священнаго чина были при нашей православной церкви и отступили отъ насъ самовольно ко отщепенцамъ, называемыхъ присоединену ими къ великороссійской церкви (т. е. единовѣрцамъ) и если потомъ обратятся и прибѣгнутъ съ чистымъ покаяніемъ, таковыхъ съ милованіемъ принять по 3-му чину, съ проклятіемъ ересей, а священнаго чина лишены да будутъ и вмѣняются за простолудины, а если по нуждѣ, то приедемъ и на первыя степени да опредѣляются. А если же отъ священнаго чина были опредѣлены отъ русскаго архіерея и отъ него поставлены ко онымъ отщепенцамъ (т. е. единовѣрцамъ), и если кто къ нашей православной церкви придетъ святымъ покаяніемъ, такового приедемъ по 2-му чину, потомъ опредѣляются, кто въ какомъ чину былъ по свидѣтельству духовнаго отца. Аще кто отступитъ самовольно или на страхъ отъ нашей православной церкви къ великороссійской церкви или ко отщепенцамъ (т. е. единовѣрцамъ) оныхъ и отъ него родившихся и тамо крестившихся дѣтей, сына или внука, его посвятить архіереемъ россійскій во священный чинъ, какой ни есть, и оный придетъ съ чистымъ покаяніемъ и нелицемѣрною вѣрою къ нашей православной церкви, такового по 2-му чину съ проклятіемъ ересей и св. миромъ пользуемъ“.

На соборѣ же 1805 г. получила окончательную верховную

санкцію и самая „исправа“, сведшаяся къ слѣдующему ритуалу. Прозелить сперва исповѣдывался въ алтарѣ, потомъ старообрядческій священникъ выводилъ его къ молящемуся народу и заявлялъ о его готовности къ священнослуженію, на что богомольцы отвѣчали: „Богъ благословить“. Затѣмъ новичка облагали и заставляли вслухъ провозгласить торжественное отреченіе отъ прежнихъ заблужденій въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ: „азъ священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя никоніанскія ереси къ непорочной всей душою приступаю вѣрѣ, проклиная вся отреченная святыми отцы: аще кто не крестить въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца и Сына Св. Духа, но обливаетъ, да будетъ проклятъ; аще кто служить божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, да будетъ проклятъ; аще кто при, глашаетъ божественную пѣснь: аллилуія, аллилуія, аллилуія слава тебѣ Боже, да будетъ проклятъ; аще кто проклиная пятію персты странно нѣкако, не по преданію св. отецъ, да будетъ проклятъ; знаменія на просфорахъ—четвероколенные кресты, а не осьмоколенные, и на ихъ служащіе да будутъ прокляты; аще кто чтеть молитву—Господи Іисусѣ Христе Боже нашъ, помилуй насъ, съ приложеніемъ литеры І, а не по древнему, да будетъ проклятъ; въ заключеніе, наконецъ, и всѣхъ нововведенныхъ преданій Никона патріарха, содержимыхъ нынѣ греко-россійскою церковію, отрицаюсь и проклиная, и анаемъ предаю, и еже изволить имъ и послѣдуетъ—анаема и да будетъ проклятъ“.

Подвергнувшись помазанію масломъ, за неимѣніемъ мира, „исправленный“ такимъ образомъ, священникъ съ этого момента могъ уже совершать богослуженіе.

Вотъ какимъ образомъ появилась новая вѣтвь старообрядчества, давшая толчокъ направленію компромиссовъ, вылившаяся потомъ въ единовѣріе, и ставшая въ непримиримую оппозицію безпоповщинѣ, нарушивъ основной мотивъ ученія отцовъ раскола, строго заказавшихъ общеніе съ „Вавилономъ“. Бѣглоповщина съ самаго начала своего возникновенія получила характеръ строго практической, сложившись подъ вліяніемъ жизненныхъ требованій, и проложивъ себѣ срединный путь между обоими теченіями старообрядческой догмы,

ухватившись за искони спасительный принципъ объясненія своихъ поступковъ роковою необходимостью, „нужнымъ временемъ“. Разошедшись съ безпоповцами по вопросу о духовной іерархіи, вполнѣ естественно, бѣглопоповцы должны были отринуть и нѣкоторые другіе пункты ихъ теоріи, особенно непримиримые по отношенію къ великороссійской церкви, что особенно сказалось въ ученіи объ антихристѣ, признать пребываніе котораго въ православіи послѣ-никоновскаго періода бѣглопоповцы рѣшительно уклонились, но за то дали такъ называемое „лужковское“ согласіе, обязанное свою исторію указу Императора Александра Перваго отъ 26 марта 1822 г., закрѣпившаго за Иргизомъ право постановленія священниковъ, наблюдая только, чтобы тѣ „для порядка вели метрику“. Посадъ Лужки въ Стародубѣ, и прежде отличавшійся изрядною долею фанатизма, сильно усомнился въ дозволенности для истинно-православнаго духовенства вести „подозрительныя“ метрическія записи. Думали, думали лужковцы на эту тему и пришли къ заключенію, что новое священство, дѣйствующее открыто, съ вѣдома гражданскихъ властей, и не высказывающее особеннаго рвенія къ претерпѣнію гоненій, не можетъ считаться правильнымъ. Политически-протестующій элементъ „лужковщины“ сказывается въ ея нежеланіи приносить обычную просфору за носителя верховной власти. Согласіе сохранилось и до нашихъ дней, но не пользуется вліяніемъ среди поповщины, доминирующая роль въ которой перешла къ наиболѣе жизненной вѣтви старообрядчества, признающаго священство, именно къ такъ называемому „австрійскому согласію“, сперва обосновавшемуся за рубежомъ, а оттуда уже перекинувшемуся и въ Россію, гдѣ послѣдователи „бѣлокрипницкой іерархіи“ занимаютъ наиболѣе видное мѣсто.

«Австрійское согласіе».

Вполнѣ понятно, что наиболѣе умѣренная часть старообрядчества, не пожелавшая идти на полный разрывъ съ идеалами христіанской церкви, осуществляемой клиромъ и мірянами, и прпбѣгнувшая для удержанія дорогихъ ей тра-

дицій къ всевозможнымъ компромиссамъ, вплоть до призванія „бѣглыхъ поповъ“, не могла остановиться на простомъ приѣмѣ священниковъ чужого поставленія, а пыталась добиться возможности основать свою собственную іерархію, дабы, обладая всѣми тремя чинами ея, выйти изъ обидной зависимости отъ епископа господствующей великороссійской церкви. Получалось очень и очень двусмысленное положеніе. Въ основаніе старообрядческаго движенія положенъ лозунгъ „прочь отъ никоновщины“. Православіе на Руси гибнетъ, боговдохновенной іерархіи нѣтъ, все осквернено еллинской и папешской прелестью, догматы вѣры искажены, порядокъ священнослуженія изобилуетъ новшествами, заимствованными съ гнилого Запада... И истинными островками стараго благочестія въ ваваломученномъ морѣ чиновничьей церкви являются старообрядческія общины, судорожно цѣпляющіяся за камень дорогой имъ вѣры, не новой, не чуждой, а простой, безхитростной, старой, во имя которой жили, молились, спасали Русь и свои души длинные ряды подвижниковъ, доставившіе своей родинѣ великую славу „святой“. Такъ мыслить каждый старообрядецъ. Но въ расколѣ свой расколъ. Безпоповецъ давно уже рукою махнулъ на бывшее, его нѣтъ и оно мхомъ поросло. Сгубла церковь—безъ нея обойдемся. Некому таинства совершать—ничего не подѣлаешь, проживемъ и безъ нихъ. Изъ міра реального безпоповецъ ушелъ въ область отвлеченныхъ представлений, замѣнивъ всюду форму—идею, осязательное, видимое—духовнымъ, чувствуемымъ. Все—или ничего. Его собрать поповецъ остановился на полпути, и половинчатость-то эта тяжелымъ камнемъ легла на воспримчивую совѣсть религіознаго человѣка, привыкшаго цѣнить въ дѣлахъ вѣры каждую ея деталь, не преступая ни на іоту отъ завѣтовъ предковъ и съ ужасомъ отрещиваясь отъ соблазнительной критики, иную натуру совершенствующей, а другую растлѣвающей.

Настойчиво работавшій въ одномъ направленіи мозгъ „поповца“, намыслившаго способъ довольствоваться исправленнымъ попомъ, отрѣшившимся отъ прежнихъ заблужденій, но не отъ сана, пошелъ дальше и привелъ старообрядчество къ Австрій, съ ея относительною, конечно, религіозною свободою, благодаря чему и удалось части поповщины добиться завѣтной

цѣли миллионовъ старовѣровъ — имѣть собственныхъ поповъ, получившихъ высшую благодать изъ рукъ своего же архіерея.

Любопытно, что расколъ, на первыхъ порахъ своего существованія сплотившій людей разнаго званія, отъ родовитой аристократіи до низовъ населенія, постепенно пополнявшій свои кадры изъ рядовъ чернаго и бѣлаго духовенства, совсѣмъ не коснулся „князей церкви“, кромѣ извѣстнаго Павла, епископа Коломенскаго, мужественно ставшаго па сторону „старочинцевъ“ и поплатившагося за это ссылкой и безвѣстною гибелью. Вокругъ имени Павла созданъ въ старообрядчествѣ особый, вполне понятный, ореолъ святости, отличавшій его отъ современныхъ ему іерарховъ, среди которыхъ можно насчитать нѣсколько ихъ несочувственно относившихся къ реформаторской дѣятельности Никона, но не найти мужественныхъ противниковъ всеильнаго патріарха, ополчиться на котораго осмѣлились лишь послѣ его дворцоваго паденія. Умеръ Павелъ и съ нимъ сошелъ въ могилу единственный святитель, признанный раскольниками.

Первая попытка старообрядчества добыть себѣ архіерея, относится къ 1730 г. и предпринята она была вѣтковцами, какъ объ этомъ уже сообщалось. Къ желанному концу дѣло, благодаря упрямству патріарха Писисія, не дошло. Но черезъ два года старообрядческая исторія уже занесла на свои страницы имя Епифанія Реуцкаго — перваго епископа, поставленнаго молдаво-валашскимъ митрополитомъ Георгіемъ для города Чигирина, но постановленіе это оказалось недѣйствительнымъ, ибо, какъ повѣствуетъ, „Сказаніе о епископѣ Епифаніи“, послѣдній, будучи „отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки“, обманулъ митрополита, воспользовавшись своей близостью къ канцеляріи кіевскаго архіепископа, гдѣ съ помощью его печати, составилъ на имя Яскаго владыки два прошенія, одно отъ архіепископа, другое отъ жителей города Чигирина, оба—съ ходатайствами о возведеніи Епифанія въ санъ епископа и именно для города Чигирина, что Георгій и исполнилъ. Но очень скоро новый епископъ сталъ извѣстенъ русскимъ властямъ и, лишенный сана, угодилъ въ Соловки, бѣжалъ, и былъ перехваченъ вѣтковскими агентами, заботливо наблюдавшими за дѣломъ Епифанія, который очень могъ имѣ

пригодиться, какъ формально рукоположенный епископъ. Епифаній не особенно угодилъ своимъ ставленникамъ, быстро усомнившимся въ правильности его крещенія, да и вообще Епифаній не выказывалъ особой ревности къ старообрядчеству, такъ что вторичный его арестъ не вызвалъ какого-либо волненія на Вѣткѣ, успѣвшей обзавестись изряднымъ количествомъ поповъ Епифаніева посвященія.

Черезъ полтора десятка лѣтъ мы видимъ на Вѣткѣ уже двухъ архіереевъ—Аеиногена и Анеима.

Первый изъ нихъ — бѣглый дьяконъ — чернецъ Воскресенскаго монастыря, съ распростертыми объятіями принятый на Стародуби, гдѣ онъ выдалъ себя за іеромонаха Аеиногена. Аеиногенъ, ловко сыгралъ на мечтаніяхъ бѣглопоповцевъ о собственномъ епископѣ, и съ большимъ измѣненіемъ сталъ распространять легенду о своемъ посвященіи въ епископство, правдоподобность котораго увеличивала пристегнутое сюда полное таинственности имя убитаго императора Іоанна Антоновича.

Меньшинство старообрядцевъ недовѣрчиво отнеслось къ разглагольствованіямъ Аеиногена, но большинство увѣровало въ высокій санъ новоявленнаго архіерея, и бѣглопоповщина опять обогатилась свѣжими кадрами поповъ. Самозванство Аеиногена все же обнаружилось и пришлось ему бѣжать въ Польшу, а тамъ карьера его завершилась самымъ страннымъ для духовнаго лица образомъ, именно переходомъ въ католичество, женитьбою и военнымъ мундиромъ, надѣтымъ имъ въ 1753 г.

До своего паденія Аеиногенъ посвятилъ въ архимандриты монаха Анеима, человекъ, видимо, способнаго и рѣшительнаго, что видно изъ его настойчивыхъ попытокъ добиться архіерейства, чуть было не полученнаго имъ отъ того же Аеиногена, если бы не случился извѣстный намъ скандалъ съ „военнымъ“ епископомъ, и его раскрытымъ настоящимъ положеніемъ, въ силу чего постановленіе Анеима оказалось самага курьезнаго свойства, и неприятно подѣйствовало на болѣе вдумчивую часть старообрядчества, видѣвшую, что на каждомъ шагу приходящіе ех-дѣятели православія несутъ съ собою немало срамоты. Анеимъ бѣжалъ и окончилъ

жизнь свою трагически, утопленный какими-то фанатиками в Днѣстрѣ. Такова краткая исторія трехъ злополучныхъ архіереевъ, достаточно дискредитировавшихъ идею полученія епископовъ изъ коренной Россіи.

Наступило царствованіе императора Николая I и послѣдовалъ рядъ Высочайшихъ указовъ, ясно высказывавшихъ намѣреніе прекратить „прискорбное для православной церкви“ явленіе—то есть расколъ вообще и особенно распространившееся бѣглопоповство. Особенно тяжело подѣйствовало на бѣглопоповцевъ распоряженіе отъ 8 ноября 1827 г., коснувшееся Рогожскаго кладбища и категорически объявившее, чтобы старыхъ поповъ „оставить въ покоѣ“, но „новыхъ отнюдь не принимать“. Ясно было, что готовился рядъ новыхъ правительственныхъ мѣропріятій, грозившихъ въ корень подорвать бѣглопоповство. Всколыхнулся старообрядческій міръ, пустилъ въ ходъ всѣ свои связи, потряхнулъ тугою мошною, и особой депутаціи удалось добиться аудіенціи у всемогущаго въ то время шефа жандармовъ графа Бенкендорфа. Выяснилось, что перемѣны курса ждать нечего и приходится искать другого выхода. Такой нашелся. Дипломатъ-графъ самъ указалъ его. Принятіе бѣглыхъ поповъ, по его словамъ, государь разсматриваетъ какъ дѣло „постыдное для старообрядцевъ и прискорбное для православной церкви“, и гораздо лучше было бы, если бы раскольники „гдѣ-нибудь“ обзавелись собственнымъ архіереемъ. Заработали во всю старообрядческіе умы, изыскивая способы къ предотвращенію грозящаго полнаго оскудѣнія священства, но на планѣ дѣйствій остановиться не могли. Одни склонялись къ учрежденію „древле-православной“ епископской кафедръ, другіе находили это рискованнымъ, и неизвѣстно, существовала бы „Бѣлокриницкая іерархія“ если бы не явился у старообрядцевъ такой дѣятель, какъ Петръ Васильевичъ Великодворскій, прославившійся подъ именемъ инока Павла. Происходилъ послѣдній изъ самыхъ демократическихъ слоевъ общества, родившись въ семьѣ простого волостного писаря, рано почувствовалъ склонность къ созерцательной жизни и, подъ вліяніемъ старообрядческихъ наставниковъ, порѣшилъ уйти въ Стародуб-

скую обитель, но помѣшалъ отецъ, такъ что осуществить свое намѣреніе Петру удалось уже взрослымъ человѣкомъ. Громадная начитанность, предприимчивый характеръ, энергія въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, глубокая, экзальтированная религіозность, и вѣра въ свое славное предназначеніе—скоро выдвинули Петра Великодворскаго въ „лидеры“ старообрядчества. Купецъ Громовъ—участникъ депутаціи къ Бенкендорфу и ярый сторонникъ мысли о раскольниковѣмъ архіереѣ—надумалъ поручить Великодворскому сложную миссію—подыскать подходящее мѣсто и людей для епископіи. Нисколько не колеблясь принялъ Великодворскій порученіе и, выбравъ себѣ въ помощники игумена Серковскаго монастыря Геронтія, двинулся въ путь. По ихъ плану предстояло объѣхать тѣ страны, гдѣ, по сказаніямъ, распространены у старообрядцевъ, сохраняются еще епископы и священники древняго поставленія, т. е. Персію, Грузію, Сирію, Египеть и т. д. 1 марта 1836 г. Великодворскій принялъ монашество, и „того же числа, никому кромѣ духовнаго отца своего священно-инока Епифанія *незвѣдомо*, пустились въ подлежащей свой путь“.

Люди были они оба далеко недюжинные, дополняя другъ друга, и нося въ себѣ всѣ данныя для того, чтобы стать во главѣ религіозной секты, особенно инокъ Павелъ съ своими „быстропронзительными, ярко-прозрачными и яко у птеница строфина неморгливами очами“, постоянно горѣвшими внутреннимъ огнемъ.

Искони старообрядцы уже бѣгали за-рубежь, такъ что образовался проторенный путь раскольниковѣй эмиграціи, лежавшій по теперешней Молдавіи и юго-восточнымъ австрійскимъ владѣніямъ на Турцію. Павелъ же съ Геронтіемъ чрезъ Таганрогъ и Азовъ добрались до Кавказа, но тамъ возбудили подозрѣніе своимъ иноческимъ костюмомъ, и были арестованы. Жандармерія причислила ихъ къ категоріи бродягъ и выслала обратно въ Европейскую Россію, на чемъ и окончилась первая попытка обоихъ друзей, нисколько не смутившихся неудачею, но наученныхъ уже горькимъ опытомъ соблюдать необходимыя предосторожности. И вотъ уже въ 1839 г. Павелъ и Геронтій тайкомъ перебираются чрезъ австрійскую границу, а тамъ „свой человѣкъ“ провелъ ихъ до центра раскольниковѣихъ по-

селеній въ Буковинѣ—пменно Бѣлой-Криницы,—ставшей затѣмъ во главѣ новаго направленія раскольничьей теоріи и практики.

Австрію раскольники облюбовали уже со временъ Петра Перваго, а въ 1783 г., благодаря услугѣ австрійскому правительству, раскольники были уже легализованы, и получили отъ императора Іосифа грамоту, разрѣшавшую имъ поселиться и свободно отправлять свои религіозныя надобности. Аборигены Буковины, носили наименованіе липованъ, и старательно отграничивались отъ пришлагаго элемента. Имѣлась въ Бѣлой-Криницѣ и церковь, обслуживалась она „бѣглыми“ попами. Сюда то и попали Павелъ съ Геронтіемъ, радушно принятыя настоятелемъ Бѣлокриницкаго монастыря и, исключительно руководимые намѣреніемъ раздобыться здѣсь австрійскимъ паспортомъ для дальнѣйшаго путешествія, но и тутъ ничего не вышло, ибо австрійскій чиновникъ усомнился въ ихъ принадлежности къ коренному липованскому населенію и отказался выдать имъ необходимый документъ. Въ различныхъ хлопотахъ провели оба посланца въ Бѣлой-Криницѣ полгода и тутъ то и былъ выработанъ планъ относительно оффиціального учрежденія австрійскимъ правительствомъ старообрядческой архіерейской кафедръ, благо существовала оффиціальная привилегія покойнаго императора Іосифа, въ которой узаконялось существованіе старообрядческаго духовенства,—преимущество, крайне важное,—по сравненію съ Россією и другими сосѣдними странами, гдѣ раскольничьи попы совершенно игнорировались. Павелъ быстро столкнулся съ бѣлокриницкими иноками, посвятивъ ихъ въ свой планъ, и уговорилъ подать прошеніе въ мѣстный „крейзамтъ“ (окружное правленіе), въ которомъ отъ лица буковинскихъ старовѣровъ указывалось, что „необходимо нужно намъ присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ, изъ числа нашихъ старовѣровъ, достойныхъ пресвитеровъ посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость, что безъ священства невозможно быть производству иноческаго чина и совершенію божественной литургіи; но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами безпокоиться и до зѣла

болѣзновать, что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленныя старовѣры находятся за скудостью священства въ крайне бѣдственномъ положеніи, ибо они для совершенія случающихся крещеній, бракосочетаній и прочихъ духовныхъ требъ часто вынуждены бываютъ даже ѣздить въ иныя владѣнія, не имущіе же на такое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многожды случается новорожденные младенцы надолго остаются некрещенными, овья же, не дождавъ священническаго совершенія, печати Дара Духа Святаго, то есть безъ миропомазанія умираютъ, а пришедшіе въ совершенный возрастъ остаются чрезъ свою временность безбрачны, и нерѣдко, повреждая совѣсть, теряютъ естественныя чистоты, непорочность и обычную богобоязность... Нѣсть-ли это крайняго сожалѣнія достойно? А хотя наши священники, которыхъ мы изъ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаемъ, здѣсь у насъ и бываютъ, однакожь какъ мы своего святителя, коему бы они подчинены были, здѣсь не имѣемъ, уѣзжаютъ чрезъ короткое время за-границу къ нашимъ старовѣрскимъ обществамъ, ибо и тамъ крайняя нужда въ духовенствѣ существуетъ. Нынѣ же занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходятъ въ отчаяніе“.

Права и обязанности бѣлокриницкаго епископа должны были состоять въ слѣдующемъ:

„Святителю священнодѣйствовать во всемъ непремѣнно по нашему старогреческому закону, и наблюдать въ точности весь обычай, у насъ содержимый, древняго христіанскаго благочинія.

„Онъ долженъ будетъ для всякаго случая, какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непосредственнаго, одного изъ нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ, съ согласія общаго собора, въ наслѣдство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить, дабы, по дальнему за-границей существованію, согласно нашей религіи святителя, въ нашемъ мѣстѣ древле-христіанскаго исповѣданія престолъ многолѣтно не вдовствовалъ, и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества, толикою, якоже доннѣ, обдержашею духовною нуждою паки до зѣла не бѣдствовали.“

„Долженъ составить свой духовный судъ, какъ-то: изъ своего наслѣдника, двухъ священниковъ, и двухъ священноиноковъ.

„Долженъ изъ числа достойныхъ и божественное писаніе добрѣ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ на неотлучное при ихъ церквахъ пребываніе поставлять.

Одновременно же былъ переработанъ и уставъ бѣлокриницкаго монастыря, вооружившій старую братію обители противъ Павла и Геронтія, такъ туда какъ былъ внесенъ пунктъ о веденіи метрикъ, чего прежде не водилось, такъ что чуть было не дошло до избіенія пришельцевъ, взбаломутившихъ мирную обитель своими широкими замыслами. Начальству вся эта исторія была представлена въ невыгодномъ для липованъ свѣтѣ и прежній настоятель Іоиль, какъ безпокойный человѣкъ, былъ смѣщенъ, а на его мѣсто, подъ давленіемъ Павла, избранъ былъ Геронтій; но затѣя о каедрѣ туго подвигалась впередъ изъ-за тренія въ окружномъ правленіи, такъ что въ концѣ концовъ пришлось апеллировать къ самому императору, что Павелъ и слѣлалъ, въ сотрудничествѣ новаго лица, появившагося въ Бѣлой-Криницѣ, инока Алимпія, готоваго съ головою броситься въ любое дѣло, разъ только оно увлечетъ его. Послѣ долгихъ проволочекъ и слѣдствій, 6 сентября 1844 г. послѣдовалъ давно ожидаемый декретъ императора, гласившій, что „всемиловѣйше дозволяется привезти изъ-за границы одно духовное лицо, именно архипастыря или епископа, съ тѣмъ, что онъ можетъ производить находящимся въ Бѣлой-Криницѣ липованскимъ инокамъ высшее посвященіе, и имѣть еще поставить себѣ преемника, который также будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемниковъ себѣ. А такъ какъ по правиламъ греческаго восточнаго закона высшее священство только изъ иноковъ происходитъ, то его величество всемиловѣйше утверждаетъ впредь существованіе въ Бѣлокриницѣ отъ многихъ лѣтъ находящагося монастыря“.

„Такъ совершилось—говоритъ производившій въ 40-хъ годахъ слѣдствіе о расколѣ Надеждинъ—событіе, до сихъ поръ

небывалое въ раскольничьемъ мірѣ, и о которомъ раскольники не смѣли и помышлять. Благоустроенное, могущественное государство, какова Австрія, торжественно даруетъ имъ всѣми формами гражданской законности обезпеченную епископскую кафедру и слѣдовательно расколъ, доселѣ пресмыкавшійся темною отверженною сектою, возводитъ на степень официально признанной церкви.

Понятно, какой восторгъ, какое потрясеніе должно было это вызвать въ мірѣ раскольничьемъ“.

Первая половина дѣла, слѣдовательно, пришла къ вождѣнному концу; оставалось рѣшить вопросъ о личности епископа, откуда достать его, и для этого то въ исходѣ 1841 г. Павелъ съ Алимніемъ направились въ Москву и Петербургъ, чтобы тамъ уже посовѣтоваться съ руководящими лицами старообрядчества, послѣ долгихъ совѣщаній съ которыми неутомимые иноки и отправились въ вояжъ, объѣздили славянскія земли, всюду приглядываясь къ соблюденію тамъ „чистаго“ православія, и неудовлетворенные результатами своихъ наблюденій, проѣхали насквозь христіанскій востокъ и въ концѣ концовъ попали въ Константинополь, гдѣ и познакомились съ бывшимъ боснійскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, которому суждено было стать первымъ епископомъ новоявленной бѣлокриницкой кафедры. Депутация Амвросія была самая хорошая такъ что одна боснійская лѣтопись говоритъ даже, что „этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ былъ родомъ болгаринъ, вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды“. Постоянныя его препирательства съ турецкими властями, зло ненавидѣвшими прямодушнаго митрополита, окончились тѣмъ, что по опредѣленію патріарха Анфима, игравшаго въ руку туркамъ, Амвросіи былъ отозванъ изъ митрополи и очутился въ тяжеломъ положеніи, такъ что приходилось кругомъ должать, и даже разъ попасть въ тюрьму за неплатежъ по обязательствамъ. Къ нему то константинопольскіе старообрядцы и направили бѣлокриницкихъ делегатовъ. Сначала Амвросій отказался отъ предложеній Павла, но тотъ съ свойственнымъ ему умѣніемъ и краснорѣчіемъ развернулъ предъ тѣмъ завлекательную кар-

тину тихой и вполне независимой жизни „первосвятителя всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, которая ожидаетъ утомленнаго прежними тревоженіями владыку, документально доказалъ ему всю законность ихъ желанія, санкціонированнаго австрійскимъ правительствомъ, указалъ на горести старообрядчества, горячо преданнаго религіи своихъ отцовъ, но лишеннаго возможности открыто служить ей, и, наконецъ, склонилъ на свою сторону сына Амвросія, имѣвшаго немалое вліяніе на своего отца, подписавшаго послѣ долгихъ колебаній слѣдующее условіе.

„Я, митрополитъ Амвросій, не желая далѣе проводить жизнь свою праздно, и не по нуждѣ, и не по какой страсти, но по истой совѣсти согласился съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря Алимпіемъ Милорадовымъ и Павломъ Васильевымъ, согласно данному всевысочайшему указу, и во исполненіе глаголь Иисуса Христа изреченныхъ въ притчѣ духовномъ производствѣ: „кунію дайте дондеже прииду и по мине вжигаютъ свѣтильникъ и поставляютъ его подъ спудомъ“, заблагоизволилъ поступить въ старовѣрскую религію, въ сущемъ званіи митрополита надъ всѣми духовными лицами и мірскими людьми, состоящими въ оной религіи, верховнымъ пастыремъ и притомъ обязуюсь, по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, учиня церковное присоединеніе, согласно правиламъ святыхъ отецъ и, неотлагательно поставить тамъ себѣ въ намѣстники другого архіерея, такъ какъ дозволено имъ высочайшимъ указомъ“.

Алимпій и Павелъ отвѣтили Амвросію слѣдующимъ контръ-обязательствомъ:

„Обязуемся по данному намъ отъ монастыря довѣрію, по прибытіи его высокопреосвященства господина митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь, содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи во всю его жизнь, съ тѣмъ, чтобы его высокопреосвященство долженъ у насъ все законно исполнять по правиламъ св. отецъ, согласно монастырскаго устава безъ нарушенія“. Переѣздъ Амвросія въ Австрію былъ обставленъ большимъ секретомъ, и только послѣ аудіенціи, умоливъ себя императора, новый епископъ отрѣшился отъ своего

инкогнито и 12 октября 1848 г. состоялся его торжественный въѣздъ въ Бѣлую Криницу; а спустя двѣ недѣли и чинопріятіе Амвросія, относительно котораго было не мало пререканій между бѣлокриницкими отцами, порѣшившими на второмъ чинѣ, т. е. „перемазаніи“. Амвросій согласился и на это, оговорившись только, что дескать „изволѣ на ваше предложеніе, только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоятъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ такового“.

Дѣятельность Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ продолжалась всего два года; успѣлъ онъ за это время поставить двухъ епископовъ да нѣсколько священниковъ.

Австрійское вмѣшательство въ домашнія отношенія между русскою церковью и ея непокорными дѣтьми, не на шутку испугали нашихъ политиковъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и домопощенныхъ. Въ извѣстной запискѣ казеннаго изслѣдователя раскола Надеждина, относящейся къ 1846 г. и вовсе не подлежавшей оглашенію, опредѣленно высказывается опасеніе касательно сорока тысячъ зарубезныхъ раскольниковъ, что „масса эта, непрерывно подновляемая свѣжими выходцами изъ отечества, вообще питаетъ горячую любовь къ землѣ Русской, но преисполнена непріязненныхъ чувствъ къ порядку вещей, существующему въ Россіи, а потому и къ правительству, которымъ этотъ порядокъ введенъ и поддерживается. При бывшемъ доселѣ положеніи дѣлъ, все это не могло бы еще возбуждать слишкомъ важныхъ опасеній, прямо относящихся къ существеннымъ интересамъ Россіи. Но въ настоящее время, формальное учрежденіе раскольниковъ епископскою кафедрой въ Буковинѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны русскаго правительства. За границею раскольниковъ епископство будетъ важно тѣмъ, что массу поповщинцевъ соединитъ еще ближе и свяжетъ еще тѣснѣе. Что Австрія, во владѣніяхъ и подъ покровительствомъ которой учреждается епископская кафедра, преумножила свое политическое вліяніе, въ особенности на Молдавію, гдѣ раскольники поповщинцы составляютъ значительную долю въ общественномъ составѣ населенія, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ отношеніи же собственно къ Россіи, опасности, могущія произойти отъ рас-

кольничьяго архіерея, водвореннаго за границу, пока еще воплотить немислимы. Видно, однако, уже и теперь нѣтъ. Одно лишь пока извѣстіе о началѣ дѣла, распространяясь всюду по имперіи, производитъ уже волненіе въ раскольникахъ и не только въ поповщинѣ, но даже и въ нѣкоторыхъ безпоповщинцахъ.

„Будеть-ли это или не будетъ въ самомъ дѣлѣ, но, дѣйствительно, многіе богачи похваляются, что какъ скоро явится въ Буковинѣ ожидаемый архіерей, то они немедленно перенесутся туда со всѣми своими капиталами. Затѣмъ, появленіе архіерея непремѣнно должно наводнить Россію раскольничьими попами, къ истребленію которыхъ правительство принимаетъ нынѣ столь дѣятельныя мѣры. Во всякомъ случаѣ, пока еще нѣтъ дѣйствительнаго епископа, не хорошо уже и то, что масса народа грубаго и невѣжественнаго волнуется мыслями и надеждами, тѣмъ болѣе вредными, что совершенія ихъ люди русскіе приучаются ожидать внѣ предѣловъ отечества“.

Въ 1848 году, когда окончательно выяснилась дѣятельность Бѣлокриницкаго монастыря, императоръ Николай Первый, видимо, иначе думавшій, чѣмъ его любимецъ Бенкендорфъ, положилъ слѣдующую резолюцію: „Сообщить г. Нессельроду (министру иностранныхъ дѣлъ), чтобы повторилъ мое рѣшительное требованіе австрійскому правительству, чтобы мнимый монастырь былъ немедленно закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга и объявить австрійскому правительству, что ежели Я не получу скорого удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, Я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ, мнѣ крайне прискорбнымъ мѣрамъ“.

Подошелъ тяжелый въ исторіи Австріи 1848 г., вспыхнуло венгерское возстаніе, грозившее разнести на куски разноплеменную монархію Габсбурговъ, уцѣлѣвшую исключительно благодаря штыкамъ графа Паскевича, и правительство только что вступившаго на престолъ юнаго монарха Франца-Иосифа, рѣшило оказать любезность императору Николаю, крайне боявшагося, чтобы Бѣлая-Криница не вмѣшалась бы въ распорядокъ многихъ сотенъ тысячъ его старообрядческихъ подданныхъ.

Къ Бѣлокриницкому монастырю оказалось возможнымъ предъявить обвиненіе въ самовольныхъ сношеніяхъ съ бѣглецами изъ Россіи священниками и монахами и пристано держательствѣ. Въ декабрѣ того же года Амвросій былъ вызванъ въ Вѣну, а оттуда отправленъ подъ надзоръ полиціи въ городъ Цилль.

Бѣлокриницкій монастырь снова вызвала къ жизни вскорѣ объявленная австрійская конституція, и послѣдовалъ цѣлый рядъ архіерейскихъ поставленій, уже безъ содѣйствія Амвросія. Въ Браиловъ былъ назначенъ епископъ Онуфрій, русскіе старообрядцы получили Софронія симбирскаго, Аркадій — отправился въ Турцію, Алимпій — въ Тульчу.

Бѣлокриницкая іерархія стала фактомъ, неоспоримымъ явленіемъ, опровергать законность котораго серьезныхъ попытокъ оказано въ дальнѣйшемъ не было.

Въ Россіи число послѣдователей такъ называемаго „австрійскаго согласія“ достигло весьма внушительной цифры, ясно показавъ, насколько сильно въ вѣрующемъ народѣ стремленіе къ церкви съ функціонирующею іерархіею. Одна за другою пооткрывались епархіи: Саратовская, Пермская, Казанская, Кавказская, Коломенская, Балтская и др.

„Австрійское согласіе“, какъ и прочія развѣтвленія раскола, тоже не выдержало единства направленія, и дало дальнѣйшее дробленіе — общую суровую долю нашего религіознаго протеста, лишеннаго однообразія идеи и ясности поставленной задачи.

„Бѣлокриница“ раздвоилась, благодаря новому теченію, внесенному въ нее Иллариономъ Егоровичемъ Кабановымъ, болѣе извѣстнымъ своимъ литературнымъ метонимомъ Ксеноса. Ксеносъ, человекъ, одаренный крупнымъ даромъ критическаго отношенія къ окружающему, лично склонялся къ убѣжденіямъ дьяконовскаго толка, т. е., стало быть, придержививался умѣренныхъ взглядовъ, давно уже мечтая корректировать старообрядство путемъ возможнаго смягченія въ немъ тенденцій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ безпоповскимъ увлеченіямъ. Въ 1862 г. Ксеносъ, въ бытность свою въ Москвѣ, свидѣлся съ Бѣлокриницкимъ намѣстникомъ Онуфріемъ и повѣдалъ тому о своихъ мысляхъ и получилъ отъ него порученіе

составить „Окружное посланіе“ къ членамъ австрійскаго согласія, которое 27 февраля того же года и было издано за подписью Онуфрія, Пафнутія Казанскаго, Варлаама Балтскаго и Антонія Владимірскаго.

„Посланіе“ изложено въ 10 пунктахъ.

Въ немъ указывается, во-первыхъ, что, „Святая православно-каѳолическая церковь и священство вкупѣ съ приношеніемъ безкровныя жертвы требуетъ до скончанія вѣка и до дне суднаго, по не ложному обѣтованію Господнѣ, яко же глаголетъ. Самъ пречистыми своими усты: „на семь кемени созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ее, и яко же Христосъ не умираетъ, тако и священство его по чину Мельхисидекову не престанетъ“.

Второй пунктъ соглашался съ тѣмъ, что „господствующая нынѣ въ Россіи церковь, а равно и греческая, вѣруетъ не въ иного Бога, но во единого съ нами, Творца небу и земли; исповѣдуетъ и плотское смотрѣніе Христова, во искупленіе рода человѣческаго содѣянное; почитаетъ и честная праздники владычны, вкупѣ съ нами, не провидѣніемъ, но дѣятельнѣ. Покланяется святымъ иконамъ древняго изображенія съ надписаніемъ имене Христова Исусъ Христосъ. Лобызаетъ честный гвоздь и хитонъ Христовъ, святыхъ и чудотворныхъ иконы и святыхъ угодниковъ Божіихъ Мощи. И сими всѣми явственно доказуется, яко во единого и того же вѣруетъ Бога единого и того же съ нами исповѣдуетъ Христа. И такового ради вѣрованія ея, Крещеніе, совершаемое отъ нея въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и Хиротонія на основаніи Священныхъ правилъ и Святоотеческихъ событій *пріемлется безъ повтореній.*

Но „попущеніемъ Божіимъ, чрезъ Никона, патріарха бывшаго, древле-церковная преданія измѣнившаяся и въ послѣдствіи соборомъ 1667 года ужаснѣйшая клятва и анафема на содержащихъ свято-церковныя преданія произнесена и строгое гоненіе и преслѣдованіе воздвигается съ мученіемъ“.

...„Сихъ ради совѣсть наша не допускаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкви, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ книгъ, и не уничтожаютъ

означенныхъ жестокословныхъ порицаній, порицаній отвратительныхъ, благочестивому слуху не вмѣстимыхъ и Христіанскимъ пастыремъ отнюдь не свойственныхъ. Аще же нѣкогда, благодатію Божіею озарившеся, отложить вышеупомянутая порицанія и соборнѣ оставлять свои новодогматствованія, а Святую старожитность возлюбить и примуть, и порученнымъ себѣ хранить ю повелять, и начнуть послѣдовати всѣмъ древле-церковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится церковь въ таковой точности догматовъ и преданій, якоже баше отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра и до лѣтъ Никона бывшаго патріарха, тогда вамъ сего предѣла въ ровенникъ обратится, и единымъ къ другимъ прихождение учинять сердца, и мы, безъ всякаго увѣщанія челоувѣческаго пойдемъ ко общенію ея, а донынѣже пребываютъ соблазны и преткновенія, возмущающія *совѣсть нашу, то мы не можемъ, вопреки ученію древле-православныя церкви, и вопреки убѣжденію своея совѣсти, послѣдовати новопзложеннымъ догматамъ и преданія. И сего ради нѣсмы раскольницы и раздорпицы, но чада единая, Святыя Соборныя, Апостольскія, Древле-православно-каеолическія церкви...

„Объявивше убо свое исповѣданіе и священное желаніе, засвидѣтельствуемъ предъ Всевидящимъ Богомъ: яко же удаляемъ отъ порицающихъ древле-церковная преданія, тако не общаемся и хуламъ безпоповскимъ, и молимъ живущаго въ вышнихъ Единаго безначальнаго царя Славы, да послужить сіе образцемъ учепымъ, пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи церкви яко да и ти обратятъ должное вниманіе о вышпредложенныхъ жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предмѣстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ“.

Третій пунктъ посвященъ защитѣ общаго старообрядческаго догмата „о святѣйшемъ и поклоняемомъ Христовѣ имени“, причемъ вся „погрѣшность никоніанъ заключается только въ приложеніи къ имени Іс, единой гласной буквы“.

Въ четвертомъ говорится „о честномъ и животворящемъ Крестѣ“, правильно изображать который надлежитъ въ трехсоставномъ видѣ „но идѣже аще по случаю начертанъ, или сложенъ, есть видъ креста †, и той не обезчестимъ и не ху-

лимъ, но, по завѣщанію Святыхъ Отець отъ всякаго поруганія тщимся сохранить, елика сила“.

Признанію богоносности Евхаристіи отведена пятая главка, указывая, что „такowymъ продержателямъ (безпоповцамъ) за-тыкають уста Восточніи учителя. Ругательство, наводимое ими на Таинства, совершаемая по древле-церковному преданію, въ нашей православно-каѳолической церкви, зѣло богохульно и душепагубно есть. Сихъ ради винъ завѣщаемъ Православнымъ Христіанамъ зловерднаго ученія Безпоповскаго не слушати и вся сочиненія ихъ, направленная на истребленіе Церковныхъ Таинствъ и въ поруганіе святыни, не согласная Священному Писанію и церковному ученію, повелѣваемъ огнесожженію предавати“.

Шестая часть „Посланія“ рекомендуетъ приносить моленіе „о здравіи и о спасеніи, и о царствѣй побѣдѣ, иже отъ высочайшія и вседержація Божія десницы поставленнаго и славою и честію вѣнчаннаго, Самодержавнѣйшаго и Богохранимаго Великаго Государа нашего, Царя и Великаго Князя“.

„Пока же вторицею завѣщаемъ—напоминаетъ седьмой параграфъ цитируемаго нами высокоинтереснаго памятника, — и молимъ кровосказательныхъ ученій бѣгати и лжесоставленная сочиненія, несогласная сказанію и толкованію Святыхъ Отець, не пріимати отнюдь,—но отметати ю, и единомудрствовати вкупѣ со Святою Церковью единоголасно и единомышленно, яко же Святіи Отцы предаша и научиша“, что относится и къ вѣрованію „о пришествіи Святыхъ пророкъ Иліи и Еноха“ (восьмой пунктъ) и къ „мудрствованію о антихриствѣ“ (девятый) и, наконецъ, въ заключительной, десятой части „Окружнаго посланія“ пастыри „австрійскаго согласія“, въ духѣ Ксеноса, констатируютъ, что „о днѣ и часѣ кончинѣ міра и втораго пришествія Господа Бога и Спаса Нашего, Ісуса Христа, никто же вѣсть *), ни Ангели небесніи, токмо Самъ той Единъ, тѣмже никому же отъ земнородныхъ о семъ вѣдати надлежитъ и испытословити отнюдь не подобаетъ по реченному: „вышнихъ тебе не ищи и крѣпчайшихъ тебе не испытуй“, оканчивается „Посланіе“ трогательнымъ призывомъ „хра-

*) Говорится въ противовѣсъ эсхатологическимъ теоріямъ.

ниті вся заповѣди Божія и преданія церковная неизмѣнно, свято и нерушимо и удалятися всякихъ ересей и раздоровъ и иностранныхъ обычаевъ, имѣти между собою согласіе и единомысліе во всемъ, и миръ и любовь, яже есть союзъ совершенства, и еже себѣ не угодно инымъ не творити. Богъ же мира и отецъ щедротамъ, Богъ всякія утѣхи, собираяй расточенная и вселяяй единомысленная въ домъ свой, да собереть расточенная овцы во ограду напоити своя, и да подасть единомушіе и единомысліе всѣмъ православнымъ христіанамъ благодатію и человѣколюбіемъ своимъ, яко да будетъ едино стадо и единъ пастырь“.

„Окружное посланіе“ вызвало полнѣйшее недоумѣніе среди старообрядцевъ, въ чемъ же заключается различіе ихъ вѣрованій отъ догматики господствующей церкви. Посланіе завершило дѣло равенія старообрядчества вправо, непримѣтно вливаясь въ единовѣріе, создавая почву для новыхъ компромиссовъ, знаменующихъ собою полный упадокъ энтузіастическаго порыва. „Посланіемъ“ старообрядчество сказало свое послѣднее слово, оглянулось на предшествующую исторію мученій своего духа и бесильно созналось въ шаткости своихъ лозунговъ, повисшихъ гдѣ-то въ пространствѣ. Старообрядчество не смогло поборотъ въ себѣ стремленіе къ формѣ, проникнуться духомъ, понять, что человѣчество — живой организмъ, съ взлетами мысли, порывающейся вонъ изъ-подъ давящаго ея церковнаго купола, что и внѣ его есть гдѣ отдохнуть истрепаншейся душѣ человѣческой. Отцы и вчинатели старообрядчества за двоеперстіемъ видѣли насущную реалію, въ сокращенномъ „Ісусѣ“ для нихъ таилась симфонія проникновенія въ корень вещей, могильщики великаго раскола судорожно вцѣпились въ іоту закона, куда-то уходившаго, и, перебирая „лѣстовку“, задушили въ себѣ живого Бога. Начавшись гнѣвнымъ рокомъ въ кремлевскихъ палатахъ, просидѣвъ полтора столѣтія въ затхломъ подпольѣ „старая вѣра“ окончательно одряхлѣла и оказалось рада-радешенька заполучить право доживать свой вѣкъ, право, прибрѣтенное „Окружными посланіями“, смиренными поклонами католическому „обливанцу“ цезарю и мирнымъ успокоеніемъ на лонѣ единовѣрія.

Актъ „Окружнаго посланія“ породилъ „окружниковъ“ и

„неокружниковъ“; первые съ радостью вступили на мостъ перекинутый чрезъ двухвѣковую пучину раздора, вторые поколебались.—Ни тѣ ни другіе не выдвинули впередъ сколько-нибудь яркихъ личностей, не дали вплоть до нашихъ дней ни одного запоминаемаго эпизода. Мы можемъ насчитать съ десятокъ, другой „австрійскихъ“ архіереевъ, сочиняющихъ обстоятельныя энциклики другъ къ другу, непрестанно полемизирующихъ, но вся ихъ работа не выходитъ изъ предѣловъ рѣшеній схоластическихъ задачъ. „Австрійское священство“ пользуется заслуженною репутаціею благонамѣренности, стремившейся и достигнувшей открытаго существованія: Россія покрыта въ настоящее время сѣтью „австрійскихъ“ епархій.

Единоувѣріе.

Явленіе послѣдняго рода есть ничто иное, какъ послѣдовательно доведенная до конца практика принятія отъ синодальной церкви ея священства. Основныя положенія единоувѣрія, обязанныя инициативѣ представителей ново-православія, ведутъ свое начало отъ XVIII в. будучи впервые теоретизированы трудами новгородскаго митрополита Дмитрія Сѣченова и епископа псковскаго Гедеона Кривовскаго, указавшихъ на полную цѣлесообразность и желательность, съ точки зрѣнія христіанской этики, нѣкоторыхъ уступокъ вождедѣніямъ старообрядцевъ; касающимся главнымъ образомъ обрядовой стороны религіи, относительно которой имѣются историческія указанія, что перво-христіанская церковь не слишкомъ строго относилась къ различнымъ, такъ сказать, провинціализмамъ въ этой области, предпочитая установленіямъ спасеніе души.

Передовые іерархи православія отлично понимали, что клятва собора 1667 г. произнесена была вовсе не на обряды, а за нѣчто болѣе существенное, такъ что ужъ и относиться чрезмѣрно сурово къ соблюденію старообрядцами прежней обрядности, является жестокостью. Практически первый осуществилъ идею единоувѣрія архіепископъ Никифоръ Θεотокій, крайне внимательно отнесшійся къ просьбѣ старообрядческаго населенія Елисаветградскаго уѣзда, представившихъ владыкѣ свое хода-

тайство, въ которомъ признавалась святость великороссійской церкви и ставилась на видъ вся желательность сохраненія старыхъ обрядовъ и книгъ „ради немощнѣйшихъ и недостаточно разсудительныхъ“.

Для нихъ то и построили церковь въ селѣ Знаменкѣ того же уѣзда, гдѣ богослуженіе совершались по старымъ порядкамъ, но православнымъ священникомъ. О своемъ поступкѣ преосвященный Никифоръ, письмомъ отъ 3 августа 1780 г., не замедлилъ оповѣстить Синодъ, предполагая вызвать сочувствіе своему начинанію, но вмѣсто этого встрѣтилъ молчаливое неодобреніе.

Продолжателемъ выступилъ извѣстный намъ уже противоперемазенецъ инокъ Никодимъ, имѣвшій возможность войти въ сношенія съ тогдашнимъ намѣстникомъ Малороссіи графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Благодаря его протекціи Никодимъ добрался до Петербурга, получилъ аудіенцію у императрицы Екатерины, и подалъ въ Синодъ, по довѣренности 1500 человекъ своихъ единомышленниковъ, проектъ соединенія съ господствующею церковью, и подчиненія особо поставленному надъ ними хорепископу „великороссійской породы“, непосредственно подчиненному одному только Синоду и поставляющему старообрядческое священство по указанію самыхъ прихожанъ. Условія эти показались неприемлемыми.

Послѣ нѣкоторыхъ другихъ частныхъ попытокъ, окончательную оформленность единовѣріе уже получило въ царствованіе Павла, утвердившаго 16 пунктовъ, при условіи соблюденія которыхъ часть старообрядцевъ изъявила согласіе присоединиться къ православію.

Пункты эти были таковы:

1) Дабы святѣйшій Синодъ разрѣшилъ преждеположенныя клятвы на двоеперстныя сложеніе и другіе подобныя сему обряды.

Резолюція митр. Платона. Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ разрѣшить: ибо хотя Церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія, но какъ нынѣ они сближаются, или паче, соединяются съ Церковію, и истину ея, и таинства и священство ея признаютъ дѣйстви-

тельными, то и потребно сіе разрѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подѣ каковыми отторгающіеся еще отъ Церкви имѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобы сіе разрѣшеніе было открытое и ихъ болѣе успокаивающее, то надѣ каждымъ, принимаемымъ къ дозволяемому ими Церкви, прочеть епископу или пресвитеру съ возложеніемъ руки, слѣдующую разрѣшительную молитву: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Своею и челоувѣколюбіемъ да разрѣшитъ тя, къ Церкви Святѣй обращающаяся, отъ всѣхъ клятвъ, имъ же отъ Церкви, отторженіемъ отъ нея, подвергся еси. И азъ, недостойный архіерей (или іерей) властію нынѣ отъ Него данною, разрѣшаю тя, раба Божія, отъ всѣхъ клятвъ и всѣхъ грѣховъ твоихъ, во Имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“.

2. Да соблаговолитъ ваше Высокопреосвященство избрать священниковъ, и діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ старообрядчествѣ, и по желанію прихожанъ. Если же таковыхъ не окажется, то хиротоносать, по прежде печатаннымъ книгамъ, избранныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ и по согласію прихожанъ. Также священниковъ, уклонившихся въ старообрядчество доннѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ Вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы христіанскія; отлучившіеся же таковыя священники безъ воли своего епископа, впредь къ старообрядческимъ церквамъ принимаемы не будутъ.

Резолюція: вторую статью по всей ея силѣ, по снисхожденію, дозволить, но съ тѣмъ, чтобы опредѣлить вновь священниковъ по избраніи прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію епископа, а прежнихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей Церкви, совѣсти и сана своего, къ таковой церкви не опредѣлять.

3. Дабы Святѣйшій Синодъ и Ваше Высокопреосвященство благословили старообрядческихъ священниковъ службу Божію, таинства и требы христіанскія совершать по прежде печатаннымъ книгамъ при Всероссійскихъ патріархахъ Іовѣ, Ермогенѣ,

Филаретъ, Иосафъ и Іоакимъ, чему слѣдовать должны діаконы и церковнослужители.

Резолюція. Третью статью также дозволить, ибо хотя въ книгахъ, ими управляемыхъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе всего.

4. Церкви для старообрядцевъ освятить Вашему Высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ, или по благословенію Вашего Высокопреосвященства, старообрядческимъ священникамъ; и да будутъ антиминсы, освященные при вышепоименованныхъ патріархахъ, или вновь освящены будутъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ потребникѣ.

Резолюція. На четвертую статью можно преподавать согласіе.

5. Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Грекороссійскую Церковь къ Соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ по благословенію Вашего Высокопреосвященства въ Церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія; также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, браны бріющихъ, и прочія имѣющія несогласія съ древними обыкновеніями, выключая Высочайшихъ Особъ. Старообрядцамъ хотя и незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійскія Церкви, таковымъ не возбранить присоединиться къ церкви старообрядческой.

Резолюція. Также.—Но что надлежитъ до недопущенія ими въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно, а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ съ наставленіемъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ Церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна уклонившимся отъ сообщества Грекороссійской Церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ Церковь Православную не ходилъ, и таинства ея не принималъ, и то, нашедши его та-

ковымъ, при принятіи къ Церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ Церкви нашей Православной бывшихъ, никакъ до такового присоединенія не допускать.

6. Старообрядческимъ священникамъ и приѣмлющимъ сіе священство старообрядцамъ по духовнымъ дѣламъ быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ же принадлежащимъ до старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія, но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ Святѣйшему Синоду и Вашему Преосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя, съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго.

Резолюція. Шестую статью можно принять.

7. Старообрядческіе священники да будутъ снабжены Св. муромъ отъ Вашего Высокопреосвященства.

Резолюція. Приѣмлется.

8. Старообрядческихъ священниковъ не принуждать исповѣдъ имѣть, кромѣ старообрядческихъ же священниковъ.

Резолюція. Оставить сіе каждому священнику на совѣсть.

9. Благоволите Ваше Высокопреосвященство благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста, по обыкновенію, древле бывшему въ Россіи.

Резолюція. Сіе предоставитъ благоразумію и совѣсти каждаго епископа, однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10. Священнодѣйствія, доннѣ старообрядческими священниками учиненныя, какъ-то: крещеніе, бракосочетаніе, молитвословіе, монашество (если къ сему не окажется со стороны свѣтскаго правительства препятствія) и другія требы христіанскія, да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторяютъ оныя, развѣ только окажется каковой-либо изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ, бывшихъ до нынѣ самозванецъ или правильно изверженный, священнодѣйствія оныя совершалъ. Также и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не должны поступать поправлять приѣмлемыя старообрядцами отъ Грекороссійскія Церкви священныя тайны, какъ-то: хиротонія, крещеніе, миро-

помазаніе, бракъ и проч., но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

Резолюція. Приемлется.

11. Если кто изъ сыновъ Грекороссійскія церкви пожелаетъ приобщиться св. Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять. Равно же, если и старообрядецъ пожелаетъ приобщаться св. Таинъ въ Грекороссійской Церкви, не возбранять оному.

Резолюція. По сей статьѣ, сынъ Православной Грекороссійской Церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ бѣ не случилось найти православнаго священника, и Церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.

12. Если учинить старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковой предоставляется суду Вашего Высокопреосвященства.

А если жъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковой эпитимійствуется при церквахъ старообрядческихъ по разсужденію Вашего Высокопреосвященства.

Резолюція. Приемлется.

13. При старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги. Но во время святыхъ постовъ, если кто изъ старообрядцевъ, по каковымъ-либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди, и у причастія святыхъ Таинъ не будетъ, таковыхъ, ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ никуда не представлять, но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ. Еслижъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ, уклоняться будетъ отъ оныя Святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги и наказывать эпитимією, и другими духовными исправленіями.

Резолюція. Хотя на сію статью и можно согласиться, но какъ деньги штрафныя собираются въ казну, то сіе зависить отъ благоусмотрѣнія Святѣйшаго Синода. А ежели бѣ и всѣ православные отъ онаго денежнаго штрафа были освобождены, а наказываемы бы они были за духовное преступленіе

духовными эпитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ.

14. Еслижь случится быть браку, состоящемуся одной половиной Грекороссійской Церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской Церкви или Старообрядческой:

Резолюція. Сію статью принять можно.

15. Священники старообрядческіе во всѣхъ случаяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей фамиліи, и прочихъ кого слѣдуетъ, по данной отъ Святѣйшаго Синода формѣ.

Резолюція. Сіе необходимо потребно.

16. Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для Богослуженія, ибо таковая обостренная разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, что вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове Грекороссійскія Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единая Святыхъ, Соборныхъ и Апостольскія Церкви.

Резолюція. Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

Къ пунктамъ митрополитъ прибавилъ, что „по таковомъ взаимномъ всего вышеписаннаго принятіи и согласіи, таковыхъ пріемшихъ и согласившихся и получившихъ на вышепрописанномъ основаніи церковь, не называть болѣе раскольниками или старообрядцами, ибо въ Церкви ничего новаго нѣтъ, и нѣтъ новообрядцевъ, а называть соединенцами или единовѣрцами, на что они, особливо на послѣднее, по предложенію моему и согласными быть оказываются, а потому и Церковь ихъ имѣетъ называться единовѣрческою, а въ упорствѣ и въ отторженіи отъ Церкви пребывающіе да остаются при прежнемъ ихъ наименованіи раскольниками. При дозволеніи просителямъ Церкви потребно быть судится провозгласить, что несчастливый расколъ, отъ чего произошелъ и когда, сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ

коихъ явственно и доказательно показано, и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взшедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славянскими книгами, оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей Церкви Православной употребляются, и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иныя Церкви мысль, развѣ каковая Ею доселѣ за истину признана и признается, однако Церковь яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ Нея великаго успѣха (хотя нѣкоторые Богомъ просвѣщенные и совершенно соединяются съ Нею) разсудила за благо учинить таковымъ, въ невѣденіи погрѣшающимъ, нѣкоторое снисхожденіе, однако безъ соблазна правовѣрныхъ, особливо разсуждая ихъ прошеніе, которое довольнымъ образомъ ихъ съ Церковію сближаетъ, или паче соединяетъ, слѣдуя примѣру Апостольскому, иже немощнымъ бысть, аки немощенъ, и дабы возымѣть благую надежду, что таковыя со временемъ Богомъ, просвѣтятся, и ни въ чемъ въ нерадиствующее съ Церковію приидутъ согласіе. Сіе почитается нужнымъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ Церковь нынѣ таковое имѣ чинить снисхожденіе и дабы развратныя не протолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познали, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить и говорить“.

Крупныя успѣхи сдѣлало единовѣріе, въ смыслѣ увеличенія своихъ членовъ, въ богатое репрессіями время императора Николая Перваго. Въ 1851 г. насчитывалось уже 179 единовѣрческихъ церквей, поддался даже Иргизъ. Но насколько искренно было такое массовое переходеніе въ единовѣріе—это вопросъ другой. Въ Москвѣ, на примѣръ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей единовѣрія явился новый законъ о торговлѣ раскольниковъ на временномъ правѣ. Раскольничій міръ, по преимуществу принадлежащій къ коммерціи, не на шутку струсилъ такого мѣропріятія, и цифра прозелитовъ единовѣрія быстро поднялась, но съ отмѣною затѣмъ этого неудобнаго для старообрядцевъ правила, можно замѣтить обратный отливъ въ расколъ. Въ 1854 г. единовѣріе перекинулось и на Преображенское кладбище. Зашаталась старая твердыня раскола. Освященіе единовѣрческой церкви сопровождалась пышною церемоніею. А въ

1866 г. вся мужская половина кладбища обратилась въ едиповѣрческій мѡнастырь. Въ Иргизѣ единовѣріе было насаждено при непосредственномъ участіи властей, вышшихъ и низшихъ, полиціи, благодаря тому, что иноки нѣкоторыхъ монастырей оказали сопротивленіе, которое и было окончально сломлено лишь послѣ категорическаго повелѣнія Императора Николая. Въ Москвѣ центромъ единовѣрія сдѣлался Никольскій монастырь, сыгравшій крупную роль агитатора единовѣрія. Большой подрывъ „австрійщинѣ“ оказало единовѣріе, заполучивъ въ свою среду цѣлый рядъ епископовъ и священниковъ „бѣлокриницкой іерархіи“.

Изъ безпоповщины перешелъ на сторону единовѣрія извѣстный едосѣвецъ инокъ Павелъ Прусскій, организовавшій въ Пруссіи типографію для печатанія безпоповщинской литературы. Долго работалъ Павелъ въ рядахъ безпоповства, но произошелъ въ его душѣ тяжелый переломъ и стало меньше однимъ крупнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ крайнихъ доктринъ старообрядчества, съ теченіемъ времени все болѣе приближающагося къ единовѣрію, этому типичному „октябризму“ раскола, со всею его половинчатостью и слабостью отчетливаго пониманія вещей. Павелъ Прусскій внесъ не малое смущеніе въ среду раскольниковъ своимъ присоединеніемъ къ единовѣрію, сразу получившему въ глазахъ старообрядцевъ большой вѣсъ. Отступивъ отъ раскола Павелъ дѣятельно сталъ бороться съ строго-старообрядческими взглядами, и, благодаря своему крупному проповѣдническому дару, оказалъ единовѣрію существенную услугу. Благодаря его же вліянію изъ за-границы было перенесено въ Россію изданіе журнала „Истина“, явившагося теперь выразителемъ идей единовѣрія.

Быстрые успѣхи единовѣрія въ значительной степени объясняются тою ролью тихой пристани, спокойною отъ всѣхъ тревоженій, которой такъ жаждали старообрядцы, порядкомъ таки утомившіеся постоянною необходимостью быть „па чеку“. Единовѣріе не безъ основанія сулило возможность легализироваться, и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ добиться безпрепятственнаго существованія внѣ подполья, куда миллионы русскихъ людей были загнаны въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ, благодаря узкой политикѣ синодальной церкви.

Мелкія развѣтвленія старообрядчества.

„Нѣтовщина“ или „Спасово согласіе“—безпоповщинскій толкъ очень стараго происхожденія, разившійся изъ догмы нѣкоего крестьянина Козьмы, дѣйствовавшаго при св. Димитріи Ростовскомъ и учившаго, что вслѣдствіе наступленія на землѣ царства антихриста всякая борьба съ міровымъ зломъ является для человѣка непосильною, и потому приходится всю надежду возлагать на одного „Спаса, который вѣдаетъ, какъ насъ, бѣдныхъ спасти“.

Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи „нѣтовщина“ разбилась на двѣ части: болѣе умѣренные—„отрицанцы“—принимаютъ вновь входящихъ при условіи отрицанія тѣми своей прежней „ереси“, а болѣе упорный элементъ—„глухая нѣтовщина“—отказался цѣликомъ отъ всякой церковности, замѣнивъ ея обрядность приношеніемъ такъ называемаго „скитскаго покаянія“, заимствованнаго изъ наставленія, даннаго яко бы апостоломъ Павломъ Діонисію Ареопагиту. Исповѣдь обязательно совершается наединѣ предъ образомъ Спасителя, охотнѣе всего гдѣ-нибудь въ глуши лѣсной, при чемъ проливаются обильныя слезы; путемъ такого психологическаго облегченія себя отъ накопившагося бремени заботъ и прегрѣшеній, „нѣтовцы“ получаютъ невидимое причащеніе.

„Нѣтовщина“ представляется носителницею принципа аскетизма, и притомъ мрачнаго. Не говоря уже о томъ, что ея ученіе нетерпимо относится къ браку, приходится констатировать, что среди „нѣтовцевъ“ долгое время были сильно распространены случаи самоубійствъ, какъ единичныхъ, такъ и массовыхъ, чаще всего самосожженіемъ. Естественно, что ученіе, признававшее желательнымъ для своихъ послѣдователей такое мужество, не могло найти себѣ особенно многочисленный кадръ, не идя въ этомъ отношеніи въ сравненіи съ разбиравшимися уже у насъ старообрядческими толками.

Если „нѣтовцы“ единственно цѣлесообразнымъ способомъ очищенія себя отъ „прелести антихриста“ считаютъ усиленное слезное покаяніе, то нѣсколько смягченное отраженіе

этого пункта „нѣтовщинской“ догматики находимъ среди другой отрасли безпоповщины—именно въ „рябиновщинѣ“, довольствующейся одною молитвою, но, конечно, горячею. Название свое „рябиновцы“ получили на основаніи своей вѣры въ церковное преданіе, что крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, состоялъ изъ трехъ родовъ древесныхъ породъ— кипариса, кедра и певга, почему и поклоняться можно только именно такому кресту. Но за отсутствіемъ въ нашей флорѣ подобныхъ экземпляровъ дендрологическаго міра, „рябиновцы“ название певга переносятъ на рябину. „Рябиновцы“—довольно оригинальнаго мнѣнія относительно иконопоклоненія, признавая только такіе образа, на которыхъ изображены исключительно святые лица и на этомъ основаніи отвергаютъ, напримеръ, икону „Входа Спасителя въ Іерусалимъ“, гдѣ, какъ извѣстно, есть осель.

На своеобразности обрядовыхъ деталей зиждется и толкъ „лучинковцевъ“, вмѣсто свѣчей при богослуженіи употребляющихъ лучину: тѣмъ больше та коптитъ, тѣмъ держащей ее угоднѣе Богу. „Лучинковцы“ выводятъ свое ученіе объ отрицаніи церковности изъ словъ пророка Даніила: „Мы умалены, Господи, паче всѣхъ народовъ и унижены нынѣ на всей землѣ за грѣхи наши, нѣтъ у насъ ни князя, ни пророка, ни всесожденія, ни жертвы, ни еиміама, ни мѣста, чтобы намъ принести жертву Тебѣ и обрѣсть милость Твою“. Антихристъ наложилъ свою печать на всѣ предметы богослужебнаго обихода, одна лучина осталась внѣ его воздѣйствія.

Нѣсколько большимъ вліяніемъ пользуется „Любушкино согласіе“, хотя оно возникло всего лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, зародившись среди извѣстной части безпоповщины, сочувствующей такъ называемому конкубинату, т. е. брачному сожителству, не скрѣпленному участіемъ церкви и вообще какихъ-либо договорныхъ формъ. Въ данномъ случаѣ согласіе это довольно остроумно пытается разрѣшить скользкую для безпоповщины проблему продолженія рода человѣческаго, дозволяя сожителство мужчины и женщины безъ благословенія священнаго лица, въ надеждѣ, что въ загробной жизни проступокъ этотъ будетъ прощенъ и бракъ утверждёнъ

властью верховнаго священнослужителя Господа Иисуса Христа.

Связующимъ всѣхъ людей ферментомъ, на которомъ должна развиваться вся сложная схема человѣческой жизни, „Любушкино согласіе“ считаетъ любовь, но, разумѣется, уже идейную, чуждую физическимъ вождельніи, любовь, отстраняющую всѣ другіе инстинкты.

Почти одновременно съ „Любушкинымъ согласіемъ“ безпоповщина выдѣлила изъ себя „немоляковъ“, вставшихъ на совершенно противоположную приверженности старой обрядности точку зрѣнія. Донской казакъ Зиминъ, сосланный на Кавказъ въ 1837 г., предвосхитилъ мысль Льва Толстого о духовной молитвѣ, непосредственно исходящей изъ теплаго настроенія.

„Немоляки“ создали свою собственную хронологію міровой жизни, раздѣленной—по ихъ воззрѣніямъ—на четыре періода: первый отъ сотворенія міра до Моисея—это весна, вѣкъ праротеческій; отъ Моисея до Иисуса Христа—лѣто, вѣкъ Отеческій; отъ Рождества Христова до 1666 г.—осень, вѣкъ Сыновній, а съ 1666 г.—зима и вѣкъ Св. Духа,—значить, и жить теперь надо духомъ, а не плотью. Исходя изъ такихъ убѣжденій „немоляки“ всѣ событія Св. Писанія понимаютъ духовно, т. е. усваивая всѣ элементы чисто сектантскаго мышленія, столь близкаго, въ сущности, значительной части безпоповщины вообще, что особенно ярко сказывается въ сужденіяхъ „немоляковъ“ объ истинной молитвѣ, которая „не въ протяженіи рукъ и предстояніи тѣлеси и языкомъ зрящимъ видится, но во умномъ поученіи и ума дѣланіи, Божьей памяти, прилежнѣмъ умиленіи разумѣвается“.

Безпоповщина являетъ собою любопытный примѣръ чисто лихорадочнаго метанія религіозной теоріи и практики изъ стороны въ сторону, отъ буквоѣдства къ полному отверженію послѣдняго. Ѳедосѣевщина, напримѣръ, съ натяжкой признавала законнымъ бракъ двухъ лицъ, заключенный въ православной церкви еще до перехода ихъ въ согласіе и не расторгала его. Но сряду же нашлись „отцы“, узрѣвшіе въ этомъ „поруку вѣрѣ“ и одинъ изъ таковыхъ, петербургскій купецъ Василій Аристовъ, оттянулъ къ себѣ группу лицъ, ставшихъ ядромъ новаго толка—

„аристовскаго“ или „адамантоваго“, т. е. крѣпкаго. Аристовъ былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сочиненій Никиты Спицына—„пагубнаго источника всѣхъ зломудрій по предмету брачной тайны“. Аристовъ въ вопросѣ о бракѣ всталъ на сторону, такъ сказать, отдѣленія религіи отъ соціальныхъ условій быта, представляя вопросъ объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ субъективному рѣшенію cadaго заинтересованнаго въ томъ лица.

Нѣсколько другихъ антицерковныхъ согласій, вытекшихъ въ свое время изъ безпоповщины, теперь впитали въ себя всѣ черты или „евангелическаго“ или „духовнаго“ христіанства, почему и разсматривать ихъ правильнѣе будетъ именно въ связи съ явленіями раціонально-мистическаго сектантства, что мы и сдѣлаемъ.

II.

Духовно-евангелическое христіанство. Секты мистико-раціоналистическія.

---

1. Земля трепещеть и, сверкая,
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ гремитъ, взывая:
Израиль! Мой народъ, внимай!
Израиль! ты мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся енііамы,
И день и ночь огни горять.
2. Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ.
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной любви.
3. Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Къ чему мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ небо, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой.
4. Хочу—и словомъ расширяю
Предѣль безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему куренья? Предо мною
 Земля со всёхъ своихъ концовъ
 Кадить дыханьемъ подь россою
 Благоухающихъ цвѣтовъ.

б. Твой скуденъ даръ. Есть даръ безцѣнный,
 Даръ, нужный Богу твоему,
 Ты съ нимъ явись, и, примиренный,
 Я всё твои дары приму.

Мнѣ нужно сердце чище злата,
 И воля твердая въ трудъ;
 Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
 Нужна мнѣ правда на землѣ!

(„Сборникъ гимновъ свободныхъ христіанъ“
 Лондонъ. 1904).

Вопросъ о происхожденіи русскаго сектантства. Взглядъ на положеніе протестантизма въ Россіи до начала VIII столѣтія.

Дѣйствовавшій до 17 апрѣля 1905 г. законъ всёхъ вправшихъ „въ ереси и расколы“ обычно именовалъ раскольниками“, не различая отпавшихъ въ XVII в. по случаю исправленія книгъ церковныхъ, и послѣдователей раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ, позднѣйшаго происхожденія. Изъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ усматривается, что еще до изданія закона 3 мая 1883 г. были попытки правительственной власти распредѣлить общую массу раскольниковъ на категоріи, по степени „вредности“ той или другой секты, съ тѣмъ, чтобы относительно „болѣе вредныхъ“ изъ нихъ принимать и болѣе энергичныя мѣры борьбы. Первоначально, въ 1842 г., всё секты были раздѣлены на три степени: вреднѣйшія, вредныя и менѣе вредныя. Особый временный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, предположенія коего удостоились Высочайшаго одобренія 16 августа 1864 г., отказавшись отъ перечисленія отдѣльныхъ сектъ, указалъ лишь общіе признаки, по которымъ онъ дѣлилъ ихъ на двѣ категоріи: на болѣе и менѣе вредныя; къ

первымъ были отнесены: не признающія пришествія въ міръ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, не признающія никакихъ таинствъ и никакой власти—Богопоставленною, допускающія, при наружномъ общеніи съ церковью, челоуѣко-обожаніе, посягающія на оскотленія себя или другихъ, отвергающія молитву за Царя и отвергающія бракъ; остальные же секты и толки признавались менѣе вредными. Однако, и въ послѣдствіи такая классификація была признана неудобною. Государственный совѣтъ въ сужденіяхъ своихъ по проекту закона 3 мая 1883 г. высказалъ, что признаки эти не должны быть предметомъ законодательнаго обсуждения и служить для постановленія по указанному предмету какого-либо правила; отъ министра же внутреннихъ дѣлъ будетъ зависѣть собразовать дѣлаемые имъ относительно раскола распоряженія съ мнѣніемъ святѣйшаго синода о большей или меньшей вредности каждой секты въ отдѣльности. Такимъ образомъ, послѣ изданія закона 3 мая 1883 г., вопросъ о большей или меньшей вредности могъ быть возбуждаемъ только въ отношеніи тѣхъ сторонъ религіозной жизни раскола, нормировка которыхъ была этимъ закономъ предоставлена усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. въ отношеніи открытія новыхъ молитвенныхъ домовъ, исправленія или возобновленія существующихъ и распечатанія запечатанныхъ и т. п. Изъ этого общаго порядка исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ раскольниковъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ со свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонаправственными дѣйствіями. Собственно, какъ приведенныя попытки установить дѣленіе на категоріи раскольническихъ ученій, такъ и самые законы 1874 и 1883 гг., охватывали два совершенно различныя въ религіозной жизни цѣлостныхъ частей нашего народа явленія—старообрядчество и сектантство. Различаясь историческими и бытовыми условіями своего происхожденія, основами вѣрученія и одухотворяющими жизнь ихъ началами, религіозныя теченія эти объединялись нашимъ закономъ, считавшимъ раскольниковъ всякаго, уклонившагося отъ православія. Въ законодательствѣ начала и середины прошлаго столѣтія встрѣчается рядъ постановленій,

относящихся къ отдѣльнымъ сектамъ, но всѣ они носятъ случайный характеръ, касаясь отдѣльныхъ мѣстностей, а часто и отдѣльныхъ лицъ. До настоящаго времени къ сектантству, какъ явленію церковно-общественной жизни, не выработалось еще твердаго и систематическаго отношенія правительства... Проявленіе обособленности среди сектантовъ выражалось зачастую демонстративнымъ устраненіемъ обряднаго благочестія, и сопровождалось иногда такими дѣйствіями, которыя могли подвергать виновныхъ наказаніямъ, установленнымъ въ законѣ „за кощунство...“ Комитетъ министровъ положеніемъ 4 іюля 1894 г., Высочайше утвержденнымъ, постановилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, объявить секту штундистовъ болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній.

Постановленіе это касалось однихъ лишь штундистовъ, оставляя прочія секты при тѣхъ льготахъ, которыми они имѣли право пользоваться по закону 1883 г., но въ дѣйствительности новое правило получило широкое примѣненіе, и практика административныхъ учрежденій пыталась распространить его на *всѣхъ вообще сектантовъ, отвергающихъ обрядовую сторону православной вѣры и замѣняющей ее обыкновенно чтеніемъ библейскихъ стиховъ и гимновъ изъ особыхъ богослужбныхъ книгъ, чтеніемъ, съ проповѣдническимъ, въ духъ секты, толкованіемъ св. писанія, а иногда и коленнопреклонною молитвою, съ произнесеніемъ импровизованныхъ молитвословій безъ употребленія крестнаго знамени...* Компетентными изслѣдователями признается, что сектантское движеніе съ особою силою проявилось, начиная съ 60-хъ годовъ, увлекаая однихъ въ крайній мистицизмъ, а другихъ—направляя на путь рационализма. „*Это послѣднее теченіе вызывается самостоятельнымъ чтеніемъ св. Писанія, односторонне толкуемаго, послѣдствіемъ чего является отрицаніе святости церковной іерархіи и обрядовъ Православной Церкви, которые не имѣютъ прямого основанія въ священномъ писаніи*“.

Мы процитировали официальные сужденія о расколѣ вообще и сектантствѣ въ частности, поскольку они нашли себѣ отраженіе въ извѣстныхъ засѣданіяхъ комитета министровъ, поведшихъ къ изданіямъ акта 17 апрѣля 1905 г., съ обноро-

дованіемъ котораго и начинается новая эра отношеній гражданско-духовной власти къ религіознымъ воззрѣніямъ русскаго человѣка.

Кратко и поверхностно мы изложили на предшествующихъ страницахъ исторію боръбы части многомилліоннаго народа нашего за милую и дорогую ему старину, за каждую букву религіознаго обычая, противъ ненавистнаго ему вторженія запада. Теперь дадимъ себѣ трудъ подойти и къ другой группѣ людей, тоже немалочисленныхъ, тоже горящихъ любовью къ религіознымъ идеаламъ, тоже насчитывавшихъ въ своемъ прошломъ изрядное количество горестныхъ страницъ, и утѣшавшихся лишь сознаніемъ, что претерпѣвый до конца—спасется.

Старообрядчество все замерло въ какомъ-то обрядовомъ оцѣпенѣніи. Земли для него не существуетъ. Она скрылась гдѣ-то внизу, подъ густыми облаками еиміама, ея голосъ глхнетъ въ спорахъ за форму креста, въ пререканіяхъ за лишнюю точку въ написаніи лишней буквы въ имени Бога, забывая, что Высшій Духъ не укладывается между строкъ, что біеніе живого сердца не сдавить застезкою старопечатной книги. Поддерживая все время старое зданіе, вдыхая въ себя его тлетворный запахъ, старообрядчество въ два столѣтія своего топтанія на мѣстѣ осталось позади рвущагося впередъ человѣка, съ каждымъ шагомъ увеличивающаго разстояніе между прошлымъ и настоящимъ, между слѣпымъ воспріятіемъ внушаемаго ему и упрямыми попытками просвѣтленной мысли проникнуть въ суть мірового и душевнаго механизма. Давно извѣстно, что когда человѣчество начинаетъ доживать извѣстный періодъ своей исторической жизни, когда утомленное предшествующей борьбою, оно начинаетъ какъ бы вянуть, для него необходима новая встряска, новый горизонтъ, новое пространство для эмиграціи, такъ сказать, приунывшихъ духовныхъ силъ. Зарождается новая „вѣра“. Да оно и понятно уже потому, что наиболѣе близки, наиболѣе сродны каждой народности именно вопросы религіи, обнимающіе собою кругъ его духовной дѣятельности, не удовлетворяющейся сухою матеріею. Законъ прогрессивности неизбѣжно долженъ проявиться. Всѣ религіи монотеистическаго характера, то есть

проповѣдующія едипобожіе, въ разныя времена и при разныхъ обстоятельствахъ подчинялись процессу такъ называемой спиритуализаці—одухотворенности. Движеніе противъ религиозно обрядоваго формализма зиждется на голосѣ ума чело-вѣческаго и порывахъ сердца. Исторія религіи даетъ намъ тому примѣръ на западной Европѣ, пережившей эпохи тяжелыхъ религиозныхъ мятежей, и кровью многихъ сотенъ тысячъ людей достигшей преобразованной, реформированной религіи. Умъ—это проклятая вещь. Онъ не признаетъ состоянія неподвижности. Какъ острымъ скальпелемъ буравитъ онъ, все попадающее ему на встрѣчу, подвергая его ѣдкой критикѣ, взвѣсивая на своихъ собственныхъ вѣсахъ. Подобное критическое, или, какъ его чаще называютъ, раціоналистическое направленіе, отразившись въ христіанствѣ, единымъ непреерекаемымъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры считаетъ непосредственное изложеніе ученія Іисуса Христа—Евангелія. Священнымъ Писаніемъ исчерпывается смыслъ и задачи христіанства. Въ Евангеліи—все, внѣ его—ничего.

Поэтому церковное преданіе отнюдь не носитъ того характера поясненія къ Священному Писанію, какъ это признаетъ католичество и православіе. На принципѣ строгаго соблюденія Евангелія основапо протестантство, лютеранство, иначе называемое евангелическимъ христіанствомъ.

Это первый этапъ на пути противодѣйствія церковному авторитету, черновая работа кладки возвышеннаго храма чистой вѣры. Милліоны людей дошли до него и успокоились, найдя то, къ чему ихъ влекла неудовлетворенность обрядомъ, буквою, вялою догмою. Отринуто все неясное, расплывчатое, остались кристаллизированныя слова Богочеловѣка, обнявшаго небо и землю, побѣдившаго плоть и духъ. Но есть, вѣдь, кромѣ ума и другой важный факторъ нашей дѣятельности, часто сопутствующій уму, а часто и идущій поперекъ тому—сердце, то есть безотчетность, повиновеніе быстро и глубоко проявляющимся добрымъ, теплымъ порывамъ. Отъ вѣры во всемогущество чело-вѣческаго сердца, въ способность его невидимо и таинственно сочетаться съ Высшимъ существомъ, входитъ въ общеніе съ неуловимымъ, неосязаемымъ, пошло въ философіи и богословіи направленіе мистическое. Для мистика

не нужна реальность, онъ замѣняетъ предметъ ея идеєю и получаетъ о ней полное и ясное представленіе. Въ „Поморскихъ отвѣтахъ“ выговскихъ старцевъ мы уже встрѣтились съ мистическимъ приобщеніемъ Св. Таинъ. Поморяне не могли вещественно получить необходимое имъ таинство, и замѣнили его духовностью, воображеніемъ. Зналъ умный Денисовъ, что говорилъ, когда писалъ свою глубокую фразу, что „церковь не стѣны и кровли, но вѣра и житіе“. Въ сферѣ религіи мистикъ отвергаетъ и преданіе и писаніе, закрываетъ глаза даже на указанія первоисточника, отрывается отъ положительной почвы, и называетъ себя уже и не евангелическимъ христіаниномъ а духовнымъ.

Вотъ эти то два религіозныхъ теченія, попавъ въ среду русскаго народа и создали то мощное, крѣпкое сознаниемъ своей силы и правоты явленіе, что объединяется общимъ названіемъ сектантства. Чистаго русскаго корня сектантство, или заимствовано? И да и нѣтъ. Существуетъ много тенденцій на этотъ счетъ, но всѣ онѣ отзываютъ субъективизмомъ. А проще признать и то и другое происхождение. И есть на это основанія. Тяжелыя историческія условія, неизгладимый фактъ сидѣнья „подъ игомъ“, сурово сложившійся общественный и государственный строй, сообща отодвинули Русь отъ прогресса, заставивъ ее питаться крохами съ барскаго стола. Если взглянуть въ XVI—XVIII вѣкахъ синхронистически на исторію нашего народа и сосѣднихъ, то получается не совсѣмъ то веселая картинка. Европейскій Западъ давно уже сбросилъ бремя дворянскаго феодализма, поднялъ мятежный бунтъ противъ католицизма, выдвинулъ мощную фигуру Лютера, освѣтилъ древность перомъ Рейхлина и Эразма, далъ міру рядъ неувядаемыхъ шедевровъ искусства, породилъ Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, спустился на дно ада вмѣстѣ съ Данте, закатился веселымъ смѣхомъ надъ бессмертными страницами Боккачіо, и сосредоточенно нахмурился, слѣдя за циркулемъ Коперника, а востокъ?.. Напѣ родимый русскій востокъ, только что оторвался отъ расшитой туфли татарскаго баскака, и завязъ въ безконечныхъ спорахъ, кому сѣсть выше за великокняжескимъ столомъ, брезгливо поглядывая на „нѣмчина“ и „фрязина“, не покладая рукъ раа-

дувавшихъ огонь въ горнилѣ эффектными брызгами разлетавшейся мысли. И просидѣлъ нашъ русскій человѣкъ великолѣпный пиръ и пришлось ему довольствоваться, чѣмъ Богъ послалъ.

Затачивъ себѣ вѣру изъ собора Св. Софїи, довелось и ереси заимствовать. И если официальнымъ православїемъ мы обязаны чужестранцамъ—грекамъ, то и измѣненіе его, насажденіе новыхъ идеаловъ религіи и этики тоже имѣетъ своею родиною заморскія страны. Неоспоримо, что сектантство навѣяно протестантизмомъ, давшимъ ему первоначальный толчокъ, но изъ исторїи и догмы нашего духовно-евангелическаго движенія ясно проступаютъ наружу характернѣйшія черты истинно-русскаго творчества, безудержности, страннаго и трудно понимаемаго со стороны смѣшенія великаго со малымъ, неспособности сдержаться въ какихъ бы то ни было предѣлахъ.

„Когда въ церкви русской происходитъ раздѣленіе изъ-за внѣшности и обрядности, когда неискусные въ вѣрѣ рѣшительно теряются, гдѣ найти истину и опору, новая секта подаетъ руку примиренія, открываетъ убѣжище спасенія для обѣихъ раздѣлившихся сторонъ, всѣхъ зоветъ къ себѣ, ласкаетъ и соглашаетъ; она провозглашаетъ, что внѣшняя сторона религіи, изъ-за которой возникло столько споровъ, ничего не значитъ, важно и существенно лишь то, что совершается въ глубинѣ человѣческаго духа дѣйствіемъ внутренняго слова, здѣсь, во внутреннемъ святилищѣ духа, совершается вся религія, здѣсь священникъ, алтарь, жертва и всѣ таинственныя дѣйствія вѣры. Далѣе, православная церковь сокращается во внѣшнихъ предѣлахъ своихъ, вслѣдствіе отпаденія отъ нея раскольниковъ; отпадшія члены не только не могутъ сплотиться въ одну церковную общину, но во взаимномъ фанатическомъ озлобленіи, изъ-за мелочныхъ внѣшнихъ пререканій, другъ друга попираютъ, уничтожаютъ въ ученіи новыхъ отщепенцевъ сектантовъ, является новая церковь, собирающая подъ собою всѣхъ православныхъ и отвернувшихся отъ православія, обнимающая собою всѣ безъ различія религіи, объединяющая ихъ безъ всякихъ внѣшнихъ символовъ“...

Все это принесъ съ собою пересаженный на русскую почву

протестантизмъ, бывший самъ послѣдствіемъ такъ называемой эпохи возрожденія, всюду сопровождаемой наукою, всюду освобождавшей мысль изъ оковъ слѣпой рутинны, раболѣпства мнимому авторитету и пробуждавшей въ ней духъ свободнаго глубокаго изслѣдованія.

„Нельзя, — говоритъ одинъ извѣстный нашъ церковный историкъ, — не преклониться предъ величіемъ вождя и создателя Россіи (Перваго Петра) за то, что онъ, имѣя предъ собою выборъ между цивилизаціею, выросшею на почвѣ протестантизма, и цивилизацію міра католическаго, предпочелъ первую цивилизацію. Католическая наука часто бываетъ чуждою свободы и искренности; готова на сознательный обманъ, лишь бы достигнуть завѣтной цѣли. Протестантская же наука правдолюбивѣе и искреннѣе; изъ уваженія къ правамъ человѣческаго разума, она не позволяетъ себѣ такъ беззащитно искажать истину, какъ католическая, оттого она прогрессивнѣе католической“.

Протестантство во многихъ случаяхъ какъ обухомъ било русскую, запутавшуюся въ дебряхъ византійщины, образованность. Достаточно упомянуть о любопытномъ инцидентѣ во время извѣстныхъ „Преній о вѣрѣ“, вызванныхъ настойчивымъ желаніемъ царя Михаила Ѳеодоровича обратить въ православіе датскаго королевича Вольдемара, предполагавшагося жениха его дочери. Патріархъ Іосифъ съ многочленнымъ протопопомъ Насѣдкою для сей цѣли изготовили „краткое“ изъясненіе православной догматики, занявшее свитокъ длиною въ 48 сажень, а лютеранскій „попъ Матвейка“, состоявшій въ свитѣ королевича, противъ длиннѣйшей реплики объ еретичествѣ крещенія обливаніемъ выставилъ этакое ядовитое разсужденіе: „Говорите вы, что Иванъ (Креститель) Спасителя за пречистый верхъ главы Его взялъ, трижды во Іордани погрузилъ, а не водою обливалъ. И нынѣ даемъ мы вамъ обмыслити: можно-ли было Ивану одному полнаго возраста человѣка по вашему обычаю въ воду совати и рукою своею опять вонъ извлечь, потому что та рѣка добрѣ быстра, и легко могло одного человѣка ото многихъ тысячъ, которые къ нему выходили и отъ него креститися хотѣли, бысгרותю снести“. Патріархъ съ протопопомъ, только крестилпсь, слушая подобное

весьма хладнокровное сужденіе Матвейки, да изумлялись почему огонь небесный медлить опалить еретика. „Тотъ глубокій интересъ и наблюдательность, съ какою протестантскіе ученые изучали русскую религію на мѣстѣ и исписали груды фоліантовъ, это напряженное вниманіе, съ какимъ читались и слушались въ заграничныхъ университетахъ публичныя лекціи о состояніи русской религіи *), съ какимъ воспринимались свѣдѣнія о ней отъ лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней, эта словоохотливая оцѣнка выдающихся ея явленій,—должны были измѣнить къ лучшему религіозно-умственное состояніе Россіи, пробудить пытливость религіозной мысли, расширить ея кругозоръ, восполняя такимъ образомъ скудость прямого, непосредственнаго содѣйствія ея развитію и преуспѣянію“.

Безпомощное состояніе „до-реформенной“ русской богословской науки, видно уже изъ того, что вплоть до 1639 г., у насъ не дѣлалось никакого различія между католичествомъ и протестантизмомъ, одинаково обобщавшимися терминомъ „латинской поганой ереси“. Самъ Іоаннъ Грозный, великій риторъ своего времени, неоднократно диспутировавшій съ наѣзжими о лютеранствѣ, зналъ лишь имя Лютера, да фактъ его женитьбы на монахинѣ. Но съ 1639 г. пришлось уже разграничить оба эти понятія. Волокита съ принцемъ Вольдемаромъ и его изворотливыми пасторами, заставила русскихъ начетчиковъ посерьезнѣе взяться за дѣло и въ указанномъ году протопопъ Насѣдка выпустилъ „Изложеніе на люторѣ“, въ коемъ протестантство предавалось анаемѣ.

Какъ на сторонилось старое московское государство отъ общенія съ иноземцами, волею неволею приходилось обращаться къ ихъ услугамъ, какъ людей свѣдущихъ. Уже въ 1560 г. составила первая цѣмечкая колонія въ Москвѣ, и съ теченіемъ времени развилась до цвѣтущаго состоянія, имѣя даже собственную церковь. Любопытно, что со стороны государственной власти, уживчивый, мало склонный къ про-

1) Къ слову сказать, не всегда лестныя для русскаго самолюбія. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XVII с. въ Іенѣ защищалась диссертация, разбивавшая вопросъ: „христиане-ли московиты?“.

пагандѣ, протестантизмъ пользовался всегда неизмѣримо большимъ благоволеніемъ, нежели страстный, вопиющій католицизмъ, уже потому внушавшій самыя тяжелыя опасенія, что былъ господствующею религіею исконныхъ враговъ Россіи—поляковъ, и сопряженъ былъ съ самыми грустными для русскаго человѣка воспоминаніями. Церковь русская, по традиціонной непріязни православнаго Востока къ католическому Западу, всегда непріязненно относилась къ латинству, и понятно, что протестантизмъ, боровшійся съ католичествомъ, являлся до извѣстной степени желаннымъ союзникомъ православія въ оборонѣ отъ закидывавшаго давно уже свою руку римскаго папы. Сути протестантской доктрины православный людъ не важно понималъ, но его вражду съ римскою „преlestью“ видѣлъ и этого уже было достаточно.

Окончательно упрочилось положеніе протестантизма въ Россіи при его могущественномъ покровителѣ Петрѣ Первомъ, не скрывавшемъ свои симпатіи къ протестантскимъ народностямъ, и не долюбливавшемъ католиковъ. Извѣстно, что Петръ всю жизнь былъ глубокимъ поклонникомъ Лютера, раздѣлялъ его взгляды на роль человѣка въ обществѣ, и уважалъ здравость сужденій великаго реформатора. Во многомъ здѣсь сказалась не терпѣвшая удержки широкая натура Петра. „Аще бо Лютеръ — ядовито замѣчаетъ его ненавистникъ Стефанъ Яворскій, тайныя исповѣди и поста сорокадневнаго не отвергъ, аще бо воздержанія узъ не растерзалъ, аще бо въ нечистотахъ и прочихъ беззаконіяхъ погрязшихъ грѣшникомъ не возвѣстилъ оправданія единою точію вѣрою безъ дѣлъ, не имѣлъ бы столь многихъ послѣдователей“. Плотина, отдѣлявшая до реформенную Русь отъ тлетворнаго Запада, прорвалась подъ вліяніемъ шумныхъ ассамблей и явнаго покровительства Петра веселымъ иноземцамъ, и протестантство выступило на арену Московскаго государства, нимало не стѣсняясь и опираясь на мощнаго царя-плотника.

„Что же это были за идеи и чрезъ кого онѣ распространились? Въ нѣмецкой слободѣ, откуда преимущественно онѣ шли, занималась заря новой жизни, раскрывался цѣлый міръ новыхъ воззрѣній, возбуждались вопросы, подготовлявшіе и сопровождавшіе великую реформу Петра, касавшіеся умствен-

но-нравственнаго возрожденія и обновленія всѣхъ и cadaго. Понятно, какое сильное впечатлѣніе производили эти вопросы на людей, которые начинали испытывать на себѣ дѣйствіе великой реформы и сочувственно привѣтствовали освобожденіе русской мысли отъ оковъ стараго преданія.

„Среди этихъ то всеувлекающихъ культурныхъ запросовъ искусные цивилизаторы начинаютъ проводить воззрѣнія религіозныя, поднимать вопросы вѣрсисповѣдныя, и это какъ-бы мимоходомъ, по требованію обстоятельствъ дѣла, потому что умственно-нравственное обновленіе и возрожденіе общества не можетъ совершиться помимо религіи: „мы не пришли для наученія васъ вѣрѣ—говорятъ иноземцы—и не хотимъ въ вашъ законъ вступаться, если же случится въ разговорѣ, по прошенію сказать о вѣрѣ, оное не есть проповѣдь“. Но въ томъ и дѣло, что эта религіозная бесѣда не была чистою пропагандою, отталкивающею слушателя своею навязчивостью и посягательствомъ на его убѣжденія и интересы; это, просто, дружеская бесѣда, тихая, уклончивая, благожелательная. Вопросы, въ ней рѣшаемые, вопросы жизни и духа, совѣсти и религіи, скрывали въ себѣ главную тайную, пружину начинавшагося возрожденія всѣхъ и cadaго, подъ личиною содѣйствія которому и выступаетъ протестантство, и въ свою очередь отъ тѣхъ магически обаятельныхъ политическихъ вопросовъ, они получили новую силу обаянія, и, наконецъ, сами въ себѣ они имѣли столько прелести, свѣжести, увлекательности. Рѣшались они соотвѣтственно важности предмета, на основаніи св. писанія и святыхъ отцовъ, но изъясняемыхъ, конечно, съ осторожностью. Легко себѣ представить, какъ веденная по такому искусному плану бесѣда плѣняла, электризовала воображеніе слушателя, особенно если онъ былъ пылкаго ума: онъ съ жадностью впивалъ въ себя каждое слово, какъ святую воду, съ замираніемъ сердца прислушивался къ каждому слову, надѣясь схватить въ немъ отвѣты на тревожные вопросы; отъ душевнаго крайняго напряженія онъ падалъ, изнемогалъ, совершенно терялся и кружился въ заколдованномъ кружкѣ своихъ прдсвѣтителей, и дѣлался самымъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ; они овладѣвали имъ, какъ магнетизеръ намагнетизированнымъ существомъ. Прибавимъ къ этому ту

неуловимую махинацію, съ какою въ самый разгаръ экзальтаціи ему подбрасывали разныя книги, на которыхъ лежалъ запретъ правительства, грома проклятій патріаршей власти, и которыя не только имѣли прелесть запрещеннаго плода, но и должны были, по увѣренію друзей-просвѣтителей—развѣять это напряженное экзальтированное состояніе, пролить въ душу новый свѣтъ истины, добра, радости и жизни“.

„Литературная“ пропаганда шла изъ Швеціи, правительство которой издавна лелѣяло мечту олютеранить приграничную ей полосу русской территоріи. Уже въ 1614 г. въ Нарвѣ было напечатано „Краткое изложеніе и наставленіе о христіанской вѣрѣ и богослуженіи въ Швеціи“, въ которомъ „опровергаются грубѣйшія заблужденія, какія есть въ религіи русскихъ“. Въ 1625 г. въ Стокгольмѣ учреждена была специальная типографія, печатавшая славянскія книги, и трудами которой былъ изданъ русскій переводъ катихизиса Лютера. Многіе съ подобострастнымъ благоговѣніемъ читали эти „прелестныя“ книги, не чета оригинальнымъ нашимъ мудрствованіямъ написанныя, „и оныя молитвы лютеранскія читали съ великимъ почтеніемъ, зѣло хвалили и цѣловали“.

Прочтя тонко и умно написанную апологію лютеранства, вышедшую изъ подъ пера ученаго теолога, одинъ изъ нашихъ богослововъ, составившій нѣчто въ родѣ возраженія, въ оправданіе слабости своей аргументаціи особенно напиралъ на то обстоятельство, что „лють бо бѣ той попъ грамотамъ разнымъ ученъ, паче же реци, отъ самаго сатаны наученъ стоять за свою проклятую вѣру“.

Исторія начала протестантствующаго движенія русской религіозной массы, если не считать тѣхъ проблесковъ рационалистическаго мышленія, о которыхъ говорилось въ первыхъ главахъ настоящей книжки, впервые официально развертывается во время судебныхъ разбирательствъ по дѣламъ двухъ извѣстныхъ агитаторовъ конца XVII в.—пріѣзжаго пастора Квирина Кульмана и лекаря Дмитрія Евдокимовича Тверитшова, работавшихъ въ духѣ направленія позднѣйшаго сектантства, первый—духовнаго, второй евангелическаго.

1689 г., 26 мая въ Государственномъ посольскомъ приказѣ иноземець Квиришко Кульманъ въ допросѣ сказалъ:

„Родомъ де онъ Шленскія земли (Силезіи), города Бряславля, отецъ его былъ торговой человѣкъ именемъ Квиринъ Кулманъ, вѣру люторскую держалъ и умеръ въ Полшѣ, и ево имя тоже есть Квиринъ Кулманъ, и то имя толкуется сирѣчь: Кулманъ—прохлаждавательный ¹⁾ человѣкъ, взято отъ посланія Петра апостола; притомъ именуется и Ювилеусъ ²⁾. И Ювилеусъ есть у римлянъ и жидовъ во всякій седмый годъ; а когда седмерицею седмы избирается годъ, тогда бываетъ сорокъ девять, и въ пятидесятомъ году жиды для великаго Ювилея оставляютъ землю съ пашнею на поправу всякому волно и розные овощи, и рабовъ своихъ отпускаютъ и, нечего не дѣлаютъ; празднество превеліе у нихъ. И того ради онъ Кулманъ, называется Ювилеусъ, се есть такой, не токмо прохлаждавательный, но и торжество, и праздникъ превелій, дѣйствующій, яко тотъ Ювилеусъ даетъ душамъ свободу и утѣшеніе земли, такъ и онъ признающимъ къ себѣ даетъ всякой прохладъ и утѣшеніе и привлекаетъ ихъ къ своей сектѣ, къ первенственной христіанской церкви.

„А крещенъ онъ былъ въ младенчествѣ люторскимъ пасторомъ, а учился онъ въ академіяхъ и въ высокихъ школахъ въ Цесарской землѣ, во Елфуртѣ, въ Лейцикѣ и въ Іенѣ, и въ иныхъ городахъ, и былъ во многихъ городахъ, а вѣры онъ христіанской, а закону и ученія нового, что проповѣдали учителя Христофоръ Котеръ, да Христина Паніатова, да Никола Драбицкусъ и тѣхъ де учителей книга у него есть, А тѣ де люди пророки были, и видѣнія во откровеніи видѣли многія, и книги ихъ ученія называются апокалепсисы, и того де ихъ пророчества и ученія многіе откровенія въ нынѣшніе времена исполняются, а иные еще впредь будутъ приходить во исполненіе, а какое де ихъ пророчество, и что въ видѣніи откровенія видѣли, и то описано именно въ книгахъ ихъ историчныхъ, А тотъ де—Котеръ простой человѣкъ и неграмотной былъ, а откровеніемъ многія книги учительные о новой вѣрѣ, какъ будетъ едино стадо и единъ пастырь, написалъ; а какъ де онъ училъ и проповѣдалъ и умре тому семьдесятъ три

¹⁾ Kühl—прохладный.

²⁾ Юбилей.

года, и многіе де люди римской и люторской и калвинской вѣры ученіе его приняли. И послѣ того ихъ ученія во всѣхъ государствахъ людей многое число, а иныхъ де учителей той же вѣры въ римскомъ государствѣ и въ Саксонской землѣ и въ венграхъ казнили и жгли. А того де ученія соборища, и никаково духовенства и костелнаго дѣйства и особливаго костела по се время еще нигдѣ нѣтъ, для того, что еще урочные годы не пришли, а исполнится де то ихъ видѣніе и проречество въ триста лѣтъ. А то де ихъ ученіе взято изъ трехъ вѣръ: изъ христіанской греческаго закона, изъ еврейской и съ турецкой. Открылъ ему Богъ во снѣ и на яву, что нынѣшняго времени приближается кончина міру и цесарь римской, также и папа—послѣдніе, и по нихъ впредь папы и цесаря не будетъ, и та вся римская вѣра исчезнетъ, а будетъ во всей вселенной едина вѣра христіанская, какая была сначала у апостоловъ, что всѣ будутъ *илтнія и сходы и соборы общіе, и явится всякая правда, и грѣховъ люди и беззаконіи творить не будутъ. А у тѣхъ де у всѣхъ людей будетъ единъ пастырь Христіость, а царей и королей и великихъ государей князей и иныхъ велможъ не будетъ, а будутъ всѣ равныя и всѣ вещи будутъ общественныя и никто ничего своимъ называть не будетъ*“.

Московское чиновничество такихъ рѣчей, несомнѣнно грозившихъ „ниспровергнуть существующій государственный строй „струхнуло, и пришлось накрѣпко допрашивать вреднаго иностранца, „кто его къ Москвѣ призвалъ, и не по письму ль чьему, и для чего онъ съ такими еретическими писмами пріѣхалъ и кто съ нимъ въ томъ совѣтѣ есть?“

„И Квиринь сказалъ прежнія рѣчи, что онъ къ Москвѣ пріѣхалъ по видѣнію ангелову, и если де ево дѣлъ въ Москвѣ не примутъ, то повелѣно ему отъ ангела возвратиться назадъ, а если де великіе государи (дѣло происходило въ правленіе братьевъ Іоанна и Петра Алексѣевичей) укажутъ ему жить на Москвѣ и дадутъ свободу, то онъ де о многихъ великихъ и тайныхъ дѣлахъ можетъ объявлять, которые будутъ ему сказывать видѣніемъ своимъ ангелы“. „И то ево стало явное воровство и, знатно, онъ пріѣхалъ по нѣкакому писму, для возмущенія и прелести еретической“.

Предъявлены были для просмотра книги, найденныя у

Кульмана. То были все сочиненія мистическаго характера, въ духѣ произведеній знаменитаго теософа Якова Беме, дававшія предсказанія апокалипсическаго типа. Пригласили на экспертизу проживавшихъ въ ту пору въ Москвѣ іезуитовъ Товію Тихановскаго и Давида, которымъ и предъявили особенно показавшіяся москвичамъ подозрительными сочиненіе самаго Кульмана „Kühl—Psalm“ и произведеніе Амоса Коменскаго „Lux e tenebris“.

Иезуиты дали такое заключеніе, что „всѣхъ вышеписанныхъ книгъ писателей, книги и писма — безумные, злоплевелные и ложные суть, Святому Писанію истинно противны и и чину духовному зѣло безчестны и смутительны, христіанской вѣрѣ зѣло вредительны, и вѣрнымъ христіанамъ зѣло злобны и къ тому правлены, дабы ими простыхъ людей, которые милости духа укрѣпленіе не имѣютъ, отъ Бога и боже, ственной правды отвести и въ сатанинскую школу ввестъ“, почему представляется желательнымъ, „дабы таковы и имъ подобные безумные и злоплевелные книги, и писма никогда бы не были, или, аще ли изволеніе ихъ царскаго величества началству, понеже сіе здѣсь дерзновенно и злобно ихъ между людьми разсѣяли, тѣ сыскать и извѣсть, а творителямъ тѣхъ книгъ и которые ихъ здѣсь разгласили, достойное учинили бы осмотрѣніе, дабы собраніе Божіе впредь смущенія не имѣли“.

Такого же мнѣнія оказались и лютеранскіе пасторы. На основаніи всѣхъ этихъ сужденій, и, принявъ во вниманіе нѣкоторыя туманности въ проповѣдяхъ Кульмана, объясненыя, какъ поношеніе московскаго государства, судьи постановили предать Кульмана и его ближайшихъ единомышленниковъ предать смертной казни чрезъ сожженіе на кострѣ, что было и выполнено, какъ обычное явленіе въ тотъ ужасный вѣкъ, слѣпой, упрямый, не желавшій и не умѣвшій отличать наивнаго энтузіаста отъ злонамѣреннаго преступника. Кульманъ былъ чистѣйшей воды мистикомъ, духовнымъ христіаниномъ, твердо вѣрившимъ, что будущее, реформированное человѣчество создастъ подобіе Соломонова храма, преисполненное дивной осмысленной красоты, затмѣвающей всякое земное благолѣпіе. Кульманъ не оставилъ какой либо разработанной теоріи, самобытной или эклектической. Онъ весь горѣлъ всепожираю-

щимъ огнемъ мистическаго провидѣнія, почти что бредилъ апокалипсическими образами, нестройнымъ роємъ бродившими въ его воспаленномъ мозгѣ, и, всюду гонимый, нашель, наконецъ, свой загробный Сіонъ въ варварской Московіи. Кульманъ погибъ, благодаря, главнымъ образомъ, проискавъ московскихъ лютеранскихъ пасторовъ, боявшихся все возраставшаго вліянія Кульмана на прихожанъ „нѣмецкой“ слободы.

Нѣсколько позднѣе Кульмана возбудилъ не мало волненій своею проповѣдью извѣстный Тверитиновъ, тоже чуть было не угодившій на костеръ, и спасшійся исключительно благодаря религіозной терпимости императора Петра Перваго, отнюдь не желавшаго въ этой области разыгрывать „великаго инквизитора“.

Тверитиновъ съ малыхъ лѣтъ вращался въ обществѣ иноземцевъ, работая по аптекамъ, гдѣ и выучился „цирульному мастерству“, т. е. пускать кровь, составлять лекарства и т. п. Какъ живая, мыслящая натура, съ развитою способностью критики, Тверитиновъ отъ „дохтурской науки“ перешель къ вопросамъ общаго характера и увлекся религіозною метафизикою. Съ жадностью прочель Тверитиновъ „Лютеранскій катихизисъ, то есть науку стародавнюю отъ святого писма, для простаго народа языка русскаго“, и проникся истиннымъ уваженіемъ къ содержанію книги. Напрасно патріархъ громилъ людей, „пожелавшихъ пить воду нестоянную своихъ или въ проповѣдяхъ чужихъ умствованій, восхотѣвшихъ искать воду, возмущенную конскою свирѣпостью непокорствія“ — Тверитиновъ отнюдь не желалъ застыть въ разѣ усвоенныхъ формулахъ, стремясь, напротивъ, къ большимъ познаніямъ. Такъ какъ его любознательность и пытливость не удовлетворялись ортодоксальными сочиненіями православной церкви, то, постепенно развивая въ себѣ духъ критическаго отношенія къ церковнымъ авторитетамъ, Тверитиновъ добрался до Богооткровеннаго источника, самоучкою овладѣлъ латынью и принялся кропотливо изучать библейскій текстъ, сравнивая латинскій и славянскій переводы. Плодомъ его работы явились выписанныя имъ около 500 мѣстъ Св. Писанія, раздѣленные на 30 группъ, и касавшіяся вопросовъ о почитаніи иконъ, призываніи святыхъ, почитаніи мощей, достовѣрности чудесъ, значеніи преданія св. отцевъ, и т. д., что

впослѣдствіи, фигурируя въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, получило наименованіе „тетрадей богопротивной кумпаніи“, немало погрѣшившей, по словамъ монаха Евфимія, своими постоянными стремленіями задавать неподобающіе вопросы, вродѣ: „сіе чего ради? сіе откуда взято? сіе кто предаде? сіе гдѣ писано?“

Соглашаясь во многомъ съ протестантскою догмою, Тверитиновъ все же не принялъ ея цѣликомъ, безъ оговорокъ. Самъ Стефанъ Яворскій, болѣе другихъ ратовавшій съ Тверитиновымъ, прямо заявлялъ, что его разсужденія, „не отъ разговора другихъ, но отъ своего вымысла написаны“, и что иныя его положенія согласны съ ученіемъ православія, а другія не подходятъ ни къ протестантству, ни къ какой-либо другой религіи.

Основнымъ пунктомъ своего ученія Тверитиновъ выставилъ то, что „правая вѣра не отъ чудесъ познавается, а отъ писанія боговдохновеннаго и добродѣтели. „Можно спасти свою душу въ любой вѣрѣ, ибо апостоль сказалъ: бояйся Бога, и дѣлаяй правду, во всякомъ языкѣ пріятенъ Ему есть. Изъ этого вытекала необходимость широкой вѣротерпимости, согласующейся съ тою любовью, которую проповѣдуетъ Христосъ. Категорически отвергаетъ Тверитиновъ и церковное осужденіе заблуждающихся. „Недостойтъ—указываетъ онъ на слова „Премудрости“ Соломона—кляти на лицо, яко подобаеъ праведному чловѣколюбцу“. Вообще авторитетъ церкви въ глазахъ Тверитинова никакой цѣны не имѣетъ. „Я самъ церковъ; всякій христіанинъ находится въ чину іерейства, потому что о Христѣ сказано въ Писаніи: сотворилъ еси насъ Богови нашему цари и іереи. И зачѣмъ вообще установлены церковныя чины въ эти послѣдніе годы? Развѣ чувствовался какой-либо недостатокъ въ христіанствѣ? И какимъ образомъ нѣкоторые спаслись безъ этихъ чиновъ?“ Тверитиновъ, всегда болѣвшій надъ ложнымъ, какъ ему казалось, положеніемъ духовенства, особенно напиралъ на выясненіе задачъ истиннаго пастырства. „Дѣло священника показать собою образъ благочестія, и не созидать ничего на иномъ основаніи. Слова учителя слѣдуетъ повѣрять Писаніемъ, и то, что согласно съ нимъ—принимать, а то, что чуждо—отбрасывать.

Писанія отцовъ несогласны между собою; отцы поправляли одинъ другого, и прежнихъ порицали за невѣжество. Наставникамъ подражать Истинному Пастырю, не славы и чести искать, но смиряться предъ людьми и всѣмъ показывать собою образъ благочестія“. Отвергая значеніе церковной іерархіи, Тверитиновъ и въ другихъ пунктахъ своей теоріи сходился съ старыми стригольниками, немало труда положившими на борьбу съ укоренившимся изъ глубокой старины обычаемъ набожныхъ людей завѣщать вклады въ монастыри или церкви за молитвы объ упокоеніи душъ умершихъ. Противъ этого Тверитиновъ выставилъ то положеніе, что „несогласно съ священнымъ Писаніемъ молиться о заступленіи ангеламъ и отшедшимъ святымъ и стихословить имъ какія-либо похвалы; они—далеко отстоять отъ насъ, не знаютъ нашихъ прошеній и ничего не могутъ для насъ сдѣлать. Святые, по отшествіи изъ этого міра, подобны спящему. Суетна всяка молитва за умершихъ, потому что по смерти человѣка затворяется для него всякое милосердіе Божіе. Святые не получали просимаго ими отъ Бога, даже тогда, когда находились въ живыхъ“. Въ квартирѣ Тверитинова на стѣнѣ былъ прикрѣпленъ особый листъ, на которомъ было выпсано цѣлое увѣщаніе не надѣяться на предстательство святыхъ: „Авраамъ назвалъ богатаго чадомъ своимъ и не въ силахъ былъ оказать ему того, что доставляетъ отецъ сыну. Богатый назвалъ Авраама отцомъ и не былъ участникомъ пріязни, которою прилично пользоваться чадамъ. Научись отсюда, что ни родство, ни дружба, ни иное что не можетъ приносить пользы тому, котораго предаетъ собственная жизнь. Добродѣтель другихъ не можетъ доставить намъ никакой пользы. Вспомни тѣхъ дѣвъ, которыя не дали масла другимъ пяти дѣвамъ: не вошли эти послѣднія въ невѣстникъ и затворился онъ передъ ними. Благо тому, кто ожидаетъ спасенія отъ своего собственнаго исправленія. Никто не надѣйся получить добро, не сотворивши добра, хотя бы у него и были тысячи праведныхъ прадѣдовъ: кійждо бо приметъ яже сотвори съ тѣломъ“. Съ отрицаніемъ дѣйствительности заступничества святыхъ связано и самое пониманіе сущности святости. „До дня страшнаго суда—высказывался Тверитиновъ—нельзя кого-либо называть святымъ или грѣшнымъ. Святые не бывали въ адѣ, но

не были также и въ присутствіи Бога, какъ нынѣ“. Безусловно и трезво отвергъ Тверитиновъ своеобразный институтъ юродивыхъ или блаженныхъ,—„ихъ де житіе не по Богъ и не благообразно видится“. Вообще „человѣческое естество отъ начала тлѣнію подлежитъ“. Отъ святыхъ Тверитиновъ дошелъ и до отрицанія иконопоклоненія, нѣсколько неправильно иногда понимавшагося въ русскомъ быту, противъ чего возставалъ истинно просвѣщенный архіепископъ новгородскій Теофалъ Прокоповичъ, образованнѣйшій подданный Петра Перваго, въ душѣ, какъ и его повелитель, несомнѣнно симпатизировавшій протестантизму, на что имѣются неоспоримыя доказательства.

„Простѣйшіе люди обоготворили иконы—выражался Тверитиновъ.—Зачѣмъ установили иконамъ поклоненіе и кажденіе? Зачѣмъ приносятъ къ нимъ свѣчи, надписуютъ ихъ именемъ Первообразаго, называютъ ихъ чудотворными и, гдѣ-либо бывши, имѣютъ ихъ съ собою? Зачѣмъ исповѣдуютъ, что отъ нихъ происходитъ спасеніе?

„Не этимъ поклоненіемъ можно угодить Богу, но милостынею къ ближнимъ. Икона только вапъ и доска безъ силы чудотворенія: если бросить ее въ огонь, она сгоритъ, не сохранитъ себя. Богу же подобаетъ кланяться въ небо духомъ“. Также духовно, а, можетъ быть, односторонне, понималъ Тверитиновъ и слова Писанія о Крестѣ Господнемъ, признавая „неподобнымъ кланяться кресту, какъ бездушному дереву, неимѣющему никакой силы; ибо если у кого сына убьютъ ножомъ или палкою, и тое палку или ножъ отецъ того убитаго какъ можетъ любить, понеже онымъ убитъ сынъ его? Такъ и Богъ какъ можетъ любить то дерево, на которомъ былъ распятъ Сынъ Его? Если поклоняться кресту, то слѣдуетъ почитать и іудеевъ за то, что они сотворили крестъ“.

Монашество, по толкованію Тверитинова, находитъ себѣ полное осужденіе въ словахъ апостола Павла: „отступаятъ юнци отъ вѣры, иже возбраняютъ отъ женщинъ и бракомъ“, откуда ясно, что „монашеское дѣвство не по разуму держится“.

Тверитиновъ велъ свою пропаганду осторожно, тактично, но и не таясь. Благодаря своей обширной врачебной практикѣ,

и умѣнно отыскивать „усумнѣвающихся“ Тверитиновъ подобравъ себѣ цѣлую партію послѣдователей среди разнообразныхъ слоевъ общества. Нельзя сказать, чтобы самъ Тверитиновъ считалъ свои мнѣнія непогрѣшимыми; напротивъ, онъ какъ бы стремился найти людей или доводовъ, которые могли бы доказать его заблужденія, и.. не находилъ. Изболѣвшій душою, Тверитиновъ обратился къ извѣстнымъ своею богословскою ученостью наставникамъ московской-славяно-греко-латинской академіи „съ своими о догматахъ церкви Восточной усумнѣніями, и говаривалъ, что я де зѣло усумнѣваюся и въ недоумѣніи пребываю и требую рѣшенія о поклоненіи святыхъ иконъ и о призываніи святыхъ божіихъ преставшихся, и о всѣхъ догматахъ нашихъ, противныхъ люторскому и кальвинскому ученію“. Но, къ сожалѣнію, его оппоненты оказались не въ состояніи доказать Тверитинову неосновательность его доводовъ, ибо глядѣли на вопросъ подъ другимъ угломъ мышленія, стоя въ чисто церковной плоскости, между тѣмъ какъ Тверитиновъ единственнымъ для себя пріемлемымъ считалъ прямое указаніе библейскаго и евангельскаго текста. Изъ диспутовъ онъ обыкновенно выходилъ «препирателемъ», немало импонируя и противнику и слушателямъ своимъ умѣніемъ держаться, ибо „имѣлъ по нраву уклонное, мягкое, и весьма льстивое, такъ что уже тѣломъ своимъ не могъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой: такожде и шею свою и на то и на другое плечо полагалъ, и самъ весь изгибался, и говорилъ весьма утѣшно, очень вѣжливо, смѣхомъ растворяя, приступалъ и уступалъ, и всячески мастерилъ, дабы тому, съ кѣмъ говорить, пріятенъ былъ и такимъ одареніемъ такъ былъ по нраву, что едва равнаго ему обрѣсти могъ».

Въ противность Тверитинову его ближайшіе и способнѣйшіе ученики Иванъ Максимовъ да Михайло Андреевъ — Косой обнаруживали въ рѣчахъ и поступкахъ полнѣйшую несдержанность, подорвавшую успѣхъ начавшей было зарождаться секты. Максимовъ прямо таки «брехалъ» на предметы религіознаго поклоненія, не щадя даже высокочтимыхъ народомъ угодниковъ Божіихъ, а Косой «свѣчи отъ св. иконъ отымалъ и закуривалъ табакъ въ церкви». Нашлись у Тверити-

нова, конечно, и враги. Образовалась цѣлая коалиція противъ еретика, встрѣтившая себѣ покровителя въ лицѣ «мѣстоблюстителя патріаршаго престола» Стефана Яворскаго, лидера „національной“ партіи, воспитаннаго кіевскими іезуитами, схоластически образованнаго, и императоромъ за свою приверженность къ ненавистной ему старинѣ нелюбимаго. Подняли дѣло о «соблазнительствѣ» лекаря-богослова. Пошло по инстанціямъ. На сторону Тверитинова сталъ всесильный царскій любимецъ всѣми за свою прямоту уважаемый, князь Яковъ Долгоруковъ. Послѣ долгихъ перипетій, преданный Яворскимъ анаѣмѣ, обвиненный въ подстрекательствѣ къ рѣзкому кощунству, учиненному однимъ изъ сектантовъ, Тверитиновъ спасся отъ грозившей ему злой гибели торжественнымъ церковнымъ отреченіемъ отъ своего ученія, всецѣло обязанный жизнью рѣшительной непріязнѣ императора къ Яворскому и его ближнимъ, видѣвшимъ въ дѣлѣ Тверитинова лишь простой поводъ лишній разъ выразить свой запоздалый протестъ противъ европейски-цивилизаторскихъ кампаній великаго монарха.

Въ общемъ, конечно, Тверитиновъ не далъ чего-либо новаго, повторивъ уже намъ извѣстныя обличенія старыхъ нашихъ вольнодумцевъ, въ родѣ Матвѣя Башкина, Θεодосія Косого и другихъ, но расширивъ при этомъ предѣлы ихъ мечтаній, въ зависимости отъ духа времени и положенія вещей. Недостатокъ Тверитинова, и другихъ, современныхъ ему и позднѣйшихъ, сектаторовъ заключался именно въ неумѣныи или неспособности во время замѣнить отрицательный элементъ своихъ теорій чисто положительнымъ, годнымъ для установки прочнаго и новаго фундамента. Разрушительныя тенденціи, построенныя въ схемѣ критическаго отношенія къ существующему религіозно-соціальному строю, оказались орудіемъ одностороннимъ, увлекшимъ изъ одной крайности въ другую.

Тверитиновъ самъ за себя отрекся отъ своего вѣроученія, но евангелическое пониманіе религіозныхъ надобностей христіанина не на немъ основалось и не съ нимъ прекратилось, лишь выдвинувъ его въ извѣстный историческій моментъ, какъ выразителя и толкователя новой догмы.

За живую струею, внесенною сектантствомъ въ русскую религіозность, есть большая и неоспоримая заслуга въ дѣлѣ

рафинированія, такъ сказать, метафизическихъ наклонностей истинно-русскаго человѣка, издавна претендовавшаго на исключительную принадлежность Руси термина святой. Но святость эта на самомъ дѣлѣ была болѣе чѣмъ недоказанною.

„Духовная жизнь народа (массы, большинства) вся сосредоточивалась въ религіозномъ чувствѣ, она была душою души его, единственнымъ почти выраженіемъ ея; умственные, научные интересы не волновали ея, духъ нравственности былъ закрытъ для нея, въ глубины христіанства она не проникала. Религіозное чувство это стояло на низшей ступени, на которой оно касается лишь поверхности нравственной практической жизни, оно было рядомъ преходящихъ ощущеній, вызываемыхъ внѣшнею обрядностью, оно не было постояннымъ, неизмѣннымъ религіознымъ настроеніемъ, которое проникало бы всѣ сокровенные тайники души, вдохновляло бы всѣ помыслы и дѣянія, оно было скользившею по поверхности набожностью, не облагораживавшею нравственнаго строя жизни. Оттого рядомъ съ этою всеумиляющеюся набожностью уживались самыя грубыя преступленія, самыя безнравственные поступки. Богатымъ, неоскудѣвающимъ источникомъ этой набожности, благочестивыхъ вздоховъ и умиленій была церковная внѣшность. Но система обрядовъ могла быть источникомъ благочестія только въ установленномъ ея строѣ, подъ условіемъ общепринятаго религіознаго формализма. Стоило только чуть измѣнить церковный механизмъ—строй нарушался, слышался диссонансъ, производившій не умиленіе, а недовольство, раздраженіе, озлобленіе, во всей нравственно-практической жизни происходила ломка, тѣмъ болѣе тягостная, опасная, чѣмъ больше значенія имѣла въ духовной жизни эта религіозность и набожность. А такъ какъ послѣдняя заключалась въ обрядности, то всѣ глубочайшіе интересы духа русскаго человѣка, всѣ помыслы ума именно въ ней и сосредоточивались. Надъ ней епъ умствовалъ, старался отыскать въ ней ближайшій смыслъ, связь съ жизнью. Отсюда, при извѣстной умственной недоразвитости, развилась своеобразная діалектика. Русскій человѣкъ любилъ потолковать обо всемъ отъ Писанія, на все въ мірѣ смотрѣлъ подъ угломъ религіозности, понимаемой въ узкомъ смыслѣ церковности, обрядности; научныхъ,

даже грамматическихъ объясненій не долюбиваль, избѣгалъ, обо всемъ судилъ на основаніи богословскихъ соображеній, не поднимаясь, однакожь, выше буквы символизма, Опъ мастеръ былъ такъ связывать явленія между собою, какъ не сумѣеть ни одна искусственная логика. Исчезая въ подробностяхъ, онъ не могъ подняться до общихъ возрѣній, объединяющихъ его частныя мысли и поступки; останавливаясь на внѣшнихъ случайныхъ признакахъ предмета, онъ неспособенъ былъ проникнуть во внутреннія существенныя стороны его“.

Какъ обухомъ по головѣ ударило его сектантство, дерзко и вмѣстѣ съ тѣмъ наивно усомпившееся надъ цѣлесообразностью старой системы буквальнаго пониманія вѣры и просто посовѣтовавшее, устами хотя бы украинскаго философа Сквороды, „усматривать сущаго сквозь текстъ“. А сущій—вездѣ. „Многіе ищутъ Христа въ монархіи Августа и Тиберія, волочатся по Іерусалимамъ, по Іорданамъ, по Внелеемамъ: здѣсь Христось,—кричатъ другъ другу. Знаю,—кричитъ имъ ангелъ,—Христа распятаго ищите. Нѣтъ его тутъ. И ищутъ въ высокихъ мірскихъ честяхъ, въ великолѣпныхъ домахъ, въ церемоніальныхъ столахъ, ищутъ, зѣвая, по голубому звѣздному своду, по солнцу, по лунѣ, по всѣмъ Коперниковымъ мірамъ. Нѣтъ, и тутъ нѣтъ! Ищутъ въ долгихъ моленіяхъ, въ обрядахъ, въ постахъ... не здѣсь... Несчастнѣйшій книжникъ читалъ пророковъ, искалъ человѣка, а попалъ на мертвеца, и самъ съ нимъ пропалъ. Нѣтъ Христа въ царствѣ мертвецовъ; онъ всегда живъ, тамъ его ищите. Если прежде не сыщите внутри себя, безъ пользы искать въ другихъ мѣстахъ“.

Такъ гдѣ же Онъ?—спросимъ мы сектантство и получимъ отъ него обстоятельный отвѣтъ, за малыми измѣненіями, отражающій вѣрованіе почти всѣхъ евангелически-духовныхъ христіанъ,—катихизисъ религіозно-нравственныхъ понятій, объединяющій большую часть сектъ, кромѣ фанатически-крайнихъ, матеріаль для составленія яснаго и опредѣленнаго взгляда на сущность и задачи, поставленныя людьми, опирающимися на Боговдохновенное Писаніе и Боговдохновенное Слово, претворившіяся отъ Божественнаго Духа.

Общая догма сектантства.

А намъ Богъ открылъ сіе Духомъ Своимъ, ибо Духъ все постигаетъ, и Глубины Божіи.

1 Кор. II, 10.

«Богъ есть Духъ, ибо Онъ—безконечное, всевоодушевляющее Единство и Сущность; Истина, ибо внѣ Его только неправда и ложь; Свобода, ибо она есть Истина, и нѣтъ въ Немъ ни одинаго насилія; Красота, ибо великое благо созерцать его въ Духѣ и Истинѣ, и нѣтъ наслажденія большаго сего; Добро, ибо Онъ *все*, кромѣ зла, да и зло существуетъ только, какъ отрицающее Бога; оно есть *ничто*, и вся его сила въ отрицаніи; подобно тьмѣ, оно существуетъ только оттого, что есть свѣтъ. Богъ есть *Любовь*, ибо Онъ *Всесодиняющій* и познавать Его можно только въ любви къ Нему и не знаетъ Его только тотъ, кто не любитъ; *Свѣтъ*, ибо онъ есть Разумъ въ насъ, и *Законъ* въ мірѣ, а внѣ Разума только тьма и безуміе; *Сила*, ибо Онъ все Собою держитъ и внѣ Его только паденіе: кто противъ Бога. *Жизнь*, ибо Онъ всеоживляющая Истина, дающая бытіе міру и свободу намъ; Богъ *безконечный*, ибо Онъ *все*, и нѣтъ ему ограниченія; *вѣчный*, ибо и самое время въ немъ; *вездѣсущій*, ибо Имя Его пространѣе небесъ, и Онъ объемлетъ Собою пространство; *безконечно малый*, ибо вселяется и въ самое малое; *безконечно великій*, ибо объемлетъ Собою *все*. Какъ *Жизнь* Онъ постоянно *измѣняется*, но въ измѣненіи Своемъ остается *вѣчно неизмѣненнымъ* и Самимъ Собою. Онъ проявляется неисчислимыми образами и Именамъ Его нѣтъ конца, и во всѣхъ проявленіяхъ Своихъ Онъ все тотъ же *Единый, Нераздельный, Сущій* Богъ нашъ; и всѣ имена Его значатъ и суть единое *Да*.

Богъ открывается намъ во всемъ внѣ насъ и внутри насъ сущемъ, какъ причина, благо, жизнь и цѣль всего; горе невидящимъ Свѣта! мы же во всемъ видимъ присутствіе Его, и вся красота, лѣпота и сіяніе міра есть только отблескъ Его Единого красиваго, лѣпотнаго и сіяющаго во славу Своей.

Но во всей полнотѣ Истины своей Богъ открывається намъ въ нашемъ духѣ, ибо мы созданы по образу и подобію Божіему, который, по словамъ Апостола, состоитъ въ правдѣ и святости Истины. И въ духѣ нашемъ Богъ открывається намъ, не какъ нѣчто чужое намъ, но, напротивъ, какъ наша несокровеннѣйшая сущность, начало, причина, свобода, истина и цѣль; Онъ всецѣло въ насъ пребываетъ и прпсуецъ намъ, ибо мы „храмъ Бога живаго“ (1 Кор. III, 16), и Богъ въ насъ обитаетъ и мы въ Немъ.

Кромѣ ихъ двухъ откровеній, изъ которыхъ всякій, разумомъ обладающій, можетъ познать Бога, мы познаемъ Его еще пзъ книги, называемой Библіей, ибо мы въ ней видимъ всю глубину Божественной премудрости и принимаемъ ее, какъ непреложное руководство къ Богопознанію. Библия рассказываетъ намъ судьбы народа еврейскаго, но кромѣ того видимъ въ ней боговдохновенный рассказъ о постепенномъ возрастаніи человѣческаго духа въ Богопознаніи, и потому, хотя эта книга и давно написана, мы считаемъ ее вѣчно юною и неисчерпаемою. Послѣднею же священою книгою считаемъ Апокалипсисъ или Откровеніе святого Іоанна Богослова.

Вотъ наши единственные источники въ Богопознаніи; въ нихъ Самъ Богъ открылъ Себя намъ, они Его истинное откровеніе.

Кромѣ поименованныхъ источниковъ, никакихъ другихъ не принимаемъ. Апостоль Павелъ говоритъ: „Хотя и мы бы, или Ангелъ съ неба, сталъ благовѣствовать вамъ, не то что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѣема“ (Посл. 8); потому и мы не придаемъ божественнаго значенія и твореніямъ отцовъ изднѣйшей церкви, ибо къ нимъ могутъ быть приложены слова Св. Апостола: „называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный нетлѣнному человѣку“ (1 Римл. 23), и не почитаемъ истиннымъ ученіе ихъ, запрещающее вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрнѣе и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ (1 Тим. IV, 3).

Въ поклоненіи своимъ отцамъ, церковь опирается на слова апостола Павла: „тѣмъ же убо братіе стойте и держите преданія, или же научитесь или словомъ или посла-

ніемъ нашимъ“ (2 Сол. II, 15). Мы также признаемъ преданіе, переданное намъ въ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣта, но отнюдь не можемъ отнести слова Св. Апостола къ преданіямъ отцовъ церкви, искавшимъ смыслъ истиннаго богооткровеннаго преданія, и измѣнившимъ слово петлѣннаго Бога въ тлѣнный образъ, ибо ихъ ученіе названо Апостоломъ Павломъ „ученіемъ бѣсовскимъ“ (1 Тим. IV, 1).

Не согласуемся также съ ученіемъ греко-россійской церкви о трехъ лицахъ въ Божествѣ; Богъ одинъ и нераздѣленъ, свое ученіе греко-россійская церковь основываетъ преимущественно на словахъ, сказанныхъ Божественнымъ Учителемъ Его ученикамъ: „шедше убо научити вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Мы же понимаемъ это мѣсто священнаго Писанія такъ, что Иисусъ повелѣлъ своимъ ученикамъ научить всѣ народы истинному Богопознанію и указать имъ Бога во всемъ существующаго и въ себѣ самомъ пребывающемъ, „да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“, а потому названія Отецъ, Сынъ, Духъ Святой, суть не болѣе, какъ названія Бога, различныя только по той области, въ которой мы Его созерцаемъ, а созерцать Его Единаго мы можемъ по преимуществу: 1) какъ Творца неба и земли, 2) какъ жизнь и душу міра, и 3) какъ Истиннаго Духа, какимъ Онъ открывается намъ въ пашей вѣрѣ къ Нему, ибо истинное понятіе о Богѣ есть понятіе о Немъ, какъ о Духѣ (Іоан. IV, 23, 24), ибо въ Духѣ Богъ является, какъ Единый и Нераздѣльный. Вотъ истинное значеніе словъ Спасителя, ибо такія тѣлесныя понятія, какъ Отецъ и Сынъ, къ Богу можно прилагать только образно.

Богъ есть творецъ міра, Онъ сотворилъ его въ шесть дней; но только для насъ сотвореніе міра есть шестидневное, только мы видимъ все во времени, Богъ же есть большій времени (2 Петр. III 8) и потому онъ есть его постоянный и неусыпный Творецъ, (Еккл. III 1—2) ибо Богъ вѣченъ и неизмѣненъ, и нѣтъ для него прошлаго или будущаго, а только настоящее.

Онъ творитъ міръ по безконечной благодсти Своей (ибо Онъ Любовь, и онъ возлюбилъ міръ. (Іоан. IV, 8).

Богъ есть Духъ, и потому ему не нужно матеріала для

построенія міра; Онъ создаетъ его, разлагаясь Самъ отъ себя: міръ отъ Бога, (Евр. I 10), онъ есть слово Божіе (Пс. 32). Любя міръ, Богъ любитъ Самого Себя, но онъ любитъ себя въ мірѣ, какъ нѣчто иное, внѣшнее себѣ, и въ этомъ различіи своемъ Богъ видитъ и любитъ Самого Себя: красота міра есть Его красота, и жизнь міра есть Его жизнь; но красота и жизнь міра различны отъ красоты и жизни Божьей.

Внѣнецъ созданія есть человѣкъ; міръ безъ человѣка не полонъ; безъ человѣка міръ не выражаетъ полной сущности Божества, онъ не свободенъ, не разуменъ; его свобода и разумъ внѣ его, и потому онъ не можетъ воздать Богу за любовь Его. Міръ не есть образъ и подобіе Божіе, ибо этотъ образъ и подобіе въ немъ разсѣяны и не соединены въ одну свободу, въ одну любовь; оттого то міръ конеченъ и не сознаетъ себя: сознаніе и разумъ въ немъ только возможны.

Человѣкъ есть эта воплощенная возможность, онъ созданъ по образу и подобію Божіему, онъ по природѣ обладаетъ Божественнымъ Разумомъ, онъ есть вся полнота Божественной мысли, которая содержится въ немъ, какъ дерево содержится въ сѣмячкѣ (3 Эздры, VI 53).

Но сѣмячко еще не есть дерево и не есть плодъ, и потому, для того, чтобы образъ и подобіе Божіи стали въ человѣкѣ дѣйствительностью, для того, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ былъ выраженіемъ Божественной мысли, онъ долженъ познать Бога, какъ безконечное Добро, сознать свою Божественную природу, сдѣлаться ея достойнымъ, и тѣмъ какъ бы завоевать ее.

Тогда только будетъ исполнено его назначеніе быть вѣнцомъ и царемъ созданія и воздать Богу Его любовь; только при этомъ условіи онъ достигаетъ безконечной свободы и разума и становится образомъ и славю Божію.

Первый человѣкъ жилъ въ земномъ раю, описываемомъ намъ Моисеемъ, какъ прелестный садъ, въ которомъ всего было довольно для услажденія потребъ человѣка. Онъ жилъ въ раю, полный радости, не вѣдая зла, но не сознавая также и добра. (Первобытная невинность Адама — совсѣмъ не та невинность, которую мы должны имѣть, и которую дѣйствительно имѣлъ Христосъ. Невинность Христа есть невинность въ злѣ, но Христосъ былъ виновенъ въ добрѣ, которое Онъ творилъ

и въ совершенствѣ Своемъ; Адамъ же пока не различалъ добра отъ зла, не былъ виновенъ ни въ злыхъ, ни въ добрыхъ поступкахъ, а потому невинность Адама есть только безсознательность, а невинность Христа есть сознательная и добровольная праведность и непорочность). Въ этомъ состояніи первобытной невинности человѣкъ отличенъ отъ животныхъ только тѣмъ, что онъ можетъ возвыситься надъ ними. Животныя также не знаютъ ни добра ни зла, они живутъ въ невинности и не отступаютъ отъ Божественной мысли, по которой они созданы, и потому для нихъ нѣтъ добра. Но человѣкъ, какъ обладающій Божественной природой, безконечнымъ духомъ, есть существо свободное, и какъ таковое, онъ долженъ быть повиненъ за свои поступки, онъ долженъ сознать добро, и создать его: состояніе первобытной невинности не достойно человѣка: такое состояніе есть невинность животнаго, состояніе незнанія. Человѣкъ долженъ знать, это въ природѣ его, и потому онъ вскорѣ прельщается плодами древа познанія добра и зла, и вкушаетъ отъ нихъ: „и вотъ—говоритъ Господь Богъ—человѣкъ сталъ какъ одинъ изъ насъ въ познаніи добра и зла“.

Человѣкъ только узналъ, что есть добро и зло, онъ еще не сотворилъ зла, но уже первая его радость омрачилась, онъ лишился состоянія невинности и покоя; онъ изгнанъ изъ рая и изъ присутствія Божія, онъ теперь долженъ самъ, своими собственными силами вновь достигнуть блаженства, единенія съ Богомъ.

Но человѣку Богъ оставилъ на произволь, творить ли ему добро или зло, и человѣкъ, по преимуществу, творить зло, ибо не постигъ еще сущности добра, сущности Бога; Богъ кажется ему чужимъ, отдаленнымъ, а законъ Божій, законъ добра, является ему какъ законъ принудительный, тяжкій, а потому онъ постоянно отъ него отпадаетъ. Онъ видитъ въ Богѣ только своего гнѣвнаго Бога и старается умилостивить Его постоянными жертвоприношеніями; онъ не можетъ вынести его присутствія, только нѣкоторые избранные приближаются къ Нему, и то съ трепетомъ, для остальныхъ же Онъ остается тайной непостижимой, тайной страшной. И это отношеніе человѣка къ Богу выражается тѣмъ, что только одинъ первосвященникъ могъ входить въ часть храма называемой Святая Святыхъ, и

то разъ въ годъ. Но исполнились времена и человекъ возму-жалъ разумомъ и родился тотъ, отъ котораго міръ чаялъ искупленія. И Онъ возвѣстилъ міру истину: „Блаженни чистіи сердцемъ, ибо тии Бога узрятъ“. Онъ открылъ намъ нашу близость съ Богомъ; онъ назвалъ Бога Отцомъ, а Себя и насъ Его сыновьями, и союзъ страха обратилъ въ союзъ любви. Онъ научилъ насъ познавать Бога, какъ свою истину, свою сущность; и добро стало для насъ понятно, и законъ принужденія сталъ закономъ свободы. Онъ показалъ намъ путь ко блаженству и ко спасенію; и ученіе свое запечатлѣлъ Онъ смертію на крестѣ. И когда Онъ испустилъ духъ, завѣса въ Святая Святыхъ разодралась на двое сверху до низу и тайное стало явнымъ, *и теперь нѣтъ болѣе тайны*, ибо по словамъ Апостола тайна, которая въ другія времена не была показана сынамъ человѣческимъ, нынѣ открыта“ (Ефес. III, 5).

И человекъ понялъ истину и позналъ Бога, какъ Духа откровеннаго намъ въ нашемъ духѣ, ибо „Духъ свидѣтельствуеть о Духѣ“. И позналъ Бога, какъ Отца, и себя, какъ сына Божія, и нашелъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Всѣ мы сыны Божіи и Духъ Святой обитаетъ въ насъ. Но Божественный Учитель нашъ по преимуществу есть Сынъ Божій, онъ выразилъ Собою всю сущность Божества; Онъ истинное Слово Божіе и совершеннѣйшій Богочеловѣкъ, ибо онъ былъ совершеннѣе всѣхъ людей и не было въ Немъ ни единаго порока, мы же ежеминутно согрѣшаемъ и тѣмъ помрачаемъ въ себѣ подобіе Божіе.

Чтобы намъ сдѣлаться достойными своей Божественной природы, мы должны сознать ее и явить ее дѣлами; мы должны быть „совершенны, какъ и Отецъ нашъ небесный“. Божественный Учитель нашъ показалъ намъ своею жизнью, какъ намъ достигнуть этого совершенства, и вся жизнь Его есть только раскрытіе Его Божественнаго Духа, и была одною любовью къ Богу и къ ближнему.

Онъ сказалъ намъ, въ чемъ состоитъ весь истинный законъ Божескій и человѣческій. На вопросъ: „какая есть большая заповѣдь“, онъ отвѣчалъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ разумнѣемъ твоимъ, вотъ твоя первая заповѣдь; вторая подобная заповѣдь

есть сія: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; въ этомъ весь законъ и пророки, и заповѣди эти не тяжки: Богъ Самъ первый полюбилъ насъ и вселился въ насъ. Онъ есть наша сущность, Онъ—то, что въ насъ самага истиннаго и разумнаго, и потому намъ легко и естественно любить Его, что только въ любви къ Нему познаемъ себя и дѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы, по природѣ своей, должны быть, т. е. образомъ и подобіемъ Божіимъ: „Любовь отъ Бога, и всякій, кто любитъ—рожденъ отъ Бога, потому что Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ, а Богъ въ немъ.

Еще давно до рожденія Іисуса Христа, евреямъ были даны Богомъ чрезъ Моисея десять заповѣдей, въ которыхъ объяснены всѣ обязанности человѣка къ Богу и къ ближнему его. Заповѣди эти и до сихъ поръ должны быть исполняемы, ибо онѣ не отмѣнены Христомъ; Онъ Самъ говоритъ; „не думайте, что я пришелъ нарушить законъ, я не нарушить законъ пришелъ, но исполнить. Ибо, во истину говорю, скорѣе преидеть небо и земля, нежели преидеть одна буква, или черта изъ закона, такъ, чтобы не исполнилось бы все.

Моисеевы заповѣди и послѣ пришествія Христа Спасителя остались тѣ же, но намъ стало легче ихъ исполнять: для евреевъ заповѣди были написаны на двухъ каменныхъ доскахъ, у каждаго же истиннаго послѣдователя Христова онѣ начертаны въ сердцѣ. Евреи исполняли ихъ единственно изъ страха Господня, мы же повинuemся имъ изъ любви къ Богу и къ ближнему и потому исполненіе заповѣдей для насъ не тяжело. И такъ какъ любовь и исполненіе заповѣданнаго для насъ значить одно и то же, то мы исполняемъ заповѣди не только согласно буквѣ ихъ, но и согласно Божественному смыслу и духу, оживляющему ихъ, ибо „буква убиваетъ; а духъ животворитъ“ (2 Кор. III, 6) и только духовное пониманіе истины, потому что „настало уже время, что истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ: ибо такихъ Отецъ ищетъ поклонниковъ себѣ“ (Іоан. IV, 23). И въ чемъ же истинное исполненіе заповѣдей, какъ не въ исполненіи ихъ по духу, содержимому въ нихъ? Самъ Іисусъ Христосъ научилъ насъ такъ понимать заповѣди Божіи. Онъ сказалъ: ежели пра-

ведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фари́сеевъ, то не войдете въ царство небесное.

Не будемъ же только фари́сействующими исполнителями закона, по возлюбимъ Господа Бога нашего, всѣмъ духомъ нашимъ, и въ любви къ Нему найдемъ въ себѣ силы для нелицемѣрнаго соблюденія заповѣдей Его.

Первой заповѣдью—по толкованію духовно-евангелическаго христіанина—запрещается отдавать Божескія почести и молиться кому бы то ни было, кромѣ Единаго Бога, вотъ почему они считаютъ, что православная церковь творитъ смертный грѣхъ, поклоняясь святымъ и угодникамъ. Нигдѣ въ священномъ писаніи, ни въ ветхомъ, ни въ новомъ Завѣтѣ не видно, чтобы Богъ когда-либо повелѣвалъ или позволялъ поклоняться кому-либо кромѣ Себя. И въ древности были мужи, угодившіе Богу добродѣтельною жизнью, и вѣрою своею: былъ Моисей, удостоившійся, по свидѣтельству Священнаго Писанія, разговаривать съ Самимъ Господомъ Богомъ; было много и другихъ святыхъ мужей и пророковъ, содѣлавшихъ Божіею благодатію и своею вѣрою многія и различныя чудеса для спасенія своего народа, былъ Іоаннъ, объ которомъ Иисусъ сказалъ, что онъ больше пророка, были ученики Христовы, разнесшіе потомъ по лицу земли Его Евангеліе. Священное Писаніе описываетъ намъ всѣ ихъ дѣянія и подвиги, и нигдѣ намъ не показано, чтобы имъ когда-либо поклонялись, или чтобы мы должны были кланяться и молиться имъ.

„Когда апостоль Петръ входилъ, Корнилій встрѣтилъ его и поклонился, падши къ ногамъ его. Петръ же поднялъ его, говоря: встань и я такой же человѣкъ“, (Дѣян. Апост. X, 25, 26):

Ап. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: „Я видѣлъ и слышалъ сіе, когда же услышалъ и увидѣлъ, палъ къ ногамъ Ангела, показывающаго мнѣ сіе, чтобы поклониться ему. Но онъ сказалъ мнѣ: не дѣлай сего, ибо я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ пророкамъ и соблюдающимъ слова книги сія: Богу поклонись“ (Откр. XXII, 8, 9).

Ежели же Святые апостолы Христовы не позволяли, чтобы имъ при жизни отдавали Божескія почести и молились имъ, то тѣмъ менѣе прилично и позволительно дѣлать это послѣ ихъ смерти. И ежели и самимъ ангеламъ запрещено, и потому

грѣшно поклоняться, то тѣмъ болѣе грѣшно поклоняться различнымъ святымъ, которыхъ народъ уважаетъ болѣе нежели самаго Единого Господа Бога. Необходимо обратиться къ достойному и разумному поклоненію Единому Богу Вседержителю, духомъ и истиною, ибо, по словамъ самого Спасителя, „такихъ поклонниковъ ищетъ себѣ Богъ“. Не поклоняться и отдавать Божескія почести надо людямъ, угодившимъ Богу, а подражать ихъ добродѣтельному житію: они же никогда никому не кланялись, кромѣ Единого Бога, а поклонявшіеся твари, а не Богу,—не могли угодить Богу, ибо Богъ запрещаетъ такое поклоненіе.

И просить объ заступничествѣ и ходатайствѣ предъ Богомъ никого нельзя, кромѣ Иисуса Христа, ибо всякій, читавшій Священное Писаніе, знаетъ, что сказано, „одинъ и ходатай между Богомъ и человѣками, человѣкъ Иисусъ Христосъ“ (1 Тим. II, 5).

Но для того, чтобы достойно поклоняться Господу Богу, должно познать Его. Познать Его можно во всемъ, и весь міръ исполненъ дѣлами Господними, „ибо все сотворилъ Господь“. И потому слѣдуетъ изучать міръ и учиться истинамъ, которыя въ немъ содержатся. Человѣкъ просвѣщенный въ разныхъ наукахъ, и обучавшійся имъ, несравненно лучше и глубже можетъ постигнуть истину Божества, нежели человѣкъ не наставленный ни въ какихъ наукахъ. Поэтому большинство сектантовъ находятъ, что не слѣдуетъ бояться никакой науки, а, что напротивъ, слѣдуетъ искать ее, ибо всякая наука отъ Бога, и можетъ освѣтить наше понятіе о немъ. „Всяка премоудрость отъ Бога, и съ нимъ во вѣкъ (Сына Сир. I, 1) и всякое значеніе и истина отъ Бога“.

Болѣе же всего слѣдуетъ изучать самое Слово Божіе, переданное намъ въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, ибо все Священное Писаніе—Боговдохновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, чтобы совершенъ былъ человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приуготовленъ“ (2 Тим. V, 16, 17) и потому знать Священное Писаніе есть Священная обязанность каждаго христіанина, но въ особенности обязанность пастыря и пресвитера церкви.

Хорошо, если бы было принято къ свѣдѣнію, что пишетъ

апостоль Павелъ въ посланіи Коринѣянамъ, говоря: „если я теперь приду къ вамъ, братья, и стану говорить на незнакомыхъ вамъ языкахъ, то какую пользу принесу вамъ, когда не изъяснюсь вамъ, или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ. Если я не разумью значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ и говорящій для меня чужестранецъ. А потому, говорящій на незнакомыхъ языкахъ, молись и истолковывай“ (1 Кор. XIV, 6—11, 13).

Обученіе слову Божию есть истинное духовное крещеніе. Крещеніе же погруженіемъ въ воду или обливаніемъ, есть теперь одна обрядность, которая съ пришествіемъ Иисуса Христа отмѣнена, ибо Онъ сказалъ апостоламъ: „Іоаннъ крестилъ водою, а вы чрезъ нѣсколько дней будете крещены Духомъ Святымъ“, (Дѣян. Ап. I, 5), и когда апостолы были всѣ вмѣстѣ собраны, они исполнились Святаго Духа и пошли проповѣдывать Евангеліе. Поэтому сектанты полагаютъ, что теперь, послѣ пришествія Христова, истинное крещеніе заключается въ обученіи слову Божьему, въ духовномъ крещеніи, а не въ погруженіи въ воду. Самъ Іоаннъ Креститель, когда проповѣдывалъ крещеніе погруженіемъ въ воду, говорилъ: „Я крещу васъ водою, но грядетъ сильнѣйшій меня (Христосъ)... Тотъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“. (Лук. III, 16); слѣдовательно и Іоаннъ Креститель. зналъ, что крещеніе водою продолжится только до пришествія Христова, послѣ котораго будетъ крещеніе духовное. Вѣдь не поняла же позднѣйшая церковь слово „огнемъ“ въ тѣсномъ смыслѣ и не творитъ надъ своими чадами обряда крещенія обжиганіемъ въ огнѣ. Отчего же не поняла она всего крещенія въ духовномъ, истинномъ смыслѣ, какъ погруженіе въ Слово Божіе и Любовь Божию? Также духовно понимали крещеніе и Святые Апостолы. Апостоль Павелъ говоритъ: „Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать, ибо слово о крестѣ для насъ спасаемыхъ есть сила Божія“. (1 Кор. II 17 10) „Ужели же вы не знаете, что всѣ мы крестившіеся во Иисуса Христа погружались въ смерть Его? И такъ погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и мы ходимъ въ обновленной жизни. Ибо если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти, то должны

быть соединены и подобіемъ воскресенія, зная то, что ветхій нашъ человѣкъ распять въ Немъ, чтобы исчезло тѣло грѣха, дабы намъ не быть рабами грѣха. Ибо кто умеръ, тотъ свободенъ отъ грѣха. Если же мы умерли со Христомъ, то вѣримъ, что намъ и жить съ Нимъ, зная, что Христосъ воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ, смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Ибо когда Онъ умеръ, умеръ однажды для грѣха; а живя, онъ живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя для грѣха мертвыми, а живите для Бога во Иисусѣ Христѣ“ (Римл. VI, 3—12).

О какомъ же крещеніи говорить тутъ Святой Апостоль, о плотскомъ или духовномъ? Сектанты разумѣютъ духовный смыслъ, пбо креститься въ смерть Христову, дабы потомъ вмѣстѣ съ Нимъ воскреснуть, значить умертвить въ себѣ всѣ грѣховныя помышленія, и жить въ добродѣтеляхъ и по Закону Божію, а неужели же этого можно достигъ однимъ воднымъ крещеніемъ? Омовеніе 'даетъ намъ только тѣлесную чистоту, духовной же чистоты и непорочности достигнуто имъ быть не можетъ, духовная чистота достигается Богопознаніемъ и изученіемъ Слова Божія, — вотъ истинное крещеніе — такъ понималъ его Христосъ, такъ понимали его якобы апостолы.

Христіанская церковь утверждаетъ свое ученіе о плотскомъ, водномъ крещеніи на словахъ, сказанныхъ Иисусомъ Христомъ Никодиму: „Если кто не родится отъ воды и духа, то не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. III, 5). Какъ понималъ Христосъ слово „вода“—видно изъ его разговора съ самарянкою. Онъ говорилъ ей: „всякій пьющій сію воду (т. е. реальную, которая течетъ въ ручьяхъ и колодцахъ) возжаждетъ опять, а кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“ (Іоан. IV, 13—14). Понятно, что подъ словомъ „вода“ Христосъ разумѣлъ свое ученіе.

По ученію греко-россійской церкви, крещеніе есть таинство, сектанты же въ немъ никакой тайны не видятъ, считая, напротивъ, что крещеніе есть обнаруженіе и раскрытіе тайны; ибо для незнающаго Слова Божія, для духовно некрещеннаго, Слово Божіе есть тайна, а крещеніе въ томъ и состоитъ, что-

бы онъ научился Божественной истинѣ, чтобы она перестала быть для него тайною. Самъ Спаситель сказалъ Своимъ ученикамъ: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча ихъ соблюдать все, что я повелѣлъ вамъ“ (Мѡ. XXVIII, 19—20), „ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, чтобы не открылось, и тайнаго, чтобы не было узнано“ (Мѡ. X, 20).

Изъ истиннаго познанія Бога вытекаетъ истинное поклоненіе Богу.

Кто знаетъ Бога, тотъ его любитъ, ибо Богъ есть любовь, а кто любитъ Бога, тотъ исполняетъ заповѣди Его, и для любящаго Бога, заповѣди его не тяжки, ибо, „гдѣ духъ любви, духъ Господень, тамъ свобода“. (2 Кор. III, 17). „Вы, братія, призваны въ свободу—говоритъ святой апостоль—только чтобы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но по любви служите другъ другу. Ибо весь Законъ заключается въ семь одномъ словѣ: „люби ближняго, какъ самого себя“. Когда мы исполняемъ волю Божію, мы тѣмъ самымъ любимъ Господа и тогда намъ нечего Его бояться, ибо „страха нѣтъ въ любви, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; ибо въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви“.

Но не довольно намъ познавать Бога, вѣровать въ него, и исполнять волю Его въ тайнѣ; мы должны безбоязненно исповѣдывать Святую Божію Истину предъ людьми. Самъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ: „Куда придете — проповѣдуйте, говоря: близко царствіе Божіе, (Мѡ. X, 7). И будете ненавидимы всѣми за имя Мое; претерпѣвшій же до конца спасется (22), но не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить душу (28); и то, что я вамъ говорю въ темотѣ, говорите при свѣтѣ; и то, что сказывается вамъ на ухо, провозглашайте съ кровель. Зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но въ подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ находящимся въ домѣ.

Второю заповѣдью—въ освѣщеніи сектантовъ—запрещается дѣлать себѣ какія-либо изображенія и изваянія чего бы то ни было, и кого бы то ни было, для того, чтобы поклоняться этимъ изображеніямъ. Поэтому сектанты не имѣютъ никакихъ изображеній и образовъ ни Господа Бога, ибо „Его никто никогда не видалъ“ (Іоан. IV 12), ни кого другого, ибо „намъ не-

зачѣмъ имѣть ихъ: поклоняться и молиться имъ запрещено и есть величайшій грѣхъ противъ Господа Бога“. Сектанты не понимаютъ объясненій греко-россійской церкви, что она не поклоняется иконамъ своимъ, а только чтитъ въ нихъ изображенія святыхъ мужей, и что поклоняется не самому образу, а тому, что на немъ изображено *). Во истину исполнились слова пророка Іереміи: „сколько у тебя городовъ столько и боговъ“...

Третьею заповѣдью запрещается намъ ежеминутно и безъ нужды призывать Господа Бога во свидѣтели; въ особенности же грѣшить противъ Господа Бога тотъ,—доказываетъ сектантъ—кто не боится, солгавъ, призвать Бога во свидѣтели своей лжи. Имя Господне должно быть между нами свято и употребляемо съ уваженіемъ и не иначе, какъ въ молитвѣ или благочестивой бесѣдѣ. Священное Писаніе вотъ какъ объ этомъ говоритъ: „Не приучай устъ своихъ къ клятвѣ и не слишкомъ привыкай произносить имя Всевышняго, ибо, какъ рабъ, котораго часто наказываютъ, не освободится отъ рубцовъ, такъ и тотъ, кто клянется именемъ Господа, не будетъ чистъ отъ грѣха. Человѣкъ, клянущійся часто, умножаетъ беззаконія, и бичъ не отступитъ отъ его дома“. Но Божественный Учитель нашъ научилъ насъ вовсе не клясться. „Вы слышали — сказалъ Онъ—что сказано древнимъ: не нарушай клятвы, но исполняй, въ чемъ клялся передъ Господомъ. А я вамъ говорю: не клянитесь вовсе“. На основаніи этого сектанты считаютъ себя обязанными вовсе не клясться, выражая увѣренность оставаться и безъ клятвы вѣрными своему слову.

Четвертая заповѣдь касается соблюденія праздничныхъ дней. Кромѣ воскресенія сектанты—по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть—хранятъ еще слѣдующіе дни: Благовѣщеніе, Рождество, Срѣтеніе, Крещеніе, Преображеніе, Воскресеніе, Вознесеніе и Сшествіе Святого Духа.

Въ дни страданій Иисуса Христа нѣкоторые сектанты выдерживаютъ постъ въ память плотскихъ мученій, которыя добровольно принялъ Иисусъ Христосъ. Въ эти дни они ничего не пьютъ и не ѣдятъ.

*) Трактовка сектантами вопроса объ иконопочитаніи опускается, какъ нѣсколько неудобная.

Всѣхъ же прочихъ постовъ, установленныхъ греко-россійскою церковью, какъ, на примѣръ, посты по средамъ и пятницамъ, сектанты не принимаютъ. Также отвергается раздѣленіе пищи на скоромную и постную. Всякая пища создана Богомъ и одинаково хороша, постной же пищи быть не можетъ, ибо постъ есть воздержаніе отъ всякой пищи, а не наполненіе желудка рыбой и грибами.

Вотъ, что читаемъ о постѣ у Исаи пророка: „Взъывай всею гортанью, не умолкай, какъ трубою греми гласомъ твоимъ и возвѣсти народу моему невѣрность его и дому Іаковлеву грѣхи ихъ. А они изо дня въ день ищутъ меня и хотятъ знать пути мои, какъ бы народъ, который поступалъ праведно, и не оставлялъ законовъ Бога своего, требуютъ отъ Меня судовъ правды, желаютъ близости Божьей. „Почему мы постимся, а Ты не видишь? томимъ душу свою, а ты не знаешь? Се! Въ день поста вашего вы угождаете своей прихоти, и мстите за всякія досады свои. Се! Вы поститесь для ссоръ и распрей, и для того, чтобы кулакомъ беззаконнымъ бить, не для того постились теперь, чтобы гласъ вашъ былъ услышанъ на высотѣ. Таковъ ли долженъ быть постъ, который Я люблю, день, въ который томить человѣкъ свою душу, когда гнететъ голову свою, какъ тростникъ, и подстилаетъ себѣ власяницу и пепель. Это ли назовемъ постомъ и днемъ богоугоднымъ Господу. А вотъ постъ, который Я люблю: развязывай всякій узелъ неправды, облегчи отягощенныхъ, отпусти притѣсненныхъ на волю, и всякое обязательство несправедное разорви. Раздѣли голоднымъ хлѣбъ твой, нищихъ, неимѣющихъ пристанища, введи въ домъ твой, если видишь нагого, одѣнь его, и отъ родственниковъ твоихъ не отвращивайся. Тогда взойдетъ свѣтъ твой, какъ утренняя заря, и пойдетъ предъ тобой правда твоя и слава Божія обниметъ тебя“ (Ис. LVIII, 1—8).

Вотъ въ чемъ заключается постъ духовный, истинный, постъ, пріятный Богу, а не въ воздержаніи отъ такъ называемой скоромной пищи. „Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ,—говоритъ святой Апостолъ—есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи и хранить себя неоскверненными отъ міра“.

Много вниманія удѣляютъ сектанты шестой заповѣди.

„Проливающей кровью человека—человеком кровью его пролита будетъ: ибо по образу Своему Богъ сотворилъ человека (Быт. XI, 6). Потому всякое убійство, какое бы оно ни было и гдѣ бы оно ни совершалось, есть грѣхъ противъ Господа Бога и „никакой человекоубійца не имѣетъ жизни вѣчной“ (1 Иоан. III, 15). Человекъ есть „слава Божія“ (1 Кор. XI, 7), и кто же посмѣетъ умалить славу Божию, убить человека? Только одинъ Всевышній Господь Богъ, Творецъ неба и земли, и всего, что есть въ нихъ, имѣетъ право надъ жизнью и смертью человека, и кромѣ Него никто, ибо всѣ мы братія о Христѣ и всякій, убивающій человека или позволяющій его, есть человекоубійца. Человекъ достоинъ смерти только тогда, когда худою жизнью и грѣхами своими изъ славы Творца своего дѣлается Ему позоромъ, когда своими дѣйствіями безславить Его святое Имя и затемняетъ въ себѣ Его образъ и подобіе. Изъ Священнаго Писанія видимъ, что такъ было предъ потопомъ, такъ было съ жителями городовъ Содома и Гоморры, такъ было съ Кореємъ, Дафаномъ и Авирономъ; но всѣ эти люди осуждены были на смерть Самимъ Господомъ Богомъ, пали по Его волѣ и были поражены Его праведнымъ гнѣвомъ, а изъ человекѣвъ кто можетъ сказать брату своему: „ты не достоинъ жизни, данной тебѣ Богомъ, или: ты долженъ умереть“, ибо даже „кто скажетъ брату своему — безсовѣстный! подлежитъ гееннѣ огненной“ (Мѣ. V, 22), тѣмъ болѣе же осуждающій брата своего на смерть. „Не судите, чтобъ не быть судимыми—сказалъ Божественный Учитель—ибо какимъ судомъ судите, такимъ судомъ судимы будете“; и потому кто осудитъ брата своего на смерть, можетъ-ли онъ надѣяться, что Господь помилуется его? И убійца не можетъ оправдываться: я убилъ человека для спасенія собственнаго живота или имущества, ибо такое оправданіе есть безуміе: когда воины и служители первосвященниковъ пришли, чтобы взять Христа и предать Его смерти, Симонъ Петръ, имѣя мечъ, извлекъ его и ударилъ имъ первосвященническаго раба; тогда Иисусъ сказалъ ему: вложи мечъ твой въ ножны, ибо всѣ, поднявшіе мечъ, мечомъ и погибнуть.

И убійца не будетъ помилованъ, ежели скажетъ: я убилъ не брата своего, а иноплеменника, иновѣрца, человека не вѣ-

рующаго во Христа, не знающаго истиннаго Бога. Всякій чловѣкъ созданъ Богомъ по образу и подобію Своему и всякій призванъ Христомъ ко спасенію и жизни вѣчной.

„Всѣхъ же изъ страха, раболѣпства, малодушія, лицепріятства и тщеславія сражающихся и убивающихъ, прости, Господи, не вѣдаютъ бо, что творять“.

Но худшее убійство есть духовное убійство, т. е. когда мы убиваемъ не плоть чловѣка, а вводимъ его въ беззаконіе и грѣхъ. „Не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить души, а бойтесь паче могущаго и душу, и тѣло погубить въ гееннѣ“ (Мѣ. X, 28); поэтому мы должны заботиться о томъ, чтобы не вводить въ соблазнъ брата нашего, ибо ежели соблазнится и согрѣшитъ, то навлечетъ на себя праведный гнѣвъ Господа нашего.

И всякій, сокращающій жизнь чловѣка худымъ обращеніемъ, гнѣвомъ, угрозою, бранью, ненавистью, повиненъ въ преступленіи шестой заповѣди. Самъ Богъ чрезъ Моисея сказалъ: „Никакую вдову и сироту не угнетайте; если же угнетать будешь ихъ, и крикомъ закричатъ онѣ, то слухомъ услышу Я крикъ ихъ—и запылаетъ гнѣвъ Мой, и побью васъ мечомъ, и будутъ жены ваши вдовами и дѣти ваши сиротами“. „Гнѣваясь, не согрѣшайте — говоритъ святой апостолъ—да не зайдетъ солнце во гнѣвъъ вашемъ. Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ. Всякая досада, ярость и гнѣвъъ, крикъ и злорѣчіе, и всякая злоба должны быть удалены отъ васъ; но будьте другъ къ другу добры, сострадательны; прощайте другъ другу, какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ“ (Ефес. IV, 26, 29, 31, 32).

„Никто—повелѣваетъ седьмая заповѣдь—не будетъ къ роднымъ своимъ приближаться для открытія наготы ихъ. Наготы отца твоего и наготы матери твоей не будешь ты открывать: мать твоя она — не откроешь наготы ея. Наготы жены отца твоего не будешь ты открывать: нагота отца твоего это. Наготы сестры твоей, дочери отца твоего или дочери матери твоей, рожденной въ домѣ, или рожденной на сторонѣ, — не будешь ты открывать наготу ихъ. Наготу дочери сына твоего или дочери твоей не будешь открывать, ибо нагота ихъ — нагота твоя. Наготу сестры отца твоего не будешь открывать—

родня отца твоего она. Наготу сестры матери твоей не будешь открывать, ибо родня матери твоей она. Наготу брата отца твоего не будешь открывать, къ женѣ его не приблизишься—тетка твоя она. Наготу женщины и дочери ея не будешь открывать; дочери ея и дочери сына ея не будешь брать для открытія наготы ихъ: родня ея онѣ, развратъ это. И жены къ сестрѣ ея не будешь брать для возбужденія ревности, для открытія наготы ея подлѣ нея въ жизни ея. И женѣ ближняго твоего не дашь лежанья сплени твоего, чтобъ оскверниться. И съ мужескимъ поломъ не ляжешь лежаньемъ женскимъ: мерзость это. И никакому скоту не дашь лежанья твоего, чтобы оскверниться имъ; и женщина не должна становиться предъ скотиною для совокупленія; извращеніе это“ (Лев. XVIII 6—18, 20, 22—23, 29).

„Бѣгайте блуда — говоритъ апостоль — ибо всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человекъ, есть внѣ тѣла, а блудникъ грѣшитъ противу собственнаго тѣла. Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы? Итакъ, отниму-ли я члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Сохрани Богъ. Или не знаете, что совокупающійся съ блудницею становится одно одно тѣло съ нею, ибо сказано: два будутъ одна плоть, а соединяющійся съ Господомъ будетъ одинъ духъ съ Господомъ“.

„Не ходи навстрѣчу распутной женщинѣ, чтобъ не попасть въ ея сѣти. Не предавай души своей блудницамъ, чтобъ не погубить наслѣдія своего. Не озирайся по улицамъ города и не броди по переулкамъ. Отврати свое око отъ красивой женщины и не засматривайся на чужую красоту. Красотою женскою многіе уловлены; любовь загорается отъ нея какъ огонь. Съ замуженю женщиною совсѣмъ не садись и не будь съ нею на пирушкѣ за виномъ, чтобы душа твоя не преклонилась къ ней и твоя похоть не ввергла тебя въ погибель“ (Ис. Сир. IX, 3, 6—11).

„Хорошо человекъ не касаться женщины, но, во избѣжаніе блудодѣянія, каждый пусть имѣетъ свою жену и каждая жена пусть имѣетъ своего мужа. Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ постѣ и молитвѣ, а потомъ соединяйтесь опять, чтобы сатана не искушала васъ невоздержаніемъ вашимъ“ (1 Кор. VII, 1—6).

Брачное сожителство установлено Самимъ Господомъ Богомъ еще во время пребыванія челоуѣка въ раю. Брачное сожителство не должно быть плотскимъ, тѣлеснымъ сожителствомъ, ибо только животныя, не имѣющія безсмертнаго духа, совокупаются единою плотію. Для челоуѣка же, для образа и подобія Божія, такое только плотское совокупленіе есть униженіе и безчестіе. Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ и духовнымъ. Св. апостоль уподобляетъ брачный союзъ союзу Христа съ церковью. Союзъ же Христа съ церковью есть духовный.

Но земной брачный союзъ не долженъ быть только духовнымъ, ибо Богъ сказалъ: „плодитесь и множтесь“, и потому мужъ отдавая женѣ должное, подобно и жена мужу: жена не властна надъ своимъ тѣломъ, равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, а жена.

Расторженіе брака или разводъ Священное Писаніе не допускаетъ и считаетъ за прелюбодѣяніе. „Вступившимъ въ бракъ — пишетъ святой апостоль—повелѣваю не я, а Господь, женѣ не разводиться съ мужемъ“ (1 Кор. VII). Расторгнуть бракъ можетъ быть только тогда, когда онъ уже расторгнуть прелюбодѣяніемъ одного изъ супруговъ, не иначе. На основаніи словъ Спасителя, сектанты не допускаютъ у себя развода. Послѣ смерти одного изъ супруговъ, другой можетъ вступить въ новый бракъ: „жена связана закономъ, доколѣ живъ мужъ; если же мужъ ея умретъ, свободна выйти за кого хочетъ“ — говоритъ апостоль.

Образъ самаго бракосочетанія молоканами, напримѣръ, заимствуется изъ книги Товита VII, 10, на основаніи которой они бракосочетаются слѣдующимъ образомъ:

Обрядъ начинается благословеніемъ отца и матери: „Чадо, помни сотворившаго тя, во днѣхъ юности твоея, и вся дни чти Господа Бога твоего, и да не похощеши согрѣшити и преступати заповѣди Господни; правду творя вся дни живота твоего, внемли себѣ, чадо, отъ всякаго блудодѣянія. Вступили вы во святое и Богомъ благословенное супружество, почтите оное благословеніемъ и сохраните между собою любовь и согласіе, егда благословить васъ Богъ и узрите чадъ своихъ, и плодъ чрева своего, привлечете на себя благословеніе Божіе

и мирное житіе; сего ради и наше родительское благословеніе на васъ пребудеть, да благословить васъ Господь Богъ принять супружество и сохранить оное въ чистотѣ; сего усердно желаемъ, да будетъ благословеніе на васъ. Аминь“.

Потомъ поется псаломъ СXXXIII. Послѣ того, спросивши жениха и невѣсту, по согласію-ли сочетаются, требуютъ отъ нихъ такое обязательство: „Се ради Всевышняго Бога нашего Иисуса Христа, при собраніи общаго совѣта христіанскаго словія въ наслѣдіе святымъ, по повелѣнію Божію, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, по благословенію и желанію нашихъ родителей, съ тѣмъ, чтобы безъ нарушенія Божіей заповѣди и святыхъ преданій апостолъ и пророкъ, между нами наблюдаена была вѣрность, ложе не скверно, удалитися отъ блуда и прелюбодѣйства до жизни нашего вѣка, по приказанію апостола Павла, что „женѣ отъ мужа не отлучатися, равно и мужу жены не отпускати“. Какъ я, женихъ, не пойму жены иной, кромѣ той, которую принимаю, и долженъ жену свою любить, не свирѣпо съ нею поступать, но разумнымъ снисхожденіемъ, и исполнять ея слабости и въ общемъ хозяйствѣ, и дѣтей воспитаніи, и имѣть ее за вѣрнѣйшую свою помощницу. Равно и я, невѣста, не буду посягать за другого мужа, кромѣ того, на котораго теперь посягаю, и долгъ мнѣ есть любить и повиноваться, какъ Господу, такъ какъ мужъ есть глава жены, и нравы свои къ его угожденію склонять и самыя его оскорбленія сносить въ кротости духа.

Въ заключеніе обѣта нашего предъ Господомъ Богомъ нашимъ и предъ общимъ собраніемъ. обоихъ должность наша есть хранить непорочность ложа своего во вѣки и въ вѣкъ вѣка. Аминь“.

Затѣмъ отецъ возглаголетъ: „Благословенъ еси ты Боже во всякомъ благословеніи чистомъ и святомъ; да благословятъ Тебя Святыя твои, и вся созданія твои, и всѣ ангели твои, и избранные твои, но по многой милости Твоей сотвори еси съ нами, Господи, да помилуешь рабовъ твоихъ, нынѣ обоихъ сочетающихся; сотвори имъ милость и соверши ихъ во здравіе, съ веселіемъ и милостію твоею“..

Обрядъ заканчивается наставленіемъ: „Вѣрная во Христвъ сочетанная двоица, вступивъ во Святое и Богомъ благосло-

венное супружество, почтите оное исполненіемъ обѣта, каковой Самъ Богъ соединити благоволилъ. Сохраните между собою любовь и согласіе, яко едина душа въ двухъ тѣлахъ живущая, больше же всего сохраните любовь къ Богу, почтеніе къ Закону Его, такъ какъ Богъ любовь есть, и пребывающій въ любви, въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ“.

По окончаніи сего, поется всѣми собравшимися псаломъ СXXXII, „се что добро, или красно, но еже жити братія вкушѣ“. И тѣмъ бракосочетаніе заканчивается.

Всѣхъ же обручальныхъ и вѣнчальныхъ обрядовъ, совершаемыхъ греко-россійской церковью, сектанты не исполняютъ, исходя изъ своихъ представленій о церкви. Церковь Христова или храмъ Божій есть общество вѣрующихъ въ Бога согласно ученію, преподанному Иисусомъ Христомъ и его апостолами. „Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живеть въ васъ“ — (Кор. III, 11), и „не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святого Духа, который имѣете отъ Бога“.

На основаніи этого собственно въ зданіяхъ и украшеніяхъ никакой святости, ни Божества сектанты не признаютъ. „Какая совмѣстность между храмомъ Божиимъ и идолами, ибо вы храмъ Бога живого, такъ какъ сказалъ Богъ, вселюся въ нихъ, и буду ихъ Богомъ, и они будутъ моимъ народомъ“ (2 Кор. VI—16).

Ученіе греко-россійской церкви, объ антиминосѣ, освящающемъ храмъ Божій, сектанты также категорически отвергаютъ, какъ необоснованное, по ихъ понятіямъ, на священномъ писаніи. Учредитель и начальникъ церкви есть самъ Иисусъ Христосъ. „Гдѣ соберутся двое и трое во имя мое -- сказалъ Онъ—тамъ и Я посреди ихъ“ (Мѣ. XVIII, 20). Вотъ начало церкви Христовой: „Послѣ вознесенія Христа Спасителя на небо, всѣ апостолы были единодушно вмѣстѣ. Внезапно сдѣлался шумъ съ небеси, какъ бы отъ несущагося сильнаго дыханія вѣтра, и исполнилъ весь домъ, гдѣ они находились. И исполнились всѣ они Духа Святаго“ (Дѣян. Ап. II, 1, 2, 4).

„Самъ Христосъ предалъ себя за нее (церковь) чтобы освятить ее, очистивъ водною банею, посредствомъ слова, чтобы

представить ее себѣ славною церковью, не имѣющею пятна, или порока, по дабы она была свята и безпорочна“.

„Христось и Священное Писаніе суть единственныя основы, на которыхъ зиждется истинная христіанская церковь, община Христова, и всякое общество, въ основаніи котораго не лежитъ ученіе Христово—не есть истинная црковь, потому что истинная церковь одна, ибо никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христось“. Поэтому сектанты не признаютъ ни греко-россійскаго ни римско-католическаго вѣроисповѣданія, ни старообрядческихъ согласій, принадлежащими къ истинной вѣрѣ Христовой. Это—такъ называемыя церкви..

Глава церкви есть Божественный Учитель нашъ Иисусъ Христось, котораго Богъ, воскресивъ изъ мертвыхъ, посадилъ одесную себя на небесахъ, превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, какимъ именуются не только въ семь свѣтѣ, но и въ будущемъ и все покорилъ подъ ноги его, и Его поставилъ превыше всего, главою церкви, которая есть Его тѣло, полнота того, который наполняетъ все всѣмъ“ (Ефес. I, 20—23).

Никакого другого начальника вѣры и главы у истинной церкви Христовой нѣтъ, и быть не можетъ, ибо если имѣемъ другую главу, то она не Христова, а ежели не Христова, то и не истинная, и потому всякій, именующій себя главою церкви, тѣмъ самымъ какъ-бы хочетъ вступить въ единоборчество со единой истинной главою церкви, съ Христомъ и дѣлается противникомъ Христовымъ.

„Архіерей и первосвященникъ истинной церкви есть единственно Иисусъ Христось“. „Мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха“. Кромѣ Иисуса Христа никакихъ архіереевъ, первосвященниковъ и священниковъ въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ, и быть не можетъ.

По примѣру церкви временъ апостольскихъ, сектанты собираются для общественнаго богослуженія и поклоненія Богу. Богослуженіе состоитъ: 1) въ чтеніи Священнаго Писанія, при чемъ иногда бываетъ и истолкованіе его для неясно понима-

ющихъ его. 2) въ пѣніи псалмовъ и другихъ мѣсть священнаго писанія, по выбору собравшихся; 3) въ молитвахъ.

„Слово Христово да обитаетъ въ васъ обильно, со всякою премудростью—говорить Св. Апостолъ; научайте и вразумляйте другъ друга, псалмами, славословіемъ и духовными пѣснями, съ благодареніемъ воспѣвая въ сердцахъ вашихъ“ (Кн. III, 16). Для богослуженія сектанты не имѣютъ особыхъ помѣщеній, а собираются въ обыкновенныхъ своихъ жилищахъ. Сектанты не считаютъ, чтобы зданіе могло придавать святость собранію, напротивъ, полагаютъ, что самое собраніе освящаетъ собою всякое мѣсто, гдѣ оно находится. Во время Вѣтхаго Завѣта у евреевъ былъ въ Иерусалимѣ храмъ, въ которомъ находился кивотъ завѣта, тогдашняя святыня евреевъ. Съ пришествія же Иисуса Христа это отмѣнено и чрезъ него мы знаемъ, что Богу достойно поклоняться на всякомъ мѣстѣ, ибо „Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“, и что „настало уже время, когда истинные поклонники поклонятся Богу духомъ и истиною“.

Также изъ различныхъ мѣсть Священнаго Писанія видимъ, что во времена святыхъ апостоловъ церковь вѣрующихъ въ Господа нашего Иисуса Христа, приносила общее богослуженіе въ домахъ и молилась на всякомъ мѣстѣ.

Самое богослуженіе у большей части сектъ начинается молитвою „Отче нашъ“, которую говоритъ проповѣдникъ, или пресвитеръ. Потомъ всѣ собравшіеся садятся и начинается чтеніе Священнаго Писанія и псалмовъ, при чемъ каждый стихъ сперва читается пресвитеромъ, а потомъ поется всѣмъ собраніемъ.

„Чтеніе Священнаго Писанія есть истинное причащеніе тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа“. „Истинно, истинно говорю вамъ,—сказалъ Онъ—вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Я есмь хлѣбъ жизни. Хлѣбъ же сходящій съ небеси долженъ быть таковъ, чтобы ядущій его не умиралъ. Отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ, и померли. Я есмь хлѣбъ живой, спшедшій съ небеси, ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который я дамъ, есть жизнь моя, которую Я отдамъ за жизнь міра... истинно, истинно говорю вамъ, ежели не будете ѣсть плоти сына человѣческаго, и пити кровь Его,

то не будете имѣть въ себѣ жизни. Многіе изъ учениковъ Его, слыша то, говорили: какія странныя слова — кто можетъ это слушать? Но Иисусъ Христосъ, зная, что ученики его ропщутъ, сказалъ, это ли васъ соблазняетъ: *Духъ животворитъ; плоть же не пользуется ни мало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь*“ (Иоан. VI, 47—51, 53, 60, 61, 63). Явное дѣло — разсуждаютъ сектанты — что Спаситель говоритъ здѣсь о пищѣ духовной, которая есть Слово Божіе, и причащеніе Словоу Божіему есть истинное причащеніе...

Послѣ чтенія и пѣнія Священнаго Писанія, которое продолжается нѣсколько часовъ, все собраніе встаетъ и начинается общественная молитва, творимая проповѣдникомъ и пѣніе псалмовъ, въ которомъ участвуетъ все собраніе.

Во время молитвы собраніе стоитъ на колѣняхъ, по призыву Самаго Иисуса Христа, который „прекленивъ колѣна, молился“. Крестнаго знаменія сектанты не творятъ, считая это излишнимъ. Христосъ приказалъ намъ нести *духовный* крестъ, т. е. тѣ страданія, которыя намъ ниспосылаются...

Молитвы, произносимыя наставникомъ, чаще бываютъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Призри, Господи, отъ обители Святыя Твоя; прими отъ насъ, Господи, моленія наши за всѣхъ людей, за царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмятежное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо пріятно есть предъ спасителемъ нашимъ Богомъ, иже хочетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити. Умилосердися, Господи, на приношеніе наше, якоже на Авелеву жертву, прими отъ насъ угожденія наша, якоже Яноха; соблюди насъ, Господи, отъ потопа мысленнаго, якоже Ноя, сохрани насъ, Господи, отъ огня и жупела, якоже Лота, отъ Содомлянъ; и явися намъ, Господи, Духомъ Святымъ твоимъ, якоже отцу нашему Аврааму, подаждь намъ, Господи, завѣтъ свой, якоже Исааку, прослави насъ, Господи, якоже отрока своего Израиля, и напиши, Господи, на сердцахъ своихъ оправданіе судовъ, якоже Моисею, на горѣ Синайской, проведи насъ, Господи, сквозь источники ложные, якоже Моисея, сквозь моря, избави насъ, Господи, отъ меча летяща, якоже Давида отъ меча Голиафа, сокруши, Господи, предъ нами идола, якоже во дни

Или пророка сокрушилъ еси Ваала; пошли къ намъ, Господи, благодѣтельница Матерь нашу — Твою Премудрость, изведи насъ, Господи, отъ безднъ, глубокия, отъ ада преподняго, прегрѣшеній нашихъ, постави насъ, Господи, на горнѣй Твоей лѣствицѣ оправданій нашихъ и судовъ; спаси, Спаситель, души наша отъ нынѣ и до вѣка. Аминь“.

Затѣмъ поются 26 и 50 псалмы, которыми и оканчивается богослуженіе. Послѣ него нерѣдко бываетъ братская трапеза, которой, однако, не придается никакого таинственнаго значенія, какъ части богослуженія.

Въ годовщину послѣдней вечери Иисуса Христа съ апостолами сектанты тоже собираются, преломляютъ и ѣдятъ хлѣбъ въ Его воспоминаніе, при чемъ бываютъ у нихъ благочестивыя бесѣды, за таинства же эти трапезы не принимаются.

Таинствъ сектанты вообще никѣкихъ не признають, ибо — по ихъ толкованію — всякая тайна открыта съ пришествія Иисуса Христа его послѣдователямъ: „вамъ дано знать тайны царствія небеснаго (Мѣ. XIII, 11). сказалъ Иисусъ; такъ же точно учитъ и апостоль Павелъ: вы можете — говорить онъ — читая, усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая въ другія времена не была показана сынамъ человѣческимъ, а нынѣ открыта Святымъ Его апостоламъ и пророкамъ Духомъ Святымъ“ (Ефес. III, 4—5). Слѣдовательно, Христосъ открылъ своимъ ученикамъ тайну и открылъ Онъ ее для того, чтобы они благовѣствовали ее всѣмъ и каждому. „Мнѣ — говоритъ апостоль Павелъ — наименьшему изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія, благовѣствовать язычникамъ неислѣдимое богатство Христово и открыть *всѣмъ*, въ чемъ состоитъ домо-строительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ, дабы нынѣ чрезъ церковь сдѣлалась извѣстною“ (Ефес. III, 8—10).

Истина Божія должна быть явлена и открыта, и дѣлающіе изъ нея тайну, принимаютъ великій грѣхъ на душу, ибо утаиваютъ путь ко спасенію, указанный намъ Иисусомъ Христомъ.

„Эта истина состоитъ въ томъ, что Богъ есть Духъ, что человекъ есть храмъ Божій, и что Духъ Божій обитаетъ въ каждомъ человекѣ; что всѣ заповѣди содержатся въ одномъ: люби ближняго своего; что Богъ есть отецъ нашъ и что человекъ есть сынъ Божій“.

При богослуженіи сектанты не пользуются ни образами, ни кажденіемъ, ни кропленіемъ водою, ни зажиганіемъ свѣчей.

Вѣрують сектанты въ загробную жизнь и въ воскресеніе мертвыхъ, и потому при кончинѣ кого-либо молятся и поють псалмы 23 и 145. Въ оправданіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ сектанты приводятъ многія мѣста Священнаго Писанія. Самъ Иисусъ Христосъ сказалъ: „А о мертвыхъ, что они воскреснутъ, развѣ вы не читали въ книгѣ Моисеевой, какъ при купинѣ Богъ сказалъ ему: Я, Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковлевъ! Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ (Мрк. XII, 26, 27). „Мы знаемъ,—говоритъ Апостоль—что когда земной нашъ домъ, сія хижина, разрушится, мы получимъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный“ (2 Кор. V, 1).

Такова въ общихъ чертахъ религіозная сторона ученія нашего сектантства, поскольку подобная догма отразилась въ толкованіяхъ наиболѣе просвѣщенныхъ и вдумчиво-спокойныхъ сектантовъ, исключая, конечно, такія крайне энтузіастическія направленія, какъ хлыстовщина и скопчество. Изъ ближайшаго ознакомленія съ исторіею зарожденія и распространенія отдѣльныхъ сектъ мы увидимъ, что трудно провести строго опредѣленную линію между евангелическими и духовными тенденціями нашего сектантства. Можно, по нашему убѣжденію, говорить о большей или меньшей склонности той или другой секты къ построенію своей схемы на чисто евангельскихъ основахъ, можно находить въ ней большую или меньшую степень стремленія состоять въ внутреннихъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу, непосредственно руководствоваться указаніями внутренняго слова, но категорически и опредѣленно отвести какую-либо секту подъ тотъ или другой разрядъ, будетъ просто уступкою установившемуся рутинному взгляду на сектантство, какъ на явленіе, совершенно сложившееся и законченное. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Сектантство, въ отличіе отъ старообрядчества, не имѣетъ за собою мощей былого, лишено маяка позади себя, оно не покоится на мѣстѣ, но, непрерывно двигаясь впередъ, безконечно разнообразно въ своихъ проявленіяхъ. Сектантство прогрессируетъ по общей для всѣхъ его сочленовъ дорогѣ, и

„евангелизмъ“ съ „духовностью“, или — рационализмъ съ мистицизмомъ — лишь боковыя, то параллельныя между собою, то во едино сливаюціяся тропки, исшедшія изъ общей точки отправленія и къ одной и той же цѣли ведущія. Русскій евангелизмъ—какъ подмѣтилъ П. Н. Милюковъ—за все время своего существованія обнаруживалъ склонность къ духовному пониманію христіанства. „Начало евангелическому христіанству — говоритъ онъ — положила чисто интеллигентская проповѣдь, непрерывную традицію которой надо вести съ тетрадохъ Тверитинова. Распространившись послѣ него въ массѣ и принявъ мѣстами формы жидовства, евангельскія ученія были освѣжены во второй половинѣ XVIII в. соприкосновеніемъ съ духоборчествомъ. Результатомъ этого соприкосновенія явилось новое ученіе—молоканство, быстро распространившееся на подготовленной почвѣ. Наконецъ, еще вѣкъ спустя, идеи евангелическаго христіанства вновь освѣжены были пропагандой меннонитскихъ сектантовъ и баптистскихъ проповѣдниковъ подъ ихъ вліяніемъ русскій евангелизмъ принялъ новую форму штундо-баптизма. Что касается самого духовнаго христіанства,—его происхожденіе было чисто народное. Выйдя изъ того же религіознаго броженія, которое создало и безпоповщину, русское духовное христіанство на первыхъ порахъ сохранило связь съ расколомъ п, отвергнувъ церковныя формы, взявъ ихъ ввело другія, заимствованныя изъ стараго народнаго обихода. Такъ сложилась та промежуточная форма духовнаго христіанства, которую представляетъ хлыстовщина. Своеобразное превращеніе пайболѣе строгой части хлыстовщины въ скопчество не имѣло значенія въ общей связи развитія идей духовнаго христіанства. Несравненно важнѣе было одновременное появленіе со скопчествомъ новаго, болѣе чистаго вида духовныхъ христіанъ въ сектѣ духоборовъ. Ученіе духоборчества, въ самомъ началѣ сильно спиритуализированное его интеллигентными или начитанными вождями, не могло быть сразу усвоено массой въ этомъ чистомъ видѣ; вотъ почему, обновивъ ученіе евангельскаго христіанства, только въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ толстовщины, стало достояніемъ массы. Постепенно ростъ пониманія идей духовнаго христіанства сказался съ самаго начала XIX вѣка и въ старыхъ сек-

тахъ — хлыстовщинѣ и скопчествомъ — углубленіемъ ученія о внутреннемъ духѣ и измѣненіемъ народныхъ формъ стараго культа. Наконецъ, социальный и философскій элементы сектантства сильно выдвинулись впередъ къ концу XIX в.“

Тотъ же почтенный историкъ дѣлаетъ попытку поставить прогнозъ, „въ какой изъ двухъ основныхъ формъ будетъ развиваться дальнѣйшая исторія сектантства? Сохранить ли штундо-баптизмъ то численное преобладаніе, которое онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшей формы евангельскаго христіанства — отъ молоканства? Или его перегонитъ болѣе спиритуалистическое толкованіе духовныхъ христіанъ, подъ вліяніемъ социальныхъ и философскихъ идей интеллигенціи?.. На второмъ миссіонерскомъ съѣздѣ (въ Москвѣ, 1891 г.) предполагалось, что со временемъ господствующею формою русскаго сектантства будетъ штундо-баптизмъ, который въ послѣднее двадцатипятилѣтіе получилъ распространеніе не только среди православныхъ, но и между безпоповщиною. Въ настоящее время едва ли можно согласиться съ упомянутымъ предсказаніемъ. Секты наши, въ большинствѣ своихъ послѣдователей, скорѣе всего способны объединиться на почвѣ такого религіознаго ученія, которое, разрѣшая вопросы вѣры, въ то же время не оставляло бы и безъ отвѣта и социальныхъ интересовъ общественно-государственной жизни. И потому будущность принадлежитъ интеллигентной религіозно-раціоналистической доктринѣ, а не народной, кокою является штундо-баптизмъ... Судя по событіямъ послѣднихъ лѣтъ, въ народной массѣ происходитъ не столько борьба за преобладаніе между интеллигентнымъ и народнымъ элементами сектантства, сколько разграниченіе того и другого элемента... Все отчетливѣе обрисовываются очертанія русской евангельской церкви, принимающей форму одного изъ западныхъ евангельскихъ исповѣданій — баптизма“.

Сектантство твердо стоитъ на томъ, что безъ вѣры жить нельзя. „Вѣра — говорятъ они *) даетъ человѣку необходимую ему духовную свободу, болѣе необходимую для его души, чѣмъ чистый воздухъ для тѣла, и ту твердость и ясность

---

*) „Мат. къ ист. русск. сектантства“; вып. 9. Женева, 1902.

въ борьбѣ съ внѣшними условіями, безъ которыхъ жизнь чело-
вѣка или прекращается или принимаетъ видъ жалкаго ра-
стительнаго прозябанія, на какой бы ступени общественной
лѣстницы ни находился челоуѣкъ“.

Въ этой борьбѣ за свободу можно различить *) три сте-
пени постиженія истины и соразмѣрно этимъ степенямъ можно
указать на три главныя группы сектантства.

„Челоуѣкъ просыпается въ своемъ сознаніи и неудержимо
ищетъ духовной свободы. Если это стремленіе къ свободѣ пре-
вышаетъ силы его разума, то онъ погибаетъ въ этой борьбѣ
за свободу или жизнь его принимаетъ уродливую форму.

„Если онъ ослабѣваетъ въ этой борьбѣ, устаетъ и рѣшается
на отдыхъ, но не возвращается назадъ, то онъ становится членомъ
болѣе свободной организаціи, удовлетворяющей его умѣрен-
нымъ потребностямъ, увеличивающей его матеріальное
благополучіе, но почти лишаящей вмѣстѣ съ тѣмъ возмож-
ности дальнѣйшей, самостоятельной борьбы за духовную сво-
боду.

„Наконецъ, третья ступень представляетъ челоуѣкъ, не-
уклонно идущій по пути духовной свободы, не остающійся ни
въ какой организаціи, но готовый служить своему Богу на
всякомъ мѣстѣ Его владычества.

Къ первому роду относятся скопцы, хлысты, ко второй—всѣ
вѣтви баптизма, и къ третьей—духоборы.

Практически эволюціи русскаго сектанта можно изобразить
такъ:

„Проявленіе религіозной свободы сопровождается мучитель-
нымъ искаженіемъ правой вѣры—вѣры Христовой. Ищущій по-
падаетъ на евангеліе и свѣтъ Христова ученія яркимъ блес-
комъ освѣщаетъ смыслъ его жизни и онъ рѣшается вступить
на новый трудный путь, и отпадаетъ отъ церкви. Встрѣчаетъ
онъ проповѣдника, который такъ же, какъ и онъ откололся отъ
православія, такъ же какъ и онъ любитъ евангеліе, но который
поражаетъ его извѣстіемъ, что такихъ людей много, что они
живутъ подобно древнимъ христіанамъ, въ одно тѣло и одну
душу, собираются свободно, и понятно славить Бога, и помо-

*) Тамъ же.

гаютъ другъ другу въ трудовой, рабочей жизни. Ищущій находитъ все, что ему надо па первое время, и онъ пристаеъ къ общинѣ евангелическихъ христіанъ, большею частью баптистовъ. Многіе слабые волею или чрезмѣрно удрученные, остаются на этой первой ступени и проживаютъ тамъ всю жизнь. Но другіе, болѣе сильные, идутъ дальше. Увлеченные сначала повизной окружающей ихъ среды, они какъ-будто чувствуютъ полное удовлетвореніе, но вскорѣ начинаютъ замѣчать, что надъ ихъ душой тяготѣетъ новое ярмо—догматъ, и жизнь ихъ связана новыми путями—авторитетомъ руководителей и обычаями ихъ общины, изъ которыхъ далеко не всѣ принимаются ими съ легкимъ сердцемъ. И успокоившійся на время искатель истины снова отпадетъ отъ церкви, хотя и протестантской, но тѣмъ не менѣе церкви, организаціи, требующей отъ него его подчиненія его духовнаго я—внѣшнимъ правиламъ“.

„Для народа — говоритъ Д. Куликовскій — религіозное чувство котораго всегда наивнѣе и глубже, мистицизмъ является однимъ изъ излюбленнѣйшихъ суррогатовъ, тѣмъ болѣе, что другія средства, доступныя интеллигентнымъ классамъ, для него недоступны. Интеллигентный человѣкъ можетъ уйти въ науку, которой міръ такъ необъятенъ и гдѣ, при извѣстныхъ вкусахъ и условіяхъ, можно такъ хорошо и уютно устроиться. Тамъ громадный міръ явленій развертывается въ своей таинственной эволюціонной перспективѣ, тамъ широкія обобщенія поднялись изъ хаоса явленій, сгустились въ міровые законы и нависли надъ пестрой вереницей и путаницей фактовъ, причинъ и слѣдствій. На этой высотѣ свободно дышется, оттуда видны широкіе горизонты, а человѣкъ, внизу копошащійся, кажется такимъ крошечнымъ, крошечнымъ пигмеемъ, вся житейская суета-суеть ступсевалась и спряталась гдѣ-то за кулисами. Такихъ кулисъ нѣтъ у народа. Но у него есть способность глубоко и наивно вѣровать. За недостаткомъ удовлетворяющихъ земныхъ связей, простой человѣкъ безъ обиняковъ устапавливаетъ связь съ небомъ. Онъ прямо адресуется къ Божеству: „Сойди къ намъ, Господи, въ крестѣ или въ образѣ, чтобы намъ было кому молиться и вѣровать“. Это—голосъ того самаго чувства, которое присуще всѣмъ одинокимъ въ толпѣ. Отсут-

ствіе общественнаго удовлетворенія, недостатокъ органическихъ связей производятъ ощущение какой-то гнетущей пустоты. Одинъ, стремясь уйти отъ этой пустоты, попадаетъ въ кабакъ,—другой ищетъ замкнуться въ заманчивой сферѣ созерцательности. Углубляясь въ себя, человѣкъ начинаетъ сознать и осмысливать то понятіе, гнетущее чувство, внушаемое ему жизнью сверху донизу проникнутой ѣдимъ и разлагающимъ началомъ антагонизма, развивающейся въ мучительномъ процессѣ борьбы, погони за кускомъ ли хлѣба, за крохой ли счастья, за призракомъ ли жалкаго благополучія. Всякъ самъ по себѣ, всѣ вмѣстѣ составляютъ толпу, и всякій въ этой толпѣ одинокъ“... Начинаетъ человѣкъ самоуглубляться и вотъ „сознательность вспрыскиваетъ живой водой ту безсознательную сферу души, гдѣ копошатся несознанныя боли и тревоги, желанья и страсти. Этотъ психическій миръ пробуждается, выдвигается наружу, громко заявляетъ о себѣ—и вотъ уже человѣкъ не одинъ, у него нашелся какой-то кладъ душевный, въ немъ сидитъ какое-то духовное начало, представляющееся ему несомнѣнно живымъ; и чѣмъ бы это начало ни оказалось, ангеломъ ли спадшимъ съ неба, искрой ли Божьей или Св. Духомъ, воплотившимся въ человѣкъ, все равно онъ теперь не одинъ и не въ пустотѣ, онъ въ волшебномъ царствѣ мистицизма, гдѣ сама дѣйствительность является въ фантастическомъ освѣщеніи, гдѣ граница, отдѣляющая ее отъ области фантастики все болѣе и болѣе ступшевывается и человѣкъ получаетъ возможность жить въ мірѣ грезъ, переходя отъ экстаза къ экстазу, въ вѣчномъ возбужденіи, въ вѣчномъ упоеніи. На этой психологической почвѣ и происходитъ то „таинственное воскресеніе“ которое выставляется всѣми мистическими сектами, какъ верховный принципъ. Человѣкъ увлеченъ уже въ ту безначальную обитель, гдѣ уже нѣтъ мѣста обыкновенной человѣческой логикѣ, но нѣтъ и пустоты. Въ этомъ царствѣ мистицизма, населенномъ призраками, чудеса па чудеса нагромодились, тамъ въ мужикахъ самъ Господь обитаетъ, какъ поется въ одной сектантской пѣснѣ:

„Дураки вы дураки,
Деревенски мужики!

Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ“

Достигнувъ этого блаженнаго состоянія, сектантъ характеризуетъ его словами: „я прихожу въ восторги многіе и чувствую воздыханія неизглаголаннныя“.

Яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго мистицизма явилась такъ называемая „хлыстовщина“ (христовщина).

Хлысты или люди Божьи.

Первоначально Богъ сошелъ на землю въ Римѣ и Іерусалимѣ. Съ тѣхъ поръ вѣра Христова сіяла много лѣтъ, но потомъ стала падать и падала триста лѣтъ. Тогда народился антихристъ отъ монашескаго чина (патріархъ Никонъ) и окончательно истребилъ всю вѣру Христову на землѣ. Русскіе же люди все спорили о книгахъ, какія книги приведуть ко спасенію, старыя или новыя. Жилъ въ то время въ Костромской губерніи, въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, святой человекъ Данило Филипповичъ. Былъ перекрещенъ и имѣлъ много старообрядческихъ книгъ. Собралъ онъ всѣ эти книги въ куль и бросилъ въ Волгу. Людямъ же объявилъ, что ни новыя, ни старыя книги не ведутъ ко спасенію, что для этого нужна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная,
Самъ сударь Духъ Святой

Тогда „Божьи люди“ тѣсно соединясь между собою, выбрали изъ среды себя умныхъ людей и послали ихъ на Святое мѣсто. И вотъ пришли святые люди на святое мѣсто, стали молиться и плакать и водѣвать руки къ небу и призывать на землю Самого Бога: „въ крестѣ или въ образѣ, чтобы было намъ кому молиться и вѣровать.“ И вдругъ послышался гласъ съ неба:

„Послушайте, вѣрныя мои!
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облечусь въ нее;
Буду я по плоти человекъ, а по духу Богъ;

Приму я распятый крестъ,
 Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы желѣзныя,
 Пролью слезы горючія,
 Проточу кровь пречистую!
 Станете вы ко мнѣ въ темницу приходить,
 И узы съ меня снимать,
 Десятую денежку подавать.

И вотъ по молитвѣ умныхъ людей совершилось великое чудо: въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, на гору Городину, среди облаковъ, „сокатилъ на огненной колесницѣ самъ Господь Богъ Саваоѣъ. Силы небесныя поднялись обратно на небо, а Господь Саваоѣъ остался на землѣ и вселился въ пречистую плоть Данилы Филипповича, чтобы просвѣтить Русь вѣрой божественной. „И сталъ Данило Филипповичъ „живымъ превышнимъ богомъ“, поселился въ Костромской сторонѣ, пребывалъ въ деревнѣ Старой, проповѣдывалъ вѣру истинную людей Божьихъ. И свѣдалъ про то патриархъ Никонъ, сталъ онъ превышняго бога преслѣдовать, преслѣдовалъ тридцать лѣтъ и поймалъ у Макарія Нижегородскаго. И посадилъ онъ превышняго бога въ темницу темную въ Богоявленскій монастырь. И стала мгла на всей землѣ. И столько была мгла на всей землѣ, сколько сидѣлъ въ темницѣ Данило Филипповичъ. И освободили его и отпустили въ Кострому въ верховную сторону, гдѣ онъ и далъ людямъ двѣнадцать заповѣдей“:

- 1) Я тотъ богъ, который предсказанъ пророками, сошелъ на землю спасти родъ человѣческой, другого бога не ищите.
- 2) Нѣтъ и не ищите другого ученія.
- 3) На чемъ поставлены, на томъ и стойте.
- 4) Храните заповѣди Божіи и будете ловцами вселенной.
- 5) Вина и пива не пейте, блуда не творите.
- 6) Холостые не женитесь, женатые живите съ женами въ посестрѣн (какъ съ сестрами).
- 7) Матерными словами не бранитесь, и даже имени діавола не произносите, а называйте его „врагомъ“.
- 8) На крестины и свадьбы и веселыя бесѣды не ходите.
- 9) Не воруйте. Если же кто хоть копейку украдетъ, то на.

страшномъ судѣ положить ее на темя головы, и когда монета отъ огня расплавится, только тогда получить прощеніе.

10) Вѣру свою содержите въ тайнѣ и никому, ниже отцу родному, ниже отцу духовному, не объявляйте, и ежели придется, то должны вытерпѣть, и огонь, и кнутъ, и топоръ, а о вѣрѣ не объявляйте.

11) Другъ ко другу ходите, хлѣбъ соль водите, любовь творите, Богу молитесь.

12) Духу Святому вѣрьте.

Скоро случилось и еще одно чудо. Въ Муромскомъ уѣздѣ у ветхихъ стариковъ Сусловыхъ родился сынъ. Приходскій священникъ, видя въ этомъ казусѣ что-то недоброе, отказался крестить новорожденнаго, а изъ односельчанъ столѣтняго отца никто не захотѣлъ идти въ крестные отцы. Нашелся одинъ добрый человекъ, самъ окрестившій младенца и назвавшій его Иваномъ. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду Иванъ встрѣтился съ Данилою Филипповичемъ, передавшимъ ему свое божество и научившимъ возноситься на небо. Вскорѣ Иванъ былъ уже окруженъ двѣнадцатю апостолами. Провѣдалъ про все про это «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ съ своимъ сподвижникомъ Никономъ. Послѣ долгихъ допросовъ Иванъ Тимоеевичъ испустилъ свой духъ, былъ похороненъ, но въ ночь съ субботы на воскресенье возродился. Дважды его распали и дважды Иванъ воскресалъ и, наконецъ, былъ отпущенъ на волю.

Такова наивная легенда, пущенная хлыстами о началѣ ихъ ученія. Установить болѣе точныя данныя представляется очень затруднительнымъ уже потому, что правила хлыстовщины вполне опредѣленно запрещаютъ какую-либо письменность относительно самой секты, такъ что свѣдѣнія о первыхъ временахъ ея существованія ограничиваются изустными преданіями, мало, разумѣется, достоверными.

Извѣстный Димитрій Ростовскій, въ своемъ „Розыскѣ о брянской вѣрѣ“—сочиненіи современномъ эпохѣ возникновенія хлыстовщины — рассказываетъ о пропагандѣ Ивана Суслова такъ: „обрѣтается нѣкій мужикъ, его же зовутъ христомъ, и яко Христа почитаютъ, а кланяются ему, яко Христу, но безъ крестнаго знамени. Сказуютъ же того лже-

христа быти турчанина; водить съ собою дѣвицу красноличну, и зоветь ю матерію себѣ, а вѣрующіе въ него зовуть ю богородицею. А дѣвица (или паче рещи блядка) (!) та посадскаго человѣка дочь. Имать же тотъ лжехристосъ и апостоловъ 12, иже ходяще по селамъ и деревнямъ проповѣдуютъ Христа, аки бы истиннаго, простымъ мужикамъ и бабамъ, и кого прельстятъ, приводятъ къ нему на поклоненіе. Той толкъ, глаголемый христовщина, аще и хулить церковь Божию. обаче въ церковь входить, ко св. иконамъ и ко кресту прикладываются и къ іерейскому благословенію приходити не возбраняеть, тако бо христосъ оный ложный вѣрующими въ оныя попускаеть лицемѣрія ради, не осквернить де васъ то, да бысте не познани были“.

Всѣ росказни о сверхъестественной личности Суслова, до сихъ поръ пользующееся громаднѣмъ уваженіемъ у хлыстовъ, его воскресеніи, и т. п. нельзя не разсматривать какъ сплошной мифъ, созданный его учениками. Первымъ официальнымъ источникомъ о дѣятельности хлыстовъ и сути ихъ ученія служить синодскій указъ отъ 7 августа 1734 г. *), гдѣ объявляется, что „явившійся собою разбойникъ Семень Карауловъ доношеніемъ объявилъ, что въ Москвѣ имѣются четыре дома, въ которыхъ де чинятся непотребства, и собираются въ праздники по ночамъ разныхъ чиновъ люди, старцы, старицы, и прочіе, изъ нихъ де нѣкоторые выбираются начальниками, и садятся въ переднихъ мѣстахъ, а прочіе на лавкахъ, и приходя де имъ кланяются въ землю, и цѣлуютъ у нихъ руки и собирая деньги отдають, а другіе де изъ нихъ пророчествуютъ. И по тому его Караулова показанію означенные 78 человѣкъ, въ томъ числѣ старцы и старицы сысканы, и о чемъ надлежало слѣдовано, и по слѣдствію явилось, что у тѣхъ людей наставница была Ивановскаго дѣвича монастыря старица Настасья, да двѣ старицы и старецъ, которые де приходящихъ къ нимъ людей прельщали ложными пророчествами, а вмѣсто причастія Святыхъ Таинъ подавали рѣзанный кусками хлѣбъ а изъ стакана давали пить квасъ а иногда де и воду. И при томъ вѣденіи для извѣстія Святѣйшему Правительствующему Си-

*) См. Полное Собр. Зак. Р. Имп. т. IX, № 6613.

ноду пріобщенъ и экстрактъ, въ которомъ показаны многія богомерзкія чинимыя оными людьми противности... Юрѣва монастыря архимандритъ Андроникъ этой богомерзкой противности объявилъ словесно: въ прошломъ де году въ бытность его въ ростовской епархіи, въ покровскомъ монастырѣ архимандритомъ, увѣдомился онъ города Углича Дмитріевской церкви отъ попа, чрезъ словесной доносъ, о явившихся тогда въ Углицкомъ уѣдѣ еретикахъ, изъ которыхъ де стараніемъ его архимандричимъ въ поимкѣ было больше 20 человекъ... У крестьянина Еремея Бурдаева во дворѣ поймано раскольниковъ мужеска пола 11, женска 10, въ томъ числѣ одинъ московскій отставный стрѣлецъ Прокофій Лупкинъ, и по допросамъ оказалось, что оный Лупкинъ производилъ въ богомерзкихъ своихъ сонмищахъ злое свое ученіе, а именно: называлъ себя яко Христа, а учениковъ своихъ, яко апостолы: и во время де бывшаго у нихъ съ тѣми учениками пѣнія молитвъ, якобы на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ Духъ Святой овогда па двухъ, овогда же на трехъ человекъ, и подымало де ихъ съ лавки, и ходили они де скакуны въ кругъ, по получасу и болѣе и въ то де время клали на столъ калачъ ломтиками и отпѣвъ молитвы, тѣмъ причащались и прочихъ де приходящихъ къ нему всѣхъ училъ той же богомерзкой противности, которые де ему въ томъ и послѣдовали, и при томъ де же говорилъ имъ, якобы тогда уже послѣднее время и есть де антихристъ на земли отъ манашескаго чина, да о послѣднемъ же времени послѣдовавшіе ему ученики слышали еще и отъ другого такого жъ еретика, котораго де тогда также и понынѣ, въ сыску не явилось, что де антихристъ родился отъ манашескаго чина, и какъ де онъ будетъ на морѣ и возометъ Царь-Градъ и будетъ Богомъ.

„По слѣдствію во учрежденной о оныхъ противныхъ собраніяхъ Комиссіи означилось, что въ прошлыхъ годахъ, какъ въ Москвѣ такъ и въ другихъ различныхъ мѣстахъ, таковой богопротивной ереси сонмища ихъ бывали, по которому слѣдствію сыскано, и собою явилось еще сверхъ вышеобъявленнаго числа, разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ людей обоого пола многое число.

„Дознано слѣдующее:

1) Собирались мужескій и женскій полъ съ прилежнымъ укрывательствомъ въ одно нѣкакое мѣсто, и обѣдавъ въ обществѣ, сажались по лавкамъ, по одну сторону мужескій, а по другую женскій полъ, а въ начальномъ мѣстѣ возсѣдалъ оной прелести предводитель, мужъ или жена, якобы по чину пастырскому.

2) Потомъ, взявъ благословеніе у оной предводительной особы съ низкими поклоненіями и цѣлованіемъ руки, по двѣ и по три пары, или и большимъ числомъ, иный мужъ съ мужемъ, иный мужъ съ женою, иная жена съ женою, плясали кругомъ по избѣ, какъ кто могъ высоко подскакивая, и сказывали, что на таковое плясаніе или паче шатаніе поднималъ ихъ Духъ Святой, приводя на то пребезумнымъ развратомъ оное у пророка слово Божіе: вселюся въ нихъ и похожду, что глаголалъ Богъ, обѣщая въѣрнымъ своимъ благодатное свое неотступное присутствіе, ведущее ихъ на путь спасенія, а не къ шальному движенію.

3) Между тѣмъ нѣкіи изъ нихъ палками и цѣпями били себя.

4) А по такомъ бѣшеномъ ихъ бѣганіи, нѣкіи же изъ нихъ иногда мужеска, а иногда и женска пола персоны, будто бы Духомъ Божиимъ движимые, нѣчто и прорицали, или паче безусловные и смѣха достойные враки и росказы произносили.

5) Хулили бракъ законный, уставленный и благословенный отъ самаго Бога, вмѣняя ложе брачное, не сквернымъ отъ апостоловъ или паче отъ Святаго Духа нареченное, въ скверну и въ великій грѣхъ. И того ради, приходящимъ въ собраніе ихъ приказывали, неженатымъ никогда впредь не жениться, а кто женатъ, разводиться съ женами.

6) Составили же себѣ весьма богомерзкою продерзостью и нѣкое проклятое таинство. А именно: принимали и ѣли изъ рукъ предводителейыхъ, мужика или женщины, куски хлѣба и пили квасъ, иногда же и воду, вмѣняя то окаянное за Святое Причастіе съ явственнымъ Святыхъ Христовыхъ въ Евхаристіи Таинъ ругательствомъ и отверженіемъ.

7) Они же твердили между собою, что якобы таковое ихъ собраніе и причащеніе, есть крещеніе, бываемое духомъ, а христіанское наше крещеніе водою во имя Святыя Троицы

совершаемое, которое въ себѣ и духъ заключаетъ, раздирая едино таинство на двое, нарицали простымъ воднымъ, и къ спасенію не довольнымъ крещеніемъ, хулительно блядословля, якобы никто крещенный, преданнымъ отъ Спасителя нашего крещеніемъ, есть ли не восприметъ и вымышленного отъ нихъ мужиковъ крещенія, отнюдь спасенія не получить.

8) Во утвержденіе же толь злосоставнаго своего и душегубительнаго суевѣрія, ввали прельщаемымъ отъ себя человѣкамъ, будто-бы и всѣ древніе Святые Отцы не инымъ, только отъ нихъ употребляемымъ спасалися образомъ, скарედную свою новостъ древнимъ путемъ спасенія безстыдно нарицая.

9) А когда въ таковыя собранія сходились, мало когда въ тотъ же день и съ мѣста того расходъ бывалъ, но всегда почитай всѣ тамъ же и ночевали въ одной избѣ, мужескій и женскій полъ, только сказываютъ, по одну сторону мущины, а по другую женщины, что не малое падало подозрѣніе блуднаго ихъ смѣшенія, когда и одну изъ числа ихъ старицу обличено, и сама въ высокоучрежденной комиссіи винилась, что она съ мущиною той же ереси отъ беззаконнаго совокупленія и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая огнемерзкіе соборы созывала, многія кровати во время слѣдованія надъ келією ея подъ кровлею найдены, и тако они окаянныя, весьма дивнымъ развратомъ въ неискусный умъ пришли, законный бракъ отвергая, а беззаконнаго смѣшенія не отстая.

10) Таковое-жъ по всему скверное свое ученіе и дѣйствіе не устрашились злочестивые и призываніемъ имени Божьяго клятвенно утверждать: ибо всякаго первѣе приходящаго къ нимъ, выставивъ икону, приводили къ присягѣ, дабы клялся что онъ преданіе ихъ, яко весьма благочестивое и богоугодное, пріемлетъ, и никогда отъ того не пріемлетъ, такожь что онъ тайнаго ихъ злодѣянія никому отнюдь не откроетъ, ниже духовному отцу.

11) Исповѣдываться у духовныхъ отцовъ и внѣ ихъ сословія сущихъ, отнюдь не возбраняли, только-бъ никто тайны ихъ, какъ выше упомянуто, не изъявлялъ, такожь и Святого въ церкви Причастія не запрещали, таковъ обычай былъ и у древнихъ манихеевъ, но что не для чего дѣлали, только для вящаго ереси своей укрывательства.

12) Всего же того богопротивнаго ихъ вымысла, не иное у начальниковъ и начальницъ намѣреніе было, какъ только, какъ сами винулись, хитрый воровскихъ прибылей промыселъ, которые они отъ прельщаемыхъ грубыхъ чловѣкъ и получали“.

На основаніи сужденія синода о зловредности секты и ея вдохновителей послѣдовала жестокая расправа съ послѣдними. Признанные менѣ виновными были биты кнутомъ и заточены по монастырямъ, а главари подверглись смертной казни.

Тогда же синодъ „въ предостерегательство, дабы таковой богопротивной ереси участницы и того вѣдателя, ни едина персона внѣ вѣденія не оставалась, и отъ того та ересь не возростала бы болѣе“, испросилъ у императрицы Анны Іоанновны приказъ опубликовать синодскій указъ, предлагавшій лицамъ, сочувствовавшимъ новоявленной ереси, явиться съ повинной къ своему духовному начальству.

А вскорѣ поднялось и другое дѣло о хлыстахъ. Появился новый лжехристосъ, Андреянъ Петровъ, успѣвшій привлечь на свою сторону изрядное количество увѣровавшихъ. Взятая за дѣло страшная тайная канцелярія, привлекая къ слѣдствію 416 обвиняемыхъ въ принадлежности къ хлыстовству, въ томъ числѣ двоихъ священниковъ и одного дьякона. Дыба и батоги заставили подсудимыхъ наговорить на себя Богъ вѣсть что, и въ результатѣ опять кнутъ, тюрьма и ссылка.

Хлыстовскій процессъ 1745—1752 гг. является послѣднимъ замѣтнымъ фактомъ въ исторіи хлыстовщины. Съ теченіемъ времени хлыстовство все болѣе и болѣе заползаетъ въ подполье, углубляя свою доктрину и мало заботясь о расширеніи прозелитизма, предоставивъ это выдѣлившемуся изъ его среды крайнему элементу, извѣстному подъ именемъ скопчества и притянувшему на себя всю бдительность духовной и свѣтской власти, и тѣмъ отодвинувшему на задній планъ хлыстовщину.

Изъ дѣятелей и организаторовъ хлыстовщины наиболѣе очерченными являются „христы“ Копиловъ, Савицкій и особенно популярный пророкъ Радаевъ.

Копиловъ реформировалъ хлыстовщину уже тѣмъ, что всачески боролся съ введеннымъ Даниломъ Филипповымъ — хлыстовскимъ Саваоомъ — догмою о необходимости отказаться отъ „наученія книжнаго“. Копиловъ явился въ этомъ отношеніи

уже прогрессистомъ, сторонникомъ просвѣщенія. Имъ же развито ученіе о покаяніи и введенъ обрядъ крещенія.

Второй „христосъ“—отставной штабсъ-капитанъ Савицкій,—провозгласилъ себя антихристомъ, толкуя при этомъ послѣднее понятіе въ томъ смыслѣ, что антихристъ не есть противникъ Божій, но означаетъ совсѣмъ противоположное, именно: „агнецъ-крестъ“.

Гораздо болѣе замѣчательнъ Радаевъ, талантливый и начитанный распространитель идей хлыстовщины, человекъ непоколебимо вѣровавшій въ непреложность духовнаго христіанства, личность настолько свѣтлая, что священникъ Минервинъ, приставленный къ Радаеву въ цѣляхъ возвращенія того въ лоно церкви, не могъ не признать, что его „ученіе состоитъ въ чистотѣ, самоотверженіи, преданности и униженіи“, а „дѣйствія его оболыщенія столько сильны, что оными пораженное сердце впадаетъ въ крѣпкое страданіе тоски, и не могутъ они (хлысты) переносить съ нимъ разлуки, если же удерживаются страхомъ наказанія или какой-бы то ни было строгостью воспрещенія отъ свиданія съ нимъ, то впадаютъ въ какое-то безуміе и начинаютъ юродствовать“.

Дальнѣйшая судьба Радаева неизвѣстна. Вѣроятно же всего, конечно, что онъ провелъ остатокъ своей жизни гдѣ-нибудь въ заточеніи. По характеристикѣ Н. И. Барсова, Радаевъ въ своихъ писаніяхъ является для хлыстовщины тѣмъ, чѣмъ для безповщины былъ знаменитый авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ Денисовъ, т. е. ученымъ систематизаторомъ догмы, особенно рельефно отразившимся въ ученіи о таинственномъ воскресеніи, составляющемъ субъективную черту хлыстовщины ея особую притягательность для мистически-настроенныхъ лицъ.

Съ догматикою хлыстовщины мы уже познакомились по 12 заповѣдямъ, даннымъ „саваоомъ“—Давилою Филиповымъ, ясно и опредѣленно заявившимъ себя Богомъ. Вотъ наиболѣе характерный пунктъ хлыстовщины—стремленіе видѣть своего живого Бога, осязать, его не довольствуясь однимъ представленіемъ, идеею Божества Догматъ о единоличности Бога еще при жизни Филиппова подвергся видоизмѣненію въ томъ смыслѣ, что понадобился воплотившійся сынъ Божій—Христосъ. Въ

хлыстовской пѣснѣ, относящейся къ концу XVII в., такое догматическое новшество уже нашло себѣ отраженіе:

„Какъ у насъ было на семь свѣтѣ, во святой Руси,
 Въ славной матушкѣ—каменной Москвѣ,
 Во Мѣщанской третьей улицѣ,
 Не два солнышка скатились,
 Тутъ два гостя ликовалися:
 Гость Данила Филипповичъ
 Гость Иванъ сударь Тимоѣевичъ.
 Въ одно они мѣсто соединилися,
 Другъ другу поклонилися“...

Также очень рано къ божественному лику былъ сопричисленъ и Святой Духъ, называемый хлыстами „краснымъ солнышкомъ“. Вся божественная Троица постоянно пребываетъ на седьмомъ небѣ.

Богъ-Отецъ или Саваоѣ признается безспорнымъ творцомъ міра, какъ на это указываетъ хлыстовскій напѣвъ: „я люблю, люблю, люблю Саваоѣ въ небеси. . . . я за то его люблю, небо, землю сотворилъ“. Къ его личности хлысты преисполнены глубокаго благоговѣнія, съ почтеніемъ вслушиваясь во все, что „писали св. ангелы отъ его свѣтла лица“.

Христосъ въ возрѣніяхъ хлыстовъ, ничуть не удаляется отъ общехристіанскаго пониманія Его личности, съ тою только разницею, что сектантскій эпосъ надѣляетъ его качествами, видимо заимствованными изъ былинъ, часто рисуя Его въ видѣ „золотого сокола, у котораго крылышки съ брилліантами, съ алмазными камнями драгоцѣнными, съ перышками, унизанными крупными жемчугами, съ соловушкомъ (св. духомъ) въ сердцахъ и т. п.

Св. Духъ по божественному достоинству равенъ Саваоѣу и Христу, составляя купно съ Ними нераздѣльную Троицу, утѣшая, исцѣляя страждущихъ, укрощая злую силу. „Ты пролей, пролей благодать свою—молится хлысть—благодать свою первожданную, первозданную—первозванную“.

Въ хлыстовскихъ пѣсняхъ Св. Духъ фигурируетъ иногда и подъ именемъ „голубя“—птицы кроткой и святой.

„Ай гулюшка голубокъ,
 Куда разумъ твой глубокъ,
 Птица райская, гуркунокъ!
 Когда птицею гуркуешь,
 Все про царствіе толкуешь,
 Ты про царство про небесно
 И про рай про блаженный.
 Повелѣньемъ все творишь,
 Христокъ воскресъ! говоришь,
 Лѣпость творить не велишь *).
 Въ страхѣ всѣмъ пребывать,
 Завсегда, сударь велишь.
 Всякій часъ, всяку минуту
 Благодатью ты владаешь,
 Всей вселенной управляешь,
 Невидимо тамъ бываешь **),
 Гдѣ въ смиреньи пребываютъ,
 Горьки слезы проливаютъ,
 И гдѣ просьбы гадаютъ,
 Тамъ сошествіе творишь,
 Ко избраннымъ говоришь,
 Глаголь тихій изливаешь
 Все тайное открываешь,
 Впередъ тайное прорекаешь
 Соколомъ туда летаешь,
 Внутри дышетъ теплота“.

Божественная Троица постоянно сопутствуема небожителями, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ Богородица, занимающая въ догматикѣ хлыстовщины видное мѣсто, „она пресвѣтлая свѣтила всю вселенную освѣтила, рай блаженный растворила, скуку злую затмила.

Все пребывающее на небесахъ свято, безгрѣшно, идеально и совершенно противоположно утопающей въ грѣхахъ землѣ. Чтобы стать просвѣтленнымъ, человѣку нужно умереть и таин-

---

*) Лѣпостью сектанты мистическаго направленія чаще всего называютъ вообще половое чувство.

**) То-есть на богослуженіяхъ хлыстовъ.

ственно воскреснуть; это существенный пункт хлыстовской доктрины и, наиболее притомъ своеобразный.

Говоря о „таинственной смерти“, хлысты разумѣютъ состояніе безстрастія и святости. „Смерть о Христъ“ состоитъ въ умерщвленіи своей воли, эгоистическихъ наклонностей, полномъ подавленіи физическихъ инстинктовъ. Умеревъ такимъ образомъ, человѣкъ „погребается о Христъ“, т. е. старается отрѣшиться отъ всего земного, и углубиться въ тайники своей души, гдѣ всегда теплится искорка Духа Божія и „спогребшійся“ Христу находится на вѣрномъ пути къ духовному воскресенію. Важнымъ подспорьемъ здѣсь служитъ „молитва Иисусова“. „Первая добродѣтель — указываетъ Радаевъ—вниманіе, т. е. храненіе сердца отъ всякаго неблагогоднаго помысла, съ молитвою Иисусовою, непрестанно, непрерывно, паче дыханія, вопити молитву: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго“, въ тайнѣ сердца, ходя, сидя, лежа, за трапезою, за рукодѣліемъ, путешествуя, крайне сказать — какъ дышешь, всегда и во всяко время, вопи сію молитву—и будетъ душа твоя равноапостольна“. Путемъ такого постояннаго, методическаго гипнотизированія своей воли, сосредоточенія всего мышленія въ одномъ фокусѣ, должно и можетъ получиться въ концѣ-концовъ какъ-бы перевоплощеніе въ Христа, гармоническое исчезновеніе души молящагося въ божественной благодати, умираніе отъ грѣха, „обнаженіе всего тварнаго, земного, естественнаго“.

Слѣдующая ступень къ идеальному самоусовершенствованію заключается въ „отверженіи себя отъ всего“. Это не легко. Человѣкъ не только долженъ забыть о самолюбіи, но и совершенно игнорировать всѣ свои способности, всѣ законы и предписанія, и подчиняться исключительно мановенію Духа, „въ какомъ-бы видѣ онъ не проявился, покоемъ - ли, страданіемъ-ли“. „Да обнажусь — совѣтуетъ Радаевъ — богатства, славы, чести, разума, памяти, приобрѣтеннаго просвѣщенія, всей собственности своей, ничего не желати, но единой воли Божіей, что она устроитъ и даруетъ“.

„Смиряться, мои братья, предъ Богомъ и людьми—его же дальнѣйшія наставленія—никто такъ Богу не любезенъ, какъ смиренный человѣкъ, никто такъ Богу не противенъ, какъ

гордый... Кто хочет наполниться изобильнѣе Духа Святого, тому должно не на труды и подвиги себя нудить, не на постъ, но стараться болѣе и болѣе себя умалить и смирить предъ Богомъ и людьми всѣмъ“:

Достигшій всего этого испытуемый становится уже мертвецомъ, и воскрешается къ новой жизни Духомъ Святымъ. „Духъ, когда вселится въ человѣка—то многіе явные знаки покажетъ сначала личные того ради, чтобы человѣкъ узналъ ясно, что Духъ имъ дѣйствуетъ“. Это *извѣстіе* Божіе или движеніе Св. Духа внутри таинственнаго мертвеца обыкновенно совершается во время молитвеннаго настроенія. „Передъ тѣмъ, какъ нисходитъ Духъ Святой, чувствуется затмѣніе ума, и стѣсненіе въ груди“ *). Со времени таинственнаго воскресенія человѣкъ совершенно безотвѣтствененъ за свои поступки, какъ лишенный своей воли. „Сила во мнѣ дѣйствующая—признается хлысть—не даетъ покоя ни днемъ ни ночью, водить меня туда и сюда, никогда эта сила не дастъ ни ѣсть, ни пить, ни итти, куда мнѣ хочется, иногда поведетъ куда и поставитъ на мѣсто. Такой „таинственно воскресшій человѣкъ“ совершенно отличенъ отъ прочихъ. Душа его, вмѣстившая въ себя Бога, обладаетъ всѣми добродѣтелями, въ ней „любовь къ Богу и брату своему великая, смиреніе и смиренномудріе и смиренномудріе глубокое, вѣра и преданіе къ Богу чистое, беззлобіе безамѣрное; безчестіе любитъ паче всего и хулу и гоненіе; молитва въ немъ Иисусова паче дыханія; страсти утолены, помыслы очищены, похоть плотская вовсе исчезла и увяла; радость и сладость, и умиленіе неизрѣченное въ сердцѣ его всегда непрерывно кипятъ“. „Пророкъ“ такой „видъ необыкновенный показываетъ, дѣлается обрадованнымъ, чистымъ, такъ что нельзя смотрѣть, хотя впрочемъ не во всякое время видъ этотъ показывается на лицѣ его“.

Подъ руководствомъ подобнаго пророка совершается и хлыстовское богослуженіе, такъ называемое „радѣнье“, на которое собирается вся община или „корабль“, всегда не многочисленный, ибо хлысты не терпятъ особаго скопленія людей, пред-

---

*) Ср. съ анализомъ эпилептического припадка, сдѣланнымъ княземъ Мышкинымъ въ «Идіотѣ» Ф. М. Достоевскаго.

почитая дробленіе на болѣе мелкія и совершенно независимыя другъ отъ друга единицы. Всѣ присутствующіе одѣты обязательно въ длинныя бѣлыя рубахи, подпоясанныя бѣлыми поясами, у женщинъ на ногахъ бѣлыя чулки.

Наставникъ — „кормщикъ“ или наставница, — кормщица“, провозглашаетъ:

„Дай намъ, Господи, Иисуса Христа!
 Дай намъ, сударь, Сына Божія,
 И помилуй, сударь, насъ!
 Сошли намъ Духа Святого, утѣшителя!
 Пресвятая Богородица! упроси свой свѣтъ, объ насъ
 Свѣта сына твоего, Бога нашего,
 Свѣтъ тобой спасенъ, Государь, души нашей,
 Безъ тебя, мой свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
 На сырой землѣ, на матушкѣ,
 На сударынѣ-кормилицѣ“.

Пропѣта всѣми эта призывная молитва и кто-нибудь изъ участниковъ „радѣнья“, уже заранѣе намѣченный „ходить въ словѣ“, иначе говоря, пророчествовать, начинаетъ сосредоточенно ожидать, пока не „накатитъ духъ“. Почувствовавъ его „приближеніе“ пророкъ быстро начинаетъ разуваться, а радѣльщики снова начинаютъ тотъ же напѣвъ, но теперь уже въ болѣе ускоренномъ темпѣ. Пророкъ, всхлипывая, кружится по комнатѣ, тихо бормоча про себя, потомъ захватываетъ въ горсть воды и кропитъ по стѣнамъ, чтобы „корабль“ не загорѣлся, т. е. не подвергся вообще какой-либо напасти. Всѣ встаютъ и, благоговѣйно глядя на „сподобившагося“, крестятся, а тотъ, все повышая голосъ, провозглашаетъ слѣдующее:

„Ахъ мой батюшка, отецъ—да,
 Ты услыши меня—да,
 Ты небесный вѣдь творецъ—да,
 Ты мой то вѣдь глава—да,
 Благослови-кась ти меня—да,
 Своего вѣдь раба-то—да,
 Въ золоту трубу трубить—да,
 Въ небесный колоколець—да,

На святомъ кругу звонить—да,
 Что могу я для тебя—да,
 Ну, мой батюшка родной—да,
 Научи же ты меня—да,
 Твое слово проповѣдать—да,
 А вы-ль други-ль мои—да,
 Вы меня то вѣдь простите—да,
 Умолите вѣдь его то—да,
 Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да,
 Ужь за насъ то вѣдь сиротъ—да,
 Упросилъ бы изъ рая—да,
 У небеснаго царя—да,
 Ужь вѣдь птицу сокола—да,
 Что вѣдь духа то вѣдь свята—да,
 Ужь и къ намъ то ли сюда—да,
 Утѣшителя благого—да,
 Ужь я вижу чудеса—да,
 Что всходились облака—да,
 Всколебались небеса—да,
 Отворяетъ намъ владыка—да,
 Ужь небесную-то дверь—да,
 Наливается сосудъ—да,
 Ужь вѣдь Божьей ли рукой—да,
 Что катитъ вѣдь съ неба судъ—да,
 Стойте всѣ вы да вѣдь со страхомъ—да,
 Дарить вѣдь хочеть отецъ—да,
 Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да,
 Только богу мнѣ служите—да,
 Вы имѣйте чистоту—да,
 Что вѣдь дѣвство то вѣдь святое—да,
 Не своимъ да вѣдь умомъ—да,
 Ужь вамъ вѣдь други говорю—да,
 А все божьимъ то вѣдь судомъ—да...,

Продолжительность и содержательность подобнаго рода импровизаціи зависятъ, конечно, отъ большого или меньшаго дара рѣчи лица, сообщающаго „судьбу“.

Наиболѣе важное въ „радѣньи“—это самый процессъ ска-

канья или верченья на одномъ мѣстѣ, путемъ котораго искусственно вызывается полу-одурманенное, близкое къ опьявѣнью, состояніе, во время котораго хлысты, по ихъ увѣреніямъ, проникаются святымъ духомъ.

Радѣнья подраздѣляются, по своему выполненію, на три категоріи: круговое, корабельное и крестное.

Въ первомъ случаѣ составляются два круга, въ родѣ хороводовъ, одинъ изъ мужчинъ, другой изъ женщинъ. Хлопая себя по ногамъ, оба круга начинаютъ бѣгать по комнатѣ, мужчины противъ солнца, женщины по солнцу. Запыхавшись отъ круженья, радѣльщики немного пріостанавливаются и, чуть-чуть отдохнувъ, начинаютъ опять кружиться, но теперь уже въ одиночку, мужчины на правую руку, женщины на лѣвую, и непременно на одномъ мѣстѣ, какъ бы поворачиваясь вокругъ оси, которую изображаетъ пятка правой ноги, а лѣвая балансируетъ въ воздухѣ. Пророкъ или пророчица — хлысты въ этомъ отношеніи являются ревностными поборниками женской эмансипаціи—подбадриваютъ кружащихся словами „плотей не жалѣйте, Марфу не шадите“ (?).

Круженье сопровождается пѣніемъ, рѣзкій и быстрый тонъ котораго съ голосовыми фіоритурами, производятъ впечатлѣніе дѣйствительно жуткое на человѣка посторонняго, свѣжаго наблюдателя — а таковые бывали—какъ-будто онъ попалъ въ общество людей, одержимыхъ психопатическимъ недугомъ.

Чаще всего хлысты поютъ:

Какъ не золотая трубушка жалобненько вострубила,
 Ой да жалобненько, жалобненько,
 Возставали, заходили тучи грозныя.
 Соберемтесь-ка мы, братцы, во единъ соборъ.
 Мы посудимте, порядимте таку радость:
 Ужъ вы вѣрные, вы избранные,
 Вы не знаете про то, вы не вѣдаете,
 Что у насъ нынѣ на сырой землѣ понадѣялось:
 Катаетъ у насъ въ раѣ птица,
 Она летитъ,
 Въ ту сторону глядитъ,
 Да гдѣ трубушка трубитъ,
 Гдѣ самъ Богъ говоритъ:

Ой Богъ! ой Богъ! ой Богъ!
 Ой духъ! ой духъ! ой духъ!
 Накати, накати, накати!
 Ой ега, ой ега, ой ега!
 Накатиль, накатиль
 Духъ святъ, духъ святъ!
 Царь духъ, царь духъ,
 Разблажился,
 Разблажился,
 Духъ святъ, духъ святъ!
 Ой горю, ой горю,
 Духъ горить, богъ горить,
 Свѣтъ во мнѣ, свѣтъ во мнѣ,
 Ой горю, горю, горю,
 Духъ, ой ега, ой ега,
                                 Евое
 Духъ свой, духъ свой, духъ свой.

По этой пѣснѣ можно наглядно судить о постепенномъ нарощеніи энтузіастическаго эффекта среди радѣльщиковъ, нервно взвинченныхъ и готовыхъ каждое слово, срывающееся съ устъ какого-либо наиболѣе впечатлительнаго и подающагося общему настроенію субъекта, принять за непреложную истину, полную глубокаго мистическаго смысла.

Круговое радѣнье продолжается до тѣхъ поръ, пока радѣльщики не вспотѣютъ такъ, что хоть воду изъ рубашки выжми. Тогда, послѣ короткаго отдыха, переходятъ къ корабельному радѣнью, т. е. образуется эллипсисъ и радѣльщики бѣгаютъ другъ за другомъ, потомъ оборачиваются лицомъ другъ къ другу и подпрыгиваютъ на пальцахъ по направленію съ сѣвера на западъ, съ востока на югъ.

Въ крестномъ радѣннѣ мужчины и женщины становятся по угламъ и быстро-быстро мѣняются мѣстами.

Въ доказательство обоснованности своихъ радѣній „люди Божьи“ обыкновенно ссылаются на то мѣсто въ Откровеніи Іоанна Богослова, гдѣ говорится, что „они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами, и никто не могъ научиться сей пѣснѣ, кромѣ сихъ

ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это суть тѣ, которые не осквернились съ женами, ибо вино дѣственники“ (Апок. 14, 34). Подъ конецъ радѣнья, когда, по мнѣнію „людей Божьихъ“, Духъ Святой въ достаточной степени „накатилъ“ на „кормщика“ или „кормщицу“, смотря по „кораблю“, выступаетъ тотъ или другая, препоясанные бѣлымъ полотенцемъ—знаменемъ, по хлыстовской терминологіи—и, поклонившись иконамъ,—хлысты послѣднія не отвергають—произносить параспѣвъ:

„Благослови, мой государь,
Благослови, батюшка, родной,
На кругъ твой стать,
Изволь мной святымъ Духомъ завладѣть“.

Радѣльщики опускаются на колѣни и благоговѣнно выслушиваютъ такъ называемую „общую судьбу“ или пророчество, касающееся всего корабля и степень правдоподобности котораго опять таки находится въ прямой зависимости отъ фантазіи „пророка“; чаще всего это бываетъ игра словъ или же эквилибристика рѣчами, въ родѣ того, напримѣръ: „Я, возлюбленные, саваоѣ, вамъ скажу, въ сердца ваши благодать вложу, покровомъ васъ закрою, и отъ злыхъ звѣрей закрою Я, Богъ, васъ награжу, и хлѣбушка на весну вамъ урожу. Я, св. Духъ, васъ защищу и сюда никакихъ враговъ не допущу. Я, Богъ, благодать вамъ съ седьма неба принесу, и всю вселенную потрясу. Вы живите, возлюбленные, какъ птицы, какіе не попадутъ на сердце къ вамъ спицы. Я васъ, возлюбленные, защищу и до явнаго острога не допущу. Я васъ не оставлю и ко всѣмъ къ вамъ ангеловъ приставлю и отъ всѣхъ то злодѣевъ васъ избавлю. Я вѣдь вами много дорожу и явной казней васъ награжу. Я сошлю васъ съ седьма неба манну, что не узнаеть объ ней никакая и Анна. Если на васъ надѣвуть пути, я велю ихъ долой столкнуть“.

Затѣмъ слѣдуютъ частныя предсказанія по адресу отдѣльных корабельщиковъ, того же неопредѣленнаго характера, и нерѣдко „пророкъ“ отъ усиленнаго разговора приходитъ въ такое изнеможеніе, что совсѣмъ ужъ невнятно выговариваетъ слова, и это опять объясняется воздѣйствіемъ Св. Духа.

Радѣніе заканчивается общимъ пѣніемъ молитвы:

„Царю, свѣтъ небесный, милосердый нашъ Богъ,
Упованіе Божіе, прибѣжише Христово
Покровитель святъ Духъ въ пути!
Богъ съ нами, съ нами Богъ и надъ нами,
За нами, предъ нами! Сохрани насъ, Господи,
Отъ злыхъ отъ злодѣевъ, отъ лихихъ іудеевъ“.

Въ особо важныхъ случаяхъ, при приѣмѣ въ общину новыхъ членовъ, въ такъ называемомъ годовомъ радѣніи, богослуженіе сопровождается цѣлованіемъ голаго колѣна (?) пророчицы, а самое моленіе обязательно затягивается до полуночи, и тогда радѣльщики обнажаютъ себя по поясъ, и начинается взаимное бичеваніе „святыми жгутиками“, то есть скрученными полотенцами, и хороводное радѣніе совершается вокругъ чана съ водою подъ напѣвъ:

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу,
Сниди къ намъ Христе, со седьмого небесе,
Походи съ нами, Христе, во святомъ во кругу,
Сокати съ небесе, сударь, Духъ святой.

Хлыстамъ же инкриминируется практикованіе „свальнаго грѣха“, то есть беспорядочнаго полового сближенія и различнаго изувѣрства при выборѣ „богородицы“. Разумѣется, къ подобнымъ обвиненіямъ нельзя не относиться не скептически, памятуя, что они исходятъ изъ лагеря такихъ непримиримыхъ гонителей раскола принадлежностью къ которому заявилъ себя хотя бы извѣстный казенный изслѣдователь раскольничьяго быта беллетристъ Мельниковъ, Оставляемъ всецѣло на его совѣсти достовѣрность нижеслѣдующаго разсказа:

„Въ хлысты, въ богородицы, въ пророки выступаютъ не по выбору, а, такъ сказать, по вдохновенію. Привлекается въ корабль молодая дѣвушка чистой жизни. Если замѣчаютъ, что на нее сильно дѣйствуютъ тѣлодвиженія, употребляемая при радѣніяхъ, а еще лучше, если и безъ радѣній случаются съ нею припадки въ родѣ истерики, при чемъ она впадаетъ въ безпамятное изступленіе („кликуша“ по народному названію), то на нее начинаютъ смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на „избранный

сосудъ“. То же самое и относительно мужчинъ. Черезъ нѣкоторое время, когда молодая дѣвушка участвуетъ въ „бесѣдѣ“, подходитъ къ ней „пророчица“ и начинаетъ ее соблазнять:

„Молодая ты, юница,
 Богу милая пѣвица,
 Чистая отроковица,
 Красная дѣвица,
 Полюбилъ тебя Богъ,
 Самъ Господь Саваоѣ.
 Благословенна ты въ женахъ,
 Родишь спаса въ пеленахъ,
 Въ золотыхъ во теремахъ.
 Люди Божьи тебѣ помолятся,
 Всѣ цари, короли поклонятся;
 Будешь ты святая юродница,
 Матушка прѣсвятая богородица,
 Отъ тебя Христось народится,
 Дай намъ прсчистымъ тѣломъ твоимъ причаститься.

„Дѣвушка сначала и сама не знаетъ, что это означаетъ, но черезъ нѣсколько времени начинаетъ понимать, что ее возводятъ въ величайшій для женщины санъ хлыстовъ, въ санъ богородицы.

„Старыя пророчицы снимаютъ ея одежды и раздѣтую сажаютъ на возвышенное мѣсто подъ образа. Начинается обожаніе. Новой богородицѣ съ крестнымъ знаменіемъ кланяются въ землю и прикладываются, кто къ ногѣ, кто къ рукѣ, кто къ груди, называютъ богородицей, царицей небесной, молятся ей и просятъ сподобить причаститься ея тѣла, а когда отъ духа свята у нея „христосикъ“ родится, причаститься и его животворящей кровью.

„Новая богородица на этой же бесѣдѣ или черезъ нѣсколько времени на другой, радѣетъ, припѣвая:

„Я люблю, люблю дружка
 Саваоѣ на Небесахъ.
 Ей, ей люблю!
 Ей, ей люблю!“

„Радѣніе продолжается... Быстрѣй и быстрѣй всѣ вертятся... Все оканчивается „Христовой любовью“..“

„Съ этой поры корабль, воздавая избранной дѣвушкѣ божескія почести, поетъ, обращаясь къ ней на радѣніяхъ, похвалу богородицы:

„Въ чистомъ полѣ, при дорожкѣ стояла свѣтлица, это свѣтлая свѣтлица дѣвственное тѣло, краснѣй солнца, свѣтлѣй свѣта, бѣлѣй снѣга“ и т. д.

Ее дарятъ различными вещами, а когда прислуживающія ей пророчицы и „праведныя“ замѣтятъ, что она беременна, собираютъ корабль и совершаютъ обрядъ причащенія тѣломъ богородицы.

„Для этого среди горницы ставятъ чанъ съ теплою водою. Богородица сначала радѣетъ, какъ и другіе, потомъ ее раздѣваютъ и сажаютъ на престолъ подъ иконы. Послѣ обожанія, пророчицы ведутъ ее къ чану, сажаютъ туда и даютъ въ руки икону нерукотвореннаго Спаса, которую она держитъ надъ головою. Вокругъ чана весь корабль радѣетъ. Наконецъ, одна изъ пророчиць отрѣзываетъ у ней лѣвую грудь и прижигаетъ рану каленымъ желѣзомъ. Отрѣзанную часть тѣла рѣжутъ на деревянномъ кружкѣ на кусочки и причащаются ими.

„Если отъ изуродованной такимъ образомъ дѣвушки родится дѣвочка, ее отдаютъ матери и эта дѣвочка впослѣдствіи обыкновенно сама дѣлается богородицей или пророчицей. Но если родится мальчикъ, онъ считается сыномъ божіимъ и называется „христосикомъ“. На восьмой день его закалываютъ въ лѣвый бокъ такимъ же копіемъ, какое употребляется въ церквахъ, пронзаютъ ему сердце и причащаются горячею кровью. Тѣло сушатъ и превращаютъ въ порошокъ, съ которымъ послѣ пекутъ калачи, коими и причащаются вмѣстѣ съ водою“.

Подобный анекдотъ изъ „Ундольфскихъ тайнъ“ или т. п., принадлежитъ, конечно, къ числу несомнѣннѣйшихъ инсинуацій, схожихъ съ приписываемыми евреямъ такъ называемыми „ритуальными убійствами“ въ цѣляхъ полученія крови христіанина, нужной имъ для совершенія якобы пасхи. Впрочемъ и самъ Мельниковъ не могъ доказать правдивость своего сообщенія, глухо ссылаясь на признаніе „одного хлыста“. Крайне

жаль, что полное отсутствіе хлыстовской литературы и скудость вообще объективных свѣдѣній о бытѣ хлыстовщины, не надѣленныхъ специфическими качествами, лишаетъ возможности ближе ознакомиться съ внутренними распорядками среди полныхъ таинственности и угрюмо въ себя замкнутыхъ „людей Божьихъ“, насчитывающихъ за собою два съ лишнимъ столѣтія, что уже доказываетъ ихъ несомнѣнную жизненность.

Толковать или критиковать такой феноменъ кривизны полета взвинченной русской мысли, какъ христовщина, представляется дѣломъ весьма таки затруднительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ критеріемъ подойдете вы къ анализу трудно разрѣшимой психологической загадки о составныхъ элементахъ экстаза. А изъ послѣдняго то именно матеріала и строятся мистическіе „корабли“ восторженныхъ пловцовъ по бурному морю житейской неправды.

„— Мы не ошибемся, кажется,—вѣско замѣчаетъ извѣстный историкъ и публицистъ Д. Н. Куликовскій—если станемъ искать источника экстаза у радѣльщиковъ не въ чемъ иномъ, какъ въ ритмѣ, заключающемся въ пляскѣ и въ пѣніи, и если опредѣлимъ экстазъ, какъ *результатъ воздѣйствія ритма движеній пѣнія или музыки на нервную систему чловѣка*. Опредѣлить ближе и выяснитъ это воздѣйствіе,—это ужъ дѣло физиологовъ и психологовъ-спеціалистовъ. Но самое то явленіе, самый фактъ существованія связи между ритмомъ и экстазомъ можетъ быть кажется довольно прямо установленъ на данныхъ изъ исторіи культуры, религій и языка. Если мы взглянемъ въ жизнь, насъ окружающую, если мы постараемся вникнуть въ тѣ психическіе процессы, которые развертываются въ насъ самихъ, намъ не трудно будетъ найти въ нихъ несомнѣнные признаки и элементы экстатическихъ состояній.

„Вообразите, что вы попали на балъ, но не танцуете, а забившись въ уголь, наблюдаете оттуда въ качествѣ посторонняго наблюдателя, развертывающуюся передъ вами картину общаго веселья. Стройно, подъ тактъ музыки, проходятъ пары, бѣшено, но отнюдь не покидая того же такта, кружатся они и галопируютъ. Наблюдая эти кружащіяся фигуры, эти такъ искусно галопирующія одна около другой пары, это общее оживленіе и водоворотъ танца, отнюдь не переходящее въ

простую сутолоку, но въ самомъ разгарѣ соблюденіе ритмъ и тактъ, наблюдая эти оживленные лица и горящіе глаза, воодушевленные однимъ и тѣмъ же чувствомъ, наконецъ, слѣдя за возникновеніемъ этого чувства, подѣ воздействиемъ музыки съ ея ритмами, бальнаго освѣщенія, бальныхъ костюмовъ, встрѣчающихся глазъ и магнетизма ритмическихъ движеній, вы въ своемъ углу придете къ убѣжденію, что предъ вами развертывается картина экстаза. На балу мы находимъ совокупность тѣхъ самихъ факторовъ, которые дѣйствуютъ и на радѣньяхъ „людей божьихъ“,—за вычетомъ мистической вѣры, которая сама по себѣ не можетъ еще произвести экстаза... Тѣ случаи, когда мистики приходятъ въ экстазъ путемъ напряженнаго молчанія и сосредоточеніемъ вниманія на извѣстномъ пунктѣ или мысли, представляютъ песомнѣнную аналогію съ тѣмъ психическимъ возбужденіемъ, которое имѣетъ мѣсто, на примѣръ, въ театрахъ или публичныхъ собраніяхъ, гдѣ всѣ хранятъ напряженное молчаніе и всѣ взоры устремлены на сцену или на кафедру, при чемъ въ головахъ сотенъ или тысячъ людей возникаютъ одни и тѣ же представленія“.

На хлыстовщину отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на случайныя собранія неуравновѣшенныхъ людей, связанныхъ между собою потребностью другъ въ другъ для переживанія моментовъ остраго напряженія нервныхъ центровъ, и придавшихъ религіознымъ запросамъ форму чуть-ли не патологическаго соприкосновенія съ областью половыхъ вождѣленій, какъ это силится доказать нѣкоторые усердные дѣятели такъ пазываемой русской богословской школы. Хлыстовщина жила не „свальнымъ грѣхомъ“, существованіе котораго сильно отзывается апокрифичностью, не цѣлованіемъ голаго колѣна „рослой, дебелой дѣвки“, а высокими идеалами, плохо формулированными, но практически проведенными въ соціологическую жизнь секты. Хлысты прекрасно усвоили грѣбмадный принципъ теократическаго царства на землѣ, зиждущійся на мистическомъ единеніи „людей Божьихъ“. Всѣ существующія организаціи соціологическаго характера, должны по ихъ убѣжденіямъ, уступить мѣсто союзу подданныхъ Бога-Духа. Хлыстовство задается яркою задачею эмансипировать челоуѣчество отъ тяжелыхъ путъ, наложенныхъ вѣками тенмаго

прошлаго, оно гонить и уничтожаетъ семью, запрещаетъ бракъ въ смыслѣ моногамическаго института, возводитъ женщину въ высокій санъ матери бога и острымъ, мозгъ и душу пронзающимъ блаженствомъ, одухотворяетъ служеніе Богу, вѣритъ ему глубиною помысла и страстно лобзаетъ вявь. Секта живетъ уже два съ лишнимъ столѣтія и проживетъ еще долго, ибо корнями своими ушла въ землю, служа прямымъ продолженіемъ античныхъ такъ называемыхъ эпоническихъ культовъ, проновѣдующихъ поклоненіе плодородію, началамъ зарожденія новой жизни, благоговѣніемъ предъ материнствомъ. Люди Божьи считаютъ „скверною“ бракъ, какъ ярмо, приковывающее мужчину къ женщинѣ, изсушающее ихъ обоихъ, склонность замѣняющее обязанностью, но чтятъ женское обаяніе, и далеко шагнули впередъ по сравненію съ другими вѣроисповѣдными теоріями, отведя женщинѣ чуть-ли не первое мѣсто въ своей религіозной практикѣ. Лжебогородица, которая обязательно должна быть при каждомъ хлыстовскомъ кораблѣ, выбирается въ зависимости отъ ея физической привлекательности и моральнаго вліянія, чтобы не стыдно и не тяжело было отдаться въ ея волю. Перечтите талантливое произведеніе Захаръ-Мазоха „Пророчица“—открывшее новую страницу исторіи психо-сексуальныхъ аффектовъ—и многое въ экстатическихъ наклонностяхъ хлыстовъ станетъ вамъ понятно. Отрѣшитесь отъ предвзятой мысли, что допускаемая хлыстами свободная любовь есть распутство, громимое строгими моралистами, забудьте діагнозъ ученаго психіатра профессора Сикорскаго, обратившаго вниманіе на особенную извилистость черепныхъ сосудовъ у наблюдавшихся имъ мистиковъ-сектантовъ, и налитіе ихъ кровью, что, по его словамъ, не есть слѣдствіе эмоциональнаго возбужденія, а должно быть отнесено къ патологическимъ причинамъ,—встаньте на точку зрѣнія хотя бы нашего глубокаго провидца Василія Васильевича Розанова съ его теоріею о бракѣ—радости тѣла, выставимой имъ наперекоръ догмѣ о бракѣ—смерти духа, проповѣдуемой церковью съ ея тяжело грустными напѣвами, не дѣлающими различія между бракосочетаніемъ и похоронами,—и тогда вамъ станетъ понятно, что хлыстовщина занесла одну ногу по эту сторону моральнаго шлагбаума, глянула однимъ

глазомъ въ мрачно притягательную глубину полного захватывающей жуткости „а bas“, нарисованнаго и перечувствованнаго Гюисмансомъ, и боязливо зажмурилась, готовая вотъ вотъ сорваться. Религіею хлыстовщина стать никогда не сможетъ. Вынесенная изъ подполья на просторъ мірской, ставъ достояніемъ толпы, она разомъ утратитъ свою поэтическую расплывчатость контуровъ, посѣрѣетъ и поблекнетъ. Да и нечего ей дѣлать здѣсь. Царство „людей Божьихъ“ не терпитъ будничнаго отношенія къ религіи, отведеннаго ей часа между завтракомъ и обѣдомъ, „святымъ жгутикомъ“ подбодряетъ она своихъ фанатиковъ рабовъ, требуя отъ нихъ „налітія черепныхъ сосудовъ“, а на это такъ называемые нормальные люди ничуть не способны. Оставимъ хлыстовъ хлестать другъ друга, „радѣть“ со своей красавицей—богородицей, хмѣлѣть отъ переизбытка „накатывающаго“ Духа и стремиться къ своему идеалу—седьмому небу—памъ ихъ трудно понять, а имъ еще труднѣе съ нами согласиться. Двѣ плоскости мышленія, два полюса психическаго космоса, разница темпераментовъ—все это препятствія непреоборимыя.

Но, странно, людей, противоположнаго намъ съ читателемъ уклада, оказывается не такъ ужъ мало.—Нѣтъ, кажется, въ Россіи мѣстности—констатируетъ г. Барсовъ—гдѣ бы хлысты отъ времени до времени, не обнаружили своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи, позже перешла въ Поволожье, затѣмъ слѣды ея обнаружили въ Малороссіи, и наконецъ въ сѣверо-западномъ краю и оттуда—добавимъ мы отъ себя—перекинулась въ австрійскую Галицію, прочно обосновавшись среди тамошнихъ русинъ. Есть, слѣдовательно, въ хлыстовщинѣ живительная влага, есть самобытность, соотвѣтствіе народной психикѣ, и выводить ее отъ западныхъ квакеровъ, старыхъ богомиловъ или объяснять ее воздѣйствіемъ проповѣди Кульмана едва ли будетъ правильно. Все заимствованное, напосное, вѣками безъ кнута не существуетъ. А именно столько лѣтъ насчитываетъ хлыстовщина, упрямо противоудѣйствуя всѣмъ попыткамъ искоренить сію „вреднѣйшую“ ересь, да еще нашедшая въ себѣ силы выдѣлать изъ себя особую „макси-

малистскую фракцію“, рѣшительно порвавшую съ плотью въ порывѣ къ седьмому небу, буквально принявшую „къ свѣдѣнію и руководству“ извѣстный евангельскій совѣтъ объ усѣченіи соблазняющаго тѣлеснаго члена, и создавшую новую организацію; сущность которой состоитъ „въ смѣшеніи религіознаго изувѣрства съ сумасбродствомъ, имѣющимъ цвѣтъ политической“!! „Можно смѣяться — докладывалъ г. Надеждинъ, въ 1845 г. по порученію г. министра внутреннихъ дѣлъ—можно презирать такую невмѣстимую для здраваго ума нелѣпость, но отрицать ея существованіе нѣтъ никакой возможности“. Говоря, слѣдовательно о русскомъ расколѣ, касаясь вопроса о мистическомъ его развѣтвленіи, затрагивая исторію хлыстовщины, нельзя не оговориться о глубоко интересномъ осуществленіи аскетическихъ заповѣдей перваго хлыстовскаго Саваофа Данилы Филиппова среди радикальнаго элемента „хлыстовщины“ получившихъ названіе „бѣлыхъ голубей“ или скопцовъ, горделиво поющихъ какъ

„Отъ бѣлой зари, Отъ Сіонъ-Горы,
 Отъ Востокъ страны, отъ Иркутскія,
 Отъ Иркутскія, отъ Французскія,
 Летятъ голуби, лѣтятъ бѣлые,
 Летятъ тучами, летятъ мучимы:
 Все скопцы, бѣльцы земли Греческой,
 Именитые, знаменитые,
 Знамена несутъ, кандалы трясутъ,
 Въ колокола звонятъ, сокола манятъ.
 Съ ними Богъ Богамъ, съ ними Царь Царямъ,
 Съ ними Царь Царямъ, съ ними Духъ Духамъ,
 Онъ пришелъ огонь, огонь полымя,
 Огонь—полымя, костры огненны,
 Онъ идетъ грядетъ въ гради Царскіе,
 Въ грады Царскіе, въ мѣста райскія,
 Въ Давидовъ домъ, въ тайну Божію!
 Тайна Божія совершается,
 Ужъ во томъ ли во дому во Давидовомъ!
 Благодать Божія и съ гуслиами тамъ:
 Катаютъ Духи блаженные,

Съ пиками ангельскими, архангельскими,
Съ Херувимами, съ серафимами,
И съ всею силою небесною.
Люди первенцы земли скуплены,
Они скуплены Искупителемъ,
И Святымъ Духомъ Утѣшителемъ,
Они молятся въ тайну Божію,
Заповѣдано отъ всего міра,
Отъ всего міра, міра темнаго.
Только свѣдомо святымъ ангеламъ,
Святымъ ангеламъ и архангеламъ,
Съ херувимами и серафимами,
Съ Апостолами и Пророками,
Со страдателями вѣрными, праведными,
Не женившимися и нельстившими,
Во устахъ лести не приѣмшими.
Они молятся въ лицо Агнецу,
Въ лицо Агнецу-Искупителю
И Святому Духу Утѣшителю.
Ихъ моленіе—грому страшнаго,
Грому страшнаго преужаснаго,
Изъ усть у нихъ огонь—полюмя,
Огонь полюмя—жарка молонья!

СКОПЧЕСТВО.

Вопросъ о „лѣпости“ женской, какъ вѣрнѣйшемъ орудіи дьявольской прелести, всегда сохранялъ свою остроту, подъ вліяніемъ одностороннихъ моралистовъ, неустанно громившихъ человѣческія слабости, между которыми видное мѣсто принадлежитъ женолобію. Съ глубочайшей древности дѣлались попытки представить половое сближеніе съ женщиною униженіемъ для духовнаго міра человѣка, затемняющимъ его высшую природу, но побѣдить естественныя склонности, искусственно притупить ихъ возбудимость оказывалось не такъ-то легко, и міръ продолжалъ жить, всецѣло подчиняясь фізіологическому инстинкту, иногда сочувственно принимая пред-

лагавшіяся ему теоріи немногихъ загасившихъ плотскій огонь аскетовъ, но не находя, да и не желая находить возможнымъ практически осуществить принципъ воздержанія отъ страстно къ себѣ манящаго женскаго тѣла, съ его поэзією грѣха и загадкой тайны всего сущаго и живого. Вотъ почему почти всѣ извѣстныя намъ этически-религіозныя системы, обыкновенно санкціонировали бракъ, стáновясь въ данномъ случаѣ на чисто рационалистическую точку зрѣнія, и отказываясь отрицательно относиться къ основному нерву жизненнаго распорядка.

Намъ, конечно, извѣстны, случаи, и даже многочисленные, добровольнаго аскетическаго уклоненія отъ соблазновъ и наслажденій земнаго существованія, но подобные факты обязаны своимъ происхожденіемъ сильному волевому напряженію, способности поставить самому себѣ такъ называемый категорическій императивъ, т. е. дать перевѣсъ запретительнымъ движеніямъ психики—средству, находящемуся далеко не въ распоряженіи всѣхъ и каждого, слѣдовательно, для дюжиннаго человѣка недоступному. И опять мы знаемъ, что съ давнихъ поръ человѣчество додумалось до атрофированія—иначе сказать—умерщвленія половыхъ позывовъ путемъ примѣненія мѣръ радикальныхъ, прибѣгнувъ къ помощи хирургіи, дабы, въ извѣстныхъ цѣляхъ, лишить мужчину способности сблизаться съ женщиною. Историческія данныя сообщаютъ намъ, что на древнемъ востокѣ, въ Египтѣ, Ассиріи, Персіи, а впослѣдствіи и въ Римѣ и Греціи, существовалъ институтъ евнуховъ—категории мужчинъ, въ дѣтствѣ подвергнутыхъ операции изуродованія половыхъ органовъ, и состоявшихъ затѣмъ въ качествѣ надзирателей за женщинами, очень удобныхъ въ смыслѣ абсолютной ихъ безстрастности. Подобные хранители женской вѣрности были всюду, гдѣ имѣла мѣсто полигамія—многоженство, при которомъ создавались гаремы, или общежитія женщинъ, слѣдить за порядками въ которыхъ и предназначены были евнухи. Такого сорта люди, не смотря на спросъ на нихъ, никогда и нигдѣ не пользовались ни малѣйшимъ уваженіемъ. На нихъ глядѣли съ совершенно противоположнымъ чувствомъ, какъ на искаженныя существа, утратившія свой нормальный видъ и общечеловѣческія качества. Еврейское религіозное

законодательство (Второзаконіе XXIII, 1), рѣшительно осудило оскотленіе, какъ противорѣчащее предначертаніямъ Іеговы. Въ греко-латинскомъ мірѣ всякаго рода произвольное измѣненіе половыхъ органовъ было разсматриваемо, какъ уголовное преступленіе, отвѣтственность за которое возлагалось на совершителей и участниковъ оскотленія, одинаково подвергавшихся смертной казни. Значительно позже, въ эпоху упадка чистоты античнаго духа, оскотленіе пользовалось попустительствомъ въ Византійской имперіи, гдѣ очень часто евнухи добирались до высокыхъ государственныхъ должностей, пользуясь своею интимностью съ императорами. Нѣкоторый фаворитизмъ скопчества въ средневѣковой Италіи, объясняется тѣмъ, что оскотленный, кастрированный мужчина, пріобрѣтавшій благодаря этому женственный голосъ, считался хорошимъ пріобрѣтеніемъ для папскаго пѣвческаго хора. Какъ видно изъ изложеннаго, оскотленіе практиковалось въ цѣляхъ чисто практическихъ, но были поползновенія свести вопросъ къ религіозной этикѣ.

Несомнѣнно, что дѣятели александрійской философской школы въ духѣ мистицизма, не прочь были усматривать въ оскотленіи одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ для поддержки духа въ борьбѣ съ плотью. Изъ послѣдователей послѣдняго теченія извѣстенъ знаменитый философъ христіанства скопецъ Оригенъ. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. открылась секта „энкратитовъ“, ратовавшихъ противъ брака, употребленія мясной пищи и т. п.

Христіанство ортодоксальное, правовѣрное, съ самаго начала выступило съ осужденіемъ произвольнаго толкованія извѣстнаго евангельскаго текста: „аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и вверзи отъ себе, и аще десная твоя рука соблазняетъ тя, усѣчь ю, и вверзи отъ себе“. Іоанъ Златоустъ „отсѣченіе членовъ“ прямо называетъ „дѣйствіемъ сатанинскихъ козней“, объясняя приведенныя слова Спасителя единственно въ отношеніи къ удаленію злыхъ помысловъ.

Вселепскіе соборы, создавшіе основанія общехристіанскаго каноническаго права, высказали неумолимую строгость къ скопчеству, объявивъ его тяжкимъ грѣхомъ, подвергающимъ клирика изверженію изъ сана, мірянина же отлученію. Постановленіе на этотъ счетъ Константинопольскаго Собора снабжено такимъ предисловіемъ: „Божественное и Священное Пра-

вило Святыхъ Апостолъ признаеть скопящихъ самихъ себя за самоубійць. Отсюда явнымъ становится, яко, аще скопящій самого себя самоубійца есть, то скопящій другого, безъ сомнѣнія, есть убійца. Можно же праведно рѣши, яко таковой оскорбляетъ и самое созданіе“. Но съ теченіемъ времени христіанство утратило значительную долю своего строгаго взгляда на оскотленіе и въ византійской церковной іерархіи появляется рядъ скопцовъ, чѣмъ папа Левъ IX не мало попрекалъ Восточную церковь.

Если взглянуть синхронистически на русскую исторію древняго періода, то выведемъ, что скопчество было явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, тщательно регистрировавшимся добросовѣстными лѣтописцами, съ омерзеніемъ относившимися къ подобнымъ фактамъ. Но все это были единичные случаи аскетическаго фанатизма, обще религіознаго характера, составляя, такъ сказать, его деталь, его желательное усовершенствованіе, а не конечную цѣль, его необходимое условіе. Скопчество, какъ секта, какъ систематизированное ученіе людей, организовавшихся на почвѣ единой идеи, и практически ее осуществившихъ, впервые оффициально засвидѣтельствовано въ именномъ указѣ императрицы Екатерины II отъ 2 іюля 1772 г., гдѣ повелѣвалось полковнику Волкову отправиться въ Орелъ для принятія мѣръ противъ „новаго рода нѣкоторой ереси“, раздѣливъ участниковъ ея на три категоріи: 1) начинщики, или тѣ, которые изуродовали, 2) тѣ, кои, бывъ уговорены, другихъ на это приводили и 3) тѣ простаки, кои, бывъ уговорены слѣпо повиновались безумству наставниковъ. На самую новизну и необычайность для того времени скопческой ереси, указываетъ то обстоятельство, что слѣдователю прежде всего предлагалось тщательно удостовѣриться, „дѣйствительно ли тамъ состоитъ такое дѣло“. О результатахъ разслѣдованія Волкова намъ ничего неизвѣстно. И ровно черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ его командировки въ той-же Орловской губерніи снова обнаружили слѣды полузабытой ереси. Восемьеро случайно открытыхъ скопцовъ показали, что они были оскотлены лѣтъ тому тридцать назадъ появившимся въ ихъ околоткѣ бѣглымъ человѣкомъ Андреемъ Ивановымъ. Съ тѣмъ не поцеремонились и засадили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Чиновникъ Юрашкевичъ, посланный

для доклада о вновь объявившейся сектѣ, далъ отзывъ, что „тонъ сектантовъ есть тотъ, что они мяса никогда не ѣдятъ, перестаютъ довольно съ молодыхъ лѣтъ исполнять супружескія обязанности съ своими женами, предполагая за то прощеніе грѣховъ, и не хотятъ дочерей своихъ выдавать замужъ, поставляя замужество въ грѣхъ, а тѣ, которые имѣютъ болѣе твердости духа, скопять себя равномѣрно для спасенія души и чтобъ укротить любострастныя желанія“. Всѣ обнаруженные или просто заподозрѣнные скопцы были сконцентрированы въ крѣпости Динамюнде, близъ Риги, откуда уже невѣдомыми путями пошла пропаганда далѣе. Съ воцареніемъ Александра I всякія преслѣдованія скопцовъ прекратились и для скопчества наступила золотая эпоха его расцвѣта, давшая ему возможность широко раскинуться по Россіи и съ успѣхомъ бороться съ послѣдовавшими затѣмъ репрессіями.

Во всѣхъ донесеніяхъ духовныхъ и гражданскихъ разслѣдователей того времени, посылавшихся въ Орловскую губернію для сыска зарождавшейся секты, главнымъ зачинщикомъ фигурировалъ таинственный „неизвѣстный“ наставникъ, сдѣлавшійся впоследствии скопческимъ „Лже-Искупителемъ“, личность, облеченная, по словамъ Надеждина, „глубокимъ мракомъ“, самое имя котораго точно не установлено, хотя чаще всего его называли Кондратіемъ Селизановымъ. Селивановъ происходилъ, какъ и большая часть скопцовъ, изъ хлыстовъ, началъ свою дѣятельность въ „кораблѣ“ весьма популярной между „Божьими людьми“ богородицы Акулины Ивановны. Въ началѣ на Селиванова какъ-то не обращали вниманія. Былъ онъ „молчаливъ и не смѣлъ“, въ собраніяхъ „садился всегда у самаго порога и за порогомъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ“, но въ душѣ обдумывая планъ о распространеніи всюду „чистоты“.

Къ этой порѣ старыя идеалы хлыстовства уже давно отошли въ область преданія. Подвигъ воздержанія отъ всяческихъ соблазновъ, особливо отъ „женской лѣпости“, столь усиленно рекомендовавшійся когда-то „Саваоомъ“ признавался теперь довольно таки дѣломъ труднымъ и возникли новыя теоріи, вносящія извѣстнаго рода практическіе компромиссы на темы о позволительности взаимнаго сожитія мужчины съ женщиною по обоюдной другъ къ другу склонности. По словамъ того же

Селиванова „во всѣхъ корабляхъ, куда бы онъ только ни приходилъ“, всѣ лѣпостью связаны, то и норовятъ, гдѣ бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть“. Ясное дѣло, что истинная, чистая религія падаетъ, грѣхъ объялъ человѣчество, нужно его спасти. И вотъ въ умѣ хлыстовскаго Лойолы обработана мысль создать особый полумонашескій орденъ застрахованныхъ отъ всѣхъ увлеченій любителей „чистоты“, сплотить прочно организованное общество людей, объединенныхъ между собою положеніемъ, что „чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ то въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и праздности“. Въ представленіяхъ Селиванова ясно, проскальзываетъ старый престарый принципъ всѣхъ аскетовъ, что женщина—наиболѣе опасный спасающемуся человѣку врагъ. Отнимите у человѣка его стремленія къ женщинѣ, и вы разомъ вознесете его на степень идеальной безстрастности, гдѣ нѣтъ уже надобности собирать богатство, притѣсняя своего ближняго, такъ какъ тогда потеряется всякій смыслъ роскоши и всѣхъ земныхъ наслажденій, сводящихся къ удовлетворенію наиболѣе развитаго инстинкта сластолюбія.

До 1775 г. продолжался первый періодъ скопческой пропаганды Селиванова, сѣумѣвшаго постепенно внести серьезный расколъ въ среду „людей Божьихъ“ и подорвать авторитетъ ихъ пророковъ и христовъ, возненавидѣвшихъ за это талантливаго и осторожнаго реформатора, совершенно чуждаго какихъ-либо эгоистическихъ разчетовъ, и твердо увѣровавшаго въ необходимость оскотленія гибнущаго въ грѣхахъ человѣчества, человѣка только и жившаго своею идеею. „Спалъ онъ на доскахъ,—разсказываетъ лицо, близко знавшее Селиванова,—только простынею, бывало, ихъ накроетъ. И ѣлъ мало—самую малость. Когда яблоко откусить, вишенку съѣсть, земляники попробуетъ. Точно восковой... Молчаливъ былъ очень. Сидитъ бывало у столика, ручки сложить крестомъ, пальчиками крестное знаменіе, обѣими руками и голову на нихъ положить, значить молится. И такъ цѣлые часы, а то и цѣлые дни сидитъ“. Вообще на всѣхъ, когда-либо съ нимъ встрѣчавшихся, Селивановъ производилъ самое отрадное впечатлѣніе своимъ мягкимъ обращеніемъ и полною незлобивою, ярко сказыва-

вавшееся въ замѣчательно тепломъ отношеніи ко всѣмъ пошатнувшимся людямъ.

Ближайшимъ единомышленникомъ и распространителемъ идей Селиванова былъ нѣкто Александръ Шиловъ, личность тоже мятущаяся, въ поискахъ за истинною бросившей жену и дѣтей. „Онъ превзошелъ всѣ вѣры и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ“, но не одна изъ нихъ не удовлетворила его душевнаго голода, настолько сильнаго, что, по его же собственнымъ словамъ, „если бы нашелъ самую истинную вѣру Христову, то не пощадилъ бы своей плоти, радъ бы головушку за оную сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить“.

Проповѣдь Селиванова и Шилова была далеко небезуспѣшною; за самое короткое время они успѣли оскопить изрядное количество увѣровавшихъ въ нихъ людей. Наконецъ, на нихъ былъ сдѣланъ доносъ, какъ говорятъ, хлыстами, и Селивановъ былъ арестованъ, и послѣ обычныхъ по тому жестокому времени мучительныхъ пытокъ былъ отправленъ въ Сибирь.

Такимъ образомъ Селивановъ былъ „изъятъ изъ обращенія“ и вся тяжесть учительства легла на плечи Шилова, проведшаго скопческія тенденціи въ западныя губерніи и познакомившаго съ ними и Петербургъ, за что и попалъ, наконецъ, въ 1789 г., въ Динамондскую крѣпость.

Какъ жилъ Селивановъ въ Сибири—неизвѣстно; фактъ лишь тотъ, что онъ оттуда бѣжалъ и въ 1795 г. появился въ Московской губерніи, выдавая себя за императора Петра Третьяго. Вотъ тутъ-то и вносится въ скопчество любопытнѣйшій, чисто политическій элементъ, рѣзко отличающій его отъ другихъ проявленій религіознаго разномыслія среди русскихъ людей. Для скопцовъ Селивановъ незыблемо, до нашихъ дней, остался несомнѣннѣйшимъ Петромъ Θεодоровичемъ, государемъ самодержавнымъ, съ неограниченною властью, чѣмъ и объясняется строгая централизація, на которой зиждется постановка всей скопческой организаціи, въ отличіе отъ хлыстовской. Сочиненное Селивановымъ самозванство павѣяно, вѣроятно, тогдашними темными слухами о загадочной смерти бывшаго императора и безумно-смѣлою попыткою Пугачева „тряхнуть Москву“.

Въ самой личности Петра III для раскола всѣхъ развѣтвленій было много притягательнаго. Лютеранинъ по воспитанію, императоръ не думалъ относиться сурово къ отщепенцамъ чужой ему русской церкви; напротивъ, онъ былъ воодушевленъ желаніемъ сдѣлать кое-что для улучшенія юридическаго положенія раскольниковъ. До народа глухо доходили слухи, что молодой государь не жалуется сановныхъ баръ, что онъ высказывается за уничтоженіе крѣпостнаго права и не сегодня-завтра, якобы, положить конецъ старому безправію мужика. Трагическая, таинственная смерть Петра создала ему еще большую популярность, павъ на совѣсть близкихъ къ покойному лицъ. Эпоха, послѣдовавшая за 1762 г., выдвинула рядъ самозванцевъ, пользовавшихся среди темнаго люда большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Самозванство Селиванова относится къ послѣднему году жизни Екатерины II. Приказано было навести обстоятельныя справки, но пользоваться ими императрицѣ не пришлось. Селивановъ былъ арестованъ въ Москвѣ, и, какъ увѣряютъ многіе достовѣрные источники, былъ доставленъ въ Петербургъ къ только что вступившему на престолъ императору Павлу, свято чтившему память своего отца и все, что такъ или иначе относилось къ нему. Есть указанія, что на вопросъ Павла: „ты мой отецъ?“ Селивановъ отвѣчалъ: „грѣху я не отецъ; прими мое дѣло (оскопленіе) и я признаю тебя своимъ сыномъ“. Павелъ будто бы разсердился на дерзкаго старика, а тотъ предсказалъ ему недолгое царствованіе. Свиданіе Селиванова съ императоромъ окончилось водвореніемъ перваго въ Обуховскую больницу, тогдашней сумасшедшей домъ, гдѣ тотъ и просидѣлъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Александръ I, всегда глубокой мистикъ въ душѣ, посѣтившій больницу, бесѣдовалъ лично съ Селивановымъ, и приказалъ перевести его въ богадѣльню при Смольномъ монастырѣ, но послѣ трехмѣсячнаго тамъ пребыванія старикъ былъ совершенно освобожденъ отъ какого бы то ни было наблюденія за нимъ.

За періодъ времени отъ 1802—90 гг., скопчество и вообще мистическое отношеніе къ всему происходящему, пережило свой золотой вѣкъ. Объясняется это чисто политическими событиями, а болѣе того душевными особенностями императора Александра I, чисто гамлетовская натура котораго до

сихъ поръ не поддается какому бы то ни было аналитическому освѣщенію. „Въ душѣ императора съ 1812 г. совершается сильный переломъ, въ послѣдствіи наполняющій всю его нравственную и политическую жизнь борьбой двухъ элементовъ: прежнихъ замѣчательно либеральныхъ и великодушныхъ идей и стремленій съ новыми вліяніями, мистическими и реакціонными“.. „Въ общезитіи,—говоритъ тонкій наблюдатель александровскаго времени,—какъ въ воздухѣ, здѣсь вѣтеръ. тамъ мысли перемѣняются. Съ аустерлицкаго похода стало движеніе совѣмъ иного духа, по тогдашнему прозванію религіознаго, и съ такимъ успѣхомъ, что даже изъ людей съ высшимъ взглядомъ выходили люди религіознаго взгляда, Вчастую, бывало, слышишь, отъ кого и не ожидалъ: пора прійти въ разумъ истины, искать прежде Царствія Божія и правды Его“. Въ бесѣдѣ съ нѣмецкимъ епископомъ Эллертомъ Александръ сказалъ: „пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ намъ открываетъ его священное писаніе; съ тѣхъ только поръ я понималъ Его волю и законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славы“. Знать съ восхищеніемъ прислушивалась къ проповѣди близкой императору дамы—Крюденеръ, громившей старый порядокъ и утверждавшей, что пришло то время, „когда царства земная возопіютъ и имъ будутъ отвѣчать только бури... Государь и правители бывають только рабами тьмы, если Христосъ не будетъ для нихъ царемъ и избавителемъ, и Евангеліе ихъ закономъ“. Подобное піетистическое направленіе, пользовавшееся полною благосклонностью императора, явно выступило противъ государственной церкви, состояще въ которой, по выраженіямъ оффиціально разрѣшенной мистической литературы, „при всей тщетной славы и ложномъ упованіи на устную вѣру и наружно честное житіе, остаются чадами діавола и зла“. При такомъ настроеніи интеллигенціи, а особенно правящихъ сферъ, немудрено, что піетистическое направленіе искренно и не искренно пропитало общественную жизнь послѣднихъ годовъ царствованія Александра, усердные подданные котораго по мѣрѣ силъ и разумѣнія подражавшіе импе-

ратору, приче́мъ „библейское“ настроеніе не обошло́сь и безъ пересоловъ, какъ, напри́мѣръ, обильнаго уснащенія чиновничьихъ бума́гъ цитатами изъ священнаго писанія.

Скопцы и хлысты, совершенно уже вышедшіе изъ подполья, живо оцѣнили всю благодѣтельность для нихъ наступившаго правительственнаго переворота, и никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, принялись на всѣ лады славословить такой счастливый оборотъ дѣла, называя нечестивую, по понятіямъ прочихъ раскольниковъ, столицу „Сіономъ градомъ“, „земнымъ райскимъ садомъ“ и т. п.

„Среди Питера встроены́ былъ домъ,
 Самому Христу было прибѣжище въ немъ,
 Протекалъ тамъ живой воды тихій Донъ,
 Разливалась тамъ Сладимъ рѣка,
 На стражѣ были евангелистами Марко да Лука,
 Стеречь всему дому мастера;
 Тамъ написаны были златыя литера,
 Подъ названіемъ: „святой храмъ“.
 Сходилися, сѣзжались со всѣхъ сторонъ,
 Не боялись іудеевъ черныхъ воронъ,
 Въ Лаврѣ были бѣлосвѣтскіе скопцы,
 А садовники были все духовные дѣльцы,
 Торговали иноземные купцы,
 Это было злато время и пора,
 Къ намъ явилась благодатная гора,
 Посвѣщала благоутренняя заря.
 Искупитель назвалъ Питеръ „Сіонъ градъ“.
 Пресчастливы, преблаженны тѣ года.
 Приходили къ нему царскіе рода,
 Всѣ со страхомъ покоряли сердца,
 Прославляли искупителя-отца.

Вотъ въ это-то исключительно благопріятное для сектантства время въ скопчествѣ особенно ярко выразился элементъ чисто политическій, обнаружались попытки создать довольно-таки оригинальный теократическій строй общественнаго распорядка, химерическій по своей идеѣ и невозможный для практическаго осуществленія, но крайне любопытный по за-

мыслу. Въ средѣ малоинтеллигентныхъ, въ сущности, скопцовъ появляется личность высоко культурная, европейски образованная, съ глубоко развитою способностью мистическаго мышленія.

То былъ камергеръ Алексѣй Еленскій, полякъ родомъ, служившій при дворѣ послѣдняго польскаго короля Станислава Лещинскаго, и съ раздѣломъ Польши переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Еленскій горячо увѣровалъ въ скопческую догму, принялъ „огненное крещеніе“, и послѣ своего извѣстнаго письма къ тогдашнему фавориту Александра Перваго, угодилъ въ Спасо-Евфиміевскій монастырь, гдѣ и умеръ.

Письмо, адресованное Новосильцеву „яко таинственно возрожденному и по сердцу цареву избранному мужу“, дѣлится на двѣ части: проектъ государственнаго переустройства Россіи и апологію скопчества. И то, и другое настолько интересно, что заслуживаетъ быть переданнымъ полностью. Еленскій стоитъ на строго монархической почвѣ. Онъ и писанія свои начинаетъ съ того, что „возвѣстила премудрость небесная устами Іисуса Спрахова и гласомъ многихъ пророковъ: аще кто не любитъ царя и вѣрности ему не хранить, всякую клевету на себя привлечетъ; аще же кто не радитъ о отечествѣ, въ числѣ живыхъ людей да не именуется.

„Затѣмъ церковь, таинственно управляемая святымъ Духомъ, подвергнувшись волѣ Отца свѣтовъ, получила небесное повелѣніе, дабы вышла на службу отечества, прославила-бы, яко съ нею воистину Богъ есть, и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ Всероссійскаго Монарха. Такъ во истинѣ и правдѣ содѣйствуется слава Божія, яко было при Іисусѣ Навинѣ, который гласомъ небеснымъ управлялся и всѣ царства языческія разорилъ. Да то же слово Божіе, которое пречистыми устами Господа Іисуса Христа возвѣщало: глаголетъ той же истинный Духъ Его и нынѣ: воздайте Божіе Богови, и Царская Царевы, а паче еще строжайше грозить намъ, дабы таланту, даннаго отъ небесъ, не скрывали въ землю, яко оный лѣнивый и лукавый рабъ, но обязаны явить силу Отца свѣтовъ и сколько Россійская Имперія, пріятная правленію Непостижимаго и какъ отъ давнихъ временъ дланію Всесиль-

ною руководствуется и небеснымъ покровомъ отъ всѣхъ окружающихъ враговъ и недоброжелателей одѣвается.

По предложенію Еленскаго должно учредить особую „небесную канцелярію“, вѣдующую всѣми дѣлами государства, превращеннаго въ подчиненную императору федерацію „кораблей“.

„Какъ таинственной церкви люди, вкусившіе дару небеснаго и причастницы животворящимъ и безсмертнымъ Тайнамъ Христовымъ, да и питаея отъ премудрости сокровенной, довольно всѣ Богомъ учены, а при томъ есть нѣкакое число и грамотныхъ людей, то изъ грамотныхъ, которыхъ Святыи Духъ назнаменуетъ своимъ судомъ небеснымъ, долженъ я буду въ сію Канцелярію оныхъ представлять, а правительство, имѣя именное Высочайшее повелѣніе, обязано будетъ таковыхъ людей препроводить архіерею, ради постриженія въ монахи, произведенія въ іеромонахи и обученія церковной службѣ, а изъ таковыхъ іеромонаховъ опредѣляетъ на корабли, присоединивъ ко всякому іеромонаху по одному про року на каждый корабль. Іеромонахъ, занимаясь изъ устъ пророческихъ гласомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно командиру того корабля совѣтъ предлагать, какъ къ сраженію, такъ и во всѣхъ случаяхъ, что Господь возвѣститъ о благополучіи или о скорби, а командиръ оный долженъ имѣть секретное повелѣніе заниматься у іеромонаха полезнымъ и благопристойнымъ совѣтомъ, не упоая на свой разумъ и знаніе.

„Іеромонахъ съ пророкомъ пребудутъ всегда въ истинной молитвѣ, яко очищенные сосуды, и гдѣ таковыхъ избранныхъ два будетъ человекъ, то и Господь посреди ихъ; затѣмъ градъ, корабль и полкъ сохранить Господь отъ всякаго вреда и непріятельскихъ нашествій или поврежденія.

„Сіе производство дабы не было извѣстно никому, даже и архіереямъ, чтобы не знали, каковыя люди и съ каковымъ намѣреніемъ таковое основаніе Правительство производить, и ежели случится, въ числѣ таковыхъ избранныхъ людей найдутся скопцы, то архіереи, безъ сомнѣнія, невѣдніемъ произведутъ въ священнодѣйствіе, ибо обряды законныя соблюдаютъ древнихъ евреевъ, а въ законѣ Моисеевомъ сказано:

скопецъ да не будетъ служай алтарю, яко самъ жертвенникъ и приношеніе есть, затѣмъ свободенъ отъ всѣхъ службъ и приношеніи.

„А по новой благодати плотская цѣлость пренебрежена Христомъ, а только душевныя качества, цѣломудріе и возрожденіе, да и довольно ясно видно, отъ тачала христіанства въ теченіе вѣковъ десяти не мало было архіереевъ и священнодѣйствующихъ скопцовъ въ новую тварь соблюдены, да и во святыхъ довольно церковь изъ скопцовъ имѣтъ, ибо таковымъ очищеннымъ сосудамъ и прилично приносить жертву безкровную.

„Минувши доказательства отъ Священнаго Писанія, дѣйствительно надѣмся, яко самъ Господь, присутствующій святымъ Своимъ Духомъ, докажетъ, явить силу свою и дастъ почувствовать, сколько Господомъ Исусомъ Христомъ Богъ Отецъ печется о народѣ Россійскомъ и сколько возлюбилъ Россію. Ибо не безъ промыслу таинственнаго Богъ своими избранными людьми жертвуетъ. Видно отъ древняго писанія, яко славился Богъ на земли не премудрыми и разумными вѣка сего, но простяками, безчестными и поносимыми на земли; однако, имя Его въ вѣкъ и во вѣкъ вѣки цвѣтущее, да и вси Россіяне уразумѣютъ, яко жилище живаго Бога въ Россіи водворилося.

«На меня—говоритъ далѣ Еленскій—возложена должность отъ непостижимаго Отца свѣтовъ, какъ грамотныхъ въ іеромонахи, такъ и простячковъ, въ духѣ пророческомъ находящихся истинныхъ и сильныхъ, набрать не только на корабли, но даже и въ сухопутную армію, и я съ двѣнадцатю пророками обязанъ буду находиться всегда при главномъ арміи правителѣ небеснаго ради совѣта и воли Божіей, которая будетъ открываться намъ при дѣлахъ, нужныхъ на мѣстѣ. Нашъ настоятель—боговдохновенный сосудъ, въ которомъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ, обязанъ быть при лицѣ самого Государя Императора, и какъ онъ есть вся сила пророковъ, такъ всѣ тайныя совѣты, по волѣ премудрости небесной, будетъ апробовать и намъ благословеніе и покровы небесныя будетъ посылать и молитвы изливать, яко кадило, на всѣхъ людей, ищущихъ Бога.

„А я, слыша гласъ пророческій, и если бы что невѣдомо было, то на разсужденіе и апробацію долженъ буду письменно представлять, на чіе имя приказано будетъ, ради растолкованія боговдохновенному нашему настоятелю и путеводителю, а иногда и самъ лично предстать для исполненія совѣта небснаго и обязаны будемъ наблюдать во всѣхъ частяхъ благочестіе яко на вся полезное, чтобы, воюя противу наружнаго врага, не дать власти во плоти и духъ врагу Божію дѣйствовать и не уподобилась бы армія, какъ нѣкогда, по совѣту Валаама пророка, царь Валаакъ прельстилъ на всѣ Богу противныя дѣла израильтянъ, и сколько пострадали въ бою преступленій находясь, то всегда умнѣе око надобно обращать на дѣла впредь текуція.

„Несомнѣнно надѣюсь, яко правительство, прилежно вникнетъ въ Церковь таинственную, одушевленную, Христовую, которая Духомъ Божіимъ водится, то дѣйствительно узритъ, яко не новостъ въ нашемъ согласіи, а всѣ дѣла отъ апостольскихъ временъ на земли въ избранныхъ людяхъ утверждены и преданы, у насъ хранятся, а въ Россіи отъ временъ князя Владиміра въ чертогахъ княжескихъ хранились, послѣ въ монастыряхъ обитали, а напоследокъ духъ Господень, какъ гордости противится, а смиреннымъ даетъ благодать, такъ въ простолюдникахъ донинѣ и скрывался, доколѣ не созрѣли плоды смиренномудрія, какъ видѣть можно всякому въ Высочайшей Персонѣ Монаршей...

„Токмо премилосердній Отецъ Небесный, изливая и открывая премудрость свою сокровенную, требуетъ отъ избранныхъ, дабы не помѣшатель святая и бисеръ, и ежели сіе таинство министерія російская соблюдаетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительницею всего міра, ибо вся жизнь, сила и слава царства въ таинствѣ совѣта содержится, а кольми паче, сокровище совѣта Небснаго слѣдуетъ въ тайнѣ скрывать, дабы видя не видали, и слушая не уразумѣли, какъ довольно скрыто въ Апокалипсисѣ величайшее таинство и сколько вѣковъ разные толкователи трудились и не могли почерпнуть глубины богатства сокровеннаго, потому что время временъ было не истекшее, и сій духъ, ко-

торымъ видѣнное описывалъ, не былъ водворившимся въ челоуѣкъ, доколѣ время не созрѣло.

„Само собою разумѣется, что химерѣ восторженно настроеннаго камергера, мечтавшаго стать во главѣ „небесной канцеляріи“, ни на минуту не придали ни малѣйшаго значенія, а сочли достаточнымъ поводомъ для ознакомленія его съ монастырскою кельею, гдѣ онъ и могъ на досугѣ обдумывать дальнѣйшіе планы. Гораздо любопытнѣе и осмысленнѣе вторая часть сочиненія Еленскаго—„Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“—дающая собою чуть-ли не единственный памятникъ скопческой литературы догматическаго характера.

„Нѣсть другого имени—полагаетъ Еленскій—имянуемаго подъ небесемъ, яже есть Господь Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца.

„Живъ Господь Иисусъ Христосъ, жива церковь Христова, живъ образъ Его, живо слово Его, но вся сія не въ мертвыхъ, но въ живыхъ. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ, и святіи, еже суть на земли Его. Удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ.

„Истинная церковь Христова, одушевленная духомъ не животнымъ, но животворящимъ, и украшена всеми добродѣтелями, яко невѣста; она соборна, собрана отъ разныхъ родовъ людей, въ которой самъ Отецъ Свѣтовъ Господомъ Иисусомъ Христомъ присутствуетъ. И она построена изъ единовѣрныхъ и единокорныхъ, основана на апостолахъ, утверждена пророками и прочими силами небесными, чистѣйшая, не имущая скверны, или порока, омыта банею паки бытія, и въ оную воспрещенъ входъ падшему естеству по Адамъ, ибо живущіе по Адамъ умираютъ, а по Христу живутъ, и отъ тлѣнія въ нетлѣніе измѣнившеся, переходятъ на вѣчное жилище. О сіи матеріи достаточное доказательство отъ Священнаго Писанія.

„Первоначальный Израиль взялъ свое возрожденіе отъ одного Авраама, выведенъ отъ всѣхъ отеческихъ боговъ. И явлено таинство, яко сынъ рабыни, не наслѣдуетъ дому, а токмо сынъ благодатный, и всегда отъ малочисленнаго Израиля, и до временъ устроенія царства Израильтянъ, занимался глаголомъ Божиимъ, устами пророческими возвѣщаемымъ, яко то

при Моисеѣ, Исусѣ Навинѣ, Гедеонѣ, и при всѣхъ царяхъ Израильскихъ водими были. Напоследокъ вѣкъ вѣку, подавая въ людяхъ ученость и имѣя достаточную науку, написали книги, составили священство, и они пренебрегли пророковъ и тѣмъ отвергли гласъ небесный, довольствуясь книгами Моисеевыми и Пророческими, составили законъ, обряды, уставы и назвали преданія отцовъ и стали тѣми поступками собственной славы и чести искати, а славу Божию отметать, и какъ только пророки, Святымъ Духомъ глаголющіе, являлися и ихъ дѣла обличали, то они не довольно, что не слушали пророковъ, но ихъ гнали и на смерть убивали за то, что они отступили отъ истины и Бога живого, а покорилися суетѣ, и такъ далеко Священство Израильское вознеслося, яко безъ вождевъ небесныхъ, безъ царей земныхъ, сами архіереи народомъ Израильскимъ правили, и царство потеряли.

„Во исполненіе обѣтованій пророческимъ гласомъ, непостижимый Отецъ Свѣтовъ, видя гладъ на земли слова Божія по силѣ таинственнаго совѣта, отъ Духа Свята воплотилъ и отъ Дѣвы Маріи вочеловѣчилъ Сыпа своего или Предвѣчное Слово Свое, которымъ „вся быша“. Да мало приостановися, читатель, вниди въ таинство Господне, какъ и нынѣ рождается Исусъ отъ Духа Свята, и какъ въ чистѣйшей Маріи вочеловѣчивается, какъ въ ясляхъ рождается, затѣмъ въ Египетъ бѣжитъ, тамъ рукотворенныя разоряетъ, отъ Египта возвращается въ Галилейскую область, въ градъ безчестенъ, Назаретъ, въ трудахъ воспитывается... (слѣдуетъ краткое изложеніе евангельскихъ событій).

«Сей свѣтъ человѣкомъ своимъ ученіемъ освобождаетъ отъ суетнаго преданія отцовскаго, отъ обрядовъ законныхъ, отъ суевѣрія и невѣрія, отъ плотской жизни по Адамѣ, отъ мудрости наружной, отъ плоти угодія, даже и самое плотское родство во ничто вмѣняетъ, говоря: кто есть мати моя, и кто братія мои и сестры? Си, иже слушаютъ Слово Божіе и сотворяютъ е. Соблазняющіе уды тѣла руби, ломай, только дѣло Божіе соблюдай, и тако своимъ воплощеніемъ исполняетъ законъ, а изъ-подъ закона, яко изъ подъ опекуна, освобождаетъ родъ человѣческій, новую тварь творитъ и Святымъ Духомъ обновляетъ, мужей небесныхъ усовершенствуетъ и младенцами ихъ

нарекаетъ, безвѣстная и тайная премудрости Господней являя, Святымъ Духомъ возрождаетъ. „На увѣреніе людей, что все- сильное Слово отчее чудеса дѣлаеть, нѣмымъ уста, глухимъ уши, слѣпымъ очи отверзаетъ, мертвыхъ воскрешаетъ, да еще кто говоритъ: аще кто въ моемъ ученіи пребудеть, то недо- вольно, яко все сіе, что я дѣлалъ, сдѣлаеть и больша сихъ. (Іоан. 14, 12). Духъ истинный, его же міръ не можетъ при- нять, яко не видитъ его, пиже знаетъ его (Іоан. 14, 17), да тѣмъ же Духомъ Святымъ обѣщается вѣрнимъ самъ являться, а напоследокъ въ исполнители воли Отца небеснаго: Азъ и Отець прійдемъ и обитель у него сотворимъ. Безъ мене не можете творити пичего же. Во увѣреніе сего обѣщанія со- слалъ благодать Святого Духа на своихъ учениковъ, раздѣляя дары небесныя, давъ однимъ посольство, другимъ пророчество, и прочія блаженства по созиданію церкви соборной, въ кото- рой есмь Богъ, свое жилище имѣть на землѣ восхотѣлъ, а не таковую, какъ Соломонъ созда ему храмъ, но Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и не отъ рукъ человѣче- скихъ угожденіе пріемлетъ; видно, церкви, никто не можетъ руками построишь. И такъ избранные сосуды церковныя своею проповѣдью строили соборную церковь на основаніи новой благодати, Святымъ Духомъ утверждая. Также и на вѣрую- щихъ ихъ проповѣди явно сходилъ Святой Духъ, и многіе получали даръ пророчества, какъ пространно книги Новаго Завѣта повѣствуютъ. Филиппа благовѣстника четыре дочери были пророчицы (Дѣян. 21, 8—10); Агавъ пророкъ, Тимоѳей, Павла ученикъ, имѣлъ даръ пророчества и во всѣхъ городахъ, гдѣ были собранія христіанскія, пророки находились, но какъ всегда, были хулители Святого Духа (Мѡ. 12, 31), и міръ его не могъ принимать, то отъ міра апостолы и воспріемники ихъ тайно хранили единственно изъ чловѣколюбія и изъ послу- шанія Господу, который заповѣдывалъ хранить и не пометать бисера, дабы миролюбцы, нанося хулу на Святого Духа, не подвергли себя вѣчному наказанію; затѣмъ, въ своихъ по- сланіяхъ, употребляя хитрость, именовали помазаніемъ, обру- ченіемъ и тому подобными изображеніями (Іоан. 2, 27) и Господь самъ Іисусъ Христосъ нарекалъ водою живою, теку- щою въ животъ вѣчный (Іоан. 4, 14) также говаривалъ хотя-

щимъ принять Святаго Духа, отъ чрева истекутъ воды живы (Іоан. 7, 38, 39); и апостолъ Павелъ, описывая порядокъ соборной церкви (1 Кор. 14), дабы по чину и порядочно было говорить, замѣчаетъ, что явленіе странныхъ языковъ ради невѣрныхъ увѣрять, а пророчество только ради вѣрныхъ открывать, и болѣе пророчествуяй, нежели глаголяй языки; и тамъ же сказано: если увидеть невѣренъ, или невѣжда, и всѣ пророчествуютъ и обличать его тайныя сердечныя дѣла или помыслы, тогда падъ ницъ, поклонится Господеви, возвѣщая, яко во истинну Богъ съ вами есть. Тако и нынѣ, въ тайной церкви, егда сопираются всѣ вкупѣ, то и дѣйствія ея видимы суть; ибо Новый Завѣтъ не письменный, но духовный; письмо убиваетъ, а Духъ животворитъ. Затѣмъ и мы нынѣ ни одинаго вѣмы по плоти, хотя и разумѣли по плоти Христа, но нынѣ къ тому не разумѣемъ. Да и Апостолы никому въ мірѣ, растворяя вѣру, не говорили о родствѣ или о родѣ Христовѣ, а только о страданіи, учении и воскресеніи, а рождество, всякъ вѣрующій во Христа долженъ ощущать въ себѣ и во глаголѣ пророческомъ Христа, зане Богъ бѣ, во Христѣ міръ примиряя себѣ, и таковымъ избраннымъ христіанамъ сказано: вы бо есте церкви Бога живаго, яко же рече Богъ: яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тѣи будутъ мнѣ людіе. И таковое мы имѣя упованіе очистили себя отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святинѣ въ страсѣ Божіемъ.

„Книжное писаніе, по откровенію Святаго Духа, достаточно разумѣемъ (Лук. 24, 45), и ради обличенія и утвержденія приходящихъ ко Христу держимъ, а ради службы Божьей и наслѣдія царствія Небеснаго стараемся въ кротости и смиреніи исполнять то, что Духъ святой повелѣваетъ; ибо отъ мала до велика вси обоего пола души прикосновеніе Святаго Духа въ себѣ ощущаютъ, а иное и по всей плоти разливающагося чувствуютъ, и отъ наружнаго гласа устами пророческими утѣшеніе и обличеніе нашей совѣсти слышимъ, ибо какъ сей даръ Божій являетъ всѣхъ дѣла, такъ подаетъ силу на побѣду плотскихъ дѣяній и возрастаетъ душа, яко есть истинная пища душамъ.

„Начальные христіане при апостолахъ и по нихъ были во-

димы Святымъ Духомъ; ибо елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи сынове Божіи нарекутся, и аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ (Римл. 8, 9).

„Въ Откровеніи Іоанна Богослова (2, 7) сказано, что Духъ церквамъ глаголетъ, а не книга, и Господь ни единой книги не написалъ на бумагѣ, а только въ сердцахъ, Духомъ писалъ, и наружной церкви не созидаль, даже и Соломонову камень на камнѣ не оставилъ, явныя церкви домомъ молитви, а не жилища своего нарекъ, своихъ учениковъ училъ и учить внутрь себе царствіе Божіе построить и каждому церковію быть.

„Довольно видно, чѣмъ первый разбойникъ съ креста въ рай введенъ былъ, чѣмъ мученики въ царствіе небесное шествовали въ скоромъ времени по Христѣ, безъ законныхъ обрядовъ усыновили себя Богу, слухомъ вѣры и причастіемъ Святаго Духа воспламенили сердца любовію къ Богу и, отдавъ сердца, отдали и жизнь, и тѣмъ свободилися на вѣчность.

„Послѣ христіане привыкли обрядамъ мірскимъ, идолопоклонническимъ, стали сами, преобразуя малою разницею, составлять обряды, вѣру и дѣла вѣры основывать на законѣ, дабы было все видимо, и то все учредили съ проклятіемъ, какъ и древній законъ, всякъ проклять висяй на деревѣ, а самъ Христосъ, бывъ повѣшенъ, затвори вся писанія подъ грѣхомъ, да обѣтованіе Духа отъ вѣры примемъ (Гал. 3, 14, 22).

„Не трудно видѣть сію истину, что христіане уподобилися древнему Израилю, лишился живаго Бога:—Духъ есть Богъ—лишился гласу небснаго, устами пророческими возвѣщающаго, лишился таинства Святаго Духа, стали водиться книгами, а не Духомъ (Матѣ. 6, 9), в сѣ таинственныя молитвы избраннымъ Божіимъ отъ Господа Иисуса Христа предавныя, вынесли въ міръ, и вѣру совершенную Святыя Троицы исповѣдываютъ, а дѣлъ Христовыхъ чистыхъ и непорочныхъ отверглися и не приемятъ. Священство назвалося воспреемниками апостольскими, а дѣлами чужды, уподоблены жрецамъ, книжникамъ и фарисеямъ, кои взяли ключъ разумѣнія, сами въ церковь Христову не входятъ и входящимъ запрещають выйти.

„Такъ низкое и дешевое христіанство сдѣлалось, яко вси богоотступники и злѣйшіе міра любители, блудники, пьяницы, христіанами называются, а съ начала христіане были подъ именемъ святыя и сынове Божіе вси нарекутся. Удаляясь живой съ дѣлами вѣры, стали довольствоваться обрядами, преданіемъ Святыхъ Отець, дабы какъ можно побольше читать книги, сдѣлали духовный законъ, машинное моленіе и все то основано соборами на клятвахъ, отъ чего санъ духовный, церковный, лишившися Святаго Духа, только одеждами отличается отъ міра. Сія правда хотя и колка, однако нельзя умолчать, ибо сколько слаба ихъ жизнь и не воздержна, столько далеки отъ благодати Святаго Духа, заключены въ невѣрїи и суевѣрїи, ибо ихъ вѣра на языкахъ, а не въ чистѣйшихъ и непорочныхъ дѣлахъ, такъ какъ Ілія пророкъ спрашивалъ Бога въ горѣ Хоровской, говоря: „Господи, гдѣ ты обитаешь, и гдѣ домъ и жилище твое?“ Отвѣтъ Божественный ему: „Нѣсть Богъ въ страстяхъ, нѣсть Богъ въ блудѣ“ (3 Цар. 19).

„Сказано, яко будутъ учителя, по своимъ похотямъ ходящїе, всегда учащїеся, и никогда навькнути могущїе, да еще яснѣе видите можно, ежели учитель не отъ собственного житїя учить, и не есть образъ стаду, а отъ чужихъ главъ книжныхъ учить и путь проповѣдываетъ, то таковой лживый пророкъ и лживый христоръ прельщаетъ многихъ, и аще бы возможно было, и избранныхъ прельщаетъ; да и апостоль Павелъ въ Посланїи къ евреямъ довольно объяснилъ, который убо священникъ стоитъ на всякъ день служа, и тыяжде множищею принося жертвы, яже никогда же могутъ отнять грѣховъ. Христоръ нача учить и творити то и послѣдователи таковы должны быть; аще кто хоцетъ быти Христоръ, тако же ходитъ, яко онъ ходилъ есть“.

Все приведенное нами изъ сочиненїя Еленскаго до сихъ поръ представляетъ скопческую аргументировку противъ православїя и церкви. Далѣе слѣдуетъ изложеніе сути и ритуала скопчества.

„Общество наше возрастаетъ на истинныхъ словахъ Христовыхъ: никто же прїидетъ ко мнѣ, аще ни Отець мой небесный привлечетъ; тако собрани отъ всѣхъ странъ земли не че-

ловѣками, но самимъ Святымъ Духомъ. Духъ идѣже хочетъ, дышетъ и гласъ его слышите, но не вѣсте, откуда пришелъ, и камо идетъ, тако и человѣкъ отъ Бога рожденъ. Чиновный и простой—вси единочадцы Отца свѣтовъ Господемъ Исусомъ Христомъ и такъ покорены воли Отца небеснаго, яко никто свое имущество своимъ именуеть, но вся Бога-отца, а не наше. И ежели что есть чистаго и цѣломудреннаго, то также не наше, а Божіе дѣйствіе, а наши собственныя слабости и немощи, которыми во плоти обложены есмь, наша должность отдать себя на волю Божію, а его силы въ немощахъ нашихъ совершается.

„Сбираясь на слово Божіе, стараемся быть всѣ примирившіеся Богу, въ единовѣрїи и единомушіи, въ любви нелицемѣрной, въ простотѣ сердца, а о чемъ молимся, никогда не знаемъ, но Духъ Божій за кого и какъ молиться и поститься указуетъ, то только и стараемся сердечно воздыханіе неизглаголаннныи исполнять; обрядное же моленіе не есть въ употребленїи, книгъ никакихъ не употребляемъ, ниже ихъ чуждаемся; ибо разумѣемъ, что всѣ книги тѣмъ Духомъ Святымъ писаны, который съ нами есть, а онъ, истинный, намъ живая книга, а въ книгахъ духа нѣтъ, тамъ бумага и чернила, мертвы буквы, ради мертвыхъ книжниковъ и фарисеевъ принадлежать, всѣ книги не ради Бога, но ради человѣковъ, а человѣкъ долженъ быть книга Божія.

„Занимаемся таинственными псалмами, пѣніемъ Сїонскихъ пѣсней, кои на землѣ чуждей не поются: тимпаны, гусли, струны, органы, подвигаемъ, яко Давидъ предъ кивотомъ Господнимъ былъ 'пляшущимъ.

„Сіе не тайна: всякой, возвратясь на древность, видѣтъ можетъ, какъ устроился обрядъ духовный, какъ покорился суевѣрїю и когда лишился благодати святаго Духа, по новому завѣту устами пророкъ гласовшаго, какъ сдѣлавшись пустовѣрами, впали въ ересы, свары, здрн, споры и расколы, раздѣлилися греки съ римлянами и армянами, римляне съ лютеранами, лютеране съ кальвинами, и сколько еще мелкихъ ересей и несогласій во всякой религіи и всякомъ царствѣ находится. И числа имъ нѣтъ, а всѣ они, бывши земного плотскаго мудрованія, ненавидятъ истинныхъ духовныхъ лю-

дей, которые въ тайнѣ отъ Еммануила питаются манной небесною. Убилъ Каинъ плотскій духовнаго Авеля, гналъ Исавъ плотскій духовнаго Іакова, и ближе видѣть можно—по наущенію Архіерея вопилъ народъ: „Распни, распни, разбойника пусти, а Христа распни!“, также и нынѣ дѣйствуется съ духовными людьми отъ ненависти отъ плотскихъ міролюбителей.

„Наблюдается духовная чистота въ высочайшемъ смиреніи; не ищите мудрости, а кротости: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать; не дѣти бывайте умы, но злобою младенчествуите.

„Чистота плоти отъ главы до ногъ, и изъ устъ никогда не выходитъ гнилое слово ругательное или клятвенное, но тихіе и смиренные глаголы, даже не годится имени темнаго врага Божія ни въ какомъ разговорѣ, всякаго рода напитки хмельные запрещены, и кофія не употребляется, яко разжиганіе плоти дѣлаеть, и во яденіи со искусствомъ того не ядятъ, отъ чего вѣтры возбуждаются и похоть воюеть на душу, по большей части отъ мясояденія удаляются; однако не подъ грѣхомъ если въ нуждѣ кто поѣстъ а напитки хмельные подъ грѣхомъ, запрещены, яко они не отъ нужды, а отъ слабости. Не дозволяется на пиры, на свадьбы, на пиры,—на маскарады, на качели ходить, а подобныя зрѣлища запрещены, яко они не отъ Христа, а отъ міра заведены, лучше ходить въ церковь явную, слушать литургію, яко она наша и отъ истиннаго духа съ небесъ составлена, и прочаго чтенія и пѣнія; ибо взявши отъ ихъ книгъ, да ихъ же книжниковъ обличать можно за неисполненіе и злоупотребленіе. Не дозволяется ближнему лгать, запрещено всякаго человѣка обманывать явностію, а быть хитрымъ и мудрымъ, яко змія, скрывая дѣло Господне, скрывать въ тайнѣ посты, молитвы, милостины и всѣ добродѣтели духовныя; въ такомъ дѣлѣ ради Бога можно лгать, какъ іерихонская блудница; Раавъ, ради Господа, солгала и похвалу отъ Господа имѣеть, или какъ Юдифь Голоферну солгала, и ему голову срубилла, да и пастухъ скрывшій Варвару мученицу, похвалу имѣеть.

„Подаянія всѣмъ бѣднымъ по возможности подаемъ, но паче сами ищемъ, кому подать, въ бѣдахъ и тюрьмахъ братіи

меньшей христовой, нищимъ, святымъ и твердымъ въ вѣрѣ, въ духѣ Божіи извѣщаемъ, гдѣ и кому подать.

„На послѣдокъ всѣ посланія апостольскія, евангеліе и всѣ боговдохновенныя книги могутъ засвидѣтельствовать наши дѣла, ибо той истинный Духъ, который ихъ училъ и насъ учить и вѣщаетъ вся сокровенная премудрости: ежели чего не уразумѣемъ, отъ гласу пророческаго,—апостольскія письма растолкуютъ; кто говоритъ во Славу Господню, на спасеніе души, и на слѣужбу Божію, тому не надобно ни одной книги. Сыне, даждь сердце, и не ищи мудрости, а кротости, то и довольно. Ни малѣйшей новости не заводимъ, а старое потерянное отыскиваемъ, и преображенное воздвигаемъ, яко Богъ съ нами есть.

„Хотя постъ и чистота отъ главы до ногъ насъ Святымъ Духомъ возложены, но еще если малолѣтки млекою, а не крѣпкою пищею, насыщены, и не усовершенены въ дѣла Божіи (1 Кор. 3,2), потому какъ скрываемся отъ міра, то даже и слабости нѣкоторыхъ и не искореняемъ, опасаясь всегда отъ своихъ, дабы не возсталъ предатель и не разорилъ бы церкви Христовой, яко случались и во времена апостольскія.

„При всѣхъ обстоятельствахъ стараемся сильнѣйшія немощи немощныхъ носить и тако исполняемъ законъ Христовъ, аще кто хочетъ быть болѣе, буди всѣмъ слуга. Также въ Богопознаніе приводимъ, отъ суевѣрія освобождаемъ, дабы знали живаго Бога, который Духъ есть, не имѣющій никакого вида, а видимые образы ради вида. И до насъ были люди, подобны намъ и угодили Богу, а мы должны въ тую же силу подвизаться, дабы тому же Богу угодить, и въ чистотѣ непорочный ему Свѣту, служить, ибо рече Богъ: будьте святы, яко и азъ святъ есмь, такая заповѣдь тяжелая избранными, а по отшествіи, въ чемъ застану, въ томъ сужду. И такъ по смерти не надѣмся ни на чужія молитвы, ниже на кадило и кутью священническую. Слѣдуетъ каждому не довольно вѣрою но и житіемъ, вообразить въ себѣ Христа и во Христа вообразиться: его же призва, того и оправда, а его же оправда, того и прилавъ въ образѣ Сына своего быть.

„Относительно до скопчества, то оно на твердомъ основаніи Слава Божія, чрезъ уста пророка Исаиіи сказаннаго, что скоп-

цамъ лучшее мѣсто сыновъ и дочерей Господнихъ дастся (56, 4,7) и устами Христовыми дозволено, по силѣ и ревности, исказить себя, или отъ челоуѣкъ обрѣзаться (Мате. 19—12 и таковое дѣло есть истинное постриженіе монашеское и утверженіе иноческаго сана, настоящая схима, печать дара Духа Святаго, крещеніе Христово огнемъ и духомъ, единое крещеніе въ оставленіе грѣховъ, очищеніе плоти отъ похотныхъ соковъ. Камень бѣлъ и на камнѣ имя ново написано, котораго никтоже вѣсть, только пріемляй его. Сіе тайное дѣло было отъ начала. Если кто удостоился получить сію печать, дабы за грѣхи не отвѣчать, то скрывали, ибо рѣдкимъ даетъ самъ Богъ духомъ своимъ, гласомъ Небеснымъ, и просящему не каждому дается сей камень бѣлъ, а безъ гласу Небеснаго никто ни надъ собою, ниже надъ другимъ, не можетъ сдѣлать, и сказано: Многій вмѣстити, да вмѣстити нѣсть на сіе дѣло ни обряда, ниже обыкновения и тайное отъ Промысла непостижимаго и получившіе скрываютъ, яко драгоцѣнный алмазъ, дабы міръ не могъ узнать, а буде узнаютъ, то тяжело жить на землѣ такому челоуѣку, ибо его всѣ ненавидятъ, яко нагло наступили на главу змія и искоренилъ въ себѣ грѣхъ Адамовой, то уже всѣмъ земнымъ, Адамову сѣмени чужой, нѣтъ сродства, за то и не навидятъ, готовы бы были бы живого огню предать. Только которые возродились свыше и имѣють Христовъ духъ, тѣмъ терпимой, яко ради Христа побѣдилъ плоть и всю силу вражью. Сей челоуѣкъ значить убѣленной, какъ Христова пелена, такъ и плоть его убѣлена.

„Въ прежнія времена, до седьмого вѣку отъ Христа, было открыто скопчество отъ временъ апостольскихъ и были нарочитые монастыри, бѣлоризцами нареченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись. Было много архіепископовъ въ Греціи и Римѣ, какъ достаточно о сей матеріи свидѣтельствуютъ книги Баронія 12 вѣковъ, Прологи, Четыи—Минеи, какъ-то: Меодія 14 іюня, Мурина скопца, Оригена; архіереи и даже славные воины были скопцы, какъ то: Стипилионъ (?) въ Греціи, который всю Африку побѣдилъ. И такъ скопцы въ монахахъ въ святыхъ причтены, а въ свѣтскихъ славные мужи были. Ежели жъ ихъ тогда Богъ благословилъ, и нынѣ не оста-

вить, яко той же Богъ Отець. Моисей въ Законѣ написалъ: скопецъ да не будетъ служай дому Господню, яко самъ онъ есть жертвенникъ и не будетъ служай алтарю, и не будетъ приносяй жертвы и службы, яко свободенъ есть отъ земной службы. Но законъ Моисеемъ данъ бысть, а благодать и истина Иисусъ Христосъ бысть (Іоан. 1,17) и для того по благодати, яко сосуди очищенные, были не только иноками, священниками но и архіереями скопци были поставляемы, ибо сіи скопци не ради корыстолюбія не ради чести міра, но прямо ради Царствія Небеснаго.

„Достаточно и сіе понимать, что нужны царю и отечеству министры, полководцы, воины, судьи, земледѣльцы и прочаго званія люди, но колыми паче нужны, яко соль земли, молитвенники; ибо ради всѣхъ дѣлъ и производства надобно присутвіе святаго Духа, имъ же вся быша. И то надобно знать, что Богъ грѣшника не послушаетъ (Іоан. 9,31), а только праведнаго молитва поспѣшествуетъ во благое, то долженъ быть молитвенникъ свободенъ отъ всѣхъ преданій человѣческихъ (Колос. 2, 21 — 23), дабы слово было къ Богу, а Богъ было слово, и такъ чистъ, яко хрустальный сосудъ въ руцѣ Царской, тако предъ очами Божіими и молитвенникъ долженъ быть непороченъ.

„Затѣмъ повергаемъ подъ покровъ Небесный и просимъ Отца Свѣтовъ, дабы открылъ глаза сердечные всѣмъ властямъ земнымъ видѣть истину Господню, чтобы не прогнѣвали Отца небеснаго, не вознесли бы хулу на Святаго Духа и, очистивши чувствія, узрѣли бы непрístupный свѣтъ.

„Непостижимый Отець Свѣтовъ прежде изволилъ избрать рыбарей и простыхъ людей, такъ и нынѣ соизволилъ обитать съ простяками и безчестными людьми: ибо если бы Богъ прежде зашелъ къ вельможамъ, гдѣ бы простымъ дойти и услышать гласъ Божій на освобожденіе грѣховъ, а къ простымъ людямъ всякой можетъ зайти и слышати безвѣстная и тайная премудрости Господней. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцахъ благоволеніе. Сіи слова, пастухамъ сказанныя, первая благовѣсть о Рождествѣ Господнемъ“.

Проектъ „Россъ Мосоха“—въ каковой санъ возвелъ себя мечтательный эксъ-камергеръ—не былъ, конечно, осуществ-

вленъ, но все же спустя годъ состоялся извѣстный визитъ императора Александра I къ Селиванову, что дало скопцамъ небезосновательный поводъ считать правительство несомнѣнно расположеннымъ къ мистическому союзу „бѣлыхъ голубей“. По скопческой редакціи, Александръ задалъ якобы Селиванову вопросъ объ исходѣ предполагавшейся войны съ Наполеономъ, на что получился отвѣтъ отрицательный.

„Не даю благословенья
Тебѣ, явному царю:
Не ходи ты на войну;
Безъ тебя врага уйму.“

Къ этому то счастливому періоду жизни Селиванова и относится написаніе имъ его извѣстныхъ „Строкъ“, т. е. трогательнаго и безыскусственнаго повѣствованія о прежнихъ горестяхъ, перенесенныхъ имъ во время ссылки. Единственное ограниченіе свободы скопческой пропаганды, достигнутое усилиями духовенства, состояло въ запрещеніи продѣлывать надъ прозелитами обрядъ „огненнаго крещенія“, въ остальномъ же скопчество пользовалось полнѣйшею терпимостью со стороны властей, нерѣдко санкціонировавшихъ своими визитами скопческія собранія.

Тихо и мирно протекала жизнь скопческихъ „кораблей“ до 1818 г., начавшаго собою распадъ скопческой организаціи постепенно подорвавшая его силу. Вся бѣда въ томъ, что скопчество въ лицѣ своихъ вожаковъ, не сумѣло сдержаться въ предѣлахъ осторожнаго благоразумія, и изрядно зарвалось, неустанно вербуя новыхъ сочленовъ изъ всевозможныхъ классовъ населенія. Быстро стала развиваться скопческая пропаганда и въ рядахъ арміи, что, наконецъ, уже встревожило петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича, по настойчивымъ представленіямъ котораго рѣшено было „подтянуть“ скопцовъ. Вскорѣ Милорадовичъ получилъ доносъ, что у скопцовъ появилась дѣвица, именующая себя супругою цесаревича Константина Павловича. 17 февраля 1820 г. по высочайшему повелѣнію составленъ былъ особый „секретный комитетъ“ изъ митрополита Михаила, архіепископа тверскаго Филарета, министра духовныхъ дѣлъ князя

Голицына, гр. Милорадовича и кн. Кочубея, постановившій убраться Селиванова въ монастырь, что и было исполнено, но съ большою деликатностью, „изъ уваженія къ человѣчеству, сколь впрочемъ ни суть преступны правила ереси, какія онъ столь долго разсѣваль“. Архимандриту Суздальскаго Спасо-Евфимьева монастыря предписано было принять ссылаемаго старца „съ человѣколюбивою ласковостью и помѣстить его въ кельѣ, которая бы служила, по уединенію своему, къ спокойствію его и ко благоразмысленію“. Ссылка Селиванова, его тайный увозъ изъ дома, гдѣ онъ за послѣднее время проживалъ, переполошили скопцовъ. Бросились по разнымъ дорогамъ отыскивать „батюшку“ и нагнали его въ Тоснѣ, гдѣ и разыгралась умилительная сцена разставанья осиротѣвшихъ скопцовъ съ дорогимъ для нихъ старцемъ.

Одна за другою посылались на Высочайшее имя петиціи именитыхъ скопцовъ, умолявшихъ возвратить имъ „искупителя“, но всѣ подобнаго рода домогательства остались теперь безрезультатными.

Селивановъ умеръ въ монастырѣ 20 февраля 1832 г., но въ вѣрованіяхъ скопцовъ его смерть представляетъ простую фикцію, вымыселъ правительства. Селивановъ живъ, онъ „спрятанъ въ земляхъ иркутскихъ“, а придетъ пора—нагрянетъ онъ въ Москву и произойдетъ полный переворотъ во всемъ религіозно-политическомъ строѣ русскаго государства.

„Людемъ остается только удивляться—пожимаетъ плечами премудрый изслѣдователь скопчества Надеждинъ,—что безвѣстный и безымянный бродяга, невѣжда, не знавшій грамоты, каторжникъ, высѣченный кнутомъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, на глазахъ правительства, могъ играть и доиграть до конца такую невообразимо чудовищную роль: роль самозванца—Царя и Самозванца—Бога“.

Наступившая николаевская эпоха смяла исторію скопчества на поверхности, но не смогла побороть его движеніе въ глубь. Секта расплзлась по самымъ отдаленнымъ уголкамъ русской имперіи, перекинулась даже за ея рубежъ, обосновавшись въ Молдавіи. И если въ наши дни наступательное движеніе скопчества остановилось, то приписать это можно исключительно новому руслу нашей религіозно-моральной мысли,

которую скопчество и хлыстовство съ ихъ выпренностию мало удовлетворяють и заставляють искать иныхъ, менѣе сложныхъ и болѣе осязаемыхъ путей.

И хлыстовство и скопчество, какъ мы говорили, являются наиболѣе ярко выраженными предѣлами мистической тоски русскаго народа по невидимому, но гдѣ-то существующему и подмѣченному „закону трудовому, закону слезовому“. Сектантство тѣмъ и дорого нашему простолюдину, что оно идетъ черпать за насъ своей жизненности въ самой гущѣ человѣческаго горя. „Святая, сѣрая скотина“ съ раскрытою душою жадно воспринимаетъ сектантское ученіе, для котораго и умственная слабость и низкое происхожденіе ничуть не являются препятствіями къ наслажденію божественнымъ духомъ. Сектанты тонко подмѣтили эту психологическую струну, утверждая, что именно

„Въ нищенскихъ домахъ,
Въ чистыхъ душахъ
Ангель поють
Христа даруютъ.

Вотъ почему и хлыстовство, и скопчество—вообще все сектантство, всячески оберегаетъ себя отъ перегруженія догмою, справедливо полагая, что послѣдняя лишь сушитъ душу, заводитъ ее въ казуистическія тенета, въ которыхъ поневоля гибнетъ живой взлетъ человѣческой души. И если говорить о догмѣ крайняго крыла лагеря мистическихъ толкователей религіозной сѣры, то приходится сознаться, что формулированіе ея есть дѣло чисто искусственное, механическое, своего рода ремесленная реставрація потемнѣвшей отъ времени и небрежнаго храненія художественной живописи, работа, сомнительная по своему результату.

Систематическаго ученія скопчества не существуетъ. Его нужно создавать по обрывкамъ, складывать, какъ мозаику, подбирать кусокъ къ куску, часто руководствуясь внѣшнею формою. Мы имѣемъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій, посвященныхъ разбору скопчества, и установленію оригинальной точки зрѣнія на его смыслъ, по главный недостатокъ которыхъ и заключается именно въ доктринерскихъ попыткахъ навязать міровоззрѣнію

„людей Божьих“ и „бѣлыхъ голубей“ систему, планомѣрность и логическую, что ли, обдуманность выводовъ. Но дѣло то въ томъ, что разсматриваемый нами вопросъ о народномъ вѣрованіи прошелъ такую пеструю школу, подвергался столькимъ привнесеніямъ и наслоеніямъ, сплошь и рядомъ чисто индивидуальнаго характера, что отгадать здѣсь первобытное отъ позднѣйшаго, найти связь построенія не такъ то легко. Находятся смѣльчаки, какъ по нотамъ разобрать сложную композицію сектантской души и не могущіе въ то же время рѣшить гораздо болѣе, повидимому, простую задачу: имѣемъ ли мы дѣло съ явленіемъ чисто русскаго корня или, напротивъ, иноземнымъ продуктомъ.

Мы уже видѣли, что хлыстовство зиждется на идеѣ о перевоплощеніи Іисуса Христа въ земныхъ „христовъ“. Скопчество, сохраняя принципъ, значительно сузило его практическое, такъ сказать, примѣненіе, всячески ратуя за централизацию. Селивановъ во всѣхъ своихъ посланіяхъ особенно подчеркивалъ необходимость „вѣрить въ него, яко во *единого* всѣмъ судію“, пришедшаго на землю и для того, между прочимъ, чтобы „сокращать пророковъ“. По понятіямъ скопцовъ всего было два Христа. Первый „пришелъ, принялъ на себя рабій зракъ, проповѣдывалъ спасеніе нищимъ и самъ былъ нищимъ“. Второй—Селивановъ—пришелъ во славу, въ лицѣ императора Петра III, и послѣ его-то смерти наступитъ великое торжество распространенія повсемѣстнаго скопчества.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что возникшее въ послѣднее время такъ называемое ново-скопчество опять отошло къ первоисточнику, то-есть къ хлыстовству, допуская возможность появленія третьяго и даже четвертаго воплотившагося „христа“.

Искупитель „Христосъ“, по вѣрованіямъ скопцовъ, родился отъ „пренепорочной дѣвы“ императрицы Елизаветы Петровны, скрывшейся въ Орловскую губернію подъ именемъ Акулины Ивановны. Самое рожденіе произошло такимъ образомъ: „наша матушка Акулина свѣтъ Ивановна ко престолу поклонилася, святымъ духомъ разблажплася, во злату трубу раструбилася, утробушкой растворилася, вознѣженное дитяtko на бѣлыхъ ручкахъ явилося. Акулина свѣтъ Ивановна залилася горючими слезами, весьма она удивилася; хорошо дитя родилося,

вся вселенная покорилась, земля, небо обновилась, сила божья помолилась, стѣны ада повалились“. Столь необыкновенно рожденный сынъ и былъ одновременно Христомъ и русскимъ императоромъ, лицомъ, превосходившимъ по благодати прежде сниспешаго на землю Исуса. Ему Господь далъ такую власть, что „помимо него ни одна душа не спасется“. Событія послѣдующей жизни Искупителя скопцами рисуются примѣняясь приблизительно къ историческому фону дѣятельности Петра III, вплоть до Ропшинской катастрофы, окончившейся, однако, для него не такъ плохо, какъ на самомъ дѣлѣ. Заранѣе предупрежденный о заговорѣ, Петръ успѣлъ бѣжать за границу, гдѣ принялъ „огненное крещеніе“ и, возвратясь обратно въ Россію, „пріялъ обѣтъ безмолвія“, и подъ именемъ Селиванова началъ свое общественное служеніе человѣчеству. Но въ такомъ скромномъ видѣ Царь-Богъ останется не долго.

Я дождуся той поры времячка,
 Перебирать буду всяко сѣмячко,
 Я отъ чистыхъ не укроюся,
 Надъ царями царь откроюся;
 Завладѣю всѣми престолами
 И короною со державою:
 Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся.

Такъ надѣется Петръ Селивановъ, а за нимъ и все скопчество, задаваясь широкими космополитическими мечтами объ объединеніи подъ властью „Бѣлаго царя“ русской, французской и турецкой націй. Вождедѣнія, какъ видите, достаточно реальныя, на чисто политической почвѣ, хотя и созданы отвлеченною легендою.

Вообще, если мы говоримъ, что въ хлыстовствѣ абстрактность, оторванность является конечною самоцѣлью, идеаломъ всего бытія, то скопчество, отринувъ надежду для отдѣльныхъ личностей путемъ погруженія въ небытіе, достигнуть высшихъ степеней святости, измѣнило и способы огражденія себя отъ жизненныхъ искушеній, давъ указанія болѣе радикальныя и выставивъ самымъ опаснымъ соблазномъ „лѣпность“, которая „весь свѣтъ поѣдаетъ, и отъ Бога отвращаетъ и къ Богу не

допускаетъ. И потому многіе отъ пагубной лѣпости угодники и подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до царствія небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на тлѣнное и пагубное житіе“. Лѣпость „яко моль, точить и поѣдаетъ добродѣтель, и изгоняетъ благодать божію. А безъ благодати божіей, яко нива необработанная пуста есть и бесплодна, тако и человѣкъ безъ Св. Духа пустьъ есть и бесплоденъ“.

Необходимо, слѣдовательно, „обезплотиться“, то есть вернуться къ первобытному своему виду, благоугодному Господу Богу, создавшему первыхъ людей безъ половыхъ органовъ, а получившихъ таковыя послѣ грѣхопаденія, при чемъ шарообразная форма предложенныхъ дьяволомъ яблокъ отразилась на мужскихъ *testiculi* и женскихъ грудяхъ.

Процессъ размноженія человѣчества, по замыслу Творца, долженъ былъ совершаться какимъ-либо инымъ, теперь для насъ скрытымъ способомъ, но возможнымъ въ силу всемогущества Божія. Заповѣдь, данная Моисею объ обрѣзаніи, несомнѣнно, по мнѣнію скопцовъ, имѣла въ виду дать намекъ на полезность оскотленія.

Прозорливые люди якобы такъ и поняли это предубаженіе Божіе. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести Николая Чудотворца, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златуста, а изъ современныхъ богоугодныхъ людей—епископа иркутскаго Иннокентія, въ своей книгѣ „Указаніе пути въ царствіе небесное“, прямо сказавшаго, что „во всякомъ человѣкѣ есть грѣхъ, а грѣхъ—это язва, которая сама собою то-есть безъ всякихъ лекарствъ не излечивается; а у нѣкоторыхъ людей эта язва такъ опасна и глубока, что излечиться можно не иначе, какъ прижиганіемъ и вырѣзываніемъ“.

Совершенно отказываясь отъ какой бы то ни было критики подобнаго рода взгляда, процитируемъ изъ донесенія Надеждина описаніе хирургическихъ пріемовъ, употребляемыхъ скопцами при обрядѣ „огненнаго крещенія“.

„Сколько извѣстно, — говоритъ изслѣдователь, — операція оскотленія у первыхъ скопцовъ состояла только въ отнятіи сѣменныхъ ядеръ или яичекъ, которыя называются у нихъ „удесными близнятами“. Это дѣлалось посредствомъ отжиганія мошонки раскаленнымъ желѣзомъ. Впослѣдствіи утвердился

обычай довольствоваться просто бритвою, ножомъ или другимъ вообще острымъ орудіемъ, которымъ мошонка отрѣзывается, послѣ предварительной, крѣпкой перевязки ниткой или тоненькой веревочкой; прижиганіе употребляется потомъ иногда какъ средство къ остановленію кровоточенія. Но изувѣрство не остановилось на этомъ только видѣ самоискаженія. По сознанію самихъ скопцовъ, отнятіе однихъ ядеръ не уничтожаетъ вовсе плотскаго вожделѣнія и оскопленные такимъ образомъ особенно оъ молодости, не лишаются даже способности къ совокупленію, только это происходитъ безъ изліянія сѣмени и съ долговременнымъ напряженіемъ“, простирающимся до крайности изнеможенія. Посему для достиженія совершеннаго безстрастія и полной чистоты, фанатики рѣшились подвергать себя отнятію самаго ствола, называемаго у нихъ „ключемъ бездны“. Эту операцію, которая большею частью производится вторично, иногда спустя много лѣтъ послѣ отнятія ядеръ, надъ иными же совершается и вдругъ, за одинъ разъ, скопцы именуютъ „полнымъ крещеніемъ“ или наложеніемъ „царской печати“. Орудіемъ для совершенія ея употребляется топоръ, а иногда и простое долото, которымъ стволъ отсѣкается. По всему видно, что этотъ второй видъ есть позднѣйшаго происхожденія: здѣшніе скопцы увѣряютъ, что онъ началъ распространяться въ Петербургѣ не прежде 1816 г. Это подало поводъ къ нѣкоторому расколу въ скопческой сектѣ, слѣды коего примѣчаются и понынѣ. Такъ называемые „старые скопцы“, оставшіеся при одномъ отнятіи ядеръ, почитаютъ „царскую печать“ преступнымъ нововведеніемъ, получившимъ начало свое отъ скопцовъ Замосковныхъ, коихъ поэтому чуждаются и называютъ „псами, не постигающими истиннаго разума св. Писанія“, повелѣвающаго скопчество якобы только въ первоначальномъ видѣ отнятія „удесныхъ близнятъ“. Если вѣрить имъ, то Лже-Искупитель Селивановъ нисколько не одобрялъ такого неистовства, напротивъ, рѣшительно воспрещалъ его своимъ ученикамъ. Это, однако, сомнительно. Селивановъ едва ли не былъ самъ полный скопецъ; иначе какъ объяснить его сказаніе о себѣ въ „Страдахъ“, что „когда онъ пошелъ въ Иркутскъ, то у него было товару только за одной

печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатями“.

„Это суть главные и общіе, но отнюдь не единственные способы оскотленія, употребляемые изувѣрами. Во внутреннихъ губерніяхъ, особенно въ Тамбовской, существуетъ особый родъ скопцовъ, называемыхъ „перевертышами“. Они не лишаютъ себя никакихъ частей тѣла, но,—вѣроятно, еще съ дѣтства—перекручиваютъ себѣ „сѣменные канатики“, къ которымъ привѣшены ядра и тѣмъ разрываютъ всякую органическую связь между ними и остальнымъ тѣломъ, что препятствуетъ приготовленію въ нихъ сѣмени, и оттого, по своимъ послѣдствіямъ, вполне соотвѣтствуютъ оскотленію. Сверхъ того въ послѣднихъ (1841—42 г.г.) открытая въ Дерптскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи между существующими тамъ закоренѣлыми раскольниками новая секта, основанная крестьяниномъ Куткинымъ, даетъ сильный поводъ къ подозрѣнію, что въ ней употреблялось оскотленіе посредствомъ прорѣзыванія или прокалыванія „сѣмянныхъ канатиковъ“, послѣдствія котораго должны быть тѣ же, что отъ перекручиванія у „перевертышей“.

„Что оскотленіе, или по крайней мѣрѣ, попытки оскотленія, производятся и надъ женщинами, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такія женщины, для которыхъ существуетъ и особое наименованіе „скопчихъ“, открываются непрерывно. Признаки оскотленія встрѣчаются у нихъ обыкновенно на грудяхъ или въ самыхъ дѣтородныхъ частяхъ. Первыя иногда отрѣзываются на-чисто, иногда вырѣзываются, выжигаются или вытравливаются на нихъ только сосцы, а иногда все ограничивается вырѣзкою подгрудныхъ железокъ, особенно изъ-подъ лѣвой груди. У дѣтородныхъ частей отрѣзываются клиторъ, малыя губы, а иногда и большія губы. Подобныя изуродованія въ сущности не могутъ имѣть того же значенія, какъ у мужчинъ отнятіе или поврежденіе сѣменныхъ ядеръ. Дѣйствительное оскотленіе женщины можетъ быть произведено только вырѣзкою „яичниковъ“, а эта операція по трудности выполненія признается въ современной медицинѣ если не совсѣмъ невозможною, то весьма затруднительною. Всѣ прочія изуродованія,

находимыя у скопчихъ, должно почитать только мнимыми оскопленіями, физически нисколько не достигающими цѣли“.

„Чтобы подвергнуть себя такимъ варварскимъ, нерѣдко опаснымъ и во всякомъ случаѣ сопряженнымъ съ болѣзненными страданіями, мучительствамъ, нужна—соглашается Надеждинъ—высшая степень фанатическаго изступленія“.

„Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества“—произведеніе пера г. Пеликна и относящееся къ 1875 г., приходитъ къ довольно-таки грустному выводу о психологическихъ особенностяхъ скопца, „крещеннаго“ еще въ дѣтствѣ.

Все,—констатируетъ авторъ,—что составляетъ принадлежность мужского характера, остается у нихъ недоразвитымъ. Въ тотъ переходный періодъ жизни человѣка, когда онъ изъ мальчика, предававшася невиннымъ развлеченіямъ дѣтскаго возраста, становится юношею, и когда въ немъ пробуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, новый взглядъ на жизнь, на свой долгъ и обязанность по отношенію къ обществу,—у нормальнаго человѣка въ это время, вслѣдствіе развитія половой дѣятельности, появляется влеченіе къ другому полу, онъ сперва инстинктивно начинаетъ испытывать потребность любви, вмѣстѣ съ тѣмъ у него возникаютъ высокія стремленія души къ благородной дѣятельности, къ совершенію подвиговъ, чувство преданности къ отечеству и пр. Все это чуждо юношѣ-кастрату: въ это время онъ остается безразличнымъ къ окружающей его средѣ; въ душѣ его нѣтъ и зачатка благородныхъ стремленій, сознанія долга, обязанностей гражданина; у него нѣтъ будущности и онъ живетъ только жизнью окружающей его среды, гдѣ видитъ онъ лишь примѣры необходимости оскопленія и вся обстановка этой жизни подчиняетъ его вліянію секты, инстинктивно привязываетъ его къ ней. При наступленіи возмужалости для него не существуетъ счастья семейной жизни, ему чужды мужество и высшая фантазія, всего чаще у него развиваются взаимно этихъ качествъ многіе пороки людей съ ограниченнымъ кругозоромъ, съ низкимъ уровнемъ нравственности: эгоизмъ, хитрость, лукавство, коварство, алчность къ деньгамъ и т. п.“.

Ничуть не закрывая глазъ на нѣкоторую напыщенность

такого рода сентенціи, все же приходится согласиться съ ея извѣстною приближенностью къ истинѣ.

Горячо и прочувствованно возсталъ противъ скопчества извѣстный Пилецкій, ревностный сочленъ „духовнаго союза Татариновой“—о послѣднемъ рѣчь будетъ впереди,—издавъ въ 1819 г. съ одобренія Александра I рѣдчайшую въ наши дни брошюру „О скопцахъ“, предназначенную служить контръ-агитаціоннымъ средствомъ. Книжка эта имѣетъ глубокой интересъ, уже потому, что полно отражаетъ въ себѣ мистическое настроеніе эпохи Благословеннаго вообще, и въ частности кружка Татариновой и Дубовицкаго, съ которыми мы встрѣтимся въ слѣдующей главѣ. Да проститъ насъ лицо, которому доведется пробѣжать нашу книжку, если мы задержимъ нѣсколько его вниманіе и воспроизведемъ страничку плода религіозно-нравственнаго вдохновенія глубоко проникновеннаго духовнаго христіанина затрагиваемой нами эпохи.

„Въ нынѣшнее время—тихо радуется Пилецкій—болѣе, чѣмъ когда-либо примѣтно въ народѣ всеобщее стремленіе познать Бога. Сіе стремленіе столь сильно, что души, жаждущія спасенія, но не просвѣщенныя внутреннимъ ученіемъ отъ Духа Святого, имѣя самую благороднѣйшую цѣль, хватаются, по невѣжеству, и за ложныя средства, прилѣпляются къ онымъ, утверждаютъ въ заблужденіи и дѣлаются, наконецъ, жертвами онаго, оттого что не познали всѣмъ сердцемъ истины, и что люди, познавшіе оную, не имѣютъ возможности подойти къ нимъ, дабы открыть имъ глаза, что царствіе Божіе внутри насъ обрѣтается, то-есть въ сердцѣ, которое единъ токмо Духъ Святой обновить и просвѣтитъ можетъ. Кромѣ молитвенныхъ храмовъ, въ коихъ священнообрядно совершается ѣскупительная жертва явною властію установленнымъ духовенствомъ, еще съ апостольскихъ временъ продолжались особыя собранія христіанъ, въ коихъ они радовались о своемъ Господѣ и Спасителѣ, исполняясь Духа Святого посредствомъ вдохновенныхъ божественныхъ пѣсней и при томъ назидались, укрѣплялись и утѣшались пророческимъ славамъ, которое было прорекано для вѣрующихъ въ явленіи Святого Духа, чрезъ христіанъ, получившихъ даръ пророческой. Таковыя собранія всегда были, но только скрывались отъ тѣхъ людей

кои не имѣли участвовать въ оныхъ. Пока сіе ученіе продолжалось, до тѣхъ поръ и дары Святаго Духа, какъ-то: пророчество, языки и пр., были чисты и обращены во славу Божию. Но когда въ ученіе Св. Духа вмѣшивалось челоуѣческое, тогда вдохновенія ослабѣвали и уступали мѣсто школьному богословію и премудрости, умомъ челоуѣческимъ сплетенной. Когда же вкрадывалось ложное ученіе, тогда люди, получившіе дары Святаго Духа, теряя мало-по-малу чистоту сердца, принимали въ себя нечистыя и ложныя внушенія, тогда и дары сіи, помрачаясь таковыми внушеніями, обращались въ судъ и заблужденіе тѣмъ, въ пользу коихъ они были даны. Такъ самый чистый ручей, протекая грязныя мѣста, принимаетъ въ струи свои чуждыя примѣси, и дѣлается наконецъ, мутнымъ, а подъ конецъ, къ употребленію вовсе негоднымъ. Такъ всегда образовывались лже-учители или лже-пророки, которые были прежде на пути къ истинѣ, но потомъ отпали отъ истинныхъ учителей и пророковъ и увлекали другихъ въ свои заблужденія. Для избѣжанія сихъ заблужденій весьма нужно вѣрнымъ просить у Господа Духа Истины того помазанія, которое всему учитъ, и различенія духовъ, которое также есть даръ Духа Святаго, какъ даръ пророчества, даръ исцѣленія и пр.

„Сіе несчастіе, то-есть отпаденіе отъ истиннаго ученія, случилось, вѣроятно, въ послѣдствіи времени съ обществомъ скопцовъ, съ тѣхъ поръ, какъ оно признало оскотпленіе единственныиъ средствомъ къ спасенію.

„Въ обширномъ смыслѣ слово скопецъ означаетъ здѣсь такого челоуѣка, у котораго умерщвлены всѣ страсти и похоти распятіемъ оныхъ, безпрестанныиъ противоборствомъ закону ихъ, воюющему въ членахъ нашихъ и побѣжденіемъ ихъ бдѣніемъ надъ мыслями и желаніями своими и сокрушенною сердечною молитвою, слѣдовательно, духомъ, внутренно, а не по наружности, тѣмъ менѣе тѣлесныиъ себя оскотпленіемъ. Въ подобномъ же заблужденіи находятся и тѣ именующіеся христіанами и поставляющіе духовную жизнь и христіанство въ однихъ только наружныхъ, по мнѣнію ихъ, благочестивыхъ упражненіяхъ, безъ сошествія и вселенія въ сердца ихъ Духа Святаго, безъ котораго вкуситъ вѣчную

жизнь Христа, познать Его и поклоняться Ему, слѣдовательно и истиннымъ христіаниномъ быть невозможно.

„...Скопецъ столь же безразсудно поступаетъ, какъ поступилъ одинъ человѣкъ, незнающій часового дѣла, съ испорченными часами. Видя, что часы дурно идутъ, вмѣсто того, чтобы починить ихъ внутренность, онъ снялъ скорѣе стрѣлку, не разсудя, что стрѣлка ни мало не виновата; напротивъ, она даже нужна: ибо показываетъ внутреннее состояніе часовъ, а не есть причиною ихъ порчи. Часы—человѣкъ; внутренняя ихъ расстройка—грѣхи въ сердцѣ; стрѣлки—членъ, коимъ грѣхъ обнаруживается.

„...Скопецъ, разрушивъ тѣлесные свои уды и неиспытавъ на себѣ Божественной любви и духовнаго обновленія, обратилъ всю любительную силу на самого себя и усилилъ чрезъ то многія другія страсти злѣйшія, нежели любовь естественная къ подобной себѣ твари.

„Человѣкъ сотворенъ для любви, въ этомъ все его блаженство. Всякъ имѣетъ уже отъ природы въ себѣ эту силу. Сія сила ищетъ своей пищи, любимаго своего предмета. Блаженъ, кто обратилъ ее на существо самое чистѣйшее, слѣдовательно достойнѣйшее любви и поклоненія, а именно на Бога; ибо чѣмъ небеснѣе и святѣе любимый предметъ, тѣмъ небеснѣе и святѣе любовь, тѣмъ блаженнѣе и тотъ, кто ее ощущаетъ: слѣдовательно, любящій Бога долженъ ощущать высочайшее блаженство. Природную и нечистую любовь Господь, духомъ своей благодати, перерождаетъ въ любовь духовную, небесную, но гдѣ истребленъ корень природной любви, тамъ перерожденіе оной мѣста имѣть не можетъ, а это величайшее несчастіе для человѣка“.

Заканчивая краткое изложеніе исторіи скопчества и хлыстовства, приглашаемъ читателя припомнить по сему поводу слова русской души, съ головою бросившейся въ бурный потокъ революціонной бури и кончившей обильнымъ возліаніемъ на главу свою лампаднаго елея—именно Кельсјева: „Религія, вмѣшавшись въ половыя отношенія, не могла не прійти къ двумъ крайностямъ. Она потребовала съ одной стороны *свалку*, съ другой—полное воздержаніе и скопчество. Во время возник-

новенія христіанства были уже терапевты, эссены; фиваидскіе пустынножители создали цѣлую систему монашества. Монашество принялось и развилось съ страшною силой, такъ что Западная и Восточная церковь скорѣе терпятъ и допускаютъ бракъ, чѣмъ его дѣйствительно благословляютъ. Мудрено ли, что при дурномъ мнѣніи о бракѣ, которое существуетъ въ нашемъ народѣ, у насъ появилось скопчество. Мужикъ съ дѣтства слышитъ порицаніе плотской и житейской мудрости, и, отвергая незнакому ему мірскую науку, идетъ спасаться; спасеніе въ скитахъ или въ келіяхъ его не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить — онъ или пускается въ полный разгулъ или сконится. У насъ почва для того и другого давно готова, тѣмъ болѣе, что крестьянская и купеческая семья дѣйствительно удушлива. Безпоповцы пошли на сдѣлку и изобрѣли новый бытъ, который едва ли гдѣ встрѣчается. У нихъ дѣвкѣ запрещается выходить замужъ, а между тѣмъ семья довольна, что дѣвка приноситъ ей новыхъ работниковъ и работницъ. Безбрачная семья все же связана кровными узами и такъ же крѣпка, какъ и благословенная церковью. На Западѣ, гдѣ протестантство благословило бракъ и сдѣлало его обязательнымъ, вышло другое. Сектъ отвергающихъ бракъ въ Америкѣ очень не много, зато тамъ есть мормоны, которые возвели въ догматъ многоженство. Мормоны и скопцы послѣднее выраженіе двухъ религіозныхъ міровъ — Западнаго и Восточнаго. Въ нихъ какъ въ выпукломъ зеркалѣ отразились слабыя стороны православія и протестантства, и въ нихъ великій урокъ учителямъ той и другой вѣры; напрягая благочестіе своихъ паствъ, они пробиваютъ дорогу всякаго рода ересямъ и толкамъ“.

„Духовный союзъ“ Татариновой.

За два года до изданія брошюрки Пилецкаго въ руки тогдашняго министра полиціи Вязьмитинева попало случайно письмо проживавшей въ Михайловскомъ замкѣ жены полковника Катерины Филипповны Татариновой, которое показалось подозрительнымъ фразою о желательности „соблюдать

тайну собраній“. Стали поприглядывать за Татариновой, и вскорѣ узнали, что тамъ происходятъ собранія членовъ такъ называемаго „духовнаго союза“, поставившаго себѣ главную цѣль „хождение въ присутствіи Божиємъ и самое точное соблюденіе заповѣдей Божьихъ“.

„Въ смыслѣ религіозномъ—писалъ потомъ одинъ изъ „союзниковъ“ генераль-лейтенантъ Головинъ—это не есть секта, ибо слово секта предполагаетъ отсѣченіе послѣдователей ея отъ церкви или отъ того вѣроисповѣданія, къ которому они принадлежали. Здѣсь ничто подобное никогда не имѣло мѣсто, ибо всѣ тѣ, кои находились въ кругу знакомства съ г-жею Татариновой, не только не охладѣли къ церкви, но еще болѣе съ нею сблизились, особенно въ отношеніи къ отличительнымъ догматамъ православнаго вѣроисповѣданія, какъ то: почитанію Божьей Матери, признаванію Ея и святыхъ заступленія, уваженію и любви къ иконамъ, предпочтенію обрядовъ греко-россійской церкви въ богослуженіи всѣмъ другимъ и пр.“

На всякій случай довели о богомольной полковницѣ императору Александру. Тотъ приказалъ оставить ее въ покоѣ.

Тѣмъ дѣло на первый разъ и окончилось, такъ какъ ничего предосудительнаго на собраніяхъ не творилось, и хотя особенно бросавшейся въ глаза гласности, указывавшей на стремленіе къ пропагандѣ тоже не наблюдалось, но и упрекнуть Татаринову въ полной конспиративности трудно было. А „къ правительственнымъ властямъ Татаринова вселяла покорность и уваженіе не пустымъ многоглаголапіемъ и фразами, а чувствомъ истиннаго смиренія, при видѣ немощей человѣческой природы, бороться съ которыми призываетъ насъ законъ Христовъ“.

Екатерина Татаринова, урожденная Буксегвденъ, была женщиною далеко не заурядною. „Сердце ея горѣло любовью къ Господу Спасителю съ такою необыкновенною силою которую только одна могла изъяснить живыми словами. По искренности и благоразумной простотѣ своей, она желала открыть радость, которую нашла въ Господѣ, всякому, кто только могъ ей произнести сладчайшее для нея имя Спасителя. Всѣ слова ея запечатлѣвались необыкновенною силою духа и сообщали любовь“. Благодаря такимъ душевно подчиняющимъ ка-

чествамъ Татаринова пользовалась крупнымъ вліяніемъ среди лицъ разныхъ слоевъ общества.

„Общество Катерины Филипповны — сообщаетъ близко ее знавшій беллетристъ Кукольникъ—составилось случайно, безъ всякой мірской или эгоистической цѣли. Жизнь ея была безпрерывною стезею тяжкихъ страданій, тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, недостатка преслѣдованій, съ которыми суждено было бороться около 30 лѣтъ... Лишась послѣдняго утѣшенія съ кончиною сына Татаринова была близка къ отчаянію. Одна знакомая ей женщина, простого званія, пришла ей на помощь съ утѣхою вѣры, убѣждая ее искать на небесахъ подкрѣпленія, а чтобы запятъ умъ и сердце ея духовными упражненіями, ввела ее въ многочисленное тогда въ Петербургѣ, общество скопцовъ. Татаринова не принимала участія въ радѣннн, но пророчество сдѣлало на нее сильное впечатлѣніе. Со времени появленія ея въ этомъ обществѣ насталь рѣшительный переворотъ въ ея чувствіяхъ и стремленіяхъ души“.

Составившійся вокругъ Татариновой „духовный союзъ“, принялъ скоро чисто хлыстовскій богослужебный ритуальъ, всю суть его полагая въ радѣннн—„видимомъ ликованнн Духа, которое вмѣстѣ съ пѣніемъ и пророчествами составляло какъ бы духовный балъ, торжественный и радостный, па которомъ души и тѣла радуются о своемъ Господѣ, ибо живое дѣйствіе и присутствіе св. Духа въ это время бывають весьма ощутительны“.

Татаринова нерѣдко и сама пророчествовала, отличаясь, видимо, весьма удобною для этого натурою. „Мы видѣли ее въ скорби — говорилъ авторъ воспроизведенной у насъ брошюры „О скопцахъ“ — и въ слезахъ, часто въ совершенномъ изнеможеннн и вслѣдъ затѣмъ веселю, съ лицомъ свѣтлымъ, на коемъ выражались покой, свобода, сила, мудрость и простота святаго младенчества. Въ присутствнн другихъ — даются ей сила, здоровье, радость и свобода духа. Даръ святаго пророчества открылся въ ней въ великой полнотѣ“.

Императоръ отнесся очень милостиво къ начинаніямъ Татариновой на почвѣ объединенія духовнаго его подданныхъ, во многомъ отвѣчавшимъ его сокровеннымъ замысламъ.

О кружкѣ Татариновой ходили по Петербургу въ свою оче-

редь и целестные слухи, приписывавшіе ей довольно-таки скандальныя похождения, что нашло себѣ отраженіе въ одномъ изъ псалмовъ, распѣвавшихся на собраніяхъ союза:

Пусть громко міръ ругаетъ насъ,
 Злословить и клевететь,
 Не вреденъ намъ завистныхъ глазъ,
 Коль свѣтъ съ востока блещеть.
 Вся тайна истины—въ любви,
 Но міръ того не знаетъ.
 Питая тщетно желчь въ кровя,
 Онъ много самъ теряетъ.
 Хоть міръ противъ насъ жестокъ,
 Хоть много намъ онъ зла творить
 Мы тайно слезный льемъ потокъ,
 Но міръ не судимъ строго.
 Любовь превыше всѣхъ отрадъ
 Вмѣщаетъ всѣ блаженства,
 Она любезнѣй всѣхъ наградъ,
 Источникъ совершенства.
 О чемъ же больше намъ тужить!
 Чтобъ въ полной радости прожить,
 Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить.

Всѣ члены кружка Татаринова руководствовались идеею, выразившегося въ сочиненіи „О приведеніи всѣхъ христіанскихъ церквей въ первоначальное единство“. Церковь раздѣляется на священно-обрядовую и внутреннюю, созидающую въ сердцѣ, и образующуюся изъ отдѣльныхъ обществъ, возникновеніе которыхъ восходитъ къ эпохѣ апостольства. Нѣкогда и обрядовая церковь не лишена была благодати Святаго Духа, но съ теченіемъ времени и порчею нравственности связь эта утратилась, ввиду чего и исповѣдуемая нынѣ у насъ греко-православная религія дескать безсильна обновить человѣка и какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовать его духовному общенію съ Богомъ. Вотъ почему таинство причащенія не дѣйствительно, какъ основанное на обрядности. Церковь православная мертва и безгласна, не прилагая никакихъ стараній разогнать

тѣмъ невѣжества, окутавшую христіанство. Только въ тайныхъ общинахъ, отказавшихся отъ стараго богослужебнаго ритуала, и можно еще обрѣсти людей, облеченныхъ апостольскою силою. Они то и помогутъ истинно вѣрующимъ душамъ найти въ себѣ присутствіе Святаго Духа, и когда послѣдняя благодать станетъ всеобщимъ достояніемъ, тогда и произойдетъ наступленіе единой, святой, апостольской церкви.

Пропаганда Татариновой имѣла чисто, такъ сказать, мѣстный характеръ, не выходя изъ предѣловъ петербургскаго раіона, и весь интересъ „союза“ покоится лишь на его роли какъ проводника „мужицкаго“ хлыстовства со всѣми его атрибутами въ барскіе салоны, гдѣ и теорія и практика „божьихъ“ людей подверглись рафинированію въ смыслѣ приноровленія къ особенностямъ нивы. Наблюдалось нѣчто въ родѣ „хожденія въ народъ“ нашихъ семидесятниковъ. Великосвѣтскіе хлысты самоотверженно рѣшили „отложить и иопрать ногами всю мудрость людскую со всѣми ея приличіями“, и на радѣвняхъ, сильно пришедшихся имъ по вкусу „приходили въ такой восторгъ, что забывали себя, играли, пѣли, предавались святому скаканію и плясанію, плескали руками и т. п.“

Благоволеніе властей, съ усиленіемъ общаго реакціоннаго тона послѣднихъ годовъ царствованія Александра I, сильно понизилось по отношенію къ Татариновой и приняло совсѣмъ скверный для послѣдней оборотъ съ наступленіемъ суроваго періода фоворитизма гг. Бенкендорфа и Дуббельта, совершенно не примирявшихся съ возможностью существованія какого-то религіознаго сообщества внѣ оффиціальной церкви, къ которому принадлежать „люди, желающіе нарушить спокойствіе въ государствѣ“. Нашлись услужливые радѣтели, состряпавшіе доносъ, что „Татаринова есть таинственная женщина, проповѣдующая особую философію о братскомъ равенствѣ, что, скрывая истинную цѣль своего ученія, она стремится къ тому, чтобы всѣ крѣпостные ея кружка были отпущены на волю, а находящимся въ услуженіи проповѣдуется равенство и съ этою цѣлью ихъ сажаютъ за однимъ столомъ съ собою и даже даютъ мѣсто выше, чтобы утвердить ихъ въ идеѣ равенства“. Съ подобнаго рода поползновеніями въ ту пору шутить не любили и кружокъ Татариновой подвергся полному

разгрому, а его вдохновительница была отправлена въ Кашинскій женскій монастырь, гдѣ и пробыла до 1847 г., пока, наконецъ, не дала письменнаго обязательства отказаться отъ своего ученія. Умерла Татаринова въ Москвѣ 13 іюля 1856 г.

Ересь есаула Котельникова.

„Духовный союзъ“ Татариновой правильнѣе всего разсматривать какъ вставочный эпизодъ въ исторіи русскаго сектантства, не давшій какихъ-либо ощутительныхъ результатовъ, но любопытный именно самою возможностью своего существованія, обязаннаго хаотичности эпохи, полпой нелѣпыхъ курьезовъ. Ураганомъ пролетѣвшій надъ Европою, мимоходомъ взрывшій Россію, „апокалипсическій звѣрь“ Наполеонъ, являвшій на себѣ примѣръ чудовищнаго развитія человѣческой воли въ связи съ слѣпымъ счастьемъ, безгранично вѣровавшій въ таинственность вѣчнаго промысла Александръ Благословенный, готовый ввести у своихъ подданныхъ чуть ли не новую реформацію, полицейскіе урядники съ евангеліемъ въ рукахъ—все это не мало смутило россиянь. Слухи ходили Богъ вѣсть какіе. Легенды разрослись съ каждымъ днемъ. Тамъ появлялись знаменія, тутъ находились провидцы; точно указывавшіе день и часъ наступающаго втораго пришествія. Паства сбилась съ вѣры, пастыри не знали, чему учить. Вотъ въ это то время на Дону выступилъ новый «ересіархъ» оставшей есаулъ, Евлампій Котельниковъ. Начитавшись мистической литературы, Котельниковъ организовалъ общину, состоящую всего изъ пяти сочленовъ, на подобіе первобытныхъ христіанъ устраивая съ ними ежедневное причащеніе въ формѣ символическаго преломленія хлѣба. Написалъ Котельниковъ книгу „Начатки съ Богомъ остраго серпа“, и представилъ ее чрезъ министра духовныхъ дѣлъ императору; приписывалось ему также мнѣніе, что „антихристъ стоитъ въ нашей святой церкви и мерзость заустѣнія; церковь есть блудница великая, Вавилонъ, жилище бѣсовъ, народъ въ ней собирается не чашу Господню пить, а чашу антихриста, чашу бѣсовскую, которую растворяютъ они мерзостью; она съ таинствами своими

разрушена будетъ императоромъ Александромъ. Въмѣсто православной церкви въ царствованіе Александра откроется и распространится новая секта духоносцовъ, подъ именемъ единовѣрія, по всей вселенной, такъ быстро, что не успѣетъ еще Библия всѣмъ роздана быть. Эта новая церковь есть невѣста Христова, есть перворожденная нынѣшней эпохи церковь. Къ сей новой религіи назначена отъ Бога быть вратами императрица Марія Теодоровна. А дабы ввести ее, для сего родился духовно въ императорѣ Александрѣ Иисусъ Христосъ. Императоръ Александръ есть мужъ новой церкви, есть Христосъ Господень, который распространить ее своими указами. Императоръ Александръ древнюю Христову церковь, яко любодницу истребить, а новую религію и самъ приметъ и синодъ благословить“. По ученію Котельникова, всякій христіанинъ есть свѣтильникъ, священникъ, царь, Христосъ, Сынъ Божій, Богъ, и потому всякій можетъ совершать богослуженіе.

Котельникова рѣшили „призвать къ порядку“. Доставленный въ Петербургъ, по распоряженію графа Аракчеева Котельниковъ былъ посаженъ въ тюрьму, освобожденъ изъ нея только послѣ принесенія чистосердечнаго раскаянія, вызваннаго якобы миссіонерскимъ талантомъ пресловутаго архимандрита Фотія и, получивъ тысячу рублей, уѣхалъ къ себѣ на родину. Несомнѣнно, что религіозный есаулъ совмѣщаль мистическія наклонности съ чисто финансовыми расчетами, что явствуетъ изъ нижеслѣдующаго его письма къ тому же Фотію.

„Я теперъ понимаю—лукавить Котельниковъ—смысль слогъ новыхъ книгъ, изданныхъ во время изданія Библии (?). Гдѣ только смыслъ относится къ дѣйствию Духа, тамъ, по мистическому, сокровенному отъ простаго дѣйствія, разумѣть должно демона. Почему чтеніе Библии должно кажется вовсе прекратить. Спасетъ ли душу чтеніе ея, когда читая, толкуютъ во вредъ, и когда толкованіе предоставлено единственно соборной апостольской церкви Христовой, и что никакого пророчества въ писаніи пельзя разрѣшить самому собою? „Мнѣ съ ума нейдутъ важныя послѣдствія, какія могутъ возродиться отъ толкуновъ Библии. Зло надлежитъ истреблять вскорѣ. Истребленіе сдѣлается непримѣтнымъ образомъ, нужно только побывать въ извѣстныхъ мѣстахъ, познакомиться ересіархами и въ

ученикахъ ихъ пустить одно сомнѣніе, которое удобно другъ отъ друга распространяется“. Развивъ такой макіавеллистическій планъ, Котельниковъ въ элегическомъ тонѣ описываетъ злключенія съ своимъ домомъ, назначеннымъ къ продажѣ за долги и кончаетъ довольно таки недвусмысленною просьбою помолиться за него, „чтобъ сей демонъ смущающій исчезъ“.

Всѣ члены семьи Котельникова, имъ же вовлеченные въ новое ученіе, остались ему вѣрны, что не мало смущало отрекшагося есаула. Расчеты Котельникова на Фотія не оправдались, самолюбіе его было уязвлено опубликованнымъ для свѣдѣнія донскаго казачества его отреченіемъ, и вотъ онъ снова отшатнулся отъ православія. Опять Котельникову пришлось подневольникомъ путешествовать въ Петербургъ и предстать предъ духовнымъ соборомъ. На этотъ разъ онъ велъ себя съ полнымъ достоинствомъ, разразившись цѣлою филиппикою противъ оффиціальной церкви. Участвовавшій въ разборѣ дѣла Котельникова тотъ же Фотій высказался, что мнѣнія еретичествующаго казака „для черни есть ядъ самый вреднѣйшій, не хуже морового повѣтрія“. Всевозможнѣшія увѣщанія нисколько не помогли и стойко державшагося на своемъ ученіи Котельникова заточили въ Соловки. Тамъ онъ не долго выдержалъ, и въ 1827 году подалъ игумену Досіею свою обстоятельную, и на этотъ разъ вполне чистосердечную исповѣдь съ признаніемъ, что онъ сильно поколебался въ правотѣ своихъ мнѣній, послѣ того, какъ предсказанная имъ кончина міра въ 1826 г. не осуществилась. Интересна въ данномъ случаѣ попытка Котельникова дать классификацію теченій христіанскаго разномыслія, подраздѣляемыхъ по существу на три категоріи, полностью имъ же пройденныя, а именно:

1) «На ересь душевную, безъ духа удаляющую себя отъ вѣры, которая принимаетъ Священное писаніе и толкуетъ, какъ и я толковалъ—скорбитъ Котельниковъ—своимъ собственнымъ умомъ, безъ дѣйствія Св. Духа и заблуждается, потому что всяко пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ; ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Св. Духа просвѣщаемы глаголаша святіи Божіи человѣцы. Сею ересью заражены западныя церкви, коихъ былъ я защит-

никомъ и всѣ русскіе раскольники, кои суть по жизни своей христіанскіе лицемѣры. Изъ нихъ запрещено духовнымъ регламентомъ избирать на должности не только на духовныя, но и на гражданскія, яко государю и государству непрестанно аломыслящихъ людей. Къ нимъ принадлежатъ и внутренніе враги церкви, кои суть церковные лицемѣры, ибо всѣ они толкуютъ по святому писанію, какъ и я тольковалъ, что Богъ милосердъ и все живущему во грѣхахъ прощаетъ. А по сему толку великій грѣхъ причиняется государственной и ближняго своего экономіи во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ по торговлѣ, хозяйству, службѣ, или должности безъ страха Божія и пощады. Сіи ереси, яко бѣсовскія, вредоносныя и заразительныя, отвергаю и проклинаяю...

2) „Еще раздѣляются ереси на душевныя же безъ духа, которыя приимають нѣсколько текстовъ священнаго писанія, а прочее все отвергають и составляютъ себѣ тексты по своему уму. Таковы суть разныя общества иконоборцевъ, кои явно отвергають поклоненіе иконамъ: къ нимъ принадлежатъ церковные вольнодумцы, кои ежегодно причащаются св. таинъ какъ масоны, не для полученія благодати на спасеніе, но по, обычаю, для избѣжанія порицанія за непричащеніе и для права опредѣленія себѣ къ должностямъ. Сихъ непочитаніе къ святымъ иконамъ бываетъ столь же явно, когда предъ иконами не только не дѣлають имъ чести, но въ присутствіи ихъ яко изображающихъ Всемогущаго Бога, сквернословятъ и всячески грѣшатъ; различіе имѣють отъ иконоборцевъ въ томъ, что иконоборцы, между собою живутъ одни любострастно, а другіе воздержно, между собою дружелюбно, непостоянно по слову: чего себѣ не желаешь, того другому и желай, а сіи никакого ни съ кѣмъ постояннаго дружества и ни къ кому [кромя себя доброжелательства не имѣють, какъ и вышеписанные лицемѣры, иногда благотворящіе другимъ изъ тщеславія, въ чемъ я первый, и способный на преклонность къ сектѣ масонской и карбонарской, въ непризнаніи Тріедины Бога, религіи и государя. Подобныя вольнодумцамъ церковные суевѣры, кои содержатъ и употребляютъ тетрадки съ волшебными стихами, съ моря кіяна, острова буяна,

т. е. изъ общества нечистыхъ духовъ начало имѣющими, въ которыхъ якобы Божіи духи и угодники Божіи участвуютъ для приговоровъ къ любви, отговоровъ и заговоровъ болѣзней и прочаго; и по опыту знаю, что стихи сіи дѣйствуютъ. Еще есть *легкоспасенники*, отъ коихъ имѣлъ я тетрадки. „*Сонъ Богородицы*“ „свитокъ іерусалимскій“, „двѣнадцать пятницъ и крестъ“ недавно на листахъ въ Россію явившіяся, раздаваемая отъ еретиковъ; въ нихъ предписывается вѣрить, что однимъ причитаніемъ и блюденіемъ ихъ можно спастися и обогатитися. Сіи съ перваго взгляда пустоши, суть начальныя буквы къ волшебству и чернокнижеству и связи съ нечистыми духами, какъ и ворожба.

3) „Еще ереси раздѣляются на *духовныя злодѣныя*, которыя принимаютъ святое писаніе, явно исковываютъ изъ него мечъ на пораженіе самаго же святаго писанія, въ тайнѣ отвергаютъ оное, съ самимъ издавшимъ оное Богомъ. Они умствуютъ, что если бы Богъ былъ всемогущъ, то онъ не сотворилъ бы чело-вѣка слабымъ къ паденію, а если милосердъ, то наказывать ни за что не долженъ ни самъ, ни человѣческою властію. Симъ умозаключеніемъ отвергаются царская и прочія власти. Таковы суть масоны, карбонары и скопцы, живутъ между собою въ любовной связи, утверждаютъ, что Богъ никого не проклинаетъ и слова: „*проклятъ всякъ, не творящій по всѣмъ словамъ закона Божіа, и отыдите проклятіи въ огонь вѣчный*“, отмещутъ и надъ святыми угодниками ругаются, государя признаютъ по наружности, а внутренно всегда ему непримиримые злодѣи, какъ и раскольники, за царя немолящіяся. Политики и наружныя виды добродѣтели такъ сокрываютъ духовныя тайны и секреты ихъ, и жизнь на счетъ другихъ, что никакъ невозможно способами судебного порядка доказать недоброжелательство ихъ ко всѣмъ. Одни токмо скопцы явны по скопчеству; они отличны отъ масоновъ и карбонаровъ еще и тѣмъ, что у нихъ имѣются видимый лжехристость, котораго стараются возвести на престолъ царскій, и что ему поклоняются всѣ цари и племена земныя; у нихъ употребляется духовное сладострастіе, каковымъ я зараженъ былъ самъ“.

Такая несомнѣнная „религіозная благонадежность“ не по-

могла, однако, Котельникову и остатокъ своей жизни онъ провель въ монастырскомъ заключеніи, скончавшись въ 1854 г., „святымъ человѣкомъ“ по отзыву соловецкаго игумена.

НОВОХЛЫСТОВСТВО.

Упомянутое о „духовномъ союзѣ“ Татариновой и метаньяхъ есаула Котельникова, вызвано необходимостью—на нашъ взглядъ,—подчеркнуть роль первыхъ десятилѣтій минувшаго столѣтія въ исторіи развитія „таинственнаго“ пониманія связи между творцомъ и тварью. Теперь приходится въ цѣляхъ соблюденія цѣльности плана сдѣлать маленькій хронологическій скачекъ къ недавно еще отжитому времени и прослѣдить эволюцію хлыстовскаго развѣтвленія духовнаго христіанства, зарожденіе въ немъ стремленія къ установленію точно опредѣленнаго взгляда на взаимоотношеніе людей, путемъ выработки чисто религіознаго критерія жизненныхъ условій быта, т. е. попытки метафизически обосновать социальный строй. Хлыстовство выдѣлило изъ себя новохлыстовъ и шалопутовъ. Первые являются теоретиками, носителями хотя и философской, но все же догмы—вторые—чистые практики, люди земли, утилизаторы, такъ сказать, христіанской этики, начавшіе мистикою и постепенно отъ нея отрѣшающіеся.

Новохлыстовство возникло въ восьмидесятыхъ годахъ въ Кубанской области, дѣятельно распространявшееся тамъ нѣкимъ Евдокимомъ Козинымъ. Хлысть по своимъ первоначальнымъ вѣрованіямъ, Козинъ задумалъ реформировать хлыстовскую догму и создалъ новую, глубоко продуманную систему, имѣющую въ нѣкоторыхъ частяхъ много схожаго съ метемпсихической теоріею Платона, и во всякомъ случаѣ доказывающую мыслительную силу Козина.

Въ ученіи о Богѣ, Козинъ проповѣдуетъ такъ называемый пантеизмъ, называя его силою, внутренне пребывающею въ каждой крупницѣ органическаго міра, отъ которой и зависитъ существованіе и движеніе окружающей насъ жизни и ея процессовъ. Сущность Бога тѣсно слита съ міромъ, внѣ его Богъ не можетъ быть. Богъ всюду, въ любомъ зоологическомъ экзем-

плярѣ, но сознаетъ себя, какъ мощь, только въ человѣкѣ. Новохлысты немножко ужъ сбиваются далѣе съ пантеистическаго міросозерцанія и надѣляютъ Бога антропоморфическими качествами. До творенія міра Богъ пребывалъ „аморфною“, безличною силою, воодушевлявшею хаотическую массу. Въ напряженіи Божественной воли, направленной къ созиданію космоса,—родилось Лицо Бога, „набравшаго на Себя плоть пречистую, подобно тому, какъ бабочка набираетъ сама на себѣ красивую окраску“.

Воплотившійся Духъ словомъ своимъ создалъ весь видимый міръ. Такимъ образомъ зародилась божественная Троица: Духъ, Плоть и Слово. Иными словами это сводится къ тому, что Богъ надѣленъ общечеловѣческою плотью, но съ большимъ, чѣмъ обыкновенный смертный, могуществомъ. По ученію новохлыстовъ, Адамъ вовсе не былъ первымъ человѣкомъ. И до него были люди, но съ затемненнымъ разумомъ, не позволявшимъ имъ видѣть свое различіе отъ животнаго міра. Адамъ же явился только избранникомъ Божиимъ, познавшимъ свою связь съ Богомъ, по образу и подобию Котораго онъ сотворенъ. Отъ такого то Адама и пошелъ родъ благочестивыхъ людей, т. е. новохлыстовъ, рѣшительно отрицающихъ ученіе о первородномъ грѣхѣ, ибо, по ихъ понятіямъ, дѣти согрѣшившихъ прародителей, получили полную возможность получить Святаго Духа чрезъ просвѣщеніе словомъ.

Совершенно расходятся новохлысты съ ученіемъ обще-христіанскимъ, о существованіи безплотныхъ духовъ, пытаясь въ данномъ случаѣ аргументировать чисто физическими приемами, доказывая, что духи, лишенные плотской оболочки, должны бы слиться воедино, подчиняясь общему закону соединенія отдѣльныхъ водяныхъ частицъ, не разобренныхъ между собою какимъ-либо постороннимъ, матеріальнымъ тѣломъ. Подъ понятіе объ ангелахъ, новохлысты подводятъ всѣхъ вообще людей, раздѣляя ихъ по ихъ качествамъ на видимыхъ, невидимыхъ, и злыхъ. Новохлыстъ—видимый, ибо онъ постоянно видитъ Бога; невидимый—непринадлежащій къ сектѣ, и, наконецъ, злыми ангелами считаются люди, принявшіе ученіе новохлыстовъ, но практически его не осуществляющіе.

Рѣзко расходятся новохлысты предъ просто хлыстами въ

догмѣ о перевоплощеніи Христа, рѣшительно ими отвергаемому. Чудесъ Христосъ никакихъ никогда не творилъ, а носилъ въ себѣ Духъ Святой уже потому, что былъ несомнѣннымъ и вѣрнымъ новохлыстомъ. Второе пришествіе Христа произойдетъ исключительно для осужденія всѣхъ не хлыстовъ, которые и погибнуть, сожженные своею совѣстью.

Крайне любопытно метемпсихическое ученіе новохлыстовъ о переселеніи душъ ихъ, имѣющихъ форму человѣческаго тѣла, но въ уменьшенномъ видѣ, и заключенныхъ въ видимость организмѣ.

По смерти каждаго новохлыста, его душа тотчасъ же переселяется въ другого сектанта, почему каждый новохлысть долженъ просвѣтить своимъ ученіемъ другого человѣка, чтобы подготовить вмѣстилище для своей души. Особенно же благоугодные сектанты попадаютъ на небо. Это ихъ-то души и блещутъ звѣздами.

Есть связь между душами животныхъ и людей. Тѣ и другія имѣютъ цѣлыя градаціи своихъ качествъ. Чѣмъ понятливѣе, разумнѣе животное, тѣмъ и душа его стоитъ на высшей степени; покончить свое земное существованіе и душа его переходитъ въ другое животное, но уже болѣе смышленное, и такъ далѣе. Тоже происходитъ и съ человѣкомъ, пока его душа послѣ различныхъ странствованій не попадетъ, наконецъ, въ новохлыста. Промежутки могутъ быть очень долговременные, въ сотни, даже въ тысячи лѣтъ.

Эсхатологическое ученіе новохлыстовщины не сложно, ограничиваясь отрицаніемъ мнѣній, сложившихся на этотъ счетъ въ христіанской догмѣ. Конца существованія міра, при его постоянномъ круговоротѣ, нѣтъ, и быть не можетъ.

Всѣ увѣруютъ въ новохлыстовство, составитися единое стадо, и всѣ будутъ одинаково близки къ Богу, никому не желающему зла.

Въ области этики новохлысты не дали ничего новаго, придерживаясь общеизвѣстныхъ моральныхъ предписаній. Сюда же относится строжайшее соблюденіе вегетаріанства, необходимое для борьбы съ темными и злыми велѣніями плоти. Въ особенности возстаютъ новохлысты противъ употребленія въ пищу

яиць, потому что въ нихъ заключается зародышъ будущаго существа.

Религіознаго ритуала новохлыстовщина пока еще не выработала, сохранивъ общехристіанскій культъ; относительно радѣній на новохлыстовскихъ собраніяхъ точно нельзя утверждать, что они безусловно приняты.

Новохлыстовщина, несомнѣнно, прямолинейнѣе и радикальнѣе хлыстовщины, что особенно ярко сказывается въ ея социальныхъ тенденціяхъ, весьма свободомыслящихъ, и рѣзко контрастирующихъ съ политическимъ индифферентизмомъ хлыстовъ. Въ то время какъ правовѣрные хлысты всячески уклоняются отъ пропаганды своего ученія, ихъ продолжатели сильно наклонны къ прозелитизму, не упуская случая открыто ратовать противъ указаній господствующей церкви. Новохлыстовство въ настоящее время находится еще въ стадіи развитія, почему его дальнѣйшее направленіе представляется неопредѣленнымъ.

Шалопуты.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ съ юга и юго-востока Россіи стали получаться официальные донесенія о быстромъ распространеніи секты шалопутовъ, весьма нежелательной для мѣстной администраціи своими увлеченіями по „шаловному“ пути, достаточно расходящемуся съ установившимися бытовыми условіями „святой сѣрой скотинки“.

Актъ 19 февраля, приглашавшій многомилліонную массу русскихъ смердовъ, скинуть съ себя ярмо вѣкового рабства и „призвать благословеніе Божіе на свой свободный трудъ, — всколыхнулъ застывшее сермяжное море. До сихъ поръ мужикъ жилъ въ ежевыхъ рукавицахъ помѣщика, въ потѣ лица своего работалъ на него, не имѣлъ своей воли, и это отчасти предохраняло его отъ надобности жить своимъ умомъ. Выпущенный на всѣ четыре стороны, онъ въ сущности не ахти что и выигралъ на первыхъ порахъ, завертѣвшись въ разомъ обрушившихся на него экономическихъ невгодахъ, въ видѣ реформированной финансовой системы, тяжелымъ бременемъ.

подавившей безденежное, захудалое крестьянство. Сошелъ съ сцены всеильный помѣщикъ, народился новый, не лучшій, типъ—кулака-міроѣда. Вотъ когда довелось нашему сыну земли познакомиться съ прелестью капитализма, съ которымъ ему, совершенно неподготовленному, пришлось вступить въ борьбу.

Ярче, чѣмъ когда либо прежде, предъ глазами крестьянина всталъ роковой вопросъ о причинахъ нищенства однихъ и процвѣтанія другихъ. Отвѣтъ, грустный, безотрадный напросился самъ собою... Грѣхъ замѣшанъ всюду,—отъ трудовъ праведныхъ не живешь палатъ каменныхъ...

Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. А на дѣлѣ выяснилось что не всегда-то это правда. И нашлось подтвержденіе.—Отыскались странные „шалые„ люди, сплотившіеся между собою на религіозной почвѣ, и давшіе своеобразную социальную-экономическую организацію. Шалопутство нельзя назвать сектою въ строгомъ значеніи этого слова, ибо оно не составляетъ одного цѣльнаго выраженія, а распадается на нѣсколько отдѣльныхъ толковъ. Извѣстный знатокъ шалопутства Левицкій говоритъ, что все внутреннее содержаніе шалопутства, вся совокупность особенностей его, какъ секты, заключается въ суммѣ извѣстныхъ нравственныхъ предписаній, извѣстныхъ обрядовыхъ формъ и, наконецъ, въ извѣстной внутренней организаціи послѣдователей секты, что собственно и выдѣляетъ ихъ изъ среды окружающаго православнаго населенія“.

Шалопуты не религіею начали, а насущными вопросами жизни, и создали свою догматику, такъ сказать искусственно, вызванные на полемику.

Съ другой же стороны есть достаточныя основанія вѣрить что въ началѣ шалопутство въ религіозной сферѣ, если не все, то значительная часть его, была проникнуто мистическимъ настроеніемъ, близкимъ къ типу хлыстовъ, но съ теченіемъ времени оно выравнилось и весь мистицизмъ шалопутовъ уже близокъ къ міровоззрѣнію духоборовъ.

Вѣроученіе шалопутовъ основано все на томъ же исканіи внутренняго чловѣка, то-есть на попыткахъ, и не безрезультатныхъ, обосноваться на началахъ совѣсти и разума, проникающихъ, на примѣръ, Св. Писаніе, разсматриваемое шалопу-

тами не какъ безусловный авторитетъ, а какъ изложеніе нравственной системы, понимать которое надлежитъ только въ духовномъ смыслѣ.

Библейское повѣствованіе о всемірномъ потопѣ шалопуты объясняютъ иначе, чѣмъ ортодоксальная церковь. „Не вода потопила землю, а пороки людскіе, и вообще грѣхонаденіе; а подъ ковчегомъ надо разумѣть истинную церковь, въ которой нашли спасеніе всѣ вѣрующіе и сохранили для потомства вѣру и святость добродѣтелей во всей чистотѣ.

Рай и адъ помѣщаются въ сердцѣ человѣка. Если человѣкъ позналъ Бога, то онъ блаженствуетъ, и у него въ сердцѣ рай, а если онъ не знаетъ Бога, то онъ въ аду.

Съ ученіемъ о Троицѣ шалопуты не соглашаются.

Сынъ Божій есть Слово Божественное, сила духовная, проявляющаяся въ каждомъ человѣкѣ.

Святыми признаются лишь принесшіе практическую пользу человѣчеству, проникнутые идеею человѣколюбія, вродѣ Варвары великомученицы, Алексѣя—человѣка Божьяго и т. п.

Фигурально шалопуты понимаютъ и самый институтъ таинствъ. Водное крещеніе оmyваетъ только тѣло, а не душу, покаяніе въ его обычной формѣ не достигаетъ цѣли, причащеніе тоже.

Гораздо детальнѣе разработана въ шалопутствѣ его главная и наиболѣе энергичная идея—идея братства всѣхъ людей, погубившая шалопутство въ мнѣніи свѣтскихъ и духовныхъ властей, занесшихъ его въ рубрику „особо вредныхъ сектъ“.

Во главу жизненныхъ условій ставится знаменитое „право на трудъ“, категорически отвергающее праздность. Вошющею несправедливостію шалопуты считаютъ торговлю, финансовыя операціи и т. п. Лишь одинъ физическій трудъ священенъ. Почти всѣ шалопуты землепашцы.

Всецѣло исповѣдая мужицкій символъ вѣры о принадлежности земли одному только Богу, шалопуты широко осуществляютъ принципъ общности орудій производства, являются прямыми послѣдователями кооператива.

Намъ извѣстно нѣсколько шалопутскихъ общинъ на чисто коллективистическихъ началахъ, объ организаціи одной изъ которыхъ очевидцы рассказываютъ слѣдующее:

„Въ станицѣ около сорока шалопутскихъ семействъ. Расселились они въ пяти мѣстахъ, по концамъ станицы. Каждый конецъ составляетъ отдѣльную общину. Между дворами отдѣльныхъ семействъ общины уничтожаются изгороди и заборы, такъ что у каждой общины получается одинъ громадный дворъ. Общинность не распространяется лишь на предметы личнаго потребленія—одежду, домашнюю утварь и т. п. Все остальное общее. Особый домъ имѣеть не каждая семья; въ нѣкоторыхъ домахъ живетъ по двѣ и по три семьи. У такихъ семей является общимъ рѣшительно все, за исключеніемъ носимой одежды, которая составляетъ личную собственность отдѣльныхъ лицъ. Всѣ общины составляютъ одинъ экономическій союзъ; полевое хозяйство ведется всѣми общинами сообща. Для этого шалопуты выбираютъ участокъ земли, отстоящій возможно далѣе отъ станицы, чтобы вести дѣло безъ посторонняго наблюденія. Участокъ они раздѣляютъ межниками на загоны, какъ-будто каждый загонъ обрабатывается отдѣльнымъ семействомъ. Въ дѣйствительности же всѣ работы, начиная съ пахоты и кончая молотьбой, производятся сообща. Полученное зерно дѣлится на четыре части: сѣмена для будущаго посѣва, запасъ на случай неурожая, хлѣбъ на продовольствіе и на продажу. Хлѣбъ, назначенный на продовольствіе, распределяется между общинами по числу вѣдковъ. Деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба, дѣлятся на три части. Одна часть, конечно, самая большая, распределяется между общинами, сообразно съ ихъ нуждами и предстоящими расходами. Такъ, напримѣръ, если у какой-нибудь общины палъ скоть или нужно произвести новыя постройки, то такой общинѣ дають больше, чѣмъ той, которой предстоитъ производить только обыкновенные расходы. Другая часть идетъ въ общую шалопутскую кассу цѣлой области; наконецъ, третья часть идетъ въ Тамбовскую губернію въ центральную кассу“. Вообще духомъ взаимопомощи проникнуты всѣ шалопутскія общины, отнюдь не ограничивая свою дѣятельность облегченіемъ положенія единомышленниковъ, и эндѣгалъ этъвомъ отношеніи никакой разницы между своими и чужими.

Въ жизни шалопутской общины большое значеніе имѣеть ея юстиція, которой подлежатъ всевозможные моральные просупки

общинниковъ. Юрисдикція шалопутовъ очень нехитрая. Въ разбирательствѣ принимаютъ участіе и женщины. Всѣ усилія судей бывають направлены къ выясненію факта и этической погрѣшности виновной стороны. Такой судъ воспитывающе дѣйствуетъ на шалопутовъ, пріучая ихъ къ опасенію общественнаго мнѣнія и давая возможность тяжущимся тщательно вникать въ сущность обще-моральныхъ принциповъ. Налагаемая на виновнаго кара, состоящая въ просьбѣ о прощеніи, ничуть не деморализируетъ его, а помогаетъ только уяснить свои слабыя стороны. Рѣшенію суда шалопуть повинуются безпрекословно, глубоко и искренно признавая авторитетъ общины.

Шалопутскія собранія обыкновенно начинаются чтеніемъ слова Божія, и оканчиваются скромною братскою трапезою, безъ какого бы то ни было, разумѣется, участія алкоголя. „Здѣсь на этихъ собраніяхъ—говоритъ изслѣдователь шалопутской секты Я. Абрамовъ—шалопуть находятъ удовлетвореніе своей любознательности и пищи для работы ума; здѣсь удовлетворяется его чувство общественности; здѣсь среди людей онъ чувствуетъ себя такъ хорошо, что его не тянетъ въ кабакъ; сюда несетъ шалопуть свое горе и свою радость; и здѣсь же встрѣчаетъ людей, которые дѣлятъ съ нимъ и радость, и горе“.

Кромѣ еженедѣльныхъ собраній у шалопутовъ бывають еще такъ называемые „соброры отцовъ“, на которые съѣзжаются представители многихъ общинъ, которые и обсуждаютъ сообща дѣла, касающіяся шалопутовъ цѣлыхъ областей.

Вообще, у шалопутовъ необыкновенно сильно развито чувство общественности, побуждающее ихъ къ сплоченію.

Вопросъ о бракѣ разсматривается у шалопутовъ очень трезво. Воздержаніе отъ половой жизни, правда, ставится шалопуту въ плюсъ, но сношеніе съ женщиною представляется актомъ вполне естественнымъ и, стало быть, ничуть не предосудительнымъ, по взаимнѣ оформленнаго, церковнаго брака шалопуты выдвинули бракъ „по духу“—но взаимной склонности, безъ чего половое сожитіе, съ шалопутской точки зрѣнія, является прямо-таки преступленіемъ. Въ шалопутствѣ можно сплошь и рядомъ встрѣтить лицъ, перешедшихъ изъ

православія и вѣнчанныхъ прежде церковнымъ бракомъ. Для такихъ прозелитовъ допускается нѣкоторый коррективъ брака, состоящій въ томъ, что мужъ можетъ выбирать себѣ изъ шалопутокъ „духовницу“, а жена обзавестись „духовникомъ“, и такимъ образомъ хотя нѣсколько осложняются семейныя отношенія, но цѣлость семьи отъ этого не страдаетъ. Не диво поэтому среди шалопутовъ наблюдать такое курьезное на поверхность взглядъ явленіе: шалопутъ, имѣя на сторонѣ, въ чужой семьѣ, дѣтей отъ своей „духовницы“, въ то же время воспитываетъ чужихъ дѣтей, прижитыхъ его законною женою отъ „духовника“.

Мирный характеръ шалопутовъ кладетъ отпечатокъ и на ихъ дѣятельность. Статистикъ Левицкій, наблюдавшій шалопутскій бытъ въ Малороссіи, даетъ о нихъ самый теплый отзывъ. „Всѣ—говоритъ онъ—имѣвшіе съ ними какія-либо дѣла, отдають полную справедливость ихъ честности и добросовѣстности. Между ними не замѣтно ни воровства, ни мошенничества; напротивъ, чистота нравовъ, трезвость, трудолюбіе, отсутствіе ссоръ и дразгъ, взаимное попеченіе другъ о другѣ въ трудныхъ случаяхъ—вотъ качества, которыми справедливо могутъ гордиться шалопуты“.

На сходѣ одной станицы въ Терской области одинъ казакъ шалопутъ въ отвѣтъ на укоризны по поводу его уклоненія отъ православія отпарировалъ такъ: „Прежде я ничего не понималъ, былъ какъ въ туманѣ, и потому въ праздничные дни пьянствовалъ или ѣздилъ съ блудницами за городъ, а теперь у меня открылись глаза; я узналъ правду, и въ праздники читаю священное писаніе и вообще провожу время въ дѣлахъ Божьихъ“.

Такъ живутъ и вѣрують „шалые“ люди, причислявшіеся миссіонерскимъ усердіемъ то къ хлыстамъ, то къ безпоповцамъ, и зарегистрированные прежде въ соотвѣтствующихъ гражданскихъ установленіяхъ, какъ элементъ зловердый.

Много тяжелыхъ минутъ пережили шалопуты, попадая изъ огня да въ полымя. Вдумайтесь только въ полный тревоги смыслъ шалопутской пѣсни о томъ, какъ

При большой было, большой дорогѣ,
Выросталъ зеленый, виноградный садъ.

Во саду стояли древочки, древа кипарисовыя,
 На нихъ цвѣтутъ цвѣтики, цвѣты царскіе.
 Прилетали и пташечки, птицы райскія,
 Воспѣвали пѣсенки херувимскія.
 Среди того садика винограднаго
 Стояло тамъ древицо благодатное.
 Расцвѣлъ на ней цвѣтъ во весь бѣлый свѣтъ.
 Это быдо` времячко—золотые годы.
 Протекала по саду живая вода.
 Наслаждались пташечки счастливой порой.
 Царемъ былъ у пташечекъ золотой орелъ.
 Воспитывалъ пташечекъ духовною ѣдой,
 А поилъ онъ пташечекъ живою водою;
 Сберегалъ онъ пташечекъ подъ своимъ крыломъ.
 Вырастайте, пташечки, милыя дѣтушки,
 Поправляйте быстрыя свои крылушки!
 А когда придетъ, други, осень темная,
 Неравно взойдутъ на васъ тучи грозныя,
 Понесутся на васъ вѣтры буйныя,
 Зашумятъ на васъ лѣса темныя,
 Закричатъ на васъ враны черныя.
 Возьмутъ эту пташечку за оба крыла,
 Поведутъ ее отъ дѣтушекъ съ широкаго двора.
 Пошлютъ эту пташечку въ страны далекія,
 Въ страны далекія, въ тюрьмы крѣпкія.
 Одни вѣрныя будутъ вспоминать,
 Вспоминать ее, плакать и рыдать,
 А невѣрныя дѣтушки станутъ забывать,
 Станутъ забывать—въ землю зарывать.
 Безъ поры, безъ времени завянетъ мой садъ,
 Покривятся древочки многія назадъ.

Духоборчество (община всемірнаго братства) и связь его съ толстовствомъ.

„Во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія открылось въ Россіи такое общество,—гласитъ относящаяся къ 1805 г.

„анонимная записка“,--существованіе коего во всемъ государствѣ по всѣмъ обстоятельствамъ казалось бы невозможнымъ среди простого народа, народа, по большей части непросвѣщеннаго и привязаннаго къ однимъ наружностямъ въ религіи безъ познанія духа оной. Вдругъ являются люди, не только отвергающіе всѣ обряды и наружныя установленія греко-російской церкви, но даже не приѣмлющіе и наружнаго крещенія водою и причащенія тѣла п крови Христовой.—подъ видомъ хлѣба и вина.

„По натуральному слѣдствію таковые люди не могли быть оставлены въ покоѣ какъ со стороны самаго правительства, такъ и со стороны сосѣдей, тѣмъ, паче что никто не зналъ и не понималъ ихъ духа. Они отовсюду терпѣли безпрестанныя гоненія, каждая ихъ встрѣча съ попомъ, съ исправникомъ или съ засѣдателемъ вовлекала ихъ въ слѣдствіе и въ заключеніе; каждая встрѣча съ сосѣдями сопровождается была ужасными для нихъ ругательствами и обидами, каждый ихъ поступокъ дѣлалъ ихъ въ глазахъ другихъ извергами и возмутителями общаго спокойствія. Высшее правительство судило о нихъ большею частею по донесеніямъ низшаго начальства и они не рѣдко посылались въ ссылку, какъ государственные преступники.

„Названіе духоборовъ дано имъ уже въ 1785 г. и, вѣроятно, бывшимъ тогда екатеринославскимъ архіепископомъ. Симъ названіемъ, конечно, хотѣли тогда означить ересь, содержащую ученіе духоборовъ, такъ какъ непоклоненіе иконамъ названо иконоборческою ересью, но духоборы сами, производя названіе свое отъ „духа“, къ объясненію онаго, говорятъ, что они духомъ Богу служатъ и духомъ бодрствуютъ. Чернь называла ихъ всякими ругательными именами, но болѣе всего молоканами и фармазонами; молоканами потому, что они не наблюдали постовъ и ѣли во время оныхъ молоко и мясное, а слово фармазонъ есть испорченное и есть то же, что масонъ. Что касается до нихъ самихъ, то они всегда называли и называютъ себя христіанами, а прочихъ мірскими людьми. Начало ихъ происхожденія имъ самимъ неизвѣстно, ибо они, какъ простолюдины и безграмотшые, не имѣютъ у себя никакой исторіи; преданіе также не сохранило между ними о томъ памяти. Они

говорять только, что происходятъ отъ трехъ отроковъ, Ананія, Азарія и Мисаила, пострадавшихъ за непоклоненіе образу Навуходоносора. Безъ сомнѣнія, чрезъ то сказать хотять, что они также страждутъ, готовы страдать за непоклоненіе иконамъ и за отверженіе церемоніи и обрядовъ наружной церкви.

И дѣйствительно, о происхожденіи духоборческой секты нѣтъ никакихъ ясныхъ историческихъ данныхъ, кромѣ сообщенія что около 1750 г. на югѣ Россіи появился отставной прусскій унтеръ-офицеръ, распространявшій какое-то новое религиозное ученіе, быстро разошедшееся по Харьковской губерніи, а оттуда перекинувшееся въ Екатеринославскую и Тамбовскую губерніи—центръ будущаго духоборческаго движенія.

Нѣсколько попозже, въ 1791 г., екатеринославскіе духоборы подали тамошнему губернатору Каховскому обстоятельную докладную записку, составленную въ цѣляхъ реабилитаціи своего вѣрованія, запятнаннаго разными не въ мѣру усердными чиновниками, доведшими до тюрьмы наиболѣе замѣтныхъ вожаковъ духоборчества, откуда тѣ и надумали апеллировать къ высшей мѣстной администраціи.

Хотя авторы посланія и считаютъ себя „въ языкѣ предъ всякимъ сильно коснеющимъ“, и всячески извиняются „за порядокъ мыслей, за неясность, за нечистоту словъ“, тѣмъ не менѣе произведеніе ихъ представляетъ драгоценнѣйшій памятникъ творчества русскаго народнаго ума въ религиозной сферѣ, изложеніе цѣлой системы, анализъ чувствованій вѣрующей души и влеченіе въ ней отъ формы къ духу.

„Родились,—вспоминаютъ духоборы,—и вдругъ надъ каждымъ изъ насъ церемоніальны наружны обряды христіански свершены, какъ и нынѣ надъ дѣтьми нашими свершены; росли мы, возрасли, нѣки и состарились, ходя во все время жизни своей въ церковь, но что же? Истину скажемъ: какъ ивы, со скукою ставали мы токмо въ ней, и малѣйше не понимая труднаго и неудобопонятнаго намъ слога книжнаго, къ тому скоро, смѣшанно и спѣшно, что мало и паче велегласно пѣваемаго. Милліоны душъ тако ведутся къ Богу. Умъ нашъ отъ стоянія въ церквяхъ ничуть не приходилъ во познаніе ни себя, ни каковъ Господь Богъ нашъ есть, и какова святая

воля есть его. А отсель въ слѣпотѣ, отъ коей и теперь не далеко ушли, жили мы, какъ и многи сыны міра, во всѣхъ злыхъ нераскаянно“.

„Случилось въ жизни намъ,—повѣствуютъ далѣе духоворы,—что сожительствовавшій намъ въ селѣ Никольскомъ простой боголюбивъ мужъ Степанъ Колесниковъ, старикъ, всему селенію нашему извѣстно добродѣтельнѣйшій, благотворительнѣйшій, въ нуждахъ премногимъ изъ своего достатка, собственнымъ трудомъ, съ дѣтьми нажитого, пособствовавшій, одновременно, пососѣдству, сходясь съ нами, и паче въ праздничные дни, благосклонно, въ тихомъ видѣ, предлагалъ разсужденія изъ святаго слова Божія разныя. Напримѣръ: одно изъ нихъ, хотя рѣчьми и не такъ точъ въ точъ, но мыслей, сколько припомнить можемъ, точно, слѣдующихъ: о мірѣ семъ, о краткости состоянія его и премѣненія его, что есмь? И сколько кратко жизнь наша въ немъ? Изъ словъ священныхъ: „У Господа тысяща лѣтъ аки единъ день нашъ“ внемля умно: что за великость единъ часъ времени въ году? Что же онъ во времени ста лѣтъ? О, малость! О, краткость! Все же время стоянія міра сего въ сравненіи съ вѣчностью, тысячекратно еще короче. Когда-жъ стояніе міра столь кратко, что жъ есть вся жизнь наша противу вѣчности? Мигъ гласа единъ лишь. О! суетный и оплакиванія достойный всякъ человѣче, обмысли и разсуди, для чего заключенъ духъ твой на толь краткое время въ міръ сей, въ темноту сію, въ копь, въ плоть твою, въ коей еси? Безсомнѣнно прежде заслужилъ ты темнощу сію, и за вину всажденъ въ нее... Отъ нестройства мѣръ стихій въ плоти нашей ломается скорлупа—плоть наша, портится весь строй ея, и, наконецъ, вылетаетъ въ вѣчность духъ нашъ...“

„Старикъ (Колесниковъ) всякому, слушать его желавшему, говаривалъ слѣдующее, что Господь, Отецъ нашъ, въ Сынѣ, во явленномъ святомъ словѣ своемъ, точно не хочетъ, и, любя насъ, точно не требуетъ отъ человѣковъ больше ничега, какъ токмо, чтобы и мы отрелись себе, то есть прельщающаго Еву змѣя, злыя воли плоти нашея, попустили ему входъ въ насъ, содѣлалъ бы онъ въ совершенъ образъ существа своего плоть и духъ нашъ...“

„Въ жизни сей всякъ человѣкъ долженъ попустить премуд-

дрости Божіей, созидаль бы Господь единъ оною въ духъ его храмъ святъ, чистъ, духовенъ, въ жилище вѣчно свое; воспротивиться же всякъ и хранить себя долженъ, моляся о помощи ко Господу, не ворвались бы въ сердце его духи злобы, выше поименованные, вселясь бо, воздвигаютъ они и непримѣтно человѣку работаютъ, ежечасно зиждутъ въ немъ, въ духъ его храмъ мерзостенъ вѣченъ врагу...

...Въ заключеніе говорилъ старикъ: Когда содѣлаемъ единожды навсегда въ память обѣтъ нашъ предъ Господемъ, ведѣ сущимъ и вся видящимъ: 1) чтобы, отрекшись злыя воли своея, сколько есть силъ, бѣгать сатаны злого, и дѣлъ его; 2) чтобы, не упуская времени, во всѣ свободные часы поучаться во словѣ Божьемъ, и 3) взывать къ нему о помощи намъ въ томъ, то непримѣтно намъ содѣлаетъ Господь, что въ кратки часы житія нашего во плоти преидемъ мы духомъ нашимъ степені: 1) въ покаяніи очищенія, 2) поученіи просвѣщенія, и 3) въ единеніи съ Богомъ сладостнаго въ сердцѣ, сколь благъ есть Господь, вкушенія, *но возродимся въ тварь новую, иже не отъ похоти мужеския, но отъ Бога въ духъ, словомъ животнымъ*, вся носящемъ, держащемъ, движушемъ, во свѣтѣ несказанно, блаженно, радостно, божественно новорождаются.

„Таково новорождаться и возрастать въ тварь новую, есть духомъ любви вписываться на вѣкъ въ книгу живота вѣчны, въ книгу агнца Христова, запечатлѣваться въ вѣкъ словомъ симъ въ душѣ Богу Отцу въ сыны вѣчны, быть въ числѣ избранныхъ, освященныхъ различными изліяніми въ духъ даровъ Духа Святаго, Бога въ числѣ изкравшихъ чисто ризы своя и убѣлившихся кровію Агнца, въ числѣ засѣменяющихся въ духъ въ неизрѣченъ образъ всеблагого Бога, кой и да воздвигнетъ въ насъ Господь во храмъ святъ, вѣченъ свой, въ вѣчно жилище свое, молимся и поклоняемся духомъ нашимъ ему единому.

„...Все же неложно христіанство есть: ходить въ вѣрѣ омовенну кровію агнца, въ единеніи, дружествѣ, общеніи, связи сердца нашего, внутренностей нашихъ съ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и чрезъ него питаясь въ сердце различными дѣяніми Духа Свята, приноситься святымъ житіемъ

Богу отцу вышнему въ жертву святу благоугодну, благоуханну, вѣчну, умъ имѣя и поя въ сердцѣ пѣснь...

Вся записка слишкомъ пространна и мѣстами страдает затемненностью изложенія. Суть ея въ томъ, что—Богъ, то есть Святая Троица—существо непостижимое, Отецъ—свѣтъ, Сынъ—животь, Духъ Святой—покой. По отношенію къ человѣку эту триаду слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Отецъ—память, Сынъ—разумъ, Духъ Св.—воля. Вся душа человѣка, слѣдовательно, состоитъ изъ трехъ элементовъ, соединившихся въ одно цѣлое и сопричастныхъ Богу. Нѣкоторая часть душъ, еще до окончанія творенія міра, дерзнула возстать противъ Создателя и была Имъ за это низринута въ видимый, физическій, и наказана лишеніемъ въ себѣ сознанія о своемъ божественномъ происхожденіи и подверженностью чрезъ то всѣмъ мірскимъ соблазнамъ. Вотъ почему плоть человѣческая, въ глазахъ духоборовъ, является препятствіемъ полету души, ея вѣковѣчному стремленію къ древу жизни. Пока душа замкнута въ такой темницѣ, она должна всячески трудиться надъ освобожденіемъ себя отъ гнетущей ее матеріи и вновь приблизиться къ своему божественному прообразу. Такое напряженіе возвышенныхъ инстинктовъ человѣка духоборы изображаютъ аллегорически, путемъ уподобленія химическому процессу, сравнивая плоть съ водою, мірскую, грѣховную жизнь—съ кипѣніемъ, при чемъ идеаль, цѣль жизни—„перечищеніе въ чистый спиртъ вѣчный“. Вотъ почему человѣкъ, къ чему-либо пристрастившійся на землѣ, уже засѣялъ зло въ своей душѣ. Въ человѣчествѣ издавна наблюдается борьба двухъ началъ—добраго и злого, нашедшая себѣ отраженіе еще въ библейской исторіи о соревнованіи Каина и Авеля, при чемъ отъ послѣдняго то именно и произошелъ родъ истинныхъ людей божіихъ. Съ теченіемъ времени перевѣсъ въ духовной борьбѣ оказался на сторонѣ плоти, и тогда человѣчество, не нуждавшееся доселѣ ни въ какихъ внѣшнихъ формахъ, почувствовало склонность къ видимости, къ различнымъ

Царившая въ человѣчествѣ любовь уступила мѣсто обостренной борьбѣ, и, тогда, въ видахъ сохраненія людей отъ дальнѣйшаго взаимоистребленія, учреждены были различныя власти и законы. „Передрались бы они, перегрызлись бы, когда бы не

совсѣмъ еще угасшая маленькая искра ума Господня, не учредила бы на нихъ благословеннаго во зломъ мірѣ средства, правительствъ, началъ, удерживающихъ, вяжущихъ злость ихъ“, Устройство закона гражданскаго повлекло за собою измѣненіе и въ религіозной сферѣ жизни человѣчества. Появились обряды и писанія.

„Теперь слѣдуетъ внять, что Сынъ Божій—символическая фигура обновленія грѣховнаго человѣка, сознавшаго свое паденіе—не что иное, какъ велика несказанно искусна Строителя міра сего и подобныхъ сему неисчетныхъ, превѣчна, пренебесна Бога, вседержца, пренебесная, вѣчная, непостижимая, духовная въ началѣ въ натурѣ міра и потомъ въ буквы и картины откровенна слова и дѣлавшаяся премудрость, одѣвшаяся сразмѣрно величеству его, великая, сильная къ намъ созданнымъ въ образѣ его сыномъ, любовь его, воплотившаяся благодать, святыня, милосердіе, животъ, коимъ здѣсь жили бы, и коего слава на вѣчность себѣ вождельны бы мы, Слово Отца, умъ Господень...

Такой Христосъ „сходитъ внутрь, благовѣстіемъ Гаврііловымъ и засѣмняется въ немъ духовно, яко въ Маріи“. Вновь возродившійся человѣкъ освобождается отъ всѣхъ путъ общественной жизни, „Въ чьемъ сердцѣ въ полуденномъ свѣтѣ взойдетъ солнце вѣчныхъ правды, луна и звѣзды губятъ свѣтъ, тамъ истинно не нужны для чадъ Божіихъ Царіе, власти и никакіе человѣческіе законы, не страха бо ихъ ради бѣгутъ они отъ зла, по возродиться бо имъ въ душахъ благомъ вѣчнымъ; все попеченіе ихъ есть жить, какъ Иисусъ заповѣдалъ. И такъ праведнику никаковъ законъ не положенъ, то есть законъ принудительный, ни божескій, ни человѣческій“.

„Праведники“ стоятъ выше вѣроисповѣдныхъ преградъ. „Убо и нынѣ членамъ Церкви своя, во всемъ мірѣ единыя, невидимо намъ сущія, позволяетъ Иисусъ входить въ храмы папски ль, гречески ль, лютеровы ль, кальвиновы ль, и проч. и ходить свободно, въ наружныхъ ихъ благое образующихъ“. Буквально подчиниться велѣнію каждой строки писанія, сонно отправлять всяческія обрядности, не будучи одухотвореннымъ пламенною любовью къ Богу и ближнему—есть проступокъ. „Всѣхъ церквей наружныхъ въ мірѣ различнообразны обряды,

учрежденія, церемоніи и пр., всѣ чины служителей ихъ, одежды ихъ, дѣйствія ихъ, суть вымышлены разновременно по восшествіи на небеса Христовы, и не иное что суть, какъ токмо-различнообразны мертвы знаки, фигуры, буквы, священно-тайственную, невидимую, живую, умную силу, въ различіи свѣтосолнечныхъ лучей отъ всевышна, всесвятѣйша существа Бога, въ души избранны, свѣтящєсь, изливающуюся, въ нихъ живущую, дѣйствующую, ихъ просвѣщающую, Богу единаящую, наружно являющіе, изражающіе“.

„А сколь тяжекъ грѣхъ, и каковъ отвѣтъ дадутъ, не указывающіе обманывающуюсь міру, мнящу, яко отъ исполненія наружныхъ обрядовъ спасеніе имъ! Премнога учрежденная наружная не понимаемая преградою служатъ многимъ приближаться умомъ ко Господу отъ познанія коего и себѣ непременно бы послѣдовало свято житіе у населяющихъ землю“.

Дивнымъ аккордомъ кончается записка духоборовъ, полною тихой прелести, дѣтской вѣры молитвою:

„Отче, любящій всѣхъ человѣковъ! Освятись навѣкъ въ памяти вѣчныхъ сыновъ твоихъ, возцарствуй премудростію твоею въ сердцахъ ихъ, наполни совершенно Духомъ Святымъ твоимъ волю ихъ, дѣйствуй въ нихъ, ими и надъ ними, яко же хочещи во вѣки“.

Духоборчество любопытно уже занятымъ имъ положеніемъ на границѣ чистаго „духовничества“ и такого же „евангельства“. Съ одной стороны приходится наблюдать чисто мистическую эквилибристику понятій, въ родѣ того, на примѣръ, что идея божественнаго тринитаризма — троичности, представляется въ видѣ излюбленныхъ старою мистикою геометрическихъ соотношеній: Отецъ—высота, Сынъ—широта, Духъ—глубина.— съ одной стороны какіе то прорывы рационалистическаго мышленія, что особенно ярко отразилось въ сужденіяхъ мелитопольскихъ духоборовъ о сущности Второго Лица Св. Троицы. „Онъ родился отъ Божьей Матери—говорятъ они—какъ рождается и у насъ. Творилъ ли онъ тѣлесныя чудеса, т. е. воскрешалъ ли мертвыхъ, давалъ ли слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ и пр., мы того не знаемъ, но вѣруемъ, что сами грѣхами были мертвы, слѣпы, глухи, а онъ насъ оживилъ и грѣхи простилъ. Онъ распятъ плотью, и показалъ намъ образъ страданія; воскресъ

же духомъ, а плотію воскресъ ли и какою—того не знаемъ и знать намъ не нужно! Духоборчеству же принадлежитъ совершенно новый вариантъ трактованія новозавѣтныхъ событій, по которому „распяли Христа жида, а жида (житы) значитъ жители—т. е. православные. Опять образчикъ отклоненія въ область символистики, аллегорическаго пониманія между строкъ.

Исусъ Христосъ представляется духоборамъ идеаломъ чело-вѣческой жизни, величиною, стало быть, до извѣстной степени доступною обхвату ея нашимъ разумомъ, и даже, пожалуй, доступною для силъ чело-вѣческихъ.

„Въ какой мѣрѣ чело-вѣкъ долженъ исполнять велѣнія Господни“?—спросите вы духобора, и услышите, что, въ мѣрѣ исполненія ихъ Исусомъ Назареемъ.

Вполнѣ естественно, что, отрицая физическое воскресеніе Исуса Христа, подобный же взглядъ духоборы перенесли на все христіанское ученіе о воскресеніи мертвыхъ. „Догматы вѣры—говорятъ они,—содержимъ, какъ въ символѣ написано, только касательно воскресенія мертвыхъ вѣримъ, что плоть мертвая отъ земли неъ возстаетъ“. Отсюда уже одинъ шагъ до отрицанія всей догмы искупленія грѣховъ. „Кто не водворяетъ въ себя царствія Божія—тотъ уже осужденъ своимъ беззаконіемъ: кто не идетъ къ жизни, тотъ идетъ къ смерти. Судъ же Божій состоитъ въ томъ, что каждый судится въ самомъ себѣ по законамъ жизни и смерти“.

Главнымъ источникомъ вѣроученія духоборы признаютъ собственный разумъ, озаряемый присутствіемъ Божественнаго Свѣта, отвергая Св. Преданіе въ православномъ его пониманіи и признавая въ Св. Писаніи „указаніе законовъ жизни и законовъ смерти, возвѣщеніе радостной вѣсти, что возможно для насъ, находящихся въ смерти, стать безсмертными чадами Божиими, которые не отъ плоти и крови, не отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились“.

Любопытная черточка въ практикѣ духоборчества это уклоненіе отъ соблюденія какихъ бы то ни было опредѣленныхъ праздничныхъ дней. „У насъ бываетъ праздникъ—отпѣваются они—когда голоднаго насыщаемъ, нагого одѣваемъ, больного и заточеннаго посѣщаемъ, когда врагамъ прощаемъ. Каждый день у насъ свѣтлый Христовъ день. Празднуемъ мы тогда,

когда отъ трудовъ отдыхаемъ. Такъ Господь сказалъ: не человекъ для субботы, а суббота для человека“.

Короче ученіе духоборовъ въ его чистомъ видѣ отражаетъ намъ извѣстная духоборческая рукопись. „Разъясненіе жизни христіанъ“, въ которой догма духоборчества излагается такъ

...Что значитъ „духоборы“? Мы духомъ познаемъ слово Божіе и радуемся и духомъ бодрствуемъ во образѣ Господа нашего Бога и Духомъ избираемся, и отъ Духа мечъ беремъ, духовнымъ мечемъ и воюемъ—познаніемъ духомъ слова Божьяго. Настоящее намъ названіе не духоборы, а мы называемся истинные, православные христіане, потому что чистосердечно вѣруемъ въ Господа Иисуса Христа и содерживаемъ его Святой законъ.

...Вѣруемъ мы во единого Бога отца, Вседержителя, Творца, который сотворилъ небо и землю и всѣхъ людей живущихъ на землѣ и свѣтъ намъ открылъ. Молимся мы Богу истинному и духомъ истиннымъ. Исповѣдуемъ мы Бога небеснаго, яко благъ Господь, во вѣкъ милость Его. Онъ понеже оставляетъ намъ всѣ наши согрѣшенія. Причащаемся мы ко святымъ его же тайнамъ божественнымъ, животворящимъ, страшнымъ, безсмертнымъ, ко Христовымъ, во оставленіе грѣховъ, которые проходятъ скрозь мозговъ, костей человѣческихъ, то бо есть наше причастіе отъ Господа Бога. Словомъ Божимъ приобщаемся мы на будущій вѣкъ къ самому Христу. Желаемъ получить новую силу и благодать Божію, а впредь желаемъ жить свято, по христіански. Выясняемъ, что приобщеніе ко святымъ Его тайнамъ для полученія слова Христова—отъ худыхъ дѣлъ удаляться. Ходимъ мы также въ церкву Божію, во единую, святую, соборную, апостольскую, церкву, которая есть собраніе истинныхъ христіанъ; ее же самъ Господь Иисусъ Христосъ евангеліемъ своимъ собралъ, осіялъ и осіяваетъ и украшаетъ дарованіемъ Духа Святаго. А поклоняемся мы во образъ Пресвятой Троицы, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Мы не поклоняемся дѣлу рукъ человѣческихъ, не вѣруемъ рукотворнымъ образамъ, потому что Господь запрещаетъ поклоняться бездушному. Выясняемъ: Господь сотворилъ человека по образу и подобию Божьему, онъ же есть образъ Божій, ликъ небесный, который поетъ и глаголетъ. Господь сказалъ:

тою икону чтите, которая изображена на доскѣ, тою икону чтите, которая происходитъ отъ сына Назарянина, она есть моя и глаголетъ мое о Бозѣ, изъ нея же превосходитъ кровь и вода. Имѣемъ и иость: мысли воздержанія,—отыми отъ насъ, Господи, всякую неправду. Священника мы себѣ имѣемъ праведнаго, преподобнаго, чистосердечнаго, верховнаго, одного, который отлученъ отъ грѣшниковъ, который освѣщаетъ и просвѣщаетъ лучезарнымъ свѣтомъ разумъ человѣческой, то есть священникъ самъ Господь Иисусъ Христосъ.

„Бракъ имѣемъ—дѣло вѣчнаго блаженства. Сосчитываемъ законный бракъ—съ обѣихъ сторонъ любовь и слово законъ. На вопросъ, кто насъ вѣнчаетъ, отвѣчаемъ: вѣнчаетъ насъ самъ Господь съ честью и славою. Онъ покорилъ есп наши до поднозій ногъ своихъ, дастъ намъ вѣнецъ, будетъ намъ, яко отецъ.

„Болѣе всего усматриваемъ на завѣтъ Спасителя и очень большимъ благоповеденіемъ внимаемъ себѣ ученіе, то есть мы закопу Божьяго, а вѣры Иисусовой.

„Вѣра Иисусова уповаемая и желаемая, а законъ Божій состоить на двухъ заповѣдяхъ, изрѣченныхъ Спасителемъ. Первая заповѣдь поучаетъ каждаго изъ насъ возлюбить Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею, всею крѣпостью своею, всѣмъ разумѣніемъ своимъ; сіе же есть первая заповѣдь, она и большая въ законѣ Божьемъ; а вторая подобная ей поучаетъ каждаго изъ насъ возлюбить ближняго своего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ Божій состоить.

„Кресту вѣруемъ животворящему. Отвѣчаемъ, что крестъ есть страданіе за Христа. Крестъ тѣлесный—терпѣніе, терпимыя обиды безъ отомщенія. Крестъ небесный—кротость и смиреніе. Общій христіанскій крестъ—тѣсный путь, вольная скорбь, вольная нищета и странство.

Вѣра наша суцая, пришедшая отъ ученія самого Иисуса Христа. Исповѣдали законъ Его—это были древніе христіане, и это христіанство не потерялось до сего времени; оно сохранилось въ людяхъ, вѣрующихъ и надѣющихся на Господа, достойные были несть дѣло Его. Это, дорожающее въ свѣтѣ, христіанство переходило изъ устъ въ уста“.

Духоборцами насъ наименовалъ государь Александръ Павловичъ, потому что предки наши крѣпко боролись духомъ, по тому и были наименованы духоборцами. Настоящее намъ названіе есть: истинные христіане православной вѣры, потому что мы исповѣдуемъ законъ Господа Бога своего Ісуса Христа и понимаемъ объ немъ не внѣшнѣ, а внутренно. Прежде это христіанство было втайнѣ скрыто отъ тѣхъ людей, которые не вѣровали въ Бога и законъ его, а напротивъ того мучили и убивали за слово Божіе, за свидѣтельство Ісуса Христа.

„Вотъ еще отъ самаго начала христіанства было установлено самимъ Іисусомъ Христомъ, между братьями христіанскаго, или какъ названіе, духоборческаго семейства, такое братство и любовь другъ къ другу, такъ что каждый христіанинъ, по своему вѣроученію, долженъ быть смиренъ, и кротокъ и благъ, и любить ближняго, какъ самого себя. Любить не только друга-пріятеля, а даже и педруга, и врага своего и заботится о душахъ ихъ“.

Пониманіе духоборцами Божественной личности сводится къ тому, что „должно замѣчать, что сынъ Божій, если смотрѣть на Него въ Ветхомъ завѣтѣ, есть не что иное, какъ пренебесная вѣчная, непостижимая, духовная Премудрость Бога Вседержителя, которая въ началѣ облеклась въ натуру міра, а потомъ въ буквы и карты откровеннаго слова; оно есть Слово Божіе, разглагольствующее съ нами въ книгѣ міра и въ писаніи; Сила сквозь солнце на твореніе и во твари живая чудесно просіявоищая, все движущая, все живящая, въ числѣ, въсѣхъ и мѣрѣхъ вездѣ считая Сила Божества въ праотцахъ, какъ и нынѣ въ насъ, разнообразно дѣйствуемая. Если же смотрѣть на Него въ Новомъ Завѣтѣ, то онъ былъ и есть не иное что, какъ Духъ воплотившійся Премудрость, Богопознанія, истины; Духъ воплотившійся Любви, человѣколюбія, дружелюбія, пріязненности, и Духъ свыше воплотившейся Божественной, несказанной, священнѣйшей радости, утѣшеня, веселія, мира въ полнотѣ всѣхъ игрانی сердца; Духъ цѣломудрія, трезвость, умѣренность въ яствѣ, питіи, одѣяніи и во всѣхъ удовольствіяхъ плоти“.

Мы уже говорили, что центромъ распространенія духоборче-

ства въ его началѣ явились губерніи Екатеринославская и Тамбовская, наложившія на него каждая свой особый отпечатокъ пониманія идеала духовнаго христіанства. Конечно, географическія условія тутъ не при чемъ, но фактъ тотъ, что тамбовцы не смогли окончательно освободиться отъ сильно развитаго тогда хлыстовства. Вожакъ тамбовскихъ духовоборовъ Илларионъ Побирохинъ принялъ чисто хлыстовскую доктрину о перевоплощеніи Иисуса Христа, посему и принялъ на себя роль Верховнаго Судіи, окруженнаго 12 „апостолами“ и сошедшаго на землю ради разбора дѣлъ человѣческихъ. Екатеринославскіе же духовоборы никогда на той точкѣ не стояли, и впоследствии оказались въ меньшинствѣ. Продолжатель Побирохина Савелій Капустинъ видоизмѣнилъ догму духоворчества, признавъ, что хотя Богъ и имѣетъ свое мѣстопробываніе въ сердцѣ каждаго истиннаго христіанина, но Христось переселяется только въ души особо ему угоднаго человѣка. Объ этомъ то и говорила фраза Христа: „азъ съ вами буду до скончанія вѣка“. Первоначально такимъ земнымъ жилищемъ Иисуса былъ глава всего христіанства римскій первосвященникъ, папа, но затѣмъ папство поколебалось, на престолѣ Св. Петра стали появляться совершенно недостойныя лица и тогда Христось выбралъ себѣ меньшую паству вѣрныхъ ему духовоборовъ. Дальше—больше и въ концѣ и концовъ теорія Капустина свелась къ тому, что Христось склоненъ якобы пребывать исключительно въ его потомствѣ. Отсюда то и пошла „христовская“ династія, просуществовавшая почти до нашихъ дней.

Нѣкоторые чисто хлыстовскіе оттѣнки сразу бросаются въ глаза при ознакомленіи съ запискою архимандрита, впоследствии митрополита кіевскаго, Евгенія, о его разговорѣ — (въ 1802 г.) съ двумя духовоборами—тамбовцами, присланными къ нему „для увѣщанія“.

На вопросъ: „что разумѣете чрезъ небо?“—последоваль отвѣтъ, что „первое небо — смиреніе, второе — разумѣніе, третье—воздержаніе, четвертое—братолюбіе, пятое—милосердіе, шестое—совѣтъ, седьмое—любовь; тамъ живетъ и Богъ“... словомъ, перепѣвъ давно знакомаго намъ хлыстовскаго мотива о семи небесахъ.

Такъ же замѣтенъ и косою взглядъ въ сторону „лѣпости“, ибо все искушеніе человѣку на землѣ „отъ людей и отъ плоти“.

Крайне уклончиво высказали тамбовцы и относительно Священнаго Писанія свои сужденія, отговорившись тѣмъ, что у нихъ „лишняго сверхъ Писанія нѣтъ, а изъ него довольно имъ того, что у нихъ есть; изъ обоихъ Завѣтовъ берутъ себѣ полезное“.

Фактъ существованія „христа,“ тамбовцы тщательно замолчали, и на вопросъ—„нарушилъ ли Христосъ въ церкви своей кому нибудь видимое начальство?“—отвѣтили, что у нихъ всѣ равны.

„Какъ думаете о бракѣ?—перешель къ щекотливому предмету владыка и услышалъ равнодушно якобы выраженное мнѣніе, что духоворы“ желающимъ не воспрещаютъ, а только разумѣютъ; что женившійся печется о женѣ, а не женившійся о Богѣ и о людяхъ.

...Кто хочетъ, вѣнчается въ нашихъ церквахъ, а кто хочетъ, такъ живетъ. Мы даемъ на волю... Угожденія плоти не надобно дѣлать, а исполнять нужно.

Еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ.

„Въ какомъ возрастѣ человѣкъ способенъ принять въ себя слово Божіе и засѣмениться во спасеніе? Младенцы спасаются ли?“

— Способенъ всякъ, когда въ силѣ ума, а младенцы ни грѣха, ни спасенія не имѣютъ, а все равно, что щенята и котята безъ молитвы.

— Молитесь вы за Царя и за вся, яже во власти суть?

— Всякъ молится о себѣ, а не о другихъ.

— Какъ думаете о властяхъ? Всѣ ли онѣ отъ Бога?

— Милостивыя отъ Бога, а немилостивыя не знаемъ отъ кого.

— Не позволяется ли у васъ въ какихъ-либо случаяхъ убійства или самоубійства.

— У насъ нѣтъ ни убійства, ни самоубійства.

На основаніи своего разговора съ тамбовцами владыка вывелъ совершенно правильное заключеніе, что духоворы „вск“

вѣру относятъ къ внутреннему ощущенію духа, а наружнаго ничего не считаютъ нужнымъ“.

Духоборчество сразу стало въ рѣзкую оппозицію не только основамъ господствующей православной церкви, но и выразило свое полное несочувствіе социальнo-политическому строю государства, рѣшительно отказываясь примириться съ существованіемъ крѣпостного права, но на ряду съ такимъ укрѣпленіемъ въ принципахъ, можно было замѣтить и признаки несомнѣннѣйшаго разложенія чистаго духоборчества, ударившагося въ символистику и уже искусственное мышленіе, лишенное прежней непосредственности и наивной вѣры, и вызвавшее затѣмъ выдѣленіе изъ духоборческой массы сторонниковъ евангельскаго направленія, стараніями которыхъ и возникла новая секта—молоканъ.

„Кладя въ основу ученія духовное совершенствованіе путемъ чтенія священнаго писанія и пѣнія псалмовъ въ собраніи вѣрующихъ, духоборы, при укрывательствахъ не могли фактически удовлетворить этой потребности, отчасти за нераспространенностью въ тѣ времена книгъ священнаго писанія, отчасти же, вслѣдствіе безграмотности большинства адептовъ новой вѣры. Пришлось ограничиться пѣніемъ псалмовъ, заученныхъ наизусть, но при отсутствіи лицъ, могущихъ исправлять ошибки, допускаемая неизбѣжно при такого рода передачѣ, въ эти псалмы постепенно стали вкрадываться извращенія текста, часто совершенно искажающія весь смыслъ псалма. Чѣмъ далѣе—тѣмъ эти извращенія все болѣе и болѣе извращали смыслъ священныхъ пѣсенъ и въ концѣ концовъ получилась какая-то рифмованная импровизація. Форма такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ сектахъ, поглотила внутренній смыслъ“.

Введенная въ духоборчество строжайшая централизація тоже не мало способствовала общему упадку духоборческой общины; скоро обнаружилось совсѣмъ невыгодное для духоборовъ явленіе, подмѣченное посторонними наблюдателями, констатировавшими, что „въ образѣ ихъ жизни и обычаяхъ усматривается теперь между ними великое развращеніе нравовъ“. Старая исторія.. Въ 1802 г. возникъ въ Тамбовской

губерніи первый духоборческій процессъ, разрѣшившійся исключительно благопріятнымъ для духоборовъ финаломъ.

Дѣло въ томъ, что одно духоборчерское село поголовно отказалось подчиниться требованіямъ православнаго священника. Поднялось дѣло, доходившее до усмотрѣнія императора Алексанера I, и послѣ различныхъ перипетій, 16 декабря 1804 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе всѣмъ духоборамъ Тамбовской губерніи „въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи“—переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи на особо для нихъ отведенной казенной землѣ, называвшейся „Молочными водами“.

Восторгу духоборовъ не было предѣла. Осуществилась, наконецъ, ихъ заповѣдная мечта объ отдѣльной территоріи „духовнаго царства“, вдали отъ чуждыхъ имъ по міросозерцанію людей. По усиленной просьбѣ духоборовъ имъ было разрѣшено сохранить ихъ старое, столь для нихъ дорогое именованіе. „Еще болѣе укрѣпились духоборы въ сознаніи правоты своего ученія и въ чудесной помощи Бога, невидимо покровительствующаго своимъ избраннымъ сынамъ. Тутъ же на новой почвѣ, собранные изъ разныхъ мѣстъ и оставленные въ покоѣ, они продолжали детально разрабатывать свое вѣрученіе и выработали, наконецъ, свой особый религіозный культъ, или вѣрнѣе соціально-этическій кодексъ“.

„Разорвавши связь съ родной народностью, правительствомъ—говоритъ М. Тебеньковъ—у духоборовъ тѣмъ не менѣе сохранилось сознаніе, что они не могутъ прожить безъ связи съ какою-либо территоріей, составляющей соединительное звено и точку опоры для жизни въ семь мірѣ“. Для удовлетворенія такого сознанія ими было избрѣтено совершенно своеобразное, какъ все въ этой сектѣ—„отечество“—иначе говоря пресловутый „Сиротскій домъ“, исторія и задачи котораго излагаются въ приводимой ниже драгоценной для каждаго духобора рукописи, служащей своего рода настольнымъ руководствомъ для духоборчества.

„Быль у насъ христіанъ,—повѣствуется въ ней—сиротскій домъ съ большимъ капиталомъ... Именно: какъ предками нашими и раньше, такъ и нашими трудами, не былъ расхищенъ,

а все болѣе старались прибавлять, и по трудамъ христіанскаго общества былъ наполненъ сиротскій домъ весьма большими капиталами и существовалъ до смерти руководительницы нашей Лукерьи Васильевны (Калмыковой). Раньше смерти своей она же сама изволила взять молодого человѣка Веригина, который прожилъ въ сиротскомъ домѣ пять лѣтъ. Какъ онъ былъ обученъ ко всему христіанскому содержанію, то ему извѣстно было обо всемъ нажитіи и капиталѣ. По наукѣ Лукерьи Васильевны онъ зналъ обо всемъ наличномъ и наличномъ, весьма великомъ капиталѣ. Во время кончины нашей управительницы христіанскаго капитала, родственники ея дерзнули расхитить нашихъ предковъ и насъ, а именно: старались изгнать того молодого человѣка, который обученъ былъ ко всему этому имѣнію, такъ какъ хотѣлось имъ загладить слѣды хищности своей... Словомъ, пошли дразги, и въ результатъ „капиталъ“, о которомъ съ такимъ уваженіемъ трактуетъ рукопись, испарился.

„Сиротскій домъ“ имѣлъ для сектантовъ огромное матеріальное и моральное значеніе. Изъ него щедро лилась субсидія попавшему въ затруднительное положеніе, онъ же служилъ постоянною резиденціею главы духоборческой общины, съ вѣрою взиравшей на жилище своего „богочеловѣка“,— копию ветхозавѣтной еврейской скиніи. „Духоборчество—какъ гласило одно административное донесеніе—безъ „Сиротскаго дома“ положительно не можетъ существовать, какъ тѣло безъ головы, думающей, и рѣшающей, и направляющей дѣйствія всѣхъ остальныхъ членовъ“. Получилось нѣчто близкое къ особенностямъ секты американскихъ мормоновъ, и все развивавшееся приближеніе къ хлыстовщинѣ, задержанное уже слияніемъ части духоборчества съ толстовствомъ, сообщившимъ ему новый притокъ жизненной силы.

Суровая эпоха императора Николая не прошла безслѣдно для духоборчества. Въ 1841 г. пришлось перебраться въ Закавказье, на турецкую границу, въ пустыню, на высотѣ 6000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Въ 1864 г. пресѣклась мужская липія Калмыковской династїи, и главенство перешло къ только что упоминавшейся Лукерьѣ Калмыковой, время правленія которой считается зо-

лотымъ вѣкомъ духоборческой секты, достигшей предѣловъ своего благосостоянія и снискавшей себѣ большое уваженіе своимъ полнымъ достоинства поведеніемъ на далекой окраинѣ русскаго государства среди инородческаго населенія.

Возведеніе въ почетный санъ „управляющаго Сиротскимъ домомъ“ досталось Веригину не даромъ и стоило духоборчеству распадомъ его на два лагеря—„большой партіи“—согласившейся съ волей покойной Калмыковой, и „малой партіи“, принявшей сторону своего оффиціального старшины Зубкова и не пожелавшей Веригина. Хотя „меньшевики“ и остались въ меньшинствѣ и избраніе Веригина состоялось, но по ихъ проискамъ новый вождь, „выдававшій себя за Христа“, попалъ подъ арестъ, повлекшій за собою продолжительное пребываніе возлѣ полярнаго круга. Распри между двумя фракціями духоборчества не прекратились съ изъятіемъ Веригина и окончились выдѣленіемъ особенно оппозиціонно настроеннаго элемента такъ называемыхъ „постниковъ“ или „бѣлыхъ“, то-есть людей постомъ предъ Богомъ обѣленныхъ, рѣшительно высказавшихся за возвращеніе Веригина и противъ какого бы то ни было административнаго контроля духоборческаго быта. Среди нихъ происходило какое-то глухое, мало понятное на внѣшній взглядъ, броженіе, разрѣшившееся въ 1895 г. категорическимъ отказомъ духоборческаго населенія Закавказья отъ несенія военной службы, повлекшимъ за собою примѣненіе репрессивныхъ мѣръ, въ родѣ расселенія „постниковъ“ по разнымъ мѣстамъ.

Все это духоборческое движеніе, измѣненіе его міровоззрѣнія во многихъ пунктахъ, послѣдовавшая затѣмъ эмиграція части сектантовъ въ Америку—вызвано почти исключительно сильнымъ вліяніемъ Веригина.

Что такое Веригинъ? Отвѣтъ даетъ намъ его переписка съ разными лицами, собранная В. Д. Бончъ-Бруевичемъ, дающая намъ возможность познакомиться съ фізіономіею этого недужиннаго носителя крупной религіозно-нравственной идеи, виднаго проводника интеллигентской проповѣди Толстого въ чисто народную массу, способствовавшаго практическому осуществленію схемы жизненнаго строя, набросанной нашимъ великимъ „непротивляемцемъ“.

„Религіозныя наши воззрѣнія,—пишетъ Веригинъ,—которыя мы стараемся проводить въ жизнь, основываются на томъ, чтобы любить Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и любить ближняго, какъ самого себя. Бога же мы представляемъ, что Онъ есть неограниченная любовь. По силѣ этой неограниченной, всеобъемлющей любви держится все существующее. Зло разрушаетъ, любовь созидаетъ. Любить ближняго—значитъ осуществить любовь къ Богу. Приобрѣтая любовь, мы разумѣемъ, что приобретаемъ Бога въ сердца наши. Въ частности, мы поэтому и стараемся по возможности не разрушать жизнь, въ чемъ бы она ни была, въ особенности человѣка. Человѣкъ есть храмъ Бога живого и разрушать его нехорошо“.

...„Мы Бога чтимъ, которому подвластно все существующее, не только земля, и то, что на ней есть, но и все, что находится во вселенной. Богъ есть жизнь и присутствуетъ во всемъ существующемъ и равно присутствуетъ—покровительствуетъ, какъ человѣку, такъ и самой маленькой птичкѣ или насѣкомому... Богъ, котораго мы чтимъ, безмѣрно великъ и обширенъ и вмѣстить Его въ какую-либо рамку невозможно, а тѣмъ менѣе изобразить Его. Бога возможно только ощущать душою, сердцемъ и выражать Его свойства любовью къ всему живущему, въ которомъ мы вращаемся“...

„Смерть тѣлесная не опасна и не прекращаетъ существованія человѣка, а, напротивъ, возрождаетъ. Но нѣтъ, человѣкъ и сейчасъ ужасно боится смерти, хотя и не можетъ умереть безслѣдно“...

„Узнавать, что хорошо, что дурно, намъ даны совѣсть и разумъ, только надо быть строго внимательнымъ къ своимъ дѣламъ. И такъ какъ жизнь дана для радости, а не для борьбы, то мы должны сожалѣть. А сожалѣніе есть состраданіе; состраданіе же заставляетъ любить, помогать, и пока мы будемъ ненавидѣть зло въ людяхъ, до тѣхъ поръ мы сами злы“...

„Главною основою жизни христіанина можно считать то, чтобы быть добрымъ и постояннымъ, то-есть чтобы не озлобляться и не унывать—это свойство божественнаго Духа“

...„При стремленіи войти въ законную истинную жизнь для

насть необходимъ тѣлесный трудъ и воздержаніе въ пищу, такъ какъ ненормальное питаніе много причиняетъ намъ вреда. Отъ неправильнаго питанія организмъ приходитъ въ неестественное состояніе и вмѣсто того, чтобы человѣку, созерцающа, совершенствоваться духовно, онъ долженъ употреблять труды на борьбу съ тѣломъ, которое самъ же сдѣлалъ своимъ врагомъ“.

„Для жизни одной нравственно-моральной проповѣди недостаточно, потому что наша моральная система соединена съ вещественной, то-есть потому, что духъ соединенъ съ плотью, душа наша облечена въ плоть. Такъ какъ труду есть препоны наша ѣда, и наоборотъ, ѣда есть препоны труду, въ особенности усиленной физической дѣятельности, то въ основу жизни человѣка нельзя ставить трудъ. Чѣмъ больше мы будемъ ѣсть и изнашивать одежды, тѣмъ мы должны больше работать и наоборотъ. Трудъ необходимъ и для того, чтобы убивать силу, бодрость тѣла, но если вы будете мало ѣсть, то само по себѣ у васъ не будетъ лишней силы и бодрости. Если возможно—а это возможно—воспитать дитя совершенно законно, то тому человѣку и въ зрѣломъ возрастѣ можно бы свободно обходиться безъ труда, чтобы жить человѣчно“.

...„Историческое преданіе, что человѣкъ долженъ доставать хлѣбъ въ потѣ лица своего, можно считать достовѣрнымъ. Произошло это естественно. Человѣкъ утратилъ состояніе гостя, возмечталъ стать хозяиномъ на землѣ; отъ этого родился страхъ отвѣтственности за свою личную сохранность. Онъ сталъ усиленно заботиться о своей жизни и власти, чтобы удержать ихъ. Измучился и, увидавъ тщету своихъ заботъ, онъ пришелъ въ раскаяніе и тогда родился богочеловѣкъ, который провозгласилъ, что не однимъ хлѣбомъ можетъ быть живъ человѣкъ. Этимъ призывомъ Христосъ освободилъ человѣка отъ рабства физическаго неестественнаго труда, какъ вола отъ ярма, и соединилъ его съ Богомъ, то-есть, чтобы человѣкъ довѣрился законамъ природы, и сталъ на прежнее положеніе гостя, столъ же съ яствами будетъ для него ниспосылаемъ отъ хозяина.

...„Что мы находимся и подвержены болѣе физической дѣятельности—во грѣхѣхъ родила меня мать моя—это фактъ,

но мы должны постепенно выходить изъ прежняго до-Христа родства, и строго принять къ свѣдѣнію первый призывъ Спасителя: „Оставьте сѣти и слѣдуйте за мной, я сдѣлаю васъ ловцами человековъ“. Изъ этого ясно вытекаетъ то, что люди постепенно, если желаютъ сдѣлаться христіанами, должны оставлять физическій трудъ и идти благовѣствовать Христа, то-есть Евангеліе, и слѣдовать за Христомъ; надо жить такъ, какъ Онъ жилъ—а мы видимъ, что Христосъ физически ничего не работалъ, а также и апостолы. А полагать, что такая жизнь возможна только ограниченному числу людей—тоже неправильно. Неужели Христосъ призывалъ апостоловъ къ такой жизни, и, увидя идущихъ почти на половину или все человечество, сказалъ бы: „Нѣтъ, это очень много. Что же вы будете ѣсть или во что одѣваться?“. На совершенство или на святость нельзя смотрѣть, какъ на исключительность: это удѣлъ cadaго человека. Что апостолы и Христосъ носили одежды и ѣли хлѣбъ, это естественно, потому что хлѣба и одежды было много, и надо сказать, что нельзя же было сразу ходить пагами, хотя бы Христу и апостоламъ. Говорю о совершенствѣ ихъ. Я полагаю, что къ наготѣ тѣлесной—духовная нагота куда печальнѣй—постепенно люди тоже привыкли бы. Переносивъ всю одежду и съѣвъ весь хлѣбъ, человечество пришло бы къ тому состоянію, о которомъ я говорилъ выше. Мнѣ говорятъ, что невозможно провести въ фактическую жизнь такую теорію, хотя бы и теорію самого Христа. „Всѣмъ людямъ такъ жить нельзя, какъ жили апостолы и Христосъ“—говорятъ люди. Вѣрю, что можно. Важно главное, чтобы быть истинными послѣдователями Христа, идти и проповѣдывать Евангеліе истины, хлѣба же тѣлеснаго можно попросить. Если которые желаютъ работать, то пусть, мы же должны работать только въ пользу Христа. Хлѣбъ умеренности и такъ долженъ быть отъ Отца небеснаго каждому человеку, работай онъ или нѣтъ: „птицы небесныя ни сѣютъ, не жнутъ, но сыты“. А что люди, по жадности забираютъ его въ однѣ руки и называютъ своимъ, это насъ также не должно смущать: все имѣющееся принадлежитъ Богу, какъ и мы, и тѣ, которые имѣютъ хлѣбъ.

„Наука-грамотность, въ частности, можно сказать, только

тормазить развитіе чловѣка, развитіе знанія истины. По нашему міровозрѣнію, міровое теченіе времени постоянно обновляется, а, слѣдовательно, и весь живущій міръ, то есть, атомы должны развиваться подъ вліяніемъ времени. По отношенію къ чловѣку здѣсь сразу вытекаетъ крупное противорѣчіе: возьмите вы всѣ эти многотомныя сочиненія съ ихъ профессорскими кафедами,—какъ убійственно онѣ насилуютъ современнаго чловѣка! Мальчикъ или чловѣкъ переживаетъ обновляемое время: умственная его сила, какъ тѣлесная, должна бы развиваться сама по себѣ. Нѣтъ, его пичкаютъ, а иногда и просто вбиваютъ—двухъ-трехъ тысячнымъ періодомъ лѣтъ прошедшаго времени“.

„Вспомните, сколько было нравственно-разумныхъ людей совершенно неграмотныхъ, да можетъ сейчасъ есть нѣсколько милліоновъ: наоборотъ, всмотритесь въ грамотный людъ и безъ пристрастія можно сказать, что очень и очень громадный процентъ изъ нихъ мошенники и шуллера“.

„Сейчасъ народъ жаждетъ не просвѣщенія, а освобожденія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, освобожденія личности вообще отъ опеки чловѣческой“.

„Самое главное, надо по возможности оставлять всѣ искусственно вырабатывающіяся просвѣтительскія химеры, которыя сами живутъ на народныя средства. А дать народу вздохнуть свободно и народъ самъ окрѣпнетъ и разовьется подъ вліяніемъ міровой эволюціи жизни впередъ. Намъ не надо только стѣснять этого движенія. По своей малочисленности мы эволюціоннаго движенія стѣснить, остановить, конечно, не можемъ, но мы тормазимъ, уродуемъ свою же собственную жизнь“.

Изъ предлагаемаго, нѣсколько мозаичнаго, подбора цитатъ изъ писемъ Веригина вполюѣ выясняются лейтмотивы всей философіи Веригина, почерпнутой, несомнѣнно, изъ знакомства съ теоріями графа Толстого, сильно отразившагося на ученіи и практикѣ современнаго намъ духоборчества, сумрачно пытающагося устроиться на новыхъ началахъ подъ гостепріимнымъ флагомъ сѣверо-американской республики. Вся грустная духоборческая эпопея, скитанье 7000 русскихъ крестьянъ по непривѣтливымъ степямъ Канады, ихъ стремленіе къ основан-

ному на „непротивленческомъ принципѣ“ жизненному распорядку,—все это обязано своимъ происхожденіемъ понынѣ здравствующему въ Канадѣ Веригину, посѣявшему среди духоборовъ черты толстовства.

Уже за океаномъ, т. е. стало быть въ самое послѣднее время въ духоборствѣ обнаружилось новое разслоеніе: выдѣлились „свободники“—порѣшившіе довести до конца практическое осуществленіе идеи освобожденія всякаго живаго существа, разумнаго и неразумнаго, отъ неволи, примѣняя байкотъ тѣмъ предметамъ жизненнаго обихода, съ потребленіемъ которыхъ такъ или иначе связано доставленіе болѣзненнаго ощущенія или даже умерщвленіе организма, законами зоологіи имѣющее равное съ человѣкомъ право на жизнь. „Свободники“ отказались, напримѣръ, отъ домашняго скота. Простились съ своими коровами и лошадьми, принесли имъ самую теплую благодарность за понесенные имъ труды при обслуживаніи разныхъ человѣческихъ нуждъ и отпустили въ лѣсъ. Но канадская администрація и не подумала охатъ да ахатъ по поводу такого, какъ будто не подходящаго къ меркантильному вѣка, поступка, а весьма хладнокровно распорядилось переловить бродившій скотъ и продать его съ аукціона въ казенный доходъ въ возмѣщеніе за занятые духоборами землю. Но „свободники“ не остановились на этомъ. Мысль, съ чуткою болѣзненностью уцѣпившись за схваченный на лету принципъ „непротивленія“ и „опрощенія“, сдѣлала нервный скачекъ далѣе—и получилось умозаключеніе о безнравственности всякой одежды и обуви, такъ какъ первая шьется вѣдь иглою, а добывать металлъ—работа очень суровая, нужно слѣдовательно, всюду споспобствовать прекращенію такого чуть ли не убійственнаго промысла; что же касается второй—то негодится матеріаль—кожа, добываемая уже, конечно, не отъ живыхъ животныхъ. И вотъ „свободники“ стали ходить безъ платья... Нѣкоторые отказались даже пахать землю, находя, что это портитъ ее; да и не къ чему, такъ какъ можно питаться фруктами.

Вообще, духоборчество доставило американцамъ не мало непріятныхъ минутъ своимъ укладомъ жизни и упорнымъ нежеланіемъ подчиниться мѣстнымъ законамъ, такъ что не обошлось и безъ репрессій.

Еще въ 1896 г., изъ обдорской тундры, Веригинъ предложилъ духоборамъ разстаться съ ихъ исконнымъ наименованіемъ и принять новое названіе „Христіанской Общины Всемирнаго Братства“. „Слово духоборы—поясняетъ свой совѣтъ Веригонъ—непонятно для постороннихъ; мы хотя и впредь будемъ призывать Духъ Господень, чтобы бороться противъ плотскихъ немощей и грѣха, но новое званіе будетъ говорить яснѣе на то, что мы на всѣхъ людей смотримъ какъ на братьевъ по завѣту Господа Іисуса Христа“.

При этомъ же сообщалась и новая программа духоборства, безпрекословно и съ большимъ уваженіемъ принятая духоборами, свято чтущими авторитетъ Веригина, изъ далекой Сибири руководившаго своею общиною, рѣшившеюся даже отказать отъ дорогого имъ по традиціи имени. 10 пунктовъ „общихъ взглядовъ“, выработанныхъ Веригинымъ, являются теперь послѣднимъ катехизисомъ „всебратьевъ“, всецѣло отражающимъ міровозрѣніе послѣднихъ. Содержаніе ихъ таково:

1. Члены и общины уважаютъ и любятъ Бога, какъ начало всему существующему.

2. Уважаютъ достоинство и честь человѣка, какъ въ самомъ себѣ, такъ равно и въ себѣ подобныхъ.

3. Члены общины смотрятъ на все существующее любовно и съ восхищеніемъ. Въ томъ направленіи стараются воспитывать дѣтей.

4. Подъ словомъ Богъ члены общины разумѣютъ: силу любви, силу жизни, которая дала начало всему существующему.

5. Міръ состоитъ изъ движенія; все стремится къ совершенству и чрезъ этотъ процессъ старается соединиться со своимъ началомъ, какъ бы возвратитъ созрѣвшій плодъ сѣмени.

6. Во всемъ существующемъ нашего міра мы видимъ переходныя ступени къ совершенству, какъ, напримѣръ, начинается съ камня, переходитъ къ растеніямъ, потомъ животнымъ, изъ которыхъ самымъ крайнимъ можно считать человѣка въ смыслѣ жизни въ смыслѣ мыслящаго созданія.

7. Уничтожать, разрушать что бы ни было, члены общины считаютъ предосудительнымъ. Въ каждомъ отдѣльномъ пред-

метѣ есть жизнь, а слѣдовательно и Богъ въ особенности же въ человѣкѣ. Лишить жизни человѣка ни въ какомъ случаѣ невозможно.

8) Члены общины въ своемъ убѣжденіи допускаютъ полнѣйшую свободу всему существующему, въ томъ числѣ и существованію. Всякая организація, установленная насиліемъ, считается незаконной.

9) Главною основой существованія человѣка, служить энергія мысли разумъ. Пищей вещественной служатъ: воздухъ, вода, фрукты, и овощи.

10) Допускается общинная жизнь въ человѣкахъ, держащаяся на законѣ нравственной силы, правиломъ котораго служить: чего себѣ не хочу, того не долженъ желать другому.

— „Богу нашему слава“ dokonчили „всебратья“ и возвели „взгляды“ на степень своего „псалма“—иначе говоря исповѣданія вѣры. Реформа духоворчества была произведена и при томъ крупная. До 1896 г. духоворы,—на основаніи своихъ догматовъ, мнили себя „народомъ избраннымъ“, всячески ратовали за обособленность отъ остальнаго „не озареннаго“ человечества. Теперь же духоворчество отрѣшилось отъ своей добровольной изолированности и, обновившись, изъявило готовность войти въ общехристіанскій союзъ.

Переписка Веригина служить несомнѣннѣйшимъ доказательствомъ глубокой пытливости, съ которою онъ вчитывался, вдумывался въ смыслъ писаній яснополянскаго отшельника, глубоко ими заинтересованный. „Общія взгляды“ безусловно уже сильно отражаютъ возрѣнія Толстого, а сужденія духоворцовъ, о „незаконности“ земнаго суда и земной власти, представляютъ простой пересказъ общеизвѣстныхъ на сей счетъ сужденій его же. Толстовство не пересоздало, конечно, духоворчества, для этого оно слишкомъ индивидуально, но что оно влило свѣжую струю въ начинавшее было застаиваться духоворческое движеніе—несомнѣнно, и безъ своего видоизмѣненія старо-духоворческое, не приспособленное къ вѣяніямъ времени, ученіе обречено было бы на мертвящую безжизненность.

„Мы видимъ—говоритъ г. Бончъ — Бруевичъ, тонко изучившій наше сектанство—что еще за долго до выступленія

Л. Н. Толстого, какъ моралиста, философа, мыслителя и критика современнаго порядка вещей, въ Россіи не пережившей еще церковной реформаціи, въ народныхъ нѣдрахъ, въ этихъ неграмотныхъ массахъ, давно уже зародилось большое броженіе правда оно рѣдко поднималось до поверхности общественной жизни и потому мало обращало на себя вниманіе интеллигентнаго общества и, наоборотъ, постоянно приковывало вниманіе русскаго правительства вообще, и святѣйшаго синода въ особенности. Это движеніе, совершающееся въ нашемъ крестьянствѣ, то усиливается, то уменьшается.—Начавъ съ критики господствующей государственной церкви, они постепенно все ближе и ближе подвигается къ подробному разсмотрѣнію существующаго гражданскаго порядка. Стригольники, духоборы, молокане, шалопуты, хлысты, штундисты, баптисты и просто толстовцы—вообще все то, что принято у насъ называть не расколомъ, а сектантствомъ,—все болѣе и болѣе распространяется въ простомъ народѣ. Всѣ эти секты обыкновенно ставятъ въ край угла своей обновленной жизни моральныя основы ученія Христа. Большинство изъ нихъ существуютъ и по нынѣ. Нѣкоторыя же изъ нихъ признаются особенно вредными въ „церковномъ и государственномъ отношеніяхъ“, послѣдователи которыхъ, отвергая всѣ церковныя обряды и таинства, не только не признаютъ никакихъ властей, но и проповѣдуютъ соціалистическіе принципы.

„Вотъ именно эти то секты, насчитывающія по официальной статистикѣ сотни тысячъ людей и являются наиболѣе удобнымъ полемъ для распространенія идей Л. Н. Толстого, такъ какъ всѣ эти религіозно-евангельски-коммунистическія ученія русскихъ сектантовъ несомнѣнно носятъ въ себѣ тѣ или другіе зачатки—развитые у однихъ больше у другихъ меньше,—которые достаточно полно разсмотрѣны и проанализированы во многихъ сочиненіяхъ Льва Николаевича. Мы думаемъ, что именно въ этомъ и заключается вся та тайна довольно значительнаго успѣха сочиненій послѣднихъ годовъ Л. Н. Толстого въ простомъ народѣ, который несомнѣнно имѣется въ наличности. Сравнительно же незначительный успѣхъ и отрицательное отношеніе къ идеямъ Л. Н. Толстого въ нашемъ городскомъ и интеллигентномъ обществѣ объясняется, на нашъ

взглядъ, именно тѣмъ, что оно живетъ теперь совершенно другими интересами, другимъ строемъ своей жизни и вообще всѣмъ укладомъ взаимныхъ отношеній“.

„— Мнѣ лично—воспоминаетъ дальше г. Бончъ Бруевичъ—приходилось наблюдать духоборовъ при чтеніи сочиненій Толстого.

— Да это все какъ у насъ! И откуда только узналъ все это дѣдушка!—воскицали удивленные слушатели.

„Нѣкоторые же прямо и опредѣленно высказывались, что „дѣдушка Толстовъ просвѣтилъ разумомъ, какъ узналъ отъ нашихъ стариковъ всѣ завѣты нашихъ предковъ; научившись и постигши всю эту великую премудрость онъ теперь и сталъ столбомъ до небесъ“.

„Эти восклицанія и разсужденія ясно указываютъ до какой поразительной степени соотвѣтствія дошло міросозерцаніе Л. Н. Толстого съ психологіей массъ русскаго народа, русскаго сектантства и здѣсь Л. Н. является вонистину народнымъ русскимъ писателемъ, до тонкости познавшимъ движеніе души и біеніе сердца русскихъ крестьянъ“.

На 3-мъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани было установлено, что толстовство, какъ сектантство, начало догматически формироваться и распространяться среди православнаго населенія и сектантовъ съ конца 80-хъ годовъ. Движеніе, вызванное Толстымъ въ простомъ народѣ, представилось настолько серьезнымъ и заслуживающимъ противодѣйствія, что 20 февраля 1901 г. состоялось извѣстное опредѣленіе святѣйшаго Синода, констатировавшее, что „извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достоиніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери Церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки, и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ.

и письмахъ, во множествѣ разсѣиваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ Православной церкви а самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живого Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя Вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Дѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовозданія, отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ всѣми самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнувшись подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинствъ—Святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя отъ всякаго общенія съ Православною церковью. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать доколѣ онъ не раскается и не возобновитъ своего общенія съ нею“.

Такова сумма религіозныхъ сомнѣній Толстого, сводъ его убѣжденій—по крайней мѣрѣ, въ оффиціалномъ освѣщеніи, до которыхъ онъ дошелъ путемъ долголѣтней умственной работы, уже во второй половинѣ своей жизни, все болѣе и болѣе разочаровывавшей его, и чуть было не доведшей его—по чистосердечному его признанію—до самоубійства. Медленно и осторожно, шагъ за шагомъ порывая съ прошлымъ, съ каждымъ днемъ углубляясь умомъ и духомъ въ постиженіе истиннаго смысла человѣческаго существованія, знаменитый романистъ, яркій художникъ слова, бытоописатель русскаго общества во всѣхъ его слояхъ превращается въ философа „ловца душъ“, дерзновенною рукою срывающаго мистическій покровъ, обволакивающій связь человѣка съ высшимъ воспріятіемъ и проповѣ-

дующаго новую религію, религію не метафизики, не догматики, а нравственности.

„Жилъ я до 50 лѣтъ—вспоминаетъ Толстой, думая, что та жизнь человѣка, которая проходитъ отъ рожденія и до смерти, и есть вся жизнь, и что поэтому цѣль человѣка есть счастье въ этой смертной жизни; но чѣмъ дольше я жилъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что счастья этого нѣтъ и быть не можетъ. То счастье, которое я искалъ, не давалось мнѣ, то же, котораго я достигалъ, тотчасъ же переставало быть счастьемъ. Несчастій же становилось все больше и больше и неизбѣжность смерти становилась все очевиднѣе, и я понялъ, что послѣ этой бессмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидаетъ, кромѣ страданія, болѣзни, старости и уничтоженія; я спросилъ себя: зачѣмъ это? и не получилъ отвѣта. И я пришелъ въ отчаяніе“.

На вопросъ, заданный Толстымъ самому себѣ „зачѣмъ это?“, удовлетворительнаго отвѣта не получилось и онъ „пришелъ въ отчаяніе“.

Внимательно изучая вопросы вѣры, Толстой рѣшилъ, что не можетъ вернуться ни къ той, которой былъ наученъ съ дѣтства, ни повѣрить въ какую-либо изъ тѣхъ, которую исповѣдовали другіе народы, потому что узаконенная христіанская догма была ему не понутру предъявляемою ею требованіемъ довѣрія своему ученію. Слѣдуетъ помнить, что повсюду въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, Толстой является убѣжденнымъ агностикомъ, то есть мыслителемъ, совершенно отвергающимъ возможность познанія природы божества, души человѣческой и конечной цѣли бытія міра, что ясно опредѣляетъ его строго рационалистическое отношеніе къ вопросу о религіи вообще, какъ враждебно относящейся, по его мнѣнію, къ величайшему дару человѣка—разуму, помимо котораго онъ не можетъ приблизиться къ истинѣ; именно на это то и указывалъ вѣтхозавѣтный Моисей, объявившій народу, что законъ Бога не надо искать ни за моремъ, ни на небѣ, а въ своемъ сердцѣ и это повторилъ въ новомъ завѣтѣ самъ Христосъ, говоря евреямъ, что они не знаютъ истины, потому что вѣрятъ преданіямъ человѣческимъ, а не тому, кого Богъ послалъ. И потому чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры въ чудесное, человѣкъ

долженъ признавать нетлѣннымъ только то, что естественно, т. е. согласно съ разумомъ. Толстой убѣжденъ, что разумъ универсаленъ, иначе говоря, что онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ давалъ и даетъ одни и тѣ же отвѣты на вопросы, что хорошо, и что худо, какъ должно относиться къ людямъ и т. п. Разумъ соединяетъ то, что разъединяетъ вѣра. Откуда берется у человѣка вообще потребность въ вѣрѣ, въ религій? По Толстому, подобное чувство вызывается у человѣка сознаниемъ своего ничтожества и своей грѣховности. Выйдя изъ почти животнаго состоянія дѣтства и отрочества и придя къ порѣ разумнаго отношенія къ окружающему, человѣкъ не можетъ не замѣтить, что все вокругъ него подчиняется какому-то непонятному закону круговращенія, исключаящаго вопросъ о смерти, и только онъ одинъ не захваченъ этимъ благодѣтельнымъ течениемъ, и тотчасъ же возникаетъ для него необходимость болѣе или менѣе освѣтить свое отношеніе къ безконечному міру. Сущность всякой религій и состоитъ только въ разрѣшеніи именно этой загадки о смыслѣ человѣческой жизни. Вся же метафизика религій, т. е. ученіе ея о божествѣ, о происхожденіи міра и проч., есть только сопутствующій ей, соотвѣтствующій различнымъ географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ, признаковъ. Метафизика религій есть, слѣдовательно, нѣчто не существенное, но измѣнчивое, и по своему содержанію должна приспособляться къ извѣстнымъ требованіямъ этики. Религій сводится въ сущности къ тому, чтобы жить по Божьи, т. е.—по правдѣ, по любви, по разуму, желать блага всему и всѣмъ, проще—любить. Теперь есть три рода грѣховъ, мѣшающихъ любви: 1) грѣхи, вытекающіе изъ неискоренимаго влеченія человѣка, пока онъ живетъ въ тѣлѣ, къ благу своей личности—грѣхи прирожденные, естественные; 2) грѣхи, вытекающіе изъ предапія человѣческихъ преданій, человѣческихъ учрежденій и обычаевъ, направленныхъ на увеличеніе блага отдѣльныхъ лицъ — грѣхи паслѣдственные, общественыя; 3) грѣхи, вытекающіе изъ стремленія отдѣльнаго человѣка къ большому и большому увеличенію блага своего отдѣльнаго существа—грѣхи личные, придуманныя. Грѣхи производятъ въ людяхъ величайшія бѣдствія двухъ родовъ; отъ однихъ страдаютъ люди, подпавшіе грѣху, отъ другихъ—лица носто-

роннія. Къ первой категоріи бѣдствій относятся: изнѣженность, пресыщенность, скука, тоска, апатія, забота, страхъ, подозрительность, злоба, ненависть, ожесточеніе, ревность, безсиліе и всякаго рода мучительныя болѣзни. Бѣдствія же тѣ, отъ которыхъ страдаютъ другіе: воровство, грабежи, истязанія, убійства.

Есть пять соблазновъ, губящихъ человѣка: соблазнъ личный или соблазнъ приготовленія, соблазнъ семейный или соблазнъ продолженія рода, соблазнъ дѣла или соблазнъ пользы, соблазнъ товарищества, соблазнъ государственный, и во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ, погрѣшая противъ законовъ нравственности, стремится оправдать такія нарушенія ссылкой на могущія изъ того произтечь блага или для него лично, или для его близкихъ, друзей, или, наконецъ, соотечественниковъ.

Не будь всѣхъ этихъ соблазновъ, люди не могли бы жить въ грѣхахъ, такъ какъ каждый грѣхъ казнить самъ себя, люди прежнихъ поколѣній указали бы послѣдующимъ губительность грѣха, а послѣдующія поколѣнія воспитались бы, не впадая въ привычку грѣха. Но человѣкъ употребилъ данный ему разумъ не на познаніе грѣха и избавленіе отъ него, а на оправданіе его и явился соблазнъ и грѣхъ узаконился и укоренился. Это происходитъ потому, что разумъ людей, воспитанный въ человѣческомъ обществѣ, никогда не бываетъ свободенъ отъ неправильностей, т. е. главнымъ образомъ отъ внушаемаго ему съ дѣтства понятія о религіи, вѣрѣ. Пробуждаясь къ сознанію, человѣкъ всегда испытываетъ раздвоеніе и страданіе отъ совершеннаго грѣха, и хочетъ уничтожить раздвоеніе и происходящее отъ него страданіе не борьбой съ грѣхомъ, а оправданіемъ его, то есть—ложью.

Человѣкъ, давшій ходъ своему разуму, не можетъ не видѣть, что жизнь его отдѣльнаго существа, не имѣетъ смысла и потому готовить для этого существа нельзя ничего. Всякое дѣло человеческое можетъ оказаться бесполезнымъ, можетъ прерваться и не быть конченнымъ; дѣло же Божье, совершаемое человѣкомъ, исполненіе воли Бога не можетъ быть прервано. Великій соблазнъ состоитъ и въ томъ, что допустивъ какое-либо дѣло—будетъ ли это запахиваніе разсѣянныхъ сѣменъ или освобожденіе цѣлаго народа отъ рабства—важнѣе того, часто самага ничтожнаго на судъ людской дѣла Божьяго, т. е.

сейчасной помощи и служенія ближнему, всегда найдутся дѣла, которыя нужно прежде закончить, чѣмъ исполнить требованіе дѣла Божія, и человѣкъ навсегда освободитъ себя отъ служенія Богу, т. е. исполненія дѣла жизни, замѣнивъ служеніемъ мертвому—служеніе живому.

Ложь и вредъ есть соблазнъ семейный, который состоитъ въ томъ, что люди, во имя исключительной любви къ своимъ ближнимъ, считаютъ себя свободными отъ обязанности къ другимъ людямъ и спокойно совершаютъ грѣхи, не считая ихъ грѣхами. Чтобы не подпасть этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что любовь только тогда истинная любовь, дающая любовь и благо, когда она не ищетъ, не ждетъ, не надѣется на награду такъ же, какъ всякое проявленіе жизни, которая не ждетъ награды за то, что она есть, а что любовь къ своимъ семейнымъ, есть животное чувство, и хорошо только до тѣхъ поръ, пока оно въ предѣлахъ инстинкта, и человѣкъ не жертвуетъ для него своими духовными требованіями.

Какъ же человѣку бороться съ соблазномъ и вытекающимъ изъ него грѣхомъ?

Есть два средства: первое—ясно понимать послѣдствія грѣховъ, именно, что грѣхи не достигаютъ той цѣли, и не увеличиваютъ, а скорѣе уменьшаютъ животное благо отдѣльнаго человѣка; во вторыхъ—знать, съ какими грѣхами надо начинать бороться, съ какими раньше и съ какими послѣ. Надо ясно понимать, что положеніе человѣка въ мірѣ таково, что всякое искаше имъ личнаго блага послѣ того, какъ въ немъ пробудилось разумное сознаніе, лишаетъ его этого самаго блага, и что напротивъ онъ полагаетъ благо лишь тогда, когда не думаетъ о личномъ благѣ, отдавая всѣ свои силы на служеніе Богу. Ищите царства и правды его, и остальное приложится вамъ.

Итакъ,—скажемъ еще разъ—борись съ грѣхомъ, и одно изъ особенно дѣйствительныхъ средствъ въ такой борьбѣ слѣдуетъ признать молитву. Истинно христіанская молитва бываетъ двоякая: та, которая уясняетъ человѣку его положеніе въ мірѣ,—молитва временная, и другая, та, которая сопутствуетъ каждому его поступку, представляя его на судъ Богу, провѣряя его—молитва ежечасная. Молитва перваго рода—это такая молитва, которую человѣкъ въ лучшія свои минуты, отвлекаясь отъ

всего житейскаго, вызываетъ въ себѣ наиболѣе ясное сознаніе Бога и свое отношеніе къ нему. Такою молитвою было и всегда будетъ для человѣка повтореніе выраженій и мыслей прежде насъ жившихъ людей, высказывавшихъ свое отношеніе къ Богу и единеніе душой съ этими людьми и съ Богомъ. Такъ Христосъ молился, повторяя слова псалма, и мы молимся, повторяя слова Христа,—и не только Христа-Сократа, Будды, Паскаля и др., если мы переживаемъ то духовное состояніе, которое переживали эти люди. Такая молитва движетъ человѣка отъ низшей ступени жизни къ высшей; отъ животнаго къ человѣку, отъ человѣка къ Богу. Такая молитва не можетъ совершаться въ опредѣленные часы и дни, а совершается только въ минуты высшаго духовнаго настроенія, такія минуты, которыя находятъ на каждаго человѣка, которыя иногда вызываются страданіями или близостью смерти, и такими минутами человѣкъ долженъ дорожить, какъ высшею драгоценностью и пользоваться ими для все большаго и большаго уясненія своего сознанія, потому что только въ эти минуты совершается наше движеніе впередъ и приближеніе къ Богу. Молитва ежечасная состоитъ въ томъ, что она напоминаетъ человѣку во всѣ минуты его жизни, при всѣхъ поступкахъ его, въ чемъ его жизнь и благо, и потому въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ человѣкъ еще властенъ побѣдить животную природу духовнымъ сознаніемъ, содѣйствуетъ ему въ этомъ.

Рожденіе къ новой жизни, освобожденіе себя отъ узъ животной природы, освобожденіе себя отъ грѣха, совершается только медленными усиліями. Временная молитва, освѣщая сознаніе человѣка, открываетъ ему его грѣхъ. Грѣхъ сначала кажется ему неважнымъ, переносимымъ, но чѣмъ дальше живетъ человѣкъ, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость освободиться отъ грѣха. Но съ первыхъ же попытокъ преодолѣть грѣхъ, человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе: грѣхъ влечетъ къ себѣ всей сладостью привычки грѣха; противопоставить же грѣху человѣкъ ничего не можетъ, кромѣ сознанія того, что грѣшить не хорошо, и человѣкъ, зная, что онъ дѣлаетъ, дурно, продолжаетъ дѣлать это дурное.

Выходъ изъ этого положенія — указываетъ Толстой—есть, но толкуетъ его каждый по своему. Одни религіозные учителя

видять его въ томъ, что существуетъ особенная сила, называемая благодатью, поддерживающая человѣка въ его борьбѣ, приобретаемая таинствами. Другіе учителя усматриваютъ спасеніе въ вѣрѣ въ искупленіе, совершившееся смертию за людей Іисуса Христа. Третьи все приписываютъ молитвѣ къ Богу о подкрѣпленіи силъ человѣка въ борьбѣ его съ грѣхомъ.

Всѣ такого рода упованія представляются Толстому ошибочными, потому что какъ всѣ великіе перовороты въ физическомъ мірѣ совершаются не вдругъ, а медленнымъ и постепеннымъ отпаденіемъ или нарастаніемъ, такъ и въ духовномъ мірѣ освобожденіе отъ грѣха и приближеніе къ совершенству, совершаются только медленнымъ противодѣйствіемъ грѣху—упищтоженіемъ одной за другой мельчайшихъ частицъ его“.

Грубыми штрихами мы набросали общіе контуры міровоззрѣнія Толстого, поскольку оно касается религіозно-этической проблемы бытія человѣческаго. Мнѣніе по сему вопросу, нашей интеллигенціи, какъ „по просту вѣрующей“, такъ и „иначе“ мыслящей, пайболѣе рельефно отразилось въ извѣстномъ докладѣ Д. С. Мережковскаго, состоявшемся въ 1901 г. въ засѣданіи петербургскаго философскаго общества, гдѣ и находимъ страстную по тону и, во всякомъ случаѣ, не лишенную глубокаго проникновенія, трактовку толстовства, призывающаго насъ „къ религіи безъ Бога, христіанству безъ Христа“. Анти-христіанство Толстого Мережковскій склоненъ видѣть уже въ томъ, что въ основу своей нравственности авторъ „христіанскаго ученія“ кладетъ поглощеніе начала плотскаго, началомъ духовнымъ, то-есть подавленіе матеріи идеею, чего у Христа нѣтъ, а есть стройная гармонія, равновѣсіе того и другого. Толстой абсолютно не выноситъ мистики. Догматъ о троичности Божества въ лицахъ онъ хладнокровно отмѣняетъ ссылкой на математическую аксіому о невозможности одновременнаго пребыванія трехъ въ одномъ. „Въ воззрѣніи Толстого находитъ г. Мережковскій,—немного романо-германской теоріи борьбы за существованіе, немного буддійскаго недѣланія, протестантская смѣсь ветхаго завѣта съ новымъ завѣтомъ, нѣчто ни теплое—ни холодное—вчерашее подогрѣтое блюдо“.

Толстой опрощаетъ религію, и въ своемъ стремленіи къ ея несложности дошелъ до идеала трехъ старцевъ, которые моли-

лись только словами: „трое васъ, трое насъ, Господи, помилуй насъ“, т. е. срывая съ религіи весь ея таинственно-привлекательный покровъ, замѣняя символику сѣрою будничностью.

Наиболѣе общее правило нравственно-соціальной доктрины Толстого заключается въ сужденіяхъ его относительно непротивленія злу, въ зависимости отъ которыхъ находится и вся его соціальная теорія.

„Мѣсто,—говорить Толстой,—которое послужило мнѣ ключемъ, были стихи 33—39 изъ 5 главы Евангелія отъ Матѳея: „Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ, а Я вамъ говорю: не противься злу“. Мгновенно и въ первый разъ понялъ и я этотъ стихъ прямо и просто. Чувствовалось, что хорошо было бы слѣдовать имъ, но чувствовалось также, что я никогда не въ состояннн слѣдовать имъ только для того, чтобы слѣдовать, т. е. страдать. Но вѣдь въ такомъ случаѣ я не буду имѣть никакой жизни, между тѣмъ какъ она дана мнѣ напрасно. Теперь ясно увидѣлъ я, что Христосъ не превеличиваетъ и отнюдь не требуетъ страданій ради страданій. Онъ говоритъ: не противьтесь злу; дѣлая же это, напередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивши васъ въ правую щеку, ударятъ васъ и въ лѣвую, если вы не окажете никакого сопротивленія; воспользовавшись одной вашею работою, заставятъ еще больше работать на себя. И вотъ, когда все это будетъ происходить съ вами, вы все-таки не противьтесь злу. Въ первый разъ понялъ я, что центръ тяжести всей мысли лежитъ въ словахъ—*не противься злу*, а послѣдующее есть лишь разъясненіе этого положенія. Я понялъ, что Христосъ отнюдь не требуетъ, чтобы мы, только ради страданій, подставляли щеку и отдавали верхнюю одежду, но что Онъ требуетъ, чтобы мы не противились злу, и замѣчаетъ, что при этомъ мы, можетъ быть, будемъ и страдать. Понявши простой смыслъ Христова ученія,—резонируетъ Толстой,—я ясно увидѣлъ странное противорѣчіе съ самими собою, въ которомъ мы находимся. На дорогѣ къ этому ученію стоятъ человѣческіе кумиры, отъ которыхъ должно отречься. Напрасно говорятъ, будто христіанское ученіе имѣетъ въ виду личное спасеніе, а не касается вопросовъ общественныхъ, государственныхъ. Это не болѣе, какъ смѣлое и голословное утвержденіе самой оче-

видной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ. Хорошо, я не буду противиться злу, подставляю щеку, какъ частный человекъ, но идетъ непріятель или угнетаются одни народы другими и меня призываютъ участвовать въ борьбѣ со зломъ—идти и убивать. Что же дѣлать мнѣ, частному человекъ? Какъ мнѣ рѣшить, что священно, гдѣ истинный Богъ—въ заповѣди ли о непротивленіи злу или въ учрежденіи войны?.. Нѣтъ такого частнаго человека, которому не предстояло бы это рѣшеніе между служеніемъ Богу, исполненіемъ Его заповѣдей, или служеніемъ учрежденіямъ государственнымъ. Какъ же поступать людямъ въ такомъ случаѣ? Придутъ непріатели—нѣмцы, турки, дикари—говорятъ обыкновенно—и если вы не будете воевать—то перебьютъ васъ. Это—неправда. Если бы существовало общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, то никакіе непріатели, не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ и нѣмцемъ и дикаремъ. Если же христіане находятся среди общества нехристіанскаго, защищающаго себя войною, и христіанинъ призывается къ участию въ войнѣ, то тутъ-то и является возможность помочь людямъ, незнающимъ истины. Свидѣтельствовать же о ней онъ можетъ только самимъ дѣломъ. Дѣло это состоитъ въ отреченіи отъ войны и въ оказаніи всякаго добра людямъ, безъ различенія такъ называемыхъ враговъ и своихъ. Самое же зло, которое подавляетъ міръ, это сплоченность людей, связанныхъ между собою подчиненіемъ силѣ.

Въ анти-государственномъ ученіи Толстого и заключается именно его „точка опоры“ а не въ религіозномъ. Толстовство ограничиваетъ смыслъ философской этики чисто социальными рамками. Какъ можетъ глубоко иной разъ захватить толстовство народныя массы, наглядно свидѣтельствуемъ исторія духоборческаго движенія, гдѣ восьмитысячная толпа „всебратьевъ“ подъ влияніемъ убѣжденнаго толстовца Веригина, беззавѣтно приняла анархическія тенденціи. Тотъ старый протестъ противъ укоренившихся формъ общественно-государственной жизни, который проходитъ сквозь все наше сектантство, въ толстовской докт-

ривѣ, перемѣшивается съ началами евангельскими и приобретаетъ благодаря этому вѣсскость. Вотъ почему толстовство пользуется немалымъ уваженіемъ среди „евангелическихъ христіанъ“—молоканъ и штундо-баптистовъ.

Знаменитая формула свободы, равенства и братства Толстымъ выставляется, на примѣръ, какъ цѣль, величайшее благо жизни, непосредственно вытекающее изъ указаній Человѣчеству Самого Бога.

Глубоко отрицательное отношеніе Толстого къ какой бы то ни было государственности достаточно ясно иллюстрируется хотя бы такимъ отрывкомъ изъ его „Христіанскаго ученія“: „Особенность государственнаго соблазна та, что во имя его совершаются самыя ужасныя массовыя злодѣянія, какъ казни и войны, и поддерживаются самыя жестокия преступленія противъ большинства, какъ прежде рабство и теперешнее отнятіе земли у рабочихъ. Люди не могли бы совершать эти злодѣянія, еслибы не были придуманы приемы, посредствомъ которыхъ отвѣтственность за эти совершаемыя злодѣянія такъ распредѣляются между людьми, что никто не чувствуетъ тяжести ея. Приемъ распредѣленія этой отвѣтственности такъ, чтобы никто не чувствовалъ тяжести, состоитъ въ томъ, что признается необходимость власти, которая для блага подданныхъ людей должна предписывать эти злодѣянія; подданные же люди для блага всѣхъ должны исполнять предписанія власти“.

Недаромъ, извѣстный террористъ С. Кравчинскій-Степнякъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ русскихъ революціонеровъ въ одной изъ своихъ статей съ видимымъ удовольствіемъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что „Левъ Николаевичъ оставляетъ въ покоѣ Бога и церковь и принимается за власть и государство“.

Впрочемъ, за послѣднее время Толстой не могъ, конечно, не утрашиться тѣхъ печальныхъ возможностей, которыми такъ богаты только что пережитые нами годы, и рѣшительно возсталъ противъ „революціи“. Еще разъ сказался геній проникновенія, крупный даръ осужденія.

Какъ уже упоминалось, толстовство болѣе всего осѣло въ простомъ народѣ, среди безхитростныхъ искателей „новой

вѣры“, которымъ сильно припелись по душѣ идеи Толстого, его сочиненія, написанныя яснымъ, общедоступнымъ пониманію всѣхъ и каждаго, языкомъ. Кромѣ духоборовъ, подхваченныхъ, такъ сказать, толстовствомъ, можно наблюдать и отдѣльные очаги уже чистаго толстовскаго сектантства, вызваннаго къ жизни исключительно вѣяніями Л. Н.

Первымъ пропагандистомъ толстовства явился молодой харьковскій помѣщикъ, отставной подполковникъ гвардіи, князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ, начавшій свою дѣятельность въ родовомъ своемъ имѣніи селѣ Павловкахъ, гдѣ уже черезъ 2—3 года оказалось до 200 человекъ ревностныхъ послѣдователей ученія Толстого и его пяти заповѣдей, запрещающихъ клясться, воевать, судиться, противиться злу и предлагающихъ любить ближняго своего. А отсюда толстовство широкою волною разлилось по всему югу Россіи, видоизмѣняясь, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и завися отъ контингента новыхъ прозелитовъ. Въ Воронежской губерніи толстовство пополнилось новымъ пунктомъ о самостоятельности—такъ сказать, совѣсти, какъ единственнаго безошибочнаго руководителя человѣческой души. Совѣсть и указываетъ человѣку путь, по которому онъ долженъ сдѣлать, потому что „человѣкъ человѣку указывать добро не можетъ. Но такъ какъ отношенія человѣка къ окружающему иногда бываютъ совершенно непохвальны, то приходится дѣлать уступку и признать, что человѣкъ нуждается въ исправленіи, но только „внутреніемъ“. Практически это предлагается осуществлять такъ: поймавшій вора съ поличнымъ не долженъ помѣшать ему скрыться съ добычей, а обязанъ доказать ему нежелательность его поступка. Перенесенное въ „нижніе слои“ толстовство окончательно свелось къ отрицанію Второго Лица Пресвятой Троицы и непризнанію за Иисусомъ Христомъ Божественнаго достоинства, отрицанію церковности вообще и всякой обрядности въ частности—съ религіозной стороны—и къ полному порицанію идеи человѣческаго сообщества,—что является уже социальнo-этическимъ синтезомъ, вопросъ о качественности котораго и соотвѣтствіи міровымъ законамъ—дѣло совсѣмъ уже другое.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей упоминавшагося уже

миссіонерскаго съѣзда въ Казани, резюмировалъ всѣ сужденія о толстовствѣ въ томъ смыслѣ, что „въ послѣдпіе 10—15 лѣтъ эта новѣйшая форма нашего сектантства укрываетъ подъ своею фѣрулою интеллигентовъ соціалистическаго образа мыслей, которые въ свою очередь начали безнаказанно посѣвовать сѣмена безбожія и анархіи и въ средѣ народной, маскируя религіей въ глазахъ правительства и предъ народомъ свои адскія противогосударственныя затѣи. Прямая проповѣдь въ народѣ анархіи, какъ извѣстно, не удалась соціалистамъ 70-хъ годовъ и вотъ теперь подысканъ новый путь „къ походу въ народъ“ чрезъ мостъ сектантства. Толстовщина въ этомъ отношеніи является наиболѣе удобною формою, чѣмъ всѣ другія наши новѣйшія секты, какъ напримѣръ, штунда или пашковщина, ибо въ послѣднихъ все-таки преобладающій элементъ религіозный; штунда присматривается къ св. Писанію вѣруеть въ Спасителя и въ будущую жизнь, а толстовство разрушаетъ въ народѣ вѣру во Христа и Церковь, въ св. Писаніе. Религіозная сторона въ ученіи Толстого выражена туманно—оно (ученіе) слишкомъ грубо, кощунственно въ отношеніи ко Христу и Церкви, и потому не можетъ быть настолько плѣнительно и понятно для вѣрующей массы, какъ соціальная сторона, сулящая „царство Божіе на землѣ“.

Вполнѣ согласившись съ подобнымъ опредѣленіемъ, съѣздъ прибавилъ, что „для борьбы съ толстовщиною недостаточно одного духовнаго увѣщанія, а необходима рѣшительная мѣра ограничительнаго правительственнаго воздѣйствія и не только въ отношеніи распространителей секты, но и ея послѣдователей которые должны нести отвѣтственность предъ закономъ за самую принадлежность свою къ толстовству“.

Евангелическое христіанство.

Молоканство.

Сліяніе толстовства съ духоборствомъ въ наши дни есть фактъ совершившійся. „Духовное христіанство“ свернуло поближе къ религіозному раціонализму, по скольку подъ этимъ философ-

скимъ терминомъ принято понимать теченіе мысли, дѣйствующей въ предѣлахъ разсудительности и подчиняющейся общимъ законамъ логики. Раціонализмъ нашего сектантства, за исключеніемъ изъ него „модернизированнаго“ общества „всебратьевъ“ весь зиждется на такъ называемомъ „библейзмѣ“ и имъ въ сущности и ограничивается. Вотъ почему правильнѣе сохранять за такимъ теченіемъ его новое имя „евангелическаго христіанства“, какъ согласія людей, черпающихъ свои религіозныя утѣшенія изъ св. Писанія и считающихъ его достаточно яснымъ опредѣлителемъ сущности истинной религіи, высшимъ, незыблемымъ авторитетомъ, имѣющимъ за собою по ихъ мнѣнію, преимущество предъ св. Преданіемъ, подверженнымъ, разнымъ измѣненіямъ, совершенно конечно, непроизвольнымъ, но тѣмъ не менѣе крайне огорчительнымъ. „Евангелическое“ сектантство пошло въ этомъ смыслѣ за протестантствомъ, не согласующимся съ православіемъ и католицизмомъ въ ихъ глубокой точкѣ зрѣнія на равноцѣнность св. Писанія и св. Преданія.

Полной лирики взглядъ на достоинства св. Писанія, интереснѣйшій намъ по его общности съ ученіемъ нашихъ евангеликовъ, не обладающихъ, однако, такимъ даромъ краснорѣчія, находимъ въ „Вопросахъ религіи“ извѣстнаго американскаго богослова и социальнаго реформатора Теодора Паркера, не мало потрудившагося надъ освѣщеніемъ темныхъ мѣстъ Библии, но, къ сожалѣнію, проявившаго затѣмъ нѣкоторую неумѣренность критическаго діагноза, приведшаго его къ крайнимъ конечно нежелательнымъ обобщеніямъ.

„Съ какой точки зрѣнія ни смотрите—читаемъ мы у него—библия представляетъ удивительное явленіе. Всѣ христіанскія страны считаютъ ее священною въ противоположность всѣмъ остальнымъ книгамъ. Собраніе книгъ, составляющихъ библию, приобрѣло такое значеніе повсюду, какъ ничто другое въ мірѣ. Литература Греціи, поднимающаяся, какъ еиміамъ, изъ страны храмовъ и героическихъ подвиговъ, и на половину не имѣетъ того вліянія, какъ эта книга, принадлежащая народу, который презирали и въ старое и въ новое время. Ее читаютъ по воскреснымъ днямъ на 30 тысячахъ кафедръ въ нашей странѣ. Во всѣхъ христіанскихъ храмахъ каждую недѣлю раздаются

ея слова: солнце никогда не перестает озарять ея страницы. Ее встрѣтишь и въ хижинѣ бѣдняка и въ царскомъ дворцѣ. Ея изрѣченія попадаютъ въ ученыхъ произведеніяхъ и пестрятъ въ уличной бесѣдѣ. Купеческое судно не поплыветъ безъ нея. Военный корабль не начнетъ сраженія безъ нея. Ее найдете въ кабинетахъ, встрѣтите при всякихъ событіяхъ въ жизни человѣка — радостныхъ и горестныхъ. Невѣста проситъ Бога, произнося заученныя молитвы, чтобы онъ далъ ей силу при исполненіи ея новыхъ обязанностей; люди жепятся по установленнымъ въ библии формамъ. Библия благословляетъ насъ при рожденіи, даетъ имена половинѣ всѣхъ христіанъ, сопутствуетъ намъ въ радостяхъ, въ несчастіяхъ; измѣряетъ наше горе, указывая намъ лучшія цѣли. Если, человѣкъ со страхомъ покидаетъ этотъ міръ, стоитъ ему только взглянуть на библию, и его лицо просвѣтляется. Онъ перестаетъ бояться неизвѣстнаго, далекаго и одинокаго пути; онъ безъ страха беретъ за руку ангела смерти. Люди возлагаютъ на нее самыя дорогія свои надежды. Она говоритъ съ ними о Богѣ, о его Сынѣ, о земныхъ обязанностяхъ, о небесномъ блаженствѣ. Въ ней видятъ источникъ мудрости Платона, науки Ньютона, искусства Рафаэля. Люди, которымъ недоступно все духовное, все же вѣрятъ въ библию; безъ нея — говорятъ они — они не вѣрили бы и въ Бога.

„Но если библия имѣетъ такое огромное значеніе въ жизни человѣка, должна же быть для этого серьезная причина. Изъ ничего — ничего и не выходитъ, — эта истина справедлива во всѣхъ случаяхъ. Не такъ легко, хотя бы на одинъ часъ, сдержать, точно цѣпью сердецъ, волнующихся и трепещущихъ съ лихорадочнымъ волненіемъ. Какая же сила держитъ въ своей власти христіанскій міръ втеченіе столькихъ столѣтій? Тысячи „знаменитыхъ“ писателей, которые прогремятъ въ этомъ столѣтіи, будутъ неизвѣстны въ будущемъ. Но проходятъ десятки столѣтій, а библия не теряетъ своей силы, ея значеніе не уменьшается. Время дѣйствуетъ, какъ очиститель металловъ. Чистое золото переживаетъ вѣка и сохраняетъ свою цѣнность. Чтобы просуществовать такъ долго, надо имѣть дѣйствительную цѣнность. Только то вѣчно, что обладаетъ истиннымъ, глубокимъ сердцемъ, говорящимъ нашему сердцу, умомъ, питающимъ

нашъ умъ, что имѣеть душу, находящуюся въ созвучіи съ нашею душою; мудрость, удовлетворяющую мудраго; религію, вдохновляющую благочестиваго. Значить и библия заключаетъ въ себѣ умъ, совѣсть, сердце, душу, мудрость, религію. Если бы было иначе, могли-ли бы милліоны людей видѣть въ ней своего руководителя, друга, пророка? Нѣкоторыя величайшія человѣческія учрежденія основаны на библии, но они могутъ держаться лишь на грудѣ камней, а не на кучѣ соломы . . . Библия написана языкомъ, который легко понять всякому честному человѣку. Это, кажется, одна изъ главныхъ причинъ почему библия стала предметомъ обожанія для христіанъ. Не приписывайте библии того, чего нѣтъ въ ней, и тогда первая глава Бытія станетъ величественнымъ гимномъ въ честь сотворенія міра, достойной прелюдіей къ послѣдующимъ вдохновеннымъ пѣснямъ. Отбросьте все, что чуждо библии, и вы увидите, какъ изъ могильнаго склепа, высѣченнаго мрачной теологіей, выйдетъ восточное благочестіе во всей своей красотѣ; у нея свои слова надежды и утѣшенія; она поетъ свою мифологическую поэму, согрѣваетъ сердце, но не учитъ теологін, и не даетъ свѣдѣній по физикѣ.

„Библии уже нанесенъ огромнѣйшій вредъ со стороны ея друзей, которые сдѣлали ее своимъ идоломъ, и хотятъ, чтобы всѣ люди поклонялись ей; мы ни передъ кѣмъ не должны преклоняться, кромѣ Бога. Однако библия, при разумномъ пользованіи ею, все еще прекрасный учитель. Несмотря на суевѣрія и безразсудства ея почитателей, она послужила для милліоновъ людей тѣмъ источникомъ, изъ котораго черпали Моисей, Иисусъ и всѣ святые люди всѣхъ временъ. Мы видимъ ошибки ея писателей, потому что, какъ бы они не были благородны и велики, они все же не понимали этого. Мы отбрасываемъ ихъ заблужденія, но мы имѣемъ предъ собою ихъ слова истины, которыя предостерегаютъ насъ, ободряютъ и утѣшаютъ. Отъ времени до времени Богъ посылаетъ пророка, чтобы указать путь человѣчеству. Пророкъ даетъ то, что можетъ, оказываетъ на время услугу для людей и, наконецъ, устраняется, чтобы дать мѣсто новому утѣшителю. Человѣчество никогда не умираетъ. Опытъ прошлаго живетъ въ настоящемъ. Тотъ свѣтъ, который свѣтилъ изъ Ниневіи, Египта, Индіи, Аѳинъ, Рима

уже не исходитъ оттуда, теперь онъ всюду. Развѣ можетъ погибнуть истина? Развѣ можетъ заглохнуть на всегда какая-нибудь хорошая идея? Человѣчество торжественно идетъ по назначенному пути изъ вѣка въ вѣкъ; впереди идутъ его учителя, озаряя его своимъ свѣтомъ, утѣшая своей работой и обливая своею кровью. Но выше всего, вѣчно неразлучно съ нами—истина нашъ Богъ. Пророки—тѣ же уличные фонари, мимо которыхъ мы проходимъ; ихъ свѣтъ нѣсколько въ туманѣ; они какъ будто мѣняютъ мѣста, пока мы двигаемся по улицѣ, кажутся темными на разстояніи, пока совѣмъ не пропадутъ во мракѣ ночи. Но высоко надъ нашей головою горятъ звѣзды, которыя никогда не мѣняютъ мѣста, и свѣтъ которыхъ не ослабѣваетъ. Такъ и истины библейскія будутъ вѣчно блистать для насъ, хотя бы погибли записи о нихъ и были забыты ихъ авторы. Онѣ явились отъ Бога и проникли въ душу нашу. Онѣ не исчерпали ни Бога, ни души человѣческой. Человѣкъ выше библіи. Библия одинъ только лучъ солнца, одна капля изъ безконечнаго океана. Внутренній Христосъ, одинъ живущій вѣчно, можетъ сказать много такого, чего никогда не говорила библия, чего никогда не зналъ историческій Иисусъ. Библия для человѣка, а не человѣкъ для библіи. И стоны ея стары, какъ міръ, и повторяются въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ на всѣхъ языкахъ. Пусть же не будутъ насильно навязывать благочестивымъ людямъ ея ошибокъ и нелѣпостей пусть онѣ навсегда погибнуть. Пусть слово Божіе такъ же проходить чрезъ разумъ, совѣсть и святое чувство, какъ утренній свѣтъ чрезъ окно“.

Приведенныя нами строки отражаютъ доктрину такъ называемыхъ унитаріанъ—наиболѣе критическаго теченія въ протестантствѣ, и наиболѣе осуществляющаго указанія такъ называемаго религіознаго раціонализма. Мы говоримъ „такъ называемаго“ потому, что философскаго раціонализма, т. е. чистой и единственной манеры мыслить понятіями, выводами, а не представленіями и образами, въ религіи нѣтъ и быть не можетъ. Религія исключаетъ раціонализмъ и наоборотъ. Для убѣжденнаго раціоналиста — возьмемъ хотя бы недавнія сухія фразы Плеханова и Максима Горькаго—вопросъ о религіи рѣшенъ безповоротно въ смыслѣ необходимости пслнаго искорене-

нія того инстинкта, который и называется религиознымъ запросомъ томленіемъ души, стремленіемъ бросить дерзновенный взглядъ „по ту сторону“ земного бытія. У философа раціоналистическаго склада отъ природы или примѣненіемъ волевой, критической хирургіи совершенно спилена та часть черепа, гдѣ заключается наклонность къ метафизическимъ погруженіямъ. Вѣрующій раціоналистъ—дѣло другое. Пока въ немъ теплится хотя слабая искорка вѣры во что-то неосозаемое, неуловимое, незримое, но чувствуемое органомъ четвертаго измѣренія, пока въ немъ не атрофировалась потребность и способность познавать свою безвольность, бессильность, мизерность въ огромномъ мірѣ, окрестъ него лежащемъ, пока онъ не сможетъ считать себя исключительно послѣдствіемъ простыхъ фізіологическихъ процессовъ, легко запоминаемою и легко объяснимою, безъ капли волненія, химическою формулою,—до тѣхъ поръ такой человѣкъ не врагъ религіи, но другъ ея, быть можетъ не совсѣмъ сталкивавшійся съ мистикомъ, не совсѣмъ понимающій его экспансивности, но безусловно способный въ концѣ концовъ примириться съ пока странными для него особенностями.

Вотъ почему мы еще разъ подчеркиваемъ ту точку зрѣнія, что раціоналистическія секты, опирающіяся исключительно на св. Писаніе, совершенно лишены какого-бы то ни было критически-развѣдающаго отношенія къ основамъ религіи, неизмѣнно сопутствующаго истинному раціонализму.

Между нашими мистиками и раціоналистами—по старой терминологіи, или „духовниками“ и „евангеликами“—по новой, глубокой, непроходимой пропасти нѣтъ, если отбросить въ сторону вопросу объ „эксцесахъ“, а есть простое несогласіе въ теоріи и взаимоотношеніи между *писаніемъ* и *внутреннимъ откровеніемъ*.

„Духовные христіане“, какъ, напримѣръ, духоборцы, относясь съ уваженіемъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ Писанія, не признавали его неоспоримымъ авторитетомъ въ цѣломъ, какъ объ этомъ въ довольно характерной формѣ и было заявлено на упоминавшемся ужѣ у насъ допросѣ духоборовъ митрополитомъ Евгеніемъ, когда осторожные сектанты заявили, что „много-де въ Писаніи: иное тому, иное другому пригодно; а мы-де мы принимаемъ, что намъ слѣдуетъ“.

Находились и среди духоборовъ протестанты, недовольные такимъ отношеніемъ своихъ вожаковъ къ Библии—„хлопотницѣ“ по образному духоборческому выраженію, и возраставшее неудовольствіе разрядилось наконецъ выдѣленіемъ изъ среды крайнихъ, тамбовскихъ духоборовъ—умѣреннаго элемента, послужившаго ядромъ молоканской секты, сложившійся по ученію зятя тамбовскаго пророка Поборохина—Семена Укмина, человѣка начитаннаго въ Писаніи и постоянно стоявшаго въ оппозиціи своему тестю. Намѣреніе Поборохина „судить вселенную“ окончательнo разсорило его съ Укминомъ, и, тотъ, отколовшись отъ духоборства, сталъ проповѣдовать свое собственное ученіе, въ началѣ сводившееся къ признанію единственнаго авторитета въ библии и отвергавшее при этомъ, конечно, обрядовую церковность. Послѣ долгихъ мытарствъ, скитаньямъ по тюрьмамъ, Уклеминъ близко сошелся съ нѣкимъ Семеномъ Далматовымъ и совокупными ихъ усиліями создавалась формулировка новой доктрины, послѣдователи которой получили отъ православнаго населенія имя молоканъ, намекающее на уклоненіе ихъ отъ поста, выражавшееся, между прочимъ, въ употребленіи молока въ недозволенные по обычаю церкви дни.

Богъ есть Духъ—гласитъ догматика молоканства—въ трехъ лицахъ: Отца, Сына и Св. Духа. Сынъ Божій и Духъ Святой, хотя и еднoсущны Отцу, но не равны Ему въ Божественномъ достоинствѣ. Сынъ Божій, для спасенія рода человѣческаго безсѣменно родился отъ Дѣвы Маріи. Плоть Его была не человѣческая, но такая, какую имѣлъ архангелъ Рафаилъ, сопутствовавшій младшему Товиту. Плоть Свою Онъ принесъ съ неба и вселился съ нею въ утробу Богородицы. Не имѣя дѣйствительной плоти человѣческой, Христосъ не умиралъ подобно людямъ. Онъ же есть единый священникъ и архіерей, „лиже сидитъ одесную Бога“. Кромѣ него нѣтъ никакихъ пастырей.

„Знаменуются Духомъ обѣтованія святымъ“, то есть по извѣстному наказу Іисуса Христа: Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа.

Крещеніе состоитъ въ покаяніи, другъ передъ другомъ своихъ согрѣшеній, на основаніи 110 псалма Давида: „Испо-

вѣмся тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, въ совѣтѣ правыхъ и сонмѣ“.

О причастіи разсуждаютъ такъ: кто боится Бога и хранить заповѣди Его, тотъ Ему и причастникъ.

Церковью считается собраніе вѣрующихъ. Подтвержденіе находятъ въ 8 стихѣ 20 главы „Дѣяній“: „Бесѣдова, простерши слово до полунощи въ горницѣ, идѣже бѣхомъ собраны, и бесѣдова даже до зари той“.

Моленіе заключается въ пророческихъ и апостольскихъ молитвахъ, произносимыхъ лицомъ другъ ко другу.

Образамъ не поклоняются, кромѣ „Образа Бога невидимаго“.

Бракъ совершается по примѣру вѣтхозавѣтнаго Товита; достаточно одного родительскаго благословенія и обѣщанія брачующихся не измѣнять другъ другу.

Царей и власти почитаютъ по свидѣтельству 15—16 стиховъ 8 главы Притчей Соломоновыхъ; по скольку, однако, это не противорѣчитъ словамъ апостола Павла (2 Кор. 3, 17): „идѣже Духъ Господень, ту свобода“. Истинный христіанинъ—понимай: молоканинъ—не нуждается въ опекѣ какихъ-либо законовъ, потому что къ нему непосредственно относятся слова Господа: „Не суть отъ міра, яко же и Азъ отъ міра пѣемъ“.

Во время земной своей жизни Христосъ основалъ церковь. Сначала ее составляли апостолы, а потомъ и всѣ увѣровавшіе во Христа. Но истинная Христова церковь существовала только до IV вѣка, когда вселенскіе соборы и учителя Церкви произвольнымъ толкованіемъ библіи извратили христіанство и смѣшали его съ христіанствомъ“.

Въ настоящее время истинную церковь составляютъ только истинно-духовные христіане, которые не принимаютъ ни преданій, ни постановленій соборныхъ, ни писаній учителей, а исповѣдуютъ только то, что научаетъ библія.—(Болѣе подробное изложеніе ученія молоканъ заняло собою главу: „Общая догма сектанства“. Молоканство и есть именно „общая“ центральная точка сектантства, наиболѣе удаленная отъ крайностей въ ту или другую сторону).

Сличая ученіе Уклеина съ вѣрованіями духоборовъ, находимъ, что, онъ большую часть своей догмы, заимствовалъ отъ нихъ же. Мнѣніе о воскресеніи мертвыхъ, взглядъ па право-

славную церковь, обрядность и отношеніе къ правовымъ нормамъ—все цѣликомъ взято у духоворовъ. Заимствуя теорію духоворовъ о духовности истиннаго христіанства, Укминъ всталъ на оригинальную почву буквализма, черпая свои доводы изъ текстовъ Св. Писанія, понимая ихъ въ буквальномъ смыслѣ, и чисто механически соединяя ими отдѣльные пункты своего ученія. Человѣческія разсужденія, толкованія Уклеинъ считалъ слишкомъ недостаточными, слишкомъ шаткими, неспособными опредѣлить божественный характеръ вѣры истинной, первоначально апостольской.

Послѣдователи Уклеина, продолжая дѣло его по возвращенію къ идиллическимъ временамъ апостольства, пытались было реставрировать и церковность апостольскую.

Крупный и непоправимый ущербъ быстро распространявшемуся молоканству, нанесло его дробленіе на воскресниковъ и субботниковъ или жидовствующихъ.

Уклеинъ цѣликомъ принималъ всѣ ветхозавѣтныя постановленія касательно обыденной жизни, чѣмъ и вызвалъ неудовольствіе среди нѣкоторой части молоканства. Наиболѣе ревностные субботники приняла было даже обрѣзаніе,—но вопросъ о свининѣ оказался роковымъ для единства молоканства.

Субботники остались на почвѣ вѣтхаго завѣта, приблизившись въ его пониманіи къ еврейству, воскресники держались за евангелизмъ, и, какъ болѣе сильные и развитые, отодвинули въ сторону ритуальную сторону исповѣданія, въ противѣсть субботникамъ, видѣвшимъ въ ней громадную цѣнность. Будущее царство Мессіи представляется іудействующимъ молоканамъ—въ различіе отъ отъ взглядовъ подлинныхъ евреевъ—царствомъ духовнымъ, областью разума и, правды, а вовсе не какою-нибудь опредѣленною территоріею. Субботники низвели Христа до степени боговдохновеннаго мужа, подобнаго вѣтхозавѣтнымъ пророкамъ, но никакъ не воплощеннаго Богочеловѣка, Второго лица св. Троицы—совсѣмъ ими отвергаемой.

Молокане—воскресники значительно продвинули впередъ первоначальныя воззрѣнія Уклеина на Писаніе, признавъ въ немъ существованіе внутренняго, нравственнаго смысла, истиннаго нравственнаго усовершенствованія, которое и получаетъ человѣкъ въ томъ случаѣ, если согласуетъ свои поступки съ

указаніями Писанія, иначе—воли Божіей. Развивая въ этомъ направленіи такое толкованіе молокане стали усматривать въ св. Писаніи всюду иносказанія, приноровленныя къ исправленію человѣческихъ грѣховъ; они допускаютъ правдоподобность историческихъ фактовъ, переданныхъ намъ Евангеліемъ, но смыслъ ихъ внутренній, нравственный.

Цѣпляніе за Писаніе, стремленіе отыскать таинственную суть, невидимую на внѣшній взглядъ, привели молоканство къ тому, отъ чего бѣжитъ все сектантство: къ мертвящей буквѣ. Непослѣдовательное пониманіе евангелизма, перепутавшись съ „мозаизмомъ“, способствовало разложенію молоканства, роль котораго въ исторіи сектантства сводится къ изображенію моста, по которому „духовные“—худо ли хорошо—могутъ перейти къ еваггиликамъ. Молоканство, какъ вѣроученіе умѣренное по своему характеру, совершенно лишено какихъ-бы то ни было порывистыхъ стремленій, наиболѣе подходящее къ средѣ „умѣренности и аккуратности“, въ теченіе цѣлаго столѣтія сохранило свою неизмѣнность, но неспособность къ внутреннему броженію и погубило его, затянувъ постепенно безжизненностью, словно болото тиною. Молоканство сдѣлалось „скучнымъ“. Религін въ немъ ужъ не осталось и возникъ вопросъ о цѣлесообразности его существованія вообще. Мирная позиція молоканства, отсутствіе у него, такъ сказать, мартиролога, лишило его поэзіи, жуткой привлекательности, столь нужной въ дѣлѣ обладанія душою человѣческою, примирительное отношеніе къ суровой жизненности, неприспособленность къ рѣшенію крупныхъ вопросовъ вѣры и этики привела, какъ мы увидимъ ниже, къ поглощенію молоканства штундо-баптизмомъ. Чуть ли не въ сотый разъ повторилась старая исторія; злой рокъ, висящій надъ нашимъ расколомъ во всѣхъ его теченіяхъ, оказался и тутъ.

На съѣздѣ молоканъ въ 1905 г. Н. Ф. Кудиновъ, представитель прогрессивнаго крыла молоканства, съ болью въ сердцѣ, съ дрожью въ голосѣ, имѣлъ немалое мужество прочесть отходную вѣроученію, въ которомъ онъ выросъ и провелъ лучшіе годы своей жизни, вѣрпо передающую стадіи разложенія заповѣданнаго Уклеинымъ ученія.⁵

„Второстепенные вопросы—говорилъ Кудиновъ—являются

причиною постоянныхъ споровъ и разногласій. Благодаря этому болѣе важные вопросы, рѣшеніе которыхъ составляетъ главную сущность нашей жизни, отодвигаются на задній планъ. Отсюда вытекаетъ охлажденіе вѣры, потеря всякаго интереса ко всему живому, возвышенному, святому. Вслѣдствіе того, что у насъ громадная отсталость въ пониманіи истинныхъ великихъ задачъ, у насъ съ ужасною быстротою падаетъ нравственность. Благодаря мелкому самолюбію, тщеславію и гордости, охватившимъ особенно руководителей нашихъ общинъ, у насъ наблюдаются очень печальныя явленія. Нѣтъ среди братства единенія и чистыхъ братскихъ отношеній, которыя указывали бы на принадлежность нашу къ церкви Божіей, основанной на святомъ писаніи ветхаго и новаго заветовъ. Въ культурномъ отношеніи братство наше представляетъ собою нѣчто ужасное. Нѣтъ среди насъ ученыхъ, ни дикторовъ, ни лицъ съ юридическимъ образованіемъ, которые могли бы быть намъ полезны своими познаніями“.

Но влить новое вино въ старые мѣхи не такъ то легко, особенно если со стороны послѣднихъ наблюдается сильная склонность къ сопротивленію. Мѣры, предлагавшіяся Кудиновымъ для поднятія молоканства, въ родѣ рѣшенія всякихъ вопросовъ путемъ голосованія всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины, широкой постановки школьнаго дѣла и т. д.— не болѣе не менѣе какъ палліативы, искусственное дыханіе, частичная, временная вспышка потухающаго огня. Безкровный организмъ обреченъ на медленное умираніе.

А тѣмъ часомъ наступаетъ новая сила, куда сплоченнѣе, куда энергичнѣе молоканства, вся подтянувшись, съ книжкой въ рукахъ, готовая, и, надо сознаться, умѣющая вливать „кипящій ядъ сомнѣнія“ въ слабыя души.

„Мы накануне самаго широкаго распространенія баптизма— оповѣстилъ три года тому назадъ г. А. Платоновъ, воспріявшій руководство „Миссіонерскимъ Обзорніемъ“— т. е. событія, которое теперь должно стать предметомъ особеннаго нашего вниманія въ виду того, что русскій баптизмъ имѣетъ прекрасную, строго выдержанную организацію, крупные капиталы, большое книгоиздательское дѣло, прекрасныхъ проповѣдниковъ и ораторовъ, громадную плеяду дисциплиниро-

ванныхъ и преданныхъ своему дѣлу миссіонеровъ, заявили себя въ сильной степени своимъ нравственнымъ укладомъ жизни, и, наконецъ, что для насъ особенно важно, направляетъ свои усилія къ тому, чтобы поглотить десятки тысячъ молоканъ. Молоканство и баптизмъ въ сектанческомъ мірѣ то же, что безпоповщина и поповщина у старообрядцевъ. И какъ, напримѣръ, австрійщина, все болѣе и болѣе развивается за счетъ безпоповщины, такъ то же самое повторяется въ исторіи болѣе положительнаго баптизма въ его отношеніяхъ къ молоканству.

Рационализмъ наивный гораздо легче поддается проповѣдническому вліянію, нежели научный или вообще усвоенный развитымъ культурнымъ сознаніемъ, потому и борьба съ молоканствомъ гораздо легче, нежели съ баптизмомъ“.

Посмотримъ теперь, что такое баптизмъ, или какъ его теперь называютъ.

Штундо-баптизмъ.

Если при изложеніи исторіи возникновенія, и особенностей упоминавшихся у насъ сектъ, мы говорили о возможности вліянія на ихъ зарожденіе инославныхъ исповѣданій и чуждаго вліянія, то подобную трактовку слѣдуетъ признать безспорною и совершенно обоснованною въ отношеніи развивающейся теперь съ часу на часъ штунды, пришедшей къ намъ съ запада, слившейся съ также западнымъ явленіемъ—баптизмомъ, нѣсколько видоизмѣнившейся подъ вліяніемъ особенностей русскаго духа, русскаго уклада, русской страстности и создавшей квинтъ-эссенцію своеобразнаго, прямолинейно выведеннаго протестантизма, шагнувшаго далеко впередъ завѣтовъ Лютера своими строго практическими выводами изъ теоретическихъ разсужденій.

Исслѣдователи штундизма и по сейчасъ еще ломаютъ копья по вопросу о корнѣ, такъ сказать, происхожденія этой наиболѣе въ наше время широко раскинувшейся секты, то выводятъ ее изъ протестантской пропаганды, то силясь обрѣсти въ ней слѣды чисто русскаго творчества.

По существу правы выразители обоихъ мнѣній: въ нашей штундѣ отразились вліянія и протестантскаго евангелизма и русскаго возбужденнаго, подчасъ изломаннаго, искательства, но уже самый фактъ зарожденія штунды въ ея первичномъ видѣ именно между южно-русскими нѣмцами-колонистами, можетъ считаться достаточно опредѣленнымъ показателемъ источника штунды.

Югъ Россіи съ давнихъ поръ, съ царствованія императрицы Елизаветы, колонизировался западными иммигрантами, пользовавшимися покровительственною политикою со стороны нашего правительства, всячески старавшагося привлечь населеніе въ безлюдныя степи Новороссійскаго края, Крыма и Бессарабіи. Особенно широко это практиковалось при Екатеринѣ II, манифестомъ 22 іюля 1763 г. гарантировавшимъ переселенцамъ ихъ вѣроисповѣдное и гражданское положеніе, подѣ условіемъ, однако, „дабы изъ живущихъ въ Россіи въ христіанскихъ законахъ никто и никого въ согласіе своей вѣры или сообщества ни подѣ какимъ видомъ не склонялъ и не привлекалъ, подѣ страхомъ взысканія по всей строгости законовъ. Иммиграція иностранцевъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ, все усиливаясь, къ пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, привела южный край къ полному онемеченію, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ достаточно безпристрастные изслѣдователи вопроса о заселеніи черноморскихъ областей.

Среди новыхъ поселенцевъ было очень много представителей различныхъ сектъ, которыми такъ богато протестанство. Въ 1817 г. виртембергскіе нѣмцы занесли въ Россію идеи братства такъ называемой „штунды“ (Stunde—часъ), основанной извѣстнымъ протестантскимъ проповѣдникомъ Шпенеромъ (+1705 г.), особенно распространившейся въ Виртембергѣ и получившей свое названіе отъ привычки членовъ секты собираться въ опредѣленные часы.

Изъ Германіи „штунда“ перекинулась въ сосѣднія страны и даже черезъ океанъ въ Америку. Протестантскіе пасторы сразу и всюду вступили въ борьбу съ новообразовавшейся сектою, казавшеюся имъ опасною уже и потому, что своимъ домашнимъ молитвеннымъ собраніямъ штундисты придавали

несравненно большее значеніе, нежели присутствованію при церковномъ богослуженіи.

Въ 50 и 60 годахъ между колонистами происходило сильное религіозное броженіе, вызванное ознакомленіемъ съ тоже заимствованными изъ за границы сектами „скакуновъ“ и „іерусалимскихъ друзей“, стремившихся къ полному реформированію христіанской общины на началахъ „истиннаго благочестія“ и приобрѣтенія „невещественныхъ благъ“.

Тогда же проникло въ Россію ученіе баптизма, стараго протестантскаго направленія, отрицающаго крещеніе взрослыхъ и признающаго правильнымъ только крещеніе взрослыхъ. Всѣ эти секты встрѣтили у колонистовъ теплое сочувствіе.

Броженіе среди нѣмцевъ не могло, конечно, не передаться ихъ русскимъ православнымъ сосѣдямъ, переживавшимъ „дни свободы“ послѣ знаменитаго манифеста 19 февралѣ 1861 г.

„Когда всюду заговорили о свободѣ, жизни, движеніи, когда съ общимъ подъемомъ духа, сознанія своей личности до высокой степени возросъ въ средѣ простаго народа—указываетъ священникъ Рождественскій—интересъ къ религіознымъ вопросамъ, болѣе всего симпатичнымъ его уму; когда на мѣсто пропагандистовъ-протестантовъ выступили приверженцы разныхъ сектантскихъ оттѣнковъ,—тогда умъ простаго народа не могъ не поддаться вліянію сектантскихъ идей. Тяга въ сторону этихъ идей постепенно усиливалась, потому что пропаганда велась очень искусно;—у пропагандистовъ было въ рукахъ Евангеліе на русскомъ языкѣ (только что начавшееся распространяться); они словами Св. Писанія, авторитетъ котораго у народа всегда стоялъ очень высоко, старались оправдать свое ученіе. При существовавшемъ въ народѣ недовѣрїи къ своимъ пастырямъ, нѣмецкіе сектанты могли всецѣло овладѣть умами нѣкоторыхъ членовъ приходскихъ общинъ; эти послѣдніе сдѣлались ихъ довѣрчивыми учениками. Требованіе сектантами строгой нравственной жизни отъ своихъ adeptовъ находило себѣ законное оправданіе въ пониженіи нравственнаго уровня, какое тогда существовало и отъ котораго страдали многіе члены православныхъ приходовъ. Требованіе проповѣдниковъ сектантства отъ своихъ послѣдователей грамотности, также встрѣчало сочувствіе въ проснувшейся въ это время у

народа потребности къ развитію. Въ принятіи штундизма для русскаго человѣка было много привлекательнаго. Воспитанный православіемъ въ сознаніи своей грѣховности, онъ, по вступленіи въ секту, считалъ себя возрожденнымъ, оправданнымъ, святымъ; онъ произвольно разрывалъ связь съ своею церковью, духовенствомъ, односельчанами, отказываясь отъ своихъ прежнихъ обязанностей по отношенію къ нимъ и вступалъ въ другое общество, отъ котораго можно было ждать нравственной и матеріальной поддержки.

„Посты, продолжительное стояніе въ церкви во время богослуженія онъ считалъ для себя ненужными. Каждый изъ вступившихъ въ сектантское общество могъ надѣяться получить право церковнаго учительства, о чемъ прежде онъ не смѣлъ и мечтать. Воздержаніе отъ водки, прелюбодѣянія, усиленный трезвый трудъ, бережливость—скоро поднимали его благосостояніе. Все это вмѣстѣ взятое не могло не соблазнить малоросса къ вступленію въ сектантство. Нѣкоторымъ отступникамъ отъ православія приходилось много выстрадать, но за эти страданія ихъ братья и сестры по вѣрѣ окружали ихъ почетомъ и всевозможными средствами помогали не только имъ лично, но и ихъ семействамъ. Благодаря такого рода условіямъ, сектантская пропаганда нашла себѣ послѣдователей среди южно-русскихъ и раскинулась впоследствии на широкія пространства“.

„Появленію штунды—читаемъ у вдумчиваго наблюдателя сектантства И. Харламова—точно также какъ и современнымъ ей шалопутамъ, во всей Украинѣ предшествовало смутное, трудно опредѣлимое умственное броженіе. Старыя секты дробились, вырождались и отличались всевозможными дикостями. Являлись люди, провозглашавшіе себя ни больше, ни меньше, какъ Саваоами, къ немалому соблазну окружающихъ; одинъ Саваоаъ приходилъ обличать и сокрушать другого и сообща устраивали такимъ образомъ, увеселительныя зрѣлища. А между тѣмъ, мысль, толкнутая освобожденіемъ, работала. Возникали то и дѣло вопросы: какъ жить праведно и свято, въ виду паденія всѣхъ прежнихъ устоевъ жизни, въ виду сознаваемой необходимости заполнить чѣмъ-нибудь пустоту послѣ выброшенныхъ за бортъ старинныхъ принциповъ подневоль-

наго крѣпостнаго существованія. Къ голосамъ проповѣдниковъ-сектантовъ естественно чутко прислушивались, зорко присматривались къ ихъ поведенію. Неудовлетворенные однимъ проповѣдникомъ, слушали другого и т. д. Отрывки всякихъ поученій не могли, разумѣется, не оставаться въ памяти. Кружки заинтересованныхъ въ данныхъ вопросахъ лицъ, сходясь въ общемъ направленіи одного интереса, могли, однако, расходиться въ частностяхъ его пониманія; съ каждымъ новымъ членомъ, входящимъ въ кружокъ ищущихъ спасенія, приносились новые элементы, каждая новая индивидуальность дѣлала новый вкладъ въ общую сокровищницу. Въ зарождавшемся такимъ образомъ циклѣ идей, не могло не быть противорѣчій и несообразностей. И штундисты, даже теперь, на примѣръ, не имѣютъ цѣлостной, послѣдовательно развитой доктрины. Обыкновенно такъ и бываетъ, что секта, органически вырастающая изъ народной среды, отдѣляющаяся отъ церкви не по поводу только опредѣлительно отмѣченныхъ подробностей обряда или догмата, а стремящаяся образовать цѣлое міровоззрѣніе, слагаясь, испытываетъ цѣлый рядъ метаморфозъ“...

„Въ русскомъ народѣ ни одно начало не высказалось точно опредѣленными выраженіями, катехизисами и символами вѣры—напомнимъ мы фразу Кельсіева—у насъ всегда были безотчетныя стремленія, которыхъ мы не умѣли высказать, но за которыя умѣли страдать“.

Сектантскіе кружки на югѣ Россіи, послужившіе ячейками развившихся изъ нихъ потомъ штундо-баптистскихъ общинъ, были организованы по образцу нѣмецкихъ сектантовъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ дѣйствовалъ въ Херсонской губерніи извѣстный реформатскій пасторъ Боннекемперъ, много содѣйствовавшій распространенію штунды среди православнаго населенія, выдѣлившаго изъ себя такихъ видныхъ впоследствии дѣятелей штунды, какъ крестьянъ: Ратушнаго, Рябошапку и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ 1867 г. одесскій исправникъ уже официально доносилъ херсонскому губернатору, что въ деревняхъ Основъ и Игнатовкѣ, исключительно между временно обязанными крестьянами „образовался расколъ, схожій съ реформатскимъ“, что собираются общества, которыя занимаются чтеніемъ Евангелія

подъ руководствомъ нѣмцевъ изъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Послѣдователи раскола въ православную церковь не ходятъ, иконъ не чтутъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ“.

Вскорѣ послѣ этого донесенія мѣстный благочинный посѣтилъ поименованныя исправникомъ деревни и бесѣдовалъ съ сектантами, придя къ заключенію, что послѣдніе „дѣйствительно находятся подѣ вліяніемъ лютеранства, но упорно и искусно скрываютъ источникъ этого вліянія“. Напрасно о. благочинный внушалъ отщепенцамъ, что „нагѣвъ ихъ нѣмецкій“ убѣждаетъ его, что „у нихъ есть враги, которые влекутъ ихъ къ гибели души, лестью и обманомъ уязвляютъ ихъ, какъ потаенные псы уязвляютъ безпечныхъ и неосторожныхъ“.

Главаря только-что народившейся секты были арестованы.

Духовенство встревожилось новымъ врагомъ церкви. Священникъ Ногачевскій доводилъ до свѣдѣнія херсонской консисторіи, что „штунда выходитъ чѣмъ-то въ родѣ революціоннаго направленія противъ государства; штундисты стремятся признать все настоящее устарѣлое, основанное на одной только рабской подчиненности, ничтожнымъ, и основать что-то въ родѣ избирательнаго правительства, зависимаго отъ всѣхъ и контролируемаго всѣми безъ исключенія; нѣмцы употребляютъ штунду, какъ опытъ въ видахъ переустройства государства“. Высокопреосвященный Димитрій, епископъ херсонскій, ознакомившись на мѣстѣ съ направленіемъ штунды, убѣдился, что „сектанты преслѣдуютъ далекія цѣли, въ родѣ коммунистическихъ, которыя, впрочемъ, тщательно скрываютъ. Кромѣ ученія о равенствѣ всѣхъ, они пускаютъ въ народѣ такія мысли, что священники изъ корыстолюбивыхъ цѣлей, опутавъ народъ бесполезною, вымышленною и ни къ чему не нужною обрядностью, держатъ его въ невѣжествѣ“.

Священникъ Игнатовичъ, которому были отданы нѣкоторые штундисты его прихода на увѣщаніе, сообщалъ „куда слѣдуетъ“, что „сектанты сначала отъ всего отказывались и говорили, что они ни въ чемъ не виноваты, что во всемъ слѣдуютъ ученію православной церкви, а только иногда собираются въ какомъ-нибудь домѣ для молитвы, чтенія Св. Писанія и для пѣнія стиховъ и псалмовъ. Наконецъ, послѣ долгихъ увѣщаній высказали нѣкоторыя заблужденія. Они гово-

рили, что Пресвятая Богородица и Святые—обыкновенные люди, не могущіе ходатайствовать за насъ передъ Богомъ; что каждый человѣкъ долженъ молиться самъ за себя, а не надѣяться на молитвы церкви и святыхъ; что Богу надлежитъ поклоняться только духомъ и истиною, что наружное богослуженіе не дѣйствительно, что поклоненіе иконамъ и Кресту—идолопоклонство, мощи святыхъ также не могутъ быть предметомъ поклоненія. Посѣщеніе мѣстъ увеселенія грѣшно, употребленіе спиртныхъ напитковъ—также“.

Прот. Пахомовичу штундисты заявили, что ихъ напрасно называютъ сектантами, на самомъ же дѣлѣ они истинные хрістіане, потому что принимаютъ за основаніе своей вѣры одно только евангеліе, другихъ руководствъ, какъ измышленій человѣческихъ, не признаютъ, а также учительства и пасторства не признаютъ, кромѣ одного пастыря и учителя Христа. При этомъ прибавляли, что Кресту Господню не хотятъ кланяться, ни знаменіе его возлагать на себя, потому что крестъ былъ безчестнымъ орудіемъ казни Спасителя и это не приказано въ Евангеліи.

До начала семидесятыхъ годовъ штундисты окончательно не порывали еще связей съ церковью, и только съ указаннаго времени они обособляются и начинаютъ самостоятельную жизнь, подъ вліяніемъ баптизма, что привело, конечно, штунду къ раздѣленію на фракціи, не отразившуюся, впрочемъ, на дѣеспособности и упругости секты, а способствуютъ крѣпости организаціи.

Подъ именемъ баптизма разумѣются различныя подраздѣленія старой хрістіанской секты, отвергающей общепринятую въ церкви форму крещенія младенцевъ, и требующей совершенія этого обряда надъ взрослыми и не посредствомъ окропленія, а погруженіемъ въ проточную воду по примѣру Спасителя. Правда, послѣднее условіе не пріемлется всѣми безъ исключенія баптистскими толками, но обычай перекрещивать всѣхъ переходящихъ въ секту объединяетъ баптизмъ. Въ Англійи и Америкѣ утвердился такъ называемый старо-баптизмъ, допускающій общеніе съ членами другихъ церквей въ причащеніи (*open communion*), что рѣзко расходится съ взглядами ново-баптистовъ Германіи,

придерживающихся „закрытаго причащенія“ (strict communion).

Естественно, что въ Россію перешель и пустиль здѣсь корни второй видъ баптизма, благодаря нѣмецкой пропагандѣ, сыгравшей, что тамъ ни говори сторопники самобытности русскаго сектантства, огромную роль въ исторіи насажденія въ народѣ нашемъ евангелическихъ идей.

Различіе баптизма отъ штунды заключается въ сохраненіи пресвитерскаго чина, обязанности котораго возлагаются на наиболѣе соотвѣтствующихъ этой цѣли сектантовъ, которые и совершаютъ отправленія различныхъ подробностей церковнаго ритуала, вродѣ, напрімѣръ, крещенія, вѣчанія, причащенія и погребенія.

Крупный перевѣсъ баптизму дала его выработанная организація, и контингентъ богословски образованныхъ проповѣдниковъ, получавшихъ большой запасъ законченныхъ познаній въ гамбургской баптистской семинаріи, выпустившей изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ глубокихъ знатоковъ баптистскаго ученія, систематически продуманнаго и обоснованнаго. Разумѣется, баптизмъ, перенесенный на русскую почву, утратилъ значительную долю своей стройности и приновился къ уровню массы, но прочный фундаментъ его все же остался.

Пока сектантство евангелическое сохраняло свой чисто штундовый характеръ, т.-е. отрицательную позицію по отношенію къ догматикѣ церкви и ея установленіямъ, не пытаясь создать своего рода церковь въ церкви, до тѣхъ поръ и духовная и свѣтская власть не желала прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ, ограничиваясь „назидательнымъ“ воздѣйствіемъ, авторитетомъ моральнымъ. Выступленіе же баптизма съ его ярко выраженною тенденціею реформирования христіанской церкви на почвѣ якобы возвращенія къ древне-апостольской практикѣ, недоброжелательное отношеніе къ нему мѣстами на западѣ, вызвало болѣе энергичное вмѣшательство нашей гражданской и церковной администраціи.

Въ концѣ 1870 г. прокуратура нашла возможнымъ подвести распространеніе штундо-баптизма подъ 196 ст. „Уложенія о наказаніяхъ“ и суду были преданы главари секты крестьяне Михаилъ Ратушный—баптистъ и Герасимъ Балабанъ—штундистъ и другіе. Благодаря неприспособленности юстиціи того времени

къ разсмотрѣнію такого рода дѣлъ, неполнотѣ судебного кодекса, предварительное слѣдствіе затянулось на цѣлыхъ восемь лѣтъ и разбирательство состоялось уже въ 1878 г.

Защитительная рѣчь нехитраго на словахъ Ратушнаго достаточно выясняетъ психику престонароднаго сектанта-евангелика, убѣжденнаго въ своей правотѣ. „Что же тутъ такого— не понимаетъ онъ—что я, что всякій христіанинъ могъ пріобрѣсть евангеліе, читать его? Дай Богъ, чтобъ читаль. Я не могу сказать, что христіанинъ тотъ, кто воруетъ, лжетъ, пьянствуетъ, такой человѣкъ не есть истинный христіанинъ“... „Вы не думайте, что наше ученіе богопротивное. Нѣтъ, мы вѣруемъ въ божью руку, что рука божья насадила это, и въ томъ себя защищаемъ“.. „Скажите, можетъ-ли кто опровергнуть слова Спасителя, который говоритъ: „Неисполняющаго слова моего я не сужу. Но слово мое будетъ васъ судить“. Для чего же это написано? Неужели для того, чтобы языкъ могъ говорить, а не для того, чтобы направлять жизнь свою по слову божьему“. „...Мы иначе не принимаемъ въ общество, какъ если человѣкъ раскаивается во всѣхъ его неправильныхъ поведеніяхъ, чтобъ онъ вновь могъ родиться, и почувствовалъ бы въ сердцѣ своемъ и душѣ своей свои прежніе грѣхи, что онъ долженъ жить для одной правильности и святости, а если человѣкъ не можетъ возродиться, то онъ не можетъ войти въ царствіе небесное“.

Послѣ пятиминутнаго совѣщанія присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ, сильно подѣйствовавшій на быстрое распространеніе штундо-баптизма въ губерніяхъ и уѣздахъ, дотолѣ сектою не захваченныхъ. Удачный для сектантовъ исходъ процесса былъ, конечно, истолкованъ пропагандистами секты, какъ прямое и вѣрное доказательство неоспоримости ученія.

Центромъ штундизма и по сію пору является деревня Игнатовка, Херсонской губерніи, резиденція Балабана, а деревня Основа считается своего рода Меккою баптизма. Здѣсь живетъ Ратушный. По крайней мѣрѣ, еще очень недавно оба они были еще живы.

Уже при самомъ своемъ формированіи догма штундистскаго направленія евангелически чувствующей религіозной

мысли носила явный оттънокъ двойственности, позволявшій усматривать въ ней смѣшеніе „евангелическаго“ элемента съ „духовнымъ“.

„Мы вѣруемъ—говорить одинъ изъ катихизаторовъ стараго штундизма—отъ духовнаго озаренія, отъ духа пророчества, не по словамъ и стихамъ, а укрѣпляемся благодатью, которая намъ обѣщана черезъ святыхъ пророковъ“.

Въ противовѣсъ штундистскому положенію, что религія должна быть въ сердцѣ, а Спаситель есть единственный пастырь души человѣческой, болѣе реально настроенный баптизмъ выставилъ уже апостольскую точку зрѣнія, склонивъ часть штунды къ признанію необходимости существованія пресвитерскаго сана, святость ученія о св. Троицѣ, преломленія хлѣба въ память тайной вечери и т. д.; это отразилось на спутанности понятій штундизма и баптизма, послѣдователи которыхъ нерѣдко заимствуютъ понятія, выработанныя ипервымъ и вторымъ.

Догматика, весьма краткая, русской штунды исчерпывается, главнымъ образомъ, „вѣроисповѣданіемъ“ чаплинскихъ штундистовъ, записаннымъ ихъ наставникомъ Яковомъ Ковалемъ, о которомъ увѣщавшій его нѣкогда іеромонахъ Евстафій высказался, что онъ „назойливъ, какъ оса, на языкъ остеръ, какъ коса, дикій, какъ звѣрь и стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ діаволь во злѣ“.

Послѣдователи штупды — „закона духа“—не имѣютъ сообщенія съ тѣми, которые возобновляютъ пелѣпость языческихъ гаданій изъ желанія постичь совѣты Божіи, и не учатся вѣрѣ слабыми познаніями, „не ведутъ комплекта или комерси, иначе религиозныхъ церемоній, а соединяются между собою исключительно любовью и дарами благодати; получая назиданіе изъ Священнаго Писанія измѣняютъ фантазіи и природныя фізіономіи, не руководствуются плотскимъ надменнымъ духомъ, чтобы не впасть въ пагубныя ереси и богохульства, а стремятся къ тому, чтобы имѣть дары Св. Духа“, и во главѣ ихъ стоитъ Иисусъ Христосъ, который воплощеніемъ своимъ, непопятнымъ для міра, приращаетъ ихъ Самъ къ Себѣ и дѣлаетъ ихъ теперь участниками тайнаго тѣла Своего, какъ дѣлалъ Онъ въ свое время участниками Своими пророковъ.

апостоловъ и другихъ лицъ. Иисусъ Христосъ пришелъ на землю съ цѣлью возвратить Богу Отцу славу, похищенную у Него суетнымъ мудрованіемъ вѣка сего, уничтожить ложное въ богопознаніи, заключающееся въ одной наружности; утвердить вѣру истинную, избавить людей отъ пораженія странностями, избавить людей отъ ихъ стремленія уподоблять Бога существу челоуѣка или чему-нибудь другому и возстановить плоть нашу, сдѣлавши ее храмомъ Божиимъ, жилищемъ Св. Духа, благословеніемъ любви Отца небеснаго. Вѣрою въ его правду взимается съ насъ грѣхъ и усвоется намъ благодать, такъ что мы умираемъ и воскресаемъ предъ судомъ правды Божіей. Превращеніе такого умирающаго, т. е. грѣшника—въ воскресающаго—или праведника—совершается посредствомъ крещенія вѣрою въ Иисуса Христа, для чего, однако, вовсе не слѣдуетъ ходить къ берегамъ Іерусалимскимъ, ибо водою можно омыть только тѣло, а не душу. Духовно крестившійся Христу духовно же и пріобщается Ему принятіемъ Его живыхъ словъ, которыя сильнѣе всего наружнаго, потому что послано слово къ людямъ чрезъ пророка Исаію (Исаія, гл. 55, 10—11), а вино многихъ обмануло (Осія, 9 гл. 2 ст.).

„Диміевскіе“ штундисты, также отрицая причащеніе какъ таинство, не отвергаютъ преломленіе хлѣба и вкушаніе вина въ память Тайной Вечери. Признается отчасти и исповѣдь, но при условіи ея публичности. Священниковъ не имѣютъ, но наиболѣе уважаемыхъ изъ своей среды лицъ считаютъ за пресвитеровъ. На христіанъ не-штундистовъ „диміевцы“ смотрятъ съ состраданіемъ, какъ на людей затемненныхъ и могущихъ, въ случаѣ желанія, быть сопричисленныхъ къ праведникамъ.

Штундистъ Сливка, имя котораго носить цѣлый штундистскій толкъ, склоненъ считать Бога проявленіемъ любви, чуждой какого бы то ни было внѣшняго образа. До Иисуса Христа людьми правилъ плотскій законъ, каравшій за грѣхъ; его смѣнила благодать, принесенная людямъ Христомъ подъ видомъ прощенія, открывшее людямъ животворящее Слово Божіе, т. е. истину. Христосъ, пострадавъ за людей, на дѣлѣ доказалъ свою любовь къ нимъ, и только въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Евангелія о плотскомъ пришествіи

Иисуса Христа. Правильно усвояющій смыслъ Евангелія чловѣкъ не можетъ быть грѣшникомъ, а наоборотъ въ немъ живетъ Богъ. Когда всѣ люди воспримутъ внутренній законъ—т. е. христіанскую любовь—тогда самъ собою упразднится всякій чловѣческій судъ.

Положительная творческая часть штундизма въ сущности и исчерпывается приведенными положеніями и въ такой несложности догмы, отсутствіи запутанныхъ метафизическихъ измышленій, быть можетъ кроется значительная доля успѣха штунды у простонародья, удовлетворяющагося евангельскою основою ученія штундистовъ, ясно, по его мнѣнію, вытекающаго изъ Писанія. Въ области отрицанія догматовъ и обрядностей православной церкви, штундисты стоятъ уже на почвѣ дѣйствительнаго раціонализма, категорически отказываясь признавать какія бы то ни было таинства, въ смыслѣ таинственно въ нихъ заключающагося воздѣйствія Св. Духа на вѣрующаго. Также скептически относятся штундисты къ ученію православной церкви о силѣ ходатайства угодниковъ Божіихъ, особенно почему-то не уважая Святителя Николая Чудотворца, особенно якобы поощряющаго принесеніе присяги—величайшій чловѣческій грѣхъ, по представленію штундистовъ въ частности, и поголовно всего нашего сектанства вообще.

Все богослуженіе штундистовъ состоитъ только въ произнесеніи импровизированной молитвы къмъ-либо изъ участниковъ собранія и пѣніи духовныхъ псалмовъ, которыхъ у евангеликовъ имѣется всего болѣе шестидесяти; въ нихъ-то, главнымъ образомъ, и отражается настроеніе сектантовъ, подчасъ трогательное и полное своеобразной поэзіи.

Превыше разума любовь твоя,
поетъ штундистъ,—

„Господь, Спаситель мой; но жажду я
„Любви Твоей всю полноту познать,
„И въ ней всю силу, высоту, блаженство созерцать.

„Превыше словъ, Господь, любовь твоя;
„Но жаждетъ словъ живыхъ душа моя,
„Чтобъ грѣшникамъ погибшимъ возвѣщать
„Любовь, могущую спасти и всѣ грѣхи прощать.

„Любовь превыше всей хвалы земной;
 „Но жаждет сердце пѣть, Спаситель мой,
 „Хвалу любви, нисшедшей до меня,
 „Изъ тьмы грѣховъ призвавшей въ чудное сіянье дня.

„Но если нѣтъ познанья у меня,
 „Словами и хвалою бѣдёнъ я;
 „Пустой сосудъ къ Тебѣ я приношу,
 „Живой струей, Господь, наполни сердце, я прошу.

„Пустой сосудъ, не льется изъ него
 „Ни словъ любви, ни взора одного,
 „И все-жъ къ Тебѣ придти дерзаю я,
 „И право мнѣ, Господь, даетъ одна любовь Твоя.

„Зажги, Господь, любовь въ моей груди!
 „Къ источнику Ты самъ меня веди;
 „Дай вѣрою мнѣ жажду утолить
 „И отъ земныхъ источниковъ все сердце отвратить.

„Когда-жъ лицомъ къ лицу увижу я
 „Тебя, Спаситель мой, то пѣснь моя
 „Твоей любви прославить широту,
 „И глубину, и безпредѣльную всю глубину“.

Штунда насквозь проникнута лирикою, постоянными меч-
 тами скорбной души подняться въ высь небесъ, къ престолу
 Сидящаго и прильнуть къ его ногамъ горячимъ лобызаніемъ
 воспаленныхъ отъ странствій по пустынѣ жизни губъ.

„Дай мнѣ съ тобою быть тамъ, гдѣ Ты,
 „Спаситель мой, вѣчный покой;
 „Не будетъ сердцу пустоты,
 „Вполнѣ утѣшится тобой.

„Дай мнѣ съ Тобой быть тамъ, гдѣ Ты,
 „Дай славу Твою созерцать,
 „Не будетъ сердцу темноты,
 „Не будетъ отъ грѣха стенать.

„Дай мнѣ съ Тобой быть тамъ, гдѣ Ты,
 „Гдѣ всѣ уста полны хвалой,
 „Не будетъ сердцу тѣсноты.
 „Полетѣтся пѣснь струей живой.

„Дай мнѣ съ Тобой быть тамъ, гдѣ Ты,
 „Гдѣ нѣтъ разлуки, нѣтъ тоски;
 „Сердцу обиліе полноты
 „Блаженства, жизни и любви“.

Штундистъ чуждается открытаго изліянiя своей души на виду у всѣхъ и каждаго, онъ элегиченъ по своему складу, ему нужно единеніе съ заоблачнымъ міромъ, единеніе при томъ сокровенное отъ нескромныхъ глазъ.

„Сокрой свое горе
 „Отъ взоровъ чужихъ;
 „Слезъ много ужъ въ мірѣ
 „Безъ вздоховъ твоихъ.
 „Пойди и подумай
 „Въ ночную пору,
 „Скажи свое горе
 „Исусу Христу.
 „Христось ужъ все знаетъ
 „О горѣ твоемъ;
 „Тебя Онъ утѣшитъ
 „На лонѣ своемъ.
 „Свѣтъ Божій сіяетъ
 „На нашемъ пути;
 „Для мрачныхъ и грустныхъ
 „Сбирай тѣ лучи.
 „Сердца изнываютьъ
 „Подъ гнетомъ нужды;
 „Пойди къ нимъ съ любовью,
 „Утѣшишь ихъ ты.
 „Сокрой свое горе,
 „Дай радость другимъ;
 „Въ Христѣ ищи помощь
 „Страданьямъ Твоимъ“.

Спросите штундиста, какъ онъ молится, и вы услышите отъ него глубоко проникновенныя строфы:

„Дай святость мнѣ, Боже,
 „Дай кротость, Твой страхъ,
 „Дай твердость въ страданьяхъ,
 „Дай плачь о грѣхахъ;
 „Умножь въ Христа вѣру
 „И любовь къ Нему;
 „Дай радость въ молитвѣ
 „И въ службѣ Ему.

„Дай мнѣ благодарность
 „Въ надеждѣ всего;
 „Дай вѣровать въ славу
 „И въ слово Его!

Съ Нимъ, въ горѣ, страданьяхъ
 „Дай слезы, чтобъ я,
 „Смирясь въ испытаньи,
 „Прославилъ тебя.

„Дай чистое сердце
 „И духъ правый мнѣ,
 „Все сбросивъ земное,
 „Стремиться къ тебѣ!
 „Быть къ Царству готовымъ,
 „Миръ, святость стяжать,
 „И жизнью, дѣлами
 „Тебѣ подражать“.

А помолиться вѣрующему человѣку есть объ чемъ. Посмотрите вокругъ себя,—скажетъ вамъ штундистъ,—и вы увидите, что „человѣчество достигло въ настоящее время крайнихъ предѣловъ своего развращенія. Богъ родитъ хлѣбъ и даетъ человѣку всевозможные предметы, необходимые для его жизни, а человѣкъ торгуетъ этою благодатью, торгуетъ даже совѣстью, вѣрою и человѣческими существами. Богъ разгнѣвался за это на человѣчество и попустилъ его въ рабство. Въ

настоящее время человѣчество находится во второмъ египетскомъ рабствѣ. Человѣкъ теперь поработченъ новыми египтянами—сильными міра сего. Эти египтяне пользуются нашимъ трудомъ, распоряжаются нашими силами. Вотъ почему въ настоящее время такъ много несчастій на землѣ. На войнѣ проливается невинно кровь человѣческая, въ обыденной жизни свирѣпствуютъ разбои, грабежи, насиліе, взаимныя неувольствія, воровство и мошенничество. Что такое, на примѣръ, саранча, градъ, падежъ рогатаго скота, эпидеміи?—Все это казни Божіи посылаемыя Отцомъ Небеснымъ на людей за ихъ грѣхъ, за идолопоклонство, поклоненіе иконамъ и въ особенности за враждебныя, небратскія отношенія другъ къ другу“.

Міръ, стало-быть, гибнетъ. Вотъ-вотъ на него нахлынетъ огромная волна второго потопа, еще болѣе грознаго, нежели его библейское предшествіе и нужно заблаговременно думать о построеніи спасительнаго ковчега, прилѣпляясь къ указаніямъ Божественнаго Архитектора. „Именующіе себя христианами“—православные, католики, церковники-протестанты—не сумѣли заслужить благоволеніе Божье, запутавшись въ нагроможденномъ ими лабиринтѣ книжнаго богословія, хитрымъ сплетеніемъ входовъ и выходовъ котораго предполагалось дать пищу изворотливому уму человѣческому, отвлекши его вниманіе отъ истиннаго служенія Предвѣчному въ духѣ и правдѣ. Къ счастью, князь тьмы не всѣхъ еще осилилъ. Подобно драгоценнымъ камнямъ среди общей безцвѣтницы блещутъ кое-гдѣ сохранившіяся христіанскія общины, задачею себѣ поставившія тщательное сбереженіе изъ глубины вѣковъ переданное имъ ученіе „великаго галилеянина“, на знамени котораго и по сю пору не стерлось радостное предвѣщаніе „симъ побѣдиши“.

Ратники, готовые встать на защиту стяга Христова, пламенѣютъ ревностью по горнемъ Іерусалимѣ, преисполнены рѣшимости распространить по лицу погрязшей въ грѣхахъ земли спасительный лозунгъ

Къ труду!

„Всѣ къ труду! всѣ къ труду! слуги Господа силъ

„Въ путь пойдемъ, что Спаситель нашъ Самъ проложилъ;

- „Духъ совѣта Его будетъ насъ направлять,
 „Вѣру, силу и жизнь каждый день обновлять!
 „Всѣ къ труду! всѣ къ труду!
 „Бодрствуй и молись,
 „Уповай, трудись,
 „Доколѣ нашъ Господь придетъ.
 „Всѣ къ труду! всѣ къ труду! хлѣбъ, кто алчетъ—найдетъ,
 „Всякій жаждущій пусть воду жизни беретъ;
 „Искупленье крестомъ возвѣщать всѣ должны:
 „Не заслугой своей—мы Христомъ спасены.
 „Всѣ къ труду! всѣ къ труду! въ мірѣ много труда;
 „Царство мрака и лжи пасть должно навсегда,
 „Имя Господа силь мы прославить должны,
 „Съ торжествомъ воспѣвать: мы Христомъ спасены.
 „Всѣ къ труду! всѣ къ труду! Нашъ небесный Дтець
 „Когда кончится трудъ, намъ даруетъ вѣнецъ,
 „Какъ въ обитель святыхъ будемъ мы введены,
 „Съ ними пѣснь воспоемъ: мы Христомъ спасены.

Пашковщина.

Стародавнее подозрительное отношеніе нашего народа къ вторженіямъ въ его жизнь интеллигентскаго посредничества, 'способнаго служить связующимъ ферментомъ, сдерживающимъ авторитетомъ въ случаяхъ грозящаго распада между указаніями ума и проявленіями дѣйствительности, гдѣ особенно ощущается потребность въ опытномъ руководствѣ, неговорчивое отстаиванье каждою фракціею расколосектантской массы своихъ догматовъ во всей ихъ неприкосновенности, нежеланіе слиться въ компактный матеріалъ, объединенный крупною идеею, подчиняющею себѣ мелкія, лишили многомилліонный осколокъ русскаго народа возможности создать изъ себя нѣчто сплоченное, обладающее смѣлостью

взглянуть въ глаза будущему, стать вѣскимъ факторомъ-участникомъ въ процессъ измѣненія государственно-бытовыхъ условій, на подобіе западно-европейскаго протестантства, зародившагося на исключительно религіозной почвѣ и выросшаго до переоцѣнки многихъ историческихъ и моральныхъ цѣнностей.

Расколъ, расколовъ православную церковь, одержалъ Пиррову побѣду, и, словно не выдержавъ тяжести борьбы съ могучимъ противникомъ, самъ раскололся на миллионъ трещинъ, въ каждой изъ которыхъ таится его рокъ, его вѣчное *momento mori*.

Прочная организація не подь силу русскому человѣку. Способность ввести свою индивидуальную волю въ уровень, въ подчиненность волѣ коллективнаго цѣлаго, дисциплинированность мельчайшихъ движеній организма—дары, не присущіе славянству. Исторія наша, особенно послѣднихъ дней—даетъ такому выводу весьма достаточную обоснованность.

Чуть ли не единственная серьезная попытка объединить раздробленное русское диссидентство, по крайней мѣрѣ, выяснить сущность разногласій между различными толками, принадлежитъ „проповѣднику христіанства въ великосвѣтскихъ гостиныхъ“, отставному гвардіи полковнику Василию Александровичу Пашкову, ревностному сектанту въ духѣ евангелизма, человѣку богатому и вліятельному, надумавшему организовать съѣздъ представителей всѣхъ сектантскихъ общинъ, чтобы выяснить пункты разногласій, и, если возможно, выработать почву для соглашеній. И вотъ въ 1883 г., по инициативѣ Пашкова и барона Корфа разослано было по общинамъ приглашеніе, въ которомъ говорилось, что „Господь нашъ Иисусъ Христосъ, посвящая Себя за церковь Свою и готовясь идти на крестную смерть, чтобы, подобно зерну пшеничному, падши на землю, умереть и не остаться однимъ, но принести много плода,—обратился къ Отцу своему съ предсмертною молитвою, въ которой высказывается завѣтное Его желаніе. Онъ молить Отца не только о тѣхъ, которые послѣдовали за Нимъ, но и о вѣрующихъ въ Него, по слову ихъ прося: „Да будутъ всѣ едино. Да будутъ совершенни во едино“. Это завѣщаніе Христово, переданное церкви Его еще

восемнадцать вѣковъ назадъ, по сіе время остается неисполненнымъ. Не кажется ли вамъ, дорогіе братья, что надлежитъ намъ, членамъ тѣла Христова, напоеннымъ однимъ Духомъ и составляющимъ одно тѣло съ Нимъ, намъ, которые призваны къ общенію съ Отцомъ и Сыномъ, вспомнить, что Христось жаждетъ совершенія единства единого Его тѣла. Не кажется ли вамъ, что настала пора привести въ исполненіе завѣщаніе Главы церкви? Предлагаемъ вамъ, братія, вооружившись этою мыслью, прислать отъ церкви вашей одно лицо изъ тѣхъ, кого Духъ Святой поставилъ у васъ блюстителемъ стада, для совмѣстнаго молитвеннаго предъ Господомъ изслѣдованія путей, Имъ Самимъ указанныхъ для совершенія единства церкви Христовой“.

Съѣхалось въ Петербургъ свыше ста баптистовъ, штундистовъ и молоканъ, нѣсколько англійскихъ и американскихъ проповѣдниковъ; на собраніяхъ присутствовали лица изъ высшихъ круговъ столицы. Съѣздъ не закончилъ своихъ работъ, ибо члены его были высланы изъ Петербурга. Объединенія сектантства не было достигнуто, цѣлый рядъ вопросовъ былъ оставленъ открытымъ, но точки расхожденія между различными теченіями евангелизма опредѣлились вполне ясно.

Вообще, Пашковъ поработалъ для сектантства не мало и собравшійся около него кружокъ евангеликовъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, принялъ, наконецъ, и характеръ и размѣръ цѣлой секты, получившей наименованіе „пашковщины“, той же штунды, но охватившей уже сѣверо-западъ Россіи.

Пашковщина тоже не представляетъ собою что нибудь оригинальное, выработавшись изъ теорій прогремѣвшаго въ Петербургъ семидесятихъ годовъ извѣстнаго „лорда-апостола“ англичанина Гренвилля Редстока, проводившаго свою миссіонерскую дѣятельность преимущественно среди аристократіи. Обѣхавъ всю Англію и западно-европейскій континентъ, всюду увлекая силою краснорѣчія и религіознымъ энтузіазмомъ своихъ эффектныхъ проповѣдей, основанныхъ на ультра протестантскомъ, отвергающемъ всякую церковность, взглядѣ на сущность и задачи христіанства и вербуя адептовъ сво-

бодной религии, не пуждающейся въ церкви, какъ источникъ благодати и довольствующейся обильною пищею, даваемою евангеліемъ. Самъ Редстокъ не ушелъ впередъ раньше его высказывавшихся сужденій въ области религии и этики, вызывая интересъ лишь своею пропагандою въ индифферентныхъ, въ сущности, къ такимъ вопросамъ свѣтскихъ слоевъ.

Пашковъ серьезно увлекся проповѣдью Редстока, близко принявъ къ сердцу идеалы умнаго и вѣрующаго англичанина и весь ушелъ въ распространеніе симпатичнаго ему ученія. Организовалось общество „редстокистовъ“ во главѣ съ самимъ Пашковымъ, княгинею Гагариною, женою генераль-адъютанта Елизаветою Чертковою и графомъ Корфомъ, создавшее и, съ разрѣшенія правительства, широко развившее „Общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія“, поставившее себѣ задачею „доставленіе народу по возможности приобрѣтати на самомъ мѣстѣ его жительства и за дешевую цѣну книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и сочиненія духовно-нравственнаго содержания“. Успѣхъ новаго издательства былъ громадный. Хорошо составленныя брошюрки расходились по Россіи въ очень значительномъ числѣ; такому сбыту не мало способствовали книгоноши общества, умѣло комментировавшіе содержаніе продаваемыхъ ими книжекъ. Это же общество въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавало журналъ „Русскій рабочій“—простое, правоучительное наставленіе относительно жизни и дѣятельности человѣка-христіанина. Всѣ изданія общества проникнуты господствующею идеею о необходимости для спасенія одной вѣры въ Христа и единенія со Христомъ посредствомъ чтенія Слова Божія, молитвы и стремленія ко Христу сердцемъ.

Не довольствуясь литературною пропагандою евангелизма, Пашковъ открылъ въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ дешевую народную столовую, охотно посѣщавшуюся чернорабочимъ людомъ, получавшимъ тамъ и пищу и очень часто денежное пособіе, а поступавшему въ общество Пашкова вручался особый талонъ съ адресомъ магазина, гдѣ прозелитъ могъ получить даромъ экипировку.

Нѣкоторое время гражданская власть совершенно инертно

относилась къ пропагандѣ Пашкова, зато духовенство сразу заявило себя, какъ и понятно, рѣзкимъ противникомъ ех-полковника.

Особенно интересна переписка Пашкова съ протоіереемъ І. Л. Янышевымъ, въ которой первый ставитъ на видъ, что „всячески старается доказать Словомъ Божиимъ, что всѣ христіанскія добродѣтели суть нѣчто иное, какъ плодъ Духа Святаго, даруемаго Богомъ вѣрующему, т. е. принадлежащему отъ сердца Иисусу Христу, и что, поэтому, никакая плоть не можетъ хвалиться передъ Богомъ, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христвъ Иисусѣ“.

„Я не могу, — пишетъ далѣе Пашковъ, — не признавать установленныхъ Господомъ и Его апостолами таинствъ, но не могу также не убѣдиться словомъ Божиимъ, что всѣ таинства установлены исключительно для вѣрующихъ, для которыхъ однихъ они имѣютъ благодатное дѣйствіе; обращаясь для всякаго, кто пристунаетъ къ нимъ недостойно, т. е. безъ вѣры въ осужденіе“.

Пашкову пришлось оставить Петербургъ и поселиться въ провинціи. Въ своихъ Московскихъ, Нижегородскихъ и Тамбовскихъ имѣніяхъ Пашковъ привлекъ въ свою секту не мало крестьянъ, быстро усвоившихъ суть евангелизма, доступнаго пониманію даже очень мало развитаго элемента.

Въ 1884 г. „пашковщинѣ“ пришлось ликвидировать свои дѣла, а Пашкову — убраться за-границу.

Организація Пашкова не погибла и „пашковщина“ представляетъ въ наши дни весьма реальную величину, секту, пользующуюся большимъ вліяніемъ къ сѣверу отъ пояса распространенія штунды и богатую при томъ наличностью въ ея рядахъ людей интеллигентскаго образа мышленія, присутствіе которыхъ несомнѣнно отражается на подвижности секты и постоянному эволюціонированію. А это не малый плюсъ для ея жизнеспособности.

Хилястическое теченіе въ сектантствѣ.

Сектантство осмысливается неудовлетворенностью наиболѣе порывисто настроенныхъ натуръ средствами, предла-

гаемыми церковью для достиженія нравственнаго совершенства, воссоединенія Божеству и возстаповленія утраченной человѣчествомъ гармоніи между духомъ и плотью. Канонически регулируемое христіанство соглашается съ трудностью для „дѣтей вѣка сего“ осуществить высокіе идеалы, преподанные въ галилейскихъ пустыняхъ; оно пыталось приспособить природу человѣческую къ большей воспримчивости завѣтовъ Христа путемъ указаній на гибельность скользкихъ инстинктовъ „лѣпости“, но очутилось лицомъ къ лицу съ грозной дилеммой: быть вообще человѣку или не быть? Явился компромиссъ, вынужденное игнорированіе быстротечной земной жизни и перенесеніе обители законченнаго служенія Богу въ высь, въ міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій, т. е. въ абстракцію, въ грезу.

Но всегда находились люди, томившіеся землею и въ то же время страстно къ ней привязанные, вѣрящіе въ ея чудодѣйственную силу, заглушаемую нынѣ стономъ неправды житейской, прикрытую тяжелымъ налетомъ грѣха и злобы. Изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ переходила дивная легенда о неминуемомъ наступленіи на землѣ золотого вѣка царствія Божія, затмѣвающего своимъ величіемъ всѣ существующія и когда либо существовавшія державы подъ скипетрами земныхъ владыкъ. Со страхомъ вчитываясь въ „откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, предъ величіемъ котораго благоговѣнно падалъ ницъ любимѣйшій ученикъ Христа, находили тамъ темныя по формѣ, загадочныя по образности, указанія на время наступленія свѣтозарнаго вступленія на престолъ Царя Царей. Тысячу лѣтъ продлится благоденствіе потомковъ Адама подъ теплыми и благодатными лучами божественной любви, проистекающими отъ воплотившагося въ родѣ Давидовомъ обѣтованія Божьяго. Ветхозавѣтный грозный Адонай уже разъ послалъ людямъ Мессію, послалъ на тридцать слишкомъ лѣтъ, пошлетъ и на тысячу. Тысячу лѣтъ будетъ скрежетать зубами связанный сатана, на тысячу лѣтъ угомонится змѣиный шипъ злобы, на тысячу лѣтъ растаетъ ледяная кора человѣконенавистничества. Тысячу лѣтъ изстрадавшееся человѣчество будетъ лечить свои раны душевныя и тѣлесныя, тысячу лѣтъ будетъ покрыта ржавчи-

ною отъ бездѣйствія смертоносная коса завистливо бродящей старушонки, тысячу лѣтъ человечество, привѣтствуя бодрый крикъ новорожденныхъ, не услышитъ предсмертнаго, тоскливаго стона. Тысячу лѣтъ просвѣтитъ солнце безъ заката, солнце животворное, солнце не палящее, солнце всѣми желаемое, всѣми привѣтствуемое. На тысячу лѣтъ основные элементы міра—воздухъ, земля, огонь и вода, заключать межъ собою братскій союзъ на служеніе безобидное гражданамъ Божьимъ, на тысячу лѣтъ возстанутъ чудныя картины библейскаго прошлаго, тысячу лѣтъ вѣтви райскихъ кущей будутъ осѣнять земной Эдемъ безтрепетнаго счастья, захватывающаго дыханіе блаженства.

„Μακάριος και ἅγιος ὁ ἔχων μέρος ἐν τῇ ἀναστάσει τῇ πρώτῃ. Ἐπὶ τούτων ὁ θάνατος ὁ δεύτερος οὐκ ἔχει ἐξουσίαν. ἀλλ' ἔσονται ἱερεῖς τοῦ Θεοῦ και τοῦ Χριστοῦ, και βασιλεύσουσι μετ' αὐτοῦ χίλια ἔτη“.

Такъ сотни лѣтъ читаетъ эллинское православіе, въ беззвучномъ экстазѣ упованія, и ждетъ, безропотно ждетъ... Ждетъ, что вотъ-вотъ наступятъ, „хиліа“, прислушиваясь къ горделиво несущемуся пѣнію взволнованной, „воинствующей церкви“ западной, вѣрующей въ тѣ же пророческія слова:

Beatus et sanctus qui habet partem in resurrectione prima; in hos enim secunda mors non habet potestatem, sederunt sacerdotes Dei et Christi et regnabunt cum eo mille annos.

„Хиліастическіе“ взгляды раздѣляли многіе пастыри христіанства, какъ, напримѣръ, Папій сп. Геропольскій, св. Іустинъ Философъ и св. Иринеѣ Ліонскій. Въ III в. по Р. Х. образовалось цѣлое направленіе „монтанистовъ“, и между послѣдними Тертуллианъ, св. Ипполитъ, Комлодіанъ, Сульпицій Северъ, Лактанцій и др.

Въ всѣхъ западныхъ сектахъ, выросшихъ на почвѣ несогласія съ указаніями ортодоксальныхъ католичества и протестанства, хиліазмъ всегда пользовался уваженіемъ; онъ вошелъ въ тенденціи анабаптизма, въ ученіе социніанъ, въ проповѣдь севенскихъ пророковъ при Людовикѣ XIV, его идею всецѣло восприняли такіе религіозные мыслители, какъ Жюрье, Пуаре, Серарій—старыхъ временъ—и частью нынѣшніе теологи, вродѣ Делича и др.

Хилиазмъ не минулъ и наше сектантство, послуживъ „символомъ вѣры“ „деснаго братства“, „малеваищевъ“ и „адвентистовъ“.

Секта „деснаго братства“, называемая также „сіонскою вѣстью“ или „сектою іеговистовъ“ обязана своимъ возникновеніемъ отставному артиллерійскому штабъ-капитану Николаю Созонтовичу Ильину, человѣку, несомнѣнно, даровитому, получившему общее образованіе въ Полоцкой іезуитской коллегіи, — превосходно поставленномъ учебномъ заведеніи, откуда, помимо солидной научной подготовки, онъ вынесъ и склонность къ изученію религіозныхъ вопросовъ. Въ 1845 г., служба занесла Ильина въ Екатеринбургъ. Послѣ обычнаго душевнаго надрыва, свойственнаго ищущимъ и не находящимъ личностямъ. Ильинъ покончилъ съ православною церковью, и въ содружествѣ съ двумя интеллигентными тоже единомышленниками принялся за толкованіе новаго религіознаго ученія, изложеннаго имъ въ его сочиненіи „Сіонская Вѣсть“. Пропаганда Ильина, конечно, не прошла безнаказанною и въ 1856 г., по постановленію суда, онъ былъ водворенъ въ Соловецкій монастырь, затѣмъ наказаніе было смягчено до Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, а кончили свои дни Ильинъ уже на свободѣ въ Митавѣ около 1890 г. „Сіонская вѣсть“ — документъ большого интереса и опубликованіе его слѣдуетъ всецѣло поставить въ активъ редакціи „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, на своихъ страницахъ дающаго много любопытнаго матеріала, требующаго однако, пзвѣстнаго процѣживанія. Ильинъ — фанатикъ идеи объединенія всѣхъ религіозно мыслящихъ людей. „Я думаю, читатель, скорбитъ Ильинъ, — что и ты уже видишь, глазо, очима своимъ, что настали тѣ лютыя времена и дни лукавыя, о которыхъ предрекъ еще св. апостоль... Путь къ явленію антихриста уже широко проложенъ: лже пророцы, лже — апостолы, лже — учителя, лже — братія разорвали единое стадо Христово на 666 клочковъ по числу имени звѣринаго“ ибо „вѣрь, толковъ, раздѣлений, преданій и споровъ и сваровъ и распрей о законѣ уставовъ о пици и питіи... великое множество явилось у христіанъ, такъ что и не знаешь, которой и вѣрить, чреватаго ли или поджараго попа слушать... Но какъ тутъ человѣку прійти въ разумъ истины отъ столькихъ тол-

ковъ и ученій, ибо къ которой изъ сихъ вѣрь ни прилѣпись, а совѣсть все неспокойна, все ясно видишь, что къ какой припряжкѣ не припрягись, а возжи то все будутъ въ рукахъ антихристовыхъ“. Средство для избѣжанія разнорѣчивости такое: „кто нынѣ іудей, тотъ сдѣлайся христіаниномъ, не отмѣтаяся Закона Божія, даннаго чрезъ Моисея и пророковъ, а кто не іудей или язычникъ, тотъ сдѣлайся іудеемъ, не отменяяся христіанства и, такимъ образомъ, разрушивши средостѣніе вашей, доселѣ бывшей вражды, соединитесь духомъ въ единый, нераздѣльный союзъ братопророческій и клевето-ангельскій“.

Главная задача „іеговиста“ состоитъ въ самомъ широкомъ распространеніи Евангелія, то есть тѣмъ самымъ раздѣлить человѣчество на „десную“ и „ошуюю“. Каждый членъ братства долженъ „раздавать сіонскую вѣсть всѣмъ тѣмъ грамотнымъ людямъ, о которыхъ извѣстно, что они сомнѣваются въ толкѣ ихъ и ищутъ себѣ путей къ истинѣ спасительной“! Человѣку, отдавшему себя распространенію „сіонской вѣсти“ слѣдуетъ не довѣряться самому святѣйшему человѣку; слѣдуетъ бросить, всякое питаніе отъ ума своего“ и положиться всецѣло на волю Господню, познаваемую черезъ усердную молитву.

Раздѣленіе Господомъ всего человѣчества на стоящихъ ошуюю Его и одесную, завершится тѣмъ, что когда разгласится оно во всѣхъ царствіяхъ и народахъ, и когда уже не тайно, а гласно заговорятъ о приближившемся тысячелѣтнемъ царствіи Христовомъ (Апок. XX 3—7), тогда праведники возягутъ въ благодатномъ царствіи съ избраннымъ древне народомъ еврейскимъ. Собраніе праведниковъ состоится на Сіонской горѣ. Наступитъ идилическая пора, рисуемая намъ книгами пророковъ Іезекиіля и Исаи. Всякій, попавшій въ ту пору на Сіопъ зачисленъ будетъ въ святые и граждане Іерусалима, получающаго тогда названіе Герренбурга.

„Іеговистамъ“ достовѣрно извѣстенъ континентъ „ошуйцевъ“ которые не удостоятся „Божьяго царства“ и попадутъ въ хилорійскій рай сатаны“. путь къ которому „весьма широкой и роскошный и потому по немъ идутъ и ѣдутъ въ коляскахъ, каретахъ и верхами многіе милліоны сатанистовъ: съ музыкой, катавасіями, со звонами и барабанами, съ пушками, шты-

ками и мечами, съ парадами, маскарадами, съ торжественными праздниками и разгулами, и въ постъ и въ святки во всѣ лопатки, съ христіански-блудными плясками и торжествами, съ презабавными моленіями творцу всѣхъ безчисленныхъ солнцевъ, планетъ и кометъ въ безконечномъ пространствѣ и владѣльцы какого-то міра, съ великими и чуть ли не факирскими чудесами отъ досокъ и камней, разнаряженныхъ въ шелкъ, бархатъ, золото, серебро и драгоценныя камелья, съ пестами, крестами, досками, съ дорогими окладами и съ шестами, съ прицѣпленными на нихъ тряпками, лошадиными хвостами и съ индульгенціями отъ папъ трехъ Римовъ, католиковъ, патріарховъ, шейхъ-исламовъ, далай ламовъ, преталмуднѣйшихъ раввиновъ, разныхъ сортовъ поповъ, ксецзовъ, суперинтендентовъ, пасторовъ (протестантскихъ, сбокѹстанскихъ и сзадистанскихъ) или двуногихъ деспотовъ и брюховныхъ владыкъ или кнутобойно-грѣхоснимателей, и многіе изъ нихъ идутъ съ кнутами, батогами и шпицрутенами, для лупленія шкуръ съ дѣтей Божьихъ; іудеи же идутъ съ ихъ жиловскими ханствами и съ ротшильдовскими хищеніями золота "... Всѣ такіе противники Божьи присваиваютъ истинному Іеговѣ человѣческой деспотическій титулъ: господинъ, панъ, доминусъ, лордъ и т. д., а Лютеру сатана внушилъ написать „герръ, герръ“—выраженіе собачьей злости“.

Іеговисты же отнюдь не должны презирать или ненавидѣть сатанистовъ и не дѣлать имъ никакаго вреда и обмана, позволять имъ дѣлать, что имъ угодно надъ усопшими іеговистами, и крестить и зачислять ихъ дѣтей въ какія угодно сатанинскія вѣры. Кромѣ того іеговисты должны отдавать кесарево кесареви, а „Іеговино-Іеговѣ“.

„Сіонская вѣсть“ представляетъ пеструю смѣсь ярко выраженнаго мистицизма съ самымъ холоднымъ рационализмомъ. Съ одной стороны Ильинъ непоколебимо вѣритъ въ неизбѣжность реализироваія апокалипсическихъ, туманныхъ пророчествъ, съ другою—соглашается, что „неопровержимо доказано, что такимъ безмысленнымъ множествомъ солнцъ, планетъ и кометъ, обращающихся на разстояніи квадриліоновъ, окталіоновъ, билліоновъ верстныхъ миль не можетъ владѣть одно такое существо, которое, подобно человѣку, ограничено въ два

аршина семь вершковъ, какъ Іегова, обѣдавшій у Авраама, а тѣмъ болѣе онъ не могъ создать ихъ не только въ шесть дней, но даже и въ 666666666666 окталіоновъ тысячелѣтій“.

Разновидностью „іегвизма“ можно считать выдѣлившуюся въ 50-хъ годахъ изъ закавказскихъ мококанъ секту „прыгуновъ“, восхождение которыхъ на обѣтованную гору Сіонъ должно было состояться посредствомъ прыжковъ, въ которыхъ они и практиковались на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, носившихъ несомнѣннѣйшій характеръ „радѣній“. Прыгуны настолько были увѣрены въ неминувности скорого наступленія тысячелѣтняго царства Мессіи, что забросили всѣ работы и сидѣли сложа руки, по примѣру ничего не сѣющихъ и не жнущихъ птицъ небесныхъ. Да и для чего было трудиться, если

Возсталъ, возсталъ весь Сіонъ,
Онъ готовъ въ походъ идти!
Иди, иди, Царь Сіона,
Воины твои всѣ готовы!
Всѣ страдалцы на мѣстахъ.
Готовы идти въ кандалахъ!
Мы желѣзовъ не боимся,
Кандаловъ не устрошимся,
Надѣмся на тебя,
Спасешь міръ чрезъ себя!
Тогда вдругъ вооружимся,
Въ убѣжище отлучимся,
Пойдемъ къ царю всѣхъ побѣдъ
И намъ дастъ нашъ царь отвѣтъ—
Духъ святой и самъ Богъ съ нами;
Поразилъ его словами.
Слава отцу и сыну,
Святому Духу. Аминь.

Во главѣ прыгуновъ, при образованіи этой мистической фракціи евангелическаго молоканства, стоялъ „главный толкователь“, именовавшій самъ себя „богомъ“, проповѣдывавшій о скорой кончинѣ міра, о необходимости умереть очищенными отъ грѣха, для каковой цѣли назначались особыя довѣренныя лица, получившія отъ „бога“ титулъ „искупителей грѣховъ“

„Богъ“, оказавшійся нѣкимъ Уколомъ Любавинымъ, на мысль о будущемъ царствѣ напалъ при чтеніи тринадцатой главы пророка Іезекія, процессъ же прыганья у него происходилъ помимо желанія, по наитію свыше. Прыгунство охватило около 400 семействъ молоканъ, и такъ застыло, а къ концу 60-хъ годовъ оффиціальное разслѣдованіе обнаружило, что новая секта не представляетъ рѣшительно никакихъ опасеній, ибо медленно разлагается и къ тому же ничуть не стремится расширить свое вліяніе пропагандою. Гораздо болѣе хлопотъ доставили власти послѣдователи Кондратія Малеваннаго, отпавшаго отъ баптизма и вызвавшаго цѣлую паническую эпидемію въ Кіевской губерніи.

Внимательно читая библію Малеванный нашель, что событія, излагаемая ею, фактически не существовали, и изображеніе ихъ является прообразомъ будущаго, личность Христа—есть синонимъ вѣковѣчной правды, такъ какъ самъ Спаситель говоритъ: „Истинно, истинно говорю вамъ; прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь“.

Баптистская община сочла такое толкованіе главнаго авторитета секты—св. писанія, явно еретическимъ, и Малеванный, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ увѣровавшихъ въ проповѣдь и новаго пророка, вышли изъ состава общины. Дѣятельность Малеваннаго приняла самый экзальтированный оттѣнокъ, его „ученики“ подпали подъ гипнозъ чисто болѣзненнаго воодушевленія Малеваннаго, и признали въ немъ Спасителя. Малеванный былъ явно неуравновѣщенный человѣкъ, что и подтвердилось затѣмъ произведенною надъ нимъ экспертизою извѣстнаго психіатра Сикорскаго, давашаго повышенному энтузіазму Малеваннаго чисто патологическое объясненіе, и въ результатѣ Малеванный въ 1893 г. попалъ въ домъ умалишенныхъ. Малеванный своими проповѣдями сѣумѣлъ вызвать въ простонародѣ нетерпѣливое ожиданіе наступленія будущаго царства небеснаго, въ которомъ будутъ всѣ равны, не будетъ ни врага, ни его жертвы, ни богатаго, ни бѣднаго.

Малеванный, конечно, мистикъ. Человѣкъ для него является не просто органическимъ созданіемъ, одареннымъ способностью мышленія, а храмомъ, вмѣстилищемъ богочеловѣческаго достоинства, съ огромною способностью внутренняго богопознанія;

законы котораго пишутся на скрижаляхъ сердца, а не на бумагѣ, и этой живой книги не уничтожатъ никакіе человѣческіе законы, какъ бы строги они не были. Книга эта раскрывается для людей самимъ Богомъ, чрезъ посредство избранныхъ имъ людей, а Евангеліе, на которое возлагаютъ такіе упованія евангелики, есть адресъ пути въ городъ спасенія, дойдя до котораго можно адресъ и забросить.

Нѣсколько своеобразно представляютъ себѣ малеванцы будущее воскресеніе мертвыхъ.

— Неужели же вы думаете—говорить Малеванный—что вправду настанетъ время, когда вдругъ раскроются всѣ гробы и выйдутъ оттуда сгнившіе покойники, какъ вотъ ихъ на картинкахъ рисуютъ. Да нѣтъ же. Въ гробахъ люди живые, бродятъ эти люди, какъ звѣри, захваченные грѣхомъ, а спадеть съ нихъ пелена, бросятъ беззаконія,—раскроются ихъ гробы, и воскреснутъ они тутъ вонъ, на этой землѣ, да и теперь уже воскресаютъ—воскреснутъ всѣ, познавъ истину, Бога въ Его любви, и станутъ люди любить другъ друга, а не терзать, какъ терзаютъ теперь.

...Всѣ будутъ тогда ходить во свѣтѣ, увидятъ правду и неправду, и поклонятся Христу и все покорится Ему, прежде пастухи, потомъ мудрецы, потомъ и цари и всякая власть, тогда правда озарится, и любовь обновится, и тогда будетъ одинъ Богъ и весь народъ будетъ сыномъ Божиимъ.

Малеванный преклоняется предъ величіемъ всеочищающаго страданія. „Страшный судъ—исповѣдуютъ малеванцы—для вѣрующихъ въ Иисуса наступаетъ тогда, когда битъ начинаютъ за Иисуса“... Въ такомъ страданіи истинно вѣрующій черпаетъ новый запасъ духовныхъ силъ, привязанности къ Распятому Богу... Старая идея, чисто русская идея, присущая чутко-проикновеннымъ натурамъ, умѣющимъ по выраженію старца Зосимы, улавливать трепеть жизни въ каждой травинкѣ.

Профессоръ Сикорскій, близко наблюдавшій проявленія малеванскаго движенія, объясняемаго имъ массовымъ психозомъ, вылившимся въ своеобразную пассивную оппозицію установившемуся общежителскому распорядку, передаетъ, что малеванцы рѣзко измѣнили свой обычный образъ жизни, про-

дали большую часть имущества, переведя его на деньги, отказываются от работы, и, оставаясь въ бездѣйствіи, находятся въ особенно, ненормально благодушномъ настроеніи духа. Малеванцы, зорко ожидающіе второго происшествія, увѣренные въ своей подготовленности къ встрѣчѣ таинственного момента, словно доживаютъ послѣдніе дни своей старой жизни. Счеты съ нею подведены, всѣ невыясненности ея малеванцами представляются устраненными и они погрузились въ нѣжно ласкающую пѣну философскаго квіетизма,—состояніе тихой недвижимости страстей, при которомъ постепенно понижается способность волевого напряженія. Такую загадку, какъ малеванщина, мудро анализировать, въ нее можно только вѣрить, или не вѣрить, къ ней безцѣльно подходить со скальпелемъ въ рукахъ, а остается только признавать существованіе до сихъ поръ еще тускло освѣщенныхъ феноменовъ, можетъ быть и патологическихъ, какъ утверждаетъ цитируемый выше Сикорскій, но можетъ быть и нѣтъ, если встать на дикую для вооруженнаго наукою психіатра точку зрѣнія. Да и вѣдь и вся вообще религія въ сильныхъ неладахъ живетъ съ экспериментальнымъ знаніемъ. Авторитетъ длинныхъ рядовъ математическихъ выкладокъ, прокипѣвшій на днѣ химической реторты, съ постояннымъ сарказмомъ давно уже грозитъ разрушить воздушный миражъ, нѣскольکو тысячелѣтій висящій надъ міромъ, но есть что то въ фантомѣ, предъ чѣмъ она навливается замахнувшаяся было рука.

Мелкія развѣтвленія сектантства.

Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія крестьянинъ Максимъ Поповъ, принадлежавшій къ сектѣ молоканъ, нашелъ ее недостаточно радикальной въ смыслѣ соціальной стороны ея ученія, и составилъ „уставъ упованія общаго ученія“, предлагавшій истиннымъ христіанамъ разбиться на федераціи отдѣльныхъ общинъ, построенныхъ на принципѣ общности всего хозяйства, исключаящей всякое частное владѣніе, даже и орудіе производства. Поповъ всталъ на сторону эмансипаціи половъ, предлагая обучать совмѣстно дѣтей обоого пола въ

школахъ, поддерживаемыхъ всѣми безъ исключенія сторонниками „общаго ученія“. Поповъ отъ словъ быстро перешелъ къ дѣлу, роздалъ свое довольно крупное состояніе нуждающимся, привлекъ на свою сторону много сочувствующихъ по Заволжью, и сдѣлался наставникомъ быстро организовавшейся секты. „общихъ“, обдумывать дальнѣйшее развитіе которой горячей головушкѣ Попова пришлось въ прохладныхъ пространствахъ Енисейской губерніи.

Поповъ близко принялъ къ сердцу 44 стихъ 2-й главы „Дѣяній Апостольскихъ“, указывающій, что въ первое послѣ отшествія Господа Іисуса Христа время „всѣ вѣровавшіе“ „бяху вкупѣ, и имѣху вся обща“. Послѣдователи Попова такъ и сдѣлали. Избрали они изъ своей среды, двѣнадцать апостоловъ, отдали въ ихъ распоряженіе свое имущество, и устроили общественный складъ, которымъ завѣдывалъ выборный казначей, но вскорѣ обнаружили нѣкоторыя практическія неудобства полного отказа отдѣльныхъ личностей отъ собственности, и коммуна подверглась измѣненіямъ въ томъ смыслѣ, что въ общественное пользованіе каждая семья вносила десятую часть всякаго имущества и дохода.

Изъ 12 апостоловъ, управляющихъ каждою общиною, девять мужчинъ и три женщины. Первые исполняютъ общедминистративныя функціи, сфера дѣйствія вторыхъ ограничивается надзоромъ за поведеніемъ слабого пола, и руководствомъ хоровымъ пѣніемъ при богослуженіи.

„Судья“, „видѣтель“ и „членъ“ рѣшаютъ наиболѣе серьезныя дѣла общины; „жертвенникъ“, „молитвенникъ“ и „тайникъ“, выступаютъ лишь въ случаяхъ достодожной скрытности, и принимаютъ покаяніе, а „распорядитель“, „словесникъ“ и „мысленникъ“ наблюдаютъ за спокойствіемъ общины.

Всѣ распри рѣшаются въ силу „мысленнаго закона“, состоящаго въ томъ, что „судья“ собираетъ мнѣніе прочихъ восьми членовъ президіума по данному вопросу, непремѣнно путемъ тайной подачи голосовъ и сообразно съ сужденіемъ большинства постановляетъ приговоръ, безапелляціонный для каждаго сектанта.

Въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ „общіе“ сохра-

нились еще и посейчасъ, облюбовавъ себѣ окрестности города Ленкорани въ Закавказьи.

На полтара десятка лѣтъ позже Попова, въ 1836 г., маляръ Борисъ Моргуновъ, жившій въ Донецкомъ округѣ, додумался, что все черное происходитъ отъ чернаго духа, попросту—отъ дьявола; а бѣлый цвѣтъ, наоборотъ, составляетъ принадлежность свѣтлаго міра небожителей—идеала душевныхъ вождельнѣйшій вѣрующаго человѣка. Необходимо, значить, „обѣлиться“, отречься отъ темноты, подъ покровомъ которой злая сила стремиться подчинить себѣ нашу слабую природу. И вотъ созданъ лозунгъ; „прочь отъ чернаго“. Нашлись люди, живо увѣровавшіе въ гибельность для спасенія себя чернаго цвѣта въ предметахъ домашняго обихода и принявшіеся старательно отъ него отдѣлываться, не останавливаясь даже предъ убійствомъ чернаго скота.

Основываясь на томъ, что Спаситель былъ погребенъ въ бѣлыхъ ризахъ, Моргуновъ рекомендовалъ имѣть исключительно бѣлую одежду, откуда и пошло названіе секты. Моргуновъ былъ посаженъ въ тюрьму за свои поученія, не отвѣчавшія установленнымъ церковнымъ традиціямъ, подвергся увѣщанію со стороны мѣстнаго архіерея и былъ затѣмъ выпущенъ на свободу.

Въ 1865 г. преосвященный владимірской епархіи сдѣлалъ „куда слѣдуетъ“ сообщеніе о новой сектѣ, появившейся въ предѣлахъ губерніи и именующей своихъ сочленовъ „бѣлоризцами“. „Подобно перекрещенцамъ — писалъ владыка— бѣлоризцы бракъ считаютъ блудомъ и живутъ повидимому, цѣломудренно, какъ иноки; по наружности сектанты эти тощѣ, истомленные, за царя не молятся; подобно нѣтовцамъ говорятъ, что ни въ чемъ нѣтъ благодати; денегъ въ руки не берутъ и паспортовъ не принимаютъ; всѣ ереси и толки раскольничьи осуждаютъ, считая себя однихъ истинными и духовными христіанами. Подобно западнымъ иллюминатамъ, считая себя просвѣщенными свыше, твердятъ слѣдующую, самую употребительную между ними молитву: „Отче Господи небеси и земли! Ты утаилъ еси вся сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси сія младенцамъ простымъ“.

Главаремъ секты владимірскихъ бѣлоризцевъ указывался

крестьянинъ Николай Лукинъ. На допросъ онъ показалъ, что онъ вѣры истинной, но великороссійскую церковь не признаеть истинной, ибо единый архіерей и священникъ есть Спаситель. Цѣль найденныхъ у него мѣдныхъ крестовъ Лукинъ объяснилъ ихъ прочностью сравнительно съ деревянными, менѣе, слѣдовательно, пригодными для спасенія. Изъ дальнѣйшихъ себе-сѣдованій съ бѣлоризцами выяснилось, что, кромѣ „бѣлыхъ ризъ“, все остальное сектантами заимствовано отъ разныхъ теченій старообрядчества и сектантства.

Существуетъ въ Псковской губерніи Никандрова пустынь однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ иноковъ которой въ семидесятихъ годахъ былъ ризничій Серафимъ, пользовавшійся особою любовью окрестнаго населенія, видѣвшаго въ немъ чело-вѣка строгаго благочестія и духовнаго провидѣнія. Келья Серафима была всегда мѣстомъ паломничества разныхъ любителей „назиданія“. И Серафимъ назидаль, да только не такъ, какъ это практикуется строго православнымъ духовенствомъ. Каждому приходящему къ нему монахъ втолковываль, что истиннаго христіанства въ наше время нѣтъ нигдѣ, а есть только смрадъ и духота отъ нечестія, и царить въ мірѣ антихристъ. Ему же, Серафиму, препоручено составить избранное стадо изъ лучшихъ христіанъ и подготовить ихъ къ близкому второму пришествію что выразится въ страшныхъ пыткахъ надъ ними со стороны грѣховнаго міра, вслѣдъ за которымъ наступить всеобщее прощеніе.

Вновь назначенный въ пустынь настоятель не могъ примириться съ такою странною проповѣдью, и послѣ его запрещенія Серафимъ тайкомъ покинулъ обитель, съ годъ жилъ въ глуши лѣсной, былъ тамъ пойманъ и отправленъ въ Петербургъ.

Оказалось, что существуетъ уже цѣлая секта „серафимовцевъ“ значительный процентъ, членовъ которой состоитъ изъ женщинъ, которымъ предоставлены многія священническія прерогативы, вродѣ благословенія, отпущенія грѣховъ и т. п. Желающіе сдѣлаться „серафимовичемъ“ или „серафимовною“ должны были трое сутокъ молиться Богу, положивъ въ это время до 3000 поклоновъ. Послѣ такого искуса женщины обрѣзали себѣ косы, опоясывались ремнемъ и надѣвали обручальное кольцо т. е.

прощались со всѣми свѣтскими утѣхами, вѣнчаясь съ Христомъ.

Въ противоположность бѣлоризцамъ, серафимовцы постоянно носятъ темныя платья. Собираются онѣ по вечерамъ накануне праздничныхъ дней и поютъ подъ аккомпаниментъ различныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Въ 1871 г. нѣкій г. Заволжскій, изслѣдовавшій экономической бытъ населенія Вятской губерніи, обнаружилъ совершенно новую секту „Медальщиковъ“, въ учении которыхъ, однако, религіознаго элемента не было обнаружено, и вся секта, по мнѣнію того же г. Заволжскаго, „есть живой протестъ населенія противъ несоразмѣрныхъ съ его платежными силами податей“. „Медальщики“ порѣшили бросить свою землю, дома, на томъ основаніи, что Царь-Освободитель хорошо зналъ о невеселомъ мужицкомъ житьѣ-бытьѣ, освободилъ народъ отъ земли и податей и приказалъ вычеканить медаль въ память 19 февраля 1861 г. Медаль эта имѣетъ огромное значеніе. Стоитъ ее показать приказному и онъ рта не откроетъ насчетъ разныхъ тамъ платежей. Подушную подать еще—куда ни шло—платить, пожалуй, можно, а по остальнымъ пунктамъ—ни-ни. Вотъ и разыскиваютъ медальщики такія спасительныя для нихъ медали, обладающія магическою силою не меньше знаменитаго „фармазонскаго рубля“. Пассивное сопротивленіе платежу податей оказываютъ и такъ называемые „неплательщики“.

Крупнѣйшій расколѣвъ нашихъ дней Александръ Степановичъ Пругавинъ, работающій въ этой области почти три десятка лѣтъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ рельефно освѣтилъ любопытную личность основателя секты „сютаевцевъ“—немудраго на первый взглядъ тверскаго мужичка Василія Сютаева. Сютаевъ слыхалъ, что есть „наука философія, которая учитъ, какъ бы капиталъ нажить“. „До этой философіи—рѣшилъ онъ—не надо дотыкаться, а надобны тѣ науки, которыя учатъ, какъ лучше жить людямъ. Надо доискиваться, какъ бы грѣшники не грѣшили, какъ бы воры не воровали“...

Сютаевъ—не сектантъ. Онъ—„истинный христіанинъ“ и стремится только къ тому, чтобы „устроить жисть по правдѣ, чтобы другъ дружкѣ не вредно было“. А для этого „нужно жить по-Божьему. Поле не должны дѣлить, лѣсъ не должны

дѣлать, дома не должны дѣлать... Первое дѣло—замковъ не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судовъ не надо, войны не надо“. Нужна истинная вѣра. А она въ любви. Сютаевъ твердо увѣренъ, что несомнѣнно наступить пора, когда любовь охватитъ весь міръ и заполнить его „смиренство“.

Сютаевъ до своихъ убѣжденій дошелъ чрезъ чтеніе Евангелія и твореній Св. Тихона Задонскаго—его любимаго духовнаго писателя. Въ концѣ концовъ Сютаевъ кончилъ уже отрицаніемъ всей церковной обрядности и существующаго нынѣ бытового строя, и пытался даже устроить изъ своихъ односельчанъ маленькую братскую общину, на основаніяхъ „обчихъ“.

Сютаевъ—оптимистъ. Трудно онъ сживаетъ съ невозможностью переработать человѣческую природу, такъ свыкнулся вѣками съ положеніемъ вещей. Но вѣритъ Сютаевъ, что непорядки когда-нибудь кончатся, только бы дознаться, придетъ ли Спаситель. Но, съ другой стороны, Сютаевъ и его единомышленники—а такихъ не мало въ Новоторжскомъ уѣздѣ, убѣждены, что старый порядокъ, при которомъ творится всякая житейская неправда, не можетъ навсегда сохраниться, „наемникъ“ долженъ исчезнуть съ лица земли, ибо брать въ наемъ или идти самому въ наемъ—не по Писанію.

Къ сожалѣнію, А. С. Пругавинъ не сообщаетъ о дальнѣйшей судьбѣ Василя Сютаева, видѣлъ котораго онъ въ 1881 г. Сопричислился ли Сютаевъ къ разряду людей „неудобныхъ“ или оставленъ на покоѣ доживать свой вѣкъ, хотя въ защиту его могло послужить и то обстоятельство, что, какъ подмѣтили газеты, „пропагандой“ въ специфическомъ смыслѣ этотъ слова этотъ „Божій ратникъ“ не занимался.

Трудами церковной и гражданской власти зарегистрированы еще и такія секты, какъ „сѣкачи“, „варсонофцы“, „дыропеки“, „дырники“, „никодимцы“, „обнищеванцы“ и нѣкоторыя другія. Всѣ онѣ представляютъ одни и тѣ же перепѣвы, мало индивидуальны и распространеніе ихъ ограничивается очень узкимъ раіономъ.

Теперь нѣсколько словъ о продуктѣ послѣдняго времени,—такъ называемыхъ „іоаннитакъ“. Это—отъ начала до конца одно недоразумѣніе, отчасти грустное, а отчасти и вызывающее улыбку.

Газеты чуть ли не каждый день сообщают новыя свѣдѣнія о дѣятельности агентовъ этого полуполюгальнаго сообщества, занимающихся усиленно вербовкою легковѣрныхъ людей, готовыхъ добродушно открыть свой тощій кошелекъ и пересыпать его содержимое въ бездонную мошну кронштадтскихъ „богородицъ“ и „архангеловъ“. Секта возникла на почвѣ эксплуатированія имени популярнаго въ извѣстныхъ слояхъ общества протоіерея Іоанна Сергіева, всячески своихъ не въ мѣру ревностныхъ поклонниковъ образумляющаго, но не всегда достигающаго цѣли. „Іоаннитство“ является безспорно гнойнымъ нарывомъ на и безъ того изнервничавшемся организмѣ русскаго сектантства. Разумѣется, говорить о немъ сколько-нибудь серьезно не приходится, ибо вопросъ объ „іоаннитахъ“—вопросъ просто времени, такъ какъ существованіе подобной „секты“ не сопряжено съ какою-либо идеею, а находится въ прямой зависимости отъ своеобразныхъ условій момента.

Мертворожденность „іоаннитства“, его полнѣйшая безъидейность и объясняютъ то гибельное для него обстоятельство, что, до нѣкоторой степени еще прозябая между небогатыми мыслительною силою обывателями, оно не выдвинуло ни одного чуть замѣтнаго дѣятеля, если не считать, конечно, всевозможныхъ „сателлитовъ“ надъ описаніями подвиговъ которыхъ не мало поработали перья петербургскихъ репортеровъ.

У „іоаннитовъ“ нѣтъ ничего того, что, обыкновенно, составляетъ внутренній смыслъ любой секты, нѣтъ ни религіознаго, нѣтъ ни этическаго ученія, нѣтъ даже какой-либо оригинальной формы культа. Одинъ только „нимбъ“ да и то изъ фольги.

Бібліографическія указанія.

Авторъ считаетъ не бесполезнымъ дать краткій перечень наиболее существенныхъ изысканій въ области расколовѣдѣнія, ограничиваясь, понятно, ссылкой на работы, гдѣ-либо и когда-либо изданныя, а потому болѣе доступныя ознакомленію, нежели рукописные матеріалы, пользованіе которыми затруднительно уже въ силу ихъ храненія за семью замками и столькими же печатями, и требуемой ими кропотливой усидчивости.

Роль раскола въ жизни русскаго народа талантливо выяснена прежде всего въ статьяхъ А. С. Пругавина, безъ котораго нельзя двинуться ни шагу. См. «Русскую мысль» 1881, № 1, «Недѣлю» 1877, № 49—50, «Голось» 1880, № 51, его же брошюру «Расколъ и сектанство», книгу «Расколъ внизу, расколъ вверху».

Много пиши даетъ объемистый трудъ П. Н. Милюкова «Очерки по исторіи русской культуры». Рекомендуются прочесть «Русскихъ диссидентовъ» І. Юзова (Каблюа), «Земство и расколъ» А. Шапова, «Современное значеніе раскола» И. Харламова («Страна» 1880, № 64), «Религіозныя основы жизни. В. С. Соловьева, «Историческія судьбы раскола» В. В. Андреева, его же «Расколъ и его значеніе въ русской исторіи», (Всемирный трудъ» 1870, № 1—4), «Русскій расколъ» Н. Кашкарова, («Новое время» 1879, № 1244), «Что такое нашъ расколъ?» («Мысль» 1881, № 2) «Культурные пионеры», Куликовскаго («Слово» 1878, № 4) и январскую статью въ «Новомъ Словѣ» 1897). Сравните все это съ брошюрою «Н. С.» «О значеніи и сущности раскола» и «Письмами о расколѣ» П. Мельникова, помѣщенныхъ въ первыхъ 15-ти №№ «Сѣверной Пчелы» за 1862 г. Сюда же можно отнести «Планъ полнаго собранія свѣдѣній, относящихся къ расколу» И. Надеждина, напечатанный въ «Братскомъ Словѣ» (1876, № 2). Нельзя обойти составленный В. Кельсіевымъ «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (Лондонъ, 1860—64 г.г.). Въ журналъ «Странникъ» (1886—1888), найдете рядъ «Записокъ» о расколѣ П. И. Мельникова, Т. С. Лазаревского, А. Крыжина, Н. И. Ивановскаго, и И. О. Нильскаго, а на 75 стр. «Р. старины» 1881 г.; прочтите «Мысли» на ту же тему князя Н. А. Орлова.

О «стригольникахъ», «жидовствующихъ» и вообще о раннемъ періодѣ противоцерковничества см. 6-й томъ «Исторіи Русской Церкви» Макарія, «Исторію русской церкви» Е. Голубинскаго, «Исторію русской церкви» Филарета, «Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ» Костомарова, «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи» В. Иконникова, «Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ» А. Архангельскаго, «О зарожденіи религіозныхъ сектъ въ Россіи съ рационалистическимъ направленіемъ въ Россіи» И. Малышевскаго (въ «Труд. Киев. Дух. Акад.» 1883), «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ» Н. Руднева, «Ересь жидовствующихъ» И. Панова («Журн. Мин. Нар. Пр.» Т. 189, 190), «Собр. русск. лѣтоп.» Т. IV, «Русскую Исторію» Н. Карамзина и В. Соловьева, «Русскіе еретики» М. Кояловича («Христ. Чт.» 1871, № 2), «Ученіе Θεодосія Косога» И. Емельянова («Тр. Киев. Дух. Акад.» 1862, «Великорусскіе религіозные вольнодумцы» Н. Костомарова («Отч. Зап.» 1862, № 10), «Опытъ изслѣдованія ереси жидовствующихъ» А. Сервицкаго («Прав. Обзор.» 1862, № 6—8, «Ересь жидовствующихъ», М. Толстого («Душеп. Чт.» 1867, № 3, «Житіе Іосифа Волоколамскаго» (Приб. къ твор. св. Отцовъ» 1874, V, 256, «Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Волоколамскаго» Хрущова, Акты Археогр. Комм., Т. I, Акты Историческіе, Т. I, «Истины показаніе къ вопрошающимъ о новомъ ученіи» Зиновія Отенскаго, «Письма о челоуѣкахъ» А. Горскаго («Приб. къ творен. св. отцовъ» 1851), «Митрополитъ Даниилъ» Жма-

кина, «Секта стригольниковъ» Э. Титова («Миссіон. Обзор.» 1896, № 3), «Дьяка Ѳедора Курицына» Э. Ильинскаго («Р. Арх.» 1895, № 1), «О ереси жидовствующихъ».—Новые матеріалы, собранные Бълюкуровымъ, Долговымъ, Евсѣевымъ и Соколовымъ. (Рецензія А. Соболевскаго въ октябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1902 г.).

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и начало раскола.

Статья подъ тѣмъ же названіемъ А. Пыпина Вѣстн. Евр. 1894, № 9. «Соборъ Русской церкви, бывшій по поводу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ» А. Гренкова въ № 9 «Прав. Обзор.» 1870, «Стоглавъ»—изданъ два раза: Каз. Дух. Академіею и Д. Кожанчиковымъ; «Дѣянія Московскаго Собора 1554», изд. въ Москвѣ (1873) г. и Псковѣ (1875), о московскомъ соборѣ 1666—1667 гг. см. статью В. Богословскаго въ «Прав. Обзор.» 1871, №№ 2, 3, 6 и 7, всѣ официальные акты и челобитныя того же времени напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи раскола», редактировавшихся Н. Субботинимъ; «Арсеній Сухановъ» С. Бълюкурова; «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковнаго обряда» Н. Каптерева (прод. см. въ № 1 «Прав. Обзор.» за 1888); «Патріархъ Никонъ» Гюббенета; «Русскій расколъ старообрядства» А. Щапова, «О происхожденіи раскола въ русской церкви» Н. Благовѣщенскаго («Тр. Кіев. Дух. Акад.» 1866, № 4); «Причины появленія раскола» И. Харламова («Страин.» 1880, № 53); «Протопопъ Аввакумъ» В. Мякотина; «Протопопъ Аввакумъ» Н. Ивановскаго («Прав. Собес.» 1869 № 1; «Боярыня Морозова» Н. Тихонравова («Русскій Вѣстникъ» 1869, № 9); «Протопопъ Аввакумъ» Д. Жижиленко («Страиникъ» 1883, №№ 3, 4, 8, 9, 10); «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ» И. Сырцова; «Очеркъ Исторіи соловецкаго мятежа» И. Соколова въ «Душепол. Чтеніи» 1887, № 2; «Стрѣльцкіе буйты» М. Погодина («Журн. Мин. Нар. Пров.» 1873, № 12); его же статья «Раскольники въ управленіе царевны Софіи и князя Хованскіе» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1874 г. № 12; «Варлаамъ Левинъ» Г. Есипова; «Самуилъ Выморковъ» М. Семейскаго; («Отеч. Зап.» 1866, №№ 8 и 9); «Моиахъ Самуилъ» С. Соловьева въ № 7 «Прав. Обзор.», за 1860 г.

Поморцы.

„Братья Денисовы“, Н. Барсова въ „Прав. Обзор.“, 1865, I. 17 и 18; „Выговская пустынь“, И. Чистовича («Чт. въ общ. ис. и др. Росс.», 1859, № 3); «Выговскіе понеры», Я. Абрамова—«Отеч. Зап.» 1884, № 34; «Выгорѣцкій лѣтописецъ» («Братское Слово», 1888, № 10); «Исторія Выговской пустыни», И. Филиппова; «Поморскіе отвѣты»—(есть нѣсколько изданій).

Ѳедосѣевцы.

«Исторія преображенскаго кладбища»—въ первомъ выпускѣ Кельсіевскаго «Сборника правит. свѣд. о раскольникахъ»; «Матеріалы для исторіи безпоповшинскихъ согласій», Н. Попова; «Историческая записка о Преображ. кладбищѣ», А. Сорокина («Истина», 1876, т. 45); «Уставъ Ѳедосіанъ», («Истина», 1871, кн. 19); «Извѣстна ли сущность Ѳедосѣевской секты», («Голось» 1866, № 310).

Филипповцы.

«Ученіе филипповской секты»,—4 вып. «Сборн. прав. свѣд. о раскольник.» «Филипповская старообрядческая часовня въ Москвѣ», А. В—скаго («Правит. Обзор.», 1864, № 1).

Странички.

«Странички», А. Розова («Вѣстн. Евр.» 1872, № 11, 12), «Бродячая Русь», С. Максимова, «Странички» И. Харламова («Р. Мысль», 1884, № 5 — 6); «Бѣгуны» А. Щапова печатались сперва въ «Отеч. Зап.» (1861, № 12), а потомъ въ

«Времени», 1862, № 10—11); «Краткая записка о бѣгунахъ», И. Аксакова «Р. Арх. 1866, № 4; «Странники», С. Приклонскаго, «Сѣв. Вѣстн.», 1888, № 9—10; «Возникновение страннической секты», И. Пятницкаго, «Странникъ» 1884, №№ 5—7.

Бѣглопоповцы. Вятка и Стародубье.

«Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», И. Алексѣева («Лѣтопись Русской Литер. и Древн.», 1862, № 4; «Исторія о краденомъ священствѣ»—«Истина», 1875, кн. 43); «О попыткахъ снабдить раскольниковъ епископомъ», (Прав. Соб., 1867, № 1—2; «Историческіе очерки поповщины» И. Мельникова (Рус. Вѣстн.» 1863—1867 гг.

Австрійское согласіе.

«Исторія Бѣлокриницкой іерархіи», Н. Субботина; «Бѣлая Криница» («Библ. для чт.», 1862, № 12; «Совр. лѣтописи раскола», Н. Субботина; «Окружное посланіе» см. въ 19-ой книгѣ «Истины» за 1871 г.; «Сказаніе объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи» («Братское Слово», 1891, № 14; «Къ Исторіи русскаго раскола» И. Юдина («Р. Стар.», 1894, № 1).

Единоувѣріе.

«Историческій очеркъ единоувѣрія», М. С—каго; «Правила единоувѣрія («Изв. по Каз. епархіи», 1870, № 3); Историческій очеркъ единоувѣрія» П. Смирнова («Вѣра и Разумъ», 1893, № 12); «Современные вопросы церковные» Т. Филиппова; «Исканіе старообрядцами въ XIV в. законнаго архіерейства», Т. Верховскаго.

Сектантство.

Происхожденіе сектантства. Исторія протестантизма въ Россіи Кульмана и Тверитинова.

«Матеріалъ для исторіи мистицизма въ Россіи», П. Сладкопѣвцева, ст. «Дух. Бес.», 1865, № 1, 27, 29, 1874, № 40, 41; «Странникъ», 1878, т. 3—4; «Исторія протестантизма въ Россіи», П. Соколова; «Памятники къ исторіи протестантизма въ Россіи», Д. Цвѣтаева (Чт. въ общ. ист. и др. Росс., 1889; «Квиринь Кульманъ», Тихонравова, «Р. Вѣстн.», 1867, № 11—12; «Дѣло о лекарѣ Тверитиновѣ»; «Пам. древней письменности», 1882; «Московскіе вольнодумцы XVIII в. и Стефанъ Яворскій», Н. Тихонравова, «Р. Вѣстн.», 1870. 1871; «Слѣдственное дѣло о московскихъ еретикахъ въ царствованіе Петра I, I. Терновскаго.

Хлыстовщина и скопчество.

«Секта хлыстовъ», К. Кутепова; «Люди Божьи», И. Добротворскаго; «Люди Божьи», Н. Реутскаго; «Иванъ Сусловъ и Прокопій Лупкинъ», И. Снегирева, «Прав. Обзор.», 1862, № 7; «Русскій престонародный мистицизмъ», Н. Барсова; «Хлыстовщина и скопчество», А. Рождественскаго; «Секта людей Божьихъ», Д. Куликовскаго, «Слово», 1880, № 9; «Дѣло о скопцѣ Елеонскомъ», И. Липранди, «Чт. въ общ. ист. и др. Россіи», 1867, № 8; «Излѣдованіе скопческой ереси», П. Надеждина; «Судебно-медиц. изсл. скопчества», Д. Е. Пеликана; «О скопцахъ» Пилецкаго; «Бѣлые голуби», П. Мельникова, «Р. Вѣстн.», 1869, № 3, 5.

„Духовный союзъ“ и ересь Котельникова.

«Наши мистики сектанты», Н. Дубровина, «Р. Стар.» 1895—1896; «Изъ исторіи мистицизма. Татарина и Головина», В. Фукса, «Р. Вѣстн.» 1892, № 1; «О сектѣ Татарина», Липранди, «Чт. въ общ. ист. и др. Росс.», 1868, № 4; «Ересь Котельникова», В. Жмакина, «Хр. чт.», 1882, № 11—12; «Библейская секта 20-хъ годовъ», «В. Евр.», 1871, № 3.

Духоборчество.

«Духоборцы. Ихъ ученіе», М. Тебенъкова; «Русская Старина», 1896, № 8; «Духоборцы», И. Харламова, «Р. Мысль», 1884, № 11; «О духоборцахъ» О. Новицкаго; «Записки о духоборахъ», И. Лопухина, «Чт. въ общ. ист. и др. Росс.», 1874, № 4; въ II книгѣ то же изданія за 1871 г. напечатано «Исповѣданіе духоборовъ»; «Матеріалы по исторіи русскаго сектантства», изданные за-границею. О толстовствѣ см. библиографическій указатель Ю. Битовта.

Молоканство.

«Воспоминанія о молоканахъ», Н. Костомарова, «Отеч. Зап.», 1869, № 3; «Молокане», Т. Эмера, «В. Евр.» 1879, № 9; «Вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ», изд. въ Женевѣ.

Штундо-баптизмъ

«Южно-русскій штундизмъ», А. Рождественскаго; «Религіозное движеніе на югѣ Россіи», К. Старинкевича, «Слово», 1880, № 6, 8; «Штундисты», В. Маврицкаго, «Прав. Обзор.», 1881, № 2—3; «Прошлое и настоящее штунды», Я. Абрамова, «Дѣло», 1889; «Рационализмъ на югѣ Россіи», «Отеч. Зап.», 1878, № 3, 5; «О причинахъ появленія рационалистическихъ ученій», А. Ушинскаго; «Штундисты», И. Харламова, «Р. Мысль», 1885, № 10, 11; «Баптизмъ», А. Б—ва, «Тр. Кіев. дух. акад.», 1890, № 10, 11.

Пашковщина

«Секта пашковцевъ». Г. Терлецкаго, «Прав. Обзор.», 1899; «Религіозныя мнѣнія пашковцевъ», І. Янышева, «Церк. Вѣстн.», 1880, № 11, 13; «Пашковцы» А. Пругавина, «Р. Мысль», 1884, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Противоцерковныя теченія на Руси до патріарха Никона.— Адрианъ и Дмитръ	7
Споры о постѣ въ среду и пятницу	9
Мартинъ	12
Стригольщики	15
Жидовствующіе	23
Матвѣй Башкинъ	42
Феодосій Косой	46
Старообрядчество. — Исторія исправленія богослужебныхъ книгъ	50
Патріархъ Никонъ	57
Начало раскола	68
Казнь расколоучителей	87
Раздѣленіе раскола на „согласія“	123
Безпоповщина.—Поморскій толкъ, Выговская пустынь	127
Федосѣевщина. Преображенское кладбище	148
Филипповщина	162
Странники	168
Поповщина	187
Единоувѣріе	222
Вопросъ о происхожденіи русскаго сектанства	236
Общая догма сектанства	259
Хлысты или люди Божьи	289
Скопчество	315
Новохлыстовство	362
Шалопуты	365
Духоборчество и связь его съ толстовствомъ	371
Молоканство	400
Штундо-баптизмъ	429
Пашковщина	436
Хиліастическое теченіе въ сектанствѣ	440

Въ книжномъ складѣ В. М. Тубинскаго.

„МАТЬ И ДИТЯ“. Соч. В. Н. Жука. Гигіена въ общественность.—II. Беременность.—III. Жизнь утробнаго младенца.—IV. Уходъ за новорожденнымъ.—V. Уходъ за родильницею.—VI. Одежда грудныхъ дѣтей.—VII. Дѣтская и ея принадлеж-ности.—VIII.—Мать пкормилица.—IX. Искусственное вскармливаніе.—X. Первые годы жизни. 8-е дополненное изданіе. Съ 294 рисунками. Спб. Ц. 3 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ВОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ.

«ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ» А. ВРЭМА. Брэмъ, всю свою жизнь посвятилъ изученію животныхъ, для чего совершилъ продолжительныя путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу,—вездѣ живя подолгу и изучалъ жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, познакомился со всѣми звѣрцами и зоологическими садами, дома у него была масса прпрученныхъ животныхъ для наблюденія и изученія ихъ. „Жизнь животныхъ“ Брэма, подъ редакцію К. К. Сентъ-Илера, является яе простымъ сокращеніемъ десяти томаго изданія, а есть переработанный трудъ опытнаго и заслуженнаго педагога, сохранившаго все существенное большаго изданія, но устранившаго все, что, по педагогическимъ началамъ, не должно быть изложено для юношескаго возраста. Такимъ образомъ повое изданіе, специально для юношества обоаго пола, даетъ возможность родителямъ, удовлетворяя любозательности своихъ дѣтей, дать имъ смѣло въ руки это изданіе, неопасаясь съ ихъ стороны встрѣтить вопросы, на которые часто нѣтъ возможности отвѣтить, состоить изъ трехъ томовъ, яапечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣи заключаетъ въ себѣ 2160 страницъ текста большаго формата, 690 рисун , исполненныхъвъ Библіографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова.

Содержаніе: I томъ. „Млекопитающія“. II томъ. „Птицы“. III томъ. „Пресмыкающіяся, гады, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія животныя“. Цѣна за три тома 9 р. съ перес. Имѣются въ роскошныхъ переплетахъ.

ЗВѢРИ, ПТИЦЫ И НАСѢКОМЫЯ. ЖИЗНЬ И ПРАВА. Сочиненіе профессора В. Гаака, съ рисунками, цѣна. 1 руб.; въ книгѣ помѣщ. слѣдующ.: рисун. Косуля.—Красный олень.—Лань.—Дикія свиньи въ болотѣ.—Полчокъ обыкновенный.—Садовая соя.—Орѣшниковая соя.—Кролики.—Лѣсная мышь.—Дикая кошка.—Насторожившаяся лисица.—Самка барсука.—Благородная куница.—Хорекъ.—Горностай.—Ежъ.—Непопырь.—Вальдшнепъ.—Тестерсъ-кочать.—Рябчикъ.—Салсанъ.—Осо-ѣдъ.—Красный коршунъ.—Ястребъ-Тетерсвятникъ.—Перепелятникъ или крагуй.—Лѣсная сова.—Свѣтлая неясыть.—Воробьиный сиринъ.—Горлицы.—Кукушка.—Черный дятель.—Вертиголовка.—Козодой.—Удодъ.—Воронъ.—Сорока.—Орѣшкова.—Скворецъ.—Иволга.—Пѣвчій дроздъ.—Зарянка.—Черноголовая славка.—Полевой сверчокъ.—Пѣночка.—Желтоголовый королецъ.—Крапвьякъ.—Спицца.—Поползень. Пшуха.—Жуланъ.—Мухоловка бѣлошейка.—Зябликъ.—Дубоносъ.—Еловикъ, чистый клецъ.—Сингрь.—Канареечный Вьюрокъ.—Чижикъ.—Копольянка.—Зеленушка.—Ящерица.—Мѣляница.—Огненнак или пятнистая саламандра.—Ирустъ.—Жукъодель.—Майскій жукъ.—Бронзовка.—Свѣтлякъ.—Долгоносикъ.—Пчелы.—Осы.—Муравьи.—Лѣсной наѣздинокъ.—Стекляница пчеловидная.—Обыкновенный древоточецъ.—Монашка.—Клопъ.—Зеленый кузнечикъ.—Крестовикъ.—Улитка, пр. пр.

БОРЬБА ЧЕЛОВѢКА СЪ ЖИВОТНЫМЪ Профессора К. Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Я. Фреякеля. Съ 31 рисункомъ, 160 стр., ц. 50 к. Когда мы разсматриваемъ борьбу между человѣкомъ и звѣремъ и изучаемъ различныя стадія ея, то мы и здѣсь встрѣчаемъ непостояяство боаппи побѣды, которая склоняется то на сторону одного противника съ его дружиной, то на сторону другаго. Изъ этого мы видимъ, что война—это борьба за существованіе, которая ведется въ природѣ, ведется непрерывно, не только между человѣкомъ и звѣремъ, но и между всѣми живыми существами. Растенія ведутъ эту борьбу въ то время, когда они густо сростаясь, помогаютъ воздуха и свѣта и болѣе или менѣе приравниваются къ свойству почвы; животныя—тогда, когда они борются изъ-за жилища и пищи, изъ за обладанія предметомъ своей страсти. Эта борьба можетъ выражаться въ состязаніи въ пѣвѣ, въ обладаніи болѣе красивой внѣшностью и опереніемъ или же въ состязаніи при помощи

оружія. Въ этой борьбѣ за существованіе человѣкъ тоже долженъ принять участіе: онъ долженъ защищаться отъ растеній, животныхъ, и своихъ собратьевъ. И именно борьба съ послѣдними самая трудная, такъ какъ она существуетъ повсюду: индивидуумъ борется съ индивидуумомъ, классъ народа съ классомъ народа, племя съ племенемъ, раса съ расой. Книга эта интересна и поучительна.

ОСНОВЫ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ПСИХОЛОГИИ и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Селли. Переводъ съ англійскаго подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р. 35 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. доущ. въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебн. зав.

ВУЛКАНЫ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ. Профессора Неймайръ. Переводъ С. Чернова 98 рисунковъ, 277 страницъ. С.-Петербургъ., 1903 годъ. Цѣна 90 коп. Физическія свойства земли.—Форма земли.—Вѣсъ земли.—Температура внутри земли.—Толщина земной коры и состояніе внутренности земли.—Вулканы.—Везувій.—Продукты вулканическихъ изверженій.—Теорія поднятія и теорія накопленія.—Флегрейскія поля. Прочіе вулканы Италіи.—Вулканы Атлантическаго океана.—Вулканы Европы, расположенныя за предѣлами Италіи.—Вулканы Азии, восточной Африки и Индійскаго океана.—Вулканы Америки.—Вулканы Великаго океана.—Число вулкановъ.—Дѣленіе вулкановъ.—Разрушеніе вулканическихъ горъ.—Причины вулканическихъ явленій. Землетрясенія.—О характерѣ землетрясеній.—Число и продолжительность землетрясеній.—Морѣтрясенія.—Всмірный потопъ.—Причины землетрясеній.—Способы изслѣдованія землетрясеній.

НАРОДОВѢДЕНІЕ. Гиберландтъ. Приватъ доцента въ Вѣнѣ. Перев. Гренсбурга. Спб. Съ 150 рисунками, ц. 60 к. Описаніе народовъ Америки, сѣверной и южной Австраліи. Папуасы, малайцы, японцы, индійцы, азіаты, монголы, популярныя народы. Африканскіе народы. Бушмены, готентоты, негры. Суданскіе негры. Народы средиземныхъ морей. Семитическое племя. Индоевропейскіе народы. Исторія—цивилизанія, культура—климатъ, міръ растеній, міръ животныхъ, минеральныя богатства, питаніе, сонъ, жилища, одежды, украшенія оружія, промышленность. Искусства, семья—родъ. Общество Государство, собственность, торговля, языкъ, музыка, театр, религія, наука, письменность, обряды, обычаи. Масса рисунковъ дѣлають эту книгу весьма наглядной и доступной всякому пониманію.

ЧУДЕСА ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ПИРАМИДЪ. Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра Карла Опеля. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправленный и дополненный по 4-му изданію подъ редакціей А. А. Быкова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, и главною съ птичьаго полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины. Спб. 1897 г. 3-е изд. 542 стр., ц. 3 р. 50 к.

ВОЗДУХЪ, ВОДА, СВѢТЪ И ТЕПЛО. Весьма общедоступн. лекціи по химіи профессора Р. Блохмана, переводъ В. Вольфсона 103 рисун. Спб. ц. 40 к. Предлагаемая книжка содержитъ изложеніе въ самой общедоступной формѣ важнѣйшихъ химическихъ свѣдѣній, крайне интересныхъ вообще, но приобретающихъ особый интересъ еще потому, что они составляютъ основу жизни нашего тѣла. Опыты, которыми поясняется изложеніе, просты и очень наглядны; многие изъ нихъ могутъ быть воспроизведены домаиными способами, при помощи самыхъ нехитрыхъ приспособленій.

ПЯТЬ ЧУВСТВЪ ЧЕЛОВѢКА. Соч. д-ра І. К. Крейбиха. Общедост. лекціи. Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. д-ра І. А. Шапиро Спб. 1903 г. 148 стр. Ц. 45 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. доущ. въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебн. заведеній.

КАРТИНЫ РАСТИТЕЛЬНОСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРАВЫ ПТИЦЪ И ЖИВОТНЫХЪ. Соч. Мазіуса. Перев. съ нѣмецкаго женщины-врача Е. Вурафтъ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова. Спб. 1906 г. 300 стр. большого формата, съ рисунками и въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к. Лѣсныя деревья: Кипарисъ.—Пинія. Сосна.—Пихта.—Ива.—Тополь.—Черный тополь. серебристый тополь.—Осина, береза.—Ольха.—Дубъ.—Букъ. (*Fagus sylvatica*). Визъ.—Липа.—Изъ жизни птицъ: Голубь.—Лебедь.—Аистъ.—Орелъ.—Коршунъ.—

Соколь. — Ястребъ. — Вальдшнепъ. — Тетеревъ. — Рябчикъ. — Скворецъ. — Соловей. —
Лягушка. — Ракъ и омаръ. — Лисица. — Лугъ. — Степь. — Хвойный лѣсъ. — Лиственный
лѣсъ. — Нива. — Изъ жизни животныхъ: Верблюды. — Лось. — Лошадь. — Кошка. — Яще-
рица. — Змѣя. — Китъ. — Муравьи. — Бамбукъ. — Словъ. — Тюлени. — Илль. — Облака.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МОЛОДОГО НАТУРАЛИСТА. Соч. Вѣра Перев. съ 15 изданій
С. Бриллианта, съ 130 рисунками, въ панкѣ, 400 стр., ц. 1 р. 35 к. Кто мы такіе? —
Грегале. — Выходъ солнца. — Сахарный тростникъ. — Ночлсгъ. — Сахаръ. — Грегале въ
потокѣ. — Идея. Энкюрадо. — Ужнвъ пндѣйцевъ. — Пробужденіе. — Миръ лиллипутовъ. —
Энкюрадо и бутылки. — Чертопологъ. — Индѣйскіе угольщики. — Трудное восхожденіе. —
Коза. — Индѣйцы. — Табакъ — Игра съ быкомъ. — Люсьенъ вооружается. — Ветушникіе
въ пустыню. — Лѣсъ. — Вороны — Первый бивуакъ. — Бѣлки. — Маленькій путешатель.
Гимнъ въ пуетынѣ. — Кофе. — Скипидаръ — Трогонъ. — Сосновыя иглы. — Три вулкана въ
виду. — Жужелица. — Скорпионы. — Саламандры. — Тревога. — Мазъ изъ кошачьихъ ногъ.
Тату. — Напоротникъ. — Обрушвшаняя гора. — Пикъ. — Василскъ. — Новая затѣя.
Энкюрадо. — Пиръ коршуновъ. — Драконое дерево. — Коралловая змѣя. — Филиппъ. —
Мексиканскіе кроты. — Туканы. — Сороконожки. — Энкюрадо портной. — Захожденіе
солнца. — Южный вѣтеръ. — Ураганъ. — Дурно проведенная ночь. — Бивуакъ у выхода въ
гротъ. — Грегале и жукъ — Гнѣзда термитовъ. — Импровизированная лампа. — Первый
осмотръ грота. — Свѣтъищія щелкуны. — Готическій залъ. — Сталактиты и сталагмиты.
— Кладбище хихимеговъ. — Дерево трескалка. — Двухъутробка съ дѣтьми. — Земляныя орѣхи.
Пиръ дикихъ кошекъ. — Новая экскурсія въ гротъ. — Раскопка могилы. — Ускореннымъ
маршемъ. — Ланцаногія. — Крестоцвѣтныя растенія. — Раствительное мыло. — Влудо
Энкюрадо. — Зонтичное растеніе. — Пивка. — Неожиданный гость. — Дикіе георгины.
— Печальное приключеніе. — Молочайники. — Энотъ-полосукунъ. — Потокъ. — Энкюрадо
шляпочный маестеръ. — Новый способъ изгонять злыхъ духовъ. — Ангина. — Мура-
вейникъ. — Стадо зайцевъ. — Черный игуанъ. — Новая страна. — Воспоминаніе дѣтства.
Миражъ. — Огонь въ долинѣ. — Роса и туманъ. — Холодная земля. — Вѣтры. — Фигонное
дерево. — Кактусъ. — Вицнага Потерянная надежда. — Донъ Бенито Кайотенекъ. —
Чернокожіе и бѣлые люди. — Мы дѣлаемъ столырами. — Энкюрадо — проповѣдникъ —
Латаніи. — Ястребъ. — Затруднительное положеніе. — Энкюрадо устрепастъ баль. —
Наросты на листьяхъ. — Бездна. — Настурция. — Портулаковый салатъ. — Обманутые
охотники. — Насѣкомые копатели. — Цициделлы. — Кактусъ и Кошнвалъ. — Мекси-
канское вино. — Прощаніе съ нашими хозяевами. — Въ дорогу! — Паукъ птицеѣдъ.
Тараканъ. — Куница и воючий хорекъ. — Бѣлка-летунья — Дерево курма. — Выдра. —
Энкюрадо раненъ. — Трудный переходъ. — Лпы. — Голуби. — Антильскія вишни. — Ужъ
Жаркая полоса. — Земляная бѣлка. — Мышиное гнѣздо. — Птицы-мухи и коллибри.
— Лѣсная курица. — Стручковое дерево. — Тлалкылоты — Сверчки — Переходъ черезъ
лѣсъ. — Форсированный маршъ. — Волшебный ручей. — Москиты. — Обѣтованная земля.
Обезьяны. — Энкюрадо и понуганъ. — Тренгале приводитъ гости. — Кугуаръ или амери-
канскій левъ. — Рѣка. — Пальмовая вила. — Черепашья яйца. — Каравайка — Цапля и
фламинго. — Кампешевое дерево. — Муравьи за работой. — Насѣкомыя — паразиты. —
Дикая кошка и муравѣдъ. — Ваниль. — Розовыя колпцы. — Обезьяны. — Мы заблу-
дпись. — Ночное посѣщеніе. — Паденіе дерева. — Печальная ночь. — Ускоренный маршъ.
Обезьяны. — Змѣя. — Мы отдѣлываемся страхомъ. — Буря. — Мы етронъ плоть. — Змѣя-
олень. — Прощанье съ Пальмовой вилой. — Слѣпины. — Гремучая змѣя. — Окочотли.
— Ара. — Ходули. — Бѣгство охотниковъ. — Мексиканскія енвины. — Неудачный маестеръ.
Тонкоко. — Ягуаръ — Ибисъ. — Американскій крокодилъ. — Токари. — Витва Энкюрадо.
Буйволы. — Царь коршуновъ. — Pinillos. — Испугъ Энкюрадо — Гапиръ — Прощанье
съ рѣкой. Добыча Льва. — На ночь. — Отравленіе въ путь. — Саванна. — Носилки.
— Исчезновеніе Энкюрадо. — Мы покидаемъ Жоне и Верде. — Япа осужденъ на смерть.
Жажда. — Возвращеніе Энкюрадо. — Маленькая Одиссея. — Жоне, Верде и Ружетта. —
Охота за дикими лошадьми. — Чудовище. — Последнее приключеніе. — Умѣренная
полоса. — Возвращеніе.

Учсп. Ком. Мин. Нар. Пров. доущ. въ ученческой бібліотеки низшихъ
училищъ.

ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ К. ФЛАММАРІОНА. Съ 190 рисунками, чертежами и
картинками. Переводъ Гальперина. Сиб. 1903 г. 292 стр., ц. 80 к.

„Можно безошибочно сказать, что имя Камилла Фламмаріона одинаково по-
пулярно и во Франціи и въ Россіи. Причина этого та, что въ своихъ многочисленныхъ
произведеніяхъ этотъ астрономъ удивительно удачно умѣетъ соединять есрьезную

научность съ популярнымъ, живымъ изложеніемъ. Такими же достоинствами отличается и предлагаемое капитальное сочиненіе. Вообще, слѣдуетъ признать, что, благодаря разматриваемой книгѣ Фламмаріона, можно изучить астрономію постольку, поскольку астрономическія данныя доступны для пониманія безъ математической подготовки“.

ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ въ вопросахъ и отвѣтахъ д-ра Клейна. Перев. съ нѣмецкаго, послѣднее изд. Спб. съ многочислен. рисунками, ц. 1 руб. предлагаемый катехизисъ астрономіи, составленный извѣстнымъ ученымъ популяризаторомъ д-ромъ Клейномъ, явится желаннымъ руководствомъ. Здѣсь они найдутъ изложенное въ ясной и общедоступной формѣ объясненіе новѣйшихъ данныхъ строенія, системы и законовъ движенія небесныхъ тѣлъ. Особая глава посвящена объясненію астрономическаго основанія календаря, близко касающагося всѣхъ и каждаго, но мало кому понятнаго. Избранная авторомъ форма катехизиса, наименѣе утомляя вниманіе читателя, чрезвычайно облегчаетъ отысканіе отвѣтовъ на интересующіе его отдѣльные вопросы, не вреди системѣ изложенія и цѣльности впечатлѣнія при послѣдовательномъ чтеніи книги.

ПОЧЕМУ И ПОТОМУ. По системѣ Отто Уле для учащихся въ семьѣ и школахъ. Зоологія и Ботаника. 800 вопросовъ и отвѣтовъ, по зоологіи и ботаникѣ съ 111 рисунками, составилъ Р. Гротриазъ. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Френкеля. Спб., 1904 г. ц. 65 к. Книга, которую мы предлагаемъ вниманію читателей, написанная вполне доступнымъ языкомъ и охватывая въ своемъ содержаніи не только вопросы общаго характера, но и (даже преимущественно) частные факты, могущіе возбудить лѣбознательность каждаго человѣка, при столкновеніи его съ окружающею природой,—книга эта можетъ быть рекомендована даже, какъ популярное руководство для изученія жизни животныхъ и растеній. Форма изложенія, авторомъ принятая, имѣетъ за себя много: нѣтъ сомнѣній, что-либо, изложенное въ видѣ вопроса и отвѣта, гораздо легче, чѣмъ при описательномъ изложеніи.

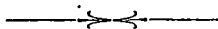
ГИБЕЛЬ ИЕРУСАЛИМА. Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасіана и Тита. Сочиненіе Гентя. Переводъ М. И. Ловцовой. Съ рисунками англійскихъ художниковъ. С.-Петербургу. Ц. 1 р. 25 к. Г. Иерусалимъ—священный городъ іудейскаго народа, былъ основанъ въ глубокой древности царемъ Давидомъ. Сынъ его, царь Соломонъ, воздвигъ въ немъ въ 1012 г. до Р. Х. знаменитый Храмъ на Сіонскихъ высотахъ. Храмъ этотъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, „превосходилъ великолѣніемъ всѣ другія человѣческія сооруженія“.

Римское владычество надъ Иерусалимомъ установилось при Помпей въ 63 г. до Р. Х. Сначала оно, казалось, удовлетворяло условіямъ жизни іудейскаго народа, но подчиненіе язычникамъ, хотя и относящимся съ уваженіемъ къ церковнымъ учрежденіямъ страны, само по себѣ уже казалось іудеямъ грѣхомъ противъ закона Моисеева, и присутствіе римскихъ воиновъ въ Иерусалимѣ близъ храма сильно раздражало ихъ. Разстройство государственнаго и общественнаго порядка достигло высокой степени въ послѣдніе 20—30 лѣтъ передъ паденіемъ Иерусалима, которое произошло послѣ четырехъ-лѣтней осады при Веспасіанѣ и Титѣ.

Междоусобныя распри іудеевъ, и раздѣленіе ихъ на партіи, ослабили ихъ, и вовлекли въ борьбу съ побѣдоносною римскою имперіею, которая, несмотря на мужественное сопротивленіе евреевъ, разгромивъ Иерусалимъ и разсѣявъ громадное населеніе страны, овладѣла несмѣтными сокровищами храма.

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРІЯ, ветхого и новаго завета. Протоіерея Іоанна Базарова съ 110 картинками художника Крюкова, и 16 отдѣльныхъ картинъ художника Дора. Отпечатаны въ два тона, въ красной хромолитографированной папкѣ 285 стр. Цѣна 1 руб.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІИ Краткій очеркъ религіозныхъ вѣроисповѣданій. Сочиненіе Англійскаго Священника Е. Д. Прайса, переводъ съ послѣд. изд. М. Ловцовой. Церковь первыхъ шести вѣковъ, Римско-католическая Церковь, Греческая Церковь, Протестантскія Церкви, лютеранская Церковь, Англиканская Церковь, Пресвитеріанская Церковь, Баптисты, Индепенденты, Методисты, Квасеры, Свендборгианизмъ, Секта Ирвингיאвъ, Унитаризмъ, различныя другія секты. Ц. 50 к.

Лучи свѣта. Сочиненіе философа Шопенгауэра. Извлечено изъ поднаго сочиненія Ю. Францевшдетомъ, переводъ В. П. Маракуса. 2-ое изд., 327 стр., ц. 1 р.

Эстетика. Популярное изложевіе. Ученіе о прекрасномъ и объ искусствѣ. Сочиненіе Прельса, переводъ съ нѣмецкаго В. Владимірова, подъ редакціею В. В. Чуйко. Спб., ц. 1 р. 20 к.

Популярная политическая экономя. Соч. Фаусттъ. Переводъ съ 7-го англійскаго изданія М. П. Ловцовой, подъ редакціею и съ предисловіемъ Н. Дружинина. 2 изд. Спб., ц. 80 к.

Руководство нъ выразительному чтенію. Сост. М. М. Бродовскій. (Искусство художественнаго чтенія вслухъ и декламированія). Съ приложеніемъ образцовой хрестоматіи для практическихъ упражненій въ техническихъ и художественныхъ примѣрахъ искусства выразительнаго чтенія, 2-ое, значительно дополненное, съ 17 объяснительными рисунками и чертежами. Спб. 1904 г. 416 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чтеніе, нанъ искусство Сост. академикъ Лсгува. Перев. съ 31-го французскаго изданія. 4-е изданіе. Спб., 1903 г., ц. 1 р.

Наука о нравственности (этика). Изложеніе этическихъ принциповъ и ихъ примѣненіе къ частнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Соч. профессора копенгагенскаго университета д-ра Гаральда Геффдингга. Переводъ подъ редакціею Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1898 г. ц. 1 р. 75 к.

„Во время оно“. Бэнъ Хуръ. Повѣсть время земной жизни Иисуса Назорса. Соч. Уолдсса. 2-е изданіе съ 75 рисунками. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Герберта Спенсера. Новый полный переводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Соб., 2-е изданіе, ц. 75 к. Исповѣдь. Соч. Жакъ Жакъ Руссо. Переводъ подъ редакціею Н. А. Бердяева. 604 стр. ц. 2 р.

Историческія женщины. Человѣческая трагикомедія Юганна Шерра. 2-е изданіе 1906 г., ц. 1 р. 50 к.—Аспазія.—Тусендья.—Мессалина.—Элопа.—Юанна д'Аркъ.—Два королевы: Елсавета и Марія Стюартъ.—Изаона де Ланкло.—Матильда Датская Марія Антуанетта.—Квродина Англійская.—Сѣверная Семирамѣда, Екатерина II.

Историческіе дѣятели. Человѣческая трагикомедія Юганна Шерра. Переводъ П. Мазуренко. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 20 к.—Грозный царь, Иоанъ IV.—Лже-Дмитрій.—Кромвель. Трагедія русской государствен. жизни.—Король-сумасбродъ.—Карлъ XII.—Мирабо и Марія Антуанетта.—Парижъ 1789—1793 (во время террора). Декабрьскій терроръ 1848—1851 г.г.—Пророкъ Магометъ и пр.

О свободѣ. Соч. Джонъ Стюартъ Милль. Переводъ съ послѣдняго англійск. издан. М. Ловцовой. Спб., изд. 2-ое, 75 к.

Ученіе современнаго социализма коммунизма. Г. Зибеля. Спб., ц. 15 к.

Эгоизмъ. Популярный социально-психологическій этюдъ (Индивиду, семья, социальная группа—Пролетаріатъ и общественный строй будущаго). О. П. Ивановой, ц. 15 к.

М. А. Бакунинъ. Биографическ. очеркъ политич. дѣятельности съ портретомъ сост. Андерсонъ, ц. 20 к.

Парадоксы въ поискахъ за истиной. Соч. Максъ Нордву. Полный переводъ М. С. Модель, 359 стр., ц. 1 р. Спб. Отъ переводчика.—Предисловіе въ первому изданію. Впушеніе (Subjecіon)—Благодарность.—Содержаніе поэтической литературы.—Очеркъ естественной исторіи любви.—Эволюціонная эстетика.—Спмметрия.—Обобщеніе.—Гдѣ истина?—Государство и индивиду.—Национальность.—Взглядъ на будущее. Нужно прибавить, что сочиненіе Нордау „Парадоксы“ одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ.

Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка, умственное и общественное состояніе дикарей. Соч. сэра Джона Лесбока, 2-е изд. и доп. по 5-му англійскому изд. (1899 г.) подъ редакціею Д. А. Коробчевскаго. Спб. 1896 г., ц. 2 руб.

Соціально-демонстратическія картинны будущаго. (Записки соціально-демократы). По Бебелю. Евгеній Рихтеръ, члесп германскаго рейхстага. Переводъ съ нѣмецкаго М. Ю. Гюнсбурга, Спб., ц. 20 к.

Буддизмъ. Очеркъ жизни и ученія Гаутамы Будды профессора Т. Ризъ-Данвдсъ. Переводъ съ 18 англійскаго изданія М. Гюнсбурга. Спб., 254 стр., ц. 80 к. ОГЛАВЛЕНІЕ: 1) Введеніе. 2) Жизнеописаніе Будды. 3) Существенныя ученія буддизма. 4) Буддская мораль. 5) Орденъ иппенствующихъ. 6) Легенда о Буддѣ. 7) Тибетскій буддизмъ. 8) Распространскій буддизмъ. Книга написана популярно, и предметъ обхваченъ всесторонне.

„Самовоспитаніе воли“ Ж. Пано. Перев. И. Ропгофа. Спб., ц. 30 к.

130
2
Борьба человека съ животными. Профессора К. Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. А. Френкеля. Съ 31 рисункомъ 160 стр. ц. 50 к.

Самовоспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Джонъ Стюартъ Блэкъ, перев. съ 20-го англійскаго изданія, съ дополненіемъ и примѣчаніями В. Волфсона. Спб. ц. 50 к.

Пять чувствъ человека. Соч. д-ра І. Е. Крейбиха. Общедост. лекціи. Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмц., подъ редакц. д-ра І. А. Шапиро. Спб. 148 стр. ц. 45 к.

Юный гражданинъ, его права и обязанности. Соч. Арнольда Форстеръ. Съ рисунками. Спб. ц. 35 к. Задача этой книги—обучить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, правамъ, обязанностямъ и привилегіямъ британскихъ гражданъ. Въ простой и доступной формѣ въ ней приводятся свѣдѣнія о началахъ законодательнаго и административнаго устройства страны, объясняются значеніе и цѣнность главныхъ народныхъ вольностей и излагаются обязанности британскихъ гражданъ къ своей родинѣ, соотечественникамъ и себѣ самимъ.

Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора, Н. Фауэ (Фауе), члена парижской академіи наукъ съ дополненіемъ защиты гипотезы Лапласа и теоріи Кирквуда, Трубриджа, Ньюкома, Г. Х. Дарвина, а также критика теоріи Н. Фауэ (изъ соч. Космогоническія гипотезы (Les hypothèses cosmogoniques), К. Вольфа, члена парижской академіи, астронома обсерваторіи. 3-е изданіе. Спб. 1905 г., п. 1 р. 25 к.

Характеры и нравственное воспитаніе. Соч. Ф. Кейра. Пер. Мазуренко. Спб. 1906 г., 130 стр., ц. 40 к. Цѣль книги—критическое опредѣленіе характера имѣетъ съ классификаціей и изученіемъ главныхъ его разновидностей; разслѣдованіе качествъ, развитіе и вызвать, которыя должно быть цѣлью воспитанія, и въ то же время указаніе главныхъ средствъ, которыми оно можетъ располагать для достиженія этихъ цѣлей. Примѣры, приводимые въ подтвержденіе описаній и разслѣдованій, большей частью взяты изъ среды историческихъ личностей, потому что у нихъ извѣстныя черты характера, притомъ всѣмъ знакомыя, проявляются болѣе ярко и отчетливо. Дѣло каждаго разобраться въ этомъ отношеніи и примѣнить къ себѣ то, что имѣетъ къ нему отношеніе.

Народовѣдѣніе. Гиберландтѣ, приватъ-доцента въ Вѣнѣ. Перев. Гренсбурга. Спб. 1907 г. Съ 150 рисун. ц. 60 к.

Божественная комедія. Соч. Данте-Аллегеріи. 1 т. Адъ. Переводъ В. В. Чуйко, со ступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французскихъ художниковъ и съ портретомъ автора., Спб. 1895 г., ц. 1 р. 50 к. 2 т. Чистоплице. Пер. В. В. Чуйко, съ 75 рисунками. ц. 1 р. 25 к. 3 т. Рай. Переводъ В. В. Чуйко, съ 74 рисунками, ц. 1 р. 25 к.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ. Поэма Джона Мильтона. Полный переводъ съ англійскаго П. А. Каншина, съ рисунками и портретомъ автора.—Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому исполненію ея, обезсмертившему имя автора, блестяще справившагося со своею мудреною задачею—изобразить перпобытнаго человека.—1 р. 50 к.

ПУТЬ КЪ СЧАСТЬЮ. Какъ надо жить (Der Weg zum Glück). Соч. доктора философіи, проф. Фридриха-Кирхнера, автора „Исторія философіи“. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Алексѣя Маркова подъ редакцію съ примѣчаніями А. А. Быкова. Спб. 358 стр., ц. 75 к.

СТРАСТИ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Любовь, ненависть, ревность, измѣна и порожденные ими преступленія. Сост. М. А. Орловъ. Спб. 1902 г., ц. 85 к.

ИЗБРАННЫЯ АФОРИЗМЫ И МЫСЛИ Ф. НИЦШЕ. Перевелъ М. Моделя. 231с тр., ц. 75 к. Въ предлагаемой книгѣ читатель найдетъ прекрасную біографію Ницше, составленную профессоромъ Лихтенбергсромъ, въ которой широкими штрихами обрисована его личность и условія развитія его умственныхъ способностей, характера, нравственныхъ качествъ и всей внутренней жизни вообще, а также собраны лучшіе и наиболѣе интересные отрывки изъ всѣхъ сочиненій Ницше, не исключая и тѣхъ, которые не появлялись въ отдѣльномъ изданіи.